РУКОВОДСТВО

КЪ

РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ

П. Знаменскаго.

Изданіе исправленное и дополненное.

КАЗАНЬ.
Въ Университетской Типографіи.
1886.

От Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется, 25 Августа 1885 г.

Цензоръ Экстраординарный Профессоръ Академіи *Андрей Волковъ*.

1. НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ.

Христіанство въ Россіи до Славянъ. Древнее преданіе, занесенное въ русскую лѣтопись, говоритъ, что начало христіанства въ Россіи положено еще св апостоломъ *Андреемъ Первозваннымъ*: проходя съ своею проповѣдью Өракію, Скиөію и Сарматію, онъ доходилъ будто бы до днѣпровскихъ горъ, гдѣ послѣ возникъ Кіевъ, благословилъ ихъ и предрекъ, что на нихъ возсіяетъ благодать Божія. Но послѣ этого еще долгое время мы не видимъ никакихъ признаковъ христіанства по всему пространству будущей Русской земли за исключеніемъ только самыхъ южныхъ ея предѣловъ, гдѣ находились старинныя черноморскія колоніи Грековъ и гдѣ находимъ очень древніе его слѣды, можетъ быть, дѣйствительно относящіеся ко временамъ св. ап. Андрея. Въ III вѣкѣ на устьяхъ Дуная была цѣлая епархія Скиөская или Томитанская. Въ Крыму христіане были еще во дни св. *Климента римскаго*, который былъ сосланъ сюда изъ Рима въ 94 году; въ IV в. упоминаются здѣсь епархіи Херсонская и Босфорская, въ VII и VIII Сурожская и Фульская. Въ IV вѣкѣ была епархія у Готөовъ, жившихъ между Дономъ и Днѣстромъ. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сѣмена христіанства весьма удобно могли конечно заноситься и въ Россію, но едва ли могли здѣсь прививаться, потому что падали, такъ сказать, при пути, на большой дорогѣ, по которой непрестанно двигались въ Европу разныя азіатскія орды.

Христіанство у Славянъ русскихъ. Болѣе благопріятныя условія для успѣховъ здѣсь евангельской проповѣди настали съ неопредѣленнаго времени поселенія въ предѣлахъ Россіи осѣдлаго народонаселенія племенъ славянскихъ. Славяне были издавна близко знакомы съ Греціей, куда они ѣздили вмѣстѣ съ Варягами для грабежа, для торговли и для службы въ войскѣ императоровъ. Есть кое какія извѣстія и о результатахъ этого знакомства ихъ съ христіанской имперіей, о случаяхъ принятія ими христіанства. Таково извѣстіе житія *св. Стефана сурожскаго* († 787 г.) о нѣкоемъ славянскомъ князѣ *Бравалинѣ*, который

вскорѣ послѣ смерти святаго напалъ съ дружиной на Сурожъ, разграбилъ его, хотѣлъ ограбить и мощи Стефана, но былъ пораженъ чудесною силой и крестился. Точно такой же разсказъ о крещеніи Россовъ, напавшихъ на Амастриду (въ Пафлагоніи), передается въ житіи *св. Георгія амастридскаго.*—Въ половинѣ IX вѣка Болгарія, Моравія и Паннонія услышали евангельскую проповѣдь на славянскомъ языкѣ отъ святыхъ братьевъ *Кирилла* и *Меѳодія,* которые изобрѣли славянскія письмена и переложили на славянскую рѣчь св. Писаніе и богослужебныя книги. Около того же времени призваніемъ князя *Рюрика* въ Новгородѣ было положено начало Русскаго государства, которое должно было воспользоваться трудами Кирилла и Меѳодія болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ странъ; княжеская власть стала соединять разрозненныя славяно-русскія племена въ одинъ народъ и такимъ образомъ пролагать путь къ будущему всенародному крещенію Руси.

Кіевскіе князья *Аскольдъ и Диръ* первые подпали подъ вліяніе православной Византіи и подготовили ему путь въ Россію. Въ 866 г. они сдѣлали набѣгъ на Царьградъ и сильно напугали Грековъ. Послѣ усердной молитвы императоръ *Михаилъ III* и патріархъ *Фотій* съ крестнымъ ходомъ изнесли на берегъ Босфора чудотворную ризу Богоматери и погрузили ее въ воду. Поднялась буря и стала топить суда Руссовъ; только не многіе изъ варваровъ воротились домой. Пораженные чудомъ, князья просили себѣ крещенія. Посланный къ нимъ епископъ произвелъ на Кіевлянъ большое впечатлѣніе какъ своею проповѣдью, такъ особенно чудомъ, бросивъ въ костеръ Евангеліе и потомъ вынувъ его изъ огня невредимымъ. Многіе Руссы тогда же крестились. Вѣроятно крестились и князья; по крайней мѣрѣ извѣстно, что кіевскіе христіане на могилѣ Аскольда имѣли послѣ церковь св. Николая.

По убіеніи Аскольда и Дира княземъ въ Кіевѣ сталъ *Олегъ,* переѣхавшій сюда изъ Новгорода. Онъ тоже совершилъ походъ на Царьградъ, успѣлъ даже взять этотъ городъ и заключилъ съ Греками выгодный миръ. Когда его послы были въ Греціи для заключенія мира, Греки по приказанію императора водили ихъ по церквамъ, показывали разныя святыни и давали наставленія въ вѣрѣ. Послѣ заключенія договора Русскіе чаще стали ходить въ Византію для торговли, жили тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ при монастырѣ св. Маммы и ближе знакомились съ православіемъ; другіе поступали на службу къ императору. Въ 946 г. преемникъ Олега *Игорь* тоже заключилъ договоръ съ Греками; въ этомъ договорѣ Русь раздѣляется уже на крещеную и некрещеную; первая клялась въ соблюденіи договора при кіевской церкви св. Иліи.

В. кн. Ольга. Вдова Игоря *Ольга*, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, какъ ее называетъ лѣтопись, убѣдившись въ превосходствѣ христіанской вѣры предъ языческою, сама пожелала креститься. Въ 957 году, уже 67 лѣтъ отъ роду, она поѣхала въ Царьградъ, будучи по всей вѣроятности еще раньше оглашена евангельскимъ ученіемъ отъ православныхъ пастырей Кіева; одного изъ нихъ именемъ *Григорія* мы видимъ даже въ числѣ ея спутниковъ. Крещеніе ея совершено было самимъ патріархомъ *Поліевктомъ*; воспріемникомъ былъ императоръ *Константинъ Багрянородный*. Съ княгиней въ Царьградѣ были ея племянникъ, многія знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики; многіе изъ нихъ тоже крестились. По возвращеніи въ Россію Ольга,—въ крещеніи *Елена*,—до самой кончины своей сіяла благочестивою жизнію, „аки луна въ нощи", среди язычниковъ. Она уговаривала къ принятію христіанства и сына своего *Святослава*, но онъ не хотѣлъ и слышать о крещеніи. Новая вѣра была совершенно не по характеру этого дико-воинственнаго князя и его дружины; надъ тѣми, кто принималъ крещеніе, дружина и князь смѣялись. Но за то по всей вѣроятности она имѣла не малое вліяніе на дѣтей Святослава, при которыхъ оставалась воспитательницею во время постояннаго отсутствія его изъ Кіева. Есть позднія извѣстія, что св. княгиня ѣздила изъ Кіева по городамъ и весямъ земли русской для проповѣди христіанства. Она скончалась въ 969 году. Сравнивая ея значеніе съ значеніемъ св. Владиміра, лѣтописецъ называетъ ее „зарей утренней, предваряющею солнце". Церковь наименовала ее равноапостольною и причла къ лику святыхъ.

Послѣ кончины Ольги Святославъ воздвигъ на христіанъ гоненіе, знакъ того, что новая вѣра обратила на себя серьезное вниманіе языческой партіи. При его дѣтяхъ *Ярополкѣ* и *Олегѣ*, помнившихъ наставленія своей бабки, участь христіанъ опять облегчилась; надобно замѣтить при этомъ, что у Ярополка и жена была христіанка, какая-то плѣнная Гречанка монахиня. Въ 1044 году в. кн. *Ярославъ* крестилъ кости Ярополка и Олега; этотъ странный фактъ объясняютъ именно тѣмъ, что Ярославъ слышалъ о расположеніи своихъ дядей къ христіанству. Оба князя погибли въ усобицѣ. Ихъ младшій братъ *Владиміръ*, сѣвшій послѣ нихъ въ Кіевѣ, былъ еще ребенкомъ, когда умерла Ольга, и меньше другихъ братьевъ подпалъ подъ ея вліяніе; потомъ онъ, тоже еще въ дѣтствѣ, увезенъ былъ въ Новгородъ, гдѣ христіанство было менѣе извѣстно, чѣмъ въ Кіевѣ, и выросъ тамъ подъ вліяніями старой вѣры. Отъ этого занятіе имъ кіевскаго стола было вмѣстѣ и торжествомъ языческой стороны въ Кіевѣ надъ христіанскою.

Владиміръ до крещенія. Новый князь съ дядей *Добрыней* на первыхъ порахъ показали большую ревность къ язычеству, стали

ставить и украшать въ Кіевѣ кумиры. На холмѣ предъ своимъ дворомъ князь поставилъ Перуна деревяннаго, а голова серебряная, усъ золотой, Хорса-Дажбога, Стрибога, Волоса, Симаргла, Мокоша. По словамъ лѣтописи никогда еще въ русской землѣ не было такого гнуснаго идолослуженія, какъ теперь. Въ 983 г. послѣ счастливаго похода на Ятвяговъ рѣшено было принести богамъ даже человѣческую жертву. Жребій палъ на одного христіанскаго юношу *Іоанна* сына Варяга *Θеодора*. Отецъ не хотѣлъ выдать сына и оскорбилъ язычниковъ обличеніемъ ихъ безумія. Яростная толпа убила обоихъ. Судя по немногимъ извѣстіямъ лѣтописи, в. князь обладалъ широкою натурою, способною ко всякимъ излишествамъ. Былины народныя помнять о его разгульныхъ пирахъ съ дружиною. У него было 5 женъ и 800 наложницъ, кромѣ того онъ приводилъ къ себѣ и другихъ женъ и дѣвицъ на растлѣніе и, по выраженію лѣтописи, былъ несытъ блуда, какъ Соломонъ. Но эта же самая широта натуры дѣлала его способнымъ и къ коренному нравственному перевороту.

Славяно-русское язычество, не смотря на свое торжество, было не въ состояніи бороться ни съ одной изъ окружавшихъ его религій, ни съ мухаммеданствомъ Болгаръ, ни съ іудействомъ Хазаръ, ни съ католичествомъ запада, ни тѣмъ болѣе съ православіемъ Грековъ. А всѣ эти религіи дѣлали на него сильный напоръ, какъ это ясно видно изъ преданія о приходѣ къ Владиміру изъ разныхъ странъ пословъ съ предложеніемъ разныхъ вѣръ. Самая ревность князя къ языческой вѣрѣ должна была повести только къ большему обнаруженію ея несостоятельности и ускорить переворотъ въ убѣжденіяхъ князя и лучшихъ людей. Начался выборъ новой вѣры. Этотъ выборъ, подробно изображенный въ занесенномъ въ лѣтопись сказаніи о бесѣдѣ Владиміра съ миссіонерами разныхъ религій, склонился на сторону греческаго православія. Греческій миссіонеръ, по этому сказанію, сильно подѣйствовалъ на Владиміра своимъ ученіемъ объ искупленіи и будущей жизни и особенно иконою страшнаго суда, которую показалъ князю. По уходѣ его князь созвалъ дружину и градскихъ старцевъ и по совѣту ихъ послалъ десять разумнѣйшихъ мужей въ разныя страны для испытанія разныхъ вѣръ на мѣстѣ. Ничья вѣра такъ не понравилась этимъ посламъ, какъ греческая. Воротясь въ Кіевъ, они разсказывали, что въ греческомъ храмѣ они не знали, гдѣ стояли, на небѣ или на землѣ. Въ Кіевѣ нашлось и другое доказательство въ пользу православія,—примѣръ в. кн. Ольги, которая „была мудрѣе всѣхъ человѣкъ“. Рѣшено было креститься, ждали только удобнаго случая къ этому: „пожду еще немного“, говорилъ князь.

Крещеніе Владиміра. Въ 988 г. войско Владиміра осадило Корсунь. Подобно другимъ языческимъ вождямъ, князь далъ обѣтъ креститься въ случаѣ побѣды. Взявъ городъ, онъ потребовалъ у тогдашнихъ императоровъ *Василія* и *Константина* руки ихъ сестры *Анны* и обѣщалъ имъ при этомъ принять ихъ вѣру. Императоры согласились, уговорили согласиться и сестру. Въ ожиданіи невѣсты князь разболѣлся глазами. Прибывшая въ Корсунь царевна убѣдила его ускорить крещеніемъ, если онъ хочетъ избавиться отъ болѣзни. И дѣйствительно, какъ только корсунскій епископъ крестилъ его, такъ онъ прозрѣлъ и, дивясь своему исцѣленію, воскликнулъ: „теперь только узрѣлъ я Бога истиннаго". Дружина его тоже крестилась. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ его съ Анною. Въ память всего этого онъ создалъ въ Корсунѣ церковь, городъ возвратилъ Грекамъ и возвратился въ Кіевъ, взявъ съ собою поповъ корсунскихъ и царицыныхъ, мощи св. Климента римскаго и ученика его Фива, церковные сосуды, кресты, иконы и всякую церковную утварь.

Крещеніе народа въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ князь крестилъ своихъ 12 сыновей и многихъ бояръ; потомъ велѣлъ истреблять идоловъ; Перуна привязали къ конскому хвосту и потащили въ Днѣпръ, по дорогѣ били его палками. Народъ собрался на берегъ и съ плачемъ вопилъ вслѣдъ уплывающему богу: „выдыбай, боже"! По истребленіи идоловъ духовенство и князь ходили по городу съ проповѣдью. Многіе крестились съ радостію; другіе не хотѣли и слушать проповѣди; третьи колебались, какъ колебался прежде и князь. Тогда Владиміръ выдалъ повелѣніе, чтобы на другой же день всѣ некрещеные явились къ рѣкѣ, а кто не явится, будетъ противникомъ князю. Это рѣшило недоумѣніе тѣхъ, которые колебались. „Если бы новая вѣра была не хороша, думали они, то князь и бояре не приняли бы ее", и пошли креститься; другіе явились на рѣку изъ страха. Упорные язычники бѣжали отъ княжескаго гнѣва въ степи и лѣса. На другой день послѣ княжескаго повелѣнія на Днѣпрѣ произошло общее крещеніе народа. Тогда, по слову благочестиваго лѣтописца, земля и небо ликовали, видя множество спасаемыхъ!

Распространеніе христіанства внѣ Кіева. Послѣ крещенія Кіевлянъ христіанство стало распространяться по всей Россіи. Крестивъ народъ по городамъ и селамъ около Кіева, митрополитъ *Михаилъ* съ шестью епископами и Добрынею въ 990 г. ходили въ *Новгородъ*, гдѣ произошло такое же низверженіе Перуна въ Волховъ, какъ въ Кіевѣ, и крещеніе народа. Изъ Новгорода проповѣдники отправились на востокъ по Волгѣ и крестили много народа въ *Ростовѣ* и *Ростовской земли*. Самъ Владиміръ посѣщалъ съ проповѣдью вѣры страну *Суздальскую*, потомъ

Волынскую, крестилъ въ Кіевѣ даже нѣсколько князей *болгарскихъ* и *печенѣжскихъ*. Дѣти в. князя, разосланные имъ по удѣламъ, тоже заботились о распространеніи вѣры между подвластнымъ народомъ. Такъ распространялось христіанство въ главныхъ удѣльныхъ городахъ, кромѣ Новгорода и Ростова, еще въ *Муромѣ*, *Полоцкѣ*, землѣ *Древлянской*, *Владимірѣ волынскомъ*, *Смоленскѣ*, *Псковѣ*, *Луцкѣ*, *Тмутаракани*. Въ 992 году учреждены были первыя русскія *епархіи*: Новогородская, Черниговская, Ростовская, Владиміро-волынская и Бѣлогородская. Главные города этихъ епархій вѣроятно были главными центрами христіанства. Вообще новая вѣра распространялась преимущественно около Кіева и по великому водному пути отъ Кіева до Новгорода: вправо и влѣво отъ этой линіи, гдѣ жили племена, еще мало подчиненныя кіевскому князю, она распространялась слабо; чѣмъ дальше отъ Кіева, тѣмъ христіанство было слабѣе. Даже въ Новгородѣ язычество было все еще сильнѣе христіанства; когда явился туда первый новгородскій епископъ *Іоакимъ*, то былъ встрѣченъ очень опаснымъ сопротивленіемъ язычествующаго народа, которое нужно было преодолѣвать оружіемъ. Тысяцкій князя Путята вмѣстѣ съ Добрыней усмирили городъ послѣ злой сѣчи и пожара, вслѣдствіе чего про Новгородцевъ составилась пословица: „Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ". Въ Ростовѣ народъ выгналъ первыхъ епископовъ *Ѳеодора* и *Иларіона*. Въ Муромѣ противодѣйствіе христіанству дошло до того, что заставило удалиться изъ города самого князя *Глѣба*. Нужно замѣтить, что наибольшее сопротивленіе христіанство встрѣтило на сѣверѣ въ средѣ и поблизости финнскихъ племенъ. Славянскія племена легче поддавались евангельской проповѣди, частію по большей подготовкѣ и склонности къ принятію ея, частію по большему развитію между ними княжеской власти, которая стояла за новую вѣру. См. стр. 15.

Первыя церкви и святыни. Вездѣ, гдѣ распространялось христіанство, на мѣстахъ древнихъ капищъ и кумировъ возникали христіанскіе храмы. Первый храмъ былъ выстроенъ въ Кіевѣ во имя св. Василія (ангела в. князя) на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Другую церковь Владиміръ построилъ во имя Богоматери на мѣстѣ убіенія Варяговъ Ѳеодора и Іоанна; греческіе мастера строили ее цѣлыхъ 7 лѣтъ; в. князь „удивилъ" ее серебромъ и золотомъ и назначилъ на ея содержаніе десятину отъ своего имѣнія и своихъ городовъ, отъ чего эта церковь и названа Десятинною. Кромѣ Кіева, Владиміръ строилъ церкви въ другихъ городахъ и въ селахъ. Святыни храмовъ, иконы, мощи и церковная утварь привозились изъ Греціи. Въ 1007 году вел. князь открылъ первыя русскія мощи в. кн. Ольги; ихъ торжественно перенесли въ Десятинную церковь.

Духовенство большею частію было пришлое, потому что, если и были въ Кіевѣ священники до Владиміра, то ихъ едвали было много. Первые митрополиты—*Михаилъ* († 991 г.) и *Леонтій* и первые епископы не только поставлялись, но и избирались въ Греціи. Священники явились съ Владиміромъ изъ Корсуня и съ царевной Анной изъ Царяграда; есть извѣстіе, что много прислано было ихъ изъ Болгаріи, что даже первые епископы и митрополитъ были Болгаре и слѣдовательно могли учить народъ на славянскомъ языкѣ. Такъ опредѣлилась тѣсная связь русской церкви съ греческою и болгарскою. Западная церковь тоже было сдѣлала попытку распространить свое вліяніе въ Россіи, какъ она распространяла его среди западныхъ славянъ; но эта попытка ей не удалась. Между греческой и римской церковью въ это время былъ уже полный разрывъ и шла сильная полемика. И философъ миссіонеръ, проповѣдывавшій Владиміру, и греческіе пастыри, крестившіе князя, прежде всего старались предостеречь его отъ ученія латинянъ. Въ 991 году, по случаю прихода въ Россію пословъ папы, самъ патріархъ прислалъ посланіе къ в. князю съ увѣщаніемъ не сообщаться съ зловѣрными латинами. Второй русскій митрополитъ Леонтій написалъ противъ латинянъ сочиненіе объ опрѣснокахъ. По случаю брака сына Владиміра *Святополка* съ дочерью *Болеслава* польскаго съ послѣдней прибылъ въ Россію кольбергскій бискупъ *Рейнбернъ* и пріобрѣлъ сильное вліяніе на Святополка; черезъ этого князя онъ разчитывалъ отклонить русскую церковь отъ востока къ западу и подъучилъ его возстать противъ отца. Владиміръ заключилъ своего сына вмѣстѣ съ Рейнберномъ въ тюрьму, гдѣ послѣдній и умеръ.

Церковное право. Вліяніе Византіи преимущественно обнаружилось въ юридической области церковной жизни. Вмѣстѣ съ іерархіей необходимо явился въ Россіи греческій *Номоканонъ*, можетъ быть даже въ славянскомъ болгарскомъ переводѣ, и сталъ прилагаться къ русской жизни; первый опытъ такого приложенія его видимъ въ первомъ на Руси *церковномъ уставѣ* святаго Владиміра. Къ вѣдомству церковнаго суда въ немъ отнесены: 1) дѣла противъ церкви: еретичество, волшебство, языческіе обряды (моленіе подъ овиномъ и въ лѣсу), святотатство, поврежденіе могилъ и церковныхъ стѣнъ, неуваженіе къ храмамъ; 2) дѣла семейныя: умыканіе, вступленіе въ бракъ въ родствѣ и свойствѣ, споры между супругами объ имѣніи, прелюбодѣяніе, разводъ, побои дѣтей родителямъ, дѣла о наслѣдствѣ, словесное оскорбленіе чести и проч. Въ греческомъ законодательствѣ нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ (о нарушеніи родительской власти, споры о наслѣдствѣ, споры супруговъ объ имѣніи) подлежали гражданскому суду; у насъ признано лучшимъ всѣ семейныя дѣла передать въ вѣдом-

ство церкви, чтобы она тѣмъ успѣшнѣе могла дѣйствовать на нравственное перерожденіе общества. Расширено въ сравненіи съ греческимъ законодательствомъ вѣдомство церкви и относительно лицъ ему подсудныхъ; кромѣ духовенства, суду церкви подчинены: просвирня, паломникъ, прощеникъ и разные люди, которыхъ церковь призрѣвала въ своихъ больницахъ, гостинницахъ и богадѣльняхъ.

Вліяніе церкви на гражданскія дѣла. Вліяніе церковной іерархіи простиралось и на гражданскіе уставы юнаго общества, для котораго пришельцы изъ образованной имперіи естественно были авторитетами государственной мудрости. Владиміръ совѣтовался съ епископами не только о церковныхъ дѣлахъ, но и о строѣ землянемъ. По ихъ совѣту онъ отмѣнилъ наприм. старинную виру (штрафъ) за разбой и согласно съ греческими законами назначилъ разбойникамъ смертную казнь; потомъ, вслѣдствіе большой нужды въ деньгахъ на войну, онъ опять съ ихъ же согласія возстановилъ виру. Духовенство принесло съ собой еще не бывалыя на Руси понятія о верховной власти. Князю-вождю удалой дружины епископы говорили: „князь, ты *поставленъ отъ Бога* на казнь злымъ и добрымъ на помилованіе“. Такъ съ самаго начала опредѣлилась важная задача духовенства въ нашей исторіи—содѣйствовать развитію княжеской власти.

Съ христіанствомъ явилось такъ же и *религіозное образованіе.* Немедленно послѣ крещенія народа Владиміръ сталъ заводить училища и отбирать въ ученье книжное дѣтей у лучшихъ гражданъ; матери, разсказываетъ лѣтопись, плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ. Такъ было не только въ Кіевѣ, но и по другимъ городамъ и селамъ. Учителями были священники. Въ религіозномъ просвѣщеніи народа обнаружилось преимущественно вліяніе Болгаріи, которая, будучи просвѣщена православною вѣрою раньше Россіи, по своему родственному съ русскимъ языку и славянской письменности сдѣлалась естественною и лучшею посредницею между Русскими и Греками; оттуда явились къ намъ и первые христіанскіе учители, и первыя церковныя книги, и самая славянская грамата. Но такое вліяніе Болгаріи не обошлось для насъ и безъ вреда. Православіе Болгаръ много страдало тогда отъ примѣси къ нему остатковъ язычества и сильно распространенной по всей Болгаріи ереси *Павликіанъ*—отрасли гностицизма. Въ X в. попъ *Богомилъ* выработалъ изъ этой ереси особое болгарское (богомильское) ученіе, проповѣдывавшее гностическій дуализмъ, отвергавшее всю іерархію и обряды и отличавшееся крайнею строгостію въ нравственныхъ требованіяхъ. Богомильство усвоило себѣ между прочимъ множество христіанскихъ и еврейскихъ *апокрифовъ* или *отреченныхъ сказаній,* всегда имѣв-

шихъ большой успѣхъ въ массѣ народа; собраніемъ этихъ апокрифовъ и разныхъ лживыхъ молитвъ особенно извѣстенъ былъ другой болгарскій попъ *Іеремія* Изъ Болгаріи отреченныя книги и нѣкоторыя богомильскія мнѣнія явились и въ Россію. Начало такого вліянія богомильства открылось еще при Владимірѣ. Въ 1014 г. въ Кіевѣ училъ еретикъ *Адріанъ* монахъ и скопецъ, хулившій уставы и іерархію церкви. М. Леонтій заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ впрочемъ скоро раскаялся.

Вліяніе христіанства на нравы. Первый примѣръ нравственнаго перерожденія подъ вліяніемъ православія представляетъ намъ самъ Владиміръ. Изъ удалаго вождя дружины, чуждаго землѣ, какими были и онъ и всѣ прежніе князья, онъ сталъ первымъ земскимъ княземъ нарядникомъ, который думалъ съ дружиной, епископами и старцами о строѣ земляномъ, который и воевалъ уже не изъ одной беззавѣтной богатырской удали, а для защиты своей страны, сталъ „краснымъ солнышкомъ“ народа. Его широкая натура, которая вела его прежде къ излишествамъ языческаго разгула, теперь проявлялась въ необыкновенномъ благодушіи и ласковости, о которыхъ говорятъ и лѣтопись и старыя былины. Это былъ ласковый князь, у котораго всѣмъ былъ радушный пріемъ и привѣтъ, добрый кормилецъ нищихъ, покровитель слабыхъ. Бѣднякъ смѣло шелъ на его княжескій дворъ и бралъ кушанье, питье и деньги. Этого мало: „дряхлые и больные, сказалъ князь, не могутъ доходить до моего двора“, и велѣлъ всякіе припасы развозить для нихъ по городу. Въ праздники онъ ставилъ трапезы себѣ съ дружиной, духовенству и нищимъ. Въ своемъ церковномъ уставѣ, какъ мы видѣли, онъ тоже позаботился о богадѣльняхъ и больницахъ. 15 іюля 1015 года умеръ добрый князь и плакали по немъ всѣ, знатные и убогіе. Мощи его положены въ Десятинной церкви. Владиміръ былъ неграматенъ; дѣти его являются уже представителями новаго граматнаго поколѣнія; таковы: *Ярославъ*, *Мстиславъ*, *Изяславъ*, *Борисъ* и *Глѣбъ*. Послѣдніе двое особенно процвѣтали благочестіемъ; они и умерли мучениками за новыя нравственныя понятія въ борьбѣ съ старымъ языческимъ обществомъ, представителемъ котораго явился братъ ихъ Святополкъ. Христіанство не замедлило выставить образцы высшаго совершенства въ монастыряхъ, которые были основаны при Владимірѣ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Понятно впрочемъ, что дѣйствіе христіанства могло обнаружиться въ жизни пока только немногихъ лучшихъ людей. Восходящее солнце озарило еще только вершины; низменности оставались въ прежнемъ маракѣ.

Остатки язычества. Народъ крестился большею частію или изъ повиновенія властямъ, или же будучи привлекаемъ къ новой вѣрѣ одною ея внѣшностью, обрядностью. Къ нравственному пере-

воспитанію этого множества крещеныхъ людей церковь не имѣла еще ни времени, ни средствъ. Отъ того послѣ крещенія Руси мы видимъ въ нашей церковной исторіи длинный періодъ грубаго двоевѣрія, въ которомъ сначала язычество даже преобладаетъ надъ христіанствомъ. Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ двоевѣръ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, студенцу, старому дубу, подъ овинъ, гдѣ жили его старые боги, и творилъ тутъ другую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ; на ряду съ священниками, и даже болѣе ихъ, почиталъ своихъ прежнихъ волхвовъ. Христіанскій пастырь, преслѣдовавшій суевѣріе, тѣснившій волхва, былъ даже зломъ для полувѣра; бѣжалъ отъ него этотъ полувѣръ, какъ отъ врага своей старины, и самую встрѣчу съ нимъ считалъ зловѣщею. При недостаткѣ просвѣтительныхъ и воспитательныхъ мѣръ церковь могла бороться съ язычествомъ только внѣшними мѣрами, истребленіемъ языческихъ святынь, запрещеніемъ языческихъ обрядовъ. Но если гдѣ, то именно у русскихъ Славянъ, эти внѣшнія мѣры не вели ни къ какимъ важнымъ результатамъ. Славяно-русское язычество было религіей преимущественно домашней съ слабыми только начатками общественнаго богослуженія въ игрищахъ между селами и обрядахъ на священныхъ урочищахъ, безъ храмовъ и жрецовъ. Храмомъ ея была изба, жрецомъ—глава семьи, да еще знахарь, волхвъ, къ которому прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, гдѣ казались недостаточными домашнія религіозныя средства. Отъ того христіанскій храмъ строился у насъ не на развалинахъ языческаго, а на пустомъ мѣстѣ, особо; христіанскій священникъ не отнималъ себѣ общественнаго положенія у жреца, а тоже явился на пустое мѣсто. Отъ того христіанство распространялось у насъ необыкновенно мирно и сразу заняло господствующее общественное положеніе. Но этого было мало для его торжества. Ниспровергая кумиры, разгоняя рѣдкія языческія собранія, оно задѣвало несущественныя стороны славяно-русскаго язычества; для полной побѣды надъ старою вѣрою ему нужно было проникнуть въ самое святилище ея, въ темный уголъ семейнаго быта, а для этого внѣшнія мѣры были недостаточны, нужна была борьба нравственными средствами, нужно было произвести замѣну однихъ вѣрованій другими чрезъ воспитаніе народа. Такой нравственной борьбы церковь долго не въ состояніи была предпринять и послѣ крещенія народа, такъ что язычество имѣло возможность не только цѣликомъ сохраниться въ семейномъ быту, но даже оказывать значительное вліяніе на самыя христіанскія вѣрованія народа, вносить въ нихъ замѣтную долю нечистой примѣси изъ области своихъ вѣрованій. По своей неразвитости оно не успѣло выяснить миѳовъ о высшихъ божествахъ, Сварогѣ, Перунѣ, Дажбогѣ, Волосѣ, и создало только

слабые образы ихъ: эти боги скоро были забыты или слились съ христіанскими святыми,—Перунъ съ прор. Иліею, Волосъ съ св. Власіемъ и т. п. Но зато въ народныхъ вѣрованіяхъ цѣликомъ остались образы низшихъ божествъ, бывшихъ и прежде главными предметами поклоненія, божествъ, жившихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, въ его избѣ, на его очагѣ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ себѣ рыбу, въ лѣсу, куда онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косой и сохой, божествъ съ рѣзко очерченными характерами,—домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и проч. Цѣликомъ остался и языческій взглядъ на природу съ его примѣтами, повѣрьями, чародѣйными средствами, обрядами, которыми обставлены были каждый шагъ Славянина, каждый предметъ его домашняго обихода.

II. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДО УСИЛЕНІЯ СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ.

Распространеніе христіанства.

Послѣ Владиміра Кіевъ оставался главнымъ средоточіемъ церковной жизни до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ, въ области средней Волги, не завязался новый узелъ государственной жизни, пока съ ослабленіемъ южной Руси послѣ монгольскаго нашествія вся русская жизнь не отлила на сѣверъ, изъ предѣловъ Малороссіи въ предѣлы великорусскаго племени. Во все это время (до половины XIII вѣка) христіанство продолжало распространяться по всѣмъ мѣстамъ, которыхъ прежде не коснулось или коснулось слабо. Распространенію его много помогало самое раздробленіе Руси на удѣлы, потому что теперь каждый князь заботился о распространеніи вѣры въ своемъ удѣлѣ и дѣлалъ для него тоже, что прежде дѣлалъ одинъ вел. князь для всей Руси, и каждый стольный городъ князя становился центромъ христіанства, какимъ прежде былъ, тоже для всей Руси, одинъ Кіевъ.

Въ Ростовѣ все еще продолжалась борьба съ язычествомъ. Первые епископы Греки бѣжали отъ ярости язычниковъ въ Грецію. Третій епископъ, родомъ Русскій, *св. Леонтій* не бѣжалъ отъ ввѣреннаго ему стада, хотя язычники и его выгнали изъ города. Оставивъ старое поколѣніе, закоренѣвшее въ язычествѣ, онъ обратился къ молодому; поселившись за городомъ, ласками привлекалъ къ себѣ дѣтей и училъ ихъ. Язычники взволновались противъ него и большой толпой пошли убить святаго, но когда онъ вышелъ къ нимъ въ своемъ святительскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный клиромъ, они не имѣли духа

исполнить своего намѣренія. Сильное наставленіе святителя такъ подѣйствовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Послѣ этого Леонтій сталъ дѣйствовать успѣшнѣе не только въ Ростовѣ, но и въ окрестностяхъ. Подвиги его однако кончились мученическою смертію (около 1070 г.). Преемникъ его (съ 1078 г.) *св. Исаія*, кіевскій урожденецъ и постриженникъ Печерскаго монастыря, ходилъ по всей ростовской и суздальской землѣ съ проповѣдью вѣры, вездѣ крестилъ народъ, ниспровергалъ идоловъ и строилъ церкви († 1090 г.). Въ концѣ XI же вѣка прибылъ въ Ростовъ русскій инокъ препод. *Авраамій* и поселился въ хижинѣ на берегу оз. Неро. Въ Ростовѣ еще весь чудскій конецъ покланялся идолу Волоса. Святой долго училъ народъ и молился объ его обращеніи. Св. Іоаннъ Богословъ, явившись ему въ видѣніи, далъ ему жезлъ на сокрушеніе идола. На мѣстѣ сверженнаго истукана Авраамій основалъ Богоявленскій монастырь, въ которомъ сдѣлался первымъ архимандритомъ. Въ XII вѣкѣ, благодаря трудамъ святыхъ Леонтія, Исаіи и Авраамія, Ростовъ былъ уже весь христіанскимъ городомъ.

Волхвы. Новые христіане ростовско-суздальской земли были еще впрочемъ очень нетверды въ вѣрѣ. Старыя суевѣрія постоянно выплывали у нихъ наружу, особенно во времена народныхъ бѣдствій, которыя народъ приписывалъ гнѣву покинутыхъ боговъ. Среди общаго суевѣрнаго смущенія открывался обширный просторъ для дѣятельности представителей язычества—волхвовъ. Въ 1024 году по случаю голода встали волхвы въ Суздалѣ и стали избивать старыхъ женщинъ, обвиняя ихъ въ томъ, что онѣ удерживаютъ плодородіе. В. кн. *Ярославъ* самъ пріѣхалъ въ Суздаль и казнилъ волхвовъ. Около 1071 года насталъ голодъ въ Ростовѣ. По этому случаю изъ Ярославля пришли два волхва и пошли по Волгѣ, тоже избивая пожилыхъ женщихъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ, сестеръ; волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами и показывали видъ, что вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ или рыбу; имѣнье богатыхъ женщинъ забирали себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, около нихъ было уже до 300 послѣдователей. Здѣсь встрѣтилъ ихъ *Янъ*, бояринъ кн. Святослава черниговскаго. Произошла схватка, въ которой былъ убитъ священникъ Яна. Бѣлозерцы едва согласились выдать волхвовъ. На вопросы Яна волхвы изложили ему свое ученіе о двухъ богахъ небесномъ и подземномъ, о созданіи тѣла дьяволомъ, а души Богомъ. Янъ велѣлъ бить ихъ и, привязавъ къ лодкѣ, проволокъ ихъ съ собой по Шекснѣ. На устьѣ этой рѣки онъ выдалъ ихъ на месть родственникамъ убитыхъ ими женщинъ; оба волхва были повѣшены на дубѣ. Въ 1091 году опять было явился какой-то волхвъ въ Ростовѣ, но уже не имѣлъ успѣха и скоро погибъ.—Въ Новго-

родѣ тоже была сильна вѣра въ волхвовъ. Новгородцы ходили гадать къ финскимъ кудесникамъ. Въ 1071 году одинъ волхвъ хулилъ христіанскую вѣру и вызывался перейти Волховъ, какъ по суху. Народъ взволновался и хотѣлъ убить епископа *Θеодора*. Епископъ явился съ крестомъ на вѣче и звалъ къ себѣ всѣхъ вѣрныхъ; на его сторону встали только кн. *Глѣбъ* съ дружиною, а весь простой народъ остался на сторонѣ волхва. Глѣбъ убилъ волхва и волненіе утихло. Въ концѣ описываемаго времени (1227 г.) уже само вѣче казнило четверыхъ волхвовъ.—Въ 1071 году явился одинъ волхвъ въ самомъ Кіевѣ; онъ утверждалъ, что ему явилось пять боговъ, и что по ихъ откровенію черезъ 5 лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, русская земля станетъ на мѣстѣ греческой, а эта на мѣстѣ русской. И въ Кіевѣ нашлись невѣгласы, которые ему вѣрили; но другіе смѣялись надъ нимъ, говоря: „бѣсъ играетъ тобою на пагубу тебѣ". Въ одну ночь волхвъ этотъ пропалъ безъ вѣсти.

Въ Муромѣ сопротивленіе язычниковъ утвержденію христіанства было еще серьезнѣе. Язычество поддерживалось здѣсь самою глушью этого края, сплошь населеннаго дикой Муромой и Мордвой. Послѣ св. Глѣба здѣсь не было даже особаго князя до конца XI в., когда на Муромско-рязанское княжество пріѣхалъ сынъ Святослава черниговскаго *Ярославъ-Константинъ*, родоначальникъ рязанскихъ князей и просвѣтитель этого края. Онъ прибылъ въ Муромъ съ дѣтьми *Михаиломъ* и *Θеодоромъ*, съ духовенствомъ и цѣлой колоніей христіанъ. Язычники встрѣтили его съ оружіемъ и даже убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велѣлъ строить въ немъ церкви. Усердіе его къ обращенію жителей въ христіанство долгое время только усиливало упорство ихъ въ язычествѣ. Однажды, раздраженная ревностью князя, толпа язычниковъ собралась ко двору его съ намѣреніемъ убить его. Св. князь неустрашимо вышелъ къ ней одинъ съ иконою въ рукахъ. Мятежники были поражены чудеснымъ ужасомъ и просили крещенія. Въ назначенный день на Окѣ произошло такое же крещеніе народа, какъ въ Кіевѣ при св. Владимірѣ. Послѣ этого труды Ярослава въ пользу св. вѣры сдѣлались успѣшнѣе. До самой смерти (+ 1129 г.) онъ занимался обращеніемъ язычниковъ и строеніемъ по всему княжеству церквей и монастырей,—въ 1095 году около церкви св. Николы заложилъ Переяславль Рязанскій (Рязань), гдѣ потомъ утвердилась и епископія, учрежденная сначала въ Муромѣ въ 1198 г.

Долѣе всѣхъ славянскихъ племенъ оставалось въ язычествѣ племя *Вятичей*. Просвѣтителемъ ихъ былъ въ XII вѣкѣ пр. *Кукша*, инокъ Печерской обители, принявшій у нихъ мученическую смерть.

Христіанство у инородцевъ а) *на югѣ*. Инородческія племена, жившія по сосѣдству и на окраинахъ Руси, получали христіанское просвѣщеніе уже отъ Русскихъ, съ которыми имѣли связи и сношенія. Менѣе всѣхъ славяно-русскихъ племенъ отличались вліяніемъ на инородцевъ племена южно-русскія. Среди своей воинственной, полуказацкой жизни они мало заботились о прочномъ, нравственномъ подчиненіи себѣ чуждыхъ народностей и отличались большой терпимостью ко всякимъ вѣрамъ. Въ южной Руси встрѣчаемъ всякія народности и вѣры, и евреевъ, и латинянъ, и армянъ, и мухаммеданъ, и язычниковъ,—разныхъ Коуевъ, Торковъ, Берендеевъ, Турпѣевъ, Печенѣговъ и Половцевъ, которыхъ никто особенно не думалъ обращать въ православіе. Но св. вѣра успѣвала проникать и въ степныя вежи инородцевъ. Есть извѣстія о крещеніи нѣкоторыхъ половецкихъ князей; крестились такъ же половецкія княжны, на которыхъ женились иногда русскіе князья, плѣнники изъ степей и разные люди, поступавшіе къ русскимъ князьямъ на службу. Съ другой стороны просвѣтителями степняковъ были иногда ихъ русскіе плѣнники. Въ концѣ XI вѣка крестился со всѣмъ семействомъ одинъ знатный Половчинъ, пораженный чудеснымъ освобожденіемъ своего плѣнника, печерскаго инока пр. *Никона Сухаго*, котораго онъ три года томилъ въ заключеніи и которому въ предупрежденіе бѣгства подрѣзалъ на ногахъ жилы. Другой печерскій инокъ пр. *Евстратій* попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 50 другими христіанами къ крымскимъ жидамъ. Всѣхъ его товарищей жиды поморили голодомъ, а его распяли на крестѣ. Но по его предсказанію всѣхъ Евреевъ въ Крыму въ скоромъ времени постигла казнь отъ Грековъ. Пораженные исполненіемъ пророчества и чудесами отъ мощей пр. Евстратія, многіе Евреи приняли крещеніе.

б) *На сѣверѣ*. Самымъ сильнымъ вліяніемъ на инородцевъ отличались племена сѣверныя, селившіяся между финскими племенами. Начало такого вліянія на инородцевъ принадлежитъ Новгороду, который раскинулъ свои колоніи по всему русскому сѣверу. Ближайшіе къ Новгороду Финны стали креститься еще со временъ св. Владиміра, напр. *Ижора* и *Корела*. Въ 1227 году новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ посылалъ къ Кореламъ миссію и они всѣ безпрекословно крестились. Отдаленные отъ Новгорода и менѣе воспріимчивые инородцы, какъ напр. *Водь*, хранили язычество даже еще въ XVI в. Просвѣтителемъ *Вологодскаго* края былъ пр. *Герасимъ* изъ Печерской обители; въ 1147 г. онъ поселился около небольшаго новгородскаго торжка Вологды, основалъ монастырь св. Троицы и 30 лѣтъ проповѣдывалъ Евангеліе обитателямъ этой дикой лѣсной страны. Среди *Чуди заволоцкой* на сѣверной Двинѣ христіанство явилось еще во времена

св. Владиміра. Въ новгородскихъ колоніяхъ этого края были церкви и монастыри. При сліяніи Сухоны и Юга, уже въ предѣлахъ древней *Біарміи*, еще до XII в. стоялъ старый городъ Устюгъ, выстроившійся около Троицкаго *Гледенскаго* монастыря. Сѣмена св. вѣры разносили по сѣверу и новогородскіе повольники, хотя вовсе не для ея интересовъ совершали свои удалые разъѣзды. Въ 1174 г. двѣ партіи новгородскихъ повольниковъ проникли въ область р. *Камы*, въ страну Черемисъ и Вотяковъ, и заняли ихъ города Болванскій, названный потомъ Никулицынымъ, и Каршаровъ, названный Котельничимъ Нѣсколько времени спустя, построенъ былъ на р. Вяткѣ г. Хлыновъ, нынѣшняя *Вятка*. Во всѣхъ этихъ городахъ явились русскіе храмы и утвердилось христіанство. Инородцы впрочемъ долго съ ожесточеніемъ нападали на русскія колоніи, возникшія въ ихъ странѣ.

в) *По Волгѣ*. Въ приволжскомъ краѣ изъ смѣси русскаго и инородческаго народонаселенія еще въ XII в. успѣло сформироваться крѣпкое великорусское племя, которое болѣе всѣхъ другихъ племенъ заявило себя вліяніемъ на обрусеніе инородцевъ. Въ половинѣ XIII вѣка мы уже вовсе не слышимъ здѣсь о существованіи стараго племени *Мери*; все поволжье до самыхъ селеній *Мордвы* было уже чисто русское и православное, кромѣ развѣ какихъ нибудь лѣсныхъ захолустьевъ. Въ 1221 г. русская колонизація по Волгѣ остановилась въ Нижнемъ. Въ предѣлахъ этого города Русскіе вступили въ долгую борьбу съ воинственной Мордвой, въ резервѣ у которой стояли сильное черемисское племя и Болгарія. За Нижнимъ встрѣчаемъ только частные примѣры обращенія инородцевъ. Напр. князь *Андрей Боголюбскій* много крестилъ у себя во Владимірѣ Болгаръ, язычниковъ восточнаго края и Жидовъ. Между Болгарами встрѣчаемъ мученика *Авраамія*, богатаго купца, замученнаго въ Болгаріи за вѣру въ 1229 г. Мощи его въ 1230 году перенесены были во Владиміръ.

г) *На западѣ* русское вліяніе должно было остановиться на своемъ пути очень близко отъ своихъ исходныхъ пунктовъ— Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска, потому что столкнулось съ другимъ сильнымъ вліяніемъ, которое шло съ запада отъ латинской церкви. Въ Финляндіи просвѣтительная дѣятельность Новгорода ограничилась племенами *Ижоры* и *Корелы*. Жившее далѣе на западъ племя *Ямъ* было крещено уже латинскими миссіонерами изъ Швеціи (въ XII в.). На югъ отъ Финскаго залива русскіе князья распространяли христіанство среди *Чуди*. Въ 1030 г. Ярославъ построилъ здѣсь городъ Юрьевъ (Дерптъ). Преемники Ярослава старались поддержать и распространить начатки христіанства, посылая къ Чуди и *Латышамъ* священниковъ. Успѣхи св. вѣры были впрочемъ очень слабые.

А между тѣмъ въ XI вѣкѣ началась здѣсь дѣятельность латинскихъ миссіонеровъ; въ 1070 годахъ Эстоніей завладѣли Датчане, построили городъ Ревель и нѣсколько монастырей и остановили успѣхи православія. Въ Ливоніи въ концѣ XII вѣка основался орденъ Меченосцевъ.

Орденъ Меченосцевъ. До основанія ордена въ Ливоніи съ половины XII в. проповѣдывали латинскіе монахи, пріѣзжавшіе съ бременскими купцами; во главѣ ихъ стоялъ монахъ *Мейнардъ*, бывшій потомъ ливонскимъ епископомъ. Латинская миссія, подкрѣпляемая военными дружинами и не гнушавшаяся насильственныхъ мѣръ, скоро произвела цѣлый рядъ возстаній со стороны Ливовъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые крестились, снова возвращались къ язычеству и бросались въ Двину, чтобы смыть съ себя принятое крещеніе. Тогда епископъ *Албрехтъ* съ согласія папы учредилъ для распространенія между ними христіанства духовный рыцарскій орденъ Меченосцевъ, главной резиденціей котораго сталъ городъ Рига, выстроенный въ 1200 г. Возстанія туземцевъ были укрощены жестокими мѣрами. По всей странѣ Нѣмцы настроили замковъ и крѣпко утвердили свое суровое фанатическое владычество надъ Ливонцами. Вскорѣ они проникли и въ Эстонію, завоевали у Русскихъ Юрьевъ, а отъ Датчанъ получили Ревель. Въ той и другой странѣ вліяніе Русскихъ было устранено на долгое время.

Начало христіанства въ Литвѣ. Орденъ стремился къ подчиненію и литовскихъ племенъ по р. Нѣману, но Литва мужественно встрѣтила его напоръ и остановила распространеніе его владычества. Литовцы находились въ самомъ упорномъ язычествѣ, но и къ нимъ уже проникали слабые лучи христіанства изъ Россіи. Въ концѣ XII столѣтія между ними извѣстны четыре православныхъ князя. Самое сильное вліяніе на Литву имѣло княжество Галицко-Волынское, особенно въ правленіе *Романа Мстиславича*, грознаго побѣдителя и цивилизатора Литовцевъ.

Попытки католичества утвердиться въ Россіи. Латинская пропаганда стремилась проникнуть даже въ коренныя русскія княжества. Первая попытка къ этому была сдѣлана при *Изяславѣ* Ярославичѣ, когда онъ, выгнанный братьями изъ Кіева, искалъ себѣ помощи на западѣ, между прочимъ у папы *Григорія VII.* Папа присылалъ къ нему по этому случаю посланіе и пословъ. Но в. князь возвратилъ себѣ Кіевъ безъ помощи папы. Послѣ этого папскіе послы не разъ приходили на Русь, но всякій разъ безъ успѣха.—Только самая западная часть южной Руси—Галиція подверглась серьезной опасности отъ латинства. Въ концѣ XII в. она покорена была Венграми и подверглась отъ нихъ гоненію за православіе. Мужественный *Романъ Мстиславичъ* избавилъ ее отъ

насилій и присоединилъ къ своему Волынскому княжеству. Сильный князь обратилъ на себя вниманіе папы *Иннокентія III*. Это было во время самаго широкаго развитія папской власти, когда папа раздавалъ королевскія короны, когда самый Царьградъ былъ въ рукахъ крестоносцевъ. Легатъ папы обѣщалъ королевскую корону и Роману, если онъ покорится св. престолу, увѣрялъ его въ содѣйствіи папскаго меча. „А такой ли мечь у папы“? спросилъ князь, ударяя по своему мечу. Но вскорѣ послѣ этого гордаго пріема папскаго посла при малолѣтнихъ сыновьяхъ Романа, *Даніилѣ* и *Василькѣ*, Галичъ снова сдѣлался жертвой Венгровъ, которые посадили въ немъ своего королевича Коломана. Явились латинскіе священники и монахи, выгнали изъ города православное духовенство, изъ церквей подѣлали костелы, а народъ стали принуждать къ латинству. Въ 1220 г. Мстиславъ Удалой снова избавилъ Галичъ отъ Венгровъ, но самъ испортилъ свое благое дѣло, выдавъ свою дочь за мужъ за брата Коломана и отдавъ Галицію за ней въ приданное. Послѣ его смерти (1228 г.). здѣсь опять началось распространеніе латинства, а черезъ два года папа учредилъ уже особую галицкую архіепископію.—Въ одно почти время съ посольствомъ къ Роману (1207 г.) папа писалъ посланіе ко всѣмъ русскимъ князьямъ духовенству и народу, въ которомъ говорилъ, что, хотя они и давно удалены отъ сосцевъ своей матери (т. е. римской церкви), но что онъ не можетъ подавить въ себѣ отеческихъ чувствъ къ заблудшимъ дѣтямъ и зоветъ ихъ: пусть Ефремъ обратится къ Іудѣ, Самарія къ Іерусалиму; вся Греческая церковь признала власть апостольскаго сѣдалища, ужели часть (Русская церковь) не послѣдуетъ за цѣлымъ?.. Но Греческая церковь не думала кланяться апостольскому сѣдалищу и часть ея всегда была въ тѣсной связи съ цѣлымъ. См. стр. 9.

Устройство іерархіи.

Іерархическая связь Руси съ Греціей. Русскіе митрополиты попрежнему избирались и посвящались въ Греціи. По характеру своего внутренняго управленія Русская митрополія пользовалась правами патріаршаго экзархата, даже болѣе, чѣмъ другіе экзархаты Греціи. Вслѣдствіе независимости и отдаленности Руси отъ имперіи Русская церковь была свободна отъ всякаго вмѣшательства патріарха въ ея внутреннія дѣла; митрополитъ рѣшалъ эти дѣла безъ утвержденія патріарха и рѣшеніе его признавалось за окончательное. Съ этой стороны зависимость Русской митрополіи отъ Грековъ пока еще не могла тяготить русскихъ людей; но она скоро сдѣлалась тягостною съ другой стороны. Митрополиты, при-

сылаемые изъ Грецiи, были люди чужiе на Руси и по происхожденiю, и по языку, и по симпатiямъ. Поставленный съ согласiя чужаго государя, зависимый отъ послѣдняго, митрополитъ Грекъ не могъ возбуждать полнаго довѣрiя къ себѣ ни въ князьяхъ, ни въ народѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду и дурную репутацiю, какой Греки изстари пользовались на Руси и которая выразилась въ замѣткѣ лѣтописца: „суть бо Греци льстиви и до сего дне". При томъ же на Русскую митрополiю присылались даже не лучшiе люди изъ Грековъ. Изъ 25 митрополитовъ Грековъ въ первые 4 съ половиной вѣка существованiя русской церкви не болѣе 5—6 человѣкъ заявили себя просвѣщенiемъ и благочестiемъ. Таковы въ описываемое время были: *Георгiй* (съ 1062 г.), человѣкъ образованный, но, какъ чуждый пастырь, все-таки покинувшiй свою паству во время междоусобiя дѣтей Ярослава; преемникъ его *Іоаннъ II* (съ 1080 г.), по свидѣтельству лѣтописи, хитрый книгамъ и ученiю, ласковый ко всѣмъ, смиренный, молчаливый и вмѣстѣ рѣчистый, когда нужно было книгами святыми утѣшать печальныхъ;—*Никифоръ I*, извѣстный своими посланiями къ Мономаху. Другiе только вскользь упоминаются въ лѣтописяхъ, а объ одномъ *Іоаннѣ III* (съ 1089 г.) даже прямо замѣчено, что онъ былъ не книженъ и простъ умомъ. Между тѣмъ митрополиты изъ русскихъ людей всѣ оставили послѣ себя самую хорошую память по своему образованiю, благочестiю и благотворному дѣйствiю на свою родную паству (¹).

Митрополиты изъ Русскихъ. Мысль объ избранiи митрополитовъ изъ Русскихъ явилась очень рано. Послѣ смерти м. *Өеопемпта* 3 года не присылали изъ Грецiи новаго митрополита. Въ это время только что кончилась война Ярослава съ Греками, въ которой Греки варварски ослѣпили 800 русскихъ плѣнниковъ. И вотъ въ 1051 г. „Богъ князю вложи въ сердце" поставить митрополита Русскаго и соборомъ русскихъ же епископовъ; поставленъ *Иларiонъ*, священникъ княжескаго села Берестова. Новый святитель впрочемъ въ томъ же году испросилъ себѣ благословенiе патрiарха. Онъ былъ мужъ благочестивый, часто уеди-

---

(¹) Порядокъ митрополитовъ былъ слѣдующiй: 3, *Іоаннъ* (съ 1015 г.) 4, *Өеопемптъ* (1037), 5, *св. Иларiонъ* (1051), 6, *Георгiй* (1062), 7, *св. Іоаннъ II* (1080), 8, *Іоаннъ III* (1089), 9, *св. Ефремъ* (1089), 10, *Николай* (1097), 11, *Никифоръ* (1104), 12, *Никита* (1122), 13, *Михаилъ* (1130), 14, *Климентъ Смолятичъ*, 15, *св. Константинъ* (1156), 16, *Өеодоръ* (1161), 17, *Іоаннъ IV* (1164), 18, *Константинъ II* (1167), 19, *Никифоръ II* (1182), 20, *Матөей* (1201), 21, *Кириллъ* (1224), 22, *Іосифъ* (1237).

нялся для молитвы въ пещеру, которую выкопалъ въ горѣ недалеко отъ своего села, и кромѣ того былъ извѣстенъ своимъ просвѣщеніемъ. Нѣсколько времени спустя, въ концѣ XI в., видимъ еще митрополита изъ Русскихъ *св. Ефрема*, бывшаго прежде придворнымъ в. к. Изяслава, потомъ епископомъ переяславскимъ. И онъ былъ извѣстенъ, какъ святой мужъ и чудотворецъ; свое управленіе и переяславской епископіей и митрополіей онъ ознаменовалъ строеніемъ многихъ церквей, больницъ и странноприимицъ. Поставленіе на митрополію онъ впрочемъ получилъ не въ Россіи, а въ Греціи.

Споръ о независимомъ поставленіи митрополита въ Россіи. Послѣ Иларіона другой примѣръ независимаго поставленія митрополита изъ Русскихъ видимъ въ 1147 г. при *Изяславѣ Мстиславичѣ*. Вслѣдствіе неудовольствія на митрополита *Михаила*, который покинулъ свою паству во время княжескихъ смутъ и ушелъ въ Грецію, а также вслѣдствіе смутъ изъ-за патріаршаго престола въ самой Греціи, в. князь собралъ въ Кіевѣ соборъ для поставленія митрополита изъ Русскихъ. Выборъ палъ на *Климента Смолятича*, схимника и затворника и вмѣстѣ съ тѣмъ книжнаго философа, какого на Руси и не бывало. О личности его не было спора, но возникъ важный вопросъ, можно ли посвящать митрополита въ Россіи однимъ епископамъ безъ патріарха. Три епископа,—новгородскій *Нифонтъ*, смоленскій *Мануилъ* и полоцкій *Косьма*, рѣшали этотъ вопросъ въ интересахъ греческаго патріарха отрицательно. Напротивъ 6 епископовъ изъ Русскихъ показывали, что по церковнымъ канонамъ соборъ епископовъ всегда можетъ поставить себѣ митрополита; имъ легко было бы опровергнуть крайнее мнѣніе греческой партіи, если-бы они сами не впали въ крайность, настаивая на правѣ епископовъ ставить митрополита безъ благословенія патріарха. Греческая партія оперлась на эту ошибку противниковъ и заставила ихъ прибѣгать къ страннымъ уловкамъ. *Онуфрій* черниговскій предложилъ замѣнить благословеніе патріарха поставленіемъ митрополита посредствомъ главы Климента римскаго; Греки ставятъ же, утверждалъ онъ несправедливо, рукою Іоанна Предтечи. Споръ не кончился ничѣмъ опредѣленнымъ; Климентъ былъ поставленъ, но греческая партія не признала его митрополитомъ и была имъ за это преслѣдуема. Нифонтъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Кіевѣ, Мануилъ спасся отъ тюрьмы только бѣгствомъ. Но и положеніе Климента было не прочно; его не признавалъ соперникъ Изяслава, сильный князь *Юрій Долгорукій*. Сдѣлавшись в. княземъ послѣ смерти Изяслава (1155), онъ изгналъ Климента и выпросилъ у патріарха другаго митрополита *Константина*. Нифонтъ, уже выпущенный изъ тюрьмы, съ радостью ѣхалъ изъ Новгоро-

да на встрѣчу новому святителю Греку, но не дождался его и умеръ въ Кіевѣ. Греческая партія торжествовала; новый митрополитъ запретилъ служеніе всѣмъ поставленникамъ Климента и даже проклялъ умершаго в. к. Изяслава, но когда по смерти Юрія (1158 г.) Кіевомъ овладѣли дѣти Изяслава и посадили в. княземъ своего дядю *Ростислава* смоленскаго, и этотъ митрополитъ долженъ былъ оставить каѳедру. Послѣ этого Ростиславъ выписалъ изъ Греціи третьяго митрополита *Ѳеодора*. Константинъ скоро умеръ въ Черниговѣ, гдѣ поселился у своего земляка, епископа *Антонія*, но Климентъ еще оставался въ живыхъ и былъ устраняемъ отъ каѳедры единственно по внушеніямъ греческой партіи. Уже послѣ смерти м. Ѳеодора (1163 г.) Ростиславъ рѣшился возвратить ему митрополію, но въ это время изъ Греціи прислали новаго митрополита *Іоанна*, даже безъ согласія в. князя. Это такъ разсердило Ростислава, что императоръ и патріархъ едва уговорили его принять Іоанна. „Если патріархъ, сказалъ в. князь, еще поставитъ митрополита безъ нашего вѣдома, то не только не приму его, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и ставить митрополита изъ Русскихъ съ повелѣнія в. князя". Съ этого времени при избраніи новаго митрополита для Русской церкви въ Греціи стали болѣе соображаться съ волей в. князя.

Епархіи. Епархіальное дѣленіе Русской церкви большею частію совпадало съ удѣльнымъ дѣленіемъ Руси. Всѣхъ епархій къ половинѣ XIII в. было 15 (Новгородская, Ростовская, Владимірская на Волыни, Бѣлогородская, Черниговская, Юрьевская, Переяславская, Холмская, Полоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская, Владимірская на Клязьмѣ и кромѣ того митрополичья Кіевская). Вслѣдствіе религіознаго строя древняго общества всякій общественный союзъ сосредоточивался обыкновенно около какой нибудь святыни, храма, и являлся по величинѣ въ формѣ прихода или епархіи. Новый удѣлъ, выдѣлившись изъ стараго, стремился сдѣлаться самостоятельнымъ и въ церковномъ отношеніи, завести у себя особую епархію, потому что гражданская самостоятельность безъ церковной казалась неполна. Такъ въ XII в. послѣ выдѣленія новыхъ удѣльныхъ княжествъ изъ старыхъ, изъ Переяславскаго удѣла—Смоленскаго, изъ Волыни—Галицкаго, изъ Черниговскаго—Рязанскаго, явились и новыя епархіи: Смоленская—въ 1137 году, Галицкая—въ 1157, Рязанская—въ 1198. Съ паденіемъ удѣла уничтожалась и епархія; напр. въ концѣ XI в. послѣ раззоренія Половцами Тьмуторокани пала и тамошняя епархія. Возвышеніе земли возвышало и ея епархію; въ 1165 г. богатый Новгородъ выхлопоталъ своему владыкѣ Іоанну титулъ архіепископа,—тогда еще первый и единственный на Руси.

Вліяніе удѣльной системы на церковное управленіе. Среди удѣльной розни церковь старалась сохранить свое единство и была могущественною силою къ объединенію самой земли. Каѳедра митрополита была центромъ церковнаго управленія для всѣхъ концовъ Руси. Для рѣшенія церковныхъ вопросовъ при ней весьма часто собирались соборы епископовъ. Всѣ концы Руси по церковному суду судились на основаніи одной и той же Кормчей. Вездѣ слышалась одна и таже церковная проповѣдь. Но въ тоже время удѣльные порядки не могли въ свою очередь не отразиться на церковномъ строѣ. Власть митрополитовъ въ епархіяхъ нерѣдко была стѣсняема обычнымъ тогда стремленіемъ каждаго удѣла къ автономіи, къ меньшей зависимости отъ Кіева, къ жизни особнякомъ.

Какъ в. князья стремились къ ограниченію власти патріарха въ избраніи митрополитовъ, такъ въ свою очередь удѣльные князья и жители удѣловъ стремились ограничить власть митрополита въ назначеніи своихъ епископовъ. Въ XII в. вошло уже въ общій обычай ставить епископовъ не иначе, какъ по избранію удѣльныхъ князей и народа. Въ 1183 г. Всеволодъ III не принялъ назначеннаго въ Ростовъ епископа *Николая* Грека, потому что м. Никифоръ при назначеніи его не испросилъ согласія князя и народа. Лѣтописецъ выразительно замѣчаетъ по этому поводу: „нѣсть бо достойно наскакати на святительскій санъ, но егоже Богъ позоветъ, князь восхощетъ и людіе". Въ княжескихъ удѣлахъ главный голосъ при избраніи епископа принадлежалъ князьямъ. Въ Новгородѣ, гдѣ вѣче было сильнѣе князя, съ XII в. видимъ народное избраніе владыкъ. Извѣстный намъ Нифонтъ былъ послѣднимъ владыкою, присланнымъ изъ Кіева; его преемникъ *Аркадій* былъ избранъ уже на вѣчѣ. Въ этихъ выборахъ обыкновенно участвовали—князь, духовенство, Софіяне (лица принадлежавшія къ вѣдомству Софійскаго собора и каѳедры) и народъ. Въ случаѣ несогласія избирателей прибѣгали къ жребію; для этого жребіи избираемыхъ клали на престолъ св Софіи; жребій, оставшійся на престолѣ, обозначалъ избранника св. Софіи. Избраннаго владыку посылали въ Кіевъ для посвященія. Въ исправленіе должности онъ вводился впрочемъ и до посвященія и въ качествѣ нареченнаго владыки управлялъ дѣлами епархіи иногда года по два и больше. Выборъ во-владыки падалъ всегда на своего, Новгородца, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ князья принимали къ себѣ въ епископы и чужихъ людей, которыхъ по чему нибудь успѣвали запримѣтить во время своихъ переходовъ по удѣламъ. Къ особенностямъ Новгорода относится и то, что владыкъ выбирали здѣсь не изъ однихъ иноковъ, но и изъ бѣлаго духовенства.

Воля князя или народа могла быть причиною и изгнанія епископовъ, даже безъ церковнаго суда. Въ 1157 Андрей Боголюбскій выгналъ изъ Ростова еп. *Нестора* за то, что онъ не разрѣшалъ постовъ въ господскіе праздники. Въ 1159 году Ростовцы выгнали еп. *Леона* за то, что онъ грабилъ поповъ. Въ 1168 г. Святославъ черниговскій изгналъ еп. *Антонія* Грека. Въ Новгородѣ владыкъ изгоняло вѣче. Особенно не прочно было здѣсь положеніе владыкъ, выбранныхъ по вліянію только одного князя, безъ согласія вѣча. Въ 1212 г. Новгородцы свергнули владыку *Митрофана*, избраннаго кн. Всеволодомъ владимірскимъ и его партіей, а на его мѣсто съ согласія кн. Мстислава Удалаго выбрали хутынскаго монаха *Антонія*. Но по уходѣ Мстислава опять усилилась владимірская партія и провозгласила владыкою опять Митрофана. Антоній не уступалъ своего мѣста, и теперь только вспомнили о судѣ митрополита, которому и предоставили сдѣлать выборъ между двоими владыками. Митрополитъ, разумѣется, оставилъ въ Новгородѣ перваго по времени Митрофана, а Антонію далъ другую епархію. Въ 1228 г. во время святительства владыки *Арсенія*, по случаю долгой дождливой осени, вѣче рѣшило: „это изъ-за Арсенія стоитъ у насъ такъ долго тепло", и вытолкало владыку изъ города въ шею, какъ злодѣя.

Низшее духовенство, непосредственно связанное съ приходскими общинами, такъ же было выборное. Въ 1 28 г. патріархъ *Германъ* написалъ грамату къ м. *Кириллу I*, изъ которой видно, что вліяніе свѣтскихъ лицъ на избраніе членовъ клира доходило до большихъ злоупотребленій; нѣкоторые господа обучали грамотѣ своихъ рабовъ, потомъ приводили ихъ къ архіереямъ для поставленія во священство, не освободивъ отъ рабства, и послѣ поставленія спекулировали ихъ саномъ. Въ монастыряхъ, разумѣется, болѣе видныхъ, при избраніи игуменовъ требовалось согласіе не только мѣстнаго епископа, но и князя, а въ Новгородѣ—вѣча.

Первая попытка къ раздѣленію митрополіи. До чего могло дойти вліяніе удѣльной розни на іерархію, показываетъ знаменательная попытка сѣверной Руси отдѣлиться отъ церковнаго вліянія южной. Это было въ половинѣ XII в. при в. к. *Андреѣ Боголюбскомъ*, когда сѣверо-восточная Русь усилилась, пріобрѣла вліяніе на Кіевъ и стала заводить у себя новые самодержавные порядки. Владимірскій князь былъ сильнѣе кіевскаго, но въ Кіевѣ былъ митрополитъ, а во Владимірскомъ княжествѣ только ростовскій епископъ. И вотъ в. к. Андрей отправилъ посла къ п. *Лукѣ Хрисовергу* съ просьбой поставить ему во Владиміръ особаго митрополита; у него былъ уже готовъ и кандидатъ на новую митрополію, его любимецъ *Ѳеодоръ*. Патріархъ отказалъ, ссылаясь на то, что разрывать единство Русской митрополіи будетъ про-

тивно канонамъ, и посвятилъ Θеодора только въ епископа. В. князь отказался отъ своего желанія, но гордый Θеодоръ, разочаровавшись въ надеждѣ сдѣлаться митрополитомъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ освободиться отъ подчиненія кіевскому митрополиту (Константину);—ссылаясь на то, что получилъ посвященіе отъ самого патріарха, не поѣхалъ въ Кіевъ за благословеніемъ митрополита. Митрополитъ послалъ во Владиміръ грамату съ увѣщаніемъ не признавать Θеодора епископомъ. Многіе послушались этой граматы; тогда Θеодоръ пришелъ въ такое раздраженіе, что совершенно обезумѣлъ, затворилъ во Владимірѣ всѣ церкви и принялся казнить своихъ противниковъ. „Одни, разсказываетъ лѣтопись, лишились селъ, оружія, коней, другіе обращены были въ рабство, заточены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, іереи. Немилостивый былъ мучитель; однимъ головы рубилъ, бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языки вырѣзывалъ, иныхъ распиналъ по стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая исторгнуть у нихъ имѣніе: до имѣнія былъ жаденъ, какъ адъ“. Князь наконецъ послалъ его къ митрополиту, а м. Константинъ „обвинилъ его всѣми винами и велѣлъ отвезти на Песій островъ, гдѣ ему урѣзали языкъ, руку правую отсѣкли и глаза выкололи“.

Значеніе іерархіи въ гражданскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ церковь выдержала напоръ удѣльнаго вліянія безъ потери своего единства. Самое вліяніе общества на ея іерархію обратилось въ ея же пользу, не смотря на нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ страдалъ ея каноническій порядокъ. Іерархія вслѣдствіе своего выборнаго значенія получила народный характеръ, сдѣлалась своею для общества и сама пріобрѣла на него сильное вліяніе. На княжескихъ совѣтахъ и съѣздахъ на первомъ мѣстѣ видимъ духовенство. Единство Русской церкви было самою благотворною силою для страны среди удѣльной розни; іерархи вступались почти въ каждую усобицу князей, какъ общіе миротворцы и ходатаи за общее благо народа; не многіе только митрополиты Греки покидали свою паству среди усобицъ и уходили въ Грецію. М. *Николай* удержалъ князей отъ усобицы по случаю ослѣпленія *Василька* волынскаго: „Если станете воевать другъ съ другомъ, говорилъ онъ, то поганые возьмутъ землю Русскую, которую пріобрѣли отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростію поборали по Русской землѣ и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить землю Русскую“. М. *Никифоръ* говорилъ князю кіевскому Рюрику: „Князь! мы поставлены отъ Бога въ Русской землѣ, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія, да не проливается кровь христіанская въ Русской землѣ“. М. *Кириллъ I*, бывшій предъ самымъ нашествіемъ Монголовъ, въ теченіе всего своего святительства ѣздилъ по Россіи изъ конца въ конецъ и

вездѣ мирилъ враждовавшихъ князей. Гдѣ не дѣйствовали увѣщанія, іерархи удерживали князей отъ усобицъ грозой святительской клятвы. Во время княжескихъ переговоровъ послами постоянно видимъ тѣхъ же всеобщихъ миротворцевъ—духовныхъ лицъ; ихъ слово было авторитетнѣе, чѣмъ слово мірскихъ пословъ, притомъ же своимъ саномъ они были ограждены отъ обидъ, отъ которыхъ тогда не спасало и званіе посла.

Въ предѣлахъ своей епархіи каждый епископъ былъ первымъ и самымъ вліятельнымъ человѣкомъ во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, былъ также нуженъ для удѣльной области, какъ князь. Новгородцы не могли себя и представить безъ владыки. Съ благословенія мѣстнаго святителя дѣлались всѣ дѣла, такъ что онъ невольно втягивался во всѣ мѣстные земскіе интересы. Мы видимъ его въ челѣ удѣльнаго посольства къ князю съ приглашеніемъ на княжескій столъ; онъ же принималъ вновь пріѣхавшаго князя и совершалъ обрядъ его посаженія на столъ; въ княжеской думѣ святитель былъ первымъ совѣтникомъ, внушалъ князю миролюбивыя отношенія къ родичамъ и предстательствовалъ предъ нимъ за благо удѣльнаго народонаселенія. Особенно отличались своимъ земскимъ значеніемъ новогородскіе владыки, бывшіе всегда природными Новогородцами. Городское вѣче и собиралось большею частію около св. Софіи и владычняго двора. Даже печальная судьба нѣкоторыхъ владыкъ показываетъ, какъ тѣсно была связана жизнь новгородской іерархіи съ перемѣнами въ мѣстной гражданской жизни.

Вліяніе іерархіи на развитіе государственныхъ понятій. Сильное вліяніе духовенства на гражданскія дѣла было между прочимъ слѣдствіемъ его высшаго гражданскаго образованія. Для младенчествующаго государства еще нужны были пѣстуны, и оно съ самаго начала христіанства добровольно поступило подъ опеку церкви. Понятно, по какому образцу духовенство должно было воспитывать юную княжескую власть. Идеаломъ государства у него была Византійская имперія, съ которой одни іерархи, Греки, были знакомы непосредственно, а другіе, Русскіе, черезъ Кормчую, источникъ всей ихъ юридической мудрости. И сами князья смотрѣли на имперію съ благоговѣніемъ. Тѣ изъ нихъ, которые были въ родствѣ съ императорами, пользовались особеннымъ почетомъ, наприм. Борисъ и Глѣбъ, или Владиміръ Мономахъ, потому что они „свѣтились царски". М. Никифоръ, восхваляя Мономака, говоритъ, что его Богъ „изъ утробы помаза, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ". Въ знакъ уваженія князей часто титуловали „царями", титуломъ, который у насъ обыкновенно прилагался къ императору. О Мономахѣ составилось преданіе, по которому имперія въ лицѣ императора Алексѣя Комнена передала

русскому князю знаки царскаго сана—вѣнецъ и бармы, а греческій митрополитъ *Неофитъ* совершилъ надъ нимъ обрядъ царскаго помазанія. Это преданіе имѣло потомъ большой вѣсъ на Руси, указывая на преемственность русскаго самодержавія отъ греческаго. Образецъ царской власти былъ знакомъ, но еще много требовалось времени, чтобы онъ нашелъ себѣ приложеніе въ самой жизни русскаго государства. Среди удѣльныхъ порядковъ сама іерархія могла пока говорить только о единствѣ и мирѣ земли и о повиновеніи младшихъ князей старшему, какъ отцу. Съ наибольшей ясностью мысль о верховной власти усвоена была только въ сѣверной Руси, гдѣ впервые явились князья самовластцы, Андрей и Всеволодъ. Сѣверная лѣтопись говоритъ о своихъ князьяхъ несравненно съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ новогородскія и южныя лѣтописи. Разсказавъ напр. объ убіеніи в. кн. Андрея, она предаетъ убійцъ проклятію и долго распространяется о святости княжеской власти, сравниваетъ князя по власти съ Богомъ, доказываетъ, что противникъ власти противится Богу и проч.

Церковные законы. Основаніемъ для внутренняго церковнаго управленія служилъ Номоканонъ, несомнѣнно существовавшій у насъ въ славянскомъ переводѣ, потому что изъ него дѣлали заимствованія въ свои уставы наши князья, правила его цитовали въ своихъ сочиненіяхъ чисто русскіе авторы, напр. Ѳеодосій печерскій и Кирикъ. Инокъ XVI в. Зиновій отенскій самъ видѣлъ въ свое время два перевода Кормчей отъ временъ кн. Ярослава и Изяслава сына Ярославова, переводы „первыхъ преводникъ“, по всей вѣроятности болгарскіе. Кромѣ болгарскаго перевода древнѣйшей редакціи Номоканона *Іоанна Схоластика* (VI в.), у насъ еще употреблялись списки Кормчей, содержавшіе въ себѣ Номоканонъ, извѣстный подъ именемъ *Фотіева*, но еще въ неполной до-Фотіевской редакціи и безъ толкованій.

Русскіе пастыри въ своихъ постановленіяхъ дѣлали примѣненія Кормчей къ потребностямъ русской жизни. Такъ явилось *церковное правило м. Іоанна II* въ отвѣтъ на вопросы *Іакова черноризца*, съ XIII вѣка постоянно вносившееся въ наши Кормчія. Въ немъ содержатся постановленія: а) относительно вѣры— противъ остатковъ язычества, общенія съ иновѣрцами въ пищѣ и посредствомъ браковъ, противъ продажи христіанъ въ рабство невѣрнымъ, отступленія отъ церкви; б) относительно семейной жизни—противъ сожитія съ женою безъ благословенія церкви и незаконныхъ браковъ; в) касательно церковнаго благочинія—о почитаніи святынь, соблюденіи постовъ, неяденіи удавленины и мертвечины, о бѣсовскихъ пѣсняхъ, пирахъ по монастырямъ; г) касательно іерархіи—объ отношеніи епископовъ къ митрополиту

и епархіальномъ управленіи, противъ пьянства и неблагочинія іереевъ и монаховъ. Вмѣстѣ съ правиломъ Іоанна въ русскія Кормчія съ XIII в. постоянно вносилось другое замѣчательное въ церковно-историческомъ отношеніи сочиненіе: *Вопросы Кирика* (новогородскаго іеродіакона) и отвѣты на нихъ разныхъ епископовъ и др. духовныхъ лицъ; они живо изображаютъ духъ своего времени, церковные обычаи, остатки язычества, характеръ современной религіозности и состояніе нравовъ въ духовенствѣ и народѣ.

Уставы князей. Изъ постановленій князей касательно церкви общерусское значеніе имѣлъ *церковный уставъ в. к. Ярослава*, содержавшій въ себѣ подтвержденіе и раскрытіе устава св. Владиміра. Въ немъ видимъ нѣкоторыя новыя опредѣленія; такъ, къ церковному суду примѣнена тогдашняя система денежныхъ штрафовъ за преступленія и указаны случаи участія въ немъ князя. Совмѣстному суду церкви и князя подсудны были: а) оскорбленія, насилія и побои дѣвицамъ и чужимъ женамъ, поджоги, остриженіе головы и бороды, б) семейная кража и убійство. За первыя преступленія пеня шла епископу, а князь только казнилъ (наказывалъ) виновныхъ, за вторыя пеня дѣлилась между княземъ и епископомъ „на полы“. Удѣльные князья примѣняли общіе уставы Владиміра и Ярослава къ своимъ удѣламъ. Такъ, *Всеволодъ Мстиславичъ* новгородскій (1127—1132) на основаніи этихъ уставовъ далъ *грамату св. Софіи* новгородской. Въ перечисленіи церковныхъ людей противъ уставовъ прибавлены у него *изгои*, люди, непринадлежавшіе ни къ какому вѣдомству и поступавшіе подъ покровительство церкви, каковы: „поповъ сынъ граматѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а аще князь осиротѣетъ“. *Грамата Ростислава Смоленской епископіи* (1150 г.), кромѣ церковнаго суда, опредѣляетъ еще источники содержанія для новой епископіи. Граматы Всеволода новгородскаго выстроенной имъ церкви *Іоанна Предтечи на Опокахъ* и Святослава Ольговича *св. Софіи* (1137 г.) исключительно занимаются опредѣленіемъ матеріальныхъ средствъ для этихъ церквей.

Содержаніе и права духовенства. Источниками содержанія для митрополита и епископовъ служили: 1) *десятина* изъ княжескихъ доходовъ и имѣнія, какую давали напр. Всеволодъ св. Софіи, Андрей Боголюбскій владимірскому собору, Ростиславъ смоленской епископіи; иногда десятина замѣнялась деньгами, какъ напр. въ граматѣ Святослава св. Софіи; 2) *вѣсчія* пошлины съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, наблюденіе за которыми уставомъ Владиміра дано святителямъ; 3) *судныя*—съ церковнаго суда; 4) *ставленыя*—за поставленіе въ клиръ съ ставлениковъ; 5) *недвижимыя имѣнія*. Митрополитъ напр. имѣлъ во владѣніи нѣ-

сколько городовъ съ волостями и селами. Во владѣніи Десятинной церкви былъ даже цѣлый городъ Полонный. Ростиславъ своей епископіи пожертвовалъ озера, сѣнокосы, огороды и села съ данями и продажами. Андрей Боголюбскій далъ владимірскому собору нѣсколько слободъ, селъ и городъ Гороховецъ.—*Низшее духовенство* содержалось главнымъ образомъ доходами съ требоисправленій. Церкви княжеской постройки, особенно соборы, получали опредѣленное содержаніе отъ князей. Такъ Ярославъ, строя церкви, давалъ имъ отъ своего имѣнія урокъ. Церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ кн. Всеволодъ (на содержаніе причта и и церкви) далъ отъ имѣнія своего вѣсъ вощаной въ Новгородѣ да такой же вѣсъ въ Торжкѣ пополамъ съ торжковскимъ соборомъ Спаса; при церкви была устроена торговая община, для вступленія въ которую требовалось 50 гривенъ вклада; дѣлами ея управляли старосты, они же наблюдали за вѣсомъ въ притворѣ церкви и заботились о содержаніи ея и ея причта.

Уставы князей замѣчательны еще тѣмъ, что утверждали за духовенствомъ разныя *права*, свободу отъ мірскаго суда, службы и податей. Но мы уже видѣли, какъ эти права нарушала практика удѣльно-вѣчеваго уклада. Князья и вѣча судили и низвергали даже епископовъ. Относительно повинностей встрѣчаемъ извѣстіе, которое показываетъ, что вѣче могло притягивать церковныхъ людей (впрочемъ еще не поставленныхъ въ св. санъ) даже къ личному участію въ военной повинности; въ 1148 г., собираясь на войну, Новгородцы говорили кн. Изяславу: „пойдетъ (на войну) всяка душа, аче дьякъ и гуменце ему пострижено, а не поставленъ будетъ, и тотъ пойдетъ, а кто поставленъ, атъ Бога молитъ". Самъ владыка съ корпораціей своихъ Софіянъ несъ городовую повинность на ряду съ другими новгородскими общинами; онъ мостилъ крѣпость и всю дорогу по Волховскому мосту до торговой стороны. Помимо земскихъ повинностей казна архіереевъ, монастырей и церквей имѣла важное общественное значеніе. Около соборовъ, церквей и монастырей сосредоточивалась общественная благотворительность, содержались больницы, богадѣльни, страннопріимицы и школы.

Церковная обрядность.

Храмы и ихъ общественное значеніе. Понятно, какое высокое общественное значеніе долженъ былъ имѣть христіанскій храмъ, когда около него сосредоточивалась вся общинная жизнь. На погостѣ около него собирались общинные сходы, рѣшались общинныя дѣла, завязывались разныя сдѣлки и торги; тутъ же стояла приходская школа, въ которой учили члены клира, и приходская

богадѣльня, въ которой чрезъ посредство тѣхъ же членовъ клира совершалось дѣло общественной благотворительности. Отъ этого наша древняя община носила всегда не столько юридическій, договорный характеръ, сколько религіозно-братскій. Лучшимъ выраженіемъ этого религіознаго братства служатъ древнія приходскія *братчины*. Все приходское братство изъ сборнаго солода и крупъ готовило общее братское пиво и кашу и сообща праздновало свой приходскій праздникъ. О важности этихъ праздниковъ для развитія общественности говоритъ старая пословица, замѣчающая о неуживчивомъ человѣкѣ: „съ нимъ пива (или каши) не сваришь". Съ теченіемъ времени такія временныя братскія собранія отъ частаго повторенія ихъ обращались въ постоянные союзы, въ *братства*, которыя принимали на себя заботу о всѣхъ приходскихъ дѣлахъ, содержаніи церкви и причта, богадѣльнѣ и приходской школѣ. Такое именно братство мы и видимъ въ Иванскомъ купечествѣ около церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ.

Чѣмъ былъ приходскій храмъ для приходской общины, тѣмъ же былъ *соборъ* для города и для цѣлаго удѣла. Около него сосредоточивалась вся городская жизнь, жили владыка и князь, собиралось вѣче по звону соборнаго колокола. Самый городъ считался какъ-бы принадлежностію собора. Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ - св. Троицы, Владиміръ—Богородицы и т. п. Всѣ волости и пригороды тоже были волостями и пригородами Софіи, Спаса, Богородицы и т. д. Все городское благосостояніе ставилось подъ покровительство мѣстной святыни. О построеніи новгородскаго собора сохранилось въ этомъ отношеніи выразительное преданіе. На куполѣ собора иконописцы изобразили Спаса съ благословляющей рукою, но на другой день рука Его оказалась сжатою; два раза поправляли и оба раза рука опять сжималась; въ третій разъ услышали голосъ отъ образа: „Писари, писари! не пишите Меня съ благословляющей рукою, а пишите со сжатою; въ этой рукѣ Я держу весь Новгородъ; когда она раскроется, будетъ скончаніе граду". Вслѣдствіе такихъ понятій соборы были предметомъ живѣйшихъ попеченій князей и народа. Строили ихъ главнымъ образомъ князья. Такъ, Ярославъ построилъ кіевскую Софію по подобію цареградской и еще церковь Благовѣщенія на Златыхъ вратахъ Кіева, „да радость будетъ граду тому всегда св. Благовѣщеніемъ"; сынъ Ярослава *Владиміръ* построилъ другую Софію въ Новгородѣ; братъ Ярослава *Мстиславъ*— соборъ Спаса въ Черниговѣ; Владиміръ Мономахъ построилъ соборы въ Ростовѣ и Смоленскѣ; сынъ его Юрій Долгорукій— въ Суздалѣ, Андрей Боголюбскій - Успенскій соборъ во Владимірѣ. Кромѣ общинныхъ церквей и соборовъ, во всѣхъ городахъ было множество другихъ церквей частной постройки, построен-

ныхъ князьями, пастырями церкви и частными лицами, и содержавшихся большею частію на счетъ своихъ строителей. Мастерами были Греки или Нѣмцы; лѣтопись разсказываетъ, какъ чудо, что для возобновленія суздальскаго собора (въ 1193 г.) епископъ *Іоаннъ* не искалъ мастеровъ отъ нѣмцевъ, а удовольствовался своими русскими.

Чествованіе св. иконъ. Иконы тоже большею частію были не русскаго мастерства, а добывались изъ Греціи. Изъ Греціи иногда нарочно вызывали иконописцевъ для разныхъ работъ, напр. для расписыванія кіевскаго, новогородскаго и владимірскаго соборовъ, кіевопечерской церкви и др. Греческіе мастера, расписывавшіе печерскую церковь и лѣпившіе въ ней мозаики, оставили послѣ себя греческіе *подлинники* (свитки для руководства иконописцамъ), которые были цѣлы еще въ XVII в. Они же образовали перваго, извѣстнаго по имени, русскаго иконописца, печерскаго инока *пр. Алипія*, который изъ безмезднаго писанія иконъ для церквей и частныхъ лицъ сдѣлалъ для себя христіанскій подвигъ. Житіе его разсказываетъ, что ангелъ писалъ за него иконы, когда онъ былъ боленъ, что иконы его оставались цѣлыми во время пожара украшенныхъ ими церквей. Издревлѣ существовалъ обычай украшать иконы богатыми ризами; большое удивленіе даже въ Грекахъ возбуждали ризы на иконахъ печерской церкви, соборовъ владимірскаго, смоленскаго и ростовскаго.

Особенно украшались и чествовались иконы *чудотворныя.* Самыми замѣчательными изъ нихъ были: 1) икона Богоматери *Печерская*, принесенная изъ Царяграда упомянутыми греческими мастерами; 2) икона Богоматери *Смоленская (Одигитрія)*, присланная изъ Царяграда къ Всеволоду черниговскому, потомъ (въ 1111 г.) перенесенная въ Смоленскъ Владиміромъ Мономахомъ; 3) *Владимірская*, бывшая прежде въ Вышгородѣ, потомъ перенесенная во Владиміръ кн. Андреемъ Боголюбскимъ; 4) икона *Знаменія* Божіей Матери въ Новгородѣ; 5) святителя *Николая зарайскаго*, въ 1224 г. принесенная изъ Корсуня въ Зарайскъ Корсуняниномъ *Евстафіемъ*, которому трижды являлся святитель, повелѣвая нести свою икону въ Рязанскую землю. Почти каждый городъ имѣлъ свою чудотворную икону, которую считалъ своею славою и утвержденіемъ. На чествованіи св. иконъ, какъ и на чествованіи храмовъ Божіихъ, отразилось большое вліяніе удѣльнаго духа. Святыня являлась мѣстною, покровительствующею своему краю исключительно. Съ такой мѣстной точки зрѣнія разсказывались и чудесныя дѣйствія отъ мѣстной святыни. О владимірской иконѣ лѣтопись разсказываетъ, что когда вышегородскіе клирики разсказали кн. Андрею, какъ икона нѣсколько разъ оставляла свое мѣсто въ храмѣ, князь убѣдился, что ей

угодно перейти въ Ростовскую землю, и тайно унесъ ее съ собою. На пути въ Ростовъ сама Богоматерь повелѣла ему нести свою икону не въ Ростовъ, а во Владиміръ, который Андрей хотѣлъ сдѣлать своимъ стольнымъ городомъ вмѣсто Ростова. Поставленная во владимірскомъ соборѣ, св. икона сдѣлалась мѣстною святынею города. Каждое замѣчательное событіе края въ мѣстной лѣтописи разсказывается, какъ чудо Богородицы Возникла наприм. борьба между Ростовомъ и Владиміромъ о первенствѣ, кончилась въ пользу Владиміра,—и лѣтописецъ объясняетъ, что въ этомъ спорѣ городовъ Ростовцы были правы, но они хотѣли поставить свою правду, а забыли о правдѣ Божіей, воспротивились Богородицѣ, которая избрала не Ростовъ, а Владиміръ.—Въ 1170 году Андрей Боголюбскій послалъ въ Новгородъ войско въ наказаніе за нарушеніе крестнаго цѣлованія. Владыка *Іоаннъ* вынесъ на стѣны мѣстную святыню Новгорода – икону Знаменія Богоматери. Осаждавшіе не переставали стрѣлять и одна стрѣла попала въ чудотворный образъ; онъ самъ собою обратился ликомъ къ городу и испустилъ слезы. И вотъ тьма покрыла полки Боголюбскаго, какъ нѣкогда полки Фараона, и они потерпѣли страшное пораженіе. Такъ разсказываетъ новгородская лѣтопись; но владимірскій лѣтописецъ, разумѣется, не считаетъ своего св. князя за Фараона и разсказываетъ, что войска его съ помощію Владимірской Богоматери достаточно наказали клятвопреступниковъ Новгородцевъ, бѣдственное же возвращеніе Андреевыхъ полковъ приписываетъ только трудности пути и голоду.—Съ чужой святыней часто обращались неуважительно. Въ 1169 году полки того же кн. Андрея и его союзниковъ взяли Кіевъ и разграбили Софійскій, Десятинный и др. храмы и монастыри, взяли съ собой ризы, колокола, иконы и всякую утварь, вѣроятно для украшенія своихъ церквей; нѣкоторыя церкви даже сожгли.

Св. мощи. Другою чтимою святынею были св. мощи. Ихъ доставлялъ въ Россію Царьградъ, бывшій тогда хранилищемъ мощей изъ разныхъ мѣстъ востока, захваченныхъ мухаммеданами. Открывались мощи и русскихъ святыхъ: въ 1020 г. *св. Бориса и Глѣба*, въ 1091 г. пр. *Ѳеодосія* печерскаго, въ 1164 св. *Леонтія* и *Исаіи* ростовскихъ, потомъ *Авраамія* ростовскаго, въ 1192 кн. *Всеволода* псковскаго. Удѣльный духъ проявлялся и въ чествованіи св. мощей. Когда открыты были мощи св. Леонтія, Андрей Боголюбскій благодарилъ за нихъ Бога и говорилъ: „теперь я уже ничѣмъ не охужденъ“ предъ другими князьями, у которыхъ въ удѣлахъ были свои мощи. Въ сказаніи объ открытіи мощей кн. Всеволода въ укоризну Новгороду говорится, что Новгородцы выгнали отъ себя этого князя при жизни, а теперь прислали протопопа во Псковъ за его мощами, но что святой самъ не

восхотѣлъ идти къ нимъ (рака съ мощами не сдвигалась съ мѣста) и только въ знакъ примиренія своего съ Новгородомъ спустилъ на благословеніе этому граду ноготь съ своей руки.

Богослуженіе. Обрѣтеніе мощей русскихъ угодниковъ Божіихъ, строеніе знаменитыхъ храмовъ, чудеса, наприм. чудо Знаменія Богородицы во время новгородской осады, чудо Спасителя, Богоматери и честнаго креста въ побѣдѣ Боголюбскаго надъ Болгарами (1164 г.) и другія событія дѣлались поводомъ къ установленію новыхъ *праздниковъ.* Къ концу XI или въ началѣ XII вѣка явился новый праздникъ перенесенія мощей святителя Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, (оно происходило въ 1087 г. по случаю занятія Ликіи Турками), праздникъ, котораго Греки не праздновали.—*Богослужебныя книги* употреблялись у насъ сначала въ болгарскомъ переводѣ; въ самой Россіи стали переводить ихъ со времени Ярослава. Изъ полнаго круга богослужебныхъ книгъ не видимъ пока употребленія однихъ мѣсячныхъ Миней. При Ярославѣ богослуженіе русское получило особенное благолѣпіе отъ введенія въ него столповаго пѣнія или „изряднаго осмогласія“ (по 8 гласамъ Октоиха), которое принесли въ Россію въ 1051 г. три греческихъ пѣвца, и самого демественнаго пѣнія, т. е. по мелодіямъ императорскихъ и патріаршихъ доместиковъ (регентовъ).

Изъ вопросовъ Кирика, церковнаго правила м. Іоанна и другихъ памятниковъ описываемаго времени узнаемъ разныя *особенности Русской церкви въ совершеніи священнодѣйствій* и обычаи, при томъ наблюдавшіеся. *Крещеніе* младенца совершалось въ 8 и 40 день по рожденіи или даже на третьемъ году. Послѣ нареченія христіанскаго имени всегда оставалось въ употребленіи другое мірское (славянское) имя. При крещеніи взрослыхъ принято было оглашать инородцевъ въ теченіи 40, а Славянина въ теченіи только 8 дней, вѣроятно какъ лучше подготовленнаго къ принятію вѣры. Въ 8 день послѣ крещенія совершался обрядъ разрѣшенія, состоявшій вѣроятно въ снятіи съ крещенаго бѣлой одежды и въ омовеніи знаковъ мѵропомазанія. Латинянъ, а равно отпадшихъ отъ православія присоединяли къ церкви чрезъ одно мѵропомазаніе. Касательно *литургіи* извѣстно, что ее можно было совершать даже на одной просфорѣ, вообще число просфоръ было не опредѣлено. Таинство *Евхаристіи* было окружено высокимъ благоговѣніемъ, которое возбуждало въ Кирикѣ иногда простодушные вопросы, наприм.: можно ли попу служить, если онъ, поужинавъ, промолится всю ночь и не соснетъ? можно ли давать причастіе человѣку, у котораго гной идетъ изъ устъ? Владыка Нифонтъ отвѣчалъ ему, что можно. Можно ли давать причастіе тому, кто до обѣдни въ Пасху постучитъ въ зубы яйцомъ? Отвѣтъ: посту-

чать одинъ разъ можно, но много разъ возбраняй. Смущало также Кирика недоумѣніе, можно ли причащать женщину, умирающую отъ родовъ; велѣно вынести ее въ другую избу, обмыть и потомъ причастить.—Обрядовый взглядъ на *покаяніе* выразился между прочимъ въ дозволеніи супругамъ нести эпитиміи другъ за друга. Было еще вѣрованіе, что 10 литургій могутъ избавить отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20—за 8 мѣсяцевъ, 30—за цѣлый годъ. Владыка Нифонтъ отвергалъ это вѣрованіе, говоря, что богатый могъ бы при этомъ грѣшить безпрепятственно, только расплачиваясь за литургіи.—*Погребать* умершихъ было принято до захожденія солнца: „то бо есть послѣднее видитъ солнце до будущаго воскресенія", объяснилъ Нифонтъ. Святители находили нужнымъ запрещать совершеніе сорокоустовъ заживо.

Путешествія ко св. мѣстамъ. Нельзя не замѣчать въ юномъ христіанскомъ обществѣ слабаго знакомства съ духомъ православія и преобладанія обрядоваго направленія. Церковные пастыри должны были даже возставать противъ чрезмѣрнаго упованія на обряды, въ которыхъ простота видѣла болѣе доступные для нея и легкіе способы ко спасенію безъ внутренняго религіознаго развитія. Такъ, въ XII в. стало нужно запрещать путешествія ко св. мѣстамъ, которыя очень рано вошли у насъ въ благочестивый обычай. Нифонтъ новогородскій совѣтовалъ разрѣшать путешествія только немногимъ съ разборомъ, а его преемникъ св. Іоаннъ за обѣты идти ко св. мѣстамъ велѣлъ даже налагать эпитиміи.

Споръ о постахъ въ среду и пятокъ, долго занимавшій русское общество, тоже принадлежитъ къ характеристическимъ явленіямъ времени. Въ 1157 году Ростовцы выгнали отъ себя епископа *Нестора* за то, что онъ, на основаніи дѣйствовавшихъ въ Греціи постановленій XI вѣка, не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ по случаю праздниковъ, кромѣ Пасхи, Пятидесятницы, Рождества и Богоявленія Господня. Противникомъ его былъ нѣкто *Өеодоръ*, племянникъ смоленскаго епископа *Мануила*, который, на основаніи Студійскаго устава (X. в.), считалъ дозволеннымъ разрѣшать постъ не только для господскихъ праздниковъ, но и для памятей великихъ святыхъ. М. Өеодоръ и патріархъ оправдали ученіе Нестора. Но преемникъ Нестора *Леонтій* былъ еще строже: основываясь на правилахъ, въ X и XI в. уже отмѣненныхъ, онъ не хотѣлъ разрѣшать поста ни для какихъ праздниковъ, и явилась по выраженію лѣтописца, ересь леонтиніанская. Въ Россіи его оспорили; онъ отправился для рѣшенія дѣла въ Грецію, но и тамъ тоже былъ осужденъ. Въ 1168 г. споръ о постѣ, затихшій было на сѣверѣ, съ новою силою возгорѣлся на югѣ. Печерскій игуменъ *Поликарпъ* съ братіей держались относительно постовъ

Студійскаго устава. Митрополитъ Константинъ раздѣлялъ напротивъ мнѣніе Нестора. По предложенію в. кн. Мстислава въ Кіевѣ собрался соборъ. На соборѣ мнѣнія тоже раздѣлились; одни съ в. княземъ стали на сторону митрополита, другіе, не желая досаждать ни митрополиту, ни в. князю, предоставляли распоряженіе о соблюденіи того или другаго устава волѣ архіереевъ и игуменовъ по монастырямъ; третьи думали, что дѣло нужно перенести на судъ патріарха. Мстиславъ закрылъ соборъ безъ рѣшенія, но когда всѣ несогласные съ митрополитомъ разъѣхались, Поликарпъ былъ осужденъ на заточеніе. Этотъ поступокъ митрополита сильно встревожилъ противную партію, которая благоговѣла предъ печерскимъ игуменомъ за его святость. Святославъ черниговскій даже прогналъ своего епископа *Антонія* за то, что онъ дѣйствовалъ заодно съ митрополитомъ. Послѣдовавшее вскорѣ взятіе Кіева войсками Боголюбскаго народъ объяснялъ гнѣвомъ Божіимъ за Поликарпа.

Состояніе нравовъ.

Понятно, что обрядовое благочестіе не могло представлять особенно сильныхъ сдержекъ проявленію *грубыхъ страстей эпохи*. Это было тяжелое время усобицъ; опустошительныя войны шли изъ года въ годъ то тамъ, то здѣсь. Князь, строившій въ своемъ городѣ церкви и монастыри, подававшій милостыню, прославляемый лѣтописцемъ, какъ князь благочестивый, грабилъ и жегъ церкви и монастыри въ чужомъ удѣлѣ, истреблялъ чужихъ смердовъ и ихъ животы, и потомъ на счетъ чужаго добра и чужихъ православныхъ же святынь украшалъ свои святыни. Тоже самое дѣлали жители одного края съ жителями другаго. Видимъ множество жестокостей, въ родѣ ослѣпленія Василька, братоубійства между князьями рязанскими, убіенія кн. Игоря Кіевлянами, Андрея Боголюбскаго его дружинниками, ослѣпленія Ростиславичей Владимірцами. Въ религіи, въ крестномъ цѣлованіи было единственное ручательство мира и безопасности, но подъ вліяніемъ страстей и это ручательство оказывалось не крѣпкимъ; встрѣчаемъ примѣры грубаго презрѣнія къ клятвѣ. Нарушивъ клятву, данную в. князю Изяславу II, *Владимірко* галицкій съ насмѣшкой сказалъ его посламъ, указывая на крестъ, который цѣловалъ: „что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?“ и послѣ этого отправился къ вечернѣ. Видимъ большое уваженіе къ духовенству, но и это уваженіе было тоже не прочно. Ростиславъ, братъ Мономаха, убилъ св. инока *Григорія* за обличеніе. В. кн. Святополкъ тоже за обличеніе мучилъ печерскаго игумена *Іоанна*, а между тѣмъ этотъ князь славился своимъ уваженіемъ къ Печерскому

монастырю. Сынъ его Мстиславъ замучилъ иноковъ того же монастыря *Θеодора* и *Василія*, услышавъ, что они нашли кладъ и не хотятъ отдать ему своей находки.

При всемъ томъ въ жизни общества нельзя не замѣчать и *христіанскаго вліянія*. И древнія лѣтописи, и проповѣдь духовенства, и рѣчи князей—всѣ говорятъ о мирѣ, о соединеньи, осуждаютъ современную рознь и безурядицу во имя высшихъ нравственныхъ началъ. Рѣчи эти не переходили въ дѣло, но важно и то, что онѣ существовали; видно, что общество было все-таки христіанское. Пастырямъ церкви нерѣдко и на самомъ дѣлѣ удавалось останавливать кровопролитіе. Подъ вліяніемъ церкви является между князьями нѣчто похожее на миръ Божій, который видимъ въ это же время среди усобицъ западнаго феодализма: по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ; Мономахъ прекращалъ войну передъ великимъ постомъ. Вмѣсто древняго долга мстить за свою обиду и богатырскаго стремленія вездѣ честь свою взять, нѣкоторые князья усвоиваютъ себѣ другія высшія правила—прощать обиды, смиряться предъ соперникомъ, чтобы не проливать крови христіанской. Мономахъ уступаетъ великокняжескій престолъ другому, чтобы избѣжать кровопролитія, всю жизнь свою разбираетъ ссоры князей и миритъ ихъ. Сынъ его *Мстиславъ* не хочетъ воевать съ *Олегомъ* рязанскимъ, даже ходатайствуетъ за него предъ своимъ отцемъ, а этотъ Олегъ убилъ его брата, хотѣлъ отнять удѣлъ у него самого. По этому случаю Мономахъ написалъ замѣчательное по своему теплому христіанскому чувству посланіе къ Олегу, вызывая его на миръ и прощая ему все.

Въ *семейной жизни* церковь старалась прежде всего проводить правильныя понятія о бракѣ. Изъ правила м. Іоанна узнаемъ, что въ народѣ думали, будто брачный обрядъ существуетъ только для князей и бояръ. Уставъ Ярослава назначилъ пеню съ двоеженца. Изъ вопросовъ Кирика видимъ, что языческая невоздержность и сожительство съ женами безъ благословенія церковнаго не пропадали и въ высшихъ классахъ. Церковь старалась ограничить свободу разводовъ по смыслу каноническихъ постановленій, допуская послабленіе только въ томъ случаѣ, когда мужъ оставлялъ жену или жена мужа для постриженія въ монашество; остающейся въ міру половинѣ дозволялось даже вступать въ новый бракъ. Въ отношеніяхъ половъ господствовала чувственная грубость, что унижало даже самый бракъ и вызывало противоположную себѣ крайность, - развитіе крайне-аскетическихъ воззрѣній на бракъ и на женщину. Второй бракъ допускался только изъ снисхожденія къ немощамъ природы, а третій считался уже блудомъ; священнику, благословившему такой бракъ, правило м. Іоанна назначило изверженіе изъ сана. Женщина трактова-

лась, какъ причина соблазновъ и существо нечистое. Благочестивый Кирикъ сомнѣвался, можно ли служить въ ризахъ, въ которыя вшита заплата отъ женской одежды. Въ граматномъ обществѣ ходили замѣтки о женской злобѣ, которыя потомъ разрослись въ огромныя статьи.

Остатки язычества. Вооружаясь противъ нравственныхъ нестроеній общества, церковь должна была въ тоже время бороться противъ остатковъ язычества. Многіе по старой памяти ходили молиться подъ овины, къ священнымъ деревамъ и кладязямъ, не причащались, не соблюдали постовъ, сходились на языческія игрища и проч. Не забыты были еще и древніе миѳы; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится и о вѣтрахъ Стрибожихъ внукахъ, и о Дажбогѣ, и о Хорсѣ, которому прерыскивалъ путь волкодлакъ Всеславъ полоцкій, и о Боянѣ—внукѣ Волоса, и о миѳической силѣ стихій, къ которымъ плачущая Ярославна (супруга Игоря) обращается, какъ къ божествамъ, съ воззваніемъ: „почто, господине“?... Мы видѣли, какъ сильны еще были волхвы. Самъ лѣтописецъ раздѣляетъ народную вѣру въ ихъ силу, только сообразно съ новыми понятіями приписываетъ эту силу дьяволу. О *Всеславѣ* полоцкомъ онъ разсказываетъ, что мать родила его отъ волхванія съ язвой на головѣ, и волхвы сказали: навяжи на эту язву наузъ, который пусть носитъ до смерти; Всеславъ точно носитъ его до сихъ поръ, отъ того онъ такъ и кровожаденъ“. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ увѣряетъ, что волхванія особенно бываютъ отъ женщинъ, повторяя языческое понятіе о вѣдьмахъ. Церковь преслѣдовала народныя игрища и волхвовъ, но ея мѣры не могли проникнуть въ недоступныя нѣдра семьи, гдѣ главнымъ образомъ и хранилась языческая старина. Тутъ по старому краяли хлѣбъ, сыръ и медъ Роду и Рожаницамъ, молились домашнему очагу, призывали волхвовъ, употребляли разные заговоры и чародѣйныя средства; примѣты, обряды и повѣрья окружали всю домашнюю жизнь, такъ что проповѣдники прямо обличали народъ въ язычествѣ.

Примѣры святой жизни. При слабомъ усвоеніи христіанства въ народной массѣ неудивительно, что примѣры истинно-христіанской жизни извѣстны намъ только между князьями, пастырями церкви и иноками. Изъ русскихъ митрополитовъ причислены къ лику святыхъ: *Иларіонъ, Іоаннъ II, Ефремъ* и *Константинъ*; изъ епископовъ: ростовскіе—*Ѳеодоръ, Леонтій, Исаія*, владимірскій *Симонъ*, туровскій *Кириллъ*. Особенно много видимъ въ ликѣ святыхъ новогородскихъ владыкъ, таковы: епископъ *Іоакимъ, Лука Жидята, Никита* чудотворецъ, извѣстные намъ *Нифонтъ* и *Аркадій*, *Іоаннъ*, участвовавшій въ чудѣ Знаменія Богородицы; какъ и Аркадій, онъ подвергался изгнанію изъ Новгорода

по подозрѣнію въ нечистой жизни, но былъ оправданъ чудомъ и возвращенъ; слава о его святости и чудесахъ надъ бѣсами послужила поводомъ къ составленію сказанія о поѣздкѣ его въ Іерусалимъ на бѣсѣ. Изъ князей прославлены, какъ святые: сынъ Ярослава *Владиміръ* новогородскій—строитель новогородской Софіи, просвѣтитель Мурома *Константинъ* съ чадами, сынъ Мономаха *Мстиславъ*, сынъ Мстислава *Всеволодъ* псковскій, черниговскіе *Игорь* Ольговичъ и *Святославъ* Давыдовичъ—въ иночествѣ *Николай Святоша*, *Ростиславъ* смоленскій, *Андрей Боголюбскій*, *Петръ* и *Θевронія* муромскіе и друг. Между княгинями, кромѣ Θевроніи, прославились святостію: супруга Ярослава *Ирина*, въ иночествѣ Анна, другая *Анна* сестра Мономаха, подвизавшаяся въ кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ, и *Евфросинія*, дочь Святослава полоцкаго, основавшая монастырь въ Полоцкѣ, подъ старость путешествовавшая въ Іерусалимъ и тамъ скончавшаяся (1173 г.).

Монашество. Но главнымъ средоточіемъ святой жизни были монастыри. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный просторъ; въ монастырѣ былъ совершенно другой міръ, гдѣ духъ господствовалъ надъ плотію, міръ дивныхъ сказаній объ иноческихъ подвигахъ, видѣніяхъ, чудесахъ, сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ бѣсовскою силою. Подвиги монаховъ—богатырей духа—были поразительнѣе всѣхъ прежнихъ подвиговъ богатырей физической силы, сіяли, какъ выражался св. Кириллъ туровскій, выше мірской власти. Этимъ объясняется стремленіе въ монастырь всѣхъ лучшихъ людей времени, стремленіе по крайней мѣрѣ хоть передъ смертью облечься въ иноческій образъ, которое церковь должна была даже сдерживать. Игуменъ Поликарпъ съ трудомъ уговорилъ отказаться отъ постриженія в. кн. Ростислава, представляя ему, что князьямъ Богъ повелѣлъ жить въ мірѣ, творить судъ и правду и соблюдать данную присягу. Умирая безъ постриженія, Ростиславъ горько жаловался на то, что его удержали отъ монашества. Нѣкоторыя поученія старались внушать, что не спасутъ человѣка одинъ постъ и черныя ризы, когда онъ имѣетъ злобу и неправду дѣетъ. Монастыри стали являться у насъ съ самаго начала христіанства. „Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ“. Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для юнаго христіанскаго общества, со временъ Ярослава и Изяслава явился монастырь Кіевопечерскій, основанный Антоніемъ и Θеодосіемъ.

Пр. Антоній былъ родомъ изъ Любеча. Постриженіе свое онъ получилъ на Аѳонѣ, куда отправился для удовлетворенія своего стремленія къ иноческому совершенству. Игуменъ монастыря, въ которомъ онъ подвизался, понялъ какую пользу его

подвиги могутъ принести въ Россіи, и сказалъ ему: „иди опять на Русь, и да будетъ на тебѣ благословеніе св. горы, ибо отъ тебя имѣютъ произойти многіе черноризцы“. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ монастыри, но ни въ одномъ не нашелъ такой срогой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ, и въ 1051 г. поселился въ пещерѣ недалеко отъ города. Скоро узнали о подвижникѣ люди, стали приходить за благословеніемъ, а нѣкоторые просились къ нему на сожительство. Первый поселился въ его пещерѣ пресвитеръ *Никонъ*, постригавшій потомъ всѣхъ, кого принималъ Антоній. За нимъ пришелъ *Ѳеодосій*.

Пр. Ѳеодосій былъ родомъ изъ Василева, но всю молодость провелъ въ Курскѣ, куда переселился съ родителями. Еще 14 лѣтъ онъ лишился отца и попалъ въ руки матери, одной изъ тѣхъ матерей, которыя любятъ деспотически. Мальчикъ рано выучился граматѣ, сталъ читать книги, увлекся мыслями въ иной міръ и предался аскетическимъ подвигамъ. Домашняя жизнь не представляла удобствъ для этихъ подвиговъ, противъ которыхъ сильно протестовала любовь матери, и Ѳеодосій однажды бѣжалъ изъ дома съ прохожими паломниками, увлеченный ихъ разсказами о св. мѣстахъ. Мать воротила его съ дороги и долго послѣ этого держала его въ оковахъ. Чрезъ нѣсколько времени Ѳеодосій снова бѣжалъ отъ нея въ сосѣдній городъ, гдѣ пріютился у священника и пекъ просфоры для церкви; но мать нашла его и опять воротила домой. Она бранила его за то, что онъ отдавалъ свое платье нищимъ и хотѣлъ ходить въ рубищѣ; однажды увидала на немъ вериги, которыя рѣзали его тѣло до крови, съ сердцемъ сорвала ихъ и больно его прибила. Препятствія только усиливали аскетическую настроенность юноши; у него не выходили изъ ума слова Спасителя: „иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“. Онъ третій разъ бѣжалъ изъ дома и явился въ Кіевъ, чтобы поступить въ одинъ изъ монастырей. Нигдѣ не приняли нищаго скитальца, который не могъ дать за себя вклада. Наконецъ онъ нашелъ себѣ убѣжище по сердцу, пещеру Антонія. Антоній (въ 1032 г.) принялъ и велѣлъ Никону постричь его. Черезъ 4 года мать и здѣсь нашла Ѳеодосія. Онъ едва согласился дать ей свиданіе, но остался глухъ къ ея мольбамъ о возвращеніи. Желая умереть вблизи сына, она сама постриглась въ женской обители св. Николая на Аскольдовой могилѣ. Братія Антоніевой пещеры подвизались въ строгомъ постѣ и трудахъ. Ѳеодосій трудился даже за другихъ, дѣлая часть ихъ работы; въ знойныя ночи онъ выходилъ обнаженный на болото; комары миріадами впивались въ его тѣло, а онъ спокойно прялъ волну и цѣлую ночь пѣлъ Псалтирь.

Сподвижники Антонія и Θеодосія до основанія монастыря. Однимъ изъ самыхъ раннихъ пришельцевъ въ пещеру Антонія былъ *Моисей Угринъ*, нѣкогда слуга св. кн. Бориса, уцѣлѣвшій послѣ рѣзни на р. Альтѣ. Во время нашествія Болеслава на Русь онъ попался въ плѣнъ къ Полякамъ и достался одной паннѣ, которая 6 лѣтъ мучила его, склоняя на любовь. Онъ тайно отъ нея успѣлъ постричься отъ одного странствующаго инока. Измученный истязаніями, оскопленный злою госпожей, по освобожденіи отъ нея онъ провелъ остатокъ жизни въ пещерѣ Антонія. — При в. кн. Изяславѣ явились къ Антонію одинъ знатный дружинникъ князя скопецъ *Ефремъ* и сынъ другаго дружинника, юноша *Варлаамъ*. Скоро въ пещерной общинѣ произошли важныя перемѣны. Никонъ удалился въ Тьмуторокань, гдѣ основалъ новую обитель. Ефремъ уѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ сталъ заниматься списываніемъ книгъ для Россіи. Потомъ и самъ Антоній удалился въ затворъ на сосѣднюю гору, поставивъ игуменомъ Варлаама. Въ игуменство Варлаама братія выпросили у кн. Изяслава всю гору надъ пещерою, выстроили на ней, вмѣсто прежней пещерной церкви, новую деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери, поставили келліи, оградили все тыномъ и такимъ образомъ съ 1062 года открыли Печерскій монастырь, пошедшій, по замѣчанію лѣтописца, отъ благословенія св. горы. Послѣ Варлаама игуменомъ (въ томъ же году) сдѣлался пр. Θеодосій.

Съ самаго же начала своего игуменства онъ принялся за устроеніе монастыря. Число братіи возрасло до 100 и онъ озаботился введеніемъ между ними общежитія. По его просьбѣ Ефремъ прислалъ изъ Царяграда уставъ Студійскаго монастыря, который и былъ положенъ въ основаніе жизни въ Печерскомъ монастырѣ. Св. игуменъ бралъ живѣйшее участіе въ спасеніи каждаго брата, давалъ каждому спасительные совѣты, часто поучалъ братію въ церкви; свои поученія говорилъ онъ тихо, съ мольбою; во время обличительной рѣчи изъ глазъ его текли слезы. Онъ часто обходилъ келліи, чтобы узнать, нѣтъ ли у кого, сверхъ общихъ, своихъ вещей, пищи или одежды, и все подобное предавалъ огню. Даже ночью неусыпный игуменъ, ходя по монастырю, слушалъ у дверей келлій, что дѣлаетъ каждый братъ, и если слышалъ праздную бесѣду двоихъ или троихъ сошедшихся монаховъ, то ударялъ въ дверь жезломъ, а наутро обличалъ виновныхъ. Въ положенное время ворота обители запирали и никого не пускали ни въ монастырь, ни изъ монастыря. Вратарь однажды не пустилъ въ монастырь самого в. князя. Первыми добродѣтелями иноческой дисциплины были послушаніе и смиреніе. Вся жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ служ-

бахъ и тяжкихъ трудахъ. Пища была скудная и малопитательная, да и ее многіе вкушали въ самомъ маломъ количествѣ и черезъ день. О матеріальномъ обезпеченіи монастыря не заботились ни игуменъ, ни братія, твердо вѣруя, что Питающій птицъ небесныхъ пропитаетъ и своихъ рабовъ. Случалось, что съ вечера не знали, чѣмъ будутъ питаться завтра; при всемъ томъ монастырь на послѣднія средства помогалъ нищимъ. Когда обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосій отчислилъ на бѣдныхъ десятую часть ея доходовъ и устроилъ особый дворъ, гдѣ жили нищіе, калѣки и больные; кромѣ того каждую субботу изъ монастыря отсылался возъ хлѣбовъ по тюрьмамъ. У себя въ кельѣ онъ держалъ разслабленнаго старца и ходилъ за нимъ.

Ѳеодосій во всемъ былъ примѣромъ братіи. Никогда не видали его празднымъ; онъ носилъ воду, рубилъ дрова, работалъ въ пекарнѣ; ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ и щи безъ масла; лежа не спалъ, а обыкновенно дремалъ не много сидя и, очнувшись, спѣшилъ продолжать свою непрестанную молитву; тѣла никогда не мылъ, кромѣ лица и рукъ; одежду носилъ въ заплатахъ, такъ что никакъ нельзя было узнать въ этомъ нищемъ старцѣ знаменитаго игумена, котораго уважалъ самъ в. князь. Разъ онъ возвращался ночью отъ Изяслава. Возница не зналъ его и сказалъ грубо: „ты, монахъ, всегда празденъ, а я постоянно въ трудахъ; ступай на лошадь, а меня пусти въ колесницу". Ѳеодосій смиренно послушался и цѣлую ночь везъ слугу. Только утромъ слуга со страхомъ узналъ свою ошибку, когда, увидалъ, какъ Ѳеодосію кланялись, слѣзая съ коней, встрѣчные бояре. Ѳеодосій успокоилъ его и накормилъ въ монастырѣ. Онъ часто ходилъ съ наставленіями въ домы мірянъ, своихъ духовныхъ чадъ; по ночамъ иногда ходилъ въ жидовскую часть Кіева спорить съ Евреями, желая или обратить ихъ ко Христу, или потерпѣть отъ нихъ мученіе. Бѣдные, угнетенные въ судахъ, находили въ немъ заступника и судьи перерѣшали дѣла по просьбѣ уважаемаго игумена. Ѳеодосій имѣлъ большой вѣсъ у кн. Изяслава. Только однажды князь сильно озлобился на Печерскій монастырь за то, что Антоній во время возстанія Кіевлянъ противъ в. князя въ пользу Всеслава полоцкаго принялъ сторону послѣдняго; Антоній долженъ былъ тогда даже удалиться изъ Кіева въ Черниговъ. Умеръ онъ впрочемъ въ Кіевѣ послѣ сорокалѣтняго пещернаго затвора (1073 г.). Когда Святославъ отнялъ престолъ у Изяслава, одинъ Печерскій монастырь оставался вѣренъ изгнанному в. князю. Святославъ однако терпѣливо выслушивалъ обличенія въ неправдѣ отъ пр. Ѳеодосія и не смѣлъ гнѣваться на него. Однажды Ѳеодосій, придя къ князю, засталъ у него музыку, пѣсни и пляски скомороховъ. Святой сѣлъ поодаль и со слезами замѣтилъ

Святославу: „будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?“ В. князь велѣлъ прекратить игры и съ тѣхъ поръ онѣ всегда умолкали, когда докладывали о приходѣ Ѳеодосія. Святославъ такъ уважалъ св. мужа, что говаривалъ ему: „если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не обрадовался бы ему, какъ твоему приходу“. Такъ же относились къ Ѳеодосію многіе бояре. Между ними замѣчателенъ Варягъ *Шимонъ*, обращенный Ѳеодосіемъ изъ латинства, извѣстный по своему участію въ строеніи печерской церкви. Въ 1074 г. мая 3 преставился великій игуменъ, обѣщавши предъ кончиной молиться за свой монастырь и быть непрестанно духомъ съ братіею. Печерское преданіе приписываетъ ему и другое обѣтованіе, что всякій, положенный въ стѣнахъ обители, будетъ помилованъ отъ Бога; преданіе это въ старину было предметомъ общаго народнаго вѣрованія.

Подъ руководствомъ мудраго подвижника воспиталось много достойныхъ его учениковъ; таковы *св. Исаія* ростовскій, *св. Стефанъ*—преемникъ его по игуменству, потомъ епископъ волынскій, провидѣцъ *Іеремія*, помнившій еще крещеніе Русской земли, нестяжательный *Григорій*, утопленный в. кн. Ростиславомъ за обличенія, безмездный врачъ *Агапитъ* и др. Особеннымъ уваженіемъ пользовался подвигъ затворничества. Кромѣ пр. Антонія и Моѵсея Угрина, этимъ подвигомъ прославился пр. *Исаакій*. Семь лѣтъ провелъ онъ въ пещерѣ въ подвигахъ и борьбѣ съ бѣсами и однажды подвергся такому сильному бѣсовскому искушенію, что дошелъ до потери сознанія и тѣлесныхъ силъ; нужны были многіе годы, чтобы св. подвижникъ оправился отъ болѣзни, но, выздоровѣвши, онъ опять ушелъ въ затворъ, гдѣ и подвизался до смерти.

Построеніе печерской церкви. При игуменахъ *Стефанѣ, Никонѣ и Іоаннѣ* въ теченіе 15 лѣтъ производилось строеніе великой церкви во имя Успенія Богоматери, начатое еще при Антоніѣ и Ѳеодосіѣ въ 1073 г. и оконченное освященіемъ храма въ 1089. Необычайныя знаменія окружали и строеніе и освященіе этой главной святыни Кіева. Варягъ *Шимонъ* два раза видѣлъ въ видѣніи изображеніе будущей церкви и, явившись къ Ѳеодосію, далъ ему откровенную свыше мѣру ея и богатый вкладъ на построеніе. Сама Богоматерь послала мастеровъ изъ Царяграда и, заплативъ имъ за труды впередъ, дала имъ для храма Свою икону небеснаго написанія и мощи семи мучениковъ. Небесная роса указала мѣсто для храма, а небесный огнь очистилъ это мѣсто отъ зарослей. Сами пришли иконописцы изъ Царяграда, нанятые тамъ пр. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, спустя уже 10 лѣтъ послѣ смерти этихъ святыхъ. Въ 1091 г. въ великую церковь перенесены изъ пещеры мощи пр. Ѳеодосія.

Знаменитые подвижники послѣ пр. Θеодосія. Прославлялась обитель и св. иноками. Таковы были послѣ сподвижниковъ пр. Θеодосія извѣстные намъ *Евстратій*, *Пименъ Сухой*, *Кукша*, иконописецъ *Алипій*, игумены *Стефанъ*, *Никонъ* и *Поликарпъ*. Изъ затворниковъ извѣстны особенно: *Θеофилъ*, 12 лѣтъ не видавшій солнца въ пещерѣ, плакавшій день и ночь;—онъ скопилъ цѣлый сосудъ своихъ слезъ, а ангелъ предъ его кончиной показалъ ему еще другой сосудъ слезъ, которыя онъ ронялъ на полъ и которыя превратились въ благовонное муро; *Никита*, бывшій послѣ епископомъ въ Новгородѣ;—черезъ годъ своего затвора онъ подвергнулся искушенію человѣческой славы, по внушенію бѣса, явившагося ему въ видѣ ангела, пересталъ молиться, сталъ только читать книги и сдѣлался изумительнымъ учителемъ, но опытные иноки, замѣтивъ, что онъ зналъ наизусть весь Ветхій Завѣтъ, а Новаго не читалъ, поняли его состояніе и молитвою отогнали отъ него бѣса; послѣ этого нужно было снова учить его граматѣ, потому что онъ все забылъ, что зналъ. Третій затворникъ *Іоаннъ* (Многострадальный) замѣчателенъ своею борьбою противъ плотской страсти; 3 года онъ не вкушалъ пищи по 3—7 дней и носилъ вериги, потомъ 30 лѣтъ провелъ въ пещерѣ, наконецъ закопалъ себя въ землю по перси и пробылъ такъ весь великій постъ, претерпѣвая величайшія мученія отъ внутренняго жара и судорогъ во всемъ тѣлѣ; огненный змѣй палилъ его пламенемъ и грозилъ пожрать; въ самый день Пасхи молнія ударила въ змія, онъ исчезъ и страсть навсегда потухла въ подвижникѣ. Отъ тяжелаго затворническаго подвижничества неопытныхъ иноковъ въ монастырѣ старались отговаривать и требовали отъ нихъ общаго житія въ послушаніи игумену. Подвигомъ послушанія и смиренія особенно прославился кн. *Николай Святоша*, проведшій 6 лѣтъ искуса въ унизительной для князя службѣ на монастырской поварнѣ и привратникомъ, не смотря на то, что противъ этого сильно возставали его братья, князья черниговскіе. Достопамятны многіе другіе иноки: знаменитый отецъ русской исторіи лѣтописецъ *Несторъ*, *Прохоръ* лободникъ, чудесно производившій во время голода хлѣбъ изъ лободы и соль изъ золы, подвергшійся за это корыстолюбивой зависти в. кн. Святополка, *Θеодоръ* и *Василій*, убитые сыномъ Святополка Мстиславомъ. Бѣсъ въ образѣ Василія сказалъ князю, что Θеодоръ нашелъ кладъ въ своей пещерѣ; князь потребовалъ этого клада себѣ, но Θеодоръ послѣ долгой борьбы съ корыстолюбіемъ дошелъ до того, что забылъ самое мѣсто клада; гнѣвъ князя поразилъ обоихъ подвижниковъ.

Значеніе кіевской обители и ея средства. Печерскій монастырь мало по малу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ мо-

настырей и получилъ огромное вліяніе на всю русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическая настроенность распространялась и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ проявлялось оно здѣсь. По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми монастырями; въ XII вѣкѣ игуменъ его Поликарпъ получилъ санъ архимандрита; по всей вѣроятности въ описываемое же время обитель получила наименованіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархіей; болѣе 50 человѣкъ ея иноковъ занимали епископскія каѳедры, выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ Іакова, Нестора, Симона, Поликарпа. Каждый ея постриженникъ, куда бы его ни заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался по крайней мѣрѣ подъ старость, передъ смертью воротиться въ ея стѣны. Симонъ Владимірскій называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются въ священной печерской персти. Въ письмѣ къ иноку печерскому Поликарпу онъ пишетъ: „Кто не знаетъ красоты церкви соборной владимірской и другой суздальской, которую я выстроилъ? Сколько городовъ и селъ принадлежатъ имъ! По всей землѣ той сбираютъ десятину, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ, всю эту славу и власть вмѣнилъ бы въ прахъ, лишь бы Богъ привелъ мнѣ хоть хворостиною торчать за вратами или сором ъ валяться въ монастырѣ Печерскомъ и быть попираему людьми".—По мѣрѣ распространенія славы своей Печерская обитель обогащалась пожертвованіями князей и другихъ благочестивыхъ людей и стала богатѣйшимъ монастыремъ въ Россіи. Кн. Ярополкъ Изяславичъ далъ ей три волости, дочь его—5 селъ съ челядью, Ефремъ епископъ суздальскій—дворъ въ Суздалѣ съ церковію и селами. Монастырь получилъ возможность предпринимать у себя богатыя постройки и совершать дѣла монастырской благотворительности въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Монастыри югозападные. Вслѣдъ за кіевопечерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ русскихъ городахъ, преимущественно со второй половины XII вѣка. Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17; въ Переяславлѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ Галицкомъ княжествѣ 3, въ Полоцкѣ по житію *св. Евфросиніи* значится тоже 3, кромѣ ея Спасскаго монастыря, а въ Смоленскѣ по житію св. Авраамія смоленскаго и по лѣтописи—5 монастырей. Пр. *Авраамій* подвизался къ концу XII и въ началѣ XIII в. Раздавъ свое богатство, полученное отъ родителей, нищимъ, онъ нѣсколько времени юродствовалъ по улицамъ, потомъ поступилъ въ монастырь. Здѣсь, постоянно занимаясь кни

гами, онъ дошелъ до такой мудрости, что сдѣлался любимымъ учителемъ и священникомъ всего города. Изъ зависти къ его славѣ противъ него возстало все городское духовенство и обвинило его предъ епископомъ въ ереси, въ томъ, что онъ читаетъ *Голубиныя* книги; но онъ скоро былъ оправданъ своимъ благочестіемъ и чудесами и былъ поставленъ игуменомъ Ризположенскаго монастыря, который своимъ мудрымъ управленіемъ успѣлъ довести до высокаго духовнаго совершенства.—Въ югозападной Руси возникновеніе новыхъ обителей стѣснялось набѣгами Половцевъ и усобицами князей. Благочестивые иноки любили уходить для основанія монастырей особенно на сѣверъ, гдѣ было болѣе покоя и гдѣ кромѣ того сама природа съ своими дремучими лѣсами представляла прекрасныя мѣста для монашескихъ подвиговъ.

Сѣверные монастыри. Въ одномъ Новгородѣ было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородскихъ владѣній ихъ было болѣе 30. Первое мѣсто между новгородскими монастырями занималъ, основанный Ярославомъ, *Юрьевъ* монастырь, настоятель котораго носилъ титулъ архимандрита. За нимъ болѣе другихъ пользовались уваженіемъ *Антоніевъ* и *Хутынскій*. Первый основанъ въ началѣ XII в. пр. *Антоніемъ Римляниномъ*, который, удалившись отъ гоненія, воздвигнутаго въ Римѣ на православныхъ, приплылъ на камнѣ въ Новгородъ и спасался здѣсь въ своемъ монастырѣ 40 лѣтъ; второй основанъ въ концѣ XII вѣка пр. *Варлаамомъ* на пустынномъ мѣстѣ въ 10 верстахъ отъ Новгорода.—Въ Ростовской землѣ также было довольно монастырей, въ Ростовѣ было ихъ 2, въ Суздалѣ 4, во Владимірѣ 5, Переяславлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Ярославлѣ по одному. Первымъ монастыремъ съ архимандричьимъ настоятельствомъ былъ здѣсь *Рождественскій* владимірскій, основанный Всеволодомъ III въ 1192 г. Богатствомъ своимъ славился монастырь *Боголюбовъ*, основанный въ 1158 г. Андреемъ Боголюбскимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ему явилась Богоматерь и велѣла нести свою икону во Владиміръ. Въ началѣ XIII в. супруга Всеволода III *Марія* создала владимірскій *Успенскій* монастырь, въ которомъ и почила вскорѣ послѣ своего постриженія. Въ *Ризположенскомъ*, суздальскомъ монастырѣ (съ 1227 г.) спасалась другая княгиня *Евфросинія*, дочь Михаила черниговскаго, прибывшая въ Суздаль невѣстою суздальскаго князя, но не заставшая его въ живыхъ († 1250 г.).

Многіе изъ упомянутыхъ монастырей, какъ и Кіевопечерская лавра, владѣли *недвижимою собственностію* и рабами. Такъ, до насъ дошли: грамата в. кн. Мстислава Юрьеву монастырю (1128 г.) на село съ данью, вирами и продажами; грамата Варлаама Хутынскому монастырю на земли, огороды, ловища, пожни, челядь

и село; купчая и духовная граматы Антонія Римлянина его монастырю на земли и рабовъ и др. Имущества монастырей, кромѣ содержанія обителей, вездѣ назначались еще на дѣла благотворительности, которыя давали монастырямъ высокое общественное значеніе.

Состояніе христіанскаго просвѣщенія.

Кромѣ благотворительнаго значенія монастыри имѣли для общества еще значеніе просвѣтительное, были разсадниками церковныхъ учителей, распространителями книгъ. На чтеніе и списываніе книгъ монахи смотрѣли, какъ на богоугодный подвигъ; при монастыряхъ заводились значительныя библіотеки, наприм. при Печерскомъ, и школы для обученія граматѣ дѣтей, Кромѣ монастырей, школы заводились при церквахъ. Начало этихъ приходскихъ школъ видимъ еще при Владимірѣ. Ярославъ, строя церкви по городамъ и селамъ, велѣлъ священникамъ обучать народъ. Чтобы имѣть больше граматныхъ людей, онъ велѣлъ въ Новгородѣ у старостъ и у священниковъ собрать до 300 дѣтей и учить ихъ книгамъ. Самъ князь, по отзыву лѣтописца, читалъ книги день и ночь, собралъ писцовъ, которые по его повелѣнію переписали много книгъ, а иныя книги переводили съ греческаго на славянскій языкъ. „Владиміръ, говоритъ лѣтопись, распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ, а Ярославъ насѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе“.—При преемникахъ Ярослава средства къ образованію еще болѣе умножились. Сынъ Ярослава Святославъ черниговскій имѣлъ у себя полны клѣти книгъ, изъ которыхъ до насъ дошли два сборника, извѣстныхъ по его имени, одинъ—переведенный съ греческаго языка въ Болгаріи для болгарскаго царя Симеона и переписанный для Святослава въ 1073 г., другой—составленный въ 1076 г. Любовью къ образованію извѣстны такъ же Всеволодъ переяславскій, говорившій на 5 языкахъ, и сынъ его Владиміръ Мономахъ. При Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ *Янка*, дочь Всеволода, завела училище для обученія граматѣ дѣвицъ. Романъ смоленскій, строя училища, держалъ при нихъ учителей греческихъ и латинскихъ и истратилъ на нихъ все свое имѣніе. Въ Галиціи кн. *Ярославъ Осмосмыслъ* распорядился, чтобы монастыри на свой счетъ содержали школы и учителей. Константинъ Всеволодовичъ ростовскій постоянно держалъ при себѣ ученыхъ людей, покупалъ греческія книги и составилъ библіотеку, заключавшую въ себѣ до 1000 книгъ. Главнымъ средоточіемъ образованія, разумѣется, было духовенство, какъ это видно изъ отзывовъ лѣто-

писца о многихъ духовныхъ лицахъ, какъ „хитрыхъ книгамъ и ученью“, и изъ сохранившихся до насъ письменныхъ памятниковъ того времени.

Переводная письменность. Въ письменности XI—XIII в. преобладали преимущественно переводы съ греческаго, совершенные отчасти въ Россіи, но большею частію въ Болгаріи. Книги св. Писанія употреблялись въ болгарскомъ переводѣ свв. Кирилла и Меѳодія. Впрочемъ полнаго кодекса Библіи въ употребленіи не было; изъ нея употреблялись только отдѣльныя книги, и то однѣ каноническія, потому что апокрифическія книги не были переведены самими славянскими первоучителями. Послѣ книгъ св. Писанія въ переводахъ распространялись творенія отцевъ, житія святыхъ, Хронографы, Палея, сборники въ родѣ сборниковъ Святослава, Пчелы и проч.—Въ описываемое время находимъ уже ясные слѣды переходившей къ намъ изъ Византіи и Болгаріи апокрифической литтературы. Несторъ пользовался въ лѣтописи Палеей, въ которой на ряду съ истинными, библейскими разсказами помѣщены разсказы апокрифическаго характера; видимъ у него ссылку на апокрифическое слово о послѣднихъ временахъ Меѳодія патарскаго. Авраамія смоленскаго, какъ мы видѣли, обвиняли въ чтеніи Голубиныхъ книгъ. Изъ Болгаріи переходили и богомильскія ученія; послѣ Адріана въ 1123 году явился другой еретикъ *Дмитръ*, котораго *м. Никита* посадилъ подъ стражу.

Греческіе писатели въ Россіи. За переводами слѣдуютъ сочиненія нашихъ митрополитовъ Грековъ, написанныя на греческомъ языкѣ и дѣлавшіяся извѣстными русскимъ граматникамъ тоже въ переводахъ. Таковы: полемическое посланіе м. Іоанна II къ папѣ Клименту III и его же церковное правило, три посланія къ русскимъ князьямъ м. Никифора о латинахъ, его же посланіе къ Мономаху о постѣ и поученіе къ народу въ недѣлю сыропустную. Въ первомъ посланіи доказывается важность поста и между прочимъ высказывается замѣчательная въ историческомъ отношеніи похвала Владиміру Мономаху, простотѣ его жизни, ласковости, щедрости и другимъ качествамъ. Поученіе къ народу вооружается противъ господствовавшаго зла русской жизни—большихъ ростовъ и пьянства. Замѣчательно начало, изъ котораго видно, что митрополитъ не говорилъ поученія самъ по незнанію языка, а поручалъ читать его другимъ.

Русскіе писатели въ своихъ сочиненіяхъ старались подражать греческимъ образцамъ и подвергались немалой опасности усвоить тѣже недостатки, какими страдала тогдашняя греческая литтература,—хитросплетенія діалектики, пышное и многословное риторство, скудное живой практической мыслью. Ихъ выручали изъ этой опасности благой обычай подражать не столько новымъ

греческимъ авторамъ, сколько древнимъ отцамъ церкви, а также самая новость образованія въ Россіи, еще не успѣвшаго войти во вкусъ діалектики и риторства, живое религіозное чувство, которое такъ свойственно юнымъ христіанамъ и которое само собой оживляло бездушную форму риторской рѣчи, если и успѣвало облекаться въ нее, наконецъ слишкомъ много важнаго дѣла въ современной обстановкѣ русской жизни, дѣла, которое естественно одушевляло древне-русское поученіе и давало ему современное и практическое значеніе.

Лука Жидята и м. Иларіонъ. Первое мѣсто по времени между русскими произведеніями занимаетъ поученіе новгородскаго епископа *Луки Жидяты* (1036—1060 г.), въ безъискуственномъ перечнѣ излагающее главныя обязанности христіанина; оно вполнѣ соотвѣтствовало состоянію паствы, къ которой было обращено, и вполнѣ ее обрисовываетъ. *М. Иларіонъ* еще въ санѣ пресвитера написалъ замѣчательное по своему одушевленному витійству слово, содержаніе котораго опредѣляется заглавіемъ: „О законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшихъ, и како законъ отыде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владиміру, отъ негоже крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашея". Особеннымъ одушевленіемъ проникнуто изображеніе плодовъ крещенія на Руси и похвала Владиміру. Эта похвала очень нравилась въ старину, такъ что лѣтописцы часто цѣликомъ заимствовали изъ нея разныя черты и прилагали ихъ къ другимъ князьямъ, которыхъ думали похвалить. Заключительная молитва къ Богу отъ лица новопросвѣщеннаго народа была принята даже въ церковное употребленіе. — Послѣ Иларіона осталось еще „Исповѣданіе вѣры", образецъ православнаго изложенія главныхъ догматовъ, написанное имъ вѣроятно при возведеніи въ санъ митрополита.

Пр. Ѳеодосій, извѣстный своею учительностію не только среди своей братіи, но и за стѣнами Печерскаго монастыря, оставилъ нѣсколько поученій инокамъ и мірянамъ. Изъ поученій къ инокамъ узнаемъ темныя стороны тогдашней монастырской жизни, о которыхъ не говорятъ ни Несторъ, ни печерскій Патерикъ, занимавшіеся исключительно прославленіемъ знаменитой лавры. Ѳеодосій обличаетъ иноковъ за лѣность къ богослуженію, несоблюденіе правилъ воздержанія, собираніе имѣнія въ келліи, недовольство общей одеждой и пищей, ропотъ на игумена за то, что онъ на монастырскія средства содержалъ странныхъ и бѣдныхъ. Два поученія Ѳеодосія обращены ко всему народу, одно „о казняхъ Божіихъ" за грѣхи, замѣчательное изображеніемъ

остатковъ языческихъ повѣрій въ народѣ и господствующихъ пороковъ времени, грабежей, своекорыстія, мздоимства и особенно пьянства; другое направлено противъ пьянства, кромѣ того содержитъ краткія наставленія не пѣть на пирахъ множество тропарей и не пить за каждымъ особой чаши, не считать кутью яствомъ во оставленіе грѣховъ, не прикладывать къ ней по языческому обычаю воды и яицъ, не вносить въ церковь пищи и питья въ видѣ приношеній. Два посланія къ в. кн. Изяславу отвѣчаютъ на современные вопросы, — одно о постѣ въ среду и пятокъ, рѣшающее этотъ вопросъ согласно съ Студійскимъ уставомъ, другое—о вѣрѣ варяжской или латинской, гдѣ исчисляются отступленія отъ православія и обычаи латинянъ, запрещается всякое съ ними общеніе въ пищѣ, питьѣ и бракахъ. „Кто скажетъ: и ту и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двувѣрный? Развѣ не слыхалъ, что написано: едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ“?

Кириллъ туровскій. Во второй половинѣ XII в. у насъ явился проповѣдникъ, который прославился, какъ русскій Златоустъ; это св. Кириллъ туровскій, отъ котораго осталось 12 словъ на разные праздники, 3 посланія къ инокамъ, 20 молитвъ и молебный канонъ. Названіе Златоуста къ нему впрочемъ мало идетъ; онъ даже не столько проповѣдникъ, сколько религіозный поэтъ. Въ его словахъ мало общедоступной учительности и практическаго направленія; это совершенно отвлеченныя отъ дѣйствительности, восторженно-витійственныя размышленія о предметѣ того или другаго праздника, даже безъ обычныхъ обращеній къ слушателямъ. Форма представленій оратора большею частію символическая и аллегорическая, изобилующая картинами, олицетвореніями, драмматическими, разговорными эпизодами и т. п.; аллегорически объясняются иногда даже простыя евангельскія повѣствованія. Для большинства тогдашнихъ слушателей всѣ эти слова должны были оставаться совершенно непонятными. За то св. Кириллъ по характеру своего таланта является безусловно хорошъ въ своихъ церковныхъ молитвахъ и канонѣ. — Его аскетическія произведенія, „Сказаніе о черноризческомъ чинѣ“ и посланіе къ печерскому игумену Василію, изображаютъ разныя правила монашеской жизни; наприм.: „будь, какъ одежда, не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки; имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь; принимай, какъ манну, хлѣбъ, надъ которымъ ты не трудился, отъ руки келаря“ и проч. Въ послѣднемъ посланіи авторъ мимоходомъ касается непостоянныхъ иноковъ, которые рады всякому случаю ослабить строгость жизни ради праздника, ради друга и т. п. Объясняя значеніе монашескихъ одеждъ и обѣтовъ, святитель и здѣсь впадаетъ въ любимую алле-

аллегорическую форму представленій. Третье посланіе „О бѣлоризцѣ человѣцѣ" все состоитъ изъ аллегоріи и называется притчею.

Отъ описываемаго времени до насъ дошло нѣсколько *поученій безыменныхъ авторовъ*. Особенно замѣчательны поученія противъ остатковъ язычества. Таково „Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ" (въ сборникѣ Златая Цѣпь). Ревнитель, какъ Илія Ѳесвитянинъ, вооружается противъ христіанъ, двоевѣрно живущихъ, вѣрующихъ въ Перуна, Хорса, Мокошь, Сима и Регла и въ Вилы; требы имъ кладутъ невѣгласы и куръ имъ рѣжутъ; молятся огню, зовутъ его Сварожичемъ, и чеснокъ богомъ творятъ. Такъ поступали, по слову христолюбца, даже попы и книжники, по крайней мѣрѣ соизволяли творящимъ такъ и не хотѣли ихъ поучить. Не подобаютъ христіанамъ игры бѣсовскія, плясанье, гудьба, пѣсни, жертвы идольскія; не подобаетъ молиться подъ овиномъ, молиться огню, Виламъ, Мокоши, Перуну, Волосу-скотью богу, Роду и Рожаницамъ.

Игуменъ Даніилъ. Кромѣ поученій, до насъ дошли назидательныя творенія и въ другихъ родахъ. Игуменъ *Даніилъ*, ходившій въ Іерусалимъ, составилъ для любителей св. мѣстъ любопытное описаніе своего паломничества, бывшее самымъ употребительнымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей и распространенное во множествѣ списковъ. Даніилъ былъ въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода, былъ обласканъ королемъ *Балдуиномъ*, видѣлъ тамъ много русскихъ путешественниковъ изъ Кіева и Новгорода, въ теченіе 16 мѣсяцевъ осмотрѣлъ всѣ св. мѣста, видѣлъ чудесное схожденіе огня ко гробу Господню, молился о русскихъ князьяхъ, боярахъ и своихъ духовныхъ дѣтяхъ, записалъ ихъ имена при гробѣ Господнемъ и повѣсилъ лампаду отъ всей Русской земли.

Писатели въ повѣствовательномъ родѣ. Изъ повѣствователей древнѣйшій *Іаковъ мнихъ*, отъ котораго остались: житіе св. Бориса и Глѣба и нравоучительное посланіе къ в. кн. Изяславу противъ гордости, пьянства и блуда. — Въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Печерскій монастырь воспиталъ знаменитаго лѣтописца — отца Русской Исторіи — пр. *Нестора*; 17-ти лѣтъ пришелъ онъ (1073 г.) къ пр. Ѳеодосію, при игуменѣ Стефанѣ былъ постриженъ и поставленъ діакономъ, скончался послѣ 1113 года, который еще внесенъ въ его лѣтопись. Лѣтописи древней Руси, кромѣ своего историческаго значенія, всегда имѣли еще значеніе религіозно-поучительное. Лѣтописецъ искалъ въ событіяхъ нравственнаго смысла; предлагалъ свой трудъ, именно какъ поученіе. Отъ того разсказъ его постоянно прерывается назидательными размышленіями, въ которыхъ проводятся обычныя мысли современной ему морали. Такова лѣтопись пр. Нестора; таковы же

труды и другихъ лѣтописцевъ какъ этого времени, такъ и позднѣйшихъ. Еще раньше лѣтописи пр. Несторъ написалъ повѣствованіе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ и житіе пр. Θеодосія.

Послѣ Іакова и Нестора, какъ жизнеописатель, извѣстенъ еще *св. Симонъ владимірскій* (1215—1226 г.). Онъ написалъ обширное посланіе къ *Поликарпу*, печерскому иноку, который былъ обладаемъ страстью почестей, два раза уходилъ изъ монастыря для занятія игуменскихъ мѣстъ и домогался даже епископскаго сана. Въ своемъ посланіи Симонъ увѣщевалъ его твердо стоять въ монашескихъ обѣтахъ послушанія и смиренія, не искать высшихъ сановъ, а главное не оставлять своего монастыря. Симонъ описываетъ славу Печерской обители, выражаетъ горячую любовь и благоговѣніе къ ней и, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Поликарпа, представляетъ цѣлые разсказы о св. подвижникахъ лавры и о нѣкоторыхъ инокахъ, погубившихъ души свои страстями; наконецъ подробно передаетъ исторію созданія кіево-печерской церкви. Увѣщанія Симона подѣйствовали на Поликарпа и онъ остался въ Печерскомъ монастырѣ простымъ инокомъ.

Поликарпъ продолжалъ трудъ Симона въ своемъ *посланіи* къ печерскому архимандриту *Акиндину*, который просилъ его разсказать о печерскихъ угодникахъ. Ссылаясь на устные разсказы Симона, Поликарпъ написалъ 12 разсказовъ о печерскихъ святыхъ, о которыхъ не сказано въ посланіи Симона. Изъ этихъ посланій Симона и Поликарпа, съ прибавленіемъ къ нимъ извѣстій объ Антоніѣ, Θеодосіѣ и нѣкоторыхъ другихъ подвижникахъ изъ сочиненій Нестора, составился печерскій *Патерикъ*.

Изъ *житій русскихъ святыхъ* къ описываемому времени принадлежатъ еще: житіе Антонія Римлянина, написанное преемникомъ его по игуменству *Андреемъ*, житіе Авраамія смоленскаго, написанное ученикомъ его *Ефремомъ*, и житія Леонтія и Исаіи ростовскихъ.

III. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПОСЛѢ УСИЛЕНІЯ СѢВЕРНОЙ РУСИ ДО РАЗДѢЛЕНІЯ МИТРОПОЛІИ.

Нашествіе Монголовъ. Въ 1237—40 годахъ Россію постигло нашествіе Монголовъ. Сначала опустошены были Рязанское и Владимірское княжества; народонаселеніе ихъ вырѣзано; церкви и монастыри разрушены или осквернены. Во Владимірѣ погибли епископъ *Митрофанъ* и все семейство в. князя *Юрія Всеволодовича.* Самъ Юрій палъ за вѣру и отечество на берегахъ Сити. Его племянникъ *Василій Константиновичъ* ростовскій попался въ плѣнъ къ варварамъ и погибъ мученическою смертью за то,

4*

что не хотѣлъ отречься отъ православія. Потомъ въ южной Руси разрушены Переяславль, Черниговъ, Кіевъ, города волынскіе и галицкіе. Въ Кіевѣ погибли его главныя святыни—Софійскій и Десятинный храмы; Печерская лавра была разрушена, монахи ея разбѣжались по лѣснымъ дебрямъ и пещерамъ. Краса Русской земли, стольный городъ в. князя и митрополита обратился въ ничтожное мѣстечко, въ которомъ насчитывалось всего около 200 домовъ.

Возвышеніе сѣверовосточной Руси. Общее бѣдствіе однако обрушилось не съ одинаковой тяжестью надъ той и другой половиной Руси. Сѣверо-восточная Русь была опустошена менѣе; когда страшная буря пронеслась, она снова поправилась, благодаря умной дѣятельности своихъ князей. Южная же Русь обращена была въ сплошную пустыню; кромѣ того Монголы и послѣ ея опустошенія продолжали кочевать по ея степнымъ украйнамъ и были постоянной грозой для ея народонаселенія. Вслѣдствіе этого все земледѣльческое и промышленное населеніе ея массами потянулось на сѣверъ. Русская историческая жизнь отлила въ область Волги, завязала для себя новый центръ, вмѣсто южнаго Кіева, въ Москвѣ, и стала развиваться здѣсь уже въ новомъ направленіи. Сюда же передвинулось и средоточіе церковной жизни—русская митрополія. Главнымъ поприщемъ церковно-исторической жизни сдѣлалась Великороссія, что не могло имѣть сильнаго вліянія на ходъ церковной исторіи, какъ вслѣдствіе новыхъ особенностей государственной исторіи на новомъ мѣстѣ, такъ и особенностей самого великорусскаго народонаселенія.

Іерархія и духовенство.

М. Кириллъ II. Во время разоренія Кіева пропалъ безъ вѣсти м. *Іосифъ*, не задолго до этого присланный изъ Греціи; на мѣсто его избранъ новый митрополитъ изъ Русскихъ, *Кириллъ II*. Воротясь изъ Греціи, куда онъ ѣздилъ посвящаться, онъ уже не нашелъ себѣ пріюта въ разоренномъ Кіевѣ и долженъ былъ выбирать для своего пребыванія другой городъ,—или Галичъ, столицу южнаго в. князя, или Владиміръ, столицу сѣвернаго в. князя. Рѣшительнаго выбора этотъ митрополитъ не могъ еще сдѣлать и, не имѣя такимъ образомъ пребывающаго града, все время своего святительства провелъ въ разъѣздахъ по своей митрополіи съ мѣста на мѣсто. Но и теперь уже было видно, что Владиміръ со временемъ будетъ предпочтенъ Галичу: большую часть времени своего управленія Кириллъ провелъ на сѣверѣ, даже долгое время не рукополагалъ во Владиміръ особаго епископа; онъ рукоположилъ туда *Серапіона* уже въ 1274 году. Во время своихъ разъѣздовъ Кириллъ много видѣлъ безпо-

рядковъ по всѣмъ мѣстамъ какъ въ церковномъ управленіи, такъ и въ жизни народа. Это было поводомъ къ замѣчательнымъ постановленіямъ собора, созваннаго имъ во Владимірѣ въ 1274 году. Въ правленіе этого же митрополита въ первый разъ опредѣлились отношенія къ церкви Монголовъ.

Отношенія къ церкви Монголовъ. При завоеваніи Руси Монголы были язычниками, признавали единаго Бога, но покланялись и многимъ другимъ богамъ, — идоламъ, солнцу, лунѣ, водѣ, огню, тѣнямъ умершихъ хановъ, вѣрили въ силу молніи надъ бѣсами, очистительное значеніе огня, въ колдовство и держали у себя цѣлыя толпы шамановъ и заклинателей. Въ Ордѣ едва ли даже была одна какая нибудь господствующая религія,—по всей вѣроятности тамъ господствовала смѣсь всякихъ вѣрованій средней Азіи. Отсюда объясняется религіозный индеффрентизмъ Монголовъ. Въ своей Ясѣ (книгѣ запретовъ) *Чингисъ-ханъ* велѣлъ уважать и бояться всѣхъ боговъ, чьи бы они ни были. Въ Ордѣ свободно отправлялись всякія богослуженія, и ханы сами участвовали при совершеніи и христіанскихъ, и мухаммеданскихъ, и буддійскихъ обрядовъ, уважали и духовенство всѣхъ вѣръ. Развореніе русскихъ святынь, жестокости противъ христіанъ во время нашествія на Русь нимало не противорѣчили этой вѣротерпимости, проистекая изъ обычной азіатской манеры вести войну. Мученики за вѣру, кромѣ к. Василька ростовскаго, какъ то в. кн. Юрій и *Меркурій смоленскій* (погибъ во время нашествія Монголовъ на Смоленскъ въ 1238 г.), гибнутъ на войнѣ. Во время самаго нашествія Монголовъ видимъ уже ихъ обычай щадить духовенство; изъ погибшихъ въ это время духовныхъ лицъ извѣстны только Митрофанъ епископъ владимірскій, *Симеонъ* переяславскій и нѣсколько печерскихъ иноковъ. Въ 1264 г. встрѣчаемъ первыхъ мучениковъ въ самой Ордѣ, кн. *Михаила Всеволодовича* черниговскаго съ бояриномъ *Ѳеодоромъ.* Въ 1270 г. замученъ въ Ордѣ кн. *Романъ Ольговичъ* рязанскій. Но и въ этихъ двухъ случаяхъ Монголы не отступали отъ Ясы Чингиса; они не касались самаго христіанства, а требовали отъ князей только исполненія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ предъ аудіенціей у хана, прохожденія чрезъ очистительный огонь, поклоненія изображеніямъ умершихъ хановъ, солнцу и кусту, и такого же уваженія къ вѣрѣ хана, какое сами привыкли оказывать всѣмъ вѣрамъ.

Пользуясь вѣротерпимостью Монголовъ, Кириллъ въ самой столицѣ хановъ—Сараѣ учредилъ православную епископію, поставивъ на нее епископомъ (въ 1261 г.) *Митрофана.* У Хана *Менгу Темира* онъ выпросилъ *ярлыкъ* духовенству. Еще при первомъ обложеніи Руси данью духовенство было освобождено отъ ея платежа. Ханъ Менгу въ своемъ ярлыкѣ также освобождаетъ

все бѣлое и черное духовенство отъ дани и пошлинъ,—пусть де безпечально молятся за него и за все его, ханово, племя. Отъ даней и пошлинъ освобождались такъ же братья и дѣти поповъ, живущія съ ними не въ раздѣлѣ. Церковныя земли и угодья, церковные люди, вещи, книги, иконы и проч. объявлены неприкосновенными; запрещено подъ страхомъ злой смерти хулить православную вѣру.

М. Максимъ. Преемникъ Кирилла *блаж. Максимъ* прибылъ изъ Греціи въ 1283 г. и тогда же отправился въ Орду за утвержденіемъ въ своемъ санѣ отъ хана. И онъ долженъ былъ вести странническую жизнь подобно предшественнику, пока въ 1299 году не поселился во Владимірѣ. Житіе его повѣствуетъ, что по прибытіи въ этотъ городъ сама Богоматерь явилась ему во снѣ, одобрила его намѣреніе поселиться въ Ея градѣ и дала ему омофоръ, который чудесно остался у него въ рукахъ по пробужденіи. Такъ сдѣланъ былъ первый рѣшительный шагъ къ перенесенію митрополіи на сѣверъ. На югѣ, въ Галичѣ, должны были конечно дурно отнестись къ этому переселенію митрополита. И дѣйствительно, непосредственно послѣ смерти Максима (1305 г.) между югомъ и сѣверомъ видимъ слѣды соперничества изъ-за митрополіи, которое съ теченіемъ времени все разрастается и ведетъ къ раздѣленію Русской церкви на двѣ половины. Вел. кн. *Юрій Львовичъ,* управлявшій Волынью и Галичемъ, внукъ Даніила, „восхотѣ Галичскую епископію въ митрополію претворити" и отправилъ въ Царьградъ своего кандидата на эту митрополію, *св. Петра.* Но п. Аѳанасій (въ 1308 г.) поставилъ Петра митрополитомъ не галицкимъ, а *всея Россіи.*

Св. Петръ, родомъ изъ Волыни, съ 12 лѣтъ поступилъ въ монастырь и удивлялъ братію своимъ послушаніемъ и подвигами, потомъ послѣ многихъ лѣтъ монастырскаго подвижничества онъ ушелъ въ уединеніе на р. Рату и основалъ свой монастырь. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ и отправился прямо на сѣверъ. Въ сѣверной Руси шла тогда сильная борьба изъ за велико-княжескаго достоинства между *Михаиломъ* тверскимъ и *Юріемъ* московскимъ. Ставъ на сторонѣ Юрія, митрополитъ на первыхъ же порахъ возбудилъ противъ себя вражду въ Твери. Тверской епископъ *Андрей* оклеветалъ святителя предъ патріархомъ, вслѣдствіе чего для суда надъ нимъ въ 1311 году былъ созванъ соборъ въ Переяславлѣ. Клевета однако скоро обнаружилась, но смиренный святитель отъ души простилъ ея виновника Андрея, сказавъ ему: „Миръ тебѣ, чадо; не ты сотворилъ это, а дьяволъ". Неудивительно, что св. Петръ не любилъ жить въ Твери, а болѣе всего проживалъ въ Москвѣ, у своего любимаго князя, брата Юріева, *Іоанна Даниловича.*

Между тѣмъ въ Ордѣ произошла важная перемѣна, которая должна была обратить особенное вниманіе митрополита на *ордынскія отношенія*; въ 1313 г. тамъ сдѣлался ханомъ *Узбекъ* и первый изъ хановъ принялъ мухаммеданство. Съ объявленіемъ мухаммеданства, извѣстнаго своимъ фанатизмомъ, господствующею вѣрою въ Ордѣ нельзя было разсчитывать на продолженіе прежнихъ отношеній хановъ къ православію. Св. Петръ счелъ нужнымъ отправиться въ Орду. Къ счастію старая языческая терпимость не вдругъ пропала между новыми исповѣдниками Мухаммеда; митрополита приняли по старому съ честью и отпустили съ новымъ ярлыкомъ. Кромѣ прежнихъ льготъ, здѣсь прибавлены были еще новыя льготы относительно церковнаго суда: всѣ церковные люди подчинены суду митрополита по всѣмъ дѣламъ, не исключая уголовныхъ.

На Руси усобица сѣверныхъ князей все усиливалась. Въ 1319 г. Михаилъ тверской былъ замученъ въ Ордѣ по клеветѣ Юрія. Потомъ въ 1325 г. послѣдовало убіеніе въ Ордѣ самого Юрія сыномъ Михаила *Димитріемъ*, казнь Димитрія отъ Узбека и новая борьба между братомъ Димитрія *Александромъ* тверскимъ и братомъ Юрія *Іоанномъ Даниловичемъ* московскимъ. Узбекъ утвердилъ въ князехъ Александра, но Іоаннъ нашелъ сильное средство удержать первенство за Москвой въ расположеніи къ нему м. Петра. Престарѣлый святитель теперь совсѣмъ поселился въ Москвѣ у любимаго князя и просилъ его устроить здѣсь свой каѳедральный соборъ. „Если послушаешь меня, сынъ мой", говорилъ онъ, „храмъ пресв. Богородицы построишь и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители въ немъ станутъ жить, и покоритъ онъ всѣ другіе города". Іоаннъ Калита дѣйствительно основалъ каменный соборъ Успенія Богоматери. Св. Петръ скончался 21 декабря 1326 года, не дождавшись окончанія желанной постройки. Гробъ его, поставленный въ Успенскомъ соборѣ, сталъ краеугольнымъ камнемъ величія Москвы. Новое мѣсто для каѳедры митрополитовъ было наконецъ найдено, хотя митрополія все еще продолжала именоваться не Московскою, а Кіевскою. Пребываніе митрополита въ Москвѣ давало этому городу значеніе главнаго города всей земли, потому что князей было много, а митрополитъ былъ одинъ; кромѣ того, каѳедра митрополичья способствовала возрастанію и обогащенію Москвы, отвсюду привлекая къ себѣ людей, имѣвшихъ нужду до верховнаго святителя, наконецъ митрополитъ естественно долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго жилъ. — Между тѣмъ южная Русь подпала подъ владычество Литвы и окончательно потеряла свое первенствующее значеніе въ церков-

ной жизни. Съ 1315 г. литовскимъ княземъ сдѣлался знаменитый *Гедиминъ* и еще при жизни св. Петра (въ 1321 г.) овладѣлъ всей Волынью и Кіевомъ. Съ этого времени къ заботамъ объ отношеніяхъ къ Монголамъ у митрополитовъ присоединяются еще новыя заботы объ *отношеніяхъ къ Литвѣ.*

М. Ѳеогностъ. Преемникъ св. Петра, Грекъ *Ѳеогностъ*, посвященный въ 1328 г., уже прямо отправился на жительство въ Москву, къ московскому князю, который въ томъ же году сдѣлался в. княземъ. *Александръ Михайловичъ* тверской, произведя въ Твери возстаніе противъ ханскаго посла *Щелкана* и избіеніе Татаръ его свиты, навлекъ на себя опалу Узбека и бѣжалъ во Псковъ. Іоаннъ Калита долженъ былъ взять его у Псковичей и представить въ Орду. При этомъ вполнѣ открылось, какого важнаго союзника имѣла Москва въ митрополитѣ. Ѳеогностъ за пріемъ опальнаго князя объявилъ Псковичамъ свою анаѳему. Послѣ этого Александръ долженъ былъ оставить полюбившій его городъ и уѣхалъ въ Литву. Скоро впрочемъ онъ снова воротился и сталъ княжить во Псковѣ. Понятно, что старое стремленіе Пскова получить церковную самостоятельность теперь особенно должно было усилиться; Псковичи выбрали себѣ въ епископы нѣкоего *Арсенія* и послали его для посвященія къ митрополиту, но Ѳеогностъ рѣшительно отказалъ имъ въ томъ.—Удѣльные князья, конечно, были очень недовольны постоянною связью митрополита съ Москвой, но помѣшать этой связи не имѣли силы. Болѣе сильнаго противодѣйствія можно было ожидать только отъ Литвы и Польши, владѣвшихъ русскими землями. Дѣйствительно, по проискамъ съ этой стороны и честолюбію разныхъ духовныхъ лицъ югозападной Руси, въ Константинополѣ одно время едва не порѣшили открыть особую митрополію въ Галичѣ; были уже тамъ и митрополиты, одинъ за другимъ покупавшіе себѣ санъ на востокѣ, *Ѳеодоръ* и *Ѳеодоритъ.* Но на этотъ разъ сами Греки скоро увидали вредъ такого раздѣленія Русской митрополіи. Ѳеодоритъ, посвященный въ митрополиты терновскимъ патріархомъ, былъ низложенъ константинопольскимъ соборомъ 1352—53 г. Въ Орду Ѳеогностъ долженъ былъ ѣздить два раза. Во вторую поѣздку (1342 г.) его встрѣтили тамъ большія непріятности. Кто-то сказалъ хану *Чанибеку*, что митрополитъ собираетъ большіе доходы съ духовенства и что у него много денегъ. Ханъ потребовалъ у него платежа со всего духовенства. Ѳеогностъ перенесъ въ Ордѣ всякія истязанія, раздарилъ до 600 рублей разнымъ сильнымъ людямъ и все-таки настоялъ на томъ, что ханъ утвердилъ за церковію всѣ ея прежнія льготы своимъ ярлыкомъ. Святитель умеръ въ 1353 году вмѣстѣ съ в. кн. *Симеономъ* отъ моровой язвы.

Споръ о митрополіи. Св. Алексій и Романъ. Избранный еще при жизни Θеогноста, его преемникъ *св. Алексій* былъ изъ боярскаго рода Плещеевыхъ, родился въ 1300 г. и имѣлъ своимъ воспріемникомъ Калиту. Лѣтъ 20-ти онъ постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ Здѣсь замѣтилъ его м. Θеогностъ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ, а потомъ епископомъ владимірскимъ. По смерти Θеогноста св. Алексій поѣхалъ въ Грецію и былъ посвященъ въ митрополиты (1354 г.). Какъ видится, неоднократное поставленіе на митрополію русскихъ людей стало обращать на себя безпокойное вниманіе Грековъ; соборъ случаю его поставленія сдѣлалъ оговорку, что Алексій поставляется митрополитомъ, какъ исключеніе, вслѣдствіе личныхъ своихъ достоинствъ, но что впредь митрополиты должны посылаться на Русь непремѣнно изъ Грековъ. Въ тоже время положено не раздѣлять Русской митрополіи, потому что, хотя митрополитъ и живетъ въ Москвѣ, но Кіевъ все-таки остается его престольнымъ мѣстомъ. Но еще не выѣхалъ Алексій изъ Царяграда, какъ пріѣхалъ сюда новый кандидатъ на митрополію *Романъ*, присланный отъ князя *Ольгерда*, который, желая освободиться отъ церковнаго подчиненія своей страны московскому митрополиту, захотѣлъ имѣть своего собственнаго митрополита. Опасеніе, какъ бы въ случаѣ отказа Ольгердъ не сдѣлалъ вреда православію, а болѣе всего богатые дары заставили патріарха посвятить и Романа. Оба митрополита явились на Русь и сотворился, по разсказу лѣтописца, мятежъ во святительствѣ. Алексій былъ принятъ въ Москвѣ, а Романъ въ Литвѣ и на Волыни; но ни тотъ, ни другой не довольствовались своими предѣлами, отъ обоихъ являлись въ епископіяхъ послы и была вездѣ тяжесть священному чину. Св. Алексій не уступалъ Роману Кіева и требовалъ тамъ себѣ подчиненія, Романъ точно также дѣлалъ распоряженія въ Твери, пользуясь тѣмъ, что *Михаилъ Александровичъ* тверской былъ родственникъ и союзникъ Ольгерда. Церковная смута прекратилась уже въ 1362 г. смертью Романа. П. Филоѳей опять сдѣлалъ опредѣленіе, чтобы Литва не отдѣлялась отъ всероссійскаго митрополита. Но св. Алексій былъ вовсе не такой первосвятитель, которымъ могли бы быть довольны въ княжествахъ, не ладившихъ съ Москвой.

Участіе св. Алексія въ гражданскихъ дѣлахъ. Еще в. кн. Симеонъ завѣщалъ братьямъ слушаться владыки Алексія и старыхъ бояръ, которые имъ добра хотѣли. Дѣятельность Алексія въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ хорошо показала, какъ онъ хотѣлъ добра дѣтямъ и внукамъ Калиты. Въ правленіе *Іоанна II* онъ былъ главнымъ совѣтникомъ в. князя и во всемъ ему содѣйствовалъ, а его содѣйствіе было очень важно вслѣдствіе

особеннаго благоволенія къ нему хановъ. Въ 1357 г., по случаю глазной болѣзни ханши *Тайдулы*, которой никакъ не могли вылечить волхвы татарскіе, ханъ Чанибекъ писалъ къ князю: „Мы слышали, что Богъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; отпустите его къ намъ, да исцѣлитъ его молитвами царица моя; а то пойду опустошать землю вашу“. Святитель поѣхалъ и изцѣлилъ Тайдулу. Послѣ этого его еще болѣе стали уважать въ Ордѣ. Въ томъ же году Чанибекъ умеръ; его сынъ, свирѣпый *Бердибекъ* потребовалъ отъ русскихъ князей новой дани. Алексій снова поѣхалъ въ Орду ходатайствовать за Русскую землю. При содѣйствіи Тайдулы онъ укротилъ хана и воротился съ новымъ ярлыкомъ. При малолѣтнемъ *Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ* митрополитъ былъ настоящимъ правителемъ государства и выручилъ Москву изъ довольно опасныхъ обстоятельствъ. Онъ помогъ Димитрію удержать великокняжеское достоинство, не смотря на соперничество старшаго родича, *Димитрія* суздальскаго. Нѣсколько времени спустя, митрополитъ вступился въ ссору суздальскихъ князей *Димитрія* и *Бориса* изъ-за Нижняго и звалъ ихъ судиться въ Москву. Борисъ отказался, не желая признавать власти московскаго князя. Св. Алексій послалъ къ нему въ Нижній пр. *Сергія Радонежскаго* съ повелѣніемъ затворить всѣ церкви въ городѣ и этой сильной мѣрой смирилъ Бориса, заставилъ его уступить Нижній брату. При посредствѣ митрополита заключались княжескіе договоры; онъ употреблялъ свою духовную силу и для того, чтобы заставить князей соблюдать эти договоры, предавалъ отлученію тѣхъ изъ нихъ, которые вступали противъ Москвы въ связь съ Литвой.

М. Кипріанъ. Постоянная связь митрополита съ Москвой должна была возбуждать къ нему сильную неприязнь въ Литвѣ и Польшѣ. Въ 1371 г., не смотря на прежнія опредѣленія о единствѣ митрополіи, п. Филоѳей долженъ былъ уступить настояніямъ польскаго короля *Казиміра* и дать Галичу особаго митрополита *Антонія*. Въ тоже время Ольгердъ написалъ патріарху, что никогда не бывало такого тяжелаго митрополита на Руси, какъ св. Алексій, что онъ вовсе не посѣщаетъ Кіева и Литвы, и любитъ одного только князя московскаго,—съ благословенія его Москва обидѣла его Ольгердова шурина, Михаила тверскаго, и зятя, Бориса нижегородскаго, съ перебѣжчиковъ на московскую сторону митрополитъ снимаетъ крестное цѣлованіе и проч., и въ заключеніе просилъ поставить особаго митрополита въ Кіевъ, Малую Россію, Литву, Смоленскъ, Тверь и Нижній, т. е. во всѣ мѣстности, враждовавшія съ Москвой. Филоѳей уступилъ и этой просьбѣ и въ 1376 г. поставилъ митрополитомъ кіевскимъ Серба *Кипріана*. Въ Россіи стало такимъ образомъ разомъ три митро-

полита. Для поддержанія единства митрополіи патріархъ опредѣлилъ только, чтобы Кипріанъ снова соединилъ Русь подъ своей властью уже послѣ смерти Алексія.

Архимандритъ Митяй. Понятно, что въ Москвѣ были очень недовольны поставленіемъ Кипріана и назначеніемъ его въ преемники св. Алексію безъ согласія в. князя. Престарѣлый святитель хотѣлъ назначить себѣ преемникомъ пр. Сергія, но смиренный подвижникъ рѣшительно отказался отъ этой чести. Тогда в. князь намѣтилъ въ митрополію своего духовника и любимца, священника *Митяя* (Михаила). Это былъ человѣкъ видной наружности, съ громкой и чистой рѣчью, хорошо толковавшій силу книжную, знавшій всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи, разсуждавшій краснорѣчиво въ судахъ и дѣлахъ. В. князь уговорилъ его постричься и въ самый день постриженія сдѣлалъ архимандритомъ московскаго Спасскаго монастыря. Не смотря на то, что Алексій никакъ не соглашался признать Митяя своимъ преемникомъ, едва только святитель скончался (въ 1378 г.), какъ Митяй вошелъ на митрополичій дворъ и началъ всѣмъ здѣсь распоряжаться и собирать митрополичью дань. Много явилось людей, которые не желали имѣть его митрополитомъ. Больше другихъ говорилъ противъ него епископъ суздальскій *св. Діонисій.* Митяй разсердился, запальчиво потребовалъ отъ него отвѣта, почему онъ не являлся къ нему за благословеніемъ. „Ты долженъ былъ придти ко мнѣ за благословеніемъ, отвѣчалъ Діонисій, потому что я епископъ, а ты попъ“. —Я тебя и попомъ не оставлю, закричалъ Митяй. Своими руками спорю твои скрижали.—Узнавъ, что Діонисій самъ намѣренъ отправиться въ Грецію, Митяй съ в. княземъ посадили его подъ стражу. Діонисій далъ слово не ѣздить въ Грецію и выставилъ поручителемъ за себя пр. Сергія, но не сдержалъ этого слова и уѣхалъ не болѣе, какъ чрезъ недѣлю послѣ своего освобожденія. Митяй страшно разсердился и на него, и на Сергія; послѣдній даже боялся, какъ бы не разорили его обители. Между тѣмъ изъ Кіева ѣхалъ м. Кипріанъ, который долженъ былъ занять теперь всю митрополію въ силу соборнаго опредѣленія 1376 г. Но в. князь видѣлъ въ Кипріанѣ избранника Ольгерда и съ безчестіемъ выгналъ его изъ Москвы. Послѣ всего этого Митяй двинулся въ Грецію съ огромной свитой, съ дарами Грекамъ и съ нѣсколькими бланками, скрѣпленными печатью в. князя, для написанія въ случаѣ недостачи денегъ кабалы или векселя, но при самомъ концѣ дороги, уже въ виду Константинополя, внезапно умеръ въ 1379.

Споръ о митрополіи между Пименомъ и Кипріаномъ. Послѣ смерти Митяя одинъ архимандритъ изъ его свиты *Пименъ* склонилъ своихъ спутниковъ хлопотать о посвященіи его вмѣсто Митяя.

На одной бланкѣ за в. княжеской печатью написали прошеніе отъ имени в. князя о поставленіи Пимена. П. *Нилъ* и императоръ сначала отказали въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что въ Россію уже давно посвященъ на митрополію Кипріанъ. Но послѣ, воспользовавшись другой бланкой, заняли денегъ, раздарили до 20,000 рублей и достигли цѣли. В. князь, узнавъ объ обманѣ Пимена, пригласилъ къ себѣ Кипріана, а Пимена по его возвращеніи велѣлъ заточить. Но чрезъ нѣсколько времени оказалось, что онъ сдѣлалъ это единственно подъ вліяніемъ гнѣва на Пимена, а не потому, что возъимѣлъ довѣріе къ Кипріану. Во время нашествія *Тохтамыша* м. Кипріанъ удалился изъ Москвы въ Тверь, какъ извѣстно, союзную съ Литвой. Послѣ этого в. князь опять прогналъ его отъ себя и пригласилъ Пимена. Но такъ какъ и этотъ митрополитъ былъ ему неугоденъ, то онъ въ тоже время отправилъ въ Грецію просьбу о поставленіи въ митрополиты Діонисія. Діонисій тоже былъ поставленъ, но на обратномъ пути былъ задержанъ въ Литвѣ и умеръ тамъ въ 1385 г. въ тюрьмѣ.— Между тѣмъ Кипріанъ съ Пименомъ ѣздили въ Грецію тягаться о митрополіи предъ патріархомъ. Патріархъ рѣшилъ дѣло въ пользу Кипріана. Всѣ обстоятельства теперь повернулись въ его пользу; въ 1389 году умеръ недоброжелательный къ нему Димитрій; умеръ и низложенный Пименъ. „И преста, говоритъ лѣтописецъ, мятежъ въ митрополіи и бысть едина митрополія, Кіевъ и Галичъ и всея Руси“. Извѣстіе это впрочемъ невполнѣ справедливо; въ Галичѣ оставался еще особый митрополитъ Антоній.

Единоличное *правленіе Кипріана* все прошло въ мирѣ. Согласіе его съ новымъ в. княземъ *Василіемъ Димитріевичемъ* не прерывалось ни разу, а такъ какъ в. князь былъ въ постоянномъ мирѣ съ литовскимъ княземъ *Витовтомъ* (своимъ тестемъ), то и въ Литвѣ перестали хлопотать объ особомъ митрополитѣ. Въ Орду не было уже надобности ѣздить, потому что послѣ Донскаго она перестала быть страшною для Руси. Святитель скончался въ 1406 г. и былъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ послѣ св. Петра погребались всѣ русскіе митрополиты.

М. Фотій. Непосредственно послѣ его смерти снова начинается раздѣленіе въ Русской церкви, потому что Москва опять разссорилась съ Литвой. По просьбѣ Василія изъ Греціи прислали митрополитомъ строгаго инока *Фотія*. Витовтъ сначала не хотѣлъ его принимать, но потомъ принялъ съ условіемъ, чтобы онъ жилъ непремѣнно въ Кіевѣ. Фотій дѣйствительно прожилъ въ Кіевѣ больше полгода, но потомъ въ 1410 г. все таки уѣхалъ въ Москву. Новый первосвятитель былъ строгій ревнитель церковныхъ правъ и отличался хозяйственнымъ характеромъ. Послѣ

четырехлѣтняго отсутствія митрополита въ Москвѣ и послѣ недавняго Эдигеевскаго нашествія, Фотій нашелъ въ своей митрополіи много безпорядковъ. Домъ митрополичій былъ опустошенъ; владѣнія его были расхищены сильными лицами; много попало и въ казну в. князя. Фотій началъ собирать расхищенное, обидѣлъ этимъ многихъ бояръ и самаго в. князя. Между тѣмъ и Витовтъ разсердился на него за отъѣздъ изъ Кіева. Въ 1411 году Фотій посѣтилъ Литву, но только еще болѣе повредилъ себѣ тамъ, вооруживъ противъ себя много людей, вѣроятно такими же хозяйственными распоряженіями, какія возбудили противъ него негодованіе въ Москвѣ.

Григорій Цамблакъ. Въ 1414 г. Витовтъ собралъ соборъ изъ литовскихъ епископовъ и настоялъ на избраніи для Литвы особаго митрополита. Избранъ былъ *Григорій Цамблакъ*, родомъ Сербъ, племянникъ м. Кипріана; онъ жилъ сначала при разныхъ духовныхъ должностяхъ въ Болгаріи, Сербіи, Молдовлахіи, потомъ отправился въ Москву къ дядѣ, но, не заставъ его въ живыхъ, поселился въ южной Россіи, гдѣ пріобрѣлъ большую славу своею ученостью и краснорѣчіемъ. Въ Греціи не желали разрыва съ в. княземъ московскимъ, который былъ очень нуженъ для бѣдствующей Греціи и кромѣ того только что породнился съ импер. *Мануиломъ* (чрезъ бракъ своей дочери съ сыномъ Мануила), и отказали Витовту. Витовтъ снова собралъ соборъ, говорилъ на немъ о раззореніи церкви отъ московскаго митрополита, жаловался на корыстолюбіе Грековъ, которые ставятъ митрополита по накупу, кто больше дастъ денегъ, и требовалъ, чтобы епископы непремѣнно сами поставили себѣ митрополита. Фотій поспѣшилъ въ Литву уладить дѣло; но Витовтъ не хотѣлъ его и видѣть, а на возвратномъ пути велѣлъ отнять у него всю церковную дань, собранную имъ въ Литвѣ. Послѣ вторичнаго отказа изъ Греціи соборъ литовскихъ епископовъ (1416 г.) рѣшился исполнить требованіе Витовта и посвятилъ Григорія безъ согласія патріарха. Для оправданія своего поступка отцы собора выдали окружную грамату, въ которой писали, что Фотій совершенно пренебрегалъ кіевской половиной митрополіи, заботясь только о собираніи здѣсь своей дани, и что они, западные епископы, рѣшились сами поставить себѣ митрополита по примѣру Болгаръ, Сербовъ и самихъ Русскихъ (при Изяславѣ) и по уставу апостольскому, не думая впрочемъ разрывать этимъ связи своей съ церковію греческою, а только желая избѣжать безпорядковъ и насилія отъ греческаго царя, отъ котораго зависитъ поставленіе митрополита въ Греціи. Фотій съ своей стороны разослалъ окружныя посланія, въ которыхъ представлялъ всю незаконность поставленія Григорія и требовалъ, чтобы православные не имѣли съ нимъ

никакого общенія. Григорій все-таки остался митрополитомъ до самой своей смерти († 1419 г.). Судя по его сочиненіямъ, онъ былъ пастырь православный и ревнитель православія. Объ немъ извѣстно еще, что въ 1414 г. по желанію Витовта онъ былъ на Констанцскомъ соборѣ, который между прочимъ имѣлъ цѣлью обсудить вопросъ о соединеніи церквей, но разошелся, даже не начавъ этого обсужденія. Послѣ его смерти обѣ половины Русской церкви опять соединились подъ властью одного м. Фотія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Фотій оказалъ большое вліяніе на гражданскія дѣла. Въ 1425 году в. кн. Василій умеръ, оставивъ малолѣтняго сына *Василія*. Братъ покойнаго *Юрій* звенигородскій предъявилъ свои права на в. княженіе. Фотій крѣпко сталъ за Василія, утверждая этимъ новый московскій порядокъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи, а не по старшинству, какъ въ старое время. Своей духовной властью онъ успѣвалъ удерживать Юрія отъ усобицы во все время своего святительства. Какъ только онъ умеръ (1431 г.), такъ эта усобица вспыхнула съ небывалой силой. Она много поддерживалась тѣмъ, что послѣ Фотія долго не было новаго митрополита, который бы сталъ за в. князя и могъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать ручательство въ безопасности удѣльнымъ князьямъ. Недаромъ побѣжденные князья, заключая миръ съ в. княземъ, выговаривали себѣ условіе не ѣздить къ нему въ Москву, пока тамъ не будетъ митрополита.

Новыя замѣшательства въ церкви. М. Исидоръ. Въ 1433 г. в. князь и соборъ епископовъ нарекли митрополитомъ св. *Іону* епископа рязанскаго. Въ Литвѣ выбрали было своего кандидата на митрополію, смоленскаго епископа *Герасима*: но въ 1435 году литовскій князь *Свитригелло*, преемникъ Витовта, сожегъ его въ Витебскѣ по подозрѣнію въ измѣнѣ. Послѣ его смерти Іона отправился въ Грецію за посвященіемъ, но когда прибылъ туда, импер. Іоаннъ *Палеологъ* и п. *Іосифъ* встрѣтили его сожалѣніемъ, что онъ опоздалъ, что въ Россію уже уѣхалъ м. *Исидоръ*, и обѣщали ему митрополію только послѣ Исидора. Новый митрополитъ былъ орудіемъ императора и патріарха, замысливших унію съ Римомъ, потому едва явился въ Россію, какъ началъ собираться на Флорентійскій соборъ. На соборѣ этомъ онъ выступилъ самымъ ревностнымъ борцомъ за папу и унію. Папа Евгеній IV сдѣлалъ его за это кардиналомъ и легатомъ отъ ребра апостольскаго въ земляхъ лифляндскихъ, литовскихъ и русскихъ. На возвратномъ пути Исидоръ еще съ дороги разослалъ по Россіи окружное посланіе объ уніи, призывая христіанъ обоихъ исповѣданій безразлично ходить и въ православные, и въ латинскіе храмы и пріобщаться одинаково и въ тѣхъ и въ другихъ. На первой же литургіи въ Москвѣ онъ явился съ предносеніемъ латинскаго

креста, поминалъ папу вмѣсто патріарховъ, а послѣ литургіи велѣлъ читать актъ уніи, изъ котораго узнали, что Духъ св. исходитъ „и отъ Сына“, что хлѣбъ квасный и опрѣсноки въ Евхаристіи все равно и проч. В. князь тутъ же въ соборѣ назвалъ его латинскимъ прелестникомъ, волкомъ, и велѣлъ посадить подъ стражу. Въ 1441 г. онъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ, но бѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ. Это былъ послѣдній митрополитъ Грекъ въ Россіи. Произведенный имъ соблазнъ, смуты въ самой Греціи изъ-за уніи, потомъ разрушеніе имперіи Турками, а съ другой стороны усиленіе Россіи необходимо должны были повести къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ Русской церкви къ Греческой.

Св. Іона. Послѣ сверженія Исидора в. князь послалъ было въ Грецію пословъ съ прошеніемъ о поставленіи Іоны, но узнавъ, что императоръ съ патріархомъ приняли унію, воротилъ свое посольство назадъ. Дѣло о поставленіи митрополита затянулось и по тому, что въ Россіи шла сильная усобица между в. княземъ и его двоюродными братьями, дѣтьми Юрія, сопровождавшаяся большими жестокостями, плѣномъ и ослѣпленіемъ Василія отъ одного изъ братьевъ, *Димитрія Шемяки.* Во время всей этой усобицы духовенство крѣпко стояло за в. князя, всѣми своими силами содѣйствуя побѣдѣ Москвы и самодержавія надъ старымъ удѣльнымъ порядкомъ. Св. Іона неизмѣнно дѣйствовалъ въ пользу Василія, не смотря на то, что Шемяка усердно старался привлечь его къ себѣ и, завладѣвъ Москвой, ввелъ его въ полное управленіе дѣлами митрополіи. Заточивъ в. князя въ Угличъ, Шемяка захотѣлъ овладѣть и великокняжескими дѣтьми, для этого, обманувъ Іону обѣщаніемъ для нихъ безопасности, уговорилъ его принять ихъ отъ родныхъ и приверженцевъ на свою святительскую епитрахиль и привезти въ Москву для пожалованія удѣлами, но вмѣсто того заточилъ ихъ вмѣстѣ съ отцемъ въ Угличъ. Между тѣмъ около Василія собрались его приверженцы и уговорили его идти противъ Шемяки. Кирилловскій игуменъ *Трифонъ* разрѣшилъ его отъ присяги, данной Шемякѣ. Послѣдній долженъ былъ уступить и обязался не домогаться великокняжескаго престола, но не исполнилъ этого обязательства. Тогда соборъ архипастырей послалъ къ нему грозное посланіе о повиновеніи в. князю; въ этомъ посланіи осуждался весь удѣльный порядокъ вещей, Шемяка сравнивался съ Каиномъ и Святополкомъ и въ случаѣ непокорности в. князю отлучался отъ церкви. Въ 1448 г. Іона былъ наконецъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ пастырей. Въ Грецію написана была грамата, въ которой объяснялось, что Русская церковь не разрываетъ союза съ Греческою, что поставленіе митрополита совершено

теперь въ Россіи по великой нуждѣ отъ Турокъ, по неудобству сношеній, да и по тому, что въ Россіи неизвѣстно даже, есть ли патріархъ въ Царѣградѣ. Въ 1453 г. Царьградъ былъ взятъ Турками. Іона утѣшилъ п. *Геннадія* посылкой даровъ и просилъ у него благословенія. Вѣроятно, въ это время Русской церкви дано было право поставлять митрополита назависимо отъ Греческой церкви; Русская митрополія сдѣлалась самостоятельной и поставлена была первою послѣ Іерусалимскаго патріархата. Въ званіи митрополита Іона продолжалъ свою дѣятельность въ пользу в. князя. Въ окружной граматѣ о своемъ поставленіи онъ обличалъ клятвопреступленіе Шемяки, увѣщевалъ всѣхъ быть вѣрными в. князю, а непокорнымъ угрожалъ своей святительской клятвой; потомъ съ соборомъ епископовъ лично ходилъ увѣщевать Шемяку. Когда послѣдній бѣжалъ въ Новгородъ, митрополитъ и туда посылалъ свои граматы къ нему и къ гражданамъ. Смута кончилась только смертью Шемяки въ 1453 году.

Раздѣленіе митрополіи. Другой заботой св. Іоны были дѣла литовскія. Въ Литвѣ, подъ властью князя католика, унія не прошла безслѣдно, какъ въ московской Руси. Въ 1458 г. латинствовавшій патріархъ *Григорій*, отъѣхавшій по своемъ лишеніи каѳедры изъ Греціи въ Римъ, посвятилъ въ митрополиты на Русь ученика Исидорова *Григорія*. Въ Москвѣ этимъ сильно обезпокоились; в. князь и митрополитъ писали къ королю и народу граматы, умоляя его не раздѣлять церкви русской. Соборъ великорусскихъ епископовъ, собравшись въ 1459 г. въ Москвѣ, клялся не отступать отъ св. *Московской* церкви и опредѣлилъ на будущее время избирать митрополитовъ въ Москвѣ, по повелѣнію в. князя и безъ сношенія съ Греками. Здѣсь въ первый разъ упоминается о Московской церкви въ отличіе отъ Кіевской. Послѣдовало окончательное раздѣленіе митрополіи; митрополиты стали титуловаться по главнымъ городамъ своихъ областей, московскимъ и кіевскимъ. М. Іона умеръ въ 1461 году. Въ слѣдующемъ году умеръ и в. князь, оставивъ престолъ сыну своему *Іоанну III*.

Отношенія между церковію и государствомъ. Во все описываемое время митрополиты большею частію были изъ Русскихъ и отличались обширною патріотическою дѣятельностію, какой не видимъ у бывшихъ прежде іерарховъ Грековъ; самое видное мѣсто между ними занимаютъ святые Петръ, Алексій и Іона. Іерархія въ это время постоянно была связующимъ средоточіемъ русскихъ земель, до послѣдняго времени поддерживала связь съ Россіей даже ея западной половины, отторгнутой владычествомъ чуждыхъ князей, пока наконецъ гражданское раздѣленіе не повлекло за собой раздѣленія самой церкви. Замѣчательно при этомъ, что, храня и укрѣпляя юное государство, іерархія вовсе не старалась

изъ своего сильнаго вліянія на князей извлечь для себя независимости отъ свѣтской власти и самостоятельной постановки въ государствѣ, какъ этого добивались средневѣковые іерархи Римской церкви. Оставивъ отдаленный отъ сильныхъ князей Кіевъ, митрополиты сами стремятся подъ покровъ мірской власти во Владиміръ, потомъ въ Москву и неуклонно стараются объ утвержденіи общаго мира и общаго подчиненія всѣхъ единому в. князю. В. князья понимали, что для нихъ значили митрополиты, и оказывали имъ высокое уваженіе и полное довѣріе. Всѣ княжескія граматы начинались словами: „по благословенію отца нашего митрополита", и скрѣплялись митрополичей подписью и печатью; предъ митрополитомъ князья давали свое крестное цѣлованіе другъ другу и разбирали свои споры; въ договорныхъ граматахъ писалось: „а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій митрополитъ, а кого онъ обвинитъ, ино обидное отдати". Понятно, что верховная власть, воспитывавшаяся подъ руководствомъ іерархіи, пріучалась дѣйствовать на основаніи не столько юридическихъ, сколько нравственныхъ началъ, считала своимъ долгомъ простирать свое вліяніе не только на гражданскія отношенія подвластныхъ ей, но и на ихъ религіозно-нравственную жизнь, а чрезъ это получала обширное вліяніе и на церковныя дѣла. Съ теченіемъ времени власть в. князя окрѣпла, стала меньше нуждаться въ подпорѣ и руководствѣ церковной власти. Съ половины XIV в. видимъ уже весьма рѣзкую перемѣну въ ихъ положеніи: если прежде князей было много, а митрополитъ былъ одинъ, то въ XIV в. наоборотъ сильный князь былъ одинъ, а митрополитовъ 2—3; представилась возможность выбора между ними, значеніе митрополита отъ этого ослабѣло, а власть в. князя усилилась. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что прежнее участіе верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ подъ руководствомъ іерархіи, участіе вспомогательное и служебное, обращалось въ независимое отъ іерархіи, самостоятельное. Избраніе Митяя и поступки Донскаго съ Пименомъ и Кипріаномъ были выразительнымъ знаменіемъ новаго порядка вещей, который развился потомъ въ Московскомъ государствѣ. Развитію его много способствовало и то, что со времени Іоны митрополитъ перестал подчиняться посторонней, греческой власти, поставлялся дома своими епископами и самъ вполнѣ сдѣлался своимъ.

Изъ *юридическихъ памятниковъ*, опредѣлявшихъ *значеніе церковной власти*, послѣ Кормчей и разныхъ юридическихъ сборниковъ,—Судебника царя Константина, Мѣрила праведнаго и проч., первое мѣсто занимаютъ уставы прежнихъ князей о церковномъ судѣ, которые въ XIII вѣкѣ были внесены въ Кормчія. За ними идетъ рядъ ханскихъ ярлыковъ, содержаніе которыхъ уже извѣстно. Съ ослабленіемъ монгольской власти, митрополиты начали вы-

прашивать себѣ граматы у в. князей. Замѣчательно, что княжескія граматы содержать въ себѣ уже ограниченія прежнихъ гражданскихъ правъ церкви въ сравненіи какъ съ древними уставами, такъ и съ ярлыками. Такая грамата дана м. Кипріану въ 1404 г. Василіемъ Димитріевичемъ. Люди, живущіе во владѣніяхъ митрополита, попрежнему освобождаются здѣсь отъ податей и повинностей и отъ суда княжескихъ судей, но уже съ нѣкоторыми исключеніями въ томъ и другомъ случаѣ; они обязывались платить ордынскій выходъ, ставить лошадей на ямы, платить тамгу съ торга, кромѣ торга своими произведеніями, и участвовать въ повинности военной; на войну митрополитъ долженъ ставить свой полкъ съ воеводою подъ стягъ в. князя. По суду церковные люди подчинены митрополиту, но если дѣло коснется княжаго и митрополичьяго человѣка вмѣстѣ, то и судъ общій, митрополита и в. князя; по челобитьямъ на митрополичья намѣстника, десятильника или волостеля князь судитъ самъ. Ограниченъ и объемъ церковнаго вѣдомства: митрополитъ не можетъ ставить въ попы и дьяконы служилыхъ и тяглыхъ людей в. князя,—это было между прочимъ причиной, почему на церковныя мѣста поступали большею частію дѣти самого духовенства. Поповичъ, отдѣлившійся отъ отца, выходилъ изъ церковнаго вѣдомства, становился человѣкомъ в. князя.

Митрополичій домъ. Церковная власть митрополита простиралась на всю Русскую церковь; кромѣ того у него была особая собственная *епархія*, очень обширная. Она раздѣлялась на двѣ части, московскую и кіевскую. Въ той и другой митрополитъ имѣлъ много *вотчинныхъ* земель отъ прежней кіевской каѳедры и отъ богатой владимірской епископіи, деревни, села, слободы и даже города. Кромѣ вотчинныхъ доходовъ, митрополиты получали значительные *церковные доходы.* Отъ поставленія епископовъ имъ шли *ставленыя* пошлины и дары какъ отъ поставленнаго, такъ и отъ его епархіи. Во время своихъ поѣздокъ митрополитъ тоже получалъ много даровъ, а духовенство кромѣ того вездѣ платило ему *подъѣздъ* на содержаніе его со свитой и ставило подводы. Важную статью его дохода составляли *судныя* пошлины съ духовенства и мірянъ за церковный судъ. Въ своей епархіи митрополиты, какъ и всѣ архіереи, получали со всѣхъ церквей *дань,* петровскіе и рождественскіе *сборы, подъѣздъ, ставленые*, сборъ на *десятильниковъ* и др. служилыхъ и домовыхъ *людей.* При такихъ средствахъ каѳедра русскаго митрополита по богатству занимала первое мѣсто въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Патріархи и императоры смотрѣли на нее, какъ на весьма важный источникъ своихъ доходовъ, и усердно старались о продолженіи ея зависимости отъ Греціи, о замѣщеніи ея своими кандидатами, потому что митрополиты Греки пересылали изъ Россіи въ Грецію большія суммы.

На свои богатыя средства первосвятители, особенно изъ Русскихъ, строили многія церкви и монастыри и совершали дѣла благотворительности. *Дворъ митрополичій* былъ устроенъ, какъ дворъ удѣльнаго князя, имѣлъ своихъ бояръ, отроковъ, слугъ, стольниковъ, конюшихъ и др. чины; у митрополита былъ свой полкъ съ особымъ воеводой. Для управленія митрополіею были особые духовные и свѣтскіе органы митрополичьей власти. Въ Кіевѣ всѣми дѣлами завѣдывали *намѣстники* митрополита изъ духовныхъ лицъ. Разныя духовныя-судныя и административныя дѣла поручались протопопамъ и архимандритамъ. Для церковнаго суда надъ церковными людьми по гражданскимъ дѣламъ и сборовъ съ духовенства были назначаемы изъ мірскихъ людей *десятильники*, поставлявшіеся надъ округами изъ нѣсколькихъ приходовъ (десятинами), а для управленія вотчинными волостями—*волостели*.

Архіерейскіе домы. По этому образцу было устроено управленіе и въ другихъ епархіяхъ. Въ нихъ были тѣже чины, даже намѣстники у престарѣлыхъ владыкъ. У всѣхъ архіерейскихъ каѳедръ были такіе же и доходы, какъ у каѳедры митрополита, разумѣется только въ меньшихъ размѣрахъ. Всѣхъ богаче былъ обставленъ владыка новгородскій; у него были большія вотчинныя владѣнія; жилъ онъ въ богатыхъ палатахъ, имѣлъ своихъ бояръ, стольниковъ, казначея, волостелей, множество слугъ и особый полкъ. Между другими владыками онъ занималъ первое мѣсто и носилъ титулъ архіепископа, который имѣли еще только епископы суздальскіе послѣ св. Діонисія, и то не всѣ, и ростовскіе. Нѣкоторые іерархи другихъ епархій удостоивались этого титула только лично.

Епархіальное дѣленіе Руси. Послѣ нашествія Монголовъ и перенесенія митрополіи на сѣверъ нѣкоторыя епархіи были упразднены, какъ-то: Черниговская, Переяславльская, Бѣлогородская и Юрьевская; Владимірская вошла въ составъ епархіи митрополита. Другія,—Холмская Брянская, Коломенская, Луцкая, Звенигородская, Сарайская,—открылись вновь; съ возвышеніемъ княжества Тверскаго и Суздальскаго въ нихъ явились отдѣльныя епархіи—въ Твери около 1271 г., въ Суздалѣ около 1347; по случаю распространенія христіанства на сѣверѣ открыта епархія въ Перми (1383 г.). Всѣхъ епархій было 18,—9 на сѣверѣ и 9 на югѣ.

Ослабленіе удѣльнаго вліянія на церковное управленіе. Послѣ ослабленія власти удѣльныхъ князей, епископовъ все чаще и чаще стали назначать прямо изъ Москвы. При Василіѣ Темномъ такой порядокъ замѣщенія епископскихъ каѳедръ, безъ избранія мѣстнаго князя и народа, утвердился окончательно. Централизація государственная такимъ образомъ повела за собой и церковную. Епископы по

прежнему стояли во главѣ удѣльныхъ событій, но, потерявъ выборное значеніе, стали постепенно терять свои мѣстныя симпатіи, тянуть къ одному общему центру, гдѣ стоялъ столъ в. князя и каѳедра ихъ общаго отца митрополита.—Вслѣдствіе той же московской централизаціи ослабѣло вліяніе на владыкъ князей и народа. Примѣры произвольнаго суда надъ іерархами встрѣчаемъ только въ началѣ описываемаго времени или въ мѣстностяхъ, гдѣ еще уцѣлѣлъ старый вѣчевой укладъ. Въ 1388 г. Ростовцы выгнали отъ себя *св. Іакова* по подозрѣнію въ нечистой жизни. Въ Муромѣ народъ возсталъ на своего епископа *св. Василія* по такому же подозрѣнію и заставилъ его удалиться въ Рязань; съ этого времени (конца XIII в.) Муромская епископія утвердилась въ Рязани. Кромѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, судъ надъ епископами постоянно принадлежалъ власти митрополита и собора епископовъ. Въ настольныхъ грамотахъ епископы обязывались во всемъ повиноваться первосвятителю, наблюдать его пошлины въ своемъ предѣлѣ и являться къ нему по первому зову для суда или на соборъ. Всѣ они величали его „отцемъ", а за названіе „братомъ" подвергались отъ него выговору.

Новгородскіе владыки. Только Новгородъ и Псковъ продолжали еще развивать у себя старыя начала мѣстной особности и народнаго вліянія на іерархію. *Избраніе* новгородскихъ владыкъ попрежнему совершалось на вѣчѣ независимо отъ митрополита и только для посвященія они ѣздили въ Москву. Но нѣкоторые владыки управляли епархіею и до посвященія года по 2—3, владыка *Евфимій II* даже болѣе 5 лѣтъ, да и посвященіе принялъ не въ Москвѣ, а въ Смоленскѣ отъ западнаго митрополита Герасима (въ 1435 г.), послѣ чего считалъ себя независимымъ отъ московской каѳедры. Для того, чтобы избавиться отъ церковнаго подчиненія Москвѣ, Новгородцы думали воспользоваться раздѣленіемъ Русской церкви, которое давало имъ возможность при посвященіи своихъ владыкъ дѣлать выборъ между двоими митрополитами. Но послѣ м. Исидора, когда въ Литвѣ на митрополію сѣлъ его ученикъ Григорій, Новгородъ снова долженъ былъ признать права одного московскаго митрополита.

Значеніе владыки развилось еще болѣе прежняго. Съ его благословенія вѣче начинало войну, заключало миръ, рѣшало дѣла; въ новгородскихъ граматахъ имя его ставилось выше имени не только посадника, но и князя. Во внутреннихъ дѣлахъ города владыка былъ средоточіемъ, около котораго стягивались и примирялись всѣ разрозненные взаимными распрями концы и улицы города. Не имѣя возможности сами уладиться между собою на вѣчѣ, они отдавали свои споры на судъ владыкѣ, какъ человѣку болѣе довѣренному и вліятельному, чѣмъ всѣ выборныя

власти города и самъ князь. Отъ того владыка былъ всегдашнимъ миротворцемъ въ вѣчевыхъ раздорахъ. — Владычняя *казна* имѣла важное общественное значеніе. Владыка на ея средства выставлялъ свой полкъ въ новогородское войско, несъ городовыя повинности,—мостилъ мостъ въ кремлѣ, строилъ стѣны какъ въ Новгородѣ, такъ и въ его пригородахъ, напр. въ Псковѣ, Орѣшкѣ, — наконецъ дѣлалъ пожертвованія деньгами въ разныхъ особыхъ случаяхъ. Въ 1384 г. Димитрій Донской взялъ съ Новгорода 8000 серебра; 3000 при этомъ дала софійская казна. Въ 1428 г. пять концовъ Новгорода дали по 1000 рублей на выкупъ плѣнныхъ у Витовта; владыка Евфимій далъ еще 1000 отъ себя. Во время голода или пожаровъ софійская казна давала помощь бѣднымъ и разоренным. Имена лучшихъ владыкъ съ благоговѣніемъ передавались изъ рода въ родъ, какъ святыхъ покровителей роднаго города; таковы святые владыки *Василій*, *Моисей*, *Евфимій II*, *Іона*. — Мы видѣли, что по своему видному положенію между русскими святителями новгородскіе владыки носили титулъ архіепископовъ. Въ 1346 году м. Өеогностъ далъ владыкѣ Василію новое отличіе—*крестчатыя ризы;* потомъ патріархъ прислалъ ему *бѣлый клобукъ*. Въ Новгородѣ составилась потомъ цѣлая легенда объ этомъ клобукѣ въ доказательство мѣстныхъ притязаній на независимость владыкъ отъ митрополита: будто бы этотъ клобукъ данъ былъ Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру, потомъ, когда папы стали нечестивыми, послѣ разныхъ чудесъ былъ отосланъ въ Царьградъ къ п. Филоөею, наконецъ, когда и Царюграду суждено было погибнуть, явился въ Богомъ любимую страну, Россію, и именно въ Новгородъ, а не въ Москву, какъ бы слѣдовало ожидать.

Отношенія владыкъ къ митрополиту мѣнялись, смотря по тому, въ мирѣ былъ Новгородъ съ в. княземъ или нѣтъ. Дурныя отношенія между владыкой и митрополитомъ въ первый разъ обнаружились при Симеонѣ Гордомъ, который сильно стѣснилъ Новгородцевъ. Владыка *Моисей* обидѣлся, что митрополитъ Өеогностъ не далъ ему, какъ его предшественнику Василію, крестчатыхъ ризъ, и послалъ къ патріарху жалобу „о непотребныхъ вещахъ, происходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита“. Патріархъ и ему далъ крестчатую ризу, но при этомъ строго увѣщевалъ его покаряться митрополиту, какъ велятъ каноны. На преемника Моисеева *Алексѣя* митрополитъ жаловался патріарху, что владыка самовольно надѣлъ на себя крестчатую ризу и не повинуется ни ему митрополиту, ни в. князю. Патріархъ (1370 г.) велѣлъ Алексѣю снять крестчатую ризу, объяснивъ, что это отличіе не принадлежитъ каөедрѣ, а есть личное. Послѣ войны съ Димитріемъ Донскимъ, во время смутъ изъ-за

митрополіи, Новгородцы положили вовсе не судиться у митрополита, а только у своего владыки. М. Кипріанъ, пріѣхавъ въ Новгородъ (въ 1391 г.), потребовалъ своего митрополичьяго мѣсячнаго суда. Новгородцы отказали ему, говоря, что они уже крестъ цѣловали не ходить къ нему на судъ, грамату о томъ написали и запечатали, и души свои попечатали. Митрополитъ уѣхалъ, не получивъ ничего. Не помогли ни его неблагословеніе строптивому городу, ни увѣщанія патріарха, вставшаго за митрополита. Наконецъ въ это дѣло вступился самъ в. князь и принудилъ Новгородъ къ покорности силою. При Василіѣ Димитріевичѣ владыка *Іоаннъ* (въ 1398 г.) благословилъ дѣтей своихъ Новгородцевъ на войну съ в. княземъ за Двинскія волости, отнятыя Москвой. По окончаніи войны его вызвали въ Москву и продержали болѣе трехъ лѣтъ въ заключеніи. Послѣ этого Іоаннъ ѣздилъ въ Москву для совѣта съ митрополитомъ о духовныхъ дѣлахъ, чего, по замѣчанію лѣтописца, никогда не бывало съ владыками. Подъ конецъ описываемаго времени и въ Новгородѣ власть митрополита стала сильнѣе. Преемникъ Евфимія *Іона* былъ уже въ постоянной связи съ Москвою. Когда Василій Темный сталъ угрожать Новгороду серьезною опасностію, св. Іона, уже дряхлый старецъ, самъ ѣздилъ въ Москву ходатайствовать о своемъ городѣ и умолилъ в. князя пощадить новгородскую свободу, обѣщая за это самой Москвѣ свободу отъ Орды.

Церковныя отношенія Пскова къ Новгороду. Какъ Новгородъ стремился обособиться отъ Москвы, такъ его бывшій пригородъ Псковъ стремился отдѣлиться отъ него самого. Въ 1331 г., какъ мы видѣли, Псковичи просили себѣ особаго епископа и получили отказъ. Послѣ этого они постарались настоять по крайней мѣрѣ на томъ, чтобы владыка назначалъ во Псковъ намѣстника изъ Псковичей, а не изъ Новгородцевъ, что и было утверждено ими особымъ договоромъ съ Новгородомъ въ 1348 г. Другой обычай, за соблюденіемъ котораго наблюдали Псковичи, состоялъ въ томъ, что владыка имѣлъ во Псковѣ одинъ мѣсяцъ своего суда, для чего долженъ былъ пріѣзжать туда черезъ три года. Этотъ обычай былъ предметомъ постоянныхъ ссоръ ихъ съ владыкой; замѣчали, въ свой ли подъѣздъ наѣзжалъ владыка, самъ ли собиралъ деньги съ поповъ, не больше ли мѣсяца жилъ и т. п. Не разъ владыки уѣзжали изъ Пскова, объявивъ свое неблагословеніе. Весьма часто, помимо владыки, Псковичи по духовнымъ дѣламъ, даже для поставленія священниковъ, обращались прямо къ митрополиту. Митрополиты поощряли это, какъ в. князья поощряли такія же непосредственныя отношенія Пскова къ Москвѣ въ гражданскихъ дѣлахъ, находя въ этомъ хорошее средство къ развитію своей власти въ вѣчевыхъ городахъ. Въ Новгородѣ

земство развило свое вліяніе на владыку; во Псковѣ его вліяніе простерлось на приходское духовенство, которое имѣло здѣсь такое же значеніе, какъ владыка въ Новгородѣ; во главѣ земскихъ дѣлъ стоялъ обыкновенно соборъ священниковъ. Вѣче присвоило себѣ право даже судить духовенство и распоряжаться церковными имуществами. Мм. Кипріанъ и Фотій писали во Псковъ граматы, въ которыхъ обличали такой противоканоническій порядокъ. Земскій строй отразился и на организаціи псковскаго духовенства; какъ и земство, оно раздѣлялось на общины,—купы, изъ которыхъ каждая, состоя изъ нѣсколькихъ приходовъ, была приписана къ одному изъ соборовъ и управлялась *старостою поповскимъ*.

Бѣлое духовенство. Какъ организовано было бѣлое духовенство въ другихъ мѣстахъ, неизвѣстно. Въ Москвѣ, Новгородѣ, вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ при соборахъ были протопопы, которымъ давались разныя порученія относительно приходскихъ причтовъ. Въ отношеніи къ архіереямъ бѣлое духовенство было классомъ „тяглымъ", было обложено разными сборами и повинностями и вѣдалось по нимъ архіерейскими десятильниками. Для облегченія отъ тяжести сборовъ и отъ притѣсненій десятильниковъ тяглые попы выпрашивали себѣ у архіереевъ и князей *жалованныя граматы*, а иногда даже силой отбивались отъ архіерейскихъ сборщиковъ, въ чемъ имъ помогали и прихожане. Въ 1435 г. во Псковѣ духовенство вмѣстѣ съ народомъ сильно поколотили владычнихъ людей. Тоже случилось въ Вышгородѣ; горожане прибили и изувѣчили десятильника и людей м. Іоны. Поставленіе въ члены клира по выбору приходской общины было уже повсюдное; приходская же община пеклась и о содержаніи причта, давала ему *землю*, извѣстное количество *руги* и *сборовъ*. Нѣкоторыя, преимущественно соборныя церкви были подъ покровительствомъ князей, которые давали имъ свои земли и ругу. Немногія только церкви, тоже преимущественно соборныя, имѣли у себя небольшія *вотчины*. Владимірскій соборъ 1274 г. въ правилахъ касательно поставленія во священство запретилъ ставить поповъ за мзду, посылать ставлениковъ на жатву и сѣнокосъ для заработковъ, если имъ нечѣмъ было заплатить за поставленье, предписывалъ строгое испытаніе ихъ жизни и граматности чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Исходя изъ простаго народа, плохо обезпеченное, едва граматное, духовенство въ нравственномъ отношеніи мало отличалось отъ своей паствы, страдало тѣми же пороками, какъ и простонародье. Поученія къ попамъ обличаютъ ихъ въ небреженіи къ святынѣ, въ пьянствѣ, мздоимствѣ и проч. М. Петръ и м. Фотій нашли нужнымъ всѣмъ *вдовымъ* попамъ и дьяконамъ запретить служеніе.

Монашествующее духовенство находилось въ болѣе удовлетворительномъ состоянiи. Съ XIV в. начинается у насъ лучшее время для монашества, когда оно въ полтора вѣка успѣло воздвигнуть до 180 новыхъ обителей, выставило изъ своей среды цѣлый сонмъ высокихъ подвижниковъ и проявило необыкновенную общественную дѣятельность. Причинами такого сильнаго развитiя монашеской жизни были съ одной стороны большее усвоенiе лучшимъ обществомъ христiанства, съ другой тяжкiя обстоятельства времени, которыя естественно возбуждали въ народѣ набожность и заставляли прибѣгать за утѣшенiемъ къ религiи. Не нужно забывать и того, что монашество расширялось и строило свои новыя обители преимущественно въ лѣсахъ сѣвера, гдѣ въ это время господствующимъ явленiемъ была колонизацiя новыхъ земель; колонизацiя земская и колонизацiя монастырская развиваются совершенно параллельно. Мы видѣли, какъ послѣ монгольскаго погрома всѣ лучшiя силы Руси отлили съ юга на сѣверъ; сюда же перенесся и центръ монашества. Кiевская лавра была въ развалинахъ и стала поправляться только съ 1420-хъ годовъ. Ея прежнее значенiе наслѣдовала новая *обитель пр. Сергiя*, который сталъ тѣмъ же для сѣвера, чѣмъ были Антонiй и Θеодосiй для юга.

Пр. Сергiй, въ мiру Варθоломей, былъ сынъ ростовскаго боярина *Кирилла*, при Калитѣ переселившагося изъ Ростова въ московскiй городъ Радонежъ, родился въ 1313 г. По смерти родителей онъ отдалъ все имѣнiе ихъ младшему брату, а самъ съ другимъ (старшимъ) братомъ *Стефаномъ* удалился въ пустыню верстахъ въ 10 отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ московскiй Богоявленскiй монастырь. Оставшись одинъ, пр. Сергiй всею душею предался пустыннымъ подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, искушенiя отъ демоновъ. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи и храма поставлено было нѣсколько избушекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Св. Сергiй трудился на братiю, какъ купленый рабъ, строилъ келлiи, рубилъ дрова, мололъ жито на ручныхъ жерновахъ, пекъ хлѣбы, шилъ одежды, носилъ воду, а ночь проводилъ безъ сна въ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водой. Въ 1354 г. братiя заставили его принять санъ пресвитера и игумена Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ пр. Θеодосiя; таже строгость въ жизни, неутомимость въ трудахъ, безсонныя ночи, ночные обходы братскихъ келлiй, обличенiя праздныхъ, тихiя, кроткiя рѣчи, растворенныя слезами братской любви и религiозной ревности. Новая обитель была

очень бѣдна; не доставало ладона и вина для богослуженія; въ церкви служили съ лучиной; книги писали на берестѣ; братія голодали по 2—3 дня безъ хлѣба; однажды для утоленія голода самъ игуменъ нанялся построить сѣни къ кельѣ одного брата за куски гнилаго хлѣба. П. Филоѳей, узнавъ о пр. Сергіѣ, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и м. Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно показалось тяжкимъ и возбудило такой ропотъ, что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на *Киржачъ*, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился по повелѣнію м. Алексія и по просьбѣ всей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ открылись большіе безпорядки. Между тѣмъ средства обители значительно увеличились, такъ что она уже въ состояніи была совершать дѣла благотворительности. Возрасла и слава пр. Сергія. М. Алексій часто пользовался его совѣтами, хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ. Неразъ посѣщалъ обитель Димитрій Донской; преп. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Онъ ѣздилъ отъ в. князя и митрополита посломъ въ Нижній мирить суздальскихъ князей. Послѣ Куликовской битвы своими тихими рѣчами онъ склонилъ къ миру съ в. княземъ *Олега* рязанскаго. Уважаемый старецъ крестилъ дѣтей Донскаго и былъ свидѣтелемъ его духовнаго завѣщанія. Еще заживо прославляли въ Сергіѣ даръ чудесъ, его прозорливость и силу молитвы. Одинъ инокъ видѣлъ небесный огнь на престолѣ, на которомъ Сергій совершалъ литургію; другой видѣлъ сослужащаго съ нимъ ангела. Не задолго до кончины Сергій въ присутствіи своего ученика *Михея* былъ посѣщенъ Богоматерью, которая сказала ему: „Не бойся, избранниче Мой! Молитва твоя о мѣстѣ семъ услышана; при тебѣ и послѣ тебя неотступна буду отъ обители твоей“. 25 сентября 1391 г. почилъ великій святой, предавъ послѣ себя игуменство ученику своему *Никону*. Вмѣстѣ съ Петромъ, Алексіемъ и Іоною онъ сталъ по смерти небеснымъ покровителемъ Москвы.

Значеніе Сергіевой лавры. Обитель св. Сергія сдѣлалась первой святыней Москвы и образцомъ для другихъ монастырей; при жизни Сергія и послѣ его кончины чрезъ его учениковъ она распространила отъ себя во всѣ стороны множество новыхъ обителей — своихъ колоній и цѣлою сѣтью ихъ охватила всю сѣверную Русь, стягивая ее къ одному центру — Москвѣ. Еще при жизни Сергія явилось нѣсколько монастырей, *Киржачскій* и *Голутвинъ*, основанные имъ самимъ, *Симоновъ* въ Москвѣ, основанный племянникомъ его — *Ѳеодоромъ*, *Борисоглѣбскій* въ Ростовѣ, *Дубенскій*, основанный съ благословенія Сергія Димитріемъ Донскимъ въ память Куликовской битвы, и др. Вездѣ пер-

выми игуменами были ученики Сергія. М. Алексій, строитель 5 монастырей (въ Москвѣ, Серпуховѣ и Нижнемъ), для своихъ московскихъ монастырей, *Чудова* и *Андроникова*, взялъ игуменовъ тоже изъ учениковъ преподобнаго.

Монастыри Великороссіи. Съ половины XIV в., послѣ прославленія Сергіевой пустыни, особенно много является новыхъ монастырей по всѣмъ краямъ Великороссіи. Москва была опоясана цѣлой линіей ихъ, какъ духовной оградой. Усердными строителями ихъ были м. Алексій, Василій Дмитріевичъ и друг. лица. Супруга Донскаго *Евфросинія* (въ мірѣ Евдокія) по смерти супруга основала въ Москвѣ монастырь *Вознесенскій*, въ которомъ сама постриглась и была погребена и который съ тѣхъ поръ сдѣлался постоянною усыпальницею московскихъ княгинь и царицъ. Въ Твери было основано 11 монастырей, въ Нижнемъ — 4. Изъ Нижняго возсіялъ святостію извѣстный Діонисій суздальскій. Онъ подвизался здѣсь сначала въ пещерѣ на берегу Волги, потомъ устроилъ тутъ *Печерскій* монастырь. Учениками его были пр. *Евфимій Суздальскій*, основатель *Спасо-Евфиміева* монастыря, и пр. *Макарій Унженскій*, съ 12 лѣтъ подвизавшійся въ монастырѣ св. Діонисія, основатель трехъ монастырей въ костромскихъ предѣлахъ, — на р. *Лухѣ*, на *Желтыхъ водахъ*, и на р. *Унжѣ*. Другой костромской подвижникъ ученикъ пр. Сергія, *Авраамій Галичскій* († 1375) основалъ такимъ же образомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, 4 монастыря. Въ Боровскомъ княжествѣ прославился пр. *Пафнутій Боровскій*, подвизавшійся сначала въ *Высоцкомъ* монастырѣ ученика Сергія *Никиты*, потомъ основавшій (1444 г.) свой монастырь. Подъ его руководствомъ началъ свои подвиги знаменитый послѣ пр. *Іосифъ Волоцкій*.

Монастыри въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Новгородѣ попрежнему являлось болѣе монастырей, чѣмъ гдѣ нибудь; ихъ строили владыки (напр. Моисей основалъ 5 монастырей), иноки и простые люди. Какъ много было ихъ около Новгорода, видно изъ того, что (въ 1386 г.) Новгородцы, собираясь защищать свой городъ отъ Донскаго, сожгли кругомъ города 24 монастыря. Особенно извѣстны были по святости подвижниковъ монастыри: *Вишерскій*, основанный (1418 г.) пр. *Саввою Вишерскимъ*, великимъ подвижникомъ и столпникомъ; и *Клопскій*, прославленный подвигами юродиваго *Михаила Клопскаго* изъ рода князей московскихъ († 1452 г.).—Около Пскова возникло до 12 новыхъ обителей. Изъ нихъ замѣчателенъ монастырь пр. *Евфросина Псковскаго*. Жизнь этого монастыря отличалась такою строгостію, трудами и длинными бдѣніями, что одинъ новгородскій священникъ, приходившій въ обитель для повѣрки слуховъ о ея свя-

тости; послѣ отзывался объ игуменѣ съ братіею: „это желѣзный съ желѣзными“. Кончина святаго относится къ 1481 г.

Сѣверные монастыри. Свв. отшельники особенно любили подвизаться въ пустыняхъ сѣвера. Въ олонецкомъ краѣ въ XIII в. извѣстна каргопольская обитель пр. *Вассіана.* Недалеко отъ Каргополя въ концѣ XIII в. на горѣ Челмѣ поселился пр. *Кириллъ* и основалъ монастырь *Челмогорскій.* Въ теченіи 52 лѣтъ своей подвижнической жизни онъ просвѣтилъ христіанствомъ всю окрестную Чудь. Въ 1329 г. на Ладожскомъ озерѣ на островѣ *Валаамѣ* поселился старецъ *Сергій,* съ нимъ соединился другой инокъ, пр. *Германъ;* трудами ихъ основался знаменитый *Валаамскій* монастырь, имѣвшій большое вліяніе на просвѣщеніе вѣрою окрестныхъ Кореловъ. Въ концѣ XIV в. инокъ Валаамскаго монастыря *Арсеній* поселился на сосѣднемъ съ Валаамомъ островѣ Коневскомъ, гдѣ чудскіе язычники приносили коней въ жертву одному св. камню, крестилъ язычниковъ и основалъ *Коневскій* монастырь. На Онѣжскомъ озерѣ въ XIV в. пр. *Лазаремъ* основанъ монастырь *Мурманскій.* Дикіе Лопари много притѣсняли святаго, но, исцѣливши слѣпаго сына ихъ старшины, Лазарь пріобрѣлъ полное ихъ довѣріе и многихъ крестилъ. Просвѣтительною дѣятельностію извѣстенъ еще *Спасокаменный* монастырь на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, въ первый разъ открытый въ 1279 г. кн. *Глѣбомъ* бѣлозерскимъ, котораго занесла къ острову буря; доселѣ иноки, числомъ 23, безвѣстно подвизались въ проповѣди чудскимъ племенамъ. Изъ этого монастыря въ началѣ XV в. вышелъ на р. Глушицу пр. *Діонисій Глушицкій,* основатель 3-хъ монастырей въ вологодскихъ предѣлахъ. Дикіе вологодскіе лѣса привлекали къ себѣ отшельниковъ и изъ московскихъ предѣловъ. Такъ въ концѣ XIV в. на р. Нурмѣ основалъ монастырь ученикъ преп. Сергія — *Сергій Нуромскій.* Другой ученикъ Сергія *Павелъ Обнорскій* поселился въ дуплѣ стараго дерева въ Комельскомъ лѣсу, прожилъ тамъ 3 года одинъ, потомъ привлекъ къ себѣ учениковъ и основалъ другой монастырь на Нурмѣ († 1429). Въ концѣ XIV в. въ вологодскихъ лѣсахъ жилъ еще другъ пр. Сергія *Димитрій Прилуцкій,* монастырь котораго въ окрестностяхъ Вологды былъ извѣстенъ своею благотворительностію. Въ 1389 г. въ бѣлозерской пустынѣ поселился симоновскій постриженникъ и архимандритъ пр. *Кириллъ* сдѣлался основателемъ *Кирилло-Бѣлозерскаго* монастыря, одного изъ знаменитѣйшихъ монастырей древней Руси. Недалеко отъ него и въ одно время пр. *Ѳерапонтъ,* тоже симоновскій инокъ, основалъ *Ѳерапонтовъ* монастырь. Такъ развивалось въ сѣверныхъ пустыняхъ вліяніе Сергіевой лавры. Пустынолюбивые иноки достигали даже до Бѣлаго моря. Въ

концѣ описываемаго времени пр. *Савватій*, *Германъ* и *Зосима*, спасавшіеся на Соловецкомъ островѣ, положили основаніе знаменитой *Соловецкой* обители, имѣвшей огромное вліяніе на христіанское просвѣщеніе и гражданственность всего сѣвернаго края.

Устройство монастырей. Число братіи въ монастыряхъ было различно, въ однихъ было 100 — 300 братій, въ другихъ 6 — 2. Различны были и права ихъ; тогда какъ большая часть малыхъ монастырей были даже не самостоятельны, управлялись настоятелями большихъ, нѣкоторые большіе монастыри были напротивъ независимы даже отъ епархіальной власти; таковы: монастырь Симоновъ, считавшійся ставропигіей патріарха, монастыри, находившіеся подъ покровительствомъ князей, и монастыри митрополичьи по епархіямъ, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ ставропигій митрополита. Во всѣхъ такихъ монастыряхъ монастырская экономія, перемѣна властей, судъ надъ игуменомъ, иногда и надъ братіей подлежали вѣденію покровителей ихъ. М. Фотій въ одномъ посланіи къ Новгородцамъ велитъ раздѣлять общіе монастыри, въ которыхъ жили вмѣстѣ чернецы и черницы; извѣстно такъ же, что нѣкоторые женскіе монастыри были управляемы игуменами или приписывались къ мужскимъ монастырямъ. Лучшіе монастыри держались общежительнаго устройства. Но едвали не болѣе было обителей необщежительныхъ, въ которыхъ монахи имѣли каждый свое особое хозяйство, особо держали келейное правило и сходились вмѣстѣ только для богослуженія. Таковы были большею частію сѣверные монастыри, имѣвшіе обыкновенно не болѣе 2 — 10 братій. — При устройствѣ общежитія монастыри руководствовались правилами соборовъ, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Ѳеодора Студита и др. Свѣдѣнія о монастырскихъ правилахъ описываемаго времени можно получать изъ уставной граматы св. Діонисія суздальскаго Снѣтогорскому (псковскому) монастырю, изъ житія Кирилла Бѣлозерскаго, гдѣ излагается содержаніе устава, введеннаго въ монастырѣ этого святаго, изъ поученій и посланій объ иноческой жизни, между которыми замѣчательны посланія м. Фотія. Отреченіе отъ міра у нѣкоторыхъ подвижниковъ простиралось до того, что они не хотѣли видѣться даже съ посѣщавшими ихъ родными. Пр. *Савва* Крыпецкій только послѣ усиленныхъ просьбъ сошелъ съ своего столба, чтобы благословить брата. Макарій Унженскій черезъ 3 года послѣ бѣгства изъ родительскаго дома, будучи всего 15 лѣтъ, не хотѣлъ видѣться съ своимъ отцемъ и согласился только высунуть ему изъ окна келліи руку, которую тотъ покрылъ поцѣлуями и слезами. Іосифъ Волоцкій точно также отказывался отъ свиданія съ своею матерью.

Юродивые. Особеннаго рода подвигомъ является подвигъ *юродства*, которому предавались нѣкоторые подвижники въ монастыряхъ, напр. Михаилъ Клопскій. Но преимущественно юродивые любили жить въ міру, въ большихъ городахъ, гдѣ имъ чаще приходилось терпѣть поруганія. Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. въ Устюгѣ подвизался въ юродствѣ *св. Прокопій*, купецъ латинянинъ, въ Новгородѣ обратившійся къ православію. Изъ чудесъ, прославившихъ его еще при жизни, извѣстно, какъ онъ однажды спасъ Устюгъ молитвою отъ страшной каменной тучи. Въ XV в. въ Ростовѣ жилъ юродивый *Исидоръ Твердиеловъ*, тоже латинскій купецъ съ запада. Въ Новгородѣ въ XIV в. жили юродивые *Николай* и *Ѳеодоръ*. Одинъ жилъ на Софійской сторонѣ, другой на торговой; представляясь непримиримыми врагами, они постоянно стерегли другъ друга на Волховскомъ мосту, не пуская другъ друга на свою сторону. Этимъ они пародировали новгородскія усобицы. Люди видѣли, какъ Николай бросалъ въ своего противника кочанами капусты, стоя на Волховѣ, какъ на сушѣ, и прозвали его Никола Кочановъ.

Недостатки монастырской жизни. Среди высокихъ подвиговъ, которыми отличалась жизнь монастырей, еще рѣзче, чѣмъ въ міру, выдавались слабости нѣкоторыхъ непризванныхъ иноковъ, которые шли въ монастыри, слѣдуя лишь общему влеченію къ монашеской жизни, или просто ради матеріальнаго обезпеченія. Такіе иноки вносили въ монастыри духъ міра и часто разстраивали монастырскіе порядки. Святымъ игуменамъ приходилось прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ для поддержанія устава своихъ монастырей, къ наказаніямъ поклонами, сухоядѣніемъ, тюрьмою, даже побоями. По смерти св. игуменовъ ихъ уставы нерѣдко ослабѣвали въ монастыряхъ; такъ было въ Симоновѣ монастырѣ послѣ Ѳеодора, въ Кирилловомъ монастырѣ по смерти преп. Кирилла и его учениковъ *Иннокентія* и *Христофора*, въ Махрищскомъ—послѣ преп. *Стефана*. Иноки старожилы возставали въ защиту старыхъ уставовъ противъ самихъ настоятелей и за свои обличенія много терпѣли отъ послѣднихъ. Въ житіи пр. Варлаама Хутынскаго разсказывается, какъ святой и послѣ смерти ревновалъ по своемъ уставѣ, являясь безпечнымъ игуменамъ и казначеямъ въ видѣніи и наказывая ихъ своимъ настоятельскимъ жезломъ. Нарушеніе стараго устава большею частію бывало тогда, когда въ монастырѣ являлся игуменъ изъ чужаго монастыря; отъ того кандидатовъ на игуменскія вакансіи монастыри старались постоянно выбирать изъ своихъ же иноковъ.—Развившееся у монаховъ стремленіе къ отшельничеству тоже иногда вело къ безпорядкамъ, къ оставленію монахами монастыря безъ благословенія игумена и шатанію изъ одного монастыря въ другой. М. Кипріанъ въ посланіи къ игумену Вы-

сопкаго монастыря *Аѳанасію* не велѣлъ такихъ монаховъ допускать до св. причастія. Вотчинныя владѣнія втягивали иноковъ въ мірскія попеченія о хозяйствѣ, судѣ и управѣ надъ крестьянами, въ тяжбы съ сосѣдями и проч. Въ описываемое время уже возникалъ вопросъ о томъ, прилично ли монастырямъ владѣть селами. Въ посланіи къ Аѳанасію м. Кипріанъ писалъ, что отцами не предано владѣть инокамъ селами и чрезъ то связывать себя мірскими дѣлами, и совѣтовалъ,—если кто пожертвуетъ въ монастырь село, брать его, но самимъ монахамъ имъ не управлять, а отдавать его въ управленіе какому нибудь богобоязненному міряннну, который бы доставлялъ инокамъ уже все готовое припасами.

Монастырскія вотчины, не смотря на такія частныя мнѣнія немногихъ лицъ, быстро увеличивались чрезъ покупку, пожертвованія, вклады на поминъ души и главнымъ образомъ чрезъ заселеніе монастырями пустыхъ мѣстъ. Жалованныя граматы снабжали ихъ разными льготами. Крестьяне ихъ освобождались отъ княжеской дани, яма, мыта, тамги, городоваго дѣла, строенія княжаго двора, кормленія княжихъ коней, княжаго сѣнокоса и другихъ пошлинъ,—всѣхъ или нѣкоторыхъ, и притомъ безсрочно или на извѣстный срокъ, отъ 2 до 10 лѣтъ. При продажѣ своихъ произведеній и покупкѣ припасовъ на свой обиходъ монастыри освобождались отъ торговыхъ пошлинъ и сборовъ. Въ ихъ пользу князья уступали такъ же сборы съ торжковъ, заводившихся около обителей и въ монастырскихъ селахъ. Служилые люди князя къ монастырскимъ крестьянамъ не въѣзжали, сборовъ своихъ съ нихъ не брали и не судили ихъ; судилъ ихъ игуменъ съ братіею, и притомъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы, а по нѣкоторымъ граматамъ и безъ такого исключенія. Въ случаѣ смѣснаго суда игуменъ судилъ съ княжимъ судьей вмѣстѣ.— Богатство монастырскихъ вотчинъ, меньшее тягло, льготы и покровительство сильныхъ монастырскихъ властей привлекали на монастырскія земли густое населеніе. Это стремленіе къ поселенію на нихъ тяглаго люда скоро начало задѣвать даже интересы княжеской казны. Поэтому въ жалованныхъ граматахъ монастырямъ имъ дозволялось перезывать крестьянъ только изъ чужихъ княжествъ, а не съ тяглыхъ земель князя, давшаго грамату.

Общественное значеніе монастырей. Расширеніе монастырскихъ вотчинъ поощрялось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно происходило чрезъ *заселеніе пустыхъ земель*, что было очень важнымъ интересомъ того времени. Придетъ инокъ въ дикую пустыню, гдѣ въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ никто еще не смѣлъ до того селиться, выкопаетъ землянку или поселится въ дуплѣ стараго дерева, „яко вранъ на нырищи, по

сравненію житій, или птица, особящаяся на здѣ", и мало по малу его жилище сдѣлается починкомъ большой монастырской колоніи. Онъ первый побѣдитъ дѣвственную природу своимъ трудомъ, а пустынные страхи своею святою молитвою, и пустыня послѣ этого привлечетъ къ себѣ густое народонаселеніе, станетъ градомъ обительнымъ. Около монастырей колонизовались такимъ образомъ цѣлыя волости и города, наприм. Устюгъ возникъ около Гледенскаго монастыря, Ветлуга—около Варнавинскаго, Кашинъ—около Колязинскаго. Весьма много населенія привлекала на монастырскія земли *благотворительная дѣятельность* монастырей, которая снабжала крестьянина всѣмъ нужнымъ и во всемъ ему помогала. Въ голодные годы монастыри кормили изъ своихъ житницъ цѣлыя сотни обнищавшаго люда. Въ одинъ голодный годъ Кирилловъ монастырь кормилъ ежедневно 600 нищихъ, а Пафнутіевъ монастырь—до 1000. Около обителей были устроены богадѣльни, больницы и гостинницы.

Просвѣтительная дѣятельность монастырей давала имъ еще болѣе важное общественное значеніе. Вступая въ монастырь, человѣкъ чувствовалъ себя въ особомъ мірѣ, мірѣ книжномъ, гдѣ почитаніе книжное было спеціальностію и вмѣстѣ подвигомъ, гдѣ всѣ говорили отъ Писанія, и на трапезѣ, и въ церкви, и въ кельяхъ предлагались благочестивыя чтенія, гдѣ наконецъ въ обширныхъ размѣрахъ производилась переписка всякаго рода книгъ. Кто хотѣлъ учиться, могъ найти въ монастырѣ и лучшихъ учителей, и богатую библіотеку. Въ монастыри шли и князья и простые люди для духовной бесѣды, для утвержденія въ благочестіи. Кромѣ устныхъ наставленій, оттуда выходили учительныя посланія къ разнымъ лицамъ, которыя передавались изъ рукъ въ руки и распространялись во множествѣ списковъ. Вліяніе монастырей на народную нравственность всего яснѣе видно изъ того аскетическаго оттѣнка, который замѣчается во всѣхъ проявленіяхъ нашего древняго благочестія. Наконецъ монастыри распространяли, какъ мы видѣли, свѣтъ истинной вѣры среди инородцевъ сѣвера.

Распространеніе христіанства.

Св. Стефанъ Пермскій. Къ именамъ Арсенія Коневскаго, Кирилла Челмогорскаго, Лазаря, иноковъ Валаамскаго и Каменскаго монастырей въ исторіи христіанской миссіи нужно присоединить славное имя *св. Стефана Пермскаго,* просвѣтителя пермскаго края. Онъ былъ сынъ соборнаго причетника въ Устюгѣ, рано выучился граматѣ и получилъ страсть къ книжному ученью. Чтобы удовлетворить ей, онъ вступилъ (въ 1365 г.) въ ростовскій монастырь Григорія Богослова, гдѣ было много книгъ. Давно уже

у него возникла мысль сдѣлаться апостоломъ дикихъ *Зырянъ* Перми, съ языкомъ и жизнію которыхъ онъ хорошо былъ знакомъ еще на своей родинѣ. Въ теченіи 13 лѣтъ монастырской жизни онъ постоянно готовился къ замышленному подвигу, изучалъ греческій языкъ для перевода св. книгъ на зырянскій языкъ, составилъ зырянскую азбуку и переводилъ наиболѣе нужныя библейскія и богослужебныя книги. Приготовивъ себя такимъ образомъ и посвященный въ санъ іеромонаха, онъ отправился къ Зырянамъ. Мѣстомъ своей дѣятельности онъ выбралъ селеніе при устьѣ Выми, гдѣ устроилъ небольшую церковь. Отсюда онъ ѣздилъ во всѣ стороны для проповѣди св. вѣры, всюду разрушалъ и жегъ капища и идоловъ. Язычники съ удивленіемъ замѣчали, что онъ ничего не бралъ себѣ изъ богатыхъ приношеній, которыя находились на ихъ свящ. мѣстахъ, невольно признавали его превосходство предъ своими жрецами и крестились. Успѣхи св. Стефана встревожили языческихъ волхвовъ. Они возмущали противъ него народъ, пользуясь при этомъ мѣстною ненавистью въ Москвѣ. „Что, говорили они, слушать пришельца изъ Москвы, которая насъ угнетаетъ податями?“ Св. Стефанъ вступалъ съ ними въ споры и побѣдою надъ ними привлекалъ къ церкви новыхъ чадъ. Особенно важна была для успѣховъ вѣры его побѣда надъ главнымъ ихъ волхвомъ *Памою*, который пользовался авторитетомъ даже между крещеными. Знаменитый кудесникъ самъ вызвался пройти вмѣстѣ съ Стефаномъ сквозь огонь и воду, покрытую льдомъ, чтобы испытать, чья вѣра сильнѣе, думая что Стефанъ не согласится на это. Но когда, сверхъ чаянія его, святой согласился, онъ самъ отказался отъ испытанія. Огромная толпа, собравшаяся смотрѣть на чудо, едва не растерзала *Паму* и затѣмъ перешла на сторону Стефана. Успѣхи Стефана весьма много зависѣли отъ того, что онъ обращался къ Зырянамъ съ проповѣдью и совершалъ для нихъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ. Онъ неутомимо продолжалъ свой зырянскій переводъ церковныхъ книгъ и трудился въ ихъ перепискѣ; кромѣ того училъ Зырянъ граматѣ по своей азбукѣ. Лучшихъ учениковъ, годныхъ на священническія мѣста, онъ посылалъ въ сосѣднія епархіи для поставленія къ зырянскимъ церквамъ, а въ 1383 году м. Пименъ посвятилъ его самого въ епископы. Съ основаніемъ епархіи (въ Устъ-Выми) пермская страна стала удобно получать священниковъ изъ природныхъ Зырянъ и дѣло просвѣщенія пошло успѣшнѣе. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ для привлеченія Зырянъ къ вѣрѣ была благотворительная дѣятельность св. Стефана. Въ голодные годы онъ привозилъ хлѣбъ изъ Вологды и Устюга для раздачи бѣдному народу, дѣлалъ большія ссуды и милостыни изъ архіерейской казны, испрашивалъ у в. князя прощеніе недоимокъ. Въ 1386 г.

онъ ѣздилъ въ Новгородъ съ просьбой, чтобы вѣче обуздало грабежи новгородской вольницы по Вычегдѣ; потомъ ѣздилъ въ Москву просить в. князя объ обузданіи насилій и поборовъ княжескихъ чиновниковъ; онъ и умеръ въ Москвѣ во время поѣздки туда въ 1396 году. Въ 18 лѣтъ своего апостольства св. Стефанъ обратилъ къ христіанству всю малую Пермь по Вычегдѣ и Выми; великая Пермь оставалась еще въ язычествѣ. Преемники Стефана *Исаакъ* и *Герасимъ* старались и ее обратить ко Христу. Въ 1442 г. Герасимъ претерпѣлъ даже мученическую смерть отъ слуги своего Вогула, который задавилъ его омофоромъ. Послѣ него въ 1455 г. погибъ и другой пермскій епископъ *Питиримъ*, замученный въ плѣну у Вогуловъ. Св. вѣра начала распространяться у Вогуловъ уже при преемникѣ Питирима *Іонѣ*, который въ 1462 году крестилъ самого князя пермскаго и множество народа.

Христіанство у Татаръ. На сѣверо-востокъ былъ большой просторъ для распространенія русской гражданственности и св. вѣры; внизъ по Волгѣ и на юго-востокѣ русское вліяніе было стѣснено Ордой. Но, тяготѣя надъ Россіей своей матеріальной силой, Орда сама подпадала христіанскому вліянію покоренной страны, хотя и весьма слабому. Въ 1276 году сарайскій епископъ *Ѳеогностъ* на константинопольскомъ соборѣ предлагалъ вопросы о Татарахъ, желавшихъ креститься. Извѣстны самые случаи обращенія Татаръ даже изъ ханскаго рода. Племянникъ хана *Берге*, тронутый рѣчами ростовскаго епископа *Кирилла*, бывшаго въ Ордѣ, тайно отъ родныхъ уѣхалъ въ Ростовъ и крестился съ именемъ *Петра*. Памятникомъ его благочестія остался въ Ростовѣ монастырь во имя Петра и Павла. Онъ умеръ около 1290 г., принявши постриженіе. Крестились и другіе знатные люди: мурза *Четъ*, построившій при Калитѣ костромской *Ипатьевскій* монастырь, родоначальникъ Годуновыхъ, внукъ Мамая *Олекса* въ Кіевѣ при Витовтѣ, родоначальникъ Глинскихъ, и многіе другіе. Родственницы хановъ, выходя за мужъ за князей, тоже всегда принимали христіанство. Особенно много крестилось Татаръ при св. Алексіѣ. Чаще всего крестились Татары, поступавшіе на русскую службу.

Христіанство на сѣверо западѣ. Александръ Невскій. На сѣверо-западной окраинѣ Руси шла прежняя борьба между католической и православной миссіей среди финляндскаго народонаселенія. Изъ Швеціи и Лифляндіи противъ Русскихъ поднимались цѣлые крестовые походы. Въ 1240 г. такой походъ на Россію предпринялъ шведскій владѣтель *Биргеръ*. На Невѣ встрѣтилъ его новогородскій князь *Александръ Невскій* и нанесъ Шведамъ страшное пораженіе. Эта религіозная борьба ознаменова-

лась чудесами. Одинъ Ижорянинъ *Пелгуй* передъ началомъ битвы видѣлъ ночью свв. Бориса и Глѣба, плывшихъ въ лодкѣ по Невѣ. „Поможемъ родичу нашему Александру", говорили они другъ другу.—Въ тоже время Ливонскій орденъ нападалъ на Изборскъ и Псковъ. Его военная пропаганда латинства была надолго остановлена тѣмъ же Александромъ послѣ страшнаго пораженія рыцарей въ Ледовомъ побоищѣ на льду Чудскаго озера (1242 г.). Послѣ этихъ подвиговъ невскаго героя папа завязалъ съ нимъ мирныя сношенія и въ 1248 г. прислалъ къ нему двоихъ легатовъ съ увѣщаніемъ покориться Римской церкви. Невскій отпустилъ ихъ съ рѣшительнымъ отказомъ.

Св. Довмонтъ. Въ 1265 году пришелъ во Псковъ другой св. князь, герой и защитникъ православія, Литовецъ *Довмонтъ*, бѣжавшій изъ Литвы отъ мщенія родичей убитаго имъ кн. *Миндовга.* Сдѣлавшись псковскимъ княземъ, онъ прославился защитою псковскихъ земель отъ Литвы и Ливонцевъ, которые снова принялись за распространеніе латинства вооруженною силою. Въ 1268 г. онъ участвовалъ въ знаменитой Раковорской битвѣ русскихъ князей противъ Ливонцевъ и Датчанъ; въ слѣдующемъ году спасъ отъ Нѣмцевъ самый Псковъ. Послѣ своей смерти онъ сталъ небеснымъ покровителемъ Пскова вмѣстѣ съ св. Всеволодомъ.—Не смотря на подвиги Невскаго и Довмонта, владычество ордена твердо укрѣпилось на балтійскомъ поморьѣ; Ливы, Латыши и Чудь были обращены имъ въ католичество и слабые начатки православія были вытѣснены изъ всего края.

Борьба съ Шведами. Между тѣмъ въ Швеціи отъ времени до времени являлись папскія буллы, подвигавшія Шведовъ къ религіозной войнѣ съ Россіей. Не довольствуясь одними набѣгами на новгородскія земли, Шведы выдвинули къ русскимъ границамъ свои колоніи—Тавастгусъ, Кексгольмъ и Выборгъ. Новгородцы съ своей стороны на устьѣ Невы построили Орѣшекъ. Орѣховскій миръ съ Шведами 1323 года сопровождался уступкою Швеціи части корельской земли, гдѣ были исповѣдники православія еще съ 1227 года. Едва прошло 20 лѣтъ послѣ Орѣховскаго мира, какъ въ 1347 году шведскій король *Магнусъ* открылъ большой религіозный походъ на новгородскія земли. Предварительно онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, прося назначить мѣсто и время для пренія о вѣрѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ приняли ту вѣру, которая одержитъ верхъ. Владыка *Василій* отвѣчалъ, что Новгородцамъ нечего спорить о вѣрѣ, приняли они ее отъ Грековъ, а потому, если король желаетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ съ этимъ пословъ къ патріарху. Послѣ этого король опустошилъ всю Корельскую и Ижорскую землю и повсюду крестилъ народъ въ латинство. Но по удаленіи его въ Швецію завоеванныя мѣста

снова отложились отъ Шведовъ, а жители возвратились къ православію

Борьба съ католичествомъ на юго-западѣ. Тотъ же папа Иннокентій IV, который сносился съ Невскимъ, завязалъ сношенія съ другимъ знаменитымъ княземъ, *Даніиломъ Романовичемъ* галицко-волынскимъ. Тяготясь татарскимъ владычествомъ болѣе всѣхъ русскихъ князей, Даніилъ посылалъ къ папѣ пословъ съ обѣщаніемъ соединиться съ Римской церковію, если папа будетъ помогать ему противъ Татаръ. Буллы одна за другой посыпались въ Галичъ. Папа разрѣшалъ Русскимъ соблюдать греческіе обряды, оставлялъ имъ квасный хлѣбъ въ евхаристіи, обѣщалъ проповѣдниковъ и епископа, далъ Даніилу право отнимать земли у князей, не исповѣдующихъ латинства, далъ королевскій вѣнецъ, но помощи не далъ; на проповѣдь его о крестовомъ походѣ противъ Татаръ никто не откликнулся въ Европѣ, и Даніилъ прекратилъ всѣ сношенія съ Римомъ.—Православіе оставалось господствующимъ на юго-западѣ до самаго пресѣченія рода галицкихъ князей. Съ 1340 года въ Галиціи водворилось польское владычество, а Волынь соединилась съ Литвой. У православныхъ жителей Галиціи католики стали отнимать церкви и обращать въ костелы. Съ 1376 года латинство уже имѣло въ Галиціи митрополію и 4 епископіи. Потомъ пришли сюда братья доминиканы и завели (1381 г.) свою инквизицію.

Православіе въ Литвѣ. Въ Литву христіанство переходило изъ Россіи и изъ сосѣднихъ католическихъ странъ—Польши и Ливоніи, а потому и здѣсь съ самаго же начала видимъ борьбу православія съ католичествомъ. Въ 1246 г. принялъ православіе кн. *Миндовгъ*, но только наружно съ цѣлію сблизиться чрезъ то съ русскими князьями для борьбы съ Ливонскимъ орденомъ. Потомъ онъ также легко принялъ католичество, чтобы помириться съ орденомъ. Папа далъ ему королевскій титулъ. Но, обманувъ и папу и рыцарей, онъ продолжалъ приносить жертвы старымъ литовскимъ божествамъ. У него былъ жестокій сынъ *Воишелгъ*, каждый день убивавшій по 3—4 человѣка. И этотъ тоже принялъ православіе, даже постригся въ монахи, но убіеніе его отца снова обнаружило его кровожадные инстинкты, пробудивъ въ немъ языческую жажду мести. Сбросивъ съ себя монашескую рясу, онъ объявилъ себя литовскимъ княземъ и перебилъ множество своихъ враговъ. Насытившись местью, онъ отдалъ всѣ свои владѣнія сыну Даніила галицкаго—*Шварну*, своему зятю, и опять ушелъ въ монастырь. Правленіе его однако было полезно для православія въ Литвѣ, потому что для просвѣщенія своей страны онъ нарочно вызывалъ священниковъ изъ Новгорода и Пскова. Большинство литовскихъ князей уже исповѣдовало православіе.

Основатель единаго Литовскаго княжества *Гедиминъ* (1315—1345) былъ язычникъ, но, не желая раздражать многочисленныхъ православныхъ жителей подвластныхъ ему русскихъ княжествъ, оказывалъ полную терпимость къ православію, дозволялъ своимъ сыновьямъ принимать крещеніе, дочерей своихъ повыдалъ за русскихъ князей и самъ вторымъ и третьимъ бракомъ былъ женатъ на русскихъ княжнахъ.—Сынъ его *Ольгердъ* (1345-1377) послѣ вступленія своего на престолъ вздумалъ было опереться на языческую партію, по настоянію жрецовъ даже замучилъ за православіе троихъ своихъ придворныхъ—*Антонія*, *Іоанна* и *Евстафія*, но Литовцы оказали этимъ мученикамъ такое сочувствіе и въ такомъ множествѣ стали обращаться въ христіанство, что Ольгердъ скоро оставилъ свою языческую ревность и, по примѣру отца, сталъ покровительствовать православнымъ. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ (витебской и тверской) и позволилъ крестить въ православіе 12 своихъ сыновей, а подъ конецъ жизни крестился и самъ.—Католическое вліяніе тоже проникало въ Литву, но не могло пока осилить вліянія православнаго; притомъ же оно имѣло тогда очень дурныхъ представителей въ сосѣднихъ орденахъ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей, которые за свои насилія были ненавидимы по всей Литвѣ.

Успѣхи католичества при Ягеллѣ. Обстоятельства измѣнились при преемникѣ Ольгерда *Ягеллѣ*. Послѣ его брака съ польской королевой *Ядвигой* послѣдовало вредное для православія соединеніе Литвы съ католической Польшей. Ягелло принялъ въ Польшѣ (1386 г.) католичество и обязался ввести его и между Литовцами. Онъ воротился въ Литву съ ксендзами и началъ насильно крестить всѣхъ язычниковъ. При этомъ къ католичеству принуждали и тѣхъ Литвиновъ, которые были уже православными. Католичество приняли братья Ягелла и нѣсколько литовскихъ князей. Двое православныхъ литовскихъ вельможъ за отказъ послѣдовать примѣру в. князя были казнены. Латинская пропаганда коснулась и русскихъ областей, соединенныхъ съ Литвою. Всѣ православные были объявлены лишенными права гербовъ, шляхетства и чиновной службы. Русскіе и Литовцы сильно вознегодовали на Ягелла, который притомъ же совсѣмъ отдался Полякамъ, даже и жилъ не въ Литвѣ, а въ Польшѣ. Соединившись вмѣстѣ, они провозгласили своимъ княземъ его двоюроднаго брата *Витовта* (1392—1430). Витовтъ тоже былъ католикъ, но онъ лучше брата понималъ, какъ неумѣстно въ Литвѣ заявлять свою преданность папѣ насиліемъ, и отличался терпимостію. Католичество все-таки было объявлено господствующею религіей во всемъ княжествѣ. Въ Вильнѣ и Кіевѣ учреждены латинскія епископіи. На Городельскомъ сеймѣ 1413 г. было постановлено: какъ въ княжествѣ Ли-

товскомъ, такъ и въ коронѣ Польской право занимать высшія должности предоставлять только тѣмъ Русинамъ, которые примутъ католическую вѣру. Многіе изъ православныхъ ради житейскихъ выгодъ стали переходить въ католичество.—Преемникъ Витовта *Свитригелло* явился ревнителемъ православія, выгналъ латинскихъ монаховъ, ксендзовъ и бискуповъ и пережегъ всѣ костелы по Литвѣ Но когда Поляки посадили на его мѣсто *Сигизмунда*, ревностнаго католика, православіе дорого поплатилось за свое короткое торжество; большая часть его церквей была раззорена. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала Флорентійская унія. Католическая церковь, видя невозможность распространить въ западной Россіи и Литвѣ чистое латинство, ухватилась теперь за эту унію.

Церковная обрядность.

Прав. храмы. Бѣдствія Русской земли сопровождались сильнымъ возбужденіемъ народнаго благочестія. Оно прежде всего выразилось строеніемъ множества церквей и монастырей. Особенно много строилось церквей во время голода, мора и др. народныхъ бѣдствій; это, такъ называемыя, церкви *обѣтныя* и *обыденныя*, которыя строились по обѣту и обыкновенно въ одинъ день, и тутъ же освящались. Сговорившись на сходѣ, жители города или селенія шли въ лѣсъ, рубили бревна, свозили, а иногда изъ усердія сами сносили ихъ на мѣсто и всѣмъ міромъ выстраивали, церковь обыкновенно во имя дневнаго святаго; если бѣдствіе не прекращалось, точно такъ-же строили другую церковь. Во всѣхъ городахъ церквей было даже больше, чѣмъ слѣдовало, такъ что ихъ нечѣмъ было содержать. Особенно большимъ количествомъ и богатымъ украшеніемъ ихъ отличались Новгородъ и Псковъ, а подъ конецъ описываемаго времени Москва. Лучшіе русскіе мастера для строенія и украшенія церквей тоже были въ Новгородѣ и Псковѣ; удобнѣе всего было достать здѣсь и нѣмецкихъ мастеровъ. Замѣчательно, что до XV в. всѣ церкви строились у насъ безъ печей. Первый устроилъ двѣ теплыя церкви новгородскій владыка Евфимій,—одну въ Вяжицкомъ монастырѣ (1439), другую (1445) воимя св. Евфимія у себя въ домѣ.

Сохранилось вполнѣ прежнее *общественное значеніе храмовъ.* Какъ Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ—св. Троицы и т. д., такъ и сама Москва съ своимъ Успенскимъ соборомъ была землею Богородицы; пограничная съ Литвой рѣчка Угра называлась поясомъ Богородицы. Встрѣчаемъ обычное въ удѣльномъ бытѣ неуваженіе къ чужимъ храмамъ. Въ 1393 и 1398 годахъ Новгородцы брали Устюгъ и оба раза грабили его соборъ. Михаилъ тверской разграбилъ церкви и монастыри въ Торжкѣ;

тоже сдѣлалъ Василій Темный въ Галичѣ. Находимъ ясныя указанія относительно важнаго значенія храма для приходской общины. Одно изъ выразительнѣйшихъ проявленій приходской жизни—*братчина*—составляла повсемѣстное явленіе. Граматы князей давали братчинамъ важныя права—варить на праздникъ свое пиво и медъ, безпенно для общины высылать незванныхъ гостей—волостей, доводчиковъ и др. чиновниковъ; наконецъ самимъ разбирать происшедшія на братскомъ пиру ссоры; братчина судила, какъ судья, и передавала княжескому суду только дѣла уголовныя и такія, которыхъ не могла разобрать сама. Въ такомъ видѣ временной праздничной сходки братчина является и послѣ до XVII в. по всей Великороссіи. Въ западной Россіи она развилась до формы постояннаго союза, *братства*. Магдебургское право городовъ и ихъ цѣховое устройство въ связи съ обычнымъ патронатомъ общинъ надъ церквами были главными элементами, изъ которыхъ организовались юго-западныя братства. Раньше другихъ становятся извѣстными братства во *Львовѣ* (1439 г.) и въ *Вильнѣ* (1458 г.).

× *Св. иконы*. Украшая храмы, любили расписывать ихъ иконами. Писаніе иконъ считалось неприличнымъ поручать Нѣмцамъ, оно производилось или греческими, или русскими мастерами. На иконописное художество былъ большой запросъ, а потому иконописцевъ было много; они соединялись въ артели или дружины подъ управленіемъ старостъ; были особыя дружины в. князя и митрополита, состоявшія на ихъ содержаніи. Лучшими иконописцами въ XV в. были *Өеофанъ* Грекъ, *Даніилъ* и монахъ *Андрей Рублевъ*. Иконописаніемъ занимались нѣкоторыя изъ высшихъ духовныхъ лицъ, наприм. *св. Петръ* митрополитъ, новгородскій владыка *Василій* и др.

Вѣра въ *чудотворную* силу нѣкоторыхъ св. иконъ находила себѣ неоднократное оправданіе въ жизни. Во время Куликовской битвы прославилась *Донская* икона Богоматери, находившаяся въ войскѣ в. князя; послѣ битвы плѣнные Татары объясняли свое пораженіе видѣніемъ молніеносинаго полка подъ предводительствомъ грозной небесной Воительницы. Въ новый стольный городъ в. князя изъ Владиміра перенесена была икона *Владимірской* Богоматери. Во время нашествія *Тамерлана* (1395 г.) ее торжественно встрѣтили въ Москвѣ и поставили въ Успенскомъ соборѣ. Въ самый день и часъ ея встрѣчи Тамерланъ бѣжалъ изъ Россіи, устрашенный видѣніемъ грозной свѣтоносной Жены.—Въ разныхъ мѣстахъ явились новыя чудотворныя иконы: въ XIII в. *Өеодоровская* въ Ярославѣ, *Путивльская*, *Устюжская*, *Муромская*, *Курская-Коренная*, въ XIV в. *Тихвинская*, *Толгская* и др. Большею частію чудотворныя иконы по прежнему чтились только

мѣстно. Въ 1398 г. Новгородцы разграбили Устюгъ и похитили икону *Одигитріи* — мѣстную святыню города. За это они были наказаны тяжкою болѣзнью. Владыка велѣлъ имъ воротить святыню на мѣсто; они послушались и исцѣлѣли. Перенесеніемъ Владимірской иконы въ Москву началось важное дѣло собиранія мѣстныхъ святынь въ одно центральное мѣсто; въ Москвѣ эти святыни должны были получить потомъ общерусское значеніе.

Чествованіе святыхъ. Кромѣ явленія чудотворныхъ иконъ, русское благочестіе утѣшалось открытіемъ мощей русскихъ угодниковъ—святителя Петра, св. Александра Невскаго, пр. Сергія и др. святыхъ. И святые тоже большею частію чтились мѣстно, наприм. Георгій II владимірскій, Василько ростовскій, Михаилъ черниговскій, Довмонтъ псковскій, Михаилъ тверской и др. Въ Новгородѣ въ послѣднее время его самостоятельности видимъ какое-то соревнованіе святынями съ Москвой. Послѣдніе владыки старались собрать и увѣковѣчить въ письмени все, что было славнаго въ его старинѣ. Владыка *Евфимій* (1430 — 1458) открылъ мощи владыки Іоанна, послужившаго чуду Знаменія Богородицы, и Варлаама Хутынскаго,—святыхъ наиболѣе славныхъ въ новгородскихъ преданіяхъ, и установилъ 4 октября память всѣхъ князей и владыкъ, положенныхъ во св. Софіи. Преемникъ его *Іона* заставилъ славнаго тогда ритора *Пахомія Серба* писать житія новгородскихъ святыхъ и не щадилъ для него за это ни даровъ, ни почестей. Замѣчательно, что только въ послѣднее время при этомъ Іонѣ Новгородъ сталъ почитать великаго покровителя Москвы пр. Сергія и создалъ въ честь его первый храмъ. Въ Москвѣ новгородскихъ святыхъ не чтили, долго спустя и послѣ этого. „Каждая страна, по словамъ житія св. Прокопія устюжскаго, своихъ святыхъ блажитъ. Новгородъ славитъ архіепископовъ своихъ Іоанна, Евфимія, Никиту, Іону и препод. Варлаама, Савву и Михаила Клопскаго; Псковъ блажитъ Всеволода, Авраамія и Савву; Москва величаетъ Петра, Алексія и Іону; Ростовъ блажитъ Леонтія, Исаію и Игнатія, пр. Авраамія и Исидора: Вологда блажитъ Димитрія, Корнилія, Павла и Сергія на Нурмѣ. Мы же тебя, Прокопіе, имѣемъ стражемъ и заступникомъ граду Устюгу". Въ „Плачѣ земли пермской" (при житіи св. Стефана) можно видѣть, какъ сильно чувствовала земля потерю мощей своего святаго: „Если бы гробъ твой находился въ землѣ нашей, какъ къ живому, мы приходили бы къ тебѣ... За что обидѣла насъ Москва? Она имѣетъ у себя и митрополитовъ и святителей; а у насъ былъ одинъ епископъ,—и того къ себѣ взяла".

Въ честь новоявленныхъ иконъ и святыхъ установлялись *новые праздники.* Праздновали такъ же дни особенныхъ благодѣяній Божіихъ, напр. день срѣтенія Владимірской иконы и бѣгства Та-

мерлана (26 авг.). Послѣ Куликовской битвы установлена (предъ 26 октября) *Димитріевская* суббота для поминовенія павшихъ за православіе воиновъ. Составлялись и новыя службы русскимъ святымъ, напр. святителю Петру, св. Алексію, Сергію Радонежскому и др. Особенность русскихъ службъ этого времени составляютъ молитвы объ избавленіи отъ Агарянъ.

Богослужебныя книги существовали уже въ полномъ составѣ. Всякаго чина люди, особенно духовные, усердно занимались ихъ перепиской. Много писали ихъ на Аѳонѣ и въ Константинополѣ русскіе путешественники и русскіе иноки, подвизавшіеся въ тамошнихъ монастыряхъ. Все-таки ихъ оказывалось очень мало; многія церкви не могли покупать ихъ по ихъ необычайной дороговизнѣ. Весьма вреднымъ явленіемъ въ исторіи богослужебныхъ книгъ была порча ихъ вслѣдствіе невѣжества и небрежности переписчиковъ. Св. Алексій почелъ нужнымъ самъ переводить и исправлять съ греческаго текста весь Новый Завѣтъ. М. Кипріанъ нашелъ въ богослуженіи большія неисправности. Изъ Пскова ему писали, что тамъ во всемъ городѣ не было церковнаго устава: онъ послалъ туда уставъ службы Іоанна Златоуста и Василія Великаго, чины крещенія, вѣнчанія, освященія воды и послѣдованіе въ недѣлю православія. Митрополитъ заботился такъ же объ исправленіи книгъ; но, исправляя нѣкоторыя разности и ошибки, вводилъ вмѣсто нихъ не мало новыхъ, бывшихъ слѣдствіемъ сербскихъ особенностей его рѣчи. Послѣ него объ исправленіи богослуженія заботился м. Фотій. Изъ посланій его во Псковъ узнаемъ, что псковское духовенство не знало, когда совершать литургію Златоустаго, какъ приготовлять агнецъ для литургіи преждеосвященныхъ даровъ и между прочимъ, какъ пѣть „аллилуія",—митрополитъ вилѣлъ троить аллилуія.

Особенности богослуженія. Весьма важнымъ явленіемъ въ исторіи богослуженія описываемаго времени было постепенное водвореніе въ немъ, вмѣсто прежде господствовавшаго Студійскаго устава, новаго *устава Іерусалимскаго* св. Саввы. Употребленіе его началось по мѣстамъ еще съ XIV в., затѣмъ весь XV в. былъ для русскаго богослуженія временемъ переходнымъ отъ одного устава къ другому, пока въ XVI в. іерусалимскій уставъ не сдѣлался господствующимъ.

Самыя замѣчательныя опредѣленія касательно богослуженія заключаются въ правилахъ владимірскаго собора 1274 г., въ отвѣтахъ константинопольскаго собора 1276 г. на вопросы Ѳеогноста сарайскаго и въ посланіяхъ мм. Фотія и Кипріана. Тутъ же можно видѣть и нѣкоторыя особенности русскаго богослуженія. Посланія Кипріана и Фотія во Псковъ вооружаются противъ обливательнаго крещенія, которое проникло туда съ запада, и противъ упо-

требленія латинскаго мvра. Изъ посланія Фотія видно, что св. мvро не приготовлялось тогда въ самой Россіи, а шло къ намъ изъ Греціи. Младенцевъ принято было крестить, какъ можно, скорѣе. Относительно литургіи возникъ вопросъ: какъ служить ее святителю, когда поповъ нѣсколько, а дьякона нѣтъ? На константинопольскомъ соборѣ рѣшили, что младшій попъ долженъ говорить при этомъ за дьякона ектеніи въ алтарѣ. Но м. Кипріанъ утверждалъ, что при служеніи многихъ поповъ одному изъ нихъ дьяконствовать незаконно, потому что попъ есть попъ, а дьяконъ—дьяконъ, и если іерей дьяконствуетъ, то онъ выходитъ ни попъ, ни дьяконъ, и что поэтому безъ дьякона пусть служитъ одинъ попъ. Владимірскій соборъ осудилъ псковскій обычай просфоромисать дьякону, притомъ прежде священника. Антиминсъ былъ необходимой принадлежностію для литургіи. Поэтому во Псковѣ за недостачей антиминсовъ рѣзали ихъ на части; Кипріанъ строго запретилъ это и послалъ во Псковъ 60 антиминсовъ. Константинопольскимъ соборомъ дозволено служить нѣсколькимъ священникамъ на нѣсколькихъ агнцахъ вмѣстѣ, но возносить только одинъ изъ нихъ. Безъ вина служить не дозволялось, но вѣроятно случаи были. Өеогностъ спрашивалъ, нельзя ли служить на виноградной сухой вѣтви; отвѣчено, — нельзя. Татямъ, душегубцамъ, сквернословамъ, живущимъ съ женами безъ благословенія и четвероженцамъ Фотій и Кипріанъ запрещали давать причастіе, развѣ при смерти; троеженцы тоже отлучались отъ причастія на 5 лѣтъ. Монахамъ не дозволялось совершать вѣнчанія, равно какъ бѣлому священнику—постриженія. Постриженіе передъ смертію считалось необходимымъ и совершать его дозволялось въ этомъ случаѣ и чернымъ и бѣлымъ священникамъ, даже причетникамъ. Өеогностъ высказалъ даже недоумѣніе, какъ быть, когда умирающій не желаетъ постричься. Константинопольскій соборъ запретилъ принуждать его къ этому. Въ опредѣленіяхъ того же собора находимъ запрещеніе при погребеніи епископа давать ему въ руки тѣло Христово. Посланіе Фотія въ Новгородъ заключаетъ въ себѣ замѣчательное опредѣленіе противъ господствовавшаго въ судебной практикѣ поля или судебнаго поединка: выходящему на поле не давать причастія, убитаго не хоронить, а убившаго отлучать отъ причастія на 18 лѣтъ. Церковь признавала судъ Божій, лежавшій въ основѣ судебныхъ поединковъ, только въ одной формѣ,—въ формѣ крестнаго цѣлованія.

Ересь Стригольниковъ. Крайнее развитіе обрядоваго благочестія вызывало обличенія церковныхъ учителей, но этими обличеніями дѣло не ограничилось; крайность обрядоваго направленія вызвала другую крайность—отрицанія обрядовъ, обнаружившуюся

во Псковѣ. Мы уже видѣли постоянныя столкновенія Псковичей съ новгородскими владыками, а Новогородцевъ съ митрополитами. Оппозиція противъ іерархическаго подчиненія Новгороду и Москвѣ ухватилась прежде всего за тяжелыя ставленыя пошлины и отсюда, какъ изъ исходнаго пункта, развила цѣлую ересь *Стригольниковъ*. Вождями этой ереси въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія явились дьяконъ *Никита* и *Карпъ* стригольникъ (по одному объясненію—стригольникъ ремесломъ, по другому — дьяконъ, назначенный простригать гуменце у ставлениковъ при ихъ посвященіи). Еретики отрицались отъ пастырей церкви, какъ отъ незаконныхъ, поставленныхъ на мздѣ; затѣмъ переходили къ разбору ихъ жизни и находили, что архіереи и монахи собираютъ себѣ много имѣнія, а духовенство укоряли въ томъ, что оно беретъ поборы съ живыхъ и мертвыхъ и дурно живетъ; отсюда выводили, что не нужно слушать ученія такихъ пастырей, что всѣ священнодѣйствія ихъ недѣйствительны, потому не нужно принимать отъ нихъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи, не нужно ни пѣть надъ умершими, ни приносовъ за нихъ приносить. Отвергнувъ іерархію, еретики естественно должны были право учительства усвоить мірянамъ, а священнодѣйствія по возможности вовсе устранить; каяться, говорили они, можно и безъ священника, припадая къ землѣ; евхаристію нужно понимать въ духовномъ смыслѣ; другія таинства и обряды вовсе ненужны. Нѣкоторые изъ еретиковъ доходили до отрицанія соборовъ, даже евангельскихъ и апостольскихъ писаній, другіе отвергали еще воскресеніе мертвыхъ. Въ морали они всѣ одинаково придерживались идей аскетическихъ, отличались строгой жизнью и постничествомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, такая раціоналистическая ересь распространялась главнымъ образомъ между людьми образованными, книжниками. Изъ Пскова она перешла въ Новгородъ, гдѣ тоже нашла себѣ удобную почву; перешли сюда и сами Карпъ съ Никитой. Въ 1375 г. владыка отлучилъ ихъ отъ церкви, а народъ схватилъ ихъ и бросилъ въ Волховъ. Смерть ихъ однако не ослабила самой ереси. Въ 1381 г. услыхалъ объ ней патріархъ *Нилъ* и написалъ въ Новгородъ и Псковъ увѣщательныя посланія. Его преемникъ *Антоній* прислалъ еще два посланія съ подробнымъ опроверженіемъ ереси. М. Фотій тоже написалъ три посланія противъ еретиковъ. Псковичи возревновали о православіи, засадили еретиковъ въ тюрьму, нѣкоторыхъ казнили. Похваляя ихъ ревность, Фотій однако укорялъ ихъ за смертныя казни еретикамъ. Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія, о стригольникахъ больше не слышно, но движеніе, возбужденное ими, не исчезло и, какъ увидимъ, послѣ снова вскрылось въ другой опасной ереси жидовствующихъ.

Состоянiе нравовъ.

Обрядовое благочестiе не могло много содѣйствовать развитiю нравственной жизни. Изъ среды православныхъ выдвигались свѣтлыя личности, представлявшiя собою образецъ истиннаго благочестiя, каковы: святители Петръ, Алексiй, Iона, Игнатiй ростовскiй, Стефанъ пермскiй, князья Александръ Невскiй, Довмонтъ, Михаилъ тверской и др., такъ же многочисленный сонмъ подвижниковъ сѣвера съ своимъ главою Сергiемъ. Но общее впечатлѣнiе, какое выносится изъ изученiя нравовъ описываемаго времени, очень грустное. Большая часть изслѣдователей народной жизни видятъ здѣсь начало всего дурнаго въ русскомъ народномъ характерѣ. Трудно судить о томъ, лучше или хуже стала народная нравственность сравнительно съ прежнимъ временемъ, но дѣйствительно было много обстоятельствъ, которыя не благопрiятно дѣйствовали на нравы и мѣшали преуспѣянiю христiанской жизни.

Первымъ обстоятельствомъ такого рода было *монгольское иго*, поставившее Россiю подъ огрубляющее влiянiе дикаго народа, унижавшее и портившее народъ восточнымъ рабствомъ. Сами князья должны были ѣздить въ Орду съ заявленiемъ рабской покорности и постоянно трепетать передъ силой ордынскаго деспота, передъ многочисленными доносами шпiоновъ, шпiоновъ даже изъ своихъ же братiй князей. Каждый разъ передъ поѣздкой въ Орду они исповѣдывались и причащались, какъ предъ смертью, а по возвращенiи служили благодарственные молебны. Для народа эта школа рабства была еще тяжелѣе; нужно было кланяться всякому заѣзжему баскаку, исполнять все, чего онъ потребуетъ, отдѣлываться обманами и поклонами, когда онъ расходится. Одинъ сильный человѣкъ не вытерпитъ и убьетъ Татарина; другой сильный человѣкъ убьетъ за это его самого, спасая Русскую землю отъ татарской мести; а лѣтописецъ похвалитъ послѣдняго и осудитъ перваго за недостатокъ смиренiя. Двоедушiе, хитрость, низкопоклонничество, низкiя проявленiя инстинкта самосохраненiя дѣлаются добродѣтелями времени, которыя проповѣдуетъ и лѣтописная мораль.

Съ другой стороны внутри самой Россiи совершался тяжелый *переходъ отъ удѣльно-вѣчеваго уклада къ единодержавному*. При усиленiи одного княжества на счетъ другаго употреблялись всякiя средства безъ разбора, — клевета въ Ордѣ одного князя на другаго, насилiя, хитрость, коварства, небывалыя жестокости усобицъ. Въ администрацiи, при подавленiи старыхъ вѣчевыхъ началъ, видимъ крайнiя проявленiя торжества новыхъ началъ, жестокость казней, насилiя властей, поборы, неправды. Одинъ по-

лоцкій князь спрашивалъ разъ епископа тверскаго Симеона: „гдѣ быть на томъ свѣтѣ тіунамъ?“—Гдѣ и князьямъ, отвѣчалъ Симеонъ. „Но тіунъ неправо судитъ, дѣлаетъ зло, беретъ взятки, а я что дѣлаю?“—Если князь безъ страха Божія, не милуетъ христіанъ, тіуна ставитъ злаго, неправеднаго, лишь бы давалъ ему куны, пускаетъ его, какъ пса на падаль, губить людей: то и князь будетъ въ аду и тіунъ его тамъ же.—Насилія сильныхъ, коварство слабыхъ, общее недовѣріе другъ къ другу ослабляли всѣ общественныя узы. Лѣтописи и житія святыхъ постоянно говорятъ о разбояхъ, поджогахъ, грабежахъ и убійствахъ.

Но и среди такихъ обстоятельствъ нельзя не замѣчать въ обществѣ того времени *проявленія христіанскихъ понятій*. Это общество выставило изъ среды своей много праведниковъ и пророковъ, проповѣдовавшихъ лучшіе нравы и обличавшихъ современныя нестроенія. Тяжкія бѣды были исправительнымъ бичемъ Божіимъ; съ теченіемъ времени и поученія, и лѣтописная публицистика все чаще и чаще начинаютъ призывать всѣхъ къ христіанской любви и соединенью. Голодъ, нападеніе Татаръ, знаменіе на небѣ—все служитъ для лѣтописца поводомъ къ проповѣди о покаяніи. Подъ вліяніемъ тяжкихъ обстоятельствъ, къ которымъ присоединялись еще слухи о бѣдствіяхъ востока, сильно распространилась мысль о приближеніи кончины міра, временемъ которой назначали конецъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. Эту мысль встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, у м. Капріана, м. Фотія и другихъ учителей. О переводныхъ трудахъ св. Стефана въ Москвѣ говорили: „Прежде не было граматы въ Перми; зачѣмъ замышлять ее въ исходѣ 7000 лѣтъ за 120 лѣтъ до кончины?“ Въ Софійской лѣтописи подъ 1459 г. написано: „Здѣ страхъ, здѣ скорбь велика: якоже въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть 23, луны 13, сіе лѣто на концы явися, въ оньже чаемъ всемірное пришествіе Христово. О Владыко! умножишася беззаконія наша на земли: пощади, Владыко?“ Пасхаліи не доводили дальше 7000 (1492) года; за этимъ годомъ ставили кружокъ и приписывали: „Горе достигшимъ до конца временъ“.

Обществу приходилось каяться во многихъ грѣхахъ. Кромѣ, общественной неурядицы, важные пороки господствовали и въ *частной жизни*. Слышимъ жалобы на грубые пороки пьянства, сквернословія, чувственности. Женщина окончательно запирается въ теремѣ, который общество признало необходимымъ и единственнымъ средствомъ для сохраненія семейной чистоты. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ нравы грубѣе. М. Іона въ своемъ посланіи въ Вятку обличаетъ жителей въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ брали женъ по 5, 7 и даже 10, а попы ихъ благословляли; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ вѣнчанія. Но и внутри

Россіи въ 1406 г. встрѣчаемъ звѣрское убійство княгини вяземской *св. Іуліаніи* послѣднимъ княземъ смоленскимъ *Юріемъ* за то, что она не хотѣла удовлетворить его плотской страсти.

Остатки язычества были еще очень сильны. Вѣра въ волхвовъ и вѣдьмъ, въ ихъ заговоры, зелья и другія чародѣйныя средства была господствующею вездѣ. Во Псковѣ однажды по случаю язвы сожгли 12 вѣдьмъ, во Владимірѣ во время бездождія выкапывали изъ земли утопленниковъ. Во всѣхъ классахъ народа распространена была вѣра въ сонъ, встрѣчу, полазъ, птичій грай и др. примѣты. Продолжались жертвы разнымъ домовымъ, лѣшимъ, водянымъ и др. божествамъ старины. Народное веселье сопровождалось языческими обрядами даже при празднованіи церковныхъ праздниковъ, если послѣдніе совпадали по времени съ прежними языческими. Но съ другой стороны видно, что въ языческой памяти многое успѣло уже затемниться; поученія противъ язычества еще помнятъ имена старыхъ боговъ, но уже не ясно понимаютъ ихъ миѳологическое значеніе, перепутываютъ ихъ между собою и неловко сопоставляютъ съ божествами греческой миѳологіи. Главное вниманіе обличителей язычества обращается на остатки стараго культа, который хранился въ большей свѣжести; но и здѣсь наряду съ дѣйствительными остатками язычества ставятся проявленія обыкновеннаго народнаго веселья,— пляски, пѣсни и музыка. Такимъ образомъ языческія преданія видимо теряли свою свѣжесть. Вмѣсто прежняго грубаго двоевѣрія, механическаго соединенія двухъ вѣръ почти безъ измѣненія той и другой, является двоевѣріе болѣе тонкое, состоящее изъ органическаго соединенія старой и новой вѣры, при которомъ и та и другая терпятъ значительныя перемѣны; языческія понятія уступаютъ христіанскимъ, но за то и послѣднія теряютъ свою возвышенность и низводятся до степени наивнаго, полуязыческаго смысла народа. Это было начало господства всякаго рода суевѣрій и апокрифовъ, въ которыхъ впрочемъ впервые выразилось самодѣятельное отношеніе народа къ христіанству, дѣйствительное усвоеніе его народнымъ умомъ и чувствомъ, а не механическое только, не осмысленное заучиваніе его формулъ. Болѣе совершенное усвоеніе православія могло явиться только съ очищеніемъ самого народнаго смысла, при большемъ развитіи религіознаго образованія.

Религіозное образованіе.

Религіозное образованіе описываемаго времени развивалось подъ самыми неблагопріятными условіями. Татарскія нашествія разрушали и школы и монастыри съ ихъ библіотеками. Съ дру-

гой стороны среди постоянныхъ удѣльныхъ дракъ все вниманіе лучшихъ людей было отвлечено отъ книги къ мечу. Одинъ Новгородъ проявлялъ нѣкоторую образованность вслѣдствіе своего большаго спокойствія отъ Татаръ и своихъ сношеній съ западомъ. Школы, заведеніе которыхъ прежде такъ поощрялось князьями, закрывались. Само духовенство плохо удовлетворяло своему просвѣтительному призванію. М. Исидоръ на Флорентинскомъ соборѣ говорилъ, что на Руси сами епископы люди некнижные. Низшее духовенство м. Кипріанъ прямо обвинялъ въ невѣжествѣ и указывалъ при этомъ на толстые сельскіе сборники, которые попы наполняли молитвами о трясавицахъ и нежитяхъ и разными суевѣрными сказаніями. Среди этой скудости образованія въ церковной письменности находимъ очень мало оригинальныхъ произведеній; главнымъ источникомъ образованія были переводы съ греческаго.

Переводная письменность видимо усилилась. Русскіе нарочно ѣздили на востокъ за книгами. Изъ путешествія Стефана Новгородца узнаемъ, что въ Студійскомъ монастырѣ при немъ жили Новгородцы *Иванъ* да *Добрило* для списыванія книгъ. Съ тою же цѣлію игуменъ высоцкій *Аѳанасій* прожилъ въ Царѣградѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ. Новыхъ переводовъ библейскихъ книгъ, твореній св. отцевъ, житій, прологовъ, патериковъ явилось очень значительное количество. О м. Кириллѣ II извѣстно, что онъ выписалъ изъ Болгаріи *переводъ Номоканона* въ полномъ его видѣ съ прибавленіемъ новыхъ постановленій до XIII в. и толкованій, которыхъ въ нашихъ прежнихъ Кормчихъ не было. Извѣщая объ этомъ соборъ 1274 г., онъ говорилъ, что доселѣ церковныя правила „помрачени бяху облакомъ мудрости еллинскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатію Божіею ясно сіяютъ, невѣденія тьму отгоняюще“. Для религіознаго просвѣщенія древней Руси особенно важное значеніе имѣли переводные *сборники*, каковы наприм. сборники писателя XI в. *Никона Черногорца* изъ статей догматическаго, нравственнаго, литургическаго и каноническаго содержанія; книга *Пчела*, въ которой помѣщались изреченія и притчи св. Писанія, отцевъ церкви, философовъ, поэтовъ и историковъ о разныхъ предметахъ; *Златая Цѣпь*, русскій сборникъ изъ поученій св. отцовъ и русскихъ статей; *Паисіевскій сборникъ* съ многими русскими статьями и передѣлками греческихъ переводовъ на русскіе нравы и многіе другіе.

Статья объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ. Вслѣдствіе умноженія переводовъ особенную важность получило опредѣленіе о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, потому что на ряду съ истинными книгами изъ Греціи, Болгаріи и Сербіи къ намъ перешло

множество апокрифовъ. Это опредѣленіе въ краткой его редакціи занесено къ намъ изъ Греціи довольно рано и помѣщено еще въ сборникѣ Святослава. Въ болѣе полномъ видѣ статья о книгахъ находится въ Паисіевскомъ сборникѣ и молитвенникѣ м. Кипріана; потомъ она распространилась во множествѣ списковъ съ разными варіантами и дополненіями. Изъ апокрифовъ, которые въ ней запрещаются, одни относятся къ библейской исторіи, наприм. Адамовъ завѣтъ, Сиѳова молитва, Енохъ, Завѣтъ 12 патріарховъ, О древѣ крестномъ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Дѣяніе Павла, Посланіе Варнавы, Евангеліе отъ Ѳомы и другое отъ Варнавы и т. п., другіе содержатъ въ себѣ разныя народныя понятія о явленіяхъ природы и суевѣрія, наприм. Остронумія, Чаровникъ, Громникъ, Сносудецъ, Волховникъ съ примѣтами: храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороноградй, курокликъ, песъ воетъ, сонъ страшенъ, кошка мяукаетъ и пр., Путникъ (о встрѣчахъ), Зелейникъ и т. д. О нѣкоторыхъ апокрифахъ прямо замѣчено, что они произошли отъ болгарскихъ поповъ Богомила и Іереміи.—Апокрифы быстро распространялись, потому что народная масса нашла въ нихъ сродныя себѣ понятія, болѣе для нея ясныя, чѣмъ чистое христіанское ученіе, и обильную пищу для своей наивной пытливости. Православіе въ нихъ было понижено до степени народнаго міросозерцанія, искажено примѣсью легендъ и суевѣрій, но зато въ такомъ видѣ легче дѣлалось достояніемъ народнаго сознанія. Даже лучшіе церковные писатели пользовались апокрифами съ полнымъ довѣріемъ; сами составители списка книгъ въ числѣ истинныхъ помѣщали и ложныя.

Русская письменность. Любимымъ родомъ оригинальной письменности были поученія и посланія. Характеръ ея преимущественно обличительный. Съ умноженіемъ религіозныхъ и практическихъ вопросовъ у писателей начинаетъ уже пропадать прежняя простота и непосредственность, являются, особенно съ XV в., многоглаголивость, риторскія замашки, хитросплетенія рѣчи, бывшія слѣдствіемъ не одного только подражанія византійскому риторству, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилившейся работы разсудка, прилива мыслей и вопросовъ, въ которыхъ тогдашній умъ еще не умѣлъ разобраться и въ которыхъ неопытное перо еще путалось.

Поученія XIII вѣка. Съ самаго начала монгольскаго времени на поприщѣ церковной проповѣди являются знаменитые въ свое время дѣятели *м. Кириллъ II*, епископы *Кириллъ* ростовскій и *Серапіонъ* владимірскій. Правило м. Кирилла (на соборѣ 1274 г.), обличающее современныя ему нестроенія, указывающее на современныя бѣдствія, какъ наказаніе Божіе за грѣхи, начинаетъ собою цѣлый рядъ послѣдовавшихъ за нимъ обличительныхъ поученій; „Поученіе къ попамъ", которымъ оно

оканчивается, было долгое время любимою статьею русскихъ сборниковъ и разсылалось епископами по ихъ епархіямъ.—Семь словъ Серапіона ярко характеризуютъ темныя стороны удѣльнаго времени: междоусобія, насилія, разбои, порабощеніе слабыхъ сильными, мздоимство, немилосердіе къ бѣднымъ и сирымъ, слабость семейныхъ узъ, пьянство и проч. Особенно замѣчательны обличенія противъ остатковъ язычества, вѣры въ волшебство, обычая во время народныхъ бѣдствій жечь колдуновъ, для отвращенія голода или засухи выкапывать изъ земли утопленниковъ и удавленниковъ.

Поученія XIV вѣка. Отъ XIV в. дошли до насъ: „Поученіе игуменомъ, попомъ и дьякономъ“ *м. Петра*, сходное съ поученіемъ м. Кирилла, Поученіе *м. Алексія* ко всей паствѣ, Посланіе владыки новгородскаго *Василія* къ тверскому епископу *Θеодору* о раѣ, замѣчательное по вліянію на него апокрифовъ. Василій доказываетъ, что земной рай доселѣ существуетъ на землѣ, что до него доходилъ Макарій египетскій, что въ немъ доселѣ живутъ Енохъ и Илія, къ этому прибавляетъ и русскій разсказъ, какъ до рая доходилъ на суднѣ Новгородецъ Моиславъ съ товарищами, — видѣли гору, обильную свѣтомъ, а за ней слышали ликованія; одинъ Новгородецъ побѣжалъ посмотрѣть и не вернулся, другой тоже, третьяго привязали веревкой за ногу и насильно стащили съ горы, но уже мертваго. Характеромъ положительнаго нравоученія, безъ обличеній, замѣчательно поученіе *Матθея* епископа сарайскаго; оно излагаетъ рядъ краткихъ и простыхъ наставленій о вѣрѣ, любви, постѣ, почитаніи духовенства, о князѣ, о челяди и проч.,

Поученія XV вѣка. Особенной простотой и жизненностію отличается еще поученіе владыки новгородскаго *Симеона* къ Псковичамъ, похожее на поученіе Луки Жидяты, такой же перечень нравственныхъ правилъ, между которыми замѣчательны наставленія чтить санъ духовный и не вступаться въ церковныя имущества. —Къ этому же разряду поученій положительнаго характера относятся посланія знаменитаго игумена бѣлозерскаго *пр. Кирилла* къ в. к. Василію Дмитріевичу, къ князьямъ Андрею можайскому и Дмитрію звенигородскому. Пр. Кириллъ смотритъ на князя, какъ на игумена подвластныхъ, обязаннаго пещись не только объ устроеніи ихъ гражданскаго благосостоянія, но и о спасеніи ихъ душъ, за которыя онъ дастъ отвѣтъ на страшномъ судѣ. Въ этихъ же посланіяхъ находимъ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи увѣщанія о правомъ судѣ, о непритѣсненіи сиротъ и рабовъ, объ уничтоженіи неправедныхъ мытовъ, перевозовъ, корчемства, о прекращеніи усобицъ и проч. Къ звенигородскому князю, утѣшая его въ болѣзни супруги, смиренный

старецъ пишетъ, чтобы онъ не пріѣзжалъ на Бѣло-озеро, потому что всѣ станутъ говорить: „только для Кирилла пріѣхалъ". Послѣ пр. Кирилла остались еще два сборника разнообразнаго содержанія; въ одномъ обличаются суевѣрныя примѣты, вѣра въ голосѣ животныхъ, въ полетъ птицъ, въ бѣгъ звѣрей и проч. и объясняются явленія природы въ статьяхъ о строеніи земли, землетрясеніи, стихіяхъ, о морѣ, облакахъ, о громѣ и молніи, о падающихъ звѣздахъ, большею частію изъ сочиненій Галена (греческаго врача II в.).

Поученія и посланія митрополитовъ XV в. Затѣмъ идутъ поученія святителей нерусскаго образованія: Кипріана, Фотія и Григорія Цамблака, произведенія большею частію отвлеченнаго, витійственнаго характера, мало соприкасавшіяся съ жизнію народа. Болѣе всѣхъ имѣлъ значенія въ исторіи нашего образованія св. Кипріанъ. Онъ привезъ въ Россію много сербскихъ рукописей, самъ переводилъ съ греческаго Служебникъ, Псалтирь, Лѣствицу и творенія Діонисія Ареопагита, составилъ 9 грамать юридическаго содержанія, нѣсколько посланій и историческихъ трудовъ. Въ четырехъ посланіяхъ къ Сергію Радонежскому и Ѳеодору симоновскому онъ разсказываетъ обстоятельства своей жизни, очень важныя для исторіи бывшаго при немъ спора о Русской митрополіи. Онъ извѣстенъ еще, какъ составитель житій, изъ которыхъ до насъ дошло житіе св. Петра митрополита— образчикъ многоглаголиваго витійства. Догадываются, что ему же принадлежитъ начало составленія Степенной книги. Отъ м. Фотія сохранилось 8 поученій, 29 грамать и посланій и духовное завѣщаніе. Поученія его мало имѣютъ жизненнаго значенія. Изъ посланій нѣкоторыя ближе къ жизни, наприм. посланія къ Псковичамъ по поводу уклоненія ихъ къ латинскимъ обычаямъ и по поводу ереси стригольниковъ, въ Литву по поводу раздѣленія церквей; но и онѣ тоже слишкомъ обильны многорѣчіемъ. Еще менѣе значенія въ церковно-поучительной письменности имѣетъ третій иноземецъ, Григорій Цамблакъ. Его 22 слова представляютъ собою совершенно оторванное отъ жизни, многорѣчивое и напыщенное подражаніе византійскимъ образцамъ, вовсе непонятное для русскаго народа.

Въ лѣтописяхъ есть извѣстія о другихъ извѣстныхъ въ свое время проповѣдникахъ, поученія которыхъ до насъ не дошли, напрям. о Моисеѣ владыкѣ новгородскомъ и инокѣ нижегородскаго Печерскаго монастыря *Павлѣ Высокомъ* († 1382), который былъ философъ велій, много говорилъ поученій и написалъ книгъ.—Послѣ м. Фотія живая церковная проповѣдь замолкаетъ на Руси и поучительныя посланія дѣлаются единственнымъ родомъ поучительной словесности. Послѣ м. Іоны осталось 35 та-

нихъ посланій, самаго разнообразнаго содержанія, и всѣ жизненнаго, практическаго характера, чуждыя современнаго риторства; это простыя, отеческія наставленія по поводу современныхъ нуждъ. Таковы: посланія къ Шемякѣ, посланія къ Новгородцамъ и Псковичамъ о прекращеніи смутъ и повиновеніи в. князю, къ Вятчанамъ тоже о повиновеніи в. князю, о прекращеніи разбоевъ, объ исправленіи пороковъ, противъ жизни съ женами безъ вѣнчанія, незаконныхъ браковъ и остатковъ язычества, и посланія къ частнымъ лицамъ—учительныя, увѣщательныя и утѣшительныя.

Поученія неизвѣстныхъ авторовъ: Кромѣ помянутыхъ поученій, въ сборникахъ Паисіевскомъ, Златой Цѣпи, Маргаритахъ, Златоструяхъ и др. разсѣяно много поученій неизвѣстныхъ авторовъ, которыя большею частію озаглавливаются именами св. апостолъ и св. отецъ, но представляютъ собою русскія произведенія или передѣлки греческихъ статей на русскіе нравы. Одно слово Паисіевскаго сборника, озаглавленное именемъ Григорія Богослова, излагаетъ вкратцѣ греческую и славянскую миѳологію и обличаетъ современное двоевѣріе; авторъ говоритъ, что еще въ его время по окраинамъ Руси держалась вѣра въ Перуна, Хорса и др. боговъ; его объясненія славянской миѳологіи изъ сопоставленія ея съ греческой не всегда удачны,—видно, что память о старыхъ богахъ стала уже слабѣть въ народѣ. Другое „Слово истолковано мудростію св. апостолъ и св. отецъ" осуждаетъ лѣность народа къ посѣщенію храмовъ Божіихъ и слушанію слова Божія и охотное участіе въ скоморошьихъ играхъ и идольскихъ зрѣлищахъ. Третье слово „О клятвахъ и суевѣріяхъ" запрещаетъ прибѣгать къ волхвамъ и чарамъ, приносить требища бѣсамъ, писать еллинскія слова на яблокѣ съ цѣлію прогнать бѣса трясцу. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ XIV и XV в. обличается вѣра въ сны, встрѣчи, чохъ, колязъ, птичій грай, обличаются глумленія, сопѣли, пляски на пирахъ, свадьбахъ и игрищахъ, кощуны, басни и пѣсни бѣсовскія. Изъ тѣхъ же словъ безыменныхъ авторовъ замѣчательно слово на соборъ архистратига Михаила, приписываемое м. Кириллу; послѣ краткихъ сказаній о сотвореніи ангеловъ, паденіи сатаны и паденіи человѣка, авторъ описываетъ жизнь души за гробомъ и мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены между прочимъ: срамесловіе, пляски, басни, игры, плесканіе ручное, скаканіе ногами, вѣра въ примѣты и ворожбу; подъ конецъ авторъ говоритъ, что по истеченіи 7000 лѣтъ будетъ кончина. . . . .

Житія святыхъ. Литтература назидательныхъ повѣствованій значительно увеличилась по своему объему. Въ XIII в. написаны житія св. Михаила черниговскаго и боярина его Ѳеодора—нѣкіимъ *Андреемъ*, по всей вѣроятности современникомъ событій,

св. Александра Невскаго и св. Исаіи Ростовскаго—неизвѣстными авторами. Въ XIV в. явились житія св. Кирилла туровскаго и м. Петра; послѣднее написано епископомъ ростовскимъ *Прохоромъ* († 1327 г.) и своей краткостью и простотою рѣчи отличается отъ многословнаго житія того же святителя, написаннаго м. Кипріаномъ. Въ лѣтописяхъ еще находимъ сказанія о св. Довмонтѣ, о Михаилѣ тверскомъ, о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго, о чудѣ Владимірской Богородицы при нашествіи Тамерлана и друг., наконецъ (XV в.) житіе св. Алексѣя, составленное *Питиримомъ* (пермскимъ). Въ XV в. прежними жизнеописаніями святыхъ уже не удовлетворялись, потому что они написаны были „просторѣчно", и передѣлывали ихъ на витійственный ладъ. Изъ краснорѣчивыхъ писателей извѣстны: троицкій монахъ *Епифаній Премудрый*, отъ котораго остались житія преподобныхъ Сергія и Никона и святителя Стефана пермскаго, и *Пахомій Логоѳетъ*, родомъ Сербъ, великій риторъ, жившій сначала въ Москвѣ, потомъ при новгородскихъ владыкахъ Евфиміѣ и Іонѣ, наконецъ переѣхавшій въ Москву. Онъ написалъ до 16 или 18 службъ и канононовъ русскимъ святымъ, нѣсколько похвальныхъ словъ и житія пр. Варлаама Хутынскаго, новгородскихъ владыкъ Евфимія и Моисея, преп. Кирилла Бѣлозерскаго, митрополитовъ Алексія и Іоны; в. кн. Ольги и Саввы Вишерскаго. Почти всѣ эти житія его отличаются самымъ многословнымъ краснорѣчіемъ. Онъ былъ недоволенъ даже Епифаніевымъ житіемъ преп. Сергія и постарался его передѣлать и изукрасить своимъ витійствомъ, не смотря на то, что оно и безъ того составляло замѣчательное явленіе по своему многорѣчивому краснословію. Во всѣхъ такого рода обширныхъ редакціяхъ житій господствуютъ заученые риторскіе пріемы какъ въ разсказѣ, такъ и въ характеристикѣ личностей; авторы часто заимствовали другъ у друга однѣ и тѣже, по чему нибудь понравившіяся имъ черты и прилагали ихъ къ совершенно разнымъ лицамъ; личныя черты описываемаго святаго они, какъ будто намѣренно, старались сгладить, чтобы сдѣлать его представителемъ общаго, отвлеченнаго идеала святости, какъ они понимали этотъ идеалъ. Въ церковно-историческомъ отношеніи эти житія важны главнымъ образомъ по выраженію въ нихъ понятій, господствовавшихъ при авторѣ, и лишь немногими чертами изъ дѣйствительной жизни, которыя проскальзывали подъ перомъ автора помимо его воли, особенно въ разсказахъ о чудесахъ. Кромѣ житій, бывшихъ въ церковномъ употребленіи, въ древней письменности встрѣчаются *житія апокрифическія*, въ которыхъ отразились народныя понятія и вѣрованія. Примѣромъ можетъ служить муромское *сказаніе о Петрѣ и Февроніи*, гдѣ по древнимъ эпическимъ преданіямъ, приложеннымъ къ святымъ, Петру приписывается борьба съ мион-

часнымъ змѣемъ, а Февронія представляется вѣщею дѣвою. Народный элементъ въ значительной степени отразился такъ же въ древнихъ житіяхъ пр. Авраамія и св. Меркурія смоленскихъ.

Путешествія ко св. мѣстамъ. Сохранились благочестивыя описанія путешествій ко св. мѣстамъ. Въ половинѣ XIV в. путешествовалъ въ Царьградъ и Іерусалимъ Новгородецъ *Стефанъ.* Въ запискахъ своихъ онъ замѣтилъ, какъ Греки были ласковы къ Русскимъ, какъ самъ патріархъ удостоилъ его разговоромъ, „не нашъ бо обычай имѣетъ", замѣтилъ, что въ Студійскомъ монастырѣ жили Русскіе для перевода и списыванія книгъ; въ его разсказѣ часто попадаются простодушныя легенды, которыя онъ довѣрчиво принималъ отъ своихъ греческихъ вожаковъ. Сохранились описанія путешествій смоленскаго іеродіакона *Игнатія,* спутника м. Пимена, и троицкаго іеродіакона *Зосимы,* путешествовавшаго въ Іерусалимъ. Замѣчательны записки о путешествіи на Флорентинскій соборъ м. Исидора одного изъ его спутниковъ, гдѣ описываются диковинки запада, поразившія русскаго человѣка,—соборы разныхъ городовъ, колокольница флорентійская, о которой недоумѣваетъ умъ, разныя иконы, статуя Мадонны и т. п. Сохранилось описаніе Флорентинскаго собора, написанное суздальскимъ монахомъ *Симеономъ,* тоже спутникомъ Исидора.

IV. МОСКОВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

Въ половинѣ XV в. вся Русская земля составила двѣ большія государственныя массы—восточную подъ управленіемъ московскихъ самодержцевъ и западную подъ властью литовско-польскаго правительства. Русская церковь тоже раздѣлилась на двѣ самостоятельныя митрополіи—Московскую и Кіевскую. Московская митрополія, находившаяся подъ покровительствомъ государства, успѣшно возрастала въ своихъ предѣлахъ, украшалась внѣшнимъ благолѣпіемъ и вмѣстѣ съ государствомъ, которое, успокоившись отъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдъ, начало стремиться къ усвоенію плодовъ западной цивилизаціи, обнаружила внутри себя замѣчательное просвѣтительное движеніе. Въ концѣ XVI вѣка она возвысилась до степени самостоятельнаго патріархата.

Распространеніе христіанства.

Въ Пермскомъ краѣ. Мы видѣли, что владычество Татаръ остановило успѣхи христіанства на границахъ Казанскаго царства. Но, минуя татарскія земли, христіанство не переставало

распространяться въ пермской землѣ. Особенно замѣтны сдѣлались его успѣхи послѣ покоренія Перми съ 1472 г. Съ этого времени стали креститься и Вогулы, досель постоянно враждовавшіе противъ христіанства. Но еще долго и послѣ этого церковь не могла вытѣснить изъ пермскихъ лѣсовъ остатковъ язычества, тѣмъ болѣе, что само пермское духовенство не отличалось надлежащей ревностью къ вѣрѣ. Въ 1501 г. м. *Симонъ* горько укорялъ его за небреженіе къ исполненію пастырскихъ обязанностей и дурную жизнь; изъ его посланія къ Пермичамъ видно, что незаконные браки, нарушеніе церковныхъ уставовъ, даже открытое служеніе кумирамъ были обыкновенными явленіями въ Перми и теперь, 100 лѣтъ спустя послѣ проповѣди св. Стефана. Послѣ завоеванія Перми важной эпохой для всего края было поселеніе здѣсь *Строгоновыхъ*; кругомъ ихъ богатыхъ усольевъ во всѣ стороны начали возникать церкви и монастыри, между которыми замѣчательны по просвѣтительному значенію монастыри *Пыскорскій* и *Соликамскій*. Изъ Пыскорской обители вышелъ просвѣтитель пермскихъ Вогуловъ и Остяковъ *Трифонъ* вятскій. Проповѣдуя Христа, онъ дошелъ до мѣста нынѣшней Перми, гдѣ сожегъ одно уважаемое дерево, около котораго происходили языческія моленія. Язычники едва не убили его за это, но многіе, видя, что сами боги не наказывали его за свою святыню, стали креститься; крестились даже семейства остяцкаго и вогульскаго князей. Потомъ Трифонъ основалъ обитель на р. Чусовой, гдѣ и жилъ 9 лѣтъ, продолжая свою проповѣдь до тѣхъ поръ, пока его не прогнали сосѣдніе жители за неосторожно произведенный имъ лѣсной пожаръ. Послѣ этого онъ ушелъ въ Вятку, гдѣ основалъ Успенскій монастырь (1580 г.), но по неудовольствію братіи на его строгость скоро удалился и отсюда. Съ тѣхъ поръ онъ велъ долгую страническую жизнь, проповѣдуя христіанство по берегамъ Камы и Вятки. Уже въ глубокой старости онъ снова воротился въ свою вятскую обитель, гдѣ и скончался уже въ 1612 году. Къ концу XVI в. съ покореніемъ Сибири христіанству была проложена дорога и въ эту обширную страну.

Христіанство на сѣверномъ поморьѣ. Просвѣтительная дѣятельность пустыннолюбивыхъ иноковъ въ XV и XVI вв. проникла даже въ отдаленное сѣверное поморье, гдѣ по обширнымъ тундрамъ кочевали одни дикіе Лопари. Просвѣтительнымъ центромъ для этого края былъ *Соловецкій* монастырь. Владѣя обширными землями по всему поморскому берегу, онъ заселялъ ихъ Русскими, крестилъ инородцевъ и строилъ для нихъ церкви. Слава чудесъ отъ мощей соловецкихъ чудотворцевъ заставляла обращаться къ христіанскому Богу и къ Его угодникамъ даже языческихъ кебуновъ (волхвовъ). Далѣе всѣхъ мѣстностей поморья былъ чуждъ

христіанству самый сѣверный край къ Нордкапу. При в. к. Василіѣ и Іоаннѣ Грозномъ тамъ подвизался въ проповѣди постриженникъ Соловецкаго монастыря пр. *Θеодоритъ*. Для пустынныхъ подвиговъ онъ отплылъ къ самымъ „ребрамъ сѣверовымъ“, къ р. Колѣ, и подвизался здѣсь около 12 лѣтъ, потомъ въ Новгородѣ былъ посвященъ въ іерея и, воротясь въ Лапландію, основалъ на устьѣ Колы монастырь св. Троицы. Онъ проповѣдывалъ Лопарямъ на ихъ родномъ языкѣ, переводилъ для нихъ церковныя молитвы и училъ ихъ граматѣ. Сила его проповѣди такъ была велика, что онъ однажды въ одинъ день крестилъ до 2000 человѣкъ. Удаляясь изъ своего монастыря по неудовольствію братіи за строгость его устава, онъ жилъ потомъ въ Новгородѣ, затѣмъ былъ архимандритомъ въ суздальскомъ Евфиміевомъ монастырѣ; ѣздилъ въ Грецію по порученію Грознаго для испрошенія у восточныхъ патріарховъ утвержденія принятаго государемъ царскаго сана; воротясь съ востока, жилъ въ вологодскихъ предѣлахъ, но не забывалъ и своихъ кольскихъ духовныхъ чадъ и два раза уже въ глубокой старости ѣздилъ туда для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ.— Въ одно время съ Θеодоритомъ у самаго Нордкапа проповѣдывалъ христіанство пр. *Трифонъ Печенгскій*, сынъ одного новгородскаго священника. Нѣсколько лѣтъ онъ боролся съ языческими кебунами, нѣсколько разъ подвергался побоямъ, прятался въ горахъ отъ явной смерти, но все-таки достигъ цѣли своею настойчивостью. Просвѣтивъ множество Лопарей на р. Печенгѣ и Пазрекѣ, онъ сходилъ въ Новгородъ за антиминсомъ, построилъ на Печенгѣ церковь св. Троицы, въ Колѣ нашелъ священника и въ 1533 г. открылъ богослуженіе, а самъ постригся въ монашество. Съ Колы и Печенги христіанство потомъ распространилось на Терскомъ берегу около Кандалашской губы и по всему поморью. Правительство помогало проповѣдникамъ, давая имъ средства къ устроенію церквей и снабжая крестившихся Лопарей жалованными граматами. Величайшимъ бѣдствіемъ для христіанства въ лопскомъ краѣ были частыя нападенія на него Шведовъ. Сама Соловецкая обитель должна была превратиться въ крѣпость и содержать вооруженные отряды какъ въ своихъ стѣнахъ, такъ и въ построенномъ ею Сумскомъ острогѣ.

На Балтійскомъ поморьѣ, между Корелой, Ижорой и Чудью, не смотря на давно уже распространившееся здѣсь христіанство, язычество все еще было сильно. Двоевѣры ходили къ своимъ мольбищамъ съ жертвами, призывали арбуевъ (жрецовъ) для совершенія обрядовъ надъ младенцами, покойниковъ хоронили по курганамъ, не соблюдали постовъ, христіанскія иконы жгли. Мѣстное духовенство надзирало за своей паствой слабо. Новгородскіе владыки *Макарій* и *Θеодосій* не разъ посылали сюда свя-

щенниковъ съ порученіемъ побуждать тамошнее духовенство къ исполненію его долга, а жителей вразумлять, мольбища ихъ разрушать и жечь.—Въ *Ливоніи* православію приходилось терпѣть гоненія отъ Ливонскаго ордена. Въ XV в. въ Юрьевѣ (Дерптѣ) Нѣмцы утопили въ рѣкѣ священника *Исидора* съ 72 прихожанами. На границахъ Лифляндіи явился просвѣтитель Чуди пр. *Корнилій*, съ 1529 г. игуменъ псковскаго Печерскаго монастыря; онъ строилъ для новообращенныхъ храмы, между прочимъ въ Нейгаузенѣ, снабжалъ ихъ книгами и иконами, а причты содержаніемъ отъ обители. Войны съ Шведами и Ливонцами при Грозномъ были очень вредны для православія прибалтійскаго края; получивъ оборотъ неблагопріятный для Россіи, онѣ даже сокращали предѣлы церкви, подвергая русскія земли владычеству иноземцевъ. Такъ Шведы завладѣли Карелiей и возвратили ее уже въ концѣ XVI в.

Завоеваніе Казанскаго царства. Въ половинѣ XVI в. Московское государство предприняло наступательное движеніе на Казань. Началось завоеваніе Казанскаго царства, пролагавшее церкви путь на неизмѣримый востокъ,—событіе столь же важное для Русской церкви, какъ наприм. открытіе Америки для церкви западной. Въ сказаніяхъ древности эта война вся запечатлѣна религіознымъ характеромъ. Первый шагъ къ завоеванію Казани,—основаніе Свіяжска, ознаменованъ чудеснымъ явленіемъ пр. Сергія—покровителя Москвы; язычники Черемисы видѣли, какъ неземной старецъ ходилъ вокругъ лѣсной поляны, на которой возникъ потомъ Свіяжскъ, съ пѣніемъ и кадилъ линію будущихъ укрѣпленій. Предъ взятіемъ Казани тотъ же старецъ являлся Татарамъ на городскихъ стѣнахъ. Въ 1550 г. построенъ Свіяжскъ съ соборомъ во имя Рождества Богородицы и церковію чудотворца Сергія. Самый походъ Іоанна подъ Казань въ 1552 г. былъ окруженъ церковными обрядами и молитвами и имѣлъ форму крестоваго похода. На 2 октября Казань была взята послѣ ужаснаго взрыва ея стѣнъ, когда дьяконъ въ походной церкви пр. Сергія читалъ Евангеліе на литургіи и возгласилъ многознаменательныя слова: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.* По взятіи города царь велѣлъ ломать въ немъ мечети и строить церкви, на мѣстѣ, гдѣ во время штурма Казани стояло царское знамя съ образомъ Спаса, въ тотъ же день самъ заложилъ церковь Спаса, а близъ нея выстроилъ обыденную церковь во имя дневныхъ святыхъ Кипріана и Іустины, потомъ на другой день заложилъ соборъ Благовѣщенія. За городомъ, гдѣ погребены были павшіе воины, велѣно было построить монастырь *Зилантовъ.* Татары крестились цѣлыми семействами еще во время пребыванія царя въ Казани. На другой годъ въ Москвѣ крестились два царя казанскихъ—*Эдигеръ* и пятилѣтній *Утемишъ-Гирей.*

Св. Гурій. Но послѣ взятія Казани еще долго нужно было воевать съ подвластными ей Черемисами, Чувашами, Мордвой, Вотяками и Башкирами. Долгая борьба предстояла и церкви съ мухаммеданствомъ Татаръ и язычествомъ другихъ инородцевъ. Для большихъ успѣховъ вѣры на московскомъ соборѣ 1555 г. положено было открыть въ Казани особую епархію съ подчиненіемъ ея архіепископу всей казанской и вятской земли. Первымъ святителемъ въ Казань назначенъ былъ селижаровскій игуменъ *Гурій.* Онъ былъ прежде боярскій сынъ изъ фамиліи Руготиныхъ, родился въ Воронежѣ, жилъ въ молодости на службѣ у князя Пенькова. Оклеветанный въ преступной связи съ женой Пенькова, онъ былъ ввергнутъ разгнѣваннымъ княземъ въ тюрьму. Черезъ 2 года, освободившись изъ заключенія, онъ постригся въ Волоколамскомъ монастырѣ и за святую жизнь удостоился выбора въ игумены; изъ этого монастыря перешелъ въ Селижаровъ, а отсюда уже назначенъ въ Казань. Отправленіе его на епархію совершилось съ необыкновенною торжественностію; это былъ другой, духовный походъ на Казанское царство. Новый святитель ѣхалъ съ иконами, книгами, церковной утварью и казной государя на строеніе церквей и монастырей. Ему данъ былъ подробный наказъ обращать людей къ истинной вѣрѣ, привлекая ихъ къ себѣ лаской, кормами, дарами, заступленіемъ предъ властями, крестить невѣрныхъ только волею, а не насиліемъ, крещеныхъ у себя на дому или по монастырямъ наставлять въ вѣрѣ, крестить и тѣхъ, которые пожелаютъ того для избѣжанія отъ наказаній за вины, печаловаться предъ воеводами и судьями за подсудимыхъ, обличать неправды властей, участвовать съ ними во всѣхъ совѣтахъ. Своимъ ученіемъ и жизнію св. Гурій весьма благотворно дѣйствовалъ на покоренныхъ инородцевъ и въ 9 лѣтъ своего святительства обратилъ ихъ многія тысячи. Послѣдніе 3 года онъ не могъ уже ходить вслѣдствіе болѣзни, но и теперь неопустительно на носилкахъ являлся въ храмъ и училъ свою паству. Царь очень благоволилъ къ святителю и во всемъ ему помогалъ. Въ 1556 г., когда новокрещенные Татары приняли участіе въ казанскомъ бунтѣ, по настоянію св. Гурія всѣ некрещеные Татары были выселены изъ Казани въ особую слободу. Св. Гурій скончался 4 декабря 1564 г. Въ 1596 г. послѣдовало открытіе его мощей.

Свв. Варсонофій и Германъ. Помощниками св. Гурія были архимандриты *Варсонофій* и *Германъ.* Первый былъ сынъ одного серпуховскаго священника, съ юныхъ лѣтъ отличался умомъ и любовью къ книгамъ. Лѣтъ 17-ти онъ попалъ въ плѣнъ къ крымскимъ Татарамъ и въ три года тяжкой неволи успѣлъ изучить языкъ и вѣру своихъ поработителей, что ему очень пригодилось впослѣдствіи. До своего служенія въ Казани онъ жилъ нѣ-

сколько времени домовымъ іеродіакономъ у тверскаго архіерея, потомъ былъ игуменомъ Пѣшношской обители. Въ Казани онъ устроилъ Спасскій монастырь и далъ ему уставъ. По своему знанію татарскаго языка и нравовъ онъ былъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ св. Гурія; весьма много Татаръ привлекало къ нему его искусство врачеванія болѣзней. Съ 1567 г. онъ былъ епископомъ въ Твери, но подъ старость (1571 г,) снова воротился въ Спасскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1576 г. Мощи его обрѣтены вмѣстѣ съ мощами св. Гурія.—*Св. Германъ*, изъ боярской фамиліи Полевыхъ, родился въ Старицѣ и былъ постриженникомъ Волоколамскаго монастыря, гдѣ подвизался подъ руководствомъ св. Гурія. Въ казанской землѣ онъ устроилъ свіяжскій *Богородицкій* монастырь, сдѣлавшійся просвѣтительнымъ центромъ для всего казанскаго края. Получивъ въ свое управленіе всѣ церкви Свіяжскаго уѣзда, св. Германъ былъ главнымъ руководителемъ тамошняго духовенства въ дѣлѣ инородческой миссіи. Послѣ смерти св. Гурія онъ былъ преемникомъ его по каѳедрѣ и достойнымъ продолжателемъ его дѣла († 1569 г.). Преемники св. Гурія и Германа, кромѣ *Гермогена*, не оказали особенной ревности къ обращенію инородцевъ, такъ что всѣмъ своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ казанскій край до самаго XVIII в. былъ обязанъ дѣятельности своихъ чудотворцевъ; послѣ нихъ остались цѣлыя селенія, такъ называемыхъ, *старокрещеныхъ* инородцевъ.

Христіанство въ Казани въ концѣ XVI в. Прославленію имени Божія между мухаммеданами и язычниками много содѣйствовали съ 1579 г. чудеса новоявленной иконы *Казанской Божіей Матери*. Не смотря на то, въ концѣ XVI в. м. *Гермогенъ* въ донесеніи царю изобразилъ печальную картину состоянія своей паствы: новокрещеные жили вмѣстѣ съ некрещеными, не исполняли христіанскихъ обрядовъ и хранили всѣ старые обычаи; въ Казани опять были построены мечети; даже многіе Русскіе, живя у инородцевъ въ услуженіи, измѣняли своей вѣрѣ. Правительство распорядилось: отдѣлить крещеныхъ отъ некрещеныхъ въ особую слободу съ церковію; дѣтямъ боярскимъ наблюдать за ними, чтобы они держали православную вѣру крѣпко, а которые держатъ не крѣпко, тѣхъ сажать въ тюрьму или отсылать къ владыкѣ на смиреніе; Русскимъ не жить у иновѣрцевъ въ услуженіи и не вступать съ ними въ браки; мечети въ городѣ въ конецъ извести.

Христіанство въ Астрахани и на Кавказѣ. Завоеваніе Казанскаго царства проложило путь къ завоеванію царства *Астраханскаго*. Въ 1557 г. въ Москвѣ крестилась астраханская царица съ сыномъ, а въ слѣдующемъ году посланъ въ Астрахань игуменъ *Кириллъ* для крещенія народа и устроенія церквей и монастырей. Въ церковномъ управленіи Астрахань присоединена была къ Казанской

епархіи. Изъ Астрахани Россія завязала сношенія съ народами *Кавказа*, которые исповѣдывали православіе, но отступали отъ него вслѣдствіе мухаммеданскихъ гоненій. Въ Москву одинъ за другимъ пріѣзжали черкесскіе князья и крестились. Изъ Москвы посылали къ нимъ въ горы священниковъ возстановлять православную вѣру. Въ 1586 году приходили послы изъ единовѣрной *Кахетіи*; князь ея *Александръ*, тѣснимый Турками и Персами, просилъ царя о защитѣ отъ враговъ; изъ Москвы отправлены къ нему священники, монахи и иконописцы для возстановленія чистоты вѣры и богослуженія, пострадавшихъ отъ постояннаго вліянія сосѣднихъ мухаммеданскихъ народовъ.

Церковное управленіе.

Кромѣ содѣйствія къ расширенію внѣшнихъ предѣловъ церкви, усиленіе Московскаго государства было полезно для церкви и по тому, что она могла теперь опираться на силу гражданской власти съ большею увѣренностію, чѣмъ въ прежнее время слабости государства. Но съ другой стороны усилившееся государство, вслѣдствіе уже знакомаго намъ своего религіознаго характера, теперь вполнѣ проявило ту власть въ церковныхъ дѣлахъ, начало которой мы видѣли въ предшествовавшее время.

Митрополиты при Іоаннѣ III и Василіѣ. Преемникъ митрополита Іоны, кроткій и благочестивый *Ѳеодосій* былъ поставленъ на митрополію уже безъ сношенія съ Греціей. Такъ же поставлялись и послѣдующіе митрополиты временъ Іоанна III: *Филиппъ I* (съ 1467 г.), *Геронтій* (1473), *Зосима* (1491) и *Симонъ* (1494). При такомъ порядкѣ замѣщенія митрополичей каѳедры в. князь имѣлъ сильное вліяніе на выборъ первосвятителей, не стѣсняемое уже ни вліяніемъ Константинополя, ни вліяніемъ удѣльныхъ князей. Отношенія его къ митрополитамъ выражались въ прежнихъ формахъ: русскій первосвятитель призывался на княжескіе совѣты, скрѣплялъ княжескіе договоры, ходатайствовалъ за опальныхъ и проч. Во время борьбы в. князя съ послѣдними остатками удѣльнаго быта митрополиты, какъ и прежде, усердно дѣйствовали въ пользу верховной власти; Филиппъ и Геронтій содѣйствовали в. князю въ покореніи Новгорода, писали посланія о повиновеніи в. князю въ непокорные края—Псковъ, Вятку и Пермь. Памятниками руководительныхъ отношеній церкви къ верховной власти служатъ между прочимъ два посланія къ в. князю, одно отъ м. Геронтія и собора духовенства, другое отъ ростовскаго епископа *Вассіана Рыла* на Угру, гдѣ в. князь въ боязливой нерѣшимости стоялъ съ полками предъ ханомъ *Ахматомъ*; оба посланія возбуждали его къ рѣшительному бою за

землю Русскую. Но съ другой стороны при Іоаннѣ, не смотря на его стараніе во всемъ держаться старыхъ формъ, подъ этими формами видимъ уже проявленія новыхъ отношеній. В. князь не любилъ наприм. м. Геронтія, пастыря твердаго, не боявшагося въ случаѣ надобности сказать в. князю рѣшительное слово, и однажды едва не отказалъ ему отъ каѳедры.

Въ княженіе *Василія Іоанновича*, который развилъ верховную власть еще больше отца, поставленіе митрополита происходило даже безъ соборнаго избранія, по волѣ одного в. князя. Преемникъ м. Симона *Варлаамъ* (съ 1511 г.) чѣмъ-то не понравился в. князю и в. князь заточилъ его въ Спасо-каменный монастырь. На мѣсто его поставленъ былъ (1521) волоцкій игуменъ *Даніилъ*, человѣкъ весьма образованный, учительный, искренно преданный верховной власти, но слишкомъ уже подчинявшійся волѣ властительнаго и не всегда справедливаго в. князя. Одинъ опальный бояринъ Берсень Беклемишевъ говорилъ о немъ: „учительнаго слова (т. е. великому князю) отъ него не слышно и не печалуется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ мантіяхъ и печаловались государю о всѣхъ людяхъ“. Слабость духовной власти особенно ясно высказалась въ дѣлѣ о разводѣ в. князя съ его неплодной супругой *Соломоніей*. Противъ этого незаконнаго развода были и Максимъ Грекъ, жившій тогда въ Россіи, и восточные святители, приславшіе свой голосъ изъ Греціи. Но Даніилъ, исполняя желаніе в. князя, все-таки насильно постригъ Соломонію въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ и обвѣнчалъ в. князя новымъ бракомъ съ *Еленой Глинской*. Плодомъ этого брака былъ *Іоаннъ Грозный*.

Митрополиты въ малолѣтство Грознаго. Въ малолѣтство Грознаго постоянное участіе митрополитовъ въ гражданскихъ дѣлахъ втянуло ихъ въ распри бояръ и подвергло насилію партіи Шуйскихъ. М. Даніилъ сталъ было на сторону противной партіи Бѣльскихъ, но Шуйскіе заставили его отречься отъ каѳедры (1539 г.) и сослали въ Волоцкій монастырь. Преемникъ его *Іоасафъ* тоже сталъ за Бѣльскихъ и тоже подвергнулся (1542 г.) отъ Шуйскихъ безчестному низверженію съ каѳедры и ссылкѣ въ Кирилловъ монастырь. Послѣ него м. *Макарій*, бывшій новгородскій владыка, былъ осторожнѣе и съумѣлъ удержаться на каѳедрѣ цѣлыхъ 22 года. Но и онъ потерпѣлъ отъ Шуйскихъ много непріятностей, когда заступился за любимца Іоаннова, кн. Воронцова, котораго Шуйскіе хотѣли убить, опасаясь его вліянія на царя.

Новый государь вступилъ въ управленіе дѣлами съ сильно раздраженной жаждой власти, которую у него такъ долго отнимали бояре, и съ самымъ высокимъ понятіемъ о значеніи государя. Онъ первый изъ русскихъ государей составилъ себѣ полную тео-

рію самодержавія, весь проникся ею и самъ ревниво благоговѣлъ предъ своимъ саномъ. На 17 году (1547 г.) онъ принялъ помазаніе на царство по примѣру, какъ онъ говорилъ, греческихъ царей и прадѣда своего Владиміра Мономаха и явился первымъ „прирожденнымъ“ и „Божіею милостію“ царемъ. Послѣ въ 1557 г. онъ получилъ утвержденіе этого сана отъ собора греческихъ святителей. Юный царь былъ благочестивъ, почиталъ св. чинъ, ревновалъ о благѣ церкви. Послѣ потрясенія, произведеннаго въ его впечатлительной душѣ московскимъ пожаромъ 1547 г., онъ торжественно на лобномъ мѣстѣ принесъ покаяніе въ грѣхахъ своей юности и бѣдствіяхъ земли и просилъ м. Макарія быть его пособникомъ и учителемъ. О томъ же молилъ онъ и другихъ русскихъ святителей на *Стоглавомъ соборѣ*, который созвалъ для универсальнаго исправленія всѣхъ церковныхъ нестроеній, накопившихся вѣками предшествовавшей исторіи. Для церкви, казалось, наступило время ея наибольшаго благосостоянія. Подозрительный къ боярамъ, государь довѣрчиво ввѣрялся людямъ худороднымъ, въ родѣ *Адашева*, и духовенству. Вмѣстѣ съ м. Макаріемъ руководителемъ его сдѣлался священникъ *Сильвестръ* изъ Новгорода. Но при той подозрительности и ревности къ власти, какія воспитались въ царѣ подъ впечатлѣніями дѣтства, требовалось много осторожности со стороны его руководителей. Малѣйшая съ ихъ стороны неумѣренность въ пользованіи своимъ вліяніемъ могла пробудить въ душѣ царя опасную мысль, что имъ управляютъ, какъ ребенкомъ, какъ управляли имъ ненавистные ему бояре.

Сильвестръ не съумѣлъ удержаться на своей высотѣ. Его мелочная и назойливая нравоучительность, о который можно судить по его „Домострою“, требованіе во всемъ наблюденія извѣстной мѣры и принятыхъ формъ непріятно столкнулись съ страстной, не терпѣвшей никакихъ сдержекъ природой царя. Съ теченіемъ времени царю именно показалось, что съ нимъ поступаютъ, какъ съ младенцемъ: „не было мнѣ ни въ чемъ воли, жаловался онъ послѣ; сколько спать, какъ одѣваться, все было опредѣлено... Попробую прекословить—и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ, и царство-то раззоритея“. Когда же Сильвестръ окружилъ себя партіей и свое пѣстунство изъ нравственной сферы перенесъ въ политическую, сталъ требовать отъ своего духовнаго сына подчиненія своимъ совѣтамъ и въ этой сферѣ, напр. укорялъ его за ливонскую войну и требовалъ продолженія крымской, когда кромѣ того еще разссорился съ многолюбимой супругой царя *Анастасіей*, называлъ ее Евдоксіей, а себя—Златоустомъ, когда наконецъ во время опасной болѣзни царя въ 1553 г. при возникшемъ тогда вопросѣ о престолонаслѣдіи, сталъ на сторонѣ не сына Іоаннова, а удѣльнаго князя *Владиміра Андреевича*,—царь оконча-

тельно поставилъ его и его партію на одну доску съ крамольными боярами. Послѣдовало удаленіе Сильвестра; къ своей теоріи царской власти, направленной прежде противъ однихъ бояръ, царь прибавилъ новыя черты, относившіяся къ участію въ государственныхъ дѣлахъ духовенства. Онъ высказалъ ихъ послѣ въ письмѣ къ кн. Курбскому, который въ своемъ посланіи къ Іоанну доказывалъ необходимость имѣть царю мудрыхъ совѣтниковъ: „Ты считаешь, писалъ царь, свѣтлостію благочестивою, когда государство обладается попомъ невѣждою? Но царство, обладаемое попомъ, раззоряется... Богъ не священника поставилъ надъ Израилемъ, но Моѵсея, какъ царя. Когда же Ааронъ сталъ завѣдывать людскимъ устроеніемъ, то отъ Бога людей отвелъ: смотри, какъ не подобаетъ священникамъ брать на себя царскія дѣла“. На туже мысль приводятся и другіе примѣры изъ св. Писанія и византійской исторіи. Съ 1560-хъ годовъ послѣдовало удаленіе прежнихъ совѣтниковъ царя, опалы на сильныхъ людей, отъѣздъ кн. Курбскаго въ Литву, учрежденіе опричины и боярскія казни. Свой подозрительный взглядъ на бояръ Грозный перенесъ и на духовенство. Всякое слово назиданія со стороны пастырей церкви или печалованія за опальныхъ стали казаться царю уже посягательствомъ на его власть, напоминали ему попа Сильвестра. При самомъ учрежденіи опричины въ 1565 году онъ объявилъ народу, что положилъ свою опалу не только на бояръ, но и на духовенство за то, что захочетъ государь наказать бояръ—и духовенство ихъ покрываетъ предъ государемъ.

Митрополиты во время опричины. М. Макарій не дожилъ до учрежденія опричины († 1563). Преемникомъ его въ 1564 г. избранъ былъ духовникъ царя *Аѳанасій* (1); добрый старецъ не выдержалъ ужасовъ времени и черезъ годъ оставилъ каѳедру по болѣзни. При выборѣ новаго святителя вниманіе царя остановилось на Германѣ казанскомъ, но послѣ того, какъ св. Германъ рѣшительно потребовалъ уничтоженія опричины, царь выгналъ его изъ митрополичьяго дома и вызвалъ въ митрополиты соловецкаго игумена *св. Филиппа* (1566 г.). Онъ происходилъ изъ рода бояръ Колычовыхъ и въ молодости служилъ при дворѣ в. кн. Василія и Елены. Строгаго подвижника едва уговорили принять предложенный санъ и дать обѣщаніе не вступаться въ опричину. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ не захотѣлъ молчать при

(1) На соборѣ 1564 г. московскимъ митрополитамъ въ первый разъ дано было право носить бѣлый клобукъ. До Аѳанасія бѣлый клобукъ носилъ одинъ м. Макарій, избранный на митрополію изъ новгородскихъ владыкъ.

видѣ жестокостей и безпутства опричниковъ. Опричники съ своей стороны не опускали случаевъ раздражать царя противъ опаснаго для нихъ святителя. Обличенія митрополита царю сначала были тайныя, но въ 1568 г., видя ихъ безуспѣшность, онъ рѣшился приступить къ обличеніямъ всенароднымъ, въ соборѣ. Въ недѣлю крестопоклонную царь пришелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ вмѣстѣ съ опричниками въ ихъ странныхъ нарядахъ и подошелъ къ митрополиту принять благословеніе. Филиппъ не благословилъ его. „Не узнаю царя, говорилъ онъ, въ такой одеждѣ, не узнаю и въ дѣлахъ царства. Убойся суда Божія; мы здѣсь приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется кровь неповинная". На угрозы царя онъ отвѣчалъ: „Я пришлецъ на земли и готовъ пострадать за истину; гдѣ же вѣра моя, если умолкну"? Тогда царь рѣшился свергнуть его съ каѳедры. Нашлись клеветники съ тяжкими обвиненіями на святаго. Соборъ подобострастныхъ епископовъ (новгородскаго, суздальскаго и рязанскаго) осудилъ его на лишеніе сана. 8 ноября 1568 г. опричники буйной толпою ворвались въ храмъ, гдѣ Филиппъ служилъ свою послѣднюю литургію, сорвали съ него святительскія одежды, одѣли въ лохмотья и съ позоромъ выгнали изъ церкви. Послѣ непродолжительнаго тюремнаго заключенія онъ былъ заточенъ въ тверской Отрочь монастырь. Черезъ годъ, проѣзжая мимо Твери, Іоаннъ заслалъ въ Отрочь монастырь *Малюту Скуратова* взять благословеніе у Филиппа. Святитель не далъ благословенія и опричникъ задушилъ его. Послѣдующіе митрополиты, *Кириллъ* и *Антоній*, были уже только безмолвными свидѣтелями дѣлъ Грознаго. Кн. Курбскій называлъ всѣхъ русскихъ святителей страшнаго времени „потаковниками" царя и восклицалъ: „Гдѣ Илія, возревновавый о Навуѳеевой крови? гдѣ Елисей, посрамившій царя израилева? гдѣ лики пророковъ, обличавшихъ неправды царей? гдѣ Амвросій, смирившій Ѳеодосія? гдѣ златословесный Иванъ, обличившій царицу златолюбивую? Кто отстоитъ обидимую братію? Воистину никто; если кто и явится ревнующій по Богѣ правдою слова, осудится, какъ злодѣй, и послѣ различныхъ мукъ предастся горькой смерти". Четвертый бракъ царя съ разрѣшенія церковныхъ властей, съ наложеніемъ только эпитиміи, которую притомъ же царь не исполнялъ,—служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ упадка духовной силы іерарховъ, о которомъ говорилъ Курбскій. Послѣ этого брака царь еще женился три раза, уже не спрашивая разрѣшенія церковной власти.

Митрополиты при царѣ Ѳеодорѣ. Послѣ страшнаго Іоанна сталъ царемъ благочестивый и слабый сынъ его *Ѳеодоръ.* Но и въ его царствованіе видимъ сверженіе м. *Діонисія,* который вмѣстѣ съ Шуйскими осмѣлился дѣйствовать противъ могуществен-

наго *Годунова*, говорить о неправдахъ временщика и хлопотать о разводѣ царя съ неплодной *Ириной*—сестрой Годунова. На мѣсто его возведенъ (1587 г.) ростовскій архіепископъ *Іона*. Это былъ послѣдній митрополитъ и первый патріархъ въ нашей исторіи.

Учрежденіе патріаршества. Еще со времени м. Іоны Русская церковь на дѣлѣ достигла полной самостоятельности; союзъ ея съ восточной церковью выражался въ однихъ вспоможеніяхъ страждущему востоку, за которыми едва не каждый годъ пріѣзжало въ Россію по нѣскольку духовныхъ лицъ отъ восточныхъ іерарховъ, а такъ же изъ аѳонскихъ, палестинскихъ, египетскихъ сербскихъ и др. монастырей. Но оставалась еще номинальная зависимость русскаго митрополита отъ патріарха. Теперь неумѣстной оказывалась и эта номинальная зависимость, такъ какъ Россія стала могущественной державой, а патріархъ былъ подданнымъ турецкаго султана. Къ этому присоединилось еще подозрѣніе касательно цѣлости православія въ Греціи, доходившее до того, что около 1480 г. въ архіерейскую присягу внесено было обѣщаніе не принимать Грековъ ни на митрополію, ни на епископскія каѳедры. Въ 1586 г. царь Ѳеодоръ на совѣтѣ бояръ и духовенства говорилъ: „Восточные патріархи только имя святителей носятъ, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна благодатію Божіей все больше расширяется, и потому я хочу устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршескій". Всѣ одобрили эту мысль и положили снестись объ исполненіи ея съ патріархами, чтобы не сказали пишущіе на нашу вѣру еретики, будто патріаршій престолъ устроился въ Москвѣ одною царскою властію. Въ этомъ году въ Россію пріѣзжалъ за милостыней антіохійскій патріархъ *Іоакимъ* и обѣщался предложить о желаніи царя собору восточной церкви. Лѣтомъ 1588 г. прибылъ въ Россію самъ константинопольскій патріархъ *Іеремія* и русское правительство воспользовалось его пріѣздомъ для болѣе рѣшительной постановки вопроса о русскомъ патріаршествѣ. Быть патріархомъ на Москвѣ сначала предложили было самому Іереміи. Но при этомъ взяли въ расчетъ и крайнее неудобство имѣть патріархомъ Грека, къ которому относились такъ же недовѣрчиво, какъ и ко всѣмъ вообще иностранцамъ, который къ тому же не зналъ ни русскихъ обычаевъ, ни русскаго языка; съ другой стороны ни царю, ни Годунову не хотѣлось отстранить отъ себя Іова, къ которому привыкли и котораго любили. Вслѣдствіе этого патріарху предложили жить не въ Москвѣ, гдѣ оставляли попрежнему Іова, а во Владимірѣ, о которомъ кстати вспомнили при этомъ, какъ о городѣ старѣйшемъ Москвы. Іеремія не согласился на это, говоря: что за патріаршество, что жить не при государѣ? Тогда уже прямо порѣшили

поставить патріархомъ Іова. Торжественное поставленіе его совершено Іереміей 26 января 1589 года. Черезъ два года прислана была съ востока грамата объ утвержденіи русскаго патріаршества, подписанная троими патріархами, 42 митрополитами, 19 архіепископами и 20 епископами, въ которой московскому патріарху давалось мѣсто послѣ іерусалимскаго и Русской церкви предоставлялось право поставлять своихъ патріарховъ соборомъ своихъ собственныхъ епископовъ.

Судьба новгородской іерархіи. Въ исторіи епархіальнаго управленія важнымъ событіемъ было паденіе вольныхъ городовъ и прекращеніе ихъ стремленія къ церковной самостоятельности. Въ послѣднее время, не находя въ Россіи сильныхъ удѣльныхъ князей, на которыхъ можно бы было опереться противъ московской централизаціи, Новгородцы обратились къ покровительству Литвы. В. князь и митрополиты, сначала Ѳодосій, потомъ Филиппъ, писали къ нимъ нѣсколько увѣщательныхъ граматъ, представляя имъ, что переходъ къ иновѣрной Литвѣ будетъ съ ихъ стороны не только измѣною в. князьямъ, но и отступленіемъ отъ самого православія. Эту же мысль проводила московская партія въ самомъ Новгородѣ. Послѣ смерти владыки Іоны литовская партія требовала, чтобы вновь избранный владыка *Ѳеофилъ* ѣхалъ ставиться не въ Москву, а въ Кіевъ, и когда онъ не согласился на это, выставила отъ себя другаго кандидата на каѳедру, ключника Іоны *Пимена*, который готовъ былъ ѣхать на поставленіе, куда угодно. Въ 1471 г. Іоаннъ III предпринялъ противъ Новгородцевъ большой походъ, на который и онъ и Москвичи смотрѣли, какъ на походъ религіозный,—противъ отступниковъ отъ православія, и который сравнивали даже съ походомъ Донскаго на Мамая. Стѣсненный Новгородъ чрезъ посредство Ѳеофила вымолилъ себѣ прощеніе в. князя, обязавшись не отступать къ Литвѣ и посвящать своихъ владыкъ при гробѣ святителя Петра. Послѣ этого Ѳеофилъ ѣздилъ въ Москву и былъ поставленъ на архіепископію. Вѣрный старинному обычаю печалованія, онъ былъ постояннымъ ходатаемъ за своихъ духовныхъ чадъ предъ Іоанномъ до самаго конца новогородской вольности. Въ 1478 г. в. князь предпринялъ новый походъ противъ Новгорода и на этотъ разъ ходатайство владыки о сохраненіи старинныхъ правъ вѣчеваго города было уже безуспѣшно. Вѣчевой колоколъ отвезли въ Москву и повѣсили, какъ выражается лѣтопись, на колокольницѣ съ прочими колоколы звонити. Владыка и погибъ за свой городъ; послѣ бунта противъ московской власти, который не замедлилъ послѣдовать со стороны Новогородцевъ, онъ опять было печаловался объ нихъ, но в. князь вмѣстѣ съ виновными схватилъ и его самого и отослалъ въ заточеніе въ Чудовъ монастырь. На

мѣсто его поставленъ былъ владыкою уже не Новгородецъ, избранный на вѣчѣ, а Москвичъ *Сергій*, присланный в. княземъ и митрополитомъ.—Паденіе Новгорода обставлено въ лѣтописяхъ религіозными преданіями. Оно задолго предваряется печальными предзнаменованіями: сами собой звонили колокола, буря сломила крестъ на св. Софіи, плакали иконы по церквамъ, на гробахъ усопшихъ владыкъ видѣли кровь. Пр. Зосима соловецкій на пиру у *Мароы* посадницы съ ужасомъ видѣлъ нѣкоторыхъ гостей сидящими безъ головъ и предсказалъ имъ казнь отъ в. князя.—Донеслось до насъ преданіе и о первомъ владыкѣ Москвичѣ. Усопшіе владыки будтобы являлись ему во снѣ и на яву и съ гнѣвомъ укоряли его, за чѣмъ онъ возсѣлъ на ихъ каѳедрѣ. Году не выдержалъ Сергій своего положенія въ Новгородѣ и сошелъ съ ума. Въ 1484 г. на его мѣсто былъ поставленъ другой Москвичъ, чудовскій архимандритъ *Геннадій*.

Въ Москвѣ долго не могли забыть новгородской вольности и подозрительно присматривались къ старому вѣчевому углу. Въ церковной сферѣ эта подозрительность выразилась разными притѣсненіями владыкамъ, отобраніемъ у нихъ имѣній, отпиской ихъ монастырей къ Москвѣ, лишеніемъ ихъ каѳедры. Лишенъ каѳедры св. Геннадій, обвиненный въ мздоимствѣ. Св. *Серапіонъ* выразилъ негодованіе на отписку отъ его епархіи Волоколамскаго монастыря и былъ заточенъ въ Троицкій монастырь. Въ 1570 г. Грозный предпринялъ свой кровавый походъ на Новгородъ, чтобы вывести въ немъ измѣну, о которой ему доносили клеветники. Произошелъ страшный погромъ всего города и его окрестностей, при чемъ не было пощады ни духовенству, ни церквамъ, ни монастырямъ. Владыка *Пименъ*, нѣкогда судившій на соборѣ св. Филиппа, подвергся крайнему поруганію отъ опричниковъ, провезенъ по всему городу въ одеждѣ шута, съ бубномъ и волынкой, на бѣлой кобылѣ, потомъ лишенъ сана и заточенъ въ Веневѣ. Преемника его *Леонида* Грозный (1576 г.) велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками, а по другимъ извѣстіямъ удавить.

Церковныя отношенія Пскова. Другой вѣчевой городъ Псковъ попрежнему все хлопоталъ объ освобожденіи своемъ отъ власти новгородскихъ владыкъ. Въ 1463 г. Псковичи просили в. князя и м. Ѳеодосія дать имъ особаго владыку. Получивъ отказъ, они дошли до того, что въ 1468 г. порѣшили управляться въ церковныхъ дѣлахъ сами собой безъ владыки, только съ помощью двоихъ выборныхъ священниковъ; владыкѣ, который, встревоженный этою новостью, пріѣхалъ во Псковъ, сказали, что учрежденное ими церковное самоуправленіе необходимо, потому что въ это послѣднее время смущеніе явилось великое,—владыкѣ всего и

разсказать нельзя. Они принуждены были отступиться отъ своего рѣшенія уже въ 1570 г. по требованію самого в. князя и м. Филиппа. Вѣче неразъ дѣлало распоряженія, которыя могъ дѣлать одинъ владыка, напр. въ 1468 г. отлучило отъ службы вдовыхъ поповъ и дьяконовъ. Даже послѣ паденія Новгорода, когда его владыки сдѣлались органами московской власти, Псковичи постоянно раздражали ихъ своимъ непокорствомъ. Послѣ своего паденія Псковъ возбуждалъ такую же подозрительность къ себѣ въ Москвѣ, какъ и Новгородъ. Послѣ Новгорода Грозный собирался разгромить и Псковъ, но сдержалъ свой гнѣвъ, увидя покорность жителей.—Перваго епископа (*Мисаила*) Псковъ получилъ уже при учрежденіи патріаршества.

Епархіи Московской митрополіи. Изъ перемѣнъ въ епархіальномъ управленіи до патріаршества замѣчательны: учрежденіе новой Казанской епархіи, переведеніе Пермской епархіи въ Вологду (въ началѣ XVI в.), присоединеніе къ Московской митрополіи Смоленска (при Василіѣ Іоанновичѣ) и Полоцка (при Грозномъ) съ ихъ епархіями; въ 1570 г. у Нѣмцевъ взятъ старинный русскій городъ Юрьевъ и сдѣланъ новой епископіей. Стефанъ Баторій снова отнялъ у Россіи и Юрьевъ и Полоцкъ; Полоцкая епархія снова отошла къ Кіеву, а Юрьевская была закрыта. При учрежденіи патріаршества открыта Псковская епархія, а въ 1595 г., когда отъ Швеціи была возвращена Корелія, явилась новая Корельская епископія. Епархія митрополита послѣ раздѣленія митрополіи значительно уменьшилась чрезъ отдѣленіе отъ нея кіевской половины, но все еще слишкомъ была обширна и послѣ этого; она обнимала собою нынѣшнія епархіи: Московскую, Костромскую, Нижегородскую, Вятскую, Курскую, Орловскую и значительныя части Владимірской, Архангельской, Новгородской и Тамбовской. Послѣ паденія Орды сарайскій епископъ (съ 1454 г.) сталъ жить въ Москвѣ на *Крутицахъ* и сдѣлался какъ-бы викаріемъ митрополита. Съ возвышеніемъ митрополита въ патріархи четыре архіерея: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій, получили санъ митрополита, 6 епископовъ возведены въ архіепископы, предположено было открыть еще 8 епископій, но на лице было пока только три,—Коломенская, Псковская и Корельская.

Составъ епархіальнаго управленія. Съ XVI вѣка въ церковномъ управленіи встрѣчаемъ цѣлый рядъ новыхъ и очень важныхъ постановленій. Большая часть ихъ принадлежитъ *Стоглавому собору* 1551 г. Съ большимъ приличіемъ опредѣленъ личный составъ епархіальнаго управленія. Духовенство давно уже тяготилось тѣмъ, что епархіальныя дѣла производились большею частію свѣтскими чиновниками архіерейскаго дома, которые смот-

рѣли на свои должности, какъ на кормленіе, и притѣсняли духовный чинъ. Послѣ собора 1503 года о вдовыхъ попахъ ростовскій священникъ *Георгій Скрипица* писалъ противъ этого зла: „Господа священноначальницы! Неблагословно надсматриваете надъ вѣрными людьми... Надзираете церковь по царскому чину земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, доводчиками, для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ“. Но только черезъ 50 лѣтъ послѣ этого Стоглавъ опредѣлилъ: судъ по всѣмъ духовнымъ дѣламъ производить самимъ святителямъ, или кому они укажутъ изъ духовныхъ, а не изъ мірскихъ лицъ, за владычними же боярами оставить судъ надъ бѣлымъ духовенствомъ и міря нами церковнаго вѣдомства только по гражданскимъ дѣламъ, подвѣдомымъ суду церкви. Вслѣдствіе этого постановленія увеличено число духовныхъ органовъ архіерейской власти, каковыми были органы приказные—архимандриты, игумены и протопопы, и выборные—поповскіе старосты.

Поповскіе старосты, которыхъ въ первый разъ мы видѣли во Псковѣ, въ XV в. явились еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но съ исключительно финансовымъ значеніемъ, какъ органы архіерея, къ которымъ, по выраженію граматъ, тянули всякими сборами тяглые попы. Стоглавъ сдѣлалъ учрежденіе поповскихъ старостъ и ихъ помощниковъ, *десятскихъ* священниковъ, повсемѣстнымъ и облекъ ихъ, кромѣ обязанности собирать владычніе сборы, еще обязанностію надзирать за церковнымъ благочиніемъ и въ качествѣ депутатовъ сидѣть въ судѣ надъ духовенствомъ у владычнихъ бояръ. Право суда попрежнему осталось за одними приказными органами архіерейской власти, которымъ духовная власть довѣряла больше, чѣмъ выборнымъ старостамъ. Сами поповскіе старосты подчинены надзору архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ.

Правилами судебниковъ Іоанна III и Іоанна Грознаго, новыми граматами духовной и свѣтской власти и особенно правилами Стоглава произведено болѣе точное *разграниченіе церковнаго и гражданскаго вѣдомства.* Неподсудность духовныхъ лицъ мірскому суду признана была общимъ правиломъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, но и по этимъ дѣламъ первыя дѣйствія суда до снятія сана съ виновнаго принадлежали духовнымъ же властямъ. Свѣтскія лица духовнаго вѣдомства, служилые люди, крестьяне и другіе, по гражданскимъ дѣламъ судились на тѣхъ же основаніяхъ у своихъ ближайшихъ духовныхъ начальствъ, архіереевъ и монастырскихъ властей. По искамъ постороннихъ на лицъ духовнаго вѣдомства и наоборотъ назначался судъ смѣсный—изъ

органовъ и духовнаго и свѣтскаго суда вмѣстѣ. Иски на самихъ духовныхъ властей, архіерейскихъ намѣстниковъ и бояръ разбирались самимъ государемъ или его боярами въ приказѣ большаго дворца.—Но эти правила соблюдались не вполнѣ. При древнемъ стремленіи каждой корпораціи людей къ обособленію и вслѣдствіе тяжкихъ поборовъ со стороны архіерейскихъ чиновниковъ, многіе монастыри выпрашивали себѣ *несудимыя* граматы, на основаніи которыхъ братія и монастырскіе крестьяне судились у настоятелей, а настоятели, помимо епархіальной власти, подчинялись суду самого князя или царя. Несудимыя граматы изрѣдка успѣвали выпрашивать и церковные причты. Граматы эти производили большую путаницу въ церковномъ судѣ, нарушали судную власть архіереевъ и подчиняли духовенство мірскому суду. Стоглавъ отмѣнилъ ихъ; но его распоряженіе не вошло въ практику. Замѣчательно, что митрополитъ и архіереи, по крайней мѣрѣ со времени Стоглава, стали принимать къ себѣ на службу бояръ и дворянъ, а равно и увольнять отъ нея уже только съ соизволенія государя; такимъ образомъ эти люди сдѣлались теперь не столько церковными, сколько обыкновенными государевыми людьми, только служившими по церковному вѣдомству.

Состояніе духовенства.

Сборы съ духовенства. Въ финансовой сферѣ церковнаго управленія встрѣчаемъ нѣкоторыя опредѣленія касательно архіерейскихъ сборовъ. Послѣ рѣзкихъ обличеній стригольниковъ касательно поставленія пастырей на мздѣ соборъ 1503 г. отмѣнилъ было *ставленыя* пошлины, но Стоглавъ снова узаконилъ ихъ. За переходъ къ другой церкви каждый священнослужитель платилъ *перехожія* деньги. Вдовые попы и дьяконы платили *епитрахильныя* и *орарныя* пошлины при выдачѣ епитрахильной или орарной граматы на служеніе. Безмѣстное духовенство, служившее по найму, для котораго оно становилось на крестцахъ (перекресткахъ), обложено было пошлиной *крестцовой*. За явку граматъ новому архіерею въ епархіи платилась *явленая куница* или явочныя деньги. Всѣ церкви платили въ архіерейскую казну каждогодно *церковную дань* по числу приходскихъ дворовъ. Важную статью архіерейскихъ доходовъ составляли пошлины за *антиминсы* для новыхъ церквей и *вѣнечныя*—съ браковъ. При Грозномъ опредѣлена была денежная сумма, которую духовенство должно было платить ежегодно за архіерейскій *подъѣздъ*, хотябы архіерей и не ѣздилъ по епархіи. Кромѣ подъѣзда, оно платило еще *московскій подъемъ* для покрытія издержекъ на поѣздки епископа въ Москву къ митрополиту. Со сборами на архіереевъ

соединялись еще особые сборы на ихъ чиновниковъ и служителей архіерейскаго дома; со времени Стоглава эти сборы слагались въ одну общую сумму, равную по величинѣ церковной дани и извѣстную подъ именемъ *десятильнича дохода*. При поѣздкахъ архіерейскихъ чиновниковъ по дѣламъ духовенство ставило имъ кормы и подводы. Оно же строило дворъ архіерея и дворы десятильничи. Самые платежи сборовъ и запись ихъ въ книги облагались пошлинами въ пользу архіерейскихъ служителей подъ именемъ *данскихъ* и *отвозныхъ* денегъ, *съ оброкомъ куницы* и *писчаго*. Количество сборовъ зависѣло большею частію отъ усмотрѣнія архіереевъ. Случалось, что церковь облагалась слишкомъ высокими сборами и долго поэтому оставалась вовсе безъ причта. Случалось и то, что причтъ, соединясь съ прихожанами, силой отбивался отъ сборовъ. Законнымъ средствомъ избавиться отъ тяжести платежей были *жалованныя граматы*, но архіереи давали такія граматы большею частію только такимъ церквамъ, которыя находились въ государевыхъ селахъ или въ вотчинахъ уважаемыхъ монастырей и сильныхъ лицъ.

Кромѣ платежей въ архіерейскую казну духовенство не было свободно и отъ *гражданскихъ платежей и повинностей*. Съ *своихъ* земель оно должно было выставлять ратниковъ, давать деньги или припасы на военныя нужды, поставлять кормы и подводы чиновникамъ, поддерживать мосты и дороги, исполнять повинность городовую (т. е. строить городскія стѣны и казенныя зданія). Духовныя лица, жившія на *чужихъ* земляхъ, подлежали еще сборамъ въ пользу владѣльца. Жившія на *черныхъ* земляхъ тянули съ черными людьми, т. е. несли тягло, платили оброкъ намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ, деньги ямскія, стрѣлецкія, пищальныя и друг. *Бѣлою*, свободною отъ платежей, считалась только земля церковная, но и съ нея духовенство должно было нести нѣкоторые платежи и повинности въ чрезвычайныхъ случаяхъ,—во время войны и для выкупа плѣнныхъ. Изъ постоянныхъ повинностей она не освобождалась отъ повинности губной, т. е. содержанія губнаго старосты.

Содержаніе бѣлаго духовенства. Платежей было много, а средствъ къ содержанію духовенство имѣло мало. Только немногія церкви имѣли *вотчины*, и то небольшія, наприм. деревни въ 2—4 двора. Небольшое число церквей получало *ругу отъ правительства*, но въ очень маломъ количествѣ. Затѣмъ всѣ средства существованія причтовъ вполнѣ зависѣли отъ приходскихъ общинъ. Однѣ общины отмежевывали на содержаніе своихъ причтовъ *земли*, другія вмѣсто земли назначали условное количество *руги*. Кромѣ руги, причтъ собиралъ съ прихода еще *сборы* или *запросы*,—петровскій и осенній, доставлявшіеся ему обыкновенно

хлѣбомъ, яицами и др. припасами, наконецъ пользовался обычнымъ доходомъ за *требоисправленія*.—Благосостоянію духовенства много вредило неправильное распредѣленіе приходовъ, несоразмѣрное съ числомъ народонаселенія, и непомѣрное размноженіе самого духовенства. Стоглавъ почелъ нужнымъ издать запрещеніе строить лишнія церкви, которыхъ строители не могли обезпечить средствами, нужными для ихъ существованія. До прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (въ концѣ XVI в.) нерѣдко случалось впрочемъ, что и богатый прежде приходъ совершенно пустѣлъ отъ перехода крестьянъ. Вслѣдствіе излишка духовенства и бѣдности приходовъ явилось много, такъ называемыхъ, *бродячихъ* или *перехожихъ* поповъ, которые съ своими ставлеными и перехожими граматами ходили съ мѣста на мѣсто, нанимаясь служить при церквахъ на годъ или на другой срокъ. Въ городахъ, особенно въ Москвѣ, изъ этихъ безмѣстныхъ священнослужителей, служившихъ по найму, образовался классъ *крестцоваго* духовенства. Стоглавый соборъ обратилъ серьезное вниманіе на этотъ безпорядочный людъ, производившій большой соблазнъ. Велѣно было выстроить для этихъ поповъ поповскую избу, чтобы они по крайней мѣрѣ не стояли для найма на улицѣ, и посадить въ ней для надзора за ними поповскаго старосту. Между бродячимъ и крестцовымъ духовенствомъ много попадалось людей безъ всякихъ граматъ и даже состоявшихъ подъ запрещеніемъ; поэтому соборъ распорядился о строгомъ досмотрѣ у него граматъ.

Мѣры къ улучшенію нравовъ бѣлаго духовенства. Бѣдность духовенства, зависимость отъ приходовъ и исключительно-обрядовая его постановка въ обществѣ, при чемъ со стороны духовнаго лица требовалось только исполненіе требъ и обрядовъ, и не было запроса на развитіе собственно пастырскихъ качествъ, производили замѣтный упадокъ и въ нравственномъ состояніи духовнаго чина. М. Ѳеодосій думалъ „поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь“, разсказываетъ лѣтопись, „нача на всяку недѣлю сзывати ихъ и учити по святымъ правиламъ, и вдовцомъ діакономъ и попомъ повелѣ стричися, а еже у кого наложницы будутъ, тѣхъ мучити безъ милости, и священство сымая съ нихъ, и продавать ихъ“. Вдовымъ священнослужителямъ, не постригавшимся въ монашество, служеніе было запрещено еще при мм. Петрѣ и Фотіѣ. Запрещеніе это повторено потомъ на соборѣ 1503 г. Священникъ Георгій Скрипица, самъ будучи вдовцомъ, тогда же протестовалъ противъ этого рѣшенія. „Пусть, писалъ онъ собору, подвергаются запрещенію тѣ, которые не хранятъ своего вдовства. Зачѣмъ же безъ вины осуждать всѣхъ? Правильно ли, что вдовый священникъ, постригшись, можетъ служить, а тотъ же священникъ, не постригшись, не можетъ служить? Развѣ

женою попъ святъ? Который попъ имѣетъ жену, чистъ, а не имѣетъ жены,—не чистъ, а чернецъ, не имѣя жены, чистъ. И вы, господіе мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ?" Протестъ остался безъ успѣха. Стоглавый соборъ замѣтилъ, что попы и дьяконы предавались пьянству, неблагочинно вели себя въ церкви, бранились неподобными рѣчами и дрались, вдовые попы производили большой соблазнъ, а между тѣмъ исполняли всѣ требы, только литургіи не служили, пономари и дьячки были иногда двоеженцы и троеженцы. Обличать подобные пороки было легко, но когда соборъ обратился къ мѣрамъ для ихъ исправленія, его распоряженія тоже ограничились только усиленіемъ надзора за духовенствомъ и строгости наказаній, да запрещеніемъ священнослуженія вдовцамъ, т. е. тѣми же мѣрами, какія были и прежде и безполезность которыхъ была уже испытана; кромѣ этого, сказано еще нѣсколько словъ о томъ, чтобы святители испытывали жизнь ставлениковъ и ставили только достойныхъ, но откуда брать этихъ достойныхъ, не сказано.

Земское значеніе приходскаго духовенства. Духовныя лица попрежнему ставились къ церквамъ по выбору прихожанъ. Въ Стоглавѣ наприм. находимъ описаніе того, какъ въ Новгородѣ улица, обыкновенно составлявшая особый приходъ, выбирала себѣ кандидата на церковное мѣсто и просила владыку о поставленіи избраннаго, при чемъ брала съ послѣдняго деньги за выборъ, а кого владыка пошлетъ самъ безъ приходскаго выбора, тому отказывала. Членъ клира былъ дѣйствительнымъ членомъ и своей приходской общины, и притомъ членомъ граматнымъ, что давало ему большой вѣсъ и участіе въ земскихъ дѣлахъ, въ разныхъ общинныхъ актахъ, межевыхъ искахъ, мірскомъ судѣ, выборахъ, челобитьяхъ предъ властями и т. п. Съ своей стороны и община была естественной участницей въ дѣлахъ своего клира; на судѣ надъ нимъ архіерейскихъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ поповскими старостами, обыкновенно сидѣли и ея выборные старосты съ цѣловальниками. При всемъ томъ въ XVI в. нельзя уже не замѣчать признаковъ скораго упадка выборнаго значенія духовенства. Государство все болѣе и болѣе стѣсняло поставленіе въ священный чинъ людей служилыхъ и тяглыхъ, такъ что ставленики были большею частію изъ лицъ духовнаго же происхожденія. Сама приходская община въ своихъ выборахъ прежде всего обращала вниманіе на нихъ же, потому что на ихъ сторонѣ была большая граматность и привычка къ церковной службѣ. Отсюда съ теченіемъ времени постепенно формировалась наслѣдственность церковнаго служенія. Стоглавъ уже прямо говоритъ о наслѣдіи церковныхъ мѣстъ послѣ отцовъ дѣтьми.

Монашество. Возникновеніе новыхъ обителей шло еще съ большею быстротою, чѣмъ прежде, такъ что съ половины XV до XVII вѣка насчитывается до 300 вновь устроенныхъ монастырей. Не смотря на то, что время наибольшаго процвѣтанія монашеской жизни уже оканчивалось, и теперь еще много являлось истинныхъ угодниковъ Божіихъ, преимущественно въ сѣверномъ краѣ, гдѣ они продолжали свою нечеловѣческую борьбу съ дикою природою и суевѣріемъ дикихъ людей. Кромѣ извѣстныхъ намъ просвѣтителей русскаго сѣвера, своими высокими подвигами прославились *Александръ Свирскій, Корнилій Комельскій, Даніилъ Переяславльскій, Макарій Колязинскій, Савватій, Зосима, Германъ и Филиппъ Соловецкіе, Антоній Сійскій, Нилъ Столобенскій, Никандръ Псковскій* и др. Конецъ XV и начало XVI в. выставили двоихъ великихъ подвижниковъ, имѣвшихъ особенно важное значеніе въ исторіи русскаго монашества, устроителей и законоположниковъ главныхъ родовъ аскетической жизни, — скитскаго и общежительнаго; это были:

Пр. Нилъ Сорскій и пр. Іосифъ. Первый происходилъ изъ рода бояръ *Майковыхъ,* былъ постриженникомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, извѣстнаго своимъ строгимъ уставомъ. Онъ долго путешествовалъ по востоку для изученія монашеской жизни; по возвращеніи въ Россію удалился на р. *Сору* и поставилъ здѣсь свою одинокую келью и часовню, около которыхъ скоро возникла цѣлая обитель съ новымъ еще въ Россіи скитскимъ направленіемъ, заимствованнымъ пр. Ниломъ съ Аѳона и составлявшимъ какъ бы средину между жизнью монаховъ общежительныхъ монастырей и жизнью одинокихъ отшельниковъ. Пр. Нилъ заповѣдалъ братіи питаться трудами, милостыню принимать только въ крайней нуждѣ, не заводить дорогихъ вещей даже въ церкви, женщинъ въ скитъ не пускать, монахамъ изъ него не выходить ни подъ какимъ предлогомъ; владѣніе вотчинами совершенно отрицалось въ Ниловомъ скитѣ, какъ и въ Кирилловомъ монастырѣ при жизни пр. Кирилла. Въ своихъ посланіяхъ и „Преданіи ученикамъ о жительствѣ скитскомъ" пр. Нилъ является строгимъ аскетомъ созерцателемъ, глубокимъ знатокомъ внутренней духовной жизни. Тогда какъ всѣ монашескіе уставы занимались подъ часъ мелочными опредѣленіями касательно монастырской дисциплины и внѣшности, аскетическія творенія Нила, касаясь очень мало внѣшняго поведенія иноковъ, развиваютъ самую сущность аскетизма, касаются преимущественно глубокихъ внутреннихъ явленій духовной жизни, разныхъ степеней „умнаго дѣланія". Жизнь его скита отличалась такою строгостію, что нашлось только 12 человѣкъ, которые были въ состояніи жить въ немъ; и послѣ кончины пр. Нила (1508 г.) его обитель всегда оставалась представительни-

цей самаго строгаго созерцательнаго аскетизма. Въ 1569 г. Грозный хотѣлъ выстроить въ ней каменную церковь вмѣсто деревянной; пр. Нилъ явился ему во снѣ и запретилъ нарушать преданіе скитской нищеты.

Пр. Іосифъ Волоцкій отличался другимъ направленіемъ. По кончинѣ своего учителя Пафнутія (1477 г.) онъ вскорѣ удалился изъ Боровскаго монастыря, жизнь котораго не соотвѣтствовала его идеалу монашества, долго ходилъ по разнымъ другимъ монастырямъ, наконецъ въ 1479 г. основалъ свой собственный Волоцкій монастырь и въ 37 лѣтъ игуменства устроилъ его, какъ желалъ, на началахъ самаго строгаго общежитія. Житія его изображаютъ его такимъ же св. подвижникомъ, какимъ былъ и пр. Нилъ, но не созерцательнаго, а практическаго направленія. Это былъ сановитый игуменъ, видный по внѣшности, необыкновенно начитанный и краснорѣчивый, у котораго все писаніе было „на краи языка", имѣвшій сильное вліяніе не только на своихъ монаховъ и простыхъ людей, но и на бояръ, и на самого державнаго, отличавшійся широкою общественною дѣятельностію. Свой уставъ онъ составлялъ, имѣя въ виду не умное дѣланіе и келейное пребываніе уже совершенныхъ иноковъ, для какихъ писалъ свое Преданіе пр. Нилъ, а большую общежительную обитель съ иноками всякаго рода, и потому развилъ въ немъ преимущественно правила внѣшней монастырской дисциплины и суровыхъ наказаній, которыми думалъ поддержать строгость иноческой жизни. Въ дополненіе къ этому уставу онъ составилъ обширное „Сказаніе о св. отцахъ монастырей русскихъ", гдѣ собралъ преданія о строгой жизни древнихъ монастырей и провелъ туже мысль о необходимости для поддержанія монастырской жизни примѣненія къ ней самой строгой дисциплины. По своему практическому направленію онъ расходился съ пр. Ниломъ въ самомъ понятіи о значеніи монашества. Въ то время, какъ пр. Нилъ смотрѣлъ на иноческую жизнь, какъ на жизнь, требующую полнаго отреченія отъ міра и всякихъ житейскихъ занятій, въ томъ числѣ и церковно-административныхъ, пр. Іосифъ считалъ монашество совершеннѣйшимъ классомъ вѣрующихъ, которому поэтому слѣдуетъ стоять во главѣ всей церковной жизни, быть разсадникомъ церковныхъ властей, поэтому хотѣлъ сосредоточить въ монастыряхъ все церковное образованіе и всѣ лучшія духовныя силы церкви, а для этого требовалъ для монастырей и соотвѣтствующаго внѣшняго возвышенія, увеличенія ихъ богатствъ: „Безъ вотчинъ, говорилъ онъ, не будетъ въ монастыряхъ честныхъ старцевъ, а не будетъ честныхъ старцевъ, кого брать на епископіи и митрополію? ино и вѣрѣ будетъ поколебаніе". Ученики и почитатели Іосифа составили въ монашествѣ особую и притомъ вліятельную

партію, такъ называемыхъ, *Іосифлянъ* и вступили съ почитателями Нила, преимущественно *бѣлозерскими* и *вологодскими* старцами изъ безвотчинныхъ скитовъ и монастырей, въ замѣчательную полемику, коснувшуюся, какъ увидимъ, многихъ живыхъ вопросовъ того времени.

Устроеніе общежитія въ монастыряхъ. Общежитіе развивалось преимущественно въ средней Россіи, тогда какъ сѣверный край наполнялся главнымъ образомъ пустынями и скитами, для которыхъ въ тамошнихъ лѣсахъ было очень много благопріятныхъ условій жизни. Въ небольшихъ монастырькахъ этого края обыкновенно жило всего по 2—3 монаха. Нѣкоторыя обители имѣли даже приходы, какъ обыкновенныя приходскія церкви. Съ 1528 г. владыка новгородскій Макарій первый сталъ вводить общежитіе во всѣхъ монастыряхъ своей обширной епархіи; дѣло это онъ продолжалъ потомъ и на митрополіи. Общежитіе оказывалось тогда весьма нужнымъ для монастырей, потому что стремленіе къ пустынножительству стало доходить до крайностей, развивало въ монахахъ страсть къ бродяжничеству. Стоглавый соборъ такъ же требовалъ, чтобы монахи, не исключая и настоятелей, по общежительному уставу, не заводили себѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, довольствовались общей пищей и одеждой, не уходили изъ монастырей скитаться по городамъ и пустынямъ, не служили при мірскихъ церквахъ, въ монастыряхъ не держали у себя мірянъ, гостей принимали не въ кельяхъ, а въ общей трапезѣ; въ женскихъ монастыряхъ положено было управлять игуменьямъ, а не игуменамъ, священниками имѣть женатыхъ бѣльцовъ, вообще инокамъ и инокинямъ вмѣстѣ не жить; бродячихъ монаховъ изъ городовъ изгонять, скитниковъ разводить по общежительнымъ монастырямъ, а безвкладныхъ монаховъ и монахинь, которыхъ въ монастыряхъ не принимали и которые поэтому жили въ мірскихъ домахъ, устраивать вкладами изъ царской или святительской казны.

Управленіе монастырей. Во главѣ монастырскаго управленія, по правиламъ общежитія, стояли настоятель и соборъ изъ лучшихъ братій. Настоятели избирались монастырскимъ соборомъ, но могли назначаться и отъ епархіальнаго архіерея. Настоятели знатныхъ монастырей получали утвержденіе въ должности отъ самого царя. Вопреки опредѣленію Стоглава, уничтожившему несудимыя граматы, многіе монастыри ни въ чемъ не подчинялись суду епархіальныхъ архіереевъ, кромѣ духовныхъ дѣлъ. Большая часть такихъ привиллегированныхъ монастырей состояла подъ патронатомъ удѣльныхъ князей и царя; другіе состояли подъ патронатомъ иноепархіальныхъ архіереевъ и митрополита. Въ XVI в. царскіе монастыри вѣдались въ приказѣ большаго дворца,

гдѣ давался судъ на ихъ властей и производилась опись и повѣрка ихъ имуществъ. Цари были совершенными игуменами ихъ, наблюдали въ нихъ за благочиніемъ, писали увѣщанія братіи о соблюденіи устава и т. п. Такъ же относились къ своимъ покровительствуемымъ монастырямъ митрополитъ и архіереи въ чужихъ епархіяхъ. Княжескій патронатъ надъ монастырями доходилъ иногда до явныхъ злоупотребленій. Такъ напр. въ началѣ XVI в. Волоцкій монастырь терпѣлъ сильныя притѣсненія отъ волоцкаго князя *Ѳеодора Борисовича*, который смотрѣлъ на эту обитель, какъ на богатую доходную статью, и постоянно бралъ съ нея поборы. Если ему отказывали, онъ угрожалъ монахамъ кнутомъ, а игумена преп. Іосифа бранилъ. Такимъ образомъ онъ раззорилъ уже не одинъ монастырь въ своемъ удѣлѣ. Напрасно пр. Іосифъ съ братіею просилъ приближенныхъ князя бояръ ходатайствовать за монастырь. „Воленъ государь въ своемъ монастырѣ, отвѣчали ему, хочетъ - жалуетъ, хочетъ—грабитъ". Тогда (1507 г.) монастырь отдался въ вѣденіе в. князя московскаго. Кн. Ѳеодоръ, не желая выпускать изъ рукъ богатой обители, обратился къ новгородскому владыкѣ *Серапіону*, который тоже былъ оскорбленъ отпиской этого монастыря отъ своей епархіи. По внушенію Ѳеодора, онъ изрекъ на пр. Іосифа отлученіе; но съ княземъ московскимъ спорить было нелегко; Серапіонъ былъ вызванъ въ Москву, лишенъ каѳедры и заточенъ въ Троицкій монастырь.

Общественное значеніе монастырей продолжало поддерживаться ихъ богатыми вотчинами, содѣйствіемъ русской колонизаціи и образцовымъ хозяйствомъ. Они распахивали новыя земли, осушали болота, расчищали лѣса, копали каналы, улучшали скотоводство, заводили у себя ярмарки, заводы и разныя мастерства. Настоятели, отличавшіеся хозяйственными талантами, пользовались въ монастыряхъ большимъ уваженіемъ. Напр. Соловецкій монастырь сохранялъ благодарную память о св. Филиппѣ; во время своего игуменства онъ заботился о сообщеніи острова Соловецкаго съ материкомъ чрезъ улучшенное судоходство, проложилъ дороги, распахалъ новыя земли, улучшалъ породы домашняго скота, поднялъ соляныя варницы, рыбную ловлю, кирпичные заводы и мельницы. Соловецкій лѣтописецъ съ удивленіемъ описываетъ сдѣланныя Филиппомъ водопроводныя машины, необыкновенную телѣгу,—сама насыплется рожью, сама привезется и высыплетъ рожь на сушило, сѣвальню съ 10 рѣшетами,—сѣетъ одинъ вмѣсто многихъ, мѣхи для вѣянія ржи и др. улучшенія.—Попрежнему множество людей привлекала на монастырскія земли монастырская благотворительность; монастырскія житницы въ голодные годы кормили цѣлыя сотни людей, напр. во время

одного голода Іосифовъ монастырь ежедневно кормилъ до 700 нищихъ; при многихъ монастыряхъ, а такъ же и при архіерейскихъ домахъ устраивались богадѣльни и больницы. На Стоглавомъ соборѣ возникъ вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ и рѣшено было дѣлать для этого выкупа сборъ со всей земли, безъ исключенія изъ него и льготныхъ церковныхъ владѣній. Вслѣдствіе этого между духовенствомъ возникъ особый сборъ, извѣстный въ XVI и XVII вв. подъ именемъ полоняничнаго.

Распоряженія правительства о церковн ыхъ вотчинахъ. Мы видѣли, что еще съ XIV в. поднялся вопросъ о церковныхъ вотчинахъ, но исключительно съ нравственной точки зрѣнія. Съ развитіемъ Московскаго государства этотъ вопросъ получаетъ государственный характеръ. Отъ чрезвычайно быстраго возрастанія монастырскихъ вотчинъ у правительства стала уходить изъ рукъ земля, которая была нужна ему для раздачи служилымъ людямъ и для интересовъ казны. Притомъ же на льготныя монастырскія земли уходило много крестьянъ съ земель служилыхъ людей, которые отъ этого бѣднѣли и затруднялись нести государеву службу. Высшее боярство, сила котораго основывалась главнымъ образомъ на вотчинномъ владѣніи, носившемъ еще слѣды удѣльнаго характера, и которое приписывало себѣ своего рода держаніе земли совмѣстно съ единымъ русскимъ самодержцемъ, было сильно встревожено, увидавъ передъ собой все болѣе и болѣе возраставшее значеніе новыхъ державцевъ земли— монаховъ, и всѣми силами принялось противодѣйствовать ихъ усиленію. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ со времени Іоанна III въ правительственныхъ сферахъ стала развиваться понемногу мысль объ отобраніи церковныхъ вотчинъ въ пользу государства.

На первый разъ при покореніи Новгорода, пользуясь правомъ завоевателя, в. князь роздалъ служилымъ людямъ нѣсколько владычнихъ и монастырскихъ земель новгородской области. М. Симонъ не усомнился благословить его на это. Но, когда, ободренный этою первою удачею, в. князь на соборѣ 1503 г. предложилъ вопросъ объ отобраніи вотчинъ уже у всѣхъ вообще монастырей, тотъ же м. Симонъ и прочее духовенство, владѣвшее вотчинами, оказались совершенно другихъ мыслей. Послѣ долгаго спора объ этомъ предметѣ соборъ отвѣчалъ в. князю, что церковь имѣетъ вотчины еще со временъ Владиміра и Ярослава, и самые цари ордынскіе, боясь Господа, щадили ея собственность, и что поэтому „святители и монастыри отдавать церковнаго стяжанія не благоволятъ". В. князь отказался отъ своей мысли, но съ этого времени сталъ настаивать, чтобы болѣе знатные служилые роды не отказывали своихъ вотчинъ въ монастыри безъ особаго разрѣшенія государя; это ограниченіе вотчиннаго

владѣнія монастырей поддерживалось и при в. кн. Василіѣ. Въ малолѣтство Грознаго вышло новое опредѣленіе, чтобы монастыри безъ доклада государю уже вовсе не пріобрѣтали себѣ вотчинъ и никакимъ способомъ. Іоаннъ Грозный въ свое царствованіе тоже протягивалъ руку на церковныя вотчины, но духовенство противилось и ему. Стоглавый соборъ оградилъ неприкосновенность церковнаго стяжанія клятвою. Царю удалось настоять на соборѣ только на поддержаніи и нѣкоторомъ дополненіи прежнихъ мѣръ противъ увеличенія монастырскихъ вотчинъ; положено было: новыя вотчины владыкамъ и монастырямъ пріобрѣтать только съ согласія царя; пріобрѣтенныя въ правленіе бояръ во время малолѣтства царя и взятыя насильно и незаконно всѣ возвратить въ казну; во внутреннихъ областяхъ около самой Москвы селъ на поминъ души не отказывать монастырямъ совсѣмъ (эти земли около Москвы правительство старалось раздавать служилымъ людямъ, чтобы имѣть подъ рукою готовое войско). Въ 1573 г. послѣдовало новое распоряженіе, чтобы изъ казны, съ согласія царя, вотчины были жалуемы впредь однимъ только бѣднымъ, а не состоятельнымъ обителямъ. Въ 1580 г., по случаю сильнаго истощенія государства отъ войнъ, царь опять созвалъ соборъ о монастырскихъ вотчинахъ; на немъ положено: села, завѣщанныя монастырямъ на поминъ души, отдавать обратно родственникамъ умершаго завѣщателя съ тѣмъ, чтобы послѣдніе вознаграждали за то монастырь деньгами по цѣнѣ завѣщанныхъ селъ; если у завѣщателя вовсе нѣтъ родни, монастырямъ отдавать эти села на государя съ вознагражденіемъ за нихъ изъ казны.—Отобрать монастырскія вотчины оказалось такимъ образомъ невозможнымъ: при царѣ Ѳеодорѣ нашли другое средство удовлетворить требованію государственныхъ интересовъ: на соборѣ 1584 г. положено было уничтожить льготы этихъ вотчинъ. Но и эта мѣра не состоялась, потому что и она оскорбляла могущественный духовный чинъ, — льготы были уничтожены только на время, „покамѣста, сказано въ граматѣ собора, земля поустоится", и черезъ мѣсяцъ были возстановлены опять. Эта невозможность ни отобрать церковныя вотчины, ни сравнять ихъ съ другими и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное возрастаніе государственныхъ тяжестей для остальныхъ нельготныхъ земель, уменьшеніе на нихъ народонаселенія чрезъ переходъ крестьянъ на льготныя земли въ концѣ описываемаго времени были въ числѣ важнѣйшихъ побужденій для правительства къ прикрѣпленію крестьянъ.

Недостатки монастырской жизни. Владѣніе вотчинами возбуждало большія опасенія и съ нравственной стороны. Церковное и свѣтское правительства старались предотвратить упадокъ

монастырской жизни своими постановленіями и грамотами, которыя всѣ носятъ до крайности рѣзкій обличительный характеръ. Рѣзкость этихъ и другихъ обличеній, которыя непрерывнымъ рядомъ идутъ черезъ все описываемое время, была необходимымъ и очень понятнымъ явленіемъ у правительства и современныхъ общественныхъ дѣятелей. Русская земля соединилась въ одно цѣлое государство. Москва однимъ взглядомъ могла производить теперь обзоръ всей ея жизни, и все зло, всѣ нестроенія, формировавшіяся вѣками и бывшія прежде лишь мѣстными, отрывочными явленіями, предстали теперь разомъ, въ массѣ. Неудивительно, что и правительство и общественные дѣятели пришли въ сильную тревогу, подняли жалобы, обличенія, принялись за всякаго рода исправленія. На Стоглавомъ соборѣ царь жаловался на бродяжничество и попрошайство разныхъ пустынниковъ и др. монаховъ, которые постоянно тревожили правительство челобитьями о милостыняхъ и о земляхъ; много земель монастыри отняли у боярскихъ дѣтей насильствомъ или неправильной приписквой, подкупя писцовъ. Приказы были завалены монастырскими поземельными исками; а между тѣмъ въ обителяхъ, по свидѣтельству собора, для братіи стало оскуднѣе прежняго, потому что власти жили очень широко, покоились у себя въ кельяхъ съ гостьми, содержали на монастырскій счетъ родню, себя богатили, а монастыри опустошали; въ вотчинахъ такъ же своекорыстно управляли прикащики и посельскіе старцы, раззоряя крестьянъ; соборъ распорядился не посылать въ села посельскихъ старцевъ, да и властямъ ѣздить къ крестьянамъ только по праздникамъ со св. водою и для важныхъ земскихъ дѣлъ. Монастырская благотворительность ослабѣла и современныя обличенія укоряютъ монаховъ въ жестокости не только къ нищимъ, но и къ своимъ собственнымъ крестьянамъ. Говоря о внутренней жизни монастырей, Стоглавъ обратилъ вниманіе на постоянный приливъ въ монастыри мірянъ, которые заводили по кельямъ пиры и пьянство, на невоздержную жизнь самихъ монаховъ, на свободный входъ въ монастыри женщинъ и проч.—Тѣже впрочемъ отцы собора, запрещая монахамъ держать хмѣльное питіе и особое хозяйство, сдѣлали исключеніе для нѣкоторыхъ знаменитыхъ монастырей, гдѣ много бываетъ богомольцевъ, или гдѣ живутъ, постригшись, бояре и великіе люди. Понятно, что въ монастыряхъ и подавно потакали этимъ великимъ людямъ, которыхъ не рѣшался стѣснять самъ соборъ. А между тѣмъ они были страшнымъ зломъ для монастырскаго общежитія и нравственности: жили совершенно по-мірскому, держали въ монастырѣ и за монастыремъ всякія вина и яства и толпы холоповъ, дѣлали въ монастыряхъ пиры, властвовали надъ самими игуменами. Въ одномъ посланіи въ

Кирилловъ монастырь Грозный рѣзко обличалъ монаховъ за послабленіе устава въ угоду постригшимся тамъ боярамъ Шереметеву и Хабарову.—Кромѣ бояръ, много мірскаго духа вносили въ монастыри и другіе недостойные постриженники, постригавшіеся не по призванію, а по обычаю, по извѣстному обрядовому взгляду на монашество, какъ внѣшнее средство ко спасенію, или для покоя, избывая отъ работъ. Число такихъ монаховъ увеличивалось еще вдовыми попами и дьяконами, которые постригались по необходимости. Многіе чернецы и черницы жили внѣ монастырей при церквахъ и въ мірскихъ домахъ и, скитаясь по міру, не знали вовсе, что такое и монастырь.

Юродивые. Стоглавый соборъ между прочимъ обратилъ еще вниманіе на злоупотребленіе издавна уважавшимся въ народѣ подвигомъ юродства, которымъ промышляли разные обманщики, ходившіе по городамъ и селамъ, растрепавъ власы, босые, нагіе или въ лохмотьяхъ, выкликая разныя пророчества и видѣнія, и запретилъ всѣмъ слушать и принимать такихъ. Но между этими ложными подвижниками и теперь было еще довольно истинныхъ угодниковъ Божіихъ, пользовавшихся необыкновеннымъ благоговѣніемъ въ обществѣ. Ихъ вездѣ считали за благодатныхъ гостей въ домахъ; купцы радовались, когда блаженный бралъ что нибудь изъ товара; гордые бояре смиренно выслушивали ихъ обличенія. Царь Грозный шелъ погромить Псковъ;—но вотъ передъ самымъ городомъ встрѣчаетъ его блаженный *Никола Салосъ* съ кускомъ сыраго мяса и съ тяжкимъ обличеніемъ въ кровожадности,—и царь, убившій за обличенія митрополита, покорно выслушиваетъ грубое слово юродиваго и щадитъ опальный городъ. Въ 1552 г. онъ своими руками несъ до могилы тѣло умершаго юродиваго *Василія Блаженнаго.*

Церковное благочиніе и общественная нравственность.

Новые храмы. Кромѣ исправленій въ духовенствѣ, особенное вниманіе русскаго общества обращено было на улучшеніе церковной обрядности. Москва теперь стала богата и получила возможность заявлять свое усердіе къ церковному благолѣпію въ широкихъ размѣрахъ. Со временъ Іоанна III стали вызывать въ Россію иностранныхъ мастеровъ; большую часть времени и трудовъ своихъ они должны были употреблять для украшенія церковной внѣшности. Итальянскій мастеръ *Аристотель Фіоравенти* въ 1475—1479 годахъ перестроилъ въ настоящемъ видѣ обветшавшій московскій Успенскій соборъ. Другіе мастера построили соборы въ Сергіевой лаврѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ и перестроили соборы Благовѣщенскій на велико-

княжескомъ дворѣ и Архангельскій. При Василіѣ Іоанновичѣ въ память взятія Смоленска построенъ Новодѣвичій монастырь; построено было до 11 каменныхъ церквей мастеромъ *Фрязинымъ*; мастеромъ *Николаемъ* Нѣмцемъ слитъ громадный колоколъ въ 1000 пудовъ. Въ память взятія Казани при Грозномъ построенъ въ Москвѣ Покровскій соборъ (Василій блаженный). При Годуновѣ, уже въ началѣ XVII в., возникла около кремлевскихъ соборовъ знаменитая Ивановская колокольня. Другіе города тоже украшались новыми храмами. По древнему обычаю во времена бѣдствій цѣлыми десятками являлись церкви обыденныя. Мы видѣли, что Стоглавъ нашелъ нужнымъ ограничивать усердіе народа къ строенію церквей. Можно упомянуть здѣсь, что только во второй половинѣ XVI в. сталъ распространяться у насъ обычай строить церкви теплыя, начало которому положилъ новгородскій владыка Евфимій еще въ XV в.

Судьба мѣстныхъ святынь. Развитіе московской централизаціи имѣло большое вліяніе на судьбу мѣстныхъ святынь. Въ началѣ описываемаго времени мы еще встрѣчаемъ нѣкоторые остатки старинныхъ понятій объ нихъ; такъ первый владыка Москвичъ въ Новгородѣ Сергій не хотѣлъ почтить мощей владыки Моѵсея; самъ Іоаннъ III, посѣтивъ Хутынскій монастырь, унизилъ мощи пр. Варлаама предъ московскими мощами и былъ вразумленъ грознымъ появленіемъ подземнаго огня. Новый порядокъ вещей обнаружился собираніемъ мѣстныхъ святынь въ Москву, какъ общій политическій и церковный центръ. Ея Успенскій соборъ сдѣлался общимъ средоточіемъ этихъ святынь. Въ его иконостасѣ помѣщены: изъ покореннаго Новгорода икона Спаса, изъ Устюга икона Благовѣщенія, предъ которою молился Прокопій Устюжскій объ избавленіи города отъ каменной тучи, изъ Владиміра икона Одигитріи, изъ Пскова икона Псковопечерская; въ ризницу собора взяты изъ Новгорода сосуды Антонія Римлянина. Въ Москву же переносились мѣстныя мощи, наприм. изъ Чернигова мощи князя Михаила и боярина Ѳеодора (при Грозномъ). Наконецъ, по опредѣленію московскихъ соборовъ 1547 и 1549 гг., святые разныхъ краевъ, прежде чтившіеся только мѣстно, получили общее чествованіе по всей Россіи. Тогда же были собраны мѣстныя службы, житія и чудеса новыхъ чудотворцевъ, для нѣкоторыхъ составлены вновь и тоже обнародованы повсюду.

Св. иконы. Въ XVI в. возникъ вопросъ о писаніи иконъ, потому что чрезъ Новгородъ и Псковъ въ иконописаніе стало проникать западное вліяніе, появлялись иконы, писанныя съ латинскихъ образцовъ и отличавшіяся множествомъ символическихъ изображеній. Стоглавъ опредѣлилъ, чтобы иконописцы непре-

мѣнно держались древнихъ образцовъ, чтобы архіереи по епархіямъ установили за иконописцами строгій надзоръ и запрещали писать иконы людямъ неискуснымъ и худой нравственности; въ образецъ для мастеровъ онъ рекомендовалъ извѣстнаго инока иконописца Андрея Рублева († 1430 г.). — Вскорѣ послѣ Стоглава началось волненіе изъ-за иконъ, поднятое дьякомъ *Иваномъ Висковатымъ*. Послѣ большаго московскаго пожара вновь расписывали иконами кремлевскіе храмы; для этого дѣла были выписаны въ Москву новгородскіе и псковскіе мастера. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ священникъ Сильвестръ съ доклада царя велѣлъ имъ изобразить Троицу въ дѣяніяхъ, Вѣрую, Хвалите Господа, Софію премудрость Божію, Достойно, Почи Господь въ день седьмый, Пріидите людіе трисоставному Божеству поклонимся и др. Висковатый соблазнился о новыхъ иконахъ; поддерживаемый отставленными отъ дѣла московскими мастерами, сталъ разглашать, что не слѣдуетъ изображать иконнымъ образомъ невидимое Божество и безплотныхъ, что первый членъ Символа вѣры нужно изображать только словами, а потомъ до конца уже иконнымъ письмомъ, по плотскому смотрѣнію; особенно порицалъ символическія изображенія напр. добродѣтелей и пороковъ въ видѣ женщинъ, Христа въ видѣ ангела съ крыльями и т. п., писалъ къ митрополиту жалобу, что Сильвестръ старые образа вынесъ, а новые поставилъ по своему мудрованію. Въ 1554 г. былъ созванъ соборъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Сильвестра. Висковатаго за хулу иконъ отлучили на три года отъ причастія. „Всякій долженъ знать свой чинъ, сказалъ ему митрополитъ, овца не должна дѣлать изъ себя пастыря, нога не должна думать, что она голова. Слушай духовныхъ отцевъ. Вамъ не велѣно о Божествѣ испытывать; зналъ бы ты свои приказныя дѣла, — не разрони списковъ“.

Церковное богослуженіе обогатилось новыми праздниствами и службами въ честь вновь прославленныхъ святыхъ, особенно послѣ соборовъ о новоявленныхъ чудотворцахъ, и въ честь вновь явленныхъ чудотворныхъ иконъ, наприм. Казанской Богородицы. Съ XVI в. у насъ дѣлаются извѣстными два новые обряда или дѣйства: обрядъ *хожденія на осляти* въ недѣлю ваій, совершавшійся въ Москвѣ митрополитомъ, а въ епархіяхъ, хотя и не во всѣхъ, архіереями, и обрядъ *пещнаго дѣйствія*, совершавшійся по каѳедральнымъ соборамъ предъ Рождествомъ въ недѣлю праотецъ. Богослуженіе съ развитіемъ обрядности дѣлалось все торжественнѣе, но въ тоже время въ немъ все болѣе и болѣе открывалось разныхъ нестроеній, исправленіе которыхъ дѣлалось все болѣе и болѣе настоятельнымъ вопросомъ церковной жизни. При вѣрѣ въ его безусловную обязательность для спасенія души, обря-

довое благочестіе заботилось преимущественно о томъ, чтобы вычитать и пропѣть все, положенное по уставу, но мало обращало вниманія на то, какъ это дѣлалось. Явилось неблагочинное исправленіе церковной службы, порча церковнаго пѣнія, многогласіе въ богослуженіи, происходившее отъ того, что для сокращенія времени службы одинъ читалъ, другой пѣлъ, третій возглашалъ эктенію въ одно и тоже время, такъ что ничего нельзя было понять. Явились и другія неблагочинія въ церквахъ,—разговоры духовныхъ и мірянъ, перебранки, крикъ нищихъ и проч. Произошелъ упадокъ въ искусствѣ пѣнія и чтенія. Вмѣсто прежняго праворѣчія въ пѣніи явилось раздѣльнорѣчіе, растяженія словъ чрезъ измѣненіе полугласныхъ буквъ въ гласныя и черезъ безтолковыя вставки въ слова лишнихъ звуковъ; явилось пѣніе, такъ называемое, хомовое, въ которомъ многія слова трудно было понять; церковные напѣвы испортились такъ, что Геннадій новгородскій не даромъ въ своей грамотѣ къ м. Симону называлъ клиросное пѣніе по церквамъ „озорнымъ". Противъ всѣхъ этихъ нестроеній возставалъ Стоглавъ, писали въ своихъ сочиненіяхъ и грамотахъ пастыри церкви. Замѣчательно однакоже, что самыя наставленія касались больше всего внѣшности богослуженія, опредѣляли разныя обрядовыя дѣйствія священнослужителей, способы обращенія со св. вещами, св. водой, просфорами, занимались подробностями касательно того, какъ совершать земные и поясные поклоны, какъ при этомъ держать руки и ноги, какъ держать губы для цѣлованія креста, иконъ и мощей или для вкушенія просфоры и проч.

Обрядовые споры. Богословская мысль исключительно вращалась въ сферѣ обрядовъ. Въ XV и XVI вв. мы уже ясно можемъ слѣдить за проявленіями того религіознаго настроенія, изъ котораго выродился послѣ расколъ старообрядства; обозначаются и тѣ пункты, которые потомъ вошли въ его ученіе. Въ 1479 г. в. князю наговорили, что при освященіи Успенскаго собора м. Геронтій не по правиламъ ходилъ съ крестами около храма, не *по солнцу*. В. князь осердился, сталъ говорить, что за это Господь пошлетъ гнѣвъ свой. И поднялся споръ о томъ, по солнцу или противъ солнца ходить при освященіи храмовъ. На сторонѣ митрополита стояло большинство духовенства и книжныхъ людей, но такъ какъ противъ него былъ самъ в. князь, то дѣло дошло до того, что митрополитъ даже отказался было отъ каѳедры. Истины такъ и „не обрѣтоша", но в. князь почелъ нужнымъ уступить митрополиту и билъ ему челомъ о возвращеніи на каѳедру.—Въ XVI в. распространилось сильное сомнѣніе о томъ, *двоить* или *троить* *аллилуія*. Въ псковскомъ Евфросиновомъ монастырѣ двоили, прикрываясь авторитетомъ пр. Евфросина. Но

во Псковѣ и въ Новгородѣ этимъ смущались, видя тутъ латинство. Владыка Геннадій нарочно спрашивалъ объ аллилуіи жившаго въ Римѣ ученаго переводчика *Димитрія Герасимова*. Герасимовъ прислалъ отвѣтъ, который никого тогда не могъ удовлетворить, что все равно,—двоить или троить аллилуію; поэтому вопросъ оставался попрежнему спорнымъ и рѣшался одними такъ, другими иначе. Отголосокъ тогдашнихъ споровъ можно видѣть въ житіи пр. Евфросина, написанномъ священникомъ *Василіемъ*. Аллилуіи придается здѣсь необыкновенно важное и странное значеніе божественной тайны воскресенія (аллилуіа, по мнѣнію Василія, значитъ будто бы „воскресе"); сама Богородица является Василію проповѣдовать эту тайну; въ толкованіи этомъ видно полное отсутствіе смысла и самыхъ элементарныхъ религіозныхъ свѣдѣній; троеніе аллилуіи называется жидовствомъ и латинствомъ, даже почтеніемъ языческаго бога, а двоенію приписывается необычайная сила, спасающая человѣка. Стоглавый соборъ однако повѣрилъ этому житію и велѣлъ двоить аллилуію. Кромѣ того онъ ввелъ въ свои опредѣленія высказывавшееся еще раньше его м. Даніиломъ, мнѣніе о *двуперстіи* въ крестномъ знаменіи; вопросъ о томъ, сколькими перстами креститься, казался такой важности, что на троеперстіе изречено даже проклятіе.—При смѣшеніи существеннаго съ несущественнымъ обрядовый религіозный взглядъ простирался и на обыкновенныя житейскія вещи и обычаи; все свое, русское казалось православнымъ, все чужое—еретическимъ и бусурманскимъ. Русскіе носили бороду, и борода стала существенною принадлежностію православія, а *брадобритіе*—латинской ересью. Стоглавъ опредѣлилъ надъ брадобрійцемъ ни отпѣванія, ни сорокоуста не творить, ни просфоры, ни свѣчи по немъ въ церковь не приносить, „съ невѣрными да причтется."

Вліяніе обрядовой религіозности на нравы. Привязанность къ формѣ, обряду отразилась и въ жизни общества. Добродѣтелями времени были частое присутствіе при богослуженіи, строгое соблюденіе постовъ, кромѣ положенныхъ, еще добровольныхъ, обѣтныхъ, напр. по понедѣльникамъ и въ 12 пятницъ, почитаніе св. иконъ и мощей, вклады въ монастыри и церкви, построеніе церквей, путешествіе по св. мѣстамъ, раздача пищи и денегъ бѣднымъ и т. п. Грозный въ своей Александровской слободѣ присутствовалъ на церковныхъ службахъ каждый день и молился до того, что у него дѣлались раны на лбу. Жизнь царя Феодора вся почти проходила въ богослуженіи. Присутствіе на всѣхъ службахъ входило даже въ дворцовый этикетъ. Такую же ревность къ богослуженію оказывали и частные люди. Жизнь благочестиваго человѣка вся строилась по церковному уставу, распредѣленіе времени, пища, одежда, этикетъ общежитія, отношенія между членами семей-

ства — все носило печать религіи. Даже внѣшній видъ русскаго города и селенія показывалъ, что религія господствующая сила въ странѣ; иностранцы видѣли въ русскихъ городахъ множество богатыхъ церквей и монастырей, слышали неумолкаемый звонъ колоколовъ; по всѣмъ улицамъ стояли часовни и иконы съ зажженными предъ ними свѣчами; прохожіе крестились предъ каждой часовней, а иные клали земные поклоны; вездѣ можно было встрѣтить духовенство съ св. водой, крестами, иконами и мощами; весьма часто совершались крестные ходы. Но искреннее религіозное чувство, которое оживляетъ обрядъ и преобразуетъ нравственность человѣка, было мало развито. Среди множества пороковъ и обличеній въ XVI в. подвергалось обличеніямъ и это противорѣчіе между христіанской внѣшностью и нехристіанскими нравами; но даже тѣ самые люди, которые всѣхъ рѣзче обличали обрядовое благочестіе, иногда были самыми типическими его представителями, наприм. Грозный, который предлагалъ такія энергическія обличенія на Стоглавѣ и поучалъ кирилловскихъ монаховъ духовному посту и молитвѣ. Вся жизнь въ его Александровской слободѣ была устроена по монастырскому чину; царь былъ игуменомъ, опричники — братіею съ разными монастырскими должностями келаря, параеклисіарха и проч. Каждый день эта братія упражнялась въ богослуженіи, а въ промежуткахъ между молитвами или страшныя пытки и казни или проявленія грубаго разврата. Достоинство молитвы опредѣлялось не силой душевнаго умиленія, а счетомъ поклоновъ, милосердіе — счетомъ поданныхъ нищему алтыновъ, усердіе къ церкви — числомъ пожертвованій въ монастыри. Выразительнымъ памятникомъ этого благочестія остался *Синодикъ Грознаго*, который онъ послалъ въ Кирилловъ монастырь для вѣчнаго поминовенія, заплативъ за него 2200 рублей; это огромное поминанье въ двухъ тетрадяхъ, въ которыхъ записано 3470 душъ убитыхъ царемъ людей; царь даже и не зналъ всѣхъ ихъ по именамъ, а записывалъ по мѣстамъ огуломъ: помяни, Господи, столько-то убіенныхъ, такъ-то, ихъ же имена Ты самъ, Господи, вѣси.

Господствующіе пороки. Подъ благочестивой внѣшностью въ обществѣ обнаруживалась азіатская грубость нравовъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ видимъ угнетеніе низшихъ высшими, бѣдныхъ богатыми, подчиненныхъ начальствующими. Въ судѣ и управленіи господствовали страшныя пытки и страшныя казни. Неуваженіе къ личности, привычка давать волю рукамъ господствовали одинаково во всѣхъ классахъ общества. Въ разбояхъ, наѣздахъ на чужіе дворы и имѣнія упражнялись самые близкіе люди къ правительству, — опричники. До чего доходила необузданность тайныхъ наѣздовъ, видно изъ того, что опричникъ показывалъ

[illegible] не одна церковь и не одинъ монастырь; въ новгородской волости опричники разломали даже гробъ пр. Саввы Вишерскаго. Существовали грубыя потѣхи, напр. кулачные бои, на которыхъ побивали людей до смерти. Грозный увеселялся травлей людей медвѣдями; тоже дѣлали и другіе сильные люди. Общественныя сходки, пиры и бесѣды рѣдко не оканчивались дракой и даже убійствомъ. До насъ дошло нѣсколько оффиціальныхъ (мировыхъ) грамотъ, въ которыхъ родня убитаго беретъ деньги съ убійцы и за это отказывается отъ суда; одна такая мировая заключена между монастырями Новинскимъ и Кирилловымъ въ убійствѣ крестьянина первымъ. Иностранцы замѣчали въ Русскихъ слабость чувства чести, ложь и обманъ. „Мои русскіе, говорилъ имъ Грозный, всѣ воры". Всякій, приставленный къ какому нибудь дѣлу, старался нажиться отъ него. Стоглавъ возмущался тѣмъ, что даже приставленные къ богадѣльнямъ и тѣ наживались на счетъ милостыни, которую боголюбцы подавали богадѣльнымъ нищимъ. Моралисты вооружались также противъ повальнаго пьянства во всѣхъ сословіяхъ, не исключая даже высшаго духовенства, особенно противъ пьянаго препровожденія праздниковъ и семейныхъ торжествъ. По описанію Стоглава, свадебный поѣздъ напримѣръ совершался пьяной толпой съ дудками и *бубнами*, а впереди ѣхалъ верхомъ священникъ, котораго тоже предварительно напаивали.

Семейная жизнь страдала отъ грубаго, исключительно чувственнаго отношенія половъ, которое обусловливало съ одной стороны легкость семейныхъ нравовъ, съ другой затворничество женщинъ. При взглядѣ на женщину, какъ только на орудіе для чувственнаго наслажденія, для нея оставалось одно изъ двухъ: или крѣпко запереться въ теремѣ, или самой предаться разврату. Статьи о злыхъ женахъ, цѣликомъ и въ отрывкахъ, помѣщались во всѣхъ сборникахъ. Замѣчательно, что семейная жизнь не могла выработать себѣ даже нравственнаго идеала; въ обществѣ оставался одинъ только идеалъ аскетическій, который, не имѣя себѣ противовѣса, естественно доходилъ до отрицанія семейной жизни. Распространялось мнѣніе, что человѣкъ, „съ женою и чады живущій, не можетъ спастися". До насъ дошло замѣчательное житіе русской боярыни XVI в., *Іуліаніи Лазаревской*, написанное въ XVII в. ея сыномъ *Калистратомъ Осорьинымъ*. Оно имѣетъ цѣлію доказать, что и безъ монастыря, живя въ семьѣ, можно угодить Богу, но, не находя другого нравственнаго идеала, кромѣ аскетическаго, рисуетъ въ примѣръ жизнь строгой подвижницы, женщины исключительной въ семейной жизни, даже отрицавшей эту жизнь, по крайней мѣрѣ менѣе всего заботившейся объ ея интересахъ. Выданная за мужъ не по волѣ, она всю жизнь потомъ скорбѣла, что не могла остаться чистою дѣвою и постричься въ монастырѣ,

такъ что мужъ ея, человѣкъ тоже весьма благочестивый, долженъ былъ нарочно добывать для нея книги, въ которыхъ доказывалось, что не спасутъ человѣка ризы черныя безъ добрыхъ дѣлъ и не погубятъ ризы бѣлыя при богоугодной жизни, и уговаривать ее заняться воспитаніемъ дѣтей. Она успокоилась только тогда, когда мужъ, по ея просьбѣ, согласился не имѣть съ ней супружескаго союза. Послѣ его смерти она немедленно поспѣшила исполнить свое всегдашнее желаніе,—постриглась въ монашество (1604 г.)

Остатки язычества. Кромѣ нравственныхъ нестроеній, церковь должна была и теперь еще бороться противъ многихъ остатковъ язычества. Старые боги были уже забыты даже на украйнахъ Руси; борьба противъ чистаго язычества продолжалась только въ средѣ новообращеннаго инородческаго населенія. Но не забывалась языческая обрядность; она вошла въ народную жизнь, въ народныя торжества, сообщала свой характеръ празднованію самыхъ православныхъ торжествъ. Въ 1505 г. игуменъ псковскаго Елеазарова монастыря *Памфилъ* писалъ псковскимъ властямъ, умоляя ихъ прекратить грубый разгулъ купальскаго торжества въ ночь на Рождество Предтечи, совершавшійся съ дикимъ бѣснованіемъ всего города. Въ Стоглавѣ говорится, что вездѣ еще происходили обряды радуницы; на в. четвергъ палили солому и кликали мертвыхъ; въ троицкую субботу мужи и жены сходились на жальникахъ и плакались на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, а потомъ заставляли играть скомороховъ, пѣли и плясали; на Ивановъ день и на Крещенье сходились мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, бѣсовскія пѣсни, плясаніе, а послѣ нощи сей, какъ бѣсные, съ крикомъ купались въ рѣкѣ; въ святки ходили по домамъ съ играми и переряживаньемъ. Соборъ велѣлъ преслѣдовать и разгонять такія сборища.

Въ полной силѣ сохранялась *вѣра въ волшебство*. Къ его силѣ прибѣгали не только простолюдины, но даже княжескія семьи. Супруга в. кн. Василія, несчастная Соломонія, думала чрезъ знахарей избавиться отъ неплодія. Самъ Василій, женившись на Еленѣ Глинской, призывалъ къ себѣ вѣдуновъ, чтобы они помогли ему произвести потомство. Грозный тоже совѣтовался съ волхвами, хотя иногда жестоко казнилъ ихъ. О Годуновѣ извѣстно, что онъ изъ многихъ городовъ призывалъ къ себѣ знахарей и получилъ отъ нихъ предсказаніе, что будетъ 7 лѣтъ царствовать. При воцареніи его русскіе люди присягали: „надъ государемъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить, зелья лихаго и кореньевъ не давать, слѣду не вынимать, по вѣтру лиха не насылать“ и проч. Народъ прибѣгалъ къ вѣдунамъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенныя человѣческія средства казались недостаточными.

Народная медицина вся состояла изъ заговоровъ и кудесническихъ средствъ. Народныя бѣдствія тоже приписывались вѣдовству, и средствомъ къ устраненію ихъ было вѣдовство же. Къ вѣдунамъ прибѣгали жены для привораживанія мужей, мужья для открытія невѣрности женъ, хозяева для отысканія вора, воры для удачи въ кражѣ, промышленникъ для удачи въ промыслѣ, позванный на судъ для преклоненія на милость судьи. И на всѣ случаи существовало множество заговоровъ, кореньевъ, зелій и др. кудесническихъ средствъ. Духъ кудесничества проникалъ въ самое христіанство народа. Заговоры получали христіанскую форму, замѣнивъ въ своихъ воззваніяхъ имена языческихъ силъ именами святыхъ; съ другой стороны нѣкоторыя христіанскія молитвы превращались въ заговоры чрезъ сообщеніе имъ въ народномъ сознаніи кудеснической силы; ихъ носили на шеѣ, хранили въ домахъ, какъ талисманы, употребляли въ колдовствѣ. Кудесничество пользовалось для своихъ цѣлей даже свящ. предметами, напр. просвирни наговаривали надъ просфорами, „якоже арбуи въ Чуди“, по замѣчанію Стоглава; священники клали подъ престолъ четверговую соль, потомъ продавали ее на врачеваніе людямъ и скотамъ, продавали мыло отъ освященія церкви, клали на 6 недѣль на престолъ дѣтскій послѣдъ (сорочки). Полуязыческое настроеніе религіознаго сознанія допускало множество *суевѣрій*, *примѣтъ* и *гаданій*. Въ природѣ видѣли дѣйствія водяныхъ, лѣшихъ и другихъ существъ, о которыхъ подсказывала языческая память. Ходили по рукамъ разныя гадальныя тетради—Рафли, Аристотелевы врата, Шестокрылъ. Съ XVI в. съ запада перешли къ намъ астрологическія гаданія, помѣщавшіяся въ Остронумѣяхъ, Зодіяхъ, Алманахахъ. Въ большомъ ходу были статьи о часахъ добрыхъ и злыхъ.

Отреченныя книги. Многія изъ этихъ суевѣрій, тетрадокъ и статей заносились въ списокъ отреченныхъ книгъ, который значительно увеличился по объему. Масса апокрифовъ едвали даже не превышала массу книгъ истинныхъ. Къ болгарскимъ, греческимъ и доморощеннымъ апокрифамъ присоединились еще апокрифическія сочиненія запада. Въ XVI вѣкѣ переведенъ съ латинскаго или нѣмецкаго языка „Луцидаріусъ“, заключавшій въ себѣ цѣлую энциклопедію свѣдѣній о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, животныхъ, народахъ, странахъ и проч., въ которую вошли разнородные матеріалы изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, алманаховъ, гадальныхъ книгъ и народныхъ преданій. Запрещенія отреченныхъ книгъ (въ Просвѣтителѣ, Домострое, Стоглавникѣ) дѣйствовали плохо. Даже лучшіе пастыри церкви не всегда могли отличить истинную книгу отъ ложной. Апокрифическія сказанія и ссылки на нихъ встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ м. Даніила, въ сборникахъ м. Макарія, въ опредѣленіяхъ Стоглава, даже у Максима Грека. Кн.

Курбскій рѣзко замѣчаетъ объ учителяхъ своего времени, что они занимались не столько истинными писаніями, сколько бабьими бреднями и болгарскими баснями. Для искорененія апокрифовъ и суевѣрій мало оказывалось однихъ запрещеній; нужно было возвысить въ народѣ уровень религіознаго образованія, который стоялъ тогда очень низко.

Просвѣтительное движеніе XVI вѣка.

Недостатокъ просвѣтительныхъ средствъ и памятниковъ литературы до XVI в. Вопросъ о религіозномъ образованіи былъ однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ этого обильнаго вопросами времени. Когда почувствовалась нужда во всякаго рода исправленій, оказалось, что общество не имѣло и средствъ выйти изъ своего тяжелаго положенія. Школы закрылись даже въ новгородскомъ краѣ, сравнительно болѣе образованномъ. Владыка Геннадій писалъ м. Симону горькую жалобу на невѣжество духовенства своей епархіи: „Приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я велю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему Псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова, не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ... пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ; ты говоришь ему то, а онъ—другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь... Мужики невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только рѣчь имъ портятъ, а за ученіе вечернѣ принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже и больше, за часы особо, а отъ мастера отойдетъ,—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ“. Владыка просилъ завести повсюду школы, въ которыхъ учили бы грамотѣ и Псалтири. Ограниченность этой программы хорошо показываетъ, до чего дошла необразованность духовенства. Едва ли не единственнымъ источникомъ образованія для желающихъ оставались монастырскія библіотеки, но онѣ были мало доступны не только для свѣтскихъ лицъ, но и для бѣлаго духовенства. Поэтому большинству церковныхъ учителей, при всемъ желаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ просвѣтиться, приходилось почерпать свои свѣдѣнія случайно, откуда и какъ попало, безъ всякой критики. Церковная проповѣдь тоже замолкла и была, разумѣется, только отчасти, замѣняема учительными посланіями церковныхъ дѣятелей (мм. Іоны, Ѳеодосія, Филиппа, архіепископа Вассіана и др.) о разныхъ предметахъ. Въ церквахъ читались только готовыя поученія изъ Пролога, толковаго Евангелія, Златоустника и пр. Вмѣсто живыхъ поученій, которыхъ

не умѣли составлять, явились формы поученій на разные необходимые случаи, напр.: Поученіе княземъ, егда пойдутъ на войну, Поученіе отъ митрополита къ князю цареву, Посланіе митрополита о утѣшеніи женѣ о мужѣ умершемъ и т. п. Эти образцовыя поученія заимствовались у прежнихъ проповѣдниковъ, напр. у м. Фотія.—Изъ другихъ произведеній литературы до XVI в. обращаютъ на себя вниманіе только нѣкоторыя житія святыхъ. Пахомій Сербъ продолжалъ свои витійственныя передѣлки русскихъ житій. Въ Новгородѣ явилось житіе или воспоминаніе неизвѣстнаго о владыкѣ Іонѣ; старецъ *Паисій Ярославовъ* написалъ Сказаніе о Каменномъ монастырѣ, соловецкій игуменъ *Досиѳей*—житія соловецкихъ чудотворцевъ, въ XVI в. передѣланныя и украшенныя, инокъ *Иринархъ*—житіе Діонисія Глушицкаго, архіеп. *Вассіанъ Рыло* - житіе Пафнутія Боровскаго и проч. Отъ XV в. дошло до насъ еще курьезное по своей дѣтской простотѣ описаніе путешествія по св. мѣстамъ Палестины гостя *Василія*.

Ересь жидовствующихъ. Первымъ возбудительнымъ толчкомъ, послѣ котораго началось просвѣтительное движеніе въ церкви, была *ересь жидовствующихъ*, распространившаяся въ концѣ XV в. въ Новгородѣ. Ее принесъ сюда изъ Литвы еврей *Схарія*, замѣчательный ученый, знакомый съ астрологіей и каббалистикой. Ученіе ея состояло въ отрицаніи догматовъ о Троицѣ, о божествѣ І. Христа и искупленіи, въ предпочтеніи Ветхаго Завѣта Новому, въ отрицаніи соборовъ и писаній отеческихъ, почитанія св. мощей и иконъ, всей вообще церковной обрядности и таинствъ и въ отверженіи монашества, какъ образа жизни противнаго природѣ. Къ этой смѣси жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ примѣшивались еще разныя отрицательныя мнѣнія практическаго характера, которыя привлекали къ ней особенно много горячихъ и недовольныхъ людей; къ кружку еретиковъ примыкали и лица бѣлаго духовенства, недовольныя владыками, и безвотчинные монахи, негодовавшіе на богатыхъ монаховъ вотчинниковъ, и бояре, недовольные князьями, и разные другіе люди, которыхъ что-нибудь непремѣнно надобно было обличать и исправлять. Въ Новгородѣ ересь нашла себѣ хорошую почву, подготовленную еще стригольниками. Первыми прозелитами Схаріи были священники *Діонисій* и *Алексѣй*, софійскій протопопъ *Гавріилъ* и самые образованные люди изъ жителей. Еретики отличались наружнымъ благочестіемъ, ученостью, имѣли много книгъ, какихъ не было у православныхъ, и легко увлекали послѣднихъ искусными спорами. Изъ Новгорода ересь перенеслась на Бѣлоозеро и въ вологодскіе лѣса, гдѣ нашла себѣ хорошій пріютъ въ тамошнихъ бѣдныхъ скитахъ и монастыряхъ; потомъ пере-

несена была и въ Москву. Въ 1480 г. Новгородъ посѣтилъ в. князь; попы Діонисій и Алексѣй такъ ему понравились, что онъ взялъ ихъ съ собой въ Москву и сдѣлалъ одного архангельскимъ, другаго успенскимъ протопопами. Въ Москвѣ вольныя мнѣнія и рѣзкія отрицательныя сужденія еретиковъ, особенно противъ монастырскихъ вотчинъ, пришлись по душѣ многимъ изъ высшаго боярства. Других увлекали таинственныя астрологическія, каббалистическія и под. знанія, которыя приписывала себѣ ересь. Вскорѣ она пріобрѣла себѣ весьма вліятельныхъ и полезныхъ для себя послѣдователей и покровителей при дворѣ и въ администраціи, въ числу которыхъ относились невѣстка в. князя *Елена*, супруга сына его *Іоанна молодаго*, наслѣдника престола, дьякъ *Ѳедоръ Курицынъ* съ братомъ *Иваномъ Волкомъ* и нѣсколько членовъ высшихъ боярскихъ фамилій.

Первый обратилъ вниманіе на ересь владыка Геннадій, узнавши объ ней отъ какихъ-то принадлежавшихъ къ ней пьяныхъ поповъ. Онъ тотчасъ пустилъ дѣло въ розыскъ, успѣлъ захватить нѣсколько еретиковъ, ихъ книги и тетради и обо всемъ донесъ въ Москву в. князю и митрополиту. Но въ Москвѣ не обратили надлежащаго вниманія на его донесеніе; м. Геронтій былъ человѣкъ престарѣлый, находился съ Геннадіемъ не въ ладахъ, былъ кромѣ того въ немилости у в. князя и потому не принялъ никакихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что еретиковъ поддерживала сильная придворная партія. А по смерти Геронтія (1489 г.) еретики успѣли возвести на митрополію одного изъ своихъ собратій, монаха либерала и гуляку, чудовскаго архимандрита *Зосиму*. Геннадій все-таки не переставалъ убѣждать в. князя принять участіе въ дѣлѣ, указывая ему между прочимъ на примѣръ короля испанскаго, который всю свою землю отъ еретиковъ очистилъ. Посланіями къ в. князю, митрополиту и архіереямъ ему удалось сообщить этому дѣлу такую гласность, что наконецъ самъ Зосима долженъ былъ (въ 1490 г.) созвать соборъ, который и предалъ еретиковъ проклятію. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, которыхъ нельзя уже вовсе было укрыть, сосланы въ ссылку, а нѣкоторые (изъ новогородскихъ бѣглецовъ) были отосланы къ Геннадію. Владыка предалъ ихъ публичному позору, — велѣлъ возить по улицамъ Новгорода на клячахъ, лицемъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ шлемахъ и соломенныхъ вѣнцахъ, съ надписями: „се есть сатанино воинство!“ а въ заключеніе шлемы на нихъ зажечь.

Но позоромъ ересь не была ослаблена; скоро она нашла случай даже къ новому торжеству. Прошелъ 1492 годъ, которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ и который народъ проводилъ въ страшной тревогѣ отъ ожиданія кончины міра. Еретики стали смѣяться надъ православными, стали ругаться надъ ихъ книгами,

на которыхъ были основаны ожиданія кончины, надъ воскресеніемъ мертвыхъ и надъ самимъ Христомъ, отъ чего де Онъ не явился судить живыхъ и мертвыхъ. Самымъ сильнымъ ругателемъ былъ м. Зосима. Геннадій усилилъ свою дѣятельность; вмѣстѣ съ Филоѳеемъ псковскимъ онъ продолжилъ пасхалію на 70 лѣтъ осьмой тысячи. Послѣ (1539 г.) она была еще продолжена на всю 8-ю тысячу новгородскимъ священникомъ Агаѳономъ. Вмѣстѣ съ Геннадіемъ противъ ереси энергично дѣйствовалъ Іосифъ Волоцкій, разсылая противъ нея свои посланія къ разнымъ русскимъ епископамъ, къ в. князю и духовнику его, архимандриту *Митрофану*. Послѣ такого разглашенія о еретичествѣ митрополита поддерживать его стало нерасчетливо для самихъ еретиковъ; въ 1494 г. онъ долженъ былъ оставить митрополію „не своею волею" за пьянство и нерадѣніе о церкви. Но у еретиковъ оставались еще сильные покровители; Курицынъ и Елена, сынъ которой Димитрій по смерти Іоанна молодого († 1490), вслѣдствіе размолвки в. князя съ своей супругой Софіей, былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, помимо сына в. князя отъ Софіи, *Василія Іоанновича*. Дѣйствуя противъ ереси, Геннадій и Іосифъ естественно должны были стать на сторонѣ придворной партіи, противной Еленѣ и Димитрію, партіи в. княгини *Софіи* и *Василія*. Въ 1502 г. эта партія осилила первую; в. князь возложилъ опалу на своего внука и Елену и приблизилъ къ себѣ сына. Съ этого же времени начинается и паденіе ереси. Получивъ доступъ ко двору, Іосифъ настойчиво уговаривалъ в. князя предать еретиковъ градскимъ казнямъ. В. князь долго не соглашался на это, потому что касательно этого предмета возникъ споръ между самимъ духовенствомъ. Строгій Іосифъ доказывалъ, что не слѣдуетъ щадить даже кающихся еретиковъ, такъ какъ вынужденное и лицемѣрное раскаяніе ихъ не есть раскаяніе, что ихъ слѣдуетъ неисходно держать въ темницѣ, дабы не прельщали другихъ, и не давать имъ причастія до смерти, какъ отступникамъ отъ вѣры. Противъ его мнѣнія, кромѣ самихъ еретиковъ, возставали бѣлозерскіе старцы, доказывавшіе напротивъ, что кающихся еретиковъ должно немедленно принимать въ церковь и удостоивать причащенія, и совершенно отрицавшіе смертныя казни за ересь. Между тѣмъ Геннадій лишенъ былъ каѳедры, вѣроятно не безъ содѣйствія еретиковъ. Наконецъ уже въ 1504 г. мнѣніе Іосифа восторжествовало; еретики были осуждены на соборѣ и главные изъ нихъ сожжены, другіе разосланы по монастырямъ.

Просвѣтительная дѣятельность св. Геннадія и пр. Іосифа. Борьба съ еретиками явила людей искусныхъ въ вѣрѣ, возбудила сильную нужду въ просвѣщеніи и подняла разные вопросы о современныхъ нестроеніяхъ въ церкви. Геннадій первый заговорилъ

о заведеніи школъ, потому что, отыскивая себѣ помощниковъ въ борьбѣ съ ересью, не нашелъ въ своемъ духовенствѣ ни одного образованнаго человѣка, кромѣ Іосифа; всю эту борьбу они должны были поэтому выносить только вдвоемъ. Заслуги Геннадія состояли въ первоначальномъ обличеніи ереси посланіями, въ расчисленіи пасхаліи и въ трудахъ по переводу и собиранію книгъ св. Писанія. До его времени у насъ не было даже полной Библіи; св. Писаніе было распространено только въ отрывкахъ и отдѣльныхъ книгахъ, и то весьма мало. Даже въ софійской библіотекѣ, одной изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи, не нашлось книгъ Бытія, Царствъ, Пророковъ, Притчей и Іисуса сына Сирахова; Геннадій долженъ былъ посылать за ними въ монастыри Кирилловъ, Ѳерапонтовъ и Каменный. Еретики искажали псалмы, а у православныхъ не оказывалось ни одного надежнаго списка Псалтыри, не смотря на всю важность этой книги въ богослуженіи и въ первоначальномъ обученіи. Геннадій первый озаботился составленіемъ полнаго списка Библіи (написанъ въ 1499 г.), но всѣхъ книгъ ея такъ и не могъ собрать въ Россіи и вынужденъ былъ пополнять свой списокъ выборками текстовъ изъ разныхъ толкованій св. книгъ и переводами съ Вульгаты. Съ Вульгаты переведены были: Паралипоменонъ, Ездра, Неемія, Товитъ, Іудиѳь, книга премудрости Соломона, 1 и 2 книги Маккавейскія (3 книга вовсе не была переведена) и часть книги Есѳири; изъ нея же и изъ нѣмецкой Библіи взяты предисловія къ книгамъ и раздѣленія на главы.

Важнѣйшіе просвѣтительные *труды Іосифа* тоже вызваны были ересью. Онъ, какъ и Геннадій, очень много занимался собираніемъ и перепиской книгъ и положилъ основаніе обширной волоколамской библіотекѣ. Противъ жидовствующихъ онъ написалъ капитальное богословское сочиненіе, подобнаго которому не бывало еще въ Россіи, извѣстное подъ именемъ „Просвѣтителя“. Такъ какъ еретики задѣвали почти всѣ важнѣйшіе догматы православія, то „Просвѣтитель“ представляетъ собою почти полное изложеніе истинъ православной вѣры, первое русское богословіе, въ которомъ сведены были догматическія свидѣтельства всѣхъ извѣстныхъ тогда на Руси писателей церкви. Изъ практическихъ вопросовъ, поднятыхъ ересью, Іосифъ особенно занимался вопросомъ о монашествѣ. Уставъ или духовная грамота Іосифа, его Сказаніе о святыхъ отцахъ монастырей русскихъ, 11-е слово Просвѣтителя и нѣкоторыя посланія были прямо направлены къ тому, чтобы съ одной стороны защитить монашество отъ еретиковъ, а съ другой подробными правилами и указаніемъ примѣровъ поднять колеблющуюся нарушеніями монастырскую нравственность. Далѣе, такъ какъ вопросъ о монастырской нравственности давно уже соединялся съ вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ, то Іосифу пришлось защи-

ся и этимъ вопросомъ, вносить въ защиту монастырскихъ вотчинъ. Кромѣ еретиковъ, противъ владѣнія монастырей вотчинами, какъ мы видѣли, былъ пр. Нилъ съ послѣдователями, подавшій свой голосъ на соборѣ 1503 года. Защищая монастырскую собственность противъ еретиковъ, пр. Іосифъ долженъ былъ возстать и противъ мнѣнія пр. Нила. На соборѣ 1503 г. онъ одержалъ верхъ, но споръ о монастырскихъ вотчинахъ не кончился ни тогда, ни послѣ смерти пр. Нила.

Споръ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Самымъ горячимъ противникомъ іосифлянъ явился князь-инокъ *Вассіанъ Косой*, по міру кн. *Василій Патрикеевъ*, бывшій однимъ изъ вождей боярской партіи приверженцевъ Елены и Димитрія и постриженный насильно во время придворнаго переворота въ пользу Софіи и Василія. Сосланный на Бѣлоозеро и будучи естественнымъ врагомъ всѣхъ іосифлянъ по своимъ боярскимъ счетамъ и тенденціямъ, онъ тѣсно примкнулъ здѣсь къ партіи бѣлозерскихъ старцевъ и съ гордостію сталъ выдавать себя за ученика пр. Нила, на котораго впрочемъ нимало не походилъ. По характеру онъ остался тѣмъ же высокоумнымъ, заносчивымъ бояриномъ, „говоритъ Горскій", какимъ былъ и до постриженія. Прежде онъ высокоумничалъ относительно политическихъ вопросовъ, за что и былъ наказанъ Іоанномъ; теперь перенесъ свое высокоумничанье на церковную жизнь, въ которой тоже находилъ все не по себѣ. Полемика противъ монастырскихъ вотчинниковъ разъ подходила къ его боярской точкѣ зрѣнія на вотчинное владѣніе, а среди бѣлозерскихъ старцевъ онъ могъ найти сколько угодно матеріаловъ для своей охоты горячиться и резонировать по этому вопросу. Онъ написалъ противъ Іосифа три горячихъ сочиненія: „Слово объ иноческомъ житіи" съ предисловіемъ, „Собраніе на Іосифа отъ словъ Никона Черногорца" и „Собраніе отъ разныхъ книгъ" въ формѣ діалога съ Іосифомъ, въ которыхъ онъ старался выставить въ самыхъ яркихъ чертахъ всѣ язвы современнаго монашества, происходившія отъ вотчиннаго владѣнія,—роскошь, кляузы по судамъ, попрошайство, угодничество предъ сильными людьми, притѣсненіе монастырскихъ крестьянъ обремененіями, лихвой и истязаніями за долги и недоимки. Самого Іосифа онъ называетъ здѣсь учителемъ беззаконія, законопреступникомъ, даже антихристомъ. Мысли свои о монастырскихъ вотчинахъ онъ постарался провести еще въ составленномъ имъ по порученію м. Варлаама спискѣ Кормчей (1517 г.). Для этого онъ выкинулъ изъ этого списка всѣ мѣста въ пользу монастырскихъ вотчинъ, какъ противныя Евангелію и св. отецъ жительству, и внесъ напротивъ новыя статьи въ подтвержденіе своего взгляда на дѣло, наприм. свидѣтельство Максима Грека о томъ, что аѳонскіе монастыри

не имѣютъ мірскихъ служителей, переведенныя Максимомъ новыя толкованія (Вальсамона) нѣкоторыхъ правилъ и собственную статью „Собраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія", въ которой несправедливо доказывалъ, что древніе иноки никогда не имѣли селъ и что въ правилахъ, гдѣ говорится о селахъ (т. е. имѣніяхъ населенныхъ), по греческому тексту, какъ объяснялъ будто бы Максимъ, разумѣются имѣнія только ненаселенныя.

Вассіану приписывается еще одно замѣчательное сочиненіе XVI в. противъ монастырскихъ вотчинъ, написанное кѣмъ нибудь изъ представителей боярской партіи и содержащее въ себѣ апокрифическую бесѣду Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ о нестроеніяхъ послѣдняго времени. Это смѣлый и дерзкій памфлетъ противъ духовныхъ властей и монаховъ вотчинниковъ, изображающій страданія, поты и слезы ихъ крестьянъ и ихъ собственное жестокосердіе, попрошайство, изнѣженность, пьянство, роскошь и пр. Въ раздачѣ монастырямъ вотчинъ авторъ видитъ простоту и малосмысліе царей, которымъ Господь повелѣлъ владѣть свою власть надъ землею съ своими пріятелями,—князьями и боярами, а не съ непогребенными мертвецами,—монахами, видитъ даже ересь новую и признакъ близкой кончины міра. Въ царствованіе Грознаго тѣже мысли о церковныхъ вотчинахъ развивалъ еще другой представитель боярскихъ идей, кн. Курбскій въ своей исторіи Іоанна, гдѣ онъ постоянно расхваливаетъ заволжскихъ нестяжателей и бранитъ прегордыхъ и прелукавыхъ іосифлянъ, соперничавшихъ въ владѣніи землей и во вліяніи на государственныя дѣла съ боярами.

Кромѣ вопроса о монастырскихъ вотчинахъ, обѣ монашескія партіи непримиримо сталкивались и по другимъ современнымъ вопросамъ. Полемика между ними коснулась вопроса о вдовыхъ попахъ, при чемъ Іосифъ настаивалъ на отлученіи ихъ отъ службы, а Вассіанъ доказывалъ противное, и о казни еретиковъ. Около 1511 года явилось посланіе отъ имени бѣлозерскихъ старцевъ, въ которомъ заключалось полное опроверженіе Іосифова мнѣнія о казни еретиковъ. Думаютъ, что и оно написано было Вассіаномъ, который всегда былъ заступникомъ за еретиковъ и самъ былъ не чуждъ ихъ вольномыслія. Посланіе приводитъ многіе примѣры милосердія изъ св. Писанія; на положеніе Іосифа, что убить еретика руками или умертвить, какъ апостолъ Симона волхва, молитвою, — все равно, посланіе отвѣчаетъ: „и ты, господине Іосифе, сотвори молитву, чтобы еретиковъ пожрала земля... Преразумѣй же, яко много разни промежъ Моисея и Иліи и Петра и Павла, да и тебя отъ нихъ". Несогласія между обѣими партіями дошли до того, что предъ своею кончиною (1515 г.) Іосифъ заповѣдалъ своей братіи не имѣть никакого общенія съ

учениками Нила и Вассіана; Вассіанъ съ своей стороны говорилъ, что іосифлянъ онъ и въ келью къ себѣ не пускаетъ и никакого общенія имѣть съ ними не желаетъ. Явилось особое посланіе, неизвѣстно чье и къ кому, которое излагаетъ причины „нелюбки“ между партіями и поучительно заключаетъ: „Всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе“.

По смерти Іосифа лучшимъ представителемъ іосифлянъ остался ученикъ и преемникъ Іосифа по игуменству, митрополитъ *Даніилъ*, раздѣлявшій всѣ взгляды своего учителя, такой же начитанный, какъ тотъ, краснорѣчивый проповѣдникъ и плодовитый писатель, оставившій послѣ себя до 36 словъ и посланій. Большая часть ихъ вошла въ составъ двухъ сборниковъ, изъ которыхъ одинъ изъ 16 словъ противъ современнаго вольнодумства и нравственныхъ нестроеній общества составленъ самимъ Даніиломъ въ подражаніе Просвѣтителю, другой содержитъ 12 посланій его къ разнымъ лицамъ и монастырямъ правоучительнаго содержанія. Всѣ эти сочиненія, особенно слова, представляютъ собою еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ слова Просвѣтителя, обширные своды выписокъ изъ разныхъ „божественныхъ писаній“. Самостоятельная работа автора проявляется здѣсь только въ небольшихъ сравнительно вступленіяхъ къ словамъ и ихъ заключеніяхъ. Не смотря впрочемъ на эту сравнительно небольшую ихъ величину и на страсть автора къ фальшивому риторству, которую Даніилъ раздѣлялъ со всѣми современными писателями, эти самостоятельныя мѣста его словъ и посланій представляютъ собою замѣчательно полную и живую картину современныхъ ему нравовъ, цѣлый рядъ выразительныхъ и весьма сильныхъ обличеній противъ тогдашняго шатанія умовъ и господствующихъ пороковъ во всѣхъ классахъ общества. О богословскихъ его познаніяхъ и начитанности въ писаніяхъ, хотя и не отличавшейся особенной критикой, его ученый современникъ Максимъ сдѣлалъ самый лестный отзывъ, назвавъ его въ одномъ своемъ посланіи къ Николаю Нѣмчину „докторомъ закона Христова“. Но ревность его за цѣлость преданій старины и за торжество іосифлянскихъ идей довела его до того, что во время своего митрополитскаго служенія онъ явился гонителемъ самого Максима Грека.

Максимъ Грекъ, аѳонскій монахъ, родомъ изъ Албаніи, получившій обширное образованіе въ Венеціи и Флоренціи, современникъ и почитатель знаменитаго Іеронима Савонароды, пріѣхалъ въ Москву въ 1518 г., будучи вызванъ для пересмотра богатой книжеской библіотеки и перевода греческихъ книгъ, какія въ ней находились. Пріѣздъ его сообщилъ тогдашнему просвѣтительному движенію въ русскомъ обществѣ еще большее оживленіе. Прежде

всего онъ занялся переводами: перевелъ съ греческаго толковую Псалтирь, — сводное толкованіе разныхъ отцевъ церкви; потомъ переводилъ толкованіе на книгу Дѣяній, бесѣды Златоуста на Евангелія Матѳея и Іоанна, житіе Богородицы изъ Метафраста, выписки изъ пророковъ съ толкованіями, нѣсколько главъ 2 книги Ездры, Даніила и Есѳири. Кромѣ переводовъ онъ писалъ еще толкованія на разные трудные тексты, о смыслѣ которыхъ его спрашивали. Такая односторонняя, исключительно ученая дѣятельность его продолжалась впрочемъ недолго. Сдѣлавшись авторитетомъ современнаго общества, онъ невольно долженъ былъ прислушиваться ко всему, что около него дѣлалось, и на все отзываться живымъ словомъ.

Полемическіе труды Максима. Остатки ереси жидовствующихъ вызвали съ его стороны нѣсколько сочиненій противъ іудейства. Частыя сношенія Россіи съ Армянами по торговлѣ заставили его написать слово „на армянское зловѣріе". Въ своемъ „Словѣ на агарянскую прелесть и скверного пса Моамеда" и въ „Отвѣтахъ противъ агарянъ" онъ далъ образцы противомухаммеданской полемики, написанные впрочемъ въ крайне раздражительномъ духѣ, явно подъ живыми впечатлѣніями страданій его родины отъ турецкаго деспотизма. Есть у него также сочиненіе „на люторы", въ которомъ онъ защищаетъ догматъ иконопочитанія. Но главное мѣсто между его полемическими сочиненіями занимаютъ слова *противъ латинянъ*, имѣвшія тогда особенно важное значеніе для русскаго общества, такъ какъ со времени Іоанна III начались особенно живыя сношенія Россіи съ западомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ особенною силою стали дѣйствовать на нее соблазны латинской пропаганды. Въ 1519 г. папа Левъ X завелъ съ в. кн. Василіемъ переговоры объ уніи чрезъ своего агента *Николая Шомберга*, имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ въ Москвѣ въ кругу бояръ. Кромѣ него въ пользу уніи съ Римомъ дѣйствовалъ тогда еще врачъ *Николай Булевъ* или *Люевъ*, извѣстный больше подъ именемъ *Николая Нѣмчина*; онъ между прочимъ училъ Русскихъ астрологіи. — Въ своихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ Максимъ имѣлъ въ виду преимущественно Николая Нѣмчина. Противъ римской церкви онъ возставалъ съ такою же горячностью, какъ и всѣ его предшественники по полемикѣ съ латинствомъ, подводя латинянъ подъ анаѳему, какъ еретиковъ, нарушителей апостольскихъ и отеческихъ постановленій, и даже какъ безбожниковъ.

Обличенія Максима противъ суевѣрій. Въ религіозной жизни самихъ Русскихъ Максимъ выступилъ на борьбу противъ множества суевѣрій и апокрифовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ первый отнесся къ нимъ критически, — не довольствуясь одними

голословнымъ осужденіемъ ихъ, разбиралъ ихъ внутреннее содержаніе и несогласіе съ ученіемъ церкви. Сюда относятся: его посланіе о постѣ въ понедѣльникъ, разборъ сказанія объ Іудѣ, обличеніе на сказаніе Афродитіана Перса о рождествѣ Христовомъ, противъ глаголющихъ — „Христа во священство поставили“, къ глаголющимъ, „яко всю свѣтлую седмицу солнце не зайде“, противъ вѣры, что „погребенія ради убитаго и утопленнаго бываютъ стужи“, о рукописаніи, которое будто бы Адамъ далъ дьяволу. Максимъ разобралъ такъ же Луцидаріусъ и рѣшилъ, что это не Луцидарій, а Тенебрарій, котораго нужно избѣгать, какъ гаггрены. Его сильно возмущало распространеніе въ Россіи знакомыхъ ему еще по Италіи астрологическихъ суевѣрій. Въ своей полемикѣ противъ астрологіи онъ преимущественно опровергалъ Николая Нѣмчина, увлекшаго ею дьяка в. князя *Мисюря Мунехина*, боярина *Карпова* и еще какого-то игумена. Въ астрологическихъ бредняхъ Николая Нѣмчина нашло себѣ отголосокъ знакомое намъ ожиданіе скорой кончины міра, не пропавшее и послѣ 1492 года. Распространилось мнѣніе, которое высказывается въ лѣтописяхъ и въ замѣчательныхъ посланіяхъ псковскаго елеазаровскаго монаха *Филоѳея* къ в. кн. Василію и дьяку Мисюрю Мунехину, что Москва есть послѣднее апокалипсическое царство, третій Римъ, а четвертому уже не быть. Николай Нѣмчинъ писалъ Мунехину, что въ 1524 г. будетъ странамъ и царствамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ, бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ земнороднымъ несумнѣнное премѣненіе. Въ своихъ сочиненіяхъ о звѣздочетной прелести Максимъ излагаетъ исторію астрологіи, выводя ее изъ Халдеи и Египта, описываетъ увлеченіе ею въ Италіи, разсказываетъ случаи, гдѣ ея предсказанія оказались ложными, и противополагаетъ ей православное ученіе о Промыслѣ и свободѣ человѣка.—Въ разныхъ сочиненіяхъ онъ обличалъ и другія русскія суевѣрія, вѣру во встрѣчи, колдовство и т. п., указывалъ и средство освободиться отъ нихъ,—образованіе чрезъ сближеніе съ просвѣщенными народами запада; но при этомъ предостерегалъ русскихъ людей отъ схоластической философіи, обоготворенія Аристотеля и Платона, какое видѣлъ въ Италіи, и отъ тогдашняго крайняго увлеченія запада классическою мудростью. На науку онъ смотрѣлъ исключительно съ религіозной точки зрѣнія, какъ на служительницу вѣры, и въ образецъ научныхъ изслѣдованій ставилъ творенія Іоанна Дамаскина.

Обличенія Максима противъ современныхъ нравовъ. Во многихъ сочиненіяхъ Максимъ касался и нравственныхъ нестроеній русскаго общества. Онъ обличалъ въ нихъ современныя ему распри, придворныя смуты, неправый судъ, притѣсненія сильными

слабыхъ, пьянство, развратъ и проч. Будучи пораженъ противорѣчіемъ между внѣшнею набожностію и нравственной жизнью русскаго народа, онъ выставлялъ эту черту общественной религіозности съ особенною рѣзкостію, напр. въ „Сказаніи живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами молящимся по вся дни, чающимъ спасеніе получити“, и въ „Словесахъ, аки отъ лица преев. Богородицы, къ лихоимцамъ и сквернымъ и всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими различными пѣсньми угождати чающимъ“. Онъ обличалъ тѣхъ, которые не ѣли мяса въ понедѣльникъ, а по цѣлымъ днямъ пьянствовали, соблюдали всѣ посты—и терзали бѣдныхъ подручниковъ. Замѣчательно его слово по поводу большаго пожара въ Твери „О томъ, какія рѣчи ревлъ бы къ Содѣтелю всѣхъ епископъ тверскій, сожжену бывшу соборному храму и всему дому его, и како отвѣщаетъ ему Господь“. Епископъ Акакій въ этомъ словѣ представленъ жалующимся, за что пришолъ на него и на Тверитянъ гнѣвъ Божій, когда онъ совершалъ всѣ дѣла благочестія; Господь отвѣчаетъ на это, что люди всего болѣе прогнѣвляютъ Его своимъ фарисействомъ, предлагая Ему доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ, многоцѣнное иконъ украшеніе, мγръ благоуханіе, златые вѣнцы, и въ тоже время не милуя нищихъ и сиротъ, не отставая отъ неправдъ и лихвъ, пьянства, языческихъ обычаевъ и пр. Подобныя обличенія должны были сильно задѣвать патріотическое чувство Русскихъ и вооружать ихъ противъ смѣлаго пришельца, тѣмъ болѣе, что немногіе могли и понимать настоящій смыслъ этихъ обличеній, а скорѣе склонялись къ тому, чтобы видѣть въ нихъ нѣчто въ родѣ стригольничества или жидовства. Въ „Словѣ къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины и идти въ иноческое житіе“ онъ обратилъ вниманіе на обрядовый взглядъ Русскихъ на монашество, доказывалъ, что можно удаляться отъ міра и въ бѣлеческомъ чинѣ. Обличенія его противъ современныхъ монаховъ должны были невольно втянуть его въ тогдашній споръ іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами.

Участіе Максима въ споръ іосифлянъ съ ихъ противниками. Съ самаго же начала онъ всталъ на сторону бѣлозерскихъ иноковъ, на сторонѣ которыхъ стоялъ и тогдашній м. Варлаамъ. Онъ близко сошелся съ главнымъ борцомъ противъ іосифлянъ, княземъ-инокомъ Вассіанномъ и пустился заодно съ нимъ обличать монаховъ-стяжателей. Въ своемъ „Стязаніи о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ“ онъ изложилъ свои мысли о монастырскихъ вотчинахъ въ формѣ спора Актимона съ Филоктимономъ. Въ рѣчахъ Актимона онъ описалъ здѣсь жалкое положеніе монастырскихъ крестьянъ, ихъ скудость и нищету, платимые ими высокіе росты и тяжкіе оброки и въ параллель съ этимъ рос-

кошную жизнь самихъ монаховъ, ихъ дорогія палаты и одежды, богатыя яства и проч. Сбитый на всѣхъ пунктахъ, Филоктимонъ прибѣгаетъ къ обычному оправданію іосифлянъ, что вотчинное владѣніе нисколько не нарушаетъ монашеской нестяжательности, потому что въ монастырѣ все общее, а не достояніе частныхъ лицъ. Актимонъ рѣзко замѣчаетъ на это, что такъ можно оправдаться и разбойникамъ, если они грабятъ не для себя каждый, а въ пользу всей шайки. Тѣже мысли Максимъ развилъ въ „Словѣ душеполезномъ зѣло внимающимъ ему“ и въ „Повѣсти страшной о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“. Въ послѣдней онъ выставляетъ въ примѣръ русскимъ инокамъ картезіанскихъ монаховъ запада; вся повѣсть написана очень горячо; Максимъ доходитъ въ ней даже до проклятій монахамъ вотчинникамъ. Проклятія эти были потомъ отнесены его врагами къ русскимъ чудотворцамъ, которые владѣли селами. — Своими рѣчами противъ монастырскихъ вотчинъ Максимъ, разумѣется, сильно раздражилъ противъ себя всѣхъ іосифлянъ, а это не могло пройти даромъ для инока пришельца, какъ проходило до поры до времени его почитателю князю Вассіану. Къ вящшему для него несчастію, послѣ сверженія благоволившаго къ нему м. Варлаама, митрополитомъ сдѣлался ревностный іосифлянинъ, Даніилъ. Кромѣ того іосифляне были сильны при дворѣ; — это обстоятельство давало обличеніямъ противъ нихъ весьма опасный для Максима политическій смыслъ, тѣмъ болѣе, что Максимъ былъ скоро втянутъ и въ политическіе вопросы. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ наприм. рѣзко обличалъ неправды, лихоимство и жестокости властей, говорилъ, что такого неправосудія, какъ у Русскихъ, нѣтъ даже у латинянъ Ляховъ. Было извѣстно, что онъ, какъ Грекъ, не рѣдко высказывалъ негодованіе на независимость Русской церкви отъ Грековъ, говорилъ, что русскіе митрополиты поставляются „самочинно и безчинно“, безъ благословенія патріарха. Замѣтили его сношенія съ турецкимъ посломъ; замѣтили, что келья его часто посѣщалась недовольными людьми въ родѣ боярина *Берсеня Беклемишева* и дьяка *Жаренаго*, съ которыми онъ толковалъ о политическомъ состояніи Руси, о деспотизмѣ в. князя, о м. Даніилѣ, какъ потаковникѣ властей и проч. Очень вѣроятно, что Максимъ доходилъ и до личнаго столкновенія съ в. княземъ, высказавшись противъ его развода съ Соломоніей. Послѣ этого безпокойнаго обличителя заключили въ цѣпяхъ въ симоновскую тюрьму. Въ 1525 г. онъ былъ подвергнутъ допросу на соборѣ. Кромѣ подозрѣній относительно политическихъ идей и поведенія Максима, соборъ выставилъ противъ него важныя церковныя обвиненія, порчу богослужебныхъ книгъ, которыя онъ взялся исправлять, и погрѣшности въ его переводахъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ было поручено Максиму тотчасъ по окончаніи работъ по великокняжеской библіотекѣ. Онъ пересмотрѣлъ и исправилъ Тріодь, Часословъ, праздничную Минею и Апостолъ. Въ своемъ „Отвѣщательномъ словѣ“ объ исправленіяхъ онъ послѣ указывалъ, съ какими грубыми ошибками приводилось ему встрѣчаться въ книгахъ. Въ Часословахъ Христосъ назывался „единымъ точію человѣкомъ“, въ толковыхъ Евангеліяхъ—„безконечною смертію умершимъ“, въ Тріоди—„созданнымъ и сотворенныммъ“; Отецъ въ Часословахъ представлялся „собезматернимъ Сыну“, въ девятой пѣсни канона на в. четвергъ—„не сущимъ естествомъ несозданнымъ“. Даже въ символѣ вѣры ученикъ Максима Зиновій замѣтилъ въ 8 членѣ прибавленіе слова „истиннаго“. Въ исправленіяхъ своихъ Максимъ уже не руководствовался обычнымъ пріемомъ русскихъ справщиковъ,—исправлять книги съ помощію одного только сличенія ихъ съ древними рукописями, которое, при неисправности всѣхъ вообще рукописей и самихъ переводовъ, не могло повести ни къ чему прочному и кромѣ того допускало произволъ въ выборѣ текста для образца въ исправленіяхъ,—а все дѣло велъ съ помощію богословской и филологической критики текста. Кромѣ исправленія богослужебнаго текста, Максимъ оказалъ важную услугу современному обществу еще тѣмъ, что старался объяснять богослужебные обряды и принадлежности, которыхъ вовсе не понимали почитатели церковной внѣшности, напр. объяснялъ литургію для вразумленія тѣхъ, которые говорили, что всѣ плоды ея пропадаютъ для непоспѣвшихъ къ Евангелію, эктенію „о свышнемъ мирѣ“, подъ которымъ многіе разумѣли міръ ангельскій, толковалъ значеніе буквъ въ вѣнцахъ Спасителя и Богородицы (Мр Өѵ читали Мароу), писалъ объ артосѣ, о богоявленской водѣ и пр.

Ропотъ противъ его исправленій. Кружокъ поклонниковъ, составившійся около Максима, во всемъ одобрялъ его исправленія, относился къ нему, какъ къ авторитету, и гордился именемъ его учениковъ. Таковы были: Вассіанъ, сотрудникъ Максима Димитрій Герасимовъ, писецъ Максима инокъ *Силуанъ,* его ученики *Нилъ Курлятевъ*, *Зиновій* отенскій и другіе. Вассіанъ съ обычною горячностію говорилъ: „Здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила не правила, а кривила. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили“. Но большинство Русскихъ и м. Даніилъ думали иначе, говорили, что онъ напротивъ только портитъ книги, что хулами на нихъ творитъ велію досаду русскимъ чудотворцамъ, спасавшимся по этимъ книгамъ, и въ доказательство указывали на нѣсколько дѣйствительно важныхъ ошибокъ въ его исправленіяхъ и переводахъ. Не зная достаточно славянскаго языка, онъ долгое время могъ работать только съ помощію переводчиковъ, которые съ своей

стороны не знали хорошо греческаго языка; Максимъ долженъ былъ сначала переводить съ греческаго на латинскій, знакомый его сотрудникамъ, а они уже съ латинскаго перелагали его переводъ на славянскую рѣчь. Понятно, что при такомъ порядкѣ работы многія фразы переводовъ могли явиться въ такой формѣ, за которую Максимъ никакъ не могъ отвѣчать. Явились неточности напр. объ І. Христѣ, вмѣсто: „сѣдѣ одесную Отца", написано было: „сѣдѣлъ еси", какъ о мимошедшемъ фактѣ; вмѣсто: „безстрастно Божество",—„нестрашно Божество"; въ переводѣ житія Богородицы неловко употреблялось „аки" вм. „яко", наприм. передъ словами: „сѣмени мужескаго никакоже причастившеся", объ Іосифѣ и Маріи говорилось: „совокупленіе же (вм. совѣщаніе) до обрученія бѣ".

Судьба Максима. Максима приговорили къ заточенію въ ненавидѣвшій его Іосифовъ монастырь. Много пришлось ему потерпѣть тамъ отъ дыма и угара въ курной кельѣ, отъ оковъ, холода и голода. Вассіанъ пока уцѣлѣлъ, только лишился милости в. князя. Но въ 1531 г. и его притянули къ суду. Соборъ осудилъ его за порчу книгъ, потому что онъ былъ горячимъ участникомъ въ исправленіи ихъ Максимомъ, за хулы противъ Кормчей („кривила, а не правила", „отъ діавола писаны, а не отъ св. Духа"), за недобросовѣстную неисправность его собственнаго сборника правилъ, вольнодумство въ духѣ жидовствующихъ, названіе Христа тварію, наконецъ за сочиненія противъ монастырскихъ вотчинъ и за хулу противъ русскихъ чудотворцевъ, владѣвшихъ селами. Вассіанъ не винился ни въ чемъ, держалъ себя на соборѣ гордо и заносчиво, говорилъ свои обычныя рѣзкія рѣчи; при указаніи на русскихъ чудотворцевъ, на святителя Іону, бывшій бояринъ сказалъ: „Не знаю, чудотворецъ онъ былъ или нѣтъ. Говорятъ, въ Колязинѣ Макаръ чудеса творитъ, а былъ мужикъ сельскій". На этотъ же соборъ вызвали изъ заточенія и Максима; снова повторены были вины, за которыя осудилъ его соборъ 1525 г., пополнены новыми подробностями и новыми обвиненіями политическаго характера. Онъ держался на соборѣ очень униженно, указывалъ въ оправданіе себя на свое незнаніе славянскаго языка, винился въ недосмотрахъ то по лѣности, то по пьянству, какъ онъ выражался, ссылался на своихъ помощниковъ, кланялся собору въ ноги и молилъ простить его немощи. Соборъ оставилъ его попрежнему подъ церковнымъ запрещеніемъ, но смягчилъ его участь переводомъ изъ Іосифова монастыря въ тверской Отрочь; тверской епископъ *Акакій* принялъ его ласково, много утѣшалъ его своею любовію и дѣлилъ съ нимъ свою трапезу. Вассіанъ былъ посланъ на мѣсто Максима въ Волоцкій монастырь, гдѣ и умеръ въ тѣсномъ заточеніи. Изъ заточенія Максимъ не разъ просилъ правительство отпустить его на Аѳонъ;

о томъ же просили за него восточные патріархи при Грозномъ; но эти просьбы не были исполнены. По низверженіи съ каѳедры м. Даніила участь его облегчилась; ему дозволено было ходить въ церковь и причащаться. Въ Твери онъ продолжалъ свою литтературную дѣятельность, писалъ къ разнымъ лицамъ посланія въ оправданіе своимъ исправленіямъ, свое исповѣданіе вѣры, отзывы на современныя событія и вопросы. Бѣдствія государства въ малолѣтство Грознаго дали ему поводъ написать „Слово, излагающее нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія", въ которомъ „Василія" (царство) представляется въ видѣ скорбной жены при пути, окруженной звѣрями и жалующейся на неправды, насилія, жестокости, блудъ и сребролюбіе властей, на то, что у нея нѣтъ пастырей—обличителей, нѣтъ ни Самуила, ни Наѳана, ни Иліи, ни Елисея, ни Василія, ни Златоуста. Къ самому Грозному онъ писалъ посланія объ отпущеніи его на Аѳонъ и о должностяхъ царя. Въ 1551 г. царь перевелъ его въ Троицкую лавру, гдѣ онъ и скончался въ 1556 г.

Движеніе умовъ, возбужденное въ русскомъ обществѣ со времени появленія жидовствующей ереси, возбужденные ею споры, борьба монашескихъ партій, многочисленныя обличенія разныхъ нестроеній, наконецъ труды Максима имѣли большое вліяніе на всѣ стороны тогдашней церковной жизни. Встревоженное обличеніями общество постаралось отдѣлаться отъ обличителей насильственными мѣрами, подняло реакцію противъ безпокойнаго движенія умовъ, для того, чтобы успокоиться отъ тревожной качки, обратилось къ своей привычной неподвижной старинѣ и стало снова укрѣплять ея обычаи и строй, но не могло уже отдѣлаться отъ самыхъ вопросовъ, поднимавшихся и разработывавшихся въ теченіи почти цѣлаго полустолѣтія и стоявшихъ теперь передъ глазами всѣхъ съ безпощадною ясностію. Обойти этихъ вопросовъ было уже нельзя, — духъ реакціи въ пользу старины могъ проявиться только въ характерѣ ихъ рѣшенія.

Стоглавый соборъ. Выражая ясное сознаніе современныхъ недостатковъ церковной жизни и обличая ихъ съ не меньшею, если не съ большею рѣзкостью, чѣмъ обличители, только лишь сошедшіе со сцены, Стоглавъ искалъ врачевства противъ нихъ не въ преобразованіяхъ церковной жизни, на которыхъ настаивали эти обличители, а напротивъ въ поддержаніи старины; причиною этихъ недостатковъ онъ считалъ то, что „старые обычаи поисшаталися", не раздумывая много о томъ, почему же они поисшаталися. Важнѣйшіе изъ практическихъ вопросовъ, предложенныхъ на немъ, рѣшены были именно въ такомъ консервативномъ духѣ. Такъ рѣшенъ былъ на немъ вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ. По старому же велѣно исправлять и церковныя книги „съ добрыхъ переводовъ",

которыхъ не могъ указать самъ соборъ, и попрежнему на это дѣло уполномочивались всякіе грамотѣи,—всѣ протопопы и поповскіе старосты, что могло повести только къ еще большей порчѣ книгъ. Самъ соборъ показалъ образчики крайне неудачныхъ исправленій, указавши напр. читать въ эктеніяхъ; „о архіепископѣ нашемъ честнаго его пресвитерства и діаконства“, „сами себѣ и другъ другу“ и пр., или въ символѣ вѣры: „и въ Духа святаго истиннаго и животворящаго“, а такъ же указавъ двоить „аллилуія“. Послѣ этого строгое опредѣленіе собора—неправленныхъ книгъ ни продавать, ни покупать, ни употреблять въ церквахъ—не имѣло ровно никакого значенія. Спустя немного времени послѣ Стоглава, приходилось думать уже не объ исправленіяхъ въ книгахъ, а только о предотвращеніи въ нихъ новыхъ описей и недописей; съ этой скромной цѣлью и явилась въ Москвѣ первая типографія, напечатавшая въ 1564—1565 годахъ очень неисправные Апостолъ и Часословъ.—Поднятъ былъ на соборѣ и вопросъ о просвѣщеніи, но мысль о заимствованіи западной науки, которую провозглашалъ Максимъ, не пошла въ ходъ; и въ этомъ дѣлѣ положено ограничиться тоже одними старыми домашними средствами. Соборъ вспомнилъ, что въ старину при церквахъ и монастыряхъ были добрыя школы и велѣлъ опять устроить такія же добрыя школы въ домахъ добрыхъ поповъ и дьяконовъ, т. е. призвалъ на дѣло просвѣщенія тѣхъ же мастеровъ—граматниковъ, о которыхъ самъ говорилъ, что они граматѣ мало умѣютъ, а силы писанія вовсе не знаютъ. Самыми лучшими опредѣленіями собора, имѣвшими дѣйствительно исправительное, даже преобразовательное значеніе, были только указанныя нами нѣкоторыя его опредѣленія касательно архіерейской администраціи, учрежденія поповскихъ старостъ, церковнаго благочинія и жизни монашества.

Труды м. Макарія. Нельзя не замѣчать такого же обращенія къ старинѣ и въ трудахъ знаменитаго предсѣдателя Стоглава, м. Макарія, ставшаго во главѣ просвѣтительнаго движенія послѣ заточенія Максима. Кромѣ того въ этихъ трудахъ выразился еще другой современный мотивъ русской жизни послѣ того, какъ она сосредоточилась около Москвы,—стремленіе къ собиранію и соединенію въ одно всѣхъ духовныхъ богатствъ русскаго народа, прежде разбросанныхъ по удѣльнымъ землямъ и неприводившихся въ общерусскую извѣстность. Самый важный изъ этихъ трудовъ его великія *Четіи-Минеи*, которыя онъ началъ составлять еще въ Новгородѣ и продолжалъ въ Москвѣ; въ нихъ собрано было почти все духовное оружіе, какимъ тогда располагала Русская церковь, „всѣ, по его выраженію, книги чтомыя, которыя обрѣтались въ Русской землѣ“: житія святыхъ по днямъ ихъ памятей, слова на ихъ праздники, многія ихъ творенія вся-

каго рода, патерики, цѣлыя книги св. Писанія и толкованія на нихъ отцевъ церкви. Собираніе всего этого книжнаго сокровища „многимъ имѣніемъ и многими писарями", производившееся имъ сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Москвѣ, продолжалось около 20 лѣтъ. Ему же приписывается составленіе позднѣйшей редакціи Степенной книги—обширнаго сборника свѣденій по Русской Исторіи. Изъ оригинальныхъ произведеній м. Макарія извѣстны: поученіе при бракѣ I. Грознаго съ Анастасіей, три рѣчи и три посланія къ царю и войску во время казанскаго похода. Въ сочиненіяхъ этихъ онъ заплатилъ обильную дань современной модѣ на пышное риторство. Но не ими онъ и пріобрѣлъ себѣ почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія, а именно своимъ главнымъ трудомъ собиранія всѣхъ книгъ чтомыхъ и тѣмъ, что съумѣлъ возбудить около себя сильное литтературное движеніе, особенно по части составленія житій. По его благословенію и подъ его руководствомъ разными лицами составлено было столько *житій*, сколько не составлялось ихъ ни прежде, ни послѣ его времени; еще большее число ихъ было передѣлано въ тогдашнемъ вкусѣ многословнаго витійства. Одни изъ этихъ житій явились по поводу составленія Макаріемъ его Чети-Миней, другія послѣ соборовъ 1547 и 1549 гг. о новоявленныхъ чудотворцахъ, третьи—для Степенной книги. Составленіе житій оставалось любимой работой русскихъ писателей долгое время и послѣ его кончины.

Домострой. Современникъ и сотрудникъ Макарія, знаменитый попъ Сильвестръ оставилъ послѣ себя сборникъ другаго рода духовнаго богатства русской жизни, содержащій въ себѣ полный сводъ правилъ домашней жизни, извѣстный подъ именемъ Домостроя. И въ этомъ памятникѣ проходитъ тотъ же современный мотивъ уваженія къ старинѣ, заведенному порядку, обычаю отцовъ и дѣдовъ; весь этотъ заведенный порядокъ, начиная съ исполненія важнѣйшихъ религіозныхъ обязанностей до самыхъ мелочныхъ хозяйственныхъ занятій, увѣковѣченъ авторомъ Домостроя въ полномъ, цѣльномъ и, такъ сказать, пластически осязательномъ образѣ.—Въ основѣ семейной жизни по Домострою положено безусловное главенство отца семейства; всѣ передъ нимъ ребята, умственно и нравственно недозрѣлые, живущіе только его умомъ и наказаніемъ, за которыхъ онъ поэтому несетъ отвѣтственность и въ сей и будущей жизни. Жена полная его раба, исключительно хозяйка и работница, поставленная имъ во главѣ другихъ работницъ и работниковъ дома.. Домострой строго вооружается противъ всякихъ удовольствій женщины, требуетъ отъ нея исключительно хозяйственныхъ заботъ и работы, потому что въ обстановкѣ современной жизни не можетъ найти ей никакихъ приличныхъ увеселеній для часовъ отдыха, покоя. Когда женщина

не работала, ей только и оставалось предаться сплетнямъ съ служанками и торговками, бесѣдамъ съ жонками бездѣльными и ворожеями, или же хмѣльному питію. Среди такой жизни она естественно тупѣла и дѣйствительно требовала тѣхъ педагогическихъ вразумленій побоями, о которыхъ такъ выразительно говорятъ правила Домостроя. Дѣти являются тоже совершенно безправными предъ отцомъ; отъ него зависитъ вся ихъ судьба, назначеніе положенія въ обществѣ, бракъ, потому что сами они люди неразумные, молодые, ничего не могутъ понимать. Отецъ обязанъ ихъ учить страху Божію и всякому порядку; средствами для этого служатъ тоже страхъ и побои. Какъ олицетвореніе власти и страха для семьи, отецъ не долженъ даже улыбаться своему дитяти и играть съ нимъ.—Въ отношеніи къ рабамъ авторъ Домостроя представляетъ себя добрымъ господиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно трактуетъ раба, какъ человѣка тоже скуднаго разумомъ, котораго не научишь, если не побьешь; въ случаѣ ссоры своихъ холоповъ съ чужими совѣтуетъ побранить и побить своихъ, хотя бы и правы были,—этимъ вражды избудешь, а убытка не будетъ. Нравственныя правила Домостроя носятъ общій въ древней Руси характеръ обрядоваго аскетизма. Запрещаются: всякое смѣхотвореніе, пѣсни, пляски, мірскія потѣхи, охота. Весь домъ долженъ быть устроенъ по подобію монастыря. Входящій въ него долженъ прочитать молитву, какъ передъ кельей монаха; каждый день семья отправляетъ утреню, часы, вечерню, павечерницу и полунощницу; постоянно нужно имѣть въ устахъ молитву Іисусову, а въ рукахъ держать чотки. Во внѣшнемъ поведеніи все должно быть чинно, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно; нужно чаще ходить въ церковь, принимать странныхъ, подавать милостыню, призывать и слушать духовныхъ отцовъ. Всѣ предписываемыя здѣсь добродѣтели вообще не выходятъ изъ круга обрядоваго благочестія, заключаются въ одной внѣшней формѣ, которую всегда можно соблюсти, не стѣсняя своихъ противунравственныхъ инстинктовъ, а съ другой стороны сильно отзываются сухимъ житейскимъ практицизмомъ. Рядомъ съ чистыми побужденіями къ праведному житію выставляются и нечистыя: похвала людей, стремленіе избыть посмѣха или вражды, необходимость уживаться съ другими и правдой и неправдой. При случаѣ рекомендуется побить невиннаго слугу, солгать, споить до упаду нужнаго гостя и т. п.

Ереси Бакшина и Косаго. Съ крайнимъ развитіемъ консервативнаго направленія въ обществѣ люди противоположнаго направленія тоже въ свою очередь должны были доходить до крайностей, которыя вскорѣ же послѣ Стоглаваго собора выразились въ новыхъ ересяхъ *Бакшина* и *Косаго*.

Ересь Бакшина открылась такимъ образомъ. Къ попу Симеону въ 1553 г. пришелъ на духъ необычный сынъ духовный, Матвей (Башкинъ), просилъ у него наставленій, предлагалъ вопросы, на которые духовный отецъ ничего не въ состояніи былъ отвѣтить; потомъ являлся къ нему на домъ, читалъ разныя мѣста изъ Писанія и, не дождавшись объясненія, самъ ихъ объяснялъ. Всѣ эти рѣчи и вопросы его показались попу Симеону „недоумѣнными"; духовникъ доложилъ объ нихъ Сильвестру, а Сильвестръ самому царю. Бакшина схватили и подвергли допросамъ, изъ которыхъ выяснилось, что онъ еретикъ и что ересь его составилась отчасти изъ старыхъ элементовъ жидовствующей ереси, отчасти изъ новыхъ протестантскихъ съ запада, изъ Литвы; учителемъ его былъ какой-то аптекарь изъ Литвы, *Андрей*. Сущность новой ереси состояла въ томъ, что она не признавала божества Сына и равенства Его со Отцемъ, евхаристію считала простымъ хлѣбомъ и виномъ, иконы называла идолами, отрицала таинство покаянія, утверждая, что какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, такъ и безъ священника нѣтъ ему грѣха, отрицала отеческія писанія, житія святыхъ, постановленія соборовъ и всю церковную обрядность. Единомышленники Бакшина, которыхъ онъ выдалъ на допросахъ, повторяли въ преувеличенномъ видѣ слова Максима о неприличіи вотчиннаго владѣнія для монастырей, о дурной жизни духовенства, бездушной обрядности народнаго благочестія и проч. Уважая Максима, они единодушно вооружались противъ „Просвѣтителя" Іосифа. На допросахъ Бакшинъ проговорился, что его ученіе похваливали и бѣлозерскіе старцы. Ересь такимъ образомъ, видимо становилась въ связи съ только что затихшимъ споромъ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Вслѣдствіе этого добрались и до этихъ старцевъ. Изъ Кириллова монастыря вызвали на соборъ жившаго тамъ на покоѣ троицкаго игумена *Артемія*, потомъ монаха *Ѳеодосія Косаго*. Послѣдній былъ прежде рабомъ въ Москвѣ, потомъ, обокравъ господина, бѣжалъ отъ него на Бѣлоозеро, постригся тамъ въ монахи, принялъ горячее участіе въ мнѣніяхъ бѣлозерскихъ старцевъ и, развивая ихъ до крайности, зашелъ въ еретичествѣ еще дальше Бакшина. Вмѣстѣ съ нимъ призваны были въ Москву его товарищъ *Игнатій* и нѣсколько другихъ монаховъ. При тогдашней тревогѣ за православіе можно было легко завинить человѣка въ ереси за всякій недоумѣнный вопросъ и за всякое слово обличенія, наприм. на судъ притянули даже такого святаго человѣка, каковъ былъ просвѣтитель Лопарей, Ѳеодоритъ, вѣроятно по тому только, что онъ былъ извѣстенъ обличеніями противъ дурныхъ монаховъ. Не удивительно, что когда для участія на соборѣ противъ еретиковъ пригласили Максима Грека, онъ очень встревожился, подумалъ, что и его хотятъ тоже судить за ересь. Соборъ на еретиковъ собрался въ 1554 г.

Въ какомъ духѣ шли соборные допросы, можно судить только изъ единственнаго сохранившагося отъ собора акта,—акта о судѣ надъ Артеміемъ троицкимъ.

Артемія обвиняли въ томъ, что онъ критически относился къ „Просвѣтителю“, не проклиналъ жидовствующихъ, говорилъ, что православные сами не знаютъ, за что жгли Курицына, въ томъ, что въ Воздвиженіе у царя ѣлъ рыбу, не отказывался отъ нея въ посты и въ домахъ разныхъ христолюбцевъ, во Псковѣ хотѣлъ бесѣдовать съ нѣмецкими учеными и разузнавалъ объ ихъ вѣрѣ, стало быть—въ вѣрѣ пошатнулся; изъ его словъ объ умершихъ безъ покаянія: „панихидами и обѣднями имъ не поможешь, отъ того они муки не избудутъ“, выводили, что онъ отрицалъ силу поминовенія усопшихъ; обвиняли его въ хулѣ на акаѳисты и каноны за то, что онъ, подобно Максиму, говорилъ: „говорятъ въ канонѣ: Іисусе сладчайшій! а какъ услышать слово Іисусово,—горько становится, что надо его исполнять. Въ акаѳистѣ повторяютъ: радуйся да радуйся, Чистая! а сами о чистотѣ не радятъ, такъ это говорятъ по привычкѣ, а не въ правду“. Артемій выражалъ сомнѣніе въ самомъ существованіи ереси въ его время, Башкина представлялъ только человѣкомъ недоумѣнныхъ вопросовъ; это набросило еще большую тѣнь на его православіе. Онъ рѣшительно заявилъ собору: „я такъ не мудрствую, какъ на меня говорили: то на меня налгали“; но не могъ все-таки очистить себя отъ обвиненія въ разныхъ вольныхъ и рѣзкихъ словахъ касательно предметовъ вѣры и кромѣ того еще въ довольно вольномъ, не монашескомъ поведеніи. Соборъ опредѣлилъ лишить его сана и сослать на Соловки. Ѳеодоритъ тоже былъ заточенъ въ Кирилловъ монастырь, впрочемъ скоро былъ оправданъ и освобожденъ. Башкина съ сообщниками разослали по монастырскимъ тюрьмамъ. Ѳеодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, женились тамъ и усердно проповѣдывали свое новое раціоналистическое ученіе, еще болѣе отрицательное, чѣмъ ученіе Башкина, очень близкое къ социніанству и состоявшее въ отверженіи св. Троицы, божества І. Христа, Его воплощенія, почитанія святыхъ, всей церковной іерархіи, таинствъ, обрядовъ и въ отрицаніи повиновенія всякимъ властямъ. Въ Литву же потомъ бѣжалъ и Артемій, но сдѣлался тамъ ревностнымъ защитникомъ православія противъ протестантства и особенно противъ Косаго и социніанъ.

Зиновій Отенскій. Ересь Косаго вызвала противъ себя замѣчательные полемическіе труды со стороны ученика Максимова, инока *Зиновія*, который жилъ въ Отенскомъ монастырѣ, заточенный туда въ одно время съ своимъ учителемъ. Писать противъ еретиковъ его заставили сначала клирошане старорусскаго Спасскаго монастыря, которые приходили къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣ-

ній, возбужденныхъ въ нихъ ученіемъ Косаго. По вызову ихъ онъ составилъ свое обширное „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“, заключавшее въ себѣ полное опроверженіе ереси и изложеніе православнаго ученія. Послѣ распространенія ереси въ Литвѣ ему пришлось опять писать противъ нея—въ отвѣтъ на письмо къ нему какихъ-то соблазненныхъ ею Литовцевъ. Это второе, менѣе обширное сочиненіе его извѣстно подъ названіемъ „Многословнаго посланія на зломудріе Косаго“. Защищая современное положеніе церкви отъ нападенія еретиковъ, Зиновій долженъ былъ во многомъ отступить отъ принциповъ своего учителя и сблизиться во мнѣніяхъ съ іосифлянами, наприм. защищать современное монашество и вотчинное владѣніе монастырей. Онъ замѣтилъ, что указаніе Максима на примѣръ картезіанскихъ монаховъ унизительно для православныхъ монастырей, что изображеніе монастырской деморализаціи у него слишкомъ преувеличено, что нѣкоторые и вотчинные монастыри живутъ очень бѣдно. „Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной... Руки (у монаховъ этихъ обителей) скорчены отъ страданій; кожа, какъ воловья,—истрескалась; лица осунулись; ноги и руки посинѣли и распухли. А имѣнія у нихъ такъ много, что нищіе больше имѣютъ. Обыкновенная пища ихъ—овсяный невѣяный хлѣбъ, ржаные колосья толченые и безъ соли, питье—вода, варево—листье капусты, зелень—свекла и рѣпа, овощи—рябина и калина, а объ одеждѣ что ужъ и говорить?“ Это изображеніе онъ усиливаетъ контрастомъ жизни Вассіана, ратовавшаго противъ монастырскихъ вотчинъ: „не угодно ему было симоновскихъ блюдъ кушать—хлѣба ржанаго, щей, свекольника, каши; молока промзглаго и пива монастырскаго не пилъ,—съ деревень молъ шли, а питался блюдами со стола княжескаго; пилъ же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино“.

Состояніе просвѣщенія въ концѣ XVI в. По мѣрѣ развитія старообрядческаго духа общій уровень церковнаго просвѣщенія естественно долженъ былъ еще болѣе понизиться. Стали проповѣдывать, что „всѣмъ страстямъ мати — мнѣніе, мнѣніе — второе паденіе“. Кн. Курбскій писалъ, что сами учители народа „прельщали юношей трудолюбивыхъ, желавшихъ навыкнуть Писанія, говоря: не читайте книгъ многихъ, и указывали, кто ума изступилъ, и онъ-сица въ книгахъ зашолся, а онъ-сица въ ересь впалъ“. Типографія въ Москвѣ была закрыта; типографщики, дьяконъ *Иванъ Ѳедоровъ* и *Петръ Тимофѣевъ*, обвинены въ ереси, потомъ, „превѣльнаго ради озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель“, удалились въ южную Россію. Самъ царь вступился наконецъ за книгопечатаніе и снова открылъ типографію въ 1568 г. *Андроника Невѣжи*, ученикъ из-

гнанниковъ, напечаталъ въ ней два раза Псалтирь. Заведеніе школъ шло очень туго. Изъ произведеній литературы конца XVI в. можно указать только на небольшое число житій и на описаніе путешествія по св. мѣстамъ Греціи, Палестины и Египта купца *Трифона Коробейникова*, ѣздившаго туда въ 1583 г. съ царскою милостынею на поминъ души убитаго отцемъ царевича Іоанна. Въ народѣ большинство не умѣло прочитать: „Вѣрую" и „Отче нашъ". Вмѣстѣ съ распространеніемъ мрака въ обществѣ естественно развивалась свѣтобоязнь, замкнутость отъ всякихъ посторонних просвѣтительныхъ вліяній. Когда Годуновъ хотѣлъ завести въ Россіи обученіе иностраннымъ языкамъ, духовенство представило ему, что съ разноязычіемъ въ Россіи настанетъ разновѣріе. Отрицая все иноземное, благочестивые русскіе люди съ ужасомъ видѣли, что царь Борисъ ласкаетъ иноземцевъ, что въ высшихъ классахъ стали даже брить бороду. Русскимъ вовсе запрещалось ѣздить за границу; въ 1589 г. явился было даже проектъ и иностранцевъ не пускать въ Россію, купцовъ западныхъ принимать только на границѣ, но не состоялся. Русскому человѣку дѣйствительно было опасно встрѣтиться съ западною цивилизаціею, потому что, при религіозномъ строѣ всей своей жизни, при смѣшеніи всѣхъ обычаевъ и быта съ православіемъ, онъ не умѣлъ различать свѣтской стороны цивилизаціи отъ религіозной, заимствуя первую, усвоялъ и послѣднюю, сбривъ бороду, отпадалъ и отъ православія. При Годуновѣ послали за границу нѣсколько молодыхъ людей для науки, — они уже не вернулись домой, остались на западѣ, измѣнили и родной вѣрѣ.

Отношенія къ протестантству и католичеству. Изъ западныхъ иновѣрцевъ къ протестантамъ въ Россіи относились впрочемъ съ большей терпимостью, чѣмъ къ католикамъ, вѣроятно потому, что меньше видѣли отъ нихъ попытокъ вредить православію. При усиливавшемся все болѣе и болѣе наплывѣ въ Россію иноземцевъ въ качествѣ купцовъ и мастеровъ, правительство охотнѣе принимало къ себѣ на службу тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали по вѣрѣ къ протестантству. Въ Москвѣ они завели цѣлую слободу на Яузѣ съ двумя кирхами. Грозный въ 1579 г. въ маѣ разрушилъ эти кирхи, но лѣтъ черезъ 5, по ходатайству англійскаго посла Горсея, разрѣшилъ опять построить одну. Во время ливонской войны при Грозномъ многіе изъ плѣнныхъ Нѣмцевъ были переселены во Владиміръ, Кострому, Угличъ и Нижній. При ц. Θеодорѣ и Борисѣ Годуновѣ наплывъ Нѣмцевъ-протестантовъ еще болѣе усилился, но всякая пропаганда была имъ строго воспрещена и ихъ вѣрованія, хотя и соблазняли иногда нѣкоторыхъ русскихъ людей, были презираемы въ народѣ, какъ самыя нечестивыя и поганыя. Въ 1563 г. одного пастора *Θому*, предстоятеля социніанской об-

щины въ Полоцкѣ, царь Іоаннъ пустилъ подъ ледъ въ Двину. Въ 1570 г. онъ имѣлъ бесѣду съ пасторомъ богемскихъ братьевъ *Рокитою* и между прочимъ сравнивалъ въ ней протестантовъ съ псами и свиньями, Лютера и по имени и по жизни называлъ лютымъ: „вы живете, говорилъ онъ, какъ свиньи, откармливаемыя въ постъ, отвергая различіе пищи; вы ненавистны святымъ на небѣ, потому что сами отвергаете ихъ“ и т. п.

Попытки папъ на введеніе въ Россію католичества или неудавшейся уніи м. Исидора постоянно разбивались о полную нетерпимость Русскихъ къ латинству, которое у насъ не считалось даже и христіанствомъ. Въ Россіи нигдѣ не дозволялось строить латинскихъ божницъ. Самая важная попытка католичества проникнуть въ Россію имѣла мѣсто при Іоаннѣ III. Папа Сикстъ IV, устроивъ бракъ Іоанна съ жившей въ Римѣ греческой царевной Софіей Палеологъ, разсчитывалъ сдѣлать ее своимъ орудіемъ для привлеченія къ себѣ Россіи. Но Софія явилась въ Россію вполнѣ православною и обманула всѣ его ожиданія. Посланный съ нею легатъ *Антоній* тоже не имѣлъ никакого успѣха. Онъ требовалъ было себѣ торжественнаго въѣзда въ Москву съ предвесеніемъ креста, но м. Филиппъ I рѣшительно воспротивился этому, объявивъ, что если легатъ съ своимъ крыжомъ въѣдетъ въ одни ворота Москвы, то онъ митрополитъ сейчасъ же выѣдетъ въ другія. Въ Москвѣ легатъ заговорилъ о вѣрѣ, но Филиппъ выставилъ противъ него нѣкоего мудраго книжника *Никиту* поповича, который такъ заговорилъ легата, что этотъ отказался отъ спора, говоря: „книгъ нѣтъ со мною“. Послѣ этого было еще нѣсколько сношеній Рима съ Москвою объ уніи при в. кн. Василіѣ, но всѣ они остались безъ всякихъ результатовъ. При І. Грозномъ несчастная война съ Баторіемъ заставила самого царя обратиться за помощью къ папѣ. Въ Россію былъ присланъ изъ Рима ловкій іезуитъ *Антоній Поссевинъ* съ порученіемъ завязать дѣло объ уніи и о дозволеніи строить въ Москвѣ костелы. Царь обращался съ нимъ ласково, желая извлечь изъ его пріѣзда, какъ можно, больше пользы для мира съ Баторіемъ, но въ постройкѣ костеловъ отказалъ и неохотно согласился говорить съ нимъ о вѣрѣ „чтобы не было, какъ замѣчалъ онъ, сопротивныхъ словъ“. Сопротивныя слова дѣйствительно не замедлили. Царь укорилъ латинянъ за стриженіе бороды, указалъ на то, что у папы крестъ на туфлѣ, а у православныхъ креста не повелось ниже пояса носить, что папу носятъ на престолѣ, какъ Христа, а ему не слѣдуетъ Христу равняться, да и Петра апостола Христу равнять не слѣдуетъ же, и въ заключеніе сказалъ, что который папа не по Христову и не по апостольскому ученію живетъ, тотъ папа волкъ, а не пастырь.

Антоній прекратилъ рѣчь о вѣрѣ. Въ знакъ дружбы къ папѣ царь позволилъ только съ купцами католиками пріѣзжать въ Россію латинскимъ попамъ, но съ тѣмъ, чтобы они ни костеловъ себѣ здѣсь не строили, ни вѣры своей не распространяли.

V. КІЕВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ ДО ПОЛОВИНЫ XVII В.

Положеніе церкви въ западной Руси и Литвѣ при Ягеллонахъ. Московская митрополія твердо стояла противъ вліянія Рима, православная вѣра была въ ней вѣрою господствующею, государственною. Не то было въ западной митрополіи, гдѣ православнымъ народомъ управляло правительство католическое. Впрочемъ, пока на польско-литовскомъ престолѣ сидѣли Ягеллоны, родственные Литвѣ и хорошо понимавшіе, какъ молодо было въ ней католичество и сильно православіе, исповѣдуемое большинствомъ сильныхъ литовско-русскихъ пановъ и народомъ, церковь не подвергалась еще особенно большимъ насиліямъ. При королѣ *Казимірѣ* папа и посаженный имъ на митрополію ученикъ Исидора *Григорій* сдѣлали было нѣсколько рѣшительныхъ попытокъ утвердить въ Литвѣ Флорентійскую унію, но, безъ поддержки короля и при твердости въ православіи всего народа и духовенства, попытки эти остались безуспѣшными; черезъ 10 лѣтъ управленія митрополіею самъ Григорій почелъ за лучшее присоединиться къ православію и вступить въ союзъ съ константинопольскимъ Патріархомъ. Новая попытка ввести унію при одномъ изъ преемниковъ Григорія м. *Іосифѣ Болгариновичѣ*, поддержанная в. кн. *Александромъ* литовскимъ и поведшая къ притѣсненіямъ православію, стоила Литовскому княжеству нѣсколькихъ городовъ и княжескихъ родовъ, которые перешли тогда въ московское подданство, и кромѣ того тяжелой войны съ Москвою. Потомъ при королѣ *Сигизмундѣ I* Литва главнымъ образомъ по такой же причинѣ лишилась Смоленска. При такихъ условіяхъ королямъ, какъ ни старалось католическое духовенство возбуждать ихъ религіозную ревность, по неволѣ приходилось значительно умѣрять въ себѣ эту ревность.

Но при всемъ томъ, какъ католики, они конечно не могли и покровительствовать православію: гдѣ было можно, урѣзывали права и матеріальныя средства православныхъ церквей и монастырей, духовенство держали въ черномъ тѣлѣ и старались поставить въ большую отъ себя зависимость, а для ослабленія силы православныхъ пановъ, въ родѣ напр. ревностнаго защитника православія при Сигизмундѣ, кн. *Конст. Ив. Острожскаго* († 1530), нѣ-

сколько разъ выдвигали на видъ и подтверждали извѣстное Городельское постановленіе 1413 г. о недопущеніи православныхъ къ высшимъ должностямъ въ государствѣ. Всего вреднѣе для церкви было усвоенное королями въ отношеніи къ ней *право патроната* и *подаванія* архіерейскихъ каѳедръ, а также находившихся на королевскихъ и коронныхъ земляхъ монастырей и церквей, по которому король назначалъ на епархіальныя каѳедры епископовъ, а въ церкви и монастыри священниковъ и настоятелей, раздавалъ „хлѣбы духовные“. Злоупотребленія королей въ пользованіи этимъ правомъ доходили до крайностей, особенно при *Сигизмундѣ I* и *Сигизмундѣ II Августѣ* (1548—1572), и довели православную іерархію до самаго жалкаго положенія. „Духовные хлѣбы“ раздавались разнымъ недостойнымъ людямъ за деньги или въ награду за военныя и гражданскія заслуги. Монастыри отдавались даже свѣтскимъ людямъ подъ однимъ только условіемъ до поступленія въ монахи управлять ими чрезъ намѣстника изъ духовныхъ лицъ; но и это условіе часто не соблюдалось, — какой нибудь панъ, получивъ монастырь, самъ лично и управлялъ имъ, вовсе не думая о постриженіи. Такіе же свѣтскіе паны по временамъ занимали и архіерейскія каѳедры въ качествѣ нареченныхъ епископовъ. Поѣвши нѣсколько времени духовныхъ хлѣбовъ, такой нареченный епископъ продавалъ иногда свою епархію другому такому же искателю духовнаго хлѣба. Случалось, что король отдавалъ каѳедру двоимъ панамъ за разъ, послѣ чего между ними завязывалась изъ-за нея открытая борьба вооруженною силою. Всего тяжелѣе, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, доставалось Галиціи, непосредственно связанной съ Польшей. Во второй половинѣ XV в. тамъ не было уже своего митрополита; ею управлялъ митрополитъ кіевскій черезъ своего справцу (намѣстника). Въ 1509 г. Сигизмундъ отдалъ право назначить этого справцу львовскому католическому арцибискупу, что равнялось совершенному уничтоженію здѣсь власти митрополита. Галичане не приняли католическаго справцу, выбрали своего, львовскаго гражданина *Макарія Тучапскаго*, и дали за него взятку въ 200 воловъ королевѣ Бонѣ, но католики встали за своего и за 50 воловъ выиграли дѣло. Галичане не отстали, дали королю еще 110, потомъ еще 140 воловъ и настояли на томъ, что Макарій все-таки остался справцой и получилъ даже санъ епископа. Такъ, благодаря этимъ обстоятельствамъ, была возстановлена (1539 г.) православная Галицкая епархія.

Участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. При такомъ отношеніи къ православной церкви мѣстнаго правительства и ослабленіи ея іерархіи, она только и могла находить себѣ поддержку въ народѣ и православныхъ панахъ, которые принимали живѣй-

шее участіе во всѣхъ ея дѣлахъ. Они участвовали въ избраніи ея митрополитовъ, слѣдили за употребленіемъ и цѣлостію церковныхъ имуществъ и церковнымъ управленіемъ, протестовали противъ злоупотребленій дурныхъ владыкъ и др. духовныхъ лицъ и защищали церковные интересы передъ правительствомъ и на сеймахъ. Въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ православные паны имѣли такое же право патроната надъ всѣми церквами и монастырями, какъ король въ имѣніяхъ королевскихъ и коронныхъ, и поддерживали ихъ противъ всякихъ покушеній со стороны католиковъ и самого правительства. Такой же патронатъ имѣли свободныя городскія общины надъ своими приходскими церквами и монастырями своей постройки. Это участіе міряиъ въ церковныхъ дѣлахъ составляло одну изъ характеристическихъ особенностей западно-русскаго церковнаго управленія и замѣняло здѣсь такое же отношеніе къ церковнымъ дѣламъ правительства въ православной Московской Руси. Сама іерархія впрочемъ сильно имъ тяготилась и была всегда противъ него. Нельзя сказать, чтобы у нея не было въ этомъ случаѣ достаточныхъ резоновъ; и общинный и панскій патронатъ могли приносить церкви большую пользу, давая ей сильную опору въ борьбѣ съ ея врагами, но могли быть и очень ей вредными, потому что съ одной стороны патронами были не одни православные, но и католическіе паны на своихъ земляхъ, да и православные часто слишкомъ злоупотребляли своимъ правомъ патроната, а съ теченіемъ времени сами все чаще и чаще стали измѣнять православію, переходя въ католичество, съ другой стороны вліяніе мірянъ на церковныя дѣла стѣсняло власть не однихъ дурныхъ іерарховъ, которыхъ слѣдовало ограничивать въ ихъ дѣйствіяхъ, а одинаково съ ними и вполнѣ достойныхъ и благонадежныхъ. Но, занявшись исключительно лишь развитіемъ своей власти, выпрашивая у королей граматы о независимости своего суда и управленія отъ мірскаго вмѣшательства, іерархія не разбирала при этомъ полезнаго участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ отъ вреднаго, хотѣла одинаково устранить отъ этихъ дѣлъ и католическихъ и православныхъ патроновъ и городскія братства, отъ того обособлялась отъ мірянъ, дѣлалась одинокою и безсильною. Короли охотно давали ей просимыя ею граматы, потому что такое отдѣленіе ея отъ народа развивало надъ нею ихъ собственную королевскую власть. Въ XVI в. послѣдняя держала въ своихъ рукахъ уже всѣ іерархическія должности и совсѣмъ обезсиливала власть митрополита; и міряне въ жалобахъ своихъ на духовенство, и духовенство, и сами епископы въ дѣлахъ между собою обращались за судомъ не къ митрополиту, а прямо къ королю.

Въ 1509 г. при м. *Іосифѣ Солтанѣ* православные держали *соборъ въ Вильнѣ*, опредѣленія котораго разсчитаны были прямо на то, чтобы дать православной церкви въ Литвѣ болѣе самостоятельности. Опредѣлено было: на церковныя должности ставить людей только достойныхъ, по избранію владыкъ и пановъ греческаго закона; недостойныхъ не ставить, хотя бы ихъ прислалъ самъ король; священника, служащаго при церкви безъ благословенія епископа, по волѣ одного пана, лишать сана; патрону безъ вѣдома епископа у священника церкви не отнимать, а епископу до изслѣдованія дѣла не назначать новаго священника; къ церкви, пустующей свыше 3 мѣсяцевъ, епископу назначать священника отъ себя безъ мірскихъ выборовъ; подъ страхомъ отлученія отъ церкви мірянамъ не держать у себя Кормчей, такъ какъ они, изучивъ церковныя правила, пастырей своихъ презираютъ и сами себѣ законъ бываютъ. На этомъ же соборѣ положено отлучать отъ служенія вдовыхъ священнослужителей. Сигизмундъ утвердилъ эти постановленія; но мы видѣли, что въ томъ же году онъ самъ нарушилъ ихъ въ Галиціи.

Сигизмундъ Августъ и Люблинская унія. Преемникъ Сигизмунда I, послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ II Августъ, находясь подъ вліяніемъ протестантской партіи въ Польшѣ, относился къ разностямъ въ религіи либеральнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ объявлена была полная свобода. Въ 1563 г. отмѣнено было и Городельское постановленіе; православные воспользовались всѣми государственными правами, наполнили магистраты, засѣли въ сенатѣ. Но при томъ же либеральномъ королѣ видимъ и весьма печальныя предвѣстія еще болѣе тяжкихъ бѣдъ для православной церкви, чѣмъ тѣ, какія она испытывала доселѣ: такими предвѣстіями были *Люблинская унія* и призваніе въ Польшу и Литву іезуитовъ. Въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ окончено было дѣло, надъ которымъ работали всѣ Ягеллоны, — соединеніе Литвы съ Польшей въ одно государство, послѣ чего Поляки стали свободно проникать въ литовскія и русскія земли, завладѣвать здѣсь должностями, имѣніями, представительствомъ на сеймахъ и развивать свое нравственное вліяніе въ явный ущербъ интересамъ и мѣстной народности, и народнаго православія. Гражданская унія должна была необходимо повлечь за собою и унію религіозную, тѣмъ болѣе что бездѣтный Сигизмундъ былъ послѣднимъ королемъ родной для Литвы династіи. Черезъ 3 года послѣ Люблинскаго сейма онъ умеръ и на престолъ стали восходить короли иноземцы, — Генрихъ французскій и Стефанъ Баторій, — преданные Польшѣ, а не Литвѣ, обязывавшіеся при самомъ своемъ избраніи поддерживать не иныя вѣры, а именно польское католичество.

Призваніе іезуитовъ и ихъ дѣятельность. Еще раньше Люблинскаго сейма, вслѣдствіе сильнаго распространенія въ Польшѣ и Литвѣ протестантства, для борьбы съ этимъ опаснымъ врагомъ католичества въ подмогу польскому духовенству призванъ былъ *орденъ іезуитовъ.* Іезуиты явились на первыхъ порахъ кроткими иноками, благотворителями несчастныхъ, благочестивыми проповѣдниками и безкорыстными наставниками юношества, всюду заводили свои безплатныя школы, изъ которыхъ потомъ выпускали самыхъ горячихъ ревнителей католичества. Въ Вильнѣ они тоже основали коллегію, скоро потомъ (1579) преобразованную въ академію съ высшимъ образованіемъ. Ихъ проповѣди, диспуты, торжественныя богослуженія, религіозныя процессіи, самоотверженное служеніе больнымъ и разныя благотворенія привлекали къ нимъ толпы народа и всѣ направлены были къ торжеству католичества. Скоро они совсѣмъ опутали и Польшу и Литву сѣтями своего соблазна и интриги. Сначала они дѣйствовали исключительно противъ протестантовъ, но когда успѣли ослабить этого врага, принялись и за православіе.

Развитіе іезуитами мысли объ уніи. Они сразу поняли, какъ безтактно было бы съ ихъ стороны ревновать объ обращеніи православныхъ прямо въ католичество, и ухватились сначала за унію. Они стали усердно хвалить православную церковь и жалѣть объ ея дурномъ состояніи; православнымъ панамъ указывали на крайнее невѣжество православнаго духовенства, на то, что православіе стало вѣрою хлоповъ; духовенству говорили о раздражающей его зависимости отъ мірянъ и о самостоятельномъ положеніи духовенства католическаго; народомъ они пренебрегали, фальшиво разсчитывая на его безгласіе при шляхетскомъ строѣ Рѣчи Посполитой. Въ такомъ духѣ ученымъ іезуитомъ *Петромъ Скаргою* написано было сочиненіе „О единствѣ церкви“ (изд. 1577 г.). Описавъ безпорядки въ Русской церкви, Скарга причиной ихъ выставилъ: 1) женатую жизнь поповъ, при которой они пекутся только о мірскомъ, огрубѣли и обратились въ хлоповъ; 2) славянскій языкъ, который Греки нарочно оставили Славянамъ при обращеніи въ христіанство, чтобы держать ихъ въ невѣжествѣ, потому что только чрезъ греческій и латинскій языки можно преуспѣвать въ наукѣ,—не было и не можетъ быть на свѣтѣ школы, гдѣ бы богословіе и другія науки читались на другомъ языкѣ; то ли дѣло у католиковъ, у которыхъ одинъ языкъ и одна вѣра по всему свѣту? христіанинъ Индіи можетъ безъ затрудненія говорить о вѣрѣ съ Полякомъ; 3) крайнее униженіе духовенства чрезъ вмѣшательство мірянъ въ духовныя дѣла. Унія должна уничтожить все это зло; а для нея православнымъ нужно только принять ученіе Римской церкви и главенство римска-

го папы,—обряды можно имъ оставить по старому. Другой іезуитъ Антоній Поссевинъ, не успѣвъ завязать уніи въ Москвѣ, сталъ усиленно хлопотать объ ней въ Литвѣ. По его просьбѣ папа открылъ въ Римѣ уніатскую коллегію для Русскихъ. Поссевинъ заботился такъ же объ изданіи для православныхъ книгъ полезныхъ Римской церкви.

Состояніе православнаго общества и іерархіи. Литовско-русское дворянство легко поддавалось іезуитской пропагандѣ вслѣдствіе своего тяготѣнія къ польскому католическому дворянству. Кто изъ дворянъ не переходилъ въ католичество, тотъ приставалъ къ протестантамъ. Съ щеголеватымъ ксендзомъ, привыкшимъ господствовать въ обществѣ, или съ либеральнымъ, свѣтскимъ пасторомъ протестантскимъ въ домѣ пана нельзя было и думать стать рядомъ русскому попу или монаху въ его грубой одеждѣ, въ чеботищахъ, смазанныхъ дегтемъ, съ его хлопскою рѣчью и манерами. Низшее духовенство было загнано и забито отъ пановъ и отъ старостъ, которые сѣкли его розгами на ряду съ мужиками, и отъ самихъ владыкъ, усвоившихъ себѣ панскія привычки и смотрѣвшихъ на него очень низко. Бѣдность и униженіе, разумѣется, не замедлили повести его къ самому печальному нравственному упадку и невѣжеству. Высшая іерархія, по своему происхожденію, образованію и образу жизни примыкавшая къ панамъ, вмѣстѣ съ послѣдними подверглась вліянію польской народности и католичества. Идеалами ея стали польскіе бискупы и пріоры. Іезуиты всячески старались усилить въ епископахъ недовольство тѣмъ, что въ ихъ суды и управленіе вмѣшиваются міряне, не только паны, но и какіе нибудь скорняки, кузнецы и сѣдельники, тогда какъ въ католической церкви бискупъ есть сильный органъ святѣйшаго отца, указывали на то, что польскій примасъ и нѣсколько бискуповъ засѣдаютъ въ сенатѣ, куда Рѣчь Посполитая постыдится допустить іерарховъ, подчиненныхъ патріарху - султанову рабу. Король Стефанъ много помогъ іезуитамъ, назначая на православныя епископіи и на монастырскія настоятельства людей, какіе нужны были для цѣлей уніи, большею частію изъ дворянъ, вовсе неприготовленныхъ къ духовному служенію и желавшихъ только попользоваться богатыми церковными имѣніями. Монастыри даже прямо раздавались католикамъ, напр. въ Польшѣ всѣ были отданы іезуитамъ. Въ епископы посвящались лица недостойныя, даже двоеженцы и женатые. Самъ митрополитъ кіевскій *Онисифоръ* былъ двоеженецъ. Епископы, перемышльскій *Михаилъ Копыстенскій*, холмскій *Діонисій Збируйскій* и пинскій *Леонтій Пельчинскій*, были женаты; послѣдніе двое и на епископствѣ продолжали жить съ женами. Будучи по происхожденію панами, архіереи и на

епархіяхъ жили, какъ паны, въ замкахъ, окруживъ себя вооруженными слугами и пушками, дѣлали наѣзды на чужія земли и дрались между собою; епархіи были для нихъ чѣмъ-то въ родѣ вотчинъ, съ которыхъ они получали доходы, нисколько не заботясь о церковныхъ дѣлахъ и интересахъ. Виднѣе всѣхъ епископовъ былъ луцкій *Кириллъ Терлецкій*, родомъ дворянинъ, образованный, ловкій и дѣятельный человѣкъ, но всего менѣе достойный быть православнымъ епископомъ по жизни; сосѣди его по землямъ не разъ жаловались суду на его буйство и наѣзды, сопровождавшіеся даже убійствами.

Въ такомъ положеніи находилась западно-русская церковь, когда на польскій престолъ вступилъ (1586 г.) *Сигизмундъ III*, съ дѣтства воспитанный іезуитами и готовый на все для католичества; при немъ наступило самое тяжелое время для православія. Какими же средствами могла располагать церковь для предстоящей ей борьбы, когда ея іерархія оказывалась несостоятельною для этой борьбы? Средства эти она и теперь находила въ той же живой связи съ народомъ и православными панами, на которую опиралась и прежде, т. е. именно въ томъ, въ чемъ іезуиты видѣли ея слабую сторону и ея позоръ. Между панами— защитниками православія главными явились переселенецъ изъ Москвы кн. Андрей Курбскій и кн. Константинъ Константиновичъ Острожскій.

Кн. Курбскій, ученикъ Максима Грека, по удаленіи изъ Москвы въ Литву посвятилъ на защиту православія всѣ свои средства и силы. Съ этою цѣлію онъ велъ живую переписку съ панами западной Руси, предостерегая ихъ одинаково и отъ протестантства и отъ католичества; писалъ посланія и къ вліятельнымъ горожанамъ. Не совѣтуя вступать съ католиками и еретиками въ споры, такъ какъ они ловко владѣютъ діалектикой, элокуціей и пронунціаціей, онъ убѣждалъ горожанъ больше учиться отъ св. книгъ въ трезвости, переставши растянувся лежать въ давнообыкломъ пьянствѣ. Считая самымъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ врагами умноженіе книгъ и переводовъ, онъ очень жалѣлъ, что по лѣности церковныхъ учителей не переведено на русскій языкъ и десятой доли отеческихъ книгъ, наконецъ даже самъ принялся за это дѣло, для чего уже старикомъ выучился латинскому языку. По его просьбѣ родственникъ его кн. *Мих. Оболенскій* три года учился въ краковской академіи, ѣздилъ за границу и потомъ помогалъ ему въ переводахъ. Кромѣ Оболенскаго, его помощниками были еще какой-то *Амвросій* затѣмъ бѣжавшій съ Соловковъ *Артемій* троицкій и другой московскій выходецъ *Маркъ Сарыгозинъ*.

Кн. Острожскій и его сотрудники. Кн. К. К. Острожскій, богатый и могущественный вельможа, около 1580 г. открылъ у себя *въ Острогѣ* высшую *школу*; это была самая древняя школа въ западной Руси вмѣстѣ съ *слуцкою*, открытою кн. Слуцкимъ. При школѣ заведена была *типографія*, въ которой работалъ извѣстный московскій первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ; вмѣстѣ съ виленской, львовской, заблудовской и краковской типографіями она долго снабжала богослужебными и учительными книгами всю Россію. Острожскій, какъ и Курбскій, велъ обширную переписку съ панами, много такъ же поддерживалъ своими средствами и вліяніемъ галицкія братства. Любовь къ просвѣщенію увлекала его иногда даже на опасную дорогу, къ дружбѣ съ протестантами, въ которой его укорялъ Курбскій, и къ мысли объ уніи съ римской церковью, отъ которой онъ ждалъ для православія просвѣтительныхъ средствъ; впрочемъ онъ мыслилъ унію не иначе, какъ подъ условіемъ согласія на нее всей православной церкви.—Самымъ важнымъ памятникомъ его ревности къ вѣрѣ осталась *острожская Библія* (1580—1581 г.), которая была первымъ печатнымъ изданіемъ Библіи въ Россіи. Изъ предисловія къ ней видно, какихъ трудовъ стоило ея изданіе; не было ни людей, способныхъ къ исправленію ея текста, ни даже полныхъ русскихъ списковъ Библіи. Единственный такой списокъ, присланный изъ Москвы въ 1575 г., оказался очень испорченнымъ. Острожскій выписалъ нѣсколько списковъ библейскихъ книгъ съ востока отъ п. Іереміи, съ о. Кандіи, изъ монастырей греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ; и все-таки нѣсколько книгъ (Товита, Іудиѳь и 3 Ездры) и частей другихъ книгъ (Іереміи, Іезекіиля, Притчей) оказалось нужнымъ перевести съ Вульгаты. Исправители текста оставили въ немъ множество грубыхъ ошибокъ, хотя и меньше въ сравненіи съ прежними рукописными редакціями.—Дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ князя былъ священникъ *Василій*, написавшій по поводу книги Скарги сборникъ, извѣстный подъ именемъ „Книги о единой истинной вѣрѣ“ (изд. 1588 г.).

Братства. Вельможное покровительство церкви однако не долго держалось. Благодаря іезуитамъ, паны быстро ополячивались и слѣдующее же поколѣніе ихъ выставило даже прямыхъ враговъ православію, каковыми были дѣти самихъ ревнителей вѣры,— сынъ Курбскаго *Димитрій* и сынъ Острожскаго *Янушъ*. Для церкви прочнѣе оказалась сила народная, сила городскихъ общинъ и *братствъ* съ ихъ школами. Въ концѣ XVI в. ихъ права получили подтвержденіе и расширеніе со стороны восточныхъ патріарховъ. П. *Іоакимъ* (антіохійскій) во время своего проѣзда чрезъ Россію (1586 г.) далъ грамату древнѣйшему *львовскому* братству. Утвердивъ обычныя правила всѣхъ братствъ о

братскихъ сходкахъ и взносахъ, о выборѣ старостъ, наблюденіи братьевъ за поведеніемъ другъ друга, братскомъ судѣ, взаимной помощи въ нуждахъ, патріархъ кромѣ того далъ львовскому братству право обличать противныхъ закону Христову, даже отлучать отъ церкви, обличать самихъ даже епископовъ; въ ряду другихъ братствъ оно объявлено старѣйшимъ. Поощренное патріархомъ, братство завело у себя госпиталь, типографію и школу и своимъ вліяніемъ на церковныя дѣла сильно стѣснило власть мѣстнаго львовскаго епископа *Гедеона Болобана*. Въ 1588 г. проѣздомъ въ Москву и въ 1589 на обратномъ пути западную Россію посѣтилъ константинопольскій патріархъ *Іеремія*. Онъ еще болѣе усилилъ львовское братство въ ущербъ власти Гедеона, давъ ему новыя права: печатать всякія книги, и церковныя и школьныя, руководить всѣмъ образованіемъ во Львовѣ, избирать и удалять отъ должности своихъ священниковъ. Іеремія убѣждалъ православныхъ заводить и другія братства. Кромѣ львовскаго братства, онъ утвердилъ своимъ благословеніемъ и граматою еще троицкое братство *виленское*, которое тоже завело у себя школу и типографію.

Неудовольствіе іерарховъ на п. Іеремію. Патріархъ принялъ сторону мірянъ,—одно уже это должно было вооружить противъ него всѣхъ епископовъ. Но онъ затронулъ ихъ еще болѣе чувствительнымъ образомъ. Низложивъ м. *Онисифора*, онъ поставилъ на его мѣсто новаго митрополита, *Михаила Рогозу*, единственно по рекомендаціи мірянъ, вопреки даже собственному мнѣнію о достоинствѣ этого человѣка. Рогоза былъ человѣкъ благочестивый и добрый, но, по своей слабости, наклонности служить двоимъ господамъ, дѣйствительно не годился на митрополію въ такое бурное и опасное время. Не довѣряя ему, Іеремія ограничилъ его власть усиленіемъ Кирилла Терлецкаго, котораго сдѣлалъ своимъ экзархомъ въ южной Россіи съ правомъ надзора и суда надъ епископами, и этимъ, разумѣется, очень огорчилъ митрополита. Не угодилъ онъ и Терлецкому, который мѣтилъ вовсе не на экзаршество, а на самую митрополію; притомъ же патріархъ не оказывалъ довѣрія и ему, принималъ и на него жалобы. Другіе епископы въ родѣ Діонисія и Леонтія были не мало встревожены граматами и дѣйствіями Іереміи противъ недостойныхъ священнослужителей и іерарховъ, хотя судъ его и не коснулся ихъ лично. Гедеонъ Болобанъ былъ недоволенъ патріархомъ за усиленіе львовскаго братства. Вслѣдствіе всего этого, какъ только патріархъ уѣхалъ, между іерархіей пошли самые раздражительные толки о тяжкой зависимости отъ Грековъ, о томъ, что Русскіе для Грековъ овцы, которыхъ они только стригутъ, но не кормятъ. Пріѣздъ патріарха дѣйствительно открылъ столько безпорядковъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ и такъ разочаровалъ всѣхъ въ его силѣ уничтожить эти безпорядки, что даже такой ревнитель православія, какъ кн. Острожскій, потерялъ надежду на помощь востока и сталъ думать объ уніи съ Римомъ.

Подъготовка уніи. Всѣхъ нужнѣе унія была епископамъ. Подчиненіе Риму должно было избавить ихъ отъ власти патріарха, уравнять въ правахъ съ польскими бискупами и освободить отъ непріятнаго вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны мірянъ, пановъ и братствъ И вотъ въ 1591 г. къ королю поступила просьба, подписанная четырьмя епископами,—Кирилломъ луцкимъ, Гедеономъ львовскимъ, Діонисіемъ холмскимъ и Леонтіемъ пинскимъ, о подчиненіи Русской церкви папѣ съ условіемъ сохраненія всѣхъ ея обрядовъ и обезпеченія правъ для ея іерархіи. Сигизмундъ былъ очень радъ, обѣщалъ просителямъ разныя милости, защиту отъ патріарха и неотъемлемость должностей. Все дѣло однако до поры до времени оставлено въ тайнѣ. Согласившіеся на унію епископы скоро нашли себѣ важнаго союзника, еще раньше ихъ помышлявшаго о соединеніи съ римской церковью;—это былъ вновь поставленный (въ 1593 г.) владимірскій епископъ *Ипатій Поцѣй,* человѣкъ знатнаго рода, родственникъ и пріятель кн. Острожскаго. Онъ былъ воспитанникомъ краковской іезуитской академіи, былъ сначала католикомъ, потомъ кальвинистомъ, наконецъ принялъ православіе. Сдѣлавшись епископомъ, онъ явился главнымъ дѣятелемъ уніи вмѣстѣ съ Терлецкимъ. Въ 1594 г. самъ король назначилъ ихъ обоихъ къ поѣздкѣ въ Римъ въ качествѣ уполномоченныхъ отъ другихъ владыкъ для заключенія акта уніи. Послѣ этого имъ оставалось собрать только самыя полномочія. Полученіе этихъ полномочій отъ епископовъ, участвовавшихъ въ первомъ рѣшеніи вопроса объ уніи, не представляло затрудненій; одинъ изъ нихъ Гедеонъ въ началѣ слѣдующаго 1595 г. составилъ у себя въ епархіи даже открытый соборъ о принятіи уніи и горячо торопилъ уполномоченныхъ приступить къ рѣшительному шагу. Оставалось уговорить главнаго первосвятителя Рогозу. Ипатій и Кириллъ энергично принялись за него, убѣдительно разъясняя ему съ одной стороны то, какія выгоды можно получить отъ уніи, а съ другой его затруднительное положеніе между недоброжелательствомъ къ нему патріарха и гнѣвомъ короля, если онъ откажется пристать къ уніи. Между тѣмъ лѣтомъ того же года составлены были самыя условія уніи для представленія королю и папѣ: упомянувъ о неприкосновенности православныхъ догматовъ и обрядовъ для уніатской церкви, владыки особенно настаивали здѣсь на утвержденіи своихъ іерархическихъ правъ отъ нарушенія со стороны свѣтскихъ властей, пановъ и братствъ, на цѣлости своихъ имѣній, дарованіи имъ сенаторскихъ званій и др.

правъ католическаго духовенства и на огражденія ихъ отъ церковнаго вліянія Грековъ. Рогоза подписалъ эти условія, но по своей слабохарактерности сталъ дѣйствовать двусмысленно; сносясь съ королемъ объ уніи, въ тоже время увѣрялъ православныхъ пановъ и братства, что не одобряетъ ея; обманывалъ и Терлецкаго съ Поцѣемъ,—стараясь выждать, чѣмъ кончится дѣло, не пріѣзжалъ къ нимъ на условленныя совѣщанія. Такое поведеніе его же поставило потомъ въ безвыходное положеніе. Терлецкій и Поцѣй, не надѣясь на него, вели все дѣло одни и надѣлали такъ много уступокъ латинству, что митрополитъ пришелъ въ ужасъ, а между тѣмъ слухи объ его измѣнѣ православію распространились и подорвали къ нему всякое уваженіе между православными.

Первый поднялся противъ уніи кн. Острожскій и разослалъ повсюду окружное посланіе, въ которомъ извѣщалъ православный народъ о замыслѣ митрополита и епископовъ, называлъ ихъ злодѣями, волками, Іудами, и всѣхъ православныхъ возбуждалъ постоять за истинную вѣру. Западная Россія взволновалась. Испуганный общимъ волненіемъ, Гедеонъ, болѣе всѣхъ торопившійся въ дѣлѣ уніи, отсталъ отъ своихъ товарищей, объявивъ въ свое оправданіе, что владыка Кириллъ его обманулъ, взялъ у него и другихъ епископовъ бланкеты за подписью для написанія на нихъ просьбы королю только о привиллегіяхъ прав. церкви, а написалъ что-то другое, противное православію. Къ нему присоединился еще другой изъ епископовъ, замышлявшихъ унію, перемышльскій Михаилъ Копыстенскій. Учитель львовскаго братства, перешедшій въ Вильну, *Стефанъ Зизаній* громилъ митрополита и епископовъ въ своихъ проповѣдяхъ и издалъ „Книжицу на римскій костёлъ“.

Поѣздка епископовъ въ Римъ и Брестскій соборъ. Терлецкій и Поцѣй спѣшили кончить свое дѣло и осенью 1595 г. отправились въ Римъ съ изъявленіемъ покорности папѣ. Тамъ въ читанномъ ими предъ лицемъ папы исповѣданіи вѣры они признали всѣ римскіе догматы: объ исхожденіи св. Духа, индульгенціяхъ, чистилищѣ, главенствѣ папы; отъ православіи такимъ образомъ оставлены были одни только обряды. Папа (Климентъ VIII) радовался, говорилъ ласковыя слова, назначилъ большое торжество и велѣлъ выбить медаль съ надписью: Ruthenis receptis. А между тѣмъ въ Россіи братства и священники предавали измѣнниковъ архіереевъ проклятію; Стефанъ Зизаній проповѣдывалъ, что папа антихристъ, и въ доказательство этой мысли издалъ особое сочиненіе: Казаніе св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ. Острожскій своими посланіями волновалъ дворянъ и мѣщанъ и грозилъ правительству возстаніемъ; даже нѣкоторые католики не чаяли отъ уніи ничего хорошаго впереди;

Въ концѣ 1596 г. собрался въ Брестѣ соборъ, на который, кромѣ епископовъ, духовенства и многихъ мірянъ, прибыли два патріаршихъ экзарха, *Никифоръ* отъ константинопольскаго и *Кириллъ Лукарисъ* отъ александрійскаго патріарховъ, и который съ самаго же начала раздѣлился на двѣ партіи, уніатскую и православную. Уніаты открыли засѣданія въ городскомъ соборѣ, а православные въ одномъ частномъ домѣ, потому что Поцѣй, въ епархіи котораго принадлежалъ Брестъ, распорядился затворить для нихъ всѣ городскіе храмы. Экзархъ Никифоръ три раза приглашалъ митрополита и 4 епископовъ уніатовъ на соборъ православныхъ; когда они не явились, соборъ лишилъ ихъ сана и единогласно отвергъ унію. Съ своей стороны уніатское собраніе отвѣчало проклятіемъ на православный соборъ и торжественнымъ актомъ о принятіи уніи, который былъ тогдаже подтвержденъ королемъ. Православные епископы были объявлены ослушниками митрополита и измѣнниками своей церкви, греческіе экзархи — шпіонами султана, всѣ православные — преступниками противъ духовной власти своихъ іерарховъ и противъ воли короля. Такъ совершилась пресловутая унія между православной и латинской церковію, явленіе, менѣе всего отвѣчавшее своему названію.

Непосредственно затѣмъ начались *гоненія на православіе*. Экзархъ Никифоръ былъ арестованъ и уморенъ голодомъ въ тюрьмѣ. Кириллъ Лукарисъ спасся бѣгствомъ изъ Россіи. Уніатскіе епископы выгоняли православныхъ священниковъ изъ приходовъ и ставили на ихъ мѣсто своихъ уніатовъ. Король объявлялъ банниціи (изгнанія) проповѣдникамъ православія, напр. Стефану Зизанію. Правительство тѣснило даже сильнаго кн. Острожскаго, насчитывая на него недоимки по сборамъ. Братства объявлены были мятежными сходками и подверглись преслѣдованіямъ. У православныхъ отбирали церкви; уніаты овладѣли даже кievософійскимъ соборомъ. Печерскій монастырь едва отстоялъ свою самостоятельность. Въ городахъ православныхъ не допускали до городскихъ должностей, стѣсняли въ ремеслахъ и торговлѣ. Нечего и говорить о страданіяхъ православнаго крестьянства, которое и прежде жило, какъ въ чистилищѣ, а теперь подверглось еще новымъ бѣдамъ отъ религіозной ревности своихъ пановъ. Въ имѣніяхъ католическихъ пановъ однѣ православныя церкви были обращаемы въ уніатскія, другія отдавались въ аренду жидамъ. Жидъ арендаторъ держалъ у себя церковные ключи и бралъ деньги за всякую церковную службу и требу, при чемъ жестоко издѣвался надъ религіей, за которую некому было заступиться. Ксёндзы съ своей проповѣдью, подкрѣпленной силой польскихъ жолнеровъ, ѣздили отъ церкви къ церкви на повозкахъ, въ которыя впрягали хлоповъ.

Противодѣйствіе уніи. И прежде хлопы толпами бѣгали въ вольную степь въ казаки. Послѣ уніи степь быстро наполнилась бѣглецами, которые приносили сюда страшную ненависть къ ляхамъ и къ уніи. Противогосударственное и противуобщественное казацкое общество получило неожиданно высокое значеніе, ставъ подъ знамя вѣры и народности. Какъ только началась унія, такъ въ Малороссіи закипѣли страшные бунты казацкіе за православіе.—Хлопы шли въ казаки, хотѣли защищать вѣру бунтами; паны выставили противъ уніи силу *конфедераціи*, и, чтобы сдѣлать эту конфедерацію грознѣе для правительства, сблизились съ протестантскими диссидентами, которые тоже терпѣли гоненіе за вѣру. Въ 1599 г., по иниціативѣ кн. К. Острожскаго, православные и протестантскіе паны съѣхались въ Вильнѣ и положили общими силами защищать свободу вѣры. Противъ уніи съ католиками выступила такимъ образомъ унія съ протестантами; но эта новая унія распалась въ самомъ началѣ и послужила только ко вреду православію, положивъ на него лишнее пятно союза съ еретиками, на которое потомъ постоянно указывали въ укоръ православнымъ и католики и уніаты.

Полемика противъ уніи. Въ тоже время возбудилась и другаго рода борьба съ уніей, борьба духовнымъ оружіемъ. Въ 1597 г. явились два сочиненія о Брестскомъ соборѣ, одно православное: „Эктезисъ", другое католическое, написанное Скаргой, въ которомъ православный соборъ признавался незаконнымъ, потому что міряне, которые составляли на немъ большинство, не имѣли права вмѣшиваться въ церковныя дѣла, обязаны были повиноваться своей іерархіи, а іерархія ихъ приняла унію. Сочиненіе Скарги вызвало „Апокрисисъ альбо отповѣдь", написанную (1598) *Христофоромъ Филалетомъ* (псевдонимъ *Христоф. Бронскаго*). Въ противность мыслямъ Скарги авторъ до крайности развилъ мысль о правѣ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ; въ христіанствѣ, по его мнѣнію, не одно колѣно Левіино пользуется священными правами, но всѣ цари и іереи; если нужно слушаться іерархіи, то правы православные, не приставши къ уніи съ своими владыками Гедеономъ и Михаиломъ; правы были бы и овцы Кирилла луцкаго, если бы вслѣдъ за нимъ потуречились, а потуречиться онъ очень можетъ; значитъ не на титулы духовные нужно смотрѣть, а на что-то иное. Раздраженіе іезуитовъ противъ Апокрисиса выразилось въ ихъ чрезвычайно бранномъ сочиненіи „Антиррисисъ", гдѣ Хр. Филалетъ уличается въ протестантствѣ. Со стороны православныхъ около 1605 г. во Львовѣ вышло еще очень подробное историческое сочиненіе о происхожденіи уніи—„Перестрога" (предостереженіе). Послышался сильный голосъ противъ уніи съ востока,—въ многочисленныхъ посла-

ніяхъ п. *Мелетія Пигаса* и русскихъ иноковъ съ Аѳона. Русскій монахъ *Іоаннъ Вишенскій* посылалъ оттуда свои посланія къ кн. Острожскому, къ львовскому братству и уніатскимъ епископамъ и написалъ „Краткое извѣщеніе о латинскихъ прелестѣхъ". Въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ онъ обличалъ упадокъ вѣры и благочестія въ высшихъ классахъ православнаго общества, мірскую жизнь русскихъ владыкъ, жадность ихъ къ почестямъ, правамъ и имѣніямъ, притѣсненія духовенству, наѣзды на чужія имѣнія, симонію и проч. Стараясь выставить превосходство бѣднаго и грубаго русскаго священника предъ блестящимъ ксендзомъ, строгій аѳонскій монахъ грубо смѣялся надъ образованіемъ послѣдняго, его щегольствомъ и изящными манерами, ригористически отрицалъ всю латинскую ученость, грамматику, риторику, діалектику называлъ дьявольскимъ коварствомъ, вмѣсто Платона и Аристотеля совѣтовалъ обратиться къ Часослову, Псалтыри и др церковнымъ книгамъ, совѣтовалъ больше молиться Богу, который одинъ можетъ спасти православныхъ отъ бѣдъ.

Въ *опровержение протестантскихъ ересей* православные мало пускались, хотя эти ереси, особенно кальвинизмъ, производили между ними не менѣе соблазна, чѣмъ между котоликами. Въ 1562 г. пасторъ *Симонъ Будный* для привлеченія православныхъ въ кальвинизмъ напечаталъ въ Несвижѣ кальвинскій катихизисъ на литовско-русскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ кальвинизмомъ съ половины XVI в. весьма сильно распространялось въ Литвѣ социніанство, въ которому примкнули между прочимъ извѣстные выходцы изъ Москвы—Ѳеодосій Косой и Игнатій. Гоненія за вѣру, открывшіяся послѣ объявленія уніи, заставляли православныхъ все болѣе и болѣе сближаться съ протестантами для совокупнаго отпора общему врагу. Изъ обличителей протестантства извѣстны только Артемій троицкій во время его пребыванія въ Литвѣ, кн. Курбскій и острожскій священникъ Василій. Въ посланіяхъ къ разнымъ лицамъ Курбскій называлъ лютеранъ врагами Божіими, безвѣрниками, псами, хулящими ... на церковь хуже Арія, не совѣтовалъ ни говорить съ ними, ни читать ихъ сочиненій. Василій въ своей Книгѣ о вѣрѣ помѣстилъ двѣ статьи на лютеранъ: о церкви и объ иконахъ, написанныя спокойнымъ тономъ и съ большою основательностію. Въ началѣ XVII в. неизвѣстный авторъ Бѣлоруссъ написалъ еще 12 статей противъ протестантовъ „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіи, о хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единыя".

Преемники Михаила Рогозы. Въ 1599 г. м. Рогоза умеръ въ горькомъ раскаяніи. Онъ не видѣлъ исполненія своихъ надеждъ на измѣну православію. Іерархія уніатская получила много имѣній, но сенаторскихъ мѣстъ такъ и не видала. Уніаты

влачили жизнь какими-то межеумками, презираемые и православными и католиками. Нравственное безсиліе уніи рѣзко бросалось въ глаза всѣмъ, потому что она приняла въ себя только самые дурные элементы изъ православнаго общества, деморализованную часть духовенства и тупыхъ отъ забитости хлоповъ. Паны и шляхта, измѣняя православію, стыдились ея и переходили прямо въ панскую вѣру,—католичество. Вся опора уніи была въ силѣ правительства. Послѣднею ловко воспользовался преемникъ Рогозы, энергичный *Ипатій Поцѣй*. Онъ завелъ нескончаемую борьбу съ православными іерархами, покушался завладѣть Кіевопечерскою лаврою съ ея богатыми имѣніями, отнималъ въ пользу уніатовъ имѣнія другихъ православныхъ монастырей и церквей, лишалъ православное духовенство мѣстъ, наполняя эти мѣста уніатами, и всѣми мѣрами старался подорвать силу православныхъ братствъ. Братскій Троицкій монастырь въ Вильнѣ со всѣми его церквами и имѣньями былъ отданъ уніатамъ, которые завели въ немъ свое уніатское братство, поставивъ во главѣ его архимандрита *Іосифа Вельямина Рутскаго*, воспитанника іезуитовъ и совершеннаго католика по убѣжденіямъ. Православное братство послѣ этого въ 1605 г. основалось въ другомъ, вновь устроенномъ виленскомъ монастырѣ св. Духа и завело съ митрополитомъ горячій процессъ. Въ 1609 г. православное населеніе Вильны, по милости Поцѣя, лишилось всѣхъ своихъ церквей, кромѣ только новой Духовской монастырской церкви, такъ какъ всѣ онѣ были отобраны въ унію. Среди общаго раздраженія одинъ панскій гайдукъ въ Вильнѣ покусился даже на жизнь Поцѣя, но успѣлъ только отрубить ему два пальца. Преступника казнили; пальцы Поцѣя долго лежали на престолѣ въ Троицкой церкви, какъ пальцы мученика. Послѣ этого православные подверглись, разумѣется, еще большимъ преслѣдованіямъ. Для увеличенія нравственныхъ силъ уніи Поцѣй прибѣгнулъ къ допущенію на церковныя мѣста уніатской церкви даже чистыхъ латинянъ въ родѣ Рутскаго; это должно было кромѣ того сближать унію съ Римомъ, подготовлять преобразованіе ея въ чистое латинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ подрывало самую ея сущность и потому возбуждало сильные протесты противъ митрополита даже въ средѣ самихъ уніатовъ.

Преемникъ Поцѣя *Іосифъ Рутскій* (1613 — 1637 г.) уже прямо приступилъ къ преобразованіямъ уніатской церкви въ латинскомъ духѣ. Бѣлое духовенство, близкое къ народу и приверженное къ слабымъ остаткамъ православнаго элемента въ уніи, не годилось для цѣлей латинства; Рутскій выдвинулъ напередъ монашество, сталъ обогащать монастыри новыми имѣніями и раздавать монахамъ всѣ важныя церковныя должности. Само уні-

атское монашество преобразовано было по образцу латинских орденов въ орденъ Василія Великаго или *Базиліанскій*. Базиліанскіе монастыри тогда же начали наполняться католиками. Съ этихъ поръ унія все болѣе и болѣе удалялась отъ православія и уклонялась къ латинству.

Положеніе православныхъ въ началѣ XVII в. сдѣлалось еще невыносимѣе. Ученый виленскій монахъ *Мелетій Смотрицкій*, бывшій тогда учителемъ братской школы, горько оплакивалъ бѣдствія православной церкви въ своемъ блестящемъ сочиненіи „Ѳриносъ, т. е. Плачъ церкви восточной“ (изд. 1610 г.), которое поразило своей печальной правдой самихъ латинянъ и считалось самымъ опаснымъ сочиненіемъ для католической церкви. Главная сила гоненія на православіе сосредоточивалась въ Литвѣ, на Волыни и въ Галиціи; Малороссія была нѣсколько спокойнѣе. Гетманъ казаковъ *Конашевичъ Сагайдачный* умѣлъ сдерживать фанатизмъ Поляковъ. Притомъ же казаки въ это время усердно служили Польшѣ въ войнѣ съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и было бы крайне неловко платить за ихъ вѣрную службу притѣсненіемъ Малороссіи. Что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, изображаетъ сильная рѣчь волынскаго депутата *Лаврентія Древинскаго* на сеймѣ 1620 г. „Уже въ большихъ городахъ, говорилъ онъ, церкви запечатаны, церковныя имѣнія расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ,—тамъ скотъ запираютъ. Дѣти мрутъ безъ крещенія; покойниковъ вывозятъ изъ городовъ безъ погребенія, какъ падаль; мужья съ женами живутъ безъ благословенія; народъ умираетъ безъ причащенія. Такъ дѣлается въ Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ. Во Львовѣ неуніатъ не можетъ къ цѣху приписаться; къ больному съ св. тайнами открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ тѣло православнаго покойника нужно вывозить въ тѣ только ворота, въ которыя изъ города вывозятъ нечистоту“... Орудіемъ іезуитовъ для оскорбленія православныхъ были между прочимъ оборванные жолнеры и рыцари, которые воротились изъ Москвы послѣ смутнаго времени и всегда были готовы буйствовать надъ мирнымъ населеніемъ. Другимъ такимъ же воинствомъ іезуитовъ были ихъ школьники, заводившіе съ православными уличныя драки и нападавшіе на православныя процессіи; нерѣдко они разносили цѣлыя церкви и дома. Православные жаловались въ судахъ, но управы не получали. Сильныхъ защитниковъ православія теперь уже не было. Самый дѣятельный изъ нихъ, кн. Острожскій умеръ въ 1608 г., а другіе сильные паны успѣли ополячиться. Остались одни защитники,—казаки. Православное духовенство порѣдѣло въ своихъ рядахъ. Умерли единственные православные епископы Гедеонъ (1607 г.) и Михаилъ (1612 г.), въ послѣднее время едва успѣвавшіе посвящать священниковъ на праздныя мѣста.

Послѣ нихъ со всей западной Руси за посвященіемъ приходилось обращаться къ одному львовскому епископу, *Іереміи Тиссаровскому*. Открылся опасный недостатокъ въ духовенствѣ, заставлявшій православныхъ по неволѣ обращаться съ требами къ попамъ уніатскимъ. Такое критическое время продолжалось до 1620 г.

Пріѣздъ Ѳеофана іерусалимскаго. Въ 1620 г. пріѣхалъ въ Малороссію іерусалимскій патріархъ *Ѳеофанъ* и посвятилъ для православныхъ митрополита *Іова Борецкаго* и 6 епископовъ: въ Полоцкъ, Владиміръ, Луцкъ, Перемышль, Холмъ и Пинскъ. Это возстановленіе православной іерархіи сильно встревожило іезуитовъ; по отъѣздѣ Ѳеофана они пустили слухи, что онъ самозванецъ и что епископы, имъ рукоположенные, не законны, притомъ же заняли каѳедры при живыхъ епископахъ (т. е. уніатскихъ). Король выдалъ универсалъ, которымъ вся вновь возстановленная іерархія православныхъ объявлялась незаконною и подвергалась преслѣдованію; поэтому новые архіереи должны были встать пока подъ защиту казаковъ, проживая большею частію въ Кіевѣ. Полемика съ уніей теперь исключительно занялась оправданіемъ Ѳеофана и поставленной имъ іерархіи. Мелетій Смотрицкій, посвященный въ епископа полоцкаго, написалъ для этого „Оправданіе невинности". Подъ конецъ этой полемики явилось сочиненіе, разсмотрѣвшее вполнѣ всѣ вопросы касательно уніи, „Палинодія" *Захаріи Копыстенскаго*, направленная противъ сочиненія уніатскаго архимандрита Льва Кревзы: Оборона уніи (1617 г.), но не было напечатано. Законность дѣйствій Ѳеофана была доказана; къ тому же казаки рѣшительно объявили, что не пойдутъ воевать на Турокъ, если правительство не признаетъ законности новой православной іерархіи. Лаврентій Древинскій на сеймѣ 1623 года опять возвысилъ свой голосъ въ защиту кореннаго закона Польши—о свободѣ вѣры. Сеймъ за множествомъ дѣлъ обѣщалъ утвердить права православныхъ на будущее время, а между тѣмъ опредѣлилъ изыскать средства къ примиренію уніатовъ съ православными и кассировалъ всѣ декреты, баниціи, секвестры и всякія тяжбы и распри, возникшія изъ-за религіозной вражды. Но въ то самое время, какъ миролюбивое настроеніе сейма стало было подавать надежды на примиреніе партій, случилось событіе, которое повело къ новымъ гоненіямъ противъ православныхъ. Это было:

Убіеніе Іосафата Кунцевича, полоцкаго уніатскаго епископа. Кунцевичъ былъ ученикъ іезуитовъ и самый рьяный поборникъ уніи, раздражившій своими насильственными мѣрами противъ православія всѣ города своей епархіи. Назначеніе въ Полоцкъ православнаго епископа Мелетія Смотрицкаго было для него страшнымъ ударомъ; чуть не вся его епархія отошла къ новому

епископу. Послѣ этого онъ прибѣгнулъ противъ православныхъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ насилія, такъ что даже самъ м. Іосифъ Рутскій и канцлеръ *Левъ Сапѣга* нашли нужнымъ умѣрить его ревность. Сапѣга написалъ къ нему длинное письмо, въ которомъ указывалъ на то, что его фанатизмъ дѣлаетъ унію вредной для самого государства, источникомъ опасныхъ волненій, и совѣтовалъ поступать съ православными умѣреннѣе, въ духѣ христіанской любви. Но Кунцевичъ не въ состояніи былъ внять этимъ совѣтамъ; въ фанатизмѣ своемъ онъ не заботился даже о собственной безопасности и добровольно самъ лѣзъ на подвигъ мученичества. Въ Витебскѣ, не дозволяя православнымъ служить даже въ шалашахъ за городомъ, онъ до того раздражилъ народъ, что чернь (осенью 1623 г.) бросилась на него, избила палками до смерти и обезображенный трупъ его бросила въ Двину. Легко понять, какъ это убійство повредило православію. Католики и уніаты причислили убитаго къ лику мучениковъ, составили легенды о его св. жизни, мученичествѣ и чудесахъ отъ его мощей. Папа Урбанъ VIII писалъ посланія къ королю, епископамъ и панамъ, взывая объ отмщеніи и проклиная тѣхъ, кто теперь удерживаетъ мечъ отъ крови. Многіе граждане Витебска были казнены; самый городъ лишенъ магдебургскаго права. Мелетій Смотрицкій, который болѣе всѣхъ долженъ былъ опасаться послѣдствій убіенія Кунцевича, оставилъ свою епархію и уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда на востокъ. По всему пространству польскихъ владѣній поднялось гоненіе на православныхъ, не исключая и Малороссіи, защитникъ которой Сагайдачный уже умеръ (1622 г.). Кіевъ едва спасся отъ запечатанія въ немъ всѣхъ православныхъ церквей, и то благодаря только рѣшительному протесту казацкаго войска. Для спасенія своего народа м. Іовъ въ 1625 г. рѣшился наконецъ просить ц. Михаила Θеодоровича принять Малороссію въ московское подданство. Царь отказалъ тогда въ этой просьбѣ, но мысль о московскомъ подданствѣ послѣ этого уже не пропадала въ Малороссіи.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ и усиленія вражды между уніатами и православными не пропадала однако и мысль *о соглашеніи между ними*, занимавшая сеймъ 1623 г. Она высказывалась и правительствомъ, желавшимъ водворить спокойствіе въ государствѣ, и уніатами, которымъ современныя тревоги тоже были очень не легки, и многими изъ самихъ православныхъ, въ томъ числѣ даже м. Іовомъ. Но всѣ проекты и попытки къ ея осуществленію не приводили ровно ни къ чему и причиняли только новыя огорченія православной церкви. Въ то время, какъ м. Іовъ и болѣе твердые въ православіи поборники мира думали устроить желаемое соглашеніе съ уніатами, не касаясь цѣлости самого право-

славія, другіе люди, отчасти потому что по образованію своему въ латинскихъ школахъ были уже значительно заражены латинскими мнѣніями, отчасти изъ видовъ честолюбія и исканія мірскихъ выгодъ, пошли путемъ, поведшимъ ихъ прямо къ уніи. Около 1526 г. перешли такимъ образомъ въ унію весьма видные люди изъ православныхъ, ректоръ кіевской школы *Кассіанъ Саковичъ* и ученый іеромонахъ *Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій*. Особенно же тяжела была для православныхъ *измѣна православію Мелетія Смотрицкаго*, одного изъ самыхъ горячихъ дѣятелей по вопросу о соглашеніи съ уніатами. Многіе изъ православныхъ давно уже замѣтили шаткость его богословскихъ убѣжденій и наклонность къ латинскимъ мнѣніямъ, проявлявшуюся въ его сочиненіяхъ (въ Оправданіи невинности и въ трактатѣ объ исхожденіи св. Духа) еще тогда, когда онъ былъ самымъ горячимъ борцомъ за православіе, замѣтили и его частыя сношенія съ уніатами. На епископствѣ его встрѣтили всѣ опасности, грозившія православнымъ іерархамъ среди тогдашняго раздраженія католиковъ и уніатовъ, и кромѣ того столкновенія съ сильнымъ виленскимъ братствомъ. На востокѣ онъ успѣлъ было выхлопотать патріаршую грамату противъ автономіи братствъ и ставропигій, но по возвращеніи въ Россію въ 1625—1626 г. встрѣченъ былъ за это съ такою ненавистью въ Кіевѣ, что послѣ этого даже не рѣшился и ѣхать къ себѣ въ Вильну, опасаясь тамъ еще худшаго пріема, а поселился въ богатомъ Дерманскомъ монастырѣ, для полученія котораго отъ его патрона кн. Заславскаго принялъ унію. Онъ впрочемъ еще болѣе года таилъ свое уніатство и продолжалъ сноситься съ м. Іовомъ по вопросу о соглашеніи съ уніатами, какъ православный епископъ. Когда отступничество его сдѣлалось несомнѣннымъ, онъ старался оправдать себя тѣмъ, что православная церковь сама сдружилась съ протестантами, что протестантскія ереси наполняютъ всѣ сочиненія ея защитниковъ,—Зизанія, Филалета, Ортолога, Василія острожскаго, что самъ п. Кириллъ Лукарисъ зараженъ кальвинизмомъ и что спасенія только и можно искать въ союзѣ съ одною неповрежденною церковію Римскою. Мысли эти онъ изложилъ въ сочиненіи, названномъ Апологіей. Кіевскій соборъ 1628 г. отлучилъ его отъ церкви. Слуцкій протоіерей *Андрей Мужиловскій* написалъ противъ его Апологіи „Антидотъ". Мелетій отвѣчалъ съ своей стороны „Расправою между Апологіей и Антидотомъ" и написалъ еще уніатское „Увѣщаніе къ Русскому народу". Онъ оставался потомъ вѣрнымъ уніи до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1633 г.

Еще раньше въ 1632 г. послѣдовала *смерть* главнаго покровителя уніи *короля Сигизмунда*, произведшая самое оживленное дви-

женіе въ средѣ православныхъ. Духовенство, дворяне, братства, казаки—всѣ готовили на предстоявшій конвокаціонный сеймъ свои представленія о возвращеніи православію отнятыхъ у него правъ и рѣшили не прежде приступить къ избранію короля, какъ рѣшенъ будетъ этотъ религіозный вопросъ. Виленское братство приготовило для сейма цѣлую книгу „Синопсисъ" или краткое обозрѣніе прежнихъ правъ прав. церкви. Слѣдовавшій за конвокаціоннымъ избирательный сеймъ удовлетворилъ желаніямъ православныхъ. Назначенная имъ комиссія подъ предсѣдательствомъ самого будущаго короля Владислава сполна выслушала все, что могли сказать одна другой и православная и уніатская партіи о своихъ счетахъ и обидахъ, и дала первой возможность доказать свою правоту. Послѣ сильныхъ споровъ и протестацій со стороны уніатовъ и католическаго духовенства она успѣла выработать чрезвычайно важныя для православныхъ статьи объ ихъ правахъ, получившія по утвержденіи королемъ значеніе государственнаго опредѣленія, по которому православная іерархія въ первый разъ послѣ 36 лѣтъ существованія уніи получила наконецъ законное признаніе со стороны правительства. Опредѣлено было: избрать одного православнаго митрополита и четверыхъ епископовъ на каѳедры львовскую, луцкую, перемышльскую и мстиславскую, предоставить православнымъ полную свободу вѣры, утвердить права ихъ братствъ, школъ и типографій и возвратить имъ нѣсколько церквей и монастырей.

Состояніе православія при Владиславѣ IV. Православные были очень рады, добившись утвержденія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ своихъ правъ, и питали впереди большія надежды на новаго короля *Владислава*, показавшаго себя справедливѣе своего предшественника. Но въ Рѣчи Посполитой ни короли, ни сеймы давно уже не имѣли силы приводить своихъ опредѣленій въ исполненіе. Лучшія церкви, монастыри и вотчины были произвольно удержаны за уніей. Правительство не могло сдерживать своею силою ни разныхъ наѣздовъ на православные монастыри, ни буйства іезуитскихъ школяровъ и черни надъ православными церквами. Вслѣдствіе такого безсилія правительства расправа за обиды естественно должна была, какъ и прежде, оставаться въ распоряженіи одной слѣпой народной силы. Въ отвѣтъ на несправедливости и жестокости католиковъ и уніатовъ вспыхнули казацкіе бунты, составлявшіе при Владиславѣ весьма характерное явленіе государственной жизни Польши. Въ отвѣтъ на бунты со стороны Поляковъ послѣдовали жестокія казни и новыя притѣсненія православію. По городамъ и селамъ, гдѣ было сильно католическое населеніе, даже въ самой Малороссіи, церкви, какъ и прежде, при фанатичномъ Сигизмундѣ, обращались въ костелы или пустѣли въ жидовской

арендѣ. Нѣсколькимъ пьянымъ шляхтичамъ ничего не стоило напасть на православную церковь, побить поповъ, взять сосуды или оклады съ иконъ и пропить въ шинкѣ у жида. Жидовки щеголяли въ нагрудникахъ изъ церковныхъ облаченій. Православные монахи и казаки цѣлыми толпами стали переселяться въ Великороссію, куда обращены были теперь взоры всѣхъ патріотовъ. Подготовлялось славное дѣло *Богдана Хмельницкаго*.

Петръ Могила. Пользуясь новымъ постановленіемъ коммиссіи о правахъ православной церкви, православные еще во время самаго сейма приступили къ избранію для себя новаго митрополита и епископовъ. Всѣ пять святительскихъ каѳедръ, утвержденныхъ сеймомъ, были уже заняты, но занимавшіе ихъ доселѣ іерархи не признавались отъ правительства законными, притомъ были всѣ люди или престарѣлые, или не совсѣмъ надежные по своимъ талантамъ; поэтому положено было всѣхъ ихъ замѣнить новыми. На митрополичью каѳедру былъ избранъ одинъ изъ депутатовъ сейма отъ духовенства, знаменитый *Петръ Могила*, сынъ валашскаго и молдавскаго воеводы Симеона Могилы. Въ молодости онъ получилъ высокое богословское образованіе отъ учителей львовскаго братства и въ заграничныхъ школахъ, потомъ послѣ потери его фамиліей господарства жилъ въ Польшѣ, участвовалъ въ битвѣ Поляковъ съ Турками подъ Хотиномъ, наконецъ въ 1627 г. постригся въ монахи и сдѣлался печерскимъ архимандритомъ, будучи всего 30 лѣтъ отъ роду. Предшественникомъ его по митрополіи былъ ревнитель православія *Исаія Копинскій*, уже преклонный старецъ. Онъ и назначилъ Могилу на сеймъ депутатомъ. Бывшій воеводичъ, имѣвшій большія связи среди польской и русской аристократіи, лично извѣстный самому королю, встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ уваженіемъ и тутъ же былъ избранъ православными депутатами сейма въ митрополиты. Король и п. Кириллъ Лукарисъ утвердили это избраніе и въ 1633 г. Могила былъ посвященъ во Львовѣ. Въ Кіевѣ его встрѣтили съ большимъ торжествомъ и радостью, но м. Исаія не хотѣлъ уступать ему своего мѣста, выставляя на видъ незаконность его избранія и поставленія при живомъ еще предмѣстникѣ, такъ что Могила долженъ былъ употребить противъ него насиліе. Своей ревностью къ православію и энергіею онъ скоро заставилъ свою паству забыть о престарѣломъ Исаіи. Послѣдній послѣ долгихъ пререканій съ своимъ преемникомъ провелъ остатокъ своей жизни въ безвѣстныхъ монастырскихъ подвигахъ († 1640 г.). Во время своего святительства Могила украсилъ Печерскую лавру, возстановилъ изъ полнаго почти разворенія отнятый имъ у уніатовъ Софійскій соборъ, древній Выдубецкій монастырь, церковь Спаса на Берестовѣ, церковь трехъ святителей и одинъ

придѣлъ Десятиннаго храма, находившагося въ развалинахъ, при чемъ обрѣлъ мощи кн. Владиміра, писалъ и издавалъ сочиненія въ защиту православія, исправлялъ церковныя книги и заботился объ усиленіи просвѣщенія въ православной церкви.

Православная образованность до П. Могилы. Мы видѣли, какъ всѣ братства заводили у себя школы. Въ самомъ Кіевѣ до 1615 г. особенно видныхъ школъ еще не было. Въ этомъ году жена мозырскаго повѣтоваго маршалка *Галшка* (Елизавета) *Гулевичева* пожертвовала мѣсто и нѣсколько зданій для устройства братскаго монастыря со школою. Послѣ этого вскорѣ православные устроили въ Кіевѣ новое *Богоявленское* братство съ знаменитымъ потомъ кіево-братскимъ училищемъ. Въ 1620 г. гетманъ Сагайдачный выстроилъ для братскаго монастыря Богоявленскую церковь, а п. Ѳеофанъ далъ ей права патріаршей ставропигіи. Первымъ ректоромъ школы былъ Исаія Копинскій, потомъ Іовъ Борецкій. Въ образованіи всѣхъ братскихъ школъ преобладалъ греческій элементъ, перенесенный сюда съ востока главными распространителями просвѣщенія въ южной Руси, каковыми были: елассонскій митрополитъ *Арсеній*, учившій во львовской школѣ, и Кириллъ Лукарисъ, бывшій учителемъ въ острожской школѣ. Не было въ этихъ школахъ многочисленныхъ классовъ и ученыхъ степеней; но образованіе ихъ тѣмъ не менѣе стояло высоко и было очень полезно для своего времени. Изъ нихъ вышли многіе видные дѣятели просвѣщенія, составители первыхъ учебниковъ для школъ, авторы полемическихъ сочиненій противъ уніи, авторы замѣчательныхъ произведеній по богословію и церковной проповѣди, переводчики и исправители книгъ.—Воспитанниками *острожскихъ* школъ были *Леонтій Карповичъ*, первый архимандритъ виленскаго Духова монастыря, извѣстный проповѣдникъ, и Мелетій Смотрицкій.—Изъ *львовскихъ* и *волынскихъ* школъ вышли: предшественникъ Могилы м. *Исаія*, корецкій протоіерей *Лаврентій Зизаній Тустановскій*, авторъ Большаго Катихизиса, м. *Іовъ Борецкій*, архимандритъ *Кириллъ Транквилліонъ*, написавшій „Учительное Евангеліе“ (1619) и „Зерцало богословія“ (1618)—первый опытъ систематической догматики, хотя впрочемъ не совсѣмъ чистый отъ латинскихъ мнѣній, іеромонахъ *Памва Берында*—составитель обширнаго славянскаго лексикона, печерскій архимандритъ, потомъ епископъ владимірскій *Захарія Копыстенскій* — авторъ „Палинодіи“. — *Кіевская* школа тоже успѣла выставить нѣсколько замѣчательныхъ писателей, каковы были: *Тарасій Земка*, написавшій ученый трактатъ о литургіи, игуменъ Михайловскаго монастыря *Ѳеодосій Сафоновичъ*, авторъ трактата „О церкви и ея тайнахъ“ и Хроники о

событіяхъ русской исторіи до 1290 г., и *Епифаній Славенецкій*, съ дѣятельностію котораго мы еще встрѣтимся въ Москвѣ.

Преобразованіе кіевской школы П. Могилою. Получивши образованіе западное, Могила былъ недоволенъ греческимъ образованіемъ русскихъ школъ. Еще будучи печерскимъ архимандритомъ, онъ хотѣлъ открыть у себя въ монастырѣ новую школу и уже собралъ въ нее нѣсколько ученыхъ учителей, отчасти изъ молодыхъ людей, получившихъ на его счетъ образованіе на западѣ, каковъ былъ *Иннокентій Гизель*, родомъ изъ Пруссіи, въ Кіевѣ принявшій православіе и монашество, отчасти изъ ученыхъ разныхъ братствъ, каковы были *Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ* и др.; но православные уговорили его не дѣлать этимъ подрыва прежней братской школѣ, послѣ чего въ 1632 г. онъ соединилъ свою школу съ братскою и сталъ преобразовывать послѣднюю на новый ладъ. Онъ обстроилъ ее новыми зданіями, обогатилъ лаврскими вотчинами, собиралъ на нее пожертвованія, а сдѣлавшись митрополитомъ, переименовалъ ее въ коллегію. По примѣру іезуитскихъ коллегій она стала раздѣляться на школы или классы: низшія—фару, инфиму, грамматику, синтаксиму, піитику и риторику, и высшія—философскую и богословскую. За недостаткомъ положительныхъ свѣденій о кіевской коллегіи за время П. Могилы, объ устройствѣ ея при немъ можно судить болѣе по тому, какою она является въ ближайшее время уже послѣ его смерти. Начальственными лицами въ ней были ректоръ (первый Исаія Трофимовичъ), префектъ (Сильвестръ Коссовъ) и суперъ—интендентъ, имѣвшій помощниками сеніоровъ, цензоровъ и визитаторовъ изъ учениковъ. Въ высшихъ классахъ введены были богословскіе и философскіе диспуты на латинскомъ языкѣ, которые были посѣщаемы множествомъ любопытныхъ Кіевлянъ, большею частію не понимавшихъ въ нихъ ни слова. Науки преподавались по схоластическому методу; въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи—Ѳома Аквинатъ Изъ языковъ славянскій стоялъ на второмъ планѣ, греческій преподавался слабо, за то латинскій получилъ полное господство, употреблялся и на лекціяхъ, и въ оккупаціяхъ учениковъ, и на диспутахъ, и въ обыкновенномъ разговорѣ учениковъ; кто проговаривался порусски, того записывали въ calculus (листъ въ дерев. футлярѣ); бѣда, если calculus оставался у виноватаго на ночь,—въ немъ писалось тогда: pernoctavit apud dominum NN, и бѣдный dominus на другой день подвергался наказанію.

На первыхъ порахъ въ Кіевѣ очень непривѣтливо встрѣтили новую науку. Духовенство, шляхта и казаки стали толковать, что школяры уклонились въ латинство, грозились школу раззорить, а латынщиками начинить днѣпровскихъ осетровъ. Въ коллегіи

такъ были напуганы этимъ волненіемъ, что всѣ стали исповѣдоваться, готовясь къ смерти. Сильвестръ Коссовъ въ 1635 г. написалъ по этому поводу Сказаніе или отчетъ о кіевскихъ школахъ, въ которомъ увѣрялъ всѣхъ въ строгомъ ихъ православіи и доказывалъ необходимость новой науки и латинскаго языка въ спорахъ съ латинами, на судахъ и на сеймахъ. Коллегія поправила свою репутацію и отстояла свою латынь. Среди одушевленнаго религіознаго движенія того времени для ученыхъ дѣйствительно пока еще не было особенной опасности съ латинскимъ языкомъ всосать въ себя и латинскую мысль, съ Ѳомой Аквинатомъ усвоить и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы. Опасность эта стала обнаруживаться нѣсколько позже. Преобразовавшись на польскій іезуитскій ладъ, коллегія пока еще далека была такъ же и отъ ополяченія, потому что исключительно была связана съ средними классами, мѣщанами, казаками и мелкой шляхтой, сохранявшими свою русскую народность еще во всей ея свѣжести, притомъ же была заведеніемъ открытымъ и постоянно обновлялась приливомъ свѣжихъ народныхъ силъ.

Ученые труды П. Могилы и его коллегіи. Своими учеными трудами на пользу церкви коллегія скоро затмила всѣ братскія школы. Самъ Петръ Могила написалъ (1644) книгу *Λίϑος* или Камень на сокрушеніе лжи бывшаго ректора Кассіана Саковича, который въ своемъ сочиненіи „*Ἐπανόρϑωσις* або перспектива заблужденій дезунитской церкви", обвинялъ православныхъ въ протестантствѣ, порчѣ обрядовъ и невѣжествѣ духовенства. Не задолго до этого въ Европѣ распространилось на латинскомъ языкѣ „Восточное Исповѣданіе православной вѣры", ложно приписанное п. Кириллу Лукарису; оно все было проникнуто кальвинистскими идеями и сдѣлалось причиной многихъ нареканій на православіе. По порученію митрополита кіево-николаевскій игуменъ *Исаія Трофимовичъ* для устраненія этихъ нареканій написалъ новое „Православное Исповѣданіе вѣры". Соборъ 1640 г., созванный Могилою въ Кіевѣ, разсмотрѣлъ это сочиненіе, важное тогда для всей восточной церкви, и отправилъ его на востокъ для новаго разсмотрѣнія. Разсмотрѣніе это состоялось на соборѣ представителей греческой и русской церкви, собравшемся въ 1641—42 гг. въ Яссахъ. Въ 1643 г. послѣдовало утвержденіе этого исповѣданія восточными патріархами, но печатаніе книги и даже возвращеніе ея въ Кіевъ по обстоятельствамъ замедлилось, а между тѣмъ явились новыя нареканія на православныхъ, будто они три года разсматриваютъ свое исповѣданіе и ничего съ нимъ подѣлать не могутъ. Вслѣдствіе этого П. Могила въ 1645 г. издалъ Православное Исповѣданіе на польскомъ и русскомъ языкахъ въ сокращенномъ видѣ подъ названіемъ „Собраніе краткой науки о

артикулахъ вѣры (Малый Катихизисъ)". Полное Православное Исповѣданіе было издано уже чрезъ 20 лѣтъ, и то только на греческомъ языкѣ (въ Амстердамѣ 1662 г.), а на славянскомъ явилось уже въ 1696 году.—Кромѣ защиты вѣры, митрополитъ занимался исправленіемъ церковныхъ книгъ, въ чемъ ему помогали ученые члены братства. Однимъ изъ важнѣйшихъ его изданій по этой части было изданіе (1646 г.) большаго Требника; въ немъ собраны были всѣ чины православной церкви по греческимъ и славянскимъ требникамъ, дополнены новыми чинами на тѣ случаи, на которые въ Русской церкви ихъ не было, заимствованными изъ католическихъ требниковъ или составленными вновь самимъ Могилою, кромѣ того снабжены подробными объясненіями литургическаго, догматическаго и каноническаго содержанія. Изъ сотрудниковъ Могилы особенную извѣстность получилъ *Сильвестръ Коссовъ*, бывшій его преемникомъ по митрополіи. Кромѣ апологіи школамъ, онъ написалъ книгу „О седьми тайнахъ" (1637) и издалъ въ сокращенномъ видѣ Печерскій Патерикъ (1635 г.) съ примѣчаніями (на польско-русскомъ языкѣ). Инокъ Печерскаго монастыря *Аѳанасій Кальнофойскій* напечаталъ (1638) книгу: „Тератургима" о чудесахъ, совершившихся въ Печерскомъ монастырѣ, составлявшую какъ бы продолженіе Патерика.

Послѣ смерти П. Могилы (въ самомъ началѣ 1647 г.) для коллегіи настали несчастныя времена. Пожертвованія на нее дворянства и казаковъ прекратились по случаю возстанія Хмельницкаго. Лаврскія вотчины, выпрошенныя для нея Могилой, были отобраны опять въ лавру. Ученики высшихъ классовъ, увлеченные патріотическимъ движеніемъ, уходили подъ знамена Богдана, такъ что въ высшихъ классахъ ученіе на время совсѣмъ прекратилось. При всемъ томъ дѣло Могилы оказалось прочнымъ и не погибло отъ невзгодъ. Кіевская коллегія, получившая названіе *Могилянской*, неуклонно продолжала развиваться въ указанномъ ей направленіи и сдѣлалась потомъ разсадникомъ образованія для всей Россіи.

VI. МОСКОВСКОЕ ПАТРІАРШЕСТВО.

Состояніе іерархіи.

Начало смутнаго времени. Восточная русская церковь въ началѣ XVII в. тоже подверглась опасности отъ напора католичества. Въ концѣ XVI в. угасъ возвеличенный ею и бывшій крѣпкою ея опорой родъ Рюриковичей, выставивъ изъ среды своей святаго мученика, *Димитрія Іоанновича* углицкаго, убитаго сто-

ронниками *Бориса Годунова* (1591 г.). Послѣ смерти послѣдняго Рюриковича, царя Θеодора (1598 г.), на престолъ сѣлъ Годуновъ, но не успѣлъ сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи. Загадочный самозванецъ, тѣнь убіеннаго Димитрія, прекратилъ эту династію въ самомъ ея началѣ, и наступило смутное время, время тяжкихъ испытаній и для Русской земли и для Русской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ время обнаруженія внутренней мощи той и другой. Церковной іерархіи, послѣ долгаго ея униженія, открылось обширное поприще снова явить свое высокое земское значеніе и выдержать трудное, но привычное стояніе за благо земли и церкви.

Явленіе самозванца было страшнымъ событіемъ сколько для государства, столько же и для церкви, потому что онъ явился орудіемъ іезуитовъ, угрожая православію той же участью, какой оно подвергнулось въ западной Россіи. Желая найти для себя поддержку въ могущественномъ орденѣ братьевъ Іисуса, онъ позволилъ обратить себя въ католичество и завязалъ дѣятельныя сношенія съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, *Рангони*. Въ началѣ 1604 г. въ Краковѣ нунцій взялъ съ него клятву послушанія римскому престолу, совершилъ надъ нимъ мνропомазаніе и причастилъ его. Въ своемъ посланіи къ папѣ самозванецъ обѣщался обратить въ католичество всю Россію и немедленно былъ обнадеженъ изъ Рима въ содѣйствіи апостольской власти. Въ тоже время онъ письменно обязался отдать своей будущей супругѣ паннѣ *Маринѣ Мнишекъ* Новгородъ и Псковъ съ правомъ строить въ нихъ католическіе костелы и монастыри, а будущему тестю пану *Мнишку* обѣщалъ во владѣніе княжества Смоленское и Сѣверское.

Дѣятельность п. Іова противъ самозванца. П. Іовъ со всею твердостію всталъ противъ самозванца. Онъ посылалъ пословъ къ кн. Острожскому и къ польскому духовенству съ увѣщаніемъ не вѣрить Лжедимитрію, старался разсѣять тревожные толки объ немъ въ самой Россіи, предалъ его анаθемѣ, во всѣхъ церквахъ велѣлъ читать грамату, въ которой доказывалось, что ложный Димитрій былъ не кто иной, какъ разстрига монахъ Чудова монастыря *Григорій Отрепьевъ*, и предавались проклятію всѣ, которые будутъ стоять за него. Послѣ смерти Бориса онъ такъ же ревностно дѣйствовалъ въ пользу сына Борисова *Θеодора*. Въ 1605 г., овладѣвъ Москвой, приверженцы самозванца прежде всего приступили къ сверженію патріарха. Въ Успенскомъ соборѣ во время литургіи они сорвали съ него святительскую одежду, облекли въ рясу простаго монаха и отвезли въ Старицкій монастырь, откуда онъ нѣкогда и взятъ былъ на митрополію. Царь Θеодоръ былъ убитъ и на престолъ вступилъ самозванецъ.

Опасности для православія при самозванцѣ. На мѣсто Іова новый царь выбралъ въ патріархи рязанскаго архіепископа *Игнатія*, родомъ Грека, который въ молодости воспитывался въ Римѣ, затѣмъ былъ нѣкоторое время епископомъ кипрскимъ, наконецъ явился въ Россію и получилъ здѣсь рязанскую каѳедру. По своему характеру и убѣжденіямъ онъ могъ быть очень удобнымъ орудіемъ для Рима. Чтобы привлечь къ себѣ духовенство, новый царь пожаловалъ всѣхъ русскихъ архіереевъ званіемъ сенаторовъ. Между прочимъ онъ сдѣлался орудіемъ возвышенія знаменитаго послѣ іерарха Русской церкви, *Филарета Романова*, въ мірѣ боярина Ѳедора Никитича, постриженнаго насильно при Годуновѣ вмѣстѣ съ другими Романовыми. Какъ родственникъ Грознаго, онъ былъ вызванъ мнимымъ сыномъ Грознаго изъ заточенія и получилъ Ростовскую митрополію. Между тѣмъ изъ Польши явились іезуиты и поставили костелъ свой въ самомъ кремлѣ. Новый царь, окружилъ себя Поляками и др. иноземцами, покровительствовалъ иностраннымъ обычаямъ, смѣялся надъ невѣжествомъ Русскихъ, обѣщалъ посылать ихъ для науки за границу, плохо молился Богу, не соблюдалъ постовъ. Въ народѣ пошла молва, что онъ еретикъ, въ доказательство чего, сообразно съ тогдашними понятіями, указывали между прочемъ и на то, что онъ послѣ обѣда не спалъ и не ходилъ по субботамъ въ баню. Самозванецъ не разъ высказывалъ мысль о соединеніи церквей, говаривалъ, что вѣра латинская и греческая одинаковы, что для соединенія церквей можно созвать VIII вселенскій соборъ и т. п., но къ открытымъ мѣрамъ противъ православія не прибѣгалъ, хорошо понимая, какъ эти мѣры были бы пагубны въ Россіи. Въ Римѣ, разумѣется, этого не понимали и обвиняли его въ нерѣшительности. Отъ папы одно за другимъ посылались къ нему посланія съ настойчивыми увѣщаніями поскорѣе просвѣтить русскій народъ, сѣдящій во тьмѣ и сѣни смертной. Вдругъ самозванецъ, вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу католичества, попросилъ у папы позволенія самой Маринѣ пока таить свое католичество и исполнять греческіе обряды. И папа и нунцій сильно возстали противъ этого. Но спустя немного, когда Марина была уже въ Москвѣ, Лжедимитрій опять извѣщалъ, что въ Россіи нельзя ни костеловъ строить, ни іезуитовъ принять оффиціально, что царица должна непремѣнно сообразоваться съ народными обычаями, ходить въ православную церковь, причащаться, соблюдать посты, а костелъ держать у себя тайно. Въ Римѣ сердились на это, а въ Россіи между тѣмъ оказывалось труднымъ оставить Марину и тайною католичкою. Между духовенствомъ нашлись твердые ревнители вѣры, казанскій митрополитъ *Гермогенъ* и коломенскій епископъ *Іосифъ*, которые рѣшительно объявили, что невѣста царя должна

торжественно принять православіе, иначе бракъ съ нею будетъ незаконнымъ. Отъ этихъ ревнителей царь успѣлъ отдѣлаться, Іосифа заставилъ молчать, а Гермогена выслалъ изъ столицы на епархію. Но нельзя было такъ легко отдѣлаться отъ волненія въ народѣ. Являлись люди, которые въ глаза называли самозванца еретикомъ; ихъ готовность пострадать за правду и православіе хорошо показывала, какъ встревожена была народная масса. Бракъ съ Мариной былъ роковымъ событіемъ для самозванца; онъ совершенъ былъ какъ разъ подъ пятницу и на Николинъ день. Во время свадебныхъ торжествъ буйная шляхта, наѣхавшая въ Москву на свадьбу, своими буйствами раздражила весь народъ. Въ ночь на 17 мая 1606 г. общее раздраженіе наконецъ всплыхнуло страшнымъ бунтомъ, среди котораго самозванецъ былъ убитъ. Вслѣдъ за этимъ немедленно свергнутъ былъ и поставленный имъ п. Игнатій. Онъ потомъ жилъ въ Литвѣ, принявъ тамъ унію; умеръ въ 1640 г.

П. Гермогенъ и новый самозванецъ. Царемъ сдѣлался виновникъ переворота кн. *Василій Васильевичъ Шуйскій*, а патріархомъ избранъ Гермогенъ казанскій, который, какъ мы видѣли, достаточно уже обнаружилъ твердость своего характера и стойкость въ православіи при самозванцѣ. Во время своего патріаршества онъ явился непоколебимымъ столпомъ церкви и государства. Современники укоряли его въ жесткости нрава, излишней строгости, грубой прямотѣ въ рѣчахъ и поступкахъ; такимъ дѣйствительно и долженъ былъ казаться этотъ прямой, честный и стойкій человѣкъ среди общества, которое издвоедушничалось отъ нещѣвъ. По своей прямотѣ онъ былъ не въ ладахъ и съ царемъ, но эти личныя отношенія не мѣшали ему твердо стоять за Шуйскаго, какъ за царя вѣнчаннаго. Когда пошли слухи о второмъ самозванцѣ; онъ вмѣстѣ съ царемъ торжественно перенесъ въ Москву мощи истиннаго Димитрія. Мѣра эта впрочемъ не помогла къ успокоенію народа, потому что въ Москвѣ еще хорошо помнили, какъ тотъ же Шуйскій, который теперь съ благоговѣніемъ несъ мощи Димитрія чрезъ всю Москву, свидѣтельствовалъ прежде, что царевичъ самъ закололь себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Напрасно также патріархъ хотѣлъ подѣйствовать своими увѣщательными грамотами на мятежниковъ, которые подъ начальствомъ *Болотникова* поднялись во имя новаго самозванца въ сѣверской украйнѣ. Волненіе въ самое короткое время охватило чуть не всю Русь. Тогда царь и патріархъ прибѣгнули къ новому средству для успокоенія умовъ, назначивъ церемонію торжественнаго народнаго покаянія. Для нея нарочно вызвали изъ Старицы уже слѣпаго и дряхлаго п. Іова. Составлена была трогательная грамата, въ которой излагалось народное непослушаніе измѣнъ, клят-

воспреступленій, убійствъ, оскорбленій святыни и другихъ земскихъ грѣховъ со смерти царя Ѳеодора. Церемонія совершилась въ Успенскомъ соборѣ. По прочтеніи протодьякономъ грамоты народнаго покаянія патріархи велѣли прочитать отъ своего имени грамату разрѣшенія. Іовъ вскорѣ послѣ этого умеръ, даже не доѣхавъ обратно до Старицы. Но желанныхъ результатовъ не оказала и эта церемонія. Волненіе во имя Димитрія все возрастало, не смотря даже на то, что самозванца, который бы принялъ на себя это имя, еще не оказывалось на лицо. Наконецъ нашелся такой человѣкъ. Панъ Мнишекъ призналъ его зятемъ, а панна Марина мужемъ. Явились около него и Поляки съ іезуитами. Въ Польшѣ ему написали цѣлый наказъ, какъ дѣйствовать для распространенія въ Россіи католичества или уніи. По этому наказу всѣхъ Русскихъ, особенно духовенство, предполагалось совершенно оттереть отъ престола, окружить послѣдній католиками и уніатами, бояръ и другихъ людей побуждать къ переходу въ католичество или унію всякими мѣрами, повышеніями по службѣ, воспитаніемъ въ уніатскихъ и католическихъ школахъ, строеніемъ костеловъ, изгнаніемъ изъ Россіи Грековъ, поставленіемъ на высшія церковныя мѣста лицъ склонныхъ къ уніи и т. п.

Дѣятельность іерархіи противъ самозванца. П. Гермогенъ ободрялъ царя, увѣщевалъ бояръ и народъ, разсылалъ по городамъ граматы, въ которыхъ описывалъ дѣла и смерть перваго самозванца, указывалъ на опасности для православія отъ Поляковъ, предавалъ проклятію всѣхъ, кто измѣнитъ законному царю. За царя и гражданскій порядокъ ревностно стояли и другіе святители. М. казанскій *Ефремъ* изрекъ проклятіе за измѣну на г. Свіяжскъ и этимъ такъ поразилъ горожанъ, что они просили снять съ нихъ святительскую клятву, обѣщаясь впредь быть вѣрными Шуйскому. Тверской архіепископъ *Ѳеоктистъ* такъ одушевилъ свою паству, что въ 1606 г. мятежныя войска были отбиты отъ Твери; но въ 1608 г. городъ былъ взятъ и самъ святитель былъ убитъ. *Галактіонъ* суздальскій умеръ въ изгнаніи за то, что не хотѣлъ благословить самозванца. *Исидоръ* новогородскій успѣлъ поддержать въ Новогородцахъ вѣрность къ царю, не смотря на измѣну Пскова. *Іосифъ* коломенскій, сопротивлявшійся первому самозванцу по вопросу о бракѣ съ Мариною, былъ схваченъ воинами втораго; его привязали къ пушкѣ и всюду волочили за собою. Когда толпы измѣнниковъ заняли Ростовъ (1608 г.), м. Филаретъ съ вѣрными гражданами заперся въ соборѣ, приготовляясь съ ними къ мученической смерти пріобщеніемъ св. таинъ. Двери церковныя были отбиты, мятежники перебили множество народа и осквернили святыню храма. Митрополита босаго, въ изодранной польскомъ платьѣ и въ татарской шапкѣ, съ поруганіемъ отвезли

въ Тушино. Но самозванецъ принялъ его, какъ родню, и сдѣлалъ его у себя нареченнымъ патріархомъ. Святитель былъ отбитъ у мятежниковъ уже въ 1610 г. *Скопинымъ-Шуйскимъ*.

Высокими патріотическими подвигами отличились и *русскіе монастыри*. Еще въ началѣ царствованія Шуйскаго Троицкая лавра пожертвовала государству 18,000 рублей. Потомъ съ сентября 1608 г. ей пришлось выдерживать трудную 16-мѣсячную осаду отъ 30,000 польскаго войска подъ начальствомъ *Сапѣги* и *Лисовскаго*. Осада загнала въ стѣны обители множество народа съ женами и дѣтьми изъ окрестностей, такъ что не доставало ни мѣста для ихъ помѣщенія, ни запасовъ для прокормленія. Настала страшная зима безъ дровъ, безъ съѣстныхъ припасовъ, среди свирѣпствовавшей цынги; но осажденные все это выдержали, подкрѣпляемые сильнымъ религіознымъ одушевленіемъ и вѣрою въ помощь пр. Сергія. Пр. Сергій являлся разнымъ людямъ въ видѣніяхъ, предсказывая побѣду и предупреждая о нападеніяхъ враговъ; видѣли, какъ онъ самъ ходилъ по стѣнамъ обители и кропилъ ихъ св. водою. Не смотря на всю крайность своего положенія, лавра пожертвовала правительству до 2000 рублей во время самой своей осады. Когда Москва тоже была осаждена Тушинцами и терпѣла сильный голодъ, Троицкій монастырь дважды открывалъ свои житницы и, пуская хлѣбъ въ продажу по обыкновенной цѣнѣ, подрывалъ этимъ своекорыстныхъ торговыхъ людей, которые имѣли безсовѣстность воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ для своихъ барышей.—Подобныя жертвы приносили и другіе монастыри. Кирилловъ монастырь обратился въ крѣпость и цѣлыя 5 лѣтъ выдерживалъ осады буйныхъ полчищъ; Соловецкій монастырь въ два раза переслалъ въ Москву болѣе 17,000 рублей; Спасоприлуцкій отдалъ на жертву отечеству всю свою наличную казну. Кромѣ того изъ монастырскихъ стѣнъ шли религіозныя воззванія, одушевлявшія народъ на борьбу съ врагами. По мѣрѣ того, какъ возрастали неистовства тушинскихъ казаковъ и Поляковъ, религіозно-патріотическое движеніе охватывало все большую и большую массу народа. Города переписывались между собою о возстаніи. Побѣды Скопина-Шуйскаго стали было поправлять дѣла государства, но нашествіе Сигизмунда и смерть молодаго народнаго героя, въ которой подозрѣвали самого царя, погубили всѣ прежніе успѣхи.

Нашествіе Сигизмунда. Пользуясь смутой въ Россіи, Сигизмундъ потребовалъ московской короны для своего сына *Владислава* и осадилъ Смоленскъ. Смольняне хорошо знали, что дѣлалъ король въ Литвѣ, и дали обѣтъ стоять за вѣру и за царя до смерти. Изъ Русскихъ на сторону Сигизмунда прежде всего перешли Тушинцы. Оставленные Поляками, которые ушли къ королю, и

ослабѣвшимъ самозванцемъ, который бѣжалъ въ Калугу, они заключили съ Сигизмундомъ договоръ и признали Владислава царемъ. Потомъ въ пользу королевича образовалась партія въ самой Москвѣ. Еще въ началѣ 1609 г. недовольные царемъ вытащили п. Гермогена на лобное. мѣсто и, тряся его за вороть, требовали у него согласія на перемѣну царя. Патріархъ не побоялся толпы и честно заступился за Шуйскаго. На этотъ разъ попытка свергнуть Василія не удалась. Но когда царь былъ заподозрѣнъ въ загадочной смерти Скопина, когда русскія войска, лишившись любимаго вождя, были разбиты Поляками и гетманъ короля *Жолкѣвскій* сталъ подъ самой Москвой, провозглашая царемъ Владислава, патріарху уже невозможно было спасти Василія. Въ іюлѣ 1610 г. толпы народа, поднятые Захаромъ Ляпуновымъ, Салтыковымъ и др. боярами, свергли его съ престола; потомъ сверженный царь былъ насильно постриженъ въ монахи.

Переговоры объ избраніи Владислава. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно поднялся вопросъ объ избраніи новаго царя; чернь хотѣла тушинскаго вора; патріархъ предлагалъ выбрать царя изъ бояръ, кн. *Василія Голицына* или *Михаила Ѳеодоровича Романова*, сына Филарета; бояре тянули къ Польшѣ, хотѣли въ цари Владислава. Послѣдняя партія одержала верхъ и позволила Жолкѣвскому занять Москву польскими войсками. Для окончательныхъ переговоровъ съ королемъ отправлены были подъ Смоленскъ послы, кн. Голицынъ и Филаретъ съ келаремъ Троицкой лавры *Авраміемъ Палицынымъ* и съ большою свитою изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Патріархъ долженъ былъ согласиться на желаніе господствующей партіи, настоялъ только, чтобы послы въ своихъ переговорахъ о Владиславѣ имѣли необходимымъ условіемъ обращеніе королевича въ православную вѣру. Отъѣзжая къ королю, Жолкѣвскій захватилъ съ собой и постриженнаго царя Василія. Всѣ опасные для короля люди теперь были въ его рукахъ, и онъ возвысилъ свои требованія, отказался отъ всѣхъ предложенныхъ ему условій, потребовалъ московской короны уже для самаго себя и прежде всего настаивалъ на немедленной сдачѣ Смоленска. Послы съ своей стороны твердо стояли на своихъ требованіяхъ, чтобы Владиславъ скорѣе былъ отпущенъ въ Москву и принялъ православіе, не уступили ни шагу даже тогда, когда изъ Москвы пришли граматы отъ бояръ съ распоряженіемъ отдаться во всемъ на волю королевскую. Филаретъ и Голицынъ объяснили, что ихъ отпускали патріархъ, бояре и всѣ люди вмѣстѣ, а не одни бояре, и что граматы за подписью однихъ бояръ для нихъ не обязательны. Паны было возражали, что патріархъ лице духовное и въ свѣтскія дѣла вступаться не долженъ; но послы отвѣчали на это: „Изначала у насъ въ Русскомъ государствѣ такъ повелось:

если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ; теперь же мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный". Въ апрѣлѣ 1611 г. послы, по повелѣнію раздраженнаго короля, были отправлены въ Маріенбургъ плѣнниками. Смоленскъ все еще продолжалъ защищаться, подкрѣпляемый воеводой Шеинымъ и увѣщаніями архіепископа *Сергія*. Когда онъ былъ наконецъ взятъ, Шеинъ и Сергій увезены были въ Литву. Поздравляя короля съ побѣдою, іезуитъ Скарга прежде всего выразилъ въ своей рѣчи радость о томъ, что Богъ „указуетъ путь къ расширенію правды католицкой среди схизматиковъ".

Возстаніе городовъ. Но Богъ не восхотѣлъ расширенія правды католицкой. Слухи о притязаніяхъ Поляковъ на Московское государство и о будущихъ опасностяхъ для вѣры производили въ въ народѣ сильное волненіе. Патріархъ взывалъ къ православнымъ о защитѣ отеческой вѣры и разрѣшалъ всѣхъ, кто далъ присягу королевичу, если этотъ не крестится. Изъ Москвы разослана была повсюду трогательная грамата, въ которой, увѣщевая города къ соединенію противъ общаго врага, Москвичи выставляли на видъ религіозное единство всѣхъ русскихъ людей и священное значеніе Москвы: „Здѣсь образъ Божіей Матери, который св. Лука написалъ; здѣсь великіе свѣтильники и хранители,—Петръ, Алексій и Іона чудотворцы, или вамъ православнымъ христіанамъ все это ни по чемъ"? Города также пересылались между собой граматами, возбуждая другъ друга къ возстанію именемъ всероссійскихъ и своихъ мѣстныхъ святынь. Патріархъ стоялъ во главѣ всего земскаго движенія; кромѣ него, города не хотѣли знать никакого другаго начальства, и посылали къ нему всѣ свои отписки о сборѣ ратныхъ людей. Салтыковъ, Масальскій и другіе бояре польской партіи въ Москвѣ сильно злобились на Гермогена. Во время одного горячаго съ нимъ спора Салтыковъ бросался на него даже съ ножемъ. Въ то самое время, какъ послы были взяты въ плѣнъ, Поляки съ Салтыковымъ сдѣлали послѣднюю попытку уговорить патріарха, чтобы онъ возвратилъ шедшія къ Москвѣ земскія рати и услыхали отъ него рѣшительный отказъ. „Благословляю всѣхъ, говорилъ патріархъ, довести начатое дѣло до конца, ибо вижу попраніе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ измѣнниковъ и разореніе св. Божіихъ церквей, и не могу слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ". Послѣ этого его посадили подъ стражу и лишили всякихъ средствъ сноситься съ народомъ.

Возстаніе городовъ не удалось; послѣ смерти земскаго вождя *Прокопія Ляпунова*, убитаго казаками, ополченія разошлись и бѣдствія земли еще болѣе увеличились. Москва оставалась въ рукахъ Поляковъ; Псковъ призналъ третьяго самозванца, какого-то дьякона *Исидора*; нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины; Новгородъ былъ въ осадѣ отъ Шведовъ, которые хотѣли возвести на русскій престолъ одного изъ своихъ королевичей. Городъ этотъ былъ взятъ Шведами при геройскомъ сопротивленіи жителей, которыхъ до конца одушевлялъ м. *Исидоръ*, лично присутствовавшій на стѣнахъ и служившій молебствія для воиновъ. Софійскій протопопъ *Аммосъ* засѣлъ съ нѣсколькими горожанами на своемъ дворѣ, долго отбивался отъ враговъ, вторгнувшихся уже въ городъ, и погибъ въ пламени своего жилища. Наконецъ, когда почти всѣ области были опустошены врагами и казаками и бѣдствія земли достигли крайней степени, снова раздался сильный голосъ, призывавшій всѣхъ къ любви, совѣту и соединенію. Этотъ голосъ вышелъ изъ Сергіевой лавры.

Троицкія граматы и очищеніе земли. Въ теченіе смутнаго времени лавра пожертвовала государству до 65,000 рублей и множество вещей. Въ послѣдніе дни правленія Шуйскаго архимандритомъ ея сдѣлался св. *Діонисій*. Смиренный и уступчивый въ своихъ личныхъ дѣлахъ, онъ выказывалъ необычайную твердость, когда дѣло шло о благѣ общемъ. Когда Москва была раззорена и казаки свирѣпствовали по всѣмъ ея окрестностямъ, толпы нищихъ, изломанныхъ, обожженныхъ и истерзанныхъ крестьянъ со всѣхъ сторонъ стекались въ лавру, предлагавшую имъ свою помощь. Весь монастырь обратился въ богадѣльню; по монастырскимъ селамъ строили дома для пріюта бездомныхъ бѣглецовъ; по окрестностямъ собирали трупы погибшихъ и хоронили на монастырскій счетъ. Въ тоже время въ келліи архимандрита сидѣли писцы борзые и писали граматы въ города, призывая всѣхъ къ очищенію земли. Граматы эти повсюду возбуждали одушевленіе. Во всѣхъ городахъ установили трехдневный постъ, даже для грудныхъ младенцевъ. Русская земля, какъ Ниневія, каялась и нравственнымъ очищеніемъ своимъ подготовляла свое внѣшнее очищеніе отъ враговъ и смутъ. Въ октябрѣ 1611 г. одна троицкая грамата пришла въ Нижній и произвела здѣсь сильное впечатлѣніе.

По голосу земскаго старосты *Козьмы Минина*, Нижній Новгородъ единодушно возсталъ на спасеніе отечества; съ Нижегородцами поднялись другіе города и составилось второе ополченіе подъ начальствомъ кн. *Пожарскаго*. П. Гермогенъ изъ своей темницы въ послѣдній разъ благословилъ земскія рати и вскорѣ (17 января 1612 г.) скончался, какъ разсказываютъ, заморенный голодомъ.

По совѣту всякихъ чиновъ людей главою церкви сдѣланъ былъ казанскій митрополитъ *Ефремъ* (впрочемъ безъ патріаршаго сана). Троицкая лавра раздала ратнымъ людямъ свои послѣднія сокровища и напутствовала ополченіе благословеніемъ своихъ святынь. Келарь Авраамій былъ неотлучно при войскѣ и своими увѣщательными рѣчами дѣйствовалъ на него не менѣе Пожарскаго и Минина. Въ рѣшительную минуту подъ Москвою онъ убѣдилъ содѣйствовать ополченію съ самаго начала отдѣлившихся отъ него казаковъ. Когда пропившаяся казацкая голытьба отказалась отъ битвы, жалуясь на нищету, и требовала денегъ, лавра послала въ ея таборы ризы, стихари и другія церковныя сокровища. Даже казакамъ стало совѣстно взять отъ нея эту послѣднюю жертву и они обѣщали даромъ участвовать въ битвахъ.

27 ноября 1612 г. Москва была наконецъ освобождена, а 21 февраля 1613 г. земскій соборъ избралъ на царство *Михаила Θеодоровича Романова*. Смутное время кончилось. Но понятно, что слѣдствія его безурядицъ еще долго должны были отзываться въ русской жизни. По воцареніи Михаила шайки бродягъ, казаковъ и Литовцевъ ходили по всѣмъ областямъ, производя страшныя раззоренія и убійства. Монастыри подвергались разграбленію; монахи гибли человѣкъ по 20—60 заразъ. Церковныя сокровища, ризы на иконахъ, жемчугъ, драгоцѣнные камни, книги—все расхищалось невозвратно. Церковный порядокъ пришелъ въ разстройство. Религіозная жизнь ослабѣла, особенно въ высшихъ классахъ, отъ наплыва иноземныхъ, католическихъ и протестантскихъ вліяній. А между тѣмъ по смерти Гермогена церковь до 1619 г. оставалась безъ патріарха; послѣ смерти Ефрема съ конца 1614 г. управлялъ ею митрополитъ крутицкій *Іона*, человѣкъ неспособный къ этому дѣлу какъ по своему недальнему образованію, такъ и по недостаткамъ своего мелочнаго, упрямаго и мстительнаго характера.

II. Филаретъ. Въ 1619 г. послѣ замиренія Россіи съ Польшей между ними произведенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ, и теперь только воротились въ Россію воевода Шеинъ съ Сергіемъ смоленскимъ и м. Филаретъ (Шуйскій и Голицынъ умерли въ плѣну). Царь радостно встрѣтилъ своего родителя и сдѣлалъ его патріархомъ, воспользовавшись для этого пребываніемъ въ Москвѣ іерусалимскаго патр. Θеофана. Патріаршество Филарета было временемъ полнаго развитія патріаршей власти, впрочемъ не столько вслѣдствіе увеличенія ея церковныхъ правъ и полномочій, сколько вслѣдствіе возвышенія ея государственнаго значенія. Общій іерархическій строй Русской церкви и теперь оставался тотъ же, какой былъ при митрополитахъ. Всѣ іерархи оставались въ такомъ же подчиненіи патріарху, какъ прежде митрополиту, и по преж-

нему были равны между собою по власти въ своихъ епархіяхъ. По части *богослужебныхъ преимуществъ* митрополиты получили преимущества прежняго русскаго первосвятителя, бѣлый клобукъ и предносимый имъ крестъ въ предѣлахъ ихъ епархій. Патріархъ отличался отъ нихъ крестомъ или херувимами на клобукѣ, крестомъ на митрѣ, цвѣтной мантіей съ образами на скрижаляхъ и преднесеніемъ свѣчи и креста; во время служенія онъ одинъ облачался среди церкви, тогда какъ другіе архіереи, сослужившіе съ нимъ, облачались въ алтарѣ, одинъ только сидѣлъ на горнемъ мѣстѣ, причащалъ архіереевъ изъ своихъ рукъ.

Во время междуцарствія, оставаясь главнымъ, начальнымъ человѣкомъ въ землѣ, русскій первосвятитель снова пріобрѣлъ себѣ то высокое *государственное значеніе*, которое было подорвано при Грозномъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда во главѣ церкви стоялъ отецъ царя, значеніе патріарха достигло небывалой прежде высоты и величія. Патріархъ получилъ царскій титулъ „великаго государя“, и наступило время полнаго государственнаго двоевластія. Граматы и распоряженія выходили отъ имени обоихъ великихъ государей; обоимъ дѣлались доклады; обоимъ представлялись иностранные послы. Въ смутное время ослабѣло преданіе самодержавной власти, которымъ руководились Рюриковичи; есть извѣстіе, что молодой Михаилъ былъ ограниченъ въ своей власти боярами и земскимъ соборомъ. Бывшій бояринъ временъ Грознаго, Филаретъ снова возстановилъ это преданіе Рюриковичей въ домѣ Романовыхъ и во время своего великаго государствованія поднялъ царскую власть на ея прежнюю высоту. Своими строгими мѣрами къ возстановленію государственныхъ порядковъ онъ пріобрѣлъ репутацію человѣка суроваго, опальчиваго и властительнаго. Такимъ же строгимъ и властительнымъ являлся онъ и въ сферѣ своего церковнаго управленія. Церковный судъ не стѣснялся при немъ ни передъ какими сильными лицами. *Дворъ патріаршій* устроенъ былъ по образцу царскаго. Сильный отецъ царя завелъ у себя всѣ чины и должности широкаго дворцоваго обихода; тутъ были: свѣчники, чашники, скатертники, повара, хлѣбники, пивовары, истопники, конюхи, сторожа, иконописцы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, кузнецы, столяры, рѣзчики и проч., пѣвчіе дьяки трехъ станицъ, поддьяки, книгописцы, наконецъ лица должностныя, вѣдавшія разныя дѣла патріаршаго управленія и суда,—бояре, окольничіе, думные, стольники, тіуны, стряпчіе, боярскія дѣти, дворяне, десятильники, дьяки и подъячіе. При первыхъ патріархахъ вѣдомства этихъ должностныхъ лицъ не были разграничены; всякое дѣло дѣлалось тѣмъ, кому святѣйшій патріархъ укажетъ. Со временъ Филарета начинаютъ являться *патріаршіе приказы* на

подобіе царскихъ: 1) *судный* или *разрядъ*, завѣдывавшій судебной частью и дѣлами о ставленикахъ; 2) приказъ *церковныхъ дѣлъ*, вѣдавшій дѣла по церковному благочинію; 3) *казенный*, вѣдавшій всякіе сборы съ вотчинъ и духовенства; 4) *дворцовый*, завѣдывавшій хозяйствомъ патріаршаго дома. Вѣдомство ихъ впрочемъ не было опредѣлено достаточно строго и постоянно измѣнялось по усмотрѣнію патріарховъ. Въ каждомъ приказѣ сидѣлъ патріаршій бояринъ съ дьяками и подъячими и рѣшалъ дѣла съ доклада патріарху. По примѣру патріарха стали заводить у себя приказы и епархіальные архіереи.

Преемникъ Филарета *Іоасафъ I* (1634—1640) по своимъ личнымъ качествамъ не могъ замѣнить для царя отца. Это былъ старецъ очень почтенный, извѣстный благочестіемъ, но вовсе не государственный человѣкъ. Титула великаго государя онъ уже не носилъ, равно какъ и преемникъ его *Іосифъ*, поставленный уже въ послѣднее время царствованія Михаила (1641 г.).

Государственное значеніе всей вообще іерархіи проявлялось въ томъ, что представители ея вмѣстѣ съ патріархомъ призывались къ разсужденіямъ по важнѣйшимъ дѣламъ въ царскую думу и на земскіе соборы. Въ городахъ воеводы должны были въ важныхъ случаяхъ совѣтоваться съ архіереями. Духовенство по-старому печаловалось о несчастныхъ, ходатайствовало о смягченіи наказаній виновнымъ. Притѣсняемые воеводами и приказными людьми обращались къ архіереямъ съ просьбами о заступленіи.

Церковный судъ. Судебное вѣдомство церкви относительно дѣлъ, подвѣдомыхъ спеціально церковному суду, оставалось въ прежнемъ видѣ. Касательно подсудности лицъ, подвѣдомыхъ церкви по гражданскимъ дѣламъ, встрѣчаемъ новыя опредѣленія относительно патріаршей области, изданныя въ видахъ устраненія въ ней путаницы отъ разнообразныхъ несудимыхъ граматъ. Патріаршая область была привиллегированнѣе всѣхъ другихъ; но съ одной стороны бояре и другіе мірскіе судьи постоянно вторгались въ гражданскіе суды патріарха, а съ другой разные сильные монастыри до сихъ поръ еще пользовались несудимыми граматами, на основаніи которыхъ, помимо патріарха, прямо подчинялись суду царя и приказа большаго дворца. Въ 1625 г. Филаретъ получилъ отъ царя новую грамату, по которой всѣ духовныя лица его епархіи, всѣ монастыри и церкви съ ихъ служителями и крестьянами подчинены были во всѣхъ искахъ на нихъ, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, суду одного патріарха, а сами должны были искать на постороннихъ въ тѣхъ приказахъ, гдѣ вѣдомы отвѣтчики, тамъ же отвѣчать въ случаѣ встрѣчнаго иска. Вслѣдствіе этого опредѣленія несудимыя граматы Троицкаго, Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и др. монастырей уничтожились сами

собою. Всѣмъ этимъ вносилось нѣкоторое единство въ общее управленіе патріаршей епархіи. Но въ отдѣльныхъ частяхъ ея управленія было все-таки много разнообразія вслѣдствіе несудимыхъ граматъ, которыя раздавались монастырямъ уже самимъ патріархомъ. Одними монастырями патріархъ завѣдывалъ самъ; другими чрезъ бояръ, намѣстниковъ и десятильниковъ, третьи пользовались самосудомъ.

Нѣкоторые архіереи (вологодскій, новгородскій) также выпросили себѣ граматы, подобныя патріаршей. Но, вообще говоря, по епархіямъ было чрезвычайное разнообразіе въ судебномъ вѣдомствѣ. Общимъ правиломъ было только то, чтобы всѣ подчинялись суду своего архіерея по духовнымъ дѣламъ. По гражданскимъ дѣламъ одни церкви и монастыри въ епархіяхъ тянули въ патріарху или приказу большаго дворца, и притомъ не всѣмъ дѣламъ или только по нѣкоторымъ; другіе судились своими настоятелями, а настоятели въ приказѣ б. дворца или у патріарха; третьи тянули въ суду чужихъ епархіальныхъ архіереевъ; четвертые были приписаны къ привиллегированнымъ монастырямъ, иногда тоже находившимся въ чужихъ епархіяхъ; пятые подчинялись мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Сами архіереи въ однихъ монастыряхъ и церквахъ производили судъ лично, въ другихъ чрезъ своихъ чиновниковъ, третьимъ давали право самосуда, кромѣ того назначали для суда разные сроки. Такое же разнообразіе было въ судѣ надъ церковными вотчинами. Даже у одного и того же монастыря однѣ вотчины имѣли болѣе, другія менѣе привиллегій, однѣ судились въ одномъ, другія въ другомъ мѣстѣ, въ третьихъ судъ производилъ настоятель и т. д.—Отправленіе правосудія чрезвычайно затруднялось такимъ разнообразіемъ привиллегій, особенно для постороннихъ лицъ въ ихъ тяжбахъ съ церковными людьми. Со всѣхъ сторонъ шли жалобы на трудность судиться съ церковными учрежденіями и лицами, а эти учрежденія и лица съ своей стороны постоянно жаловались на нарушенія ихъ привиллегій.

Другимъ предметомъ жалобъ земства и затрудненій правительства были *церковныя вотчины*, которыя, не смотря на всѣ распоряженія, направленныя противъ ихъ возрастанія, все еще продолжали увеличиваться. Тяглые люди жаловались, что монастыри завладѣвали тяглыми землями, угодьями и промыслами, а тягла съ нихъ не платили и весь платежъ поэтому падалъ на нихъ—тяглыхъ людей. Служилые люди жаловались, что монастыри сманиваютъ къ себѣ ихъ крестьянъ и отъ того ихъ помѣстья пустѣютъ и служить имъ государевой службы становится не съ чего. Всѣ эти жалобы послужили потомъ матеріалами для новыхъ распоряженій о церковномъ судѣ и о церковныхъ вотчи-

пахъ въ царствованіе преемника Михаилова *Алексѣя Михайловича.*

Уложеніе ц. Алексѣя. Новый царь Алексѣй Михаиловичъ, человѣкъ еще очень молодой, мягкій, уступчивый, способный сильно привязываться къ окружавшимъ и чрезвычайно религіозный, могъ встать въ такія же отношенія къ п. Іосифу, въ какихъ былъ отецъ его къ Филарету. Но самъ Іосифъ далеко не былъ похожъ на Филарета. По своей слабости онъ не только не способенъ былъ руководить царя, окруженнаго сильной родней и боярами, но не могъ поддержать даже своей собственной церковной власти; въ церковномъ управленіи видимъ при немъ господство патріаршихъ дьяковъ и московскихъ протопоповъ. А между тѣмъ съ новымъ царствованіемъ открылась усиленная государственная дѣятельность, составлялось новое Уложеніе, которое неизбѣжно должно было коснуться правъ іерархіи Патріархъ безучастно сидѣлъ въ царской думѣ при его составленіи, какъ будто не понимая всей его важности для церкви: все дѣло велось кн. Одоевскимъ и др. свѣтскими лицами и, при безгласіи патріарха, чувствительно коснулось самыхъ важныхъ привиллегій духовнаго чина.—Во первыхъ Уложеніе безусловно воспретило всякое новое увеличеніе церковныхъ вотчинъ. Нѣкоторая часть церковныхъ земель была даже отписана въ казну: по жалобамъ тяглыхъ людей на то, что бѣломѣстцы, особенно духовные, и ихъ люди, селясь около городовъ слободами, отбиваютъ у нихъ торги и промыслы, а сами никакихъ податей не платятъ, велѣно было всѣ эти слободы взять безплатно за государя. Во вторыхъ, стремясь установить „равный судъ и расправу“ для всякихъ чиновъ людей, Уложеніе необходимо должно было столкнуться съ церковными привиллегіями, съ гражданской неподсудностью духовенства общему суду и съ удѣльной особностью всего церковнаго вѣдомства вообще, по которой оно выдѣлялось среди общаго государственнаго строя, какъ особое какое-то государство въ государствѣ; Уложеніе задалось задачей ослабить эту особность церковнаго вѣдомства, притянувъ его по гражданскимъ дѣламъ подъ общій государственный судъ.

Монастырскій приказъ. Органомъ такого государственнаго суда надъ церковнымъ вѣдомствомъ сдѣланъ былъ *монастырскій приказъ,* выдѣленный, какъ особое учрежденіе, изъ приказа большаго дворца. Въ немъ указано было давать судъ по всякимъ гражданскимъ искамъ на всѣхъ іерарховъ, монастырскихъ властей, поповъ, церковный причтъ и на всѣхъ вообще церковныхъ людей и крестьянъ. Такимъ образомъ предъ судомъ его уравнены были и власти, подчинявшіяся доселѣ въ гражданскихъ дѣлахъ лишь непосредственному суду самого государя или приказа большаго дворца, какъ органа собственной власти государя, счи-

тавшія боярскій судъ униженіемъ для себя, и ихъ люди, судившіеся прежде у нихъ самихъ. Кромѣ монастырскаго приказа, надъ духовенствомъ и церковными людьми судебно-гражданскую власть имѣли, какъ и прежде, и другіе органы государства,—приказы въ искахъ церковныхъ людей на посторонних, подвѣдомыхъ этимъ приказамъ, и въ отвѣтахъ противъ встрѣчныхъ исковъ и воеводы съ городскими властями въ искахъ маловажныхъ, не доходившихъ до приказовъ. Такъ вмѣсто церковнаго гражданскаго суда надъ церковными людьми явился судъ общій государственный. Кромѣ судныхъ дѣлъ, къ вѣдомству приказа отнесены еще принадлежавшія прежде приказу большаго дворца распоряженія о сборахъ съ церковныхъ вотчинъ, о составленіи описей церковныхъ имуществъ и разныя полицейскія распоряженія по церковному вѣдомству.

Духовенство было очень недовольно новымъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что, по неопредѣленности новыхъ законовъ и неясности въ разграниченіи церковнаго и гражданскаго вѣдомствъ, между послѣдними тотчасъ начались недоразумѣнія, вторженія одного въ область другаго и даже прямыя злоупотребленія. Приказъ вступался иногда въ судъ по чисто церковнымъ дѣламъ, присвоилъ себѣ право назначать въ монастырскія вотчины священниковъ и причетниковъ, опредѣлять и отрѣшать монастырскихъ настоятелей, келарей, казначеевъ, позволялъ себѣ даже перерѣшать распоряженія епархіальныхъ властей. Со стороны духовенства начались разнообразныя попытки уклоненій отъ силы новыхъ узаконеній. Архіереи стали выпрашивать у царя граматы, освобождавшія духовенство ихъ епархій отъ всякаго суда, кромѣ архіерейскаго. Патріаршая область получила подтвержденіе своихъ прежнихъ привиллегій еще при самомъ составленіи Уложенія. Самымъ усерднымъ и вліятельнымъ противникомъ монастырскаго приказа явился любимецъ царя *Никонъ*, сначала митрополитъ новгородскій, потомъ патріархъ.

Никонъ до патріаршества. Въ 1605 г. у крестьянина Нижегородской области села Вильдеманова, Мины, родился сынъ *Никита.* Онъ скоро лишился матери и все дѣтство провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачихи. Ему рано удалось выучиться граматѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни и, будучи всего 12 лѣтъ, онъ убѣжалъ изъ дома въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. На 20-мъ году возраста онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села, но по своимъ достоинствамъ не долго могъ оставаться въ такомъ захолустьѣ. Чрезъ 2 года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собой въ Москву. Чрезъ 10 лѣтъ, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, Никита заставилъ свою жену постричься,

а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ тоже постригся въ монахи съ именемъ *Никона*. Изъ Анзерскаго скита, по неудовольствіямъ съ братіей, онъ ушелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ былъ выбранъ въ игумены. Въ 1646 году онъ былъ въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ и былъ замѣченъ царемъ, котораго поразила его величественная наружность и сильная рѣчь. По своей религіозности и впечатлительности Алексѣй Михайловичъ скоро совсѣмъ подчинился Никону, сдѣлалъ его своимъ другомъ, отцемъ, всѣмъ, чѣмъ не могъ быть для него п. Іосифъ. По желанію царя онъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, долженъ былъ каждую недѣлю являться къ царю для духовной бесѣды и сдѣлался предъ нимъ неустаннымъ ходатаемъ за несчастныхъ, обиженныхъ на судѣ, вдовъ и сиротъ. Въ 1648 г. царь назначилъ его митрополитомъ въ Новгородъ. Здѣсь ему удалось оказать правительству важныя услуги во время новгородскаго и псковскаго бунтовъ 1650 г. Во Псковѣ тогда едва не убили воеводу; архіепископа *Макарія* два раза сажали на цѣпь за то, что онъ уговаривалъ народъ покориться правительству. Мятежъ утихъ уже послѣ того, какъ царь по совѣту Никона далъ виновнымъ всепрощеніе. Въ Новгородѣ Никонъ укрылъ у себя отъ ярости народа воеводу Хилкова и торжественно предалъ бунтовщиковъ анаѳемѣ, но этимъ обратилъ народную ярость на себя самого. Чернь избила его до полусмерти на площади. Съ большимъ трудомъ послѣ этого онъ отслужилъ литургію и отправился съ крестнымъ ходомъ въ ту часть города, гдѣ наиболѣе бунтовали. Пораженные его твердостію и устрашась подходившаго къ Новгороду царскаго войска, мятежники просили у Никона прощенія и ходатайства передъ царемъ. Не помня своей собственной обиды, митрополитъ охотно принялъ на себя это ходатайство и внушилъ царю благоразумную умѣренность въ наказаніи виновныхъ, которая всего болѣе способствовала къ укрощенію бунта. Съ этихъ поръ любовь царя къ Никону возрасла еще болѣе.

Пользуясь близостью къ царю, Никонъ не разъ говорилъ ему, что учрежденіе монастырскаго приказа противно церковнымъ правиламъ, и настойчиво требовалъ его уничтоженія. Но приказъ былъ крѣпокъ не столько силою кроткаго и благочестиваго царя, сколько духомъ времени, былъ крѣпокъ по тому, что вполнѣ отвѣчалъ современнымъ идеямъ объ отношеніи между церковію и государствомъ. Не успѣвъ настоять на его уничтоженіи, Никонъ получилъ только несудимую грамату для себя, по которой всѣ духовныя лица Новгородской епархіи подчинялись суду одного своего митрополита. За то своимъ вліяніемъ онъ побудилъ царя къ другому важному дѣйствію, въ которомъ должно было выразиться

преклоненіе свѣтскаго могущества предъ величіемъ церковной власти. Въ 1652 г. положено было перевезти въ Успенскій соборъ гробы трехъ святителей,—страдальцевъ отъ свѣтскихъ властей,—Іова изъ Старицы, Гермогена изъ Чудова монастыря и м. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря. За мощами св. Филиппа поѣхалъ самъ Никонъ. Съ нимъ отправлена была царская молитвенная грамата къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ, погибшимъ жертвою столкновенія съ царской властью, молилъ св. мученика пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти. Во время отсутствія Никона царь писалъ ему замѣчательныя письма, въ которыхъ выразилась вся душа религіознаго Алексѣя. Какъ средневѣковые вожди юныхъ народовъ, при которыхъ развивалась папская власть, въ своемъ благоговѣніи предъ пастыремъ церкви онъ совершенно забывалъ свой царскій санъ, не щадилъ словъ, чтобы возвеличить митрополита и унизить предъ нимъ самого себя. Изъ писемъ царя видно, что бояре были очень недовольны силой Никона, видно и то, что самъ Никонъ не умѣлъ смягчать своей силы кротостію. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть поснисходительнѣе къ боярамъ, но въ тоже время просилъ не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его—царя, что онъ за одно съ нимъ—митрополитомъ. Добрый до слабости, находясь подъ двумя вліяніями, Никона и бояръ, царь боялся оскорбить и ту и другую сторону, лавировалъ между ними, старался какъ нибудь замять ихъ рознь. Такъ поступалъ онъ и въ вопросѣ о монастырскомъ приказѣ. Оставляя приказъ во всей его силѣ, потому что онъ нравился боярамъ, царь думалъ удовлетворить и своего друга, давъ ему несудимую грамату. Въ отсутствіе Никона умеръ п. Іосифъ. Извѣщая объ этомъ Никона, царь описывалъ свой испугъ, когда на Иванѣ Великомъ раздался троекратный ударъ колокола—вѣстникъ смерти патріарха, описывалъ скорбь церкви, которая какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имущи подружія, лишилась своего жениха и къ такимъ днямъ (передъ Пасхой), описывалъ, какъ при видѣ разлагающагося тѣла во время ночнаго посѣщенія покойника возымѣлъ онъ суевѣрный помыселъ: „побѣги де ты вонъ, тотъ часъ де тебя вскоча удавитъ“, но прогналъ этотъ помыселъ, съ молитвой облобызавъ руку почившаго святителя; на погребеніи онъ надсѣлся плачучи; онъ самъ распоряжался всѣмъ имуществомъ покойнаго, послѣ котораго осталось до 13,400 рублей и множество всякаго добра. Толковали, что въ послѣднее время Іосифъ былъ неспокоенъ, боялся сверженія; царь спѣшилъ оправдаться предъ Никономъ, увѣряя что ему и помыслить о томъ страшно,—

хотя бы и еретичества держался, то какъ свергнуть верховнаго святителя безъ собора?—По возвращеніи Никона съ мощами выборъ въ патріархи, разумѣется, палъ на него. Но ему не такого хотѣлось патріаршества, какое было у Іосифа. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему заставили его отказаться отъ выбора, чтобы потомъ быть снова выбраннымъ на всей своей волѣ. Въ Успенскомъ соборѣ, въ собраніи бояръ и народа, царь, весь въ слезахъ, лежалъ у ногъ Никона, умоляя его принять патріаршій санъ. Тогда Никонъ, обратясь ко всѣмъ, спросилъ: будутъ ли почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ сказали, что будутъ и дадутъ, и Никонъ принялъ патріаршество (1652 г.).

Патріаршество Никона. Неограниченная дружба соединяла царя и патріарха въ первые 6 лѣтъ управленія Никона. Съ самаго почти начала его патріаршества его стали титуловать, какъ Филарета, великимъ государемъ. Такъ титуловалъ его и самъ царь. Такимъ образомъ снова стало два великихъ государя, но Никонъ носилъ этотъ титулъ уже, не какъ отецъ царя, а какъ патріархъ; власть патріаршая приравнивалась къ власти царской. Безъ патріарха не рѣшалось ни одно государственное дѣло, какъ при Филаретѣ. Усиленію его значенія много содѣйствовалъ еще скорый отъѣздъ царя къ войску по случаю польской войны. Во время своего отсутствія (1654—1655 г.) царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ. Особенно энергичную дѣятельность Никонъ проявилъ по случаю открывшейся тогда моровой язвы. Разсылая граматы о мѣрахъ предосторожности противъ заразы, вразумляя суевѣрный народъ, который считалъ за грѣхъ противустоять постигшей его бѣдѣ, какъ наказанію Божію, онъ въ тоже время успѣлъ оказать важныя личныя услуги царю, все время хранилъ царское семейство, спасая его отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстностямъ.—Монастырскій приказъ не былъ уничтоженъ, но на время потерялъ всякую силу. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имѣнія, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами, вмѣсто прежнихъ 10,000 дворовъ сталъ владѣть 25,000. Когда Никонъ строилъ свои монастыри—*Иверскій*, *Крестный* и *Воскресенскій* или *Новый Іерусалимъ*, царь и имъ далъ богатѣйшія вотчины. Но въ тоже время, вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ, никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10,000 воиновъ; столько же выставили монастыри. Патріархъ кромѣ того на свои богатыя средства увеличивалъ свои домовыя богадѣльни, раздавалъ богатую милостыню, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы.

Патріаршая власть была при немъ чрезвычайно сильна. Онъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только великимъ государемъ, окружилъ себя царской пышностью и недоступностью, возлюбилъ, какъ говорило духовенство, стоять высоко, ѣздить широко. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ и употреблялъ всѣ средства тогдашняго искусства для украшенія соборовъ и сообщенія пышности своему богослуженію; лучшія облаченія, доселѣ хранящіяся въ патріаршей ризницѣ, принадлежатъ ему; на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и дорогихъ камней; около двухъ митръ святителя видимъ короны. Штатъ патріаршаго дома былъ еще многочисленнѣе, чѣмъ при Филаретѣ. Протопопъ Казанскаго собора *Іоаннъ Нероновъ* говорилъ однажды патріарху: „Государевы царевы власти уже не слыхать, всѣмъ отъ тебя страхъ, и посланники твои пуще царевыхъ всѣмъ страшны; никто не смѣетъ съ ними и говорить; затвержено у нихъ: знаете ли патріарха?" Въ церковныхъ дѣлахъ власть его была неограниченна; сами архіереи рабски подчинялись ему и безмолвно сносили его самовластныя распоряженія, нарушавшія ихъ права, наприм. отписку изъ ихъ епархій вотчинъ, церквей и лучшихъ монастырей въ патріаршую область или къ богатымъ монастырямъ его собственнаго строенія,—Иверскому, Крестному и Воскресенскому. Его боялись сами бояре. Еще до патріаршества о немъ говорили, что лучше погибнуть въ новой землѣ за Сибирью, чѣмъ попасться подъ началъ къ новгородскому митрополиту; патріархомъ онъ сталъ еще самовластнѣе. Онъ напр. жегъ у бояръ вывезенныя съ запада картины и органы; у боярина Никиты Романова изрѣзалъ въ куски ливрею, сдѣланную по западному образцу для домовыхъ слугъ. Какъ бы въ противодѣйствіе новымъ началамъ, выраженнымъ въ Уложеніи, патріархъ издалъ вновь пересмотрѣнную и дополненную имъ Кормчую, въ которую между прочимъ включилъ подложную грамату Константина Великаго папѣ Сильвестру, которая была важна для него, какъ апологія церковной власти и церковныхъ имуществъ. Подложности этой граматы впрочемъ не подозрѣвали тогда ни царь, ни патріархъ. Никонъ убѣждалъ царя даже вовсе отставить Уложеніе и замѣнить его Кормчей; въ этомъ онъ конечно не успѣлъ, но все-таки заставилъ Алексѣя Михайловича разослать по воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканона въ дополненіе Уложенія для обязательнаго руководства на судѣ.

Враги Никона. Патріархъ хотѣлъ воротить исторію назадъ, къ тому времени, когда государство не знало ничего выше градскихъ законовъ Номоканона, и не чувствовалъ, что чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ настаивать на возстановленіи такой старины, тѣмъ будетъ хуже и для него, и для его дѣла. Значеніе его дер-

жалось только на его личной силѣ и любви къ нему царя, опорахъ слишкомъ непрочныхъ для того, чтобы онѣ могли устоять противъ историческаго хода государственной жизни. Орудіемъ, которымъ эти опоры были подломлены, были многочисленные враги Никона, дѣйствовавшіе противъ него со всѣмъ усердіемъ личнаго раздраженія. Своимъ великимъ государствованіемъ, крутымъ характеромъ, привычкой сталкиваться со всѣми, власть имѣющими, онъ вооружилъ противъ себя сильную партію бояръ; противъ него были *Стрешневы*—родня царя по матери, *Милославскіе*—родня первой супруги царя, *Морозовъ*—царскій своякъ, сама супруга царя *Марья Ильинишна*, составитель Уложенія кн. *Одоевскій*, бояре *Долгорукій*, *Трубецкой*, *Салтыковъ* и др. Семенъ Стрешневъ до такой степени ненавидѣлъ Никона, что назвалъ его именемъ свою собаку и выучилъ ее подражать патріаршему благословенію. Всѣ эти люди зорко слѣдили за патріархомъ, ловили всякій случай, гдѣ онъ слишкомъ рѣзко выставлялъ свою власть, перетолковывали каждый его опрометчивый шагъ, а такихъ шаговъ много допускалъ горячій человѣкъ, никогда не умѣвшій владѣть собой и не обращавшій вниманія на то, что говорилъ и что дѣлалъ.—Много враговъ явилось у Никона по поводу его церковныхъ исправленій, которыя были имъ ведены очень круто, съ обычною ему самоувѣренностію и деспотизмомъ его личнаго авторитета. Привычка не обращать вниманія на другихъ поставила его въ самое невыгодное положеніе между двумя сильными партіями, партіей новизны, стремившейся къ западу, и партіей старины. Образованные бояре, въ родѣ Морозова, Романова и др., раздражены были не менѣе старовѣровъ, когда патріархъ, вводя свои церковныя „новшества", въ тоже время возставалъ противъ новыхъ государственныхъ понятій и проблесковъ новой цивилизаціи, жегъ нѣмецкія картины и органы, рѣзалъ ливреи у боярской дворни. Между приверженцами старины было тоже не мало сильныхъ людей, нѣсколько бояръ, духовникъ царя *Стефанъ Вонифатьевъ*, уважаемый протопопъ *Іоаннъ Нероновъ* и др. Наконецъ противъ патріарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаніями, поборами въ патріаршую казну и на войско.

Разрывъ между царемъ и патріархомъ. Много было враговъ у Никона, и всѣ эти враги шли съ доносами къ царю, что патріархъ превышаетъ свою власть и пренебрегаетъ властію царскою. Вслѣдствіе подобныхъ внушеній въ душу впечатлительнаго царя невольно стало закрадываться нелюбье къ его другу. Перемѣна отношеній между ними особенно стала замѣтна по возвращеніи царя изъ втораго его похода (ливонскаго) въ 1657 г. Походы царя замѣтно его развили, сдѣлали самостоятельнѣе и

пріучили къ разлукѣ съ Никономъ, къ независимости отъ него; въ тоже время и Никонъ въ отсутствіи царя болѣе прежняго успѣлъ развить свое властелинство. Пріѣхалъ великій государь въ Москву и увидалъ здѣсь другаго великаго государя... А враги Никона неотступно внушали царю, что патріархъ сталъ сильнѣе его. Царь сталъ сердиться на патріарха, но по своему слабому характеру, вмѣсто личнаго объясненія съ нимъ, сталъ дѣйствовать уходомъ, избѣгая съ нимъ встрѣчи. Патріархъ видѣлъ нелюбье царя, но по своей неуступчивости не хотѣлъ забѣгать ему въ глаза, обидѣлся и тоже съ своей стороны удалился отъ царя, выжидалъ, чтобы царь самъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Между тѣмъ враги Никона оставались при царѣ; своимъ удаленіемъ отъ царя патріархъ самъ же оставилъ за ними все поле борьбы, потому что царь остался теперь подъ однимъ только ихъ вліяніемъ. Пользуясь этимъ, они неутомимо разжигали вражду между великими государями, все болѣе и болѣе подготовляя рѣшительный взрывъ накопившихся неудовольствій. За поводами къ этому взрыву дѣло не стало. Монастырскій приказъ, доселѣ безсильный, усилился, сталъ отмѣнять распоряженія патріарха и отобралъ у него нѣсколько вотчинъ. Патріархъ писалъ царю рѣзкія посланія о неприличіи мірскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, указывалъ на примѣры нечестивыхъ царей, память которыхъ погибла съ шумомъ; а это, по толкованію бояръ, значило, что онъ называлъ государя нечестивымъ царемъ. Въ іюнѣ 1658 г., по случаю пріема грузинскаго царя *Теймураза*, было торжество при дворѣ. Никона на это торжество не пригласили; недоумѣвая о томъ, что бы это значило, онъ послалъ во дворецъ своего дворянина узнать, въ чемъ дѣло. Въ то время, какъ посланный пробирался чрезъ толпу, окольничій Хитрово, наблюдавшій за порядкомъ, ударилъ его палкой. Это была уже прямая обида Никону и онъ потребовалъ у царя суда. Царь обѣщалъ самъ поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, но свиданіе не состоялось и Никонъ остался безъ удовлетворенія. 10 іюля, въ праздникъ Ризположенія, патріархъ вполнѣ былъ увѣренъ, что царь будетъ у литургіи въ соборѣ, и думалъ при этомъ съ нимъ объясниться. Но царь прислалъ сказать, что не будетъ; *Юрій Ромодановскій*, который былъ посланъ съ этимъ, прибавилъ еще отъ себя, что царь гнѣвенъ на патріарха за титулъ великаго государя. Отслуживъ литургію безъ царя, Никонъ вышелъ говорить поученіе и народъ услыхалъ странныя слова: „Лѣнивъ я былъ учить васъ; не стало меня на это; отъ лѣни я окоростовѣлъ и вы окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ не патріархъ, и если помыслю быть патріархомъ, буду анаѳема". Послѣ этого онъ переодѣлся въ простую мантію съ чернымъ клобукомъ, написалъ къ

царю письмо о своемъ оставленіи престола и направился къ выходу изъ собора. Народъ плакалъ, не пускалъ его ни изъ собора, ни изъ кремля, отнялъ у него карету; но патріархъ ушелъ пѣшкомъ на воскресенское подворье, а съ подворья уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

Событія по удаленіи Никона. Изъ монастыря онъ далъ знать, чтобы поспѣшили избраніемъ ему преемника, чтобы церковію управлялъ пока *Питиримъ* крутицкій, себѣ просилъ во владѣніе три монастыря, Воскресенскій, Иверскій и Крестный, и снова повторилъ клятвенное отреченіе отъ патріаршества. Не смотря впрочемъ на это отреченіе, онъ все еще ждалъ, что государь одумается и опять повторитъ передъ нимъ то слезное моленіе о принятіи патріаршества, которое народъ видѣлъ въ соборѣ въ 1652 г. Государь исполнилъ его просьбу о монастыряхъ, распорядился отослать къ нему изъ патріаршаго дома все его келейное имущество, отнесся къ нему вообще очень милостиво, но устранялъ его отъ всякаго участія въ дѣлахъ церковнаго управленія. О возвращеніи на патріаршество не было и рѣчи. Скоро Никонъ тяжело почувствовалъ перемѣну своего положенія, свою забытость, отсутствіе прежней широкой и видной дѣятельности, прежней пышной и величественной обстановки. Напрасно онъ думалъ подавить свою внутреннюю бурю суровыми подвигами, даже физическими трудами при постройкѣ Воскресенскаго монастыря. Искушенія патріаршества были сильнѣе его нравственной силы; онъ сталъ раздражительно жаловаться на то, что его покинули, что духовенство перестало его уважать, не ѣздитъ къ нему, даже по запрещенію будто бы самого царя и м. Питирима, что безъ него дѣла идутъ худо, писалъ раздражительныя посланія къ царю о томъ, что въ недѣлю ваій м. Питиримъ совершилъ за патріарха хожденіе на осляти и тѣмъ „сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовалъ", о томъ, что при описи патріаршаго имущества раскрытъ былъ келейный архивъ патріарха съ цѣлію будто бы отобрать письма, въ которыхъ государь называлъ его великимъ государемъ, и что царь вступился безъ него въ управленіе всѣми церковными дѣлами, хочетъ завладѣть церковнымъ достояніемъ, наконецъ поднялъ скандальную тревогу по поводу того, будто бы м. Питиримъ зачѣмъ-то хотѣлъ отравить его черезъ одного іеродіакона Ѳеодосія. Въ тоже время онъ сталъ смягчать и свое отреченіе, писалъ царю, что сана съ него никто не снималъ, что онъ ушелъ изъ Москвы своею волею. Отказываясь воротиться на московскую каѳедру, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что отъ самого патріаршества онъ не отказался, и настаивалъ на своемъ правѣ посвященія себѣ преемника. Но при этомъ возникалъ трудный вопросъ, въ какомъ же отношеніи долженъ быть новый патріархъ

къ старому; ясно было, что Русской церкви грозитъ опасное двоевластіе.

Въ февралѣ 1660 г. для рѣшенія все болѣе и болѣе запутывавшагося дѣла о Никонѣ созванъ былъ соборъ изъ русскихъ и бывшихъ въ Москвѣ греческихъ іерархов. Но между русскими іерархами не было человѣка, который бы не имѣлъ личнаго раздраженія противъ властительнаго патріарха. Теперь они припомнили ему и его гордое обращеніе съ ними, и то, какъ онъ не хотѣлъ ихъ братіей нарицати, какъ одного изъ нихъ, *Павла* коломенскаго, хотя по винѣ (за расколъ), но самовольно, безъ собора, свергнулъ съ каѳедры; обвинили его въ Амановой гордости, въ безумномъ оставленіи престола и осудили на изверженіе изъ сана. Греческіе іерархи вторили русскимъ. Только немногія лица, участвовавшія въ дѣлахъ собора, въ томъ числѣ ученый Епифаній Славенецкій, возвысили голосъ противъ незаконности такого осужденія. Царь склонился на сторону меньшинства и оставилъ соборное рѣшеніе безъ исполненія. Съ своей стороны Никонъ рѣзко протестовалъ противъ собора, называлъ его жидовскимъ сонмищемъ, сравнивалъ съ соборами на Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и на м. Филиппа. Озлобленный тѣмъ, что Питиримъ запретилъ поминать его въ церквахъ, становился при богослуженіи на патріаршее мѣсто, продолжалъ совершать обрядъ недѣли вайй и посвятилъ одного епископа (Меѳодія мстиславскаго), гнѣвный патріархъ дошелъ до того, что въ недѣлю православія 1662 г. даже предалъ его анаѳемѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и встревожила самого царя.

Паисій Лигаридъ. Въ это время (весной 1662 г.) пріѣхалъ въ Москву *Паисій Лигаридъ*, митрополитъ газскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ Грековъ своего времени, но хитрый интриганъ, жертвовавшій для своихъ интересовъ и долгомъ и совѣстью. Состоя подъ запрещеніемъ отъ іерусалимскаго патріарха за латинство, онъ скитался по Греціи и Италіи, потомъ въ 1657 г. былъ приглашенъ въ Москву самимъ Никономъ, который очень нуждался въ образованныхъ людяхъ. По пріѣздѣ въ Москву онъ былъ принятъ очень ласково, какъ знатокъ каноновъ, дорогой человѣкъ въ такое тревожное время, и немедленно присталъ къ выгоднѣйшей для него сторонѣ враговъ Никона. Стрешневъ далъ ему на обсужденіе 30 вопросовъ касательно поведенія и отношеній патріарха къ царю. Паисій со всею гибкостію своего ума и совѣсти отвѣчалъ на нихъ полнымъ осужденіемъ всѣхъ дѣйствій Никона, осудилъ его за принятый имъ титулъ великаго государя, за то, что онъ жестоко обращался съ духовенствомъ и слишкомъ часто употреблялъ святительскую анаѳему, въ тоже время оправдалъ учрежденіе монастырскаго приказа и призналъ

право мѣстныхъ епископовъ судить своего патріарха. Никону доставили и вопросы и отвѣты. Онъ горячо принялся разбивать ихъ, написалъ большую книгу, въ которой показалъ всю свою начитанность, съ большимъ задоромъ и рѣзкостію высказалъ свои убѣжденія о власти патріарха и объ отношеніи церкви къ государству; основательныя замѣчанія шли здѣсь рядомъ съ запальчивыми выходками противъ Уложенія, монастырскаго приказа и мірскаго суда надъ церковію. Неудержимый человѣкъ не щадилъ ни Одоевскаго, ни Стрешнева, ни Паисія, ни самого царя, дошелъ въ своемъ увлеченіи до замѣчательной близости къ идеямъ папства: „Не отъ царей, писалъ онъ, начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; священство выше царства. Царь не давалъ намъ правъ, а похитилъ наши права; церковію обладаетъ; весь свящ. чинъ ему работаетъ и оброки даетъ; завладѣлъ церковнымъ судомъ и пошлинами. Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ, солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ,— власть эта надъ душами, царская же въ вещахъ міра сего". Между тѣмъ въ концѣ 1662 г. Паисій составилъ 25 подобныхъ же вопросовъ, на какіе отвѣчалъ самъ, для отсылки на судъ патріарховъ; имя Никона въ нихъ не было упомянуто и все его дѣло представлено отвлеченно отъ его личности. Отвѣты патріарховъ, пришедшіе въ Москву уже въ маѣ 1664 г., были тоже противъ Никона. Одинъ *Нектарій* іерусалимскій, хотя и подписался на общемъ свиткѣ, въ отдѣльной граматѣ къ царю умолялъ его помириться съ Никономъ безъ суда.

Дѣла Бобарыкина и Сытина. Но дѣло вовсе клонилось не къ миру. Еще въ 1660 г. у Никона начались тяжбы съ сосѣдними Воскресенскому монастырю владѣльцами, *Сытинымъ* — о побояхъ, нанесенныхъ патріаршими людьми крестьянамъ послѣдняго, и съ окольничимъ *Бобарыкинымъ*, завладѣвшимъ одной вотчиной Воскресенскаго монастыря. Въ 1661 г. по поводу этихъ тяжебъ, не получая удовлетворенія на свои жалобы, Никонъ написалъ къ Алексѣю Михайловичу самое обидное письмо объ униженіи церкви мірскою властью. Угрожая за это царю гнѣвомъ Божіимъ, онъ между прочимъ разсказывалъ здѣсь, что не давно видѣлъ видѣніе, будто стоялъ онъ въ соборѣ, и всѣ почившіе святители, вставъ изъ гробовъ, велѣли ему сказать царю, чтобы не обижалъ церкви, и будто послѣ этого огонь, освѣщавшій соборъ, весь устремился на дворецъ и сожегъ его. Въ 1663 г. обѣ тяжбы возобновились по поводу жалобъ Сытина—о новыхъ побояхъ его людямъ — и Бобарыкина — о снятіи съ спорной земли хлѣба въ пользу Воскресенскаго монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались новыя раздражающія пересылки и попреки между ц ремъ и Нико-

номъ. Когда дѣло о спорной землѣ рѣшилось въ пользу Бобарыкина, Никонъ, собравъ братію въ церковь и положивъ царскую грамату о монастырскихъ земляхъ подъ крестъ, отслужилъ молебенъ и послѣ него возглашалъ клятвенныя слова изъ псалма 108 объ обидящихъ. Государь былъ сильно возмущенъ, узнавъ объ этомъ, и назначилъ слѣдствіе о томъ, кого проклиналъ Никонъ. Для этого въ монастырь были посланы самыя непріятныя Никону лица, — Паисій Лигаридъ съ Іосифомъ астраханскимъ и Одоевскій съ Стрешневымъ. Никонъ принялъ ихъ съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ, кричалъ на нихъ, не давалъ говорить, Паисія, съ которымъ еще въ первый разъ встрѣтился лицемъ къ лицу, ругалъ воромъ, собакою, самоставленникомъ, нехристемъ, бранилъ соборъ, пославшій пословъ, грозился, что оточтетъ отъ христіанства самого государя за его обиды церкви; на другой день онъ говорилъ въ церкви поученіе, въ которомъ сравнивалъ Одоевскаго и Стрешнева съ Иродомъ и Пилатомъ, а архіереевъ съ Анной и Каіафой; но все-таки объяснилъ имъ, что проклиналъ не государя, а Бобарыкина. Не больше этого обозначилось и на дальнѣйшемъ слѣдствіи въ монастырѣ.

При разбирательствѣ всѣхъ этихъ дѣлъ Никонъ постоянно высказывался, что не признаетъ надъ собою суда мѣстныхъ соборовъ, бранилъ за этотъ судъ самихъ іерарховъ русскихъ, называлъ ихъ невѣждами, о м. Питиримѣ отзывался, что онъ и того не знаетъ, почему онъ человѣкъ, и требовалъ суда восточныхъ патріарховъ. Присылка патріаршихъ граматъ объ немъ тоже не удовлетворила его, тѣмъ болѣе, что за ними ѣздилъ на востокъ нѣкто *Мелетій*, греческій іеродіаконъ, человѣкъ не возбуждавшій довѣрія, котораго Никонъ прямо винилъ за поддѣлку рукъ и печатей. Какъ только граматы эти явились, такъ и заподозрѣна была ихъ подлинность, притомъ даже однимъ Грекомъ, м. *Аѳанасіемъ* иконійскимъ, который выдавалъ себя за племянника патріарха константинопольскаго. Послѣ этого царь увидалъ необходимость пригласить въ Россію самихъ патріарховъ и въ сентябрѣ 1664 г. послалъ за ними новое посольство на востокъ. Изъ нихъ приняли приглашеніе только двое, *Паисій* іерусалимскій и *Макарій* антіохійскій; другіе двое отказались отъ поѣздки по смутному состоянію дѣлъ въ собственныхъ областяхъ и изъ страха предъ Турками.

Пріѣздъ Никона въ Москву. Нѣкоторое затишье вражды, наступившее послѣ приглашенія патріарховъ, и частыя сожалѣнія царя о Никонѣ подали одному изъ близкихъ къ Никону бояръ *Зюзину* мысль помирить великихъ государей, устроивъ между ними свиданіе. Въ надеждѣ, что это свиданіе снова воскреситъ прежнія чувства царя къ его бывшему другу, онъ написалъ Никону, чтобы тотъ внезапно пріѣхалъ въ Москву на праздникъ Петра

чудотворца къ утрени прямо въ соборъ и послалъ звать государя на молитву, при этомъ объявлялъ, что такова тайная воля самого государя. Никонъ предался горячей молитвѣ и посту, чтобы самъ Господь вразумилъ его, что дѣлать, и вотъ однажды въ тонкомъ снѣ явилось ему видѣніе: онъ въ Успенскомъ соборѣ и всѣ почившіе святители, вставъ изъ гробовъ, подписываютъ свитокъ о вторичномъ возведеніи его на патріаршество... Съ 17 на 18 декабря 1664 г. въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню. Вдругъ часа въ 3 утра во время чтенія каѳизмъ съ шумомъ растворились двери и явился Никонъ съ толпою монаховъ и съ предненесеніемъ креста, быстро подошелъ къ патріаршему мѣсту, взялъ посохъ м. Петра и сталъ. Монахи пропѣли: „Исполла эти деспота" и „Достойно". Раздался знакомый голосъ, повелѣвавшій дьякону читать большую эктенію. Приложившись къ мощамъ, патріархъ позвалъ всѣхъ служившихъ къ благословенію. Растерянное духовенство и митрополитъ ростовскій *Іона*, заступившій мѣсто Питирима, переведеннаго лѣтомъ въ Новгородъ, стали подходить къ его рукѣ. Семи лѣтъ отсутствія его изъ Москвы какъ будто не бывало; всѣ попрежнему прекланялись предъ могучимъ патріархомъ. Къ царю Никонъ послалъ изъ собора письмо, въ которомъ разсказывалъ о своемъ видѣніи и въ заключеніе писалъ: „пришли мы въ кротости и смиреніи, неся съ собою миръ: хощеши ли самого Христа пріять"? Царь былъ въ такомъ замѣшательствѣ отъ неожиданности, что врагамъ Никона не трудно было повернуть дѣло по своему. Патріарху послано сказать, чтобы ѣхалъ, откуда пріѣхалъ. Взявъ съ собой посохъ м. Петра, онъ вышелъ изъ собора, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. На дорогѣ у него отобрали чудотворцевъ посохъ и допросили о причинѣ пріѣзда. Никонъ выдалъ Зюзина; бояринъ подъ пыткой сознался въ винѣ и былъ сосланъ въ Казань. М. Іона, подходившій къ Никону за благословеніемъ, лишенъ былъ должности мѣстоблюстителя патріаршаго престола; должность эта возложена послѣ него на м. *Павла* крутицкаго. Послѣ этой несчастной поѣздки въ Москву Никонъ сталъ дѣлать уступки, письменно просилъ царя отмѣнить пріѣздъ патріарховъ, соглашался на поставленіе новаго патріарха съ условіемъ, чтобы оставили за нимъ, Никономъ, патріаршее титло, три его монастыря и независимость отъ новаго святителя. Но въ Москвѣ уже рѣшили дожидаться суда патріарховъ. Тогда Никонъ въ видахъ предупрежденія послалъ отъ себя къ *Діонисію* константинопольскому и др. патріархамъ посланія, въ которыхъ, разсказавъ обстоятельства своего удаленія съ каѳедры, безъ всякаго стѣсненія въ выраженіяхъ жаловался на монастырскій приказъ, на бояръ, на Стрешнева, на самого царя, разбранилъ Паисія, какъ еретика, и

изложилъ Зюзинское дѣло. Посланія эти были перехвачены и послѣ послужили на судѣ противъ самого же Никона.

Судъ надъ Никономъ. Въ ноябрѣ 1666 г. пріѣхали патріархи. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ торжествахъ по случаю ихъ прибытія и въ совѣщаніяхъ ихъ съ царемъ, властями и боярами, на которыхъ они были ознакомлены съ дѣломъ главнымъ образомъ при посредствѣ Паисія Лигарида. Въ концѣ ноября Никонъ самъ былъ позванъ на соборъ. Передъ отъѣздомъ изъ Воскресенскаго монастыря онъ приготовился къ собору причащеніемъ и елеосвященіемъ, что очень обидѣло его судей. 1 декабря въ кремлевскихъ палатахъ, въ присутствіи царя и бояръ, собрался соборъ изъ греческихъ и русскихъ іерарховъ, какого еще никогда не видала Русская церковь; на немъ присутствовали 2 патріарха, 10 митрополитовъ, 7 архіепископовъ, 4 епископа, 30 архимандритовъ, 9 игуменовъ и множество другихъ духовныхъ и знатныхъ свѣтскихъ лицъ. Патріархъ явился съ обычной торжественностью, съ предненесеніемъ креста, совершилъ входъ и хотѣлъ было сѣсть на патріаршемъ мѣстѣ, но, не видя его, не сѣлъ, а стоя провелъ все время засѣданія, продолжавшагося болѣе 10 часовъ. Обвинителемъ явился самъ царь. Весь взволнованный, въ слезахъ стоялъ онъ предъ святителями, произнося обвиненія на своего бывшаго друга, жаловался на самовольное его удаленіе, на осмилѣтнюю церковную смуту по его винѣ, отрицалъ всякую вражду къ нему съ своей стороны. Никонъ держалъ себя неуступчиво, не дѣлая ни шагу къ примиренію; на обвиненія царя отвѣчалъ, что ушелъ отъ царскаго гнѣва, но патріаршества не оставлялъ. Царь представилъ собору перехваченное письмо Никона къ патріарху Діонисію и жаловался на безчестіе. Все остальное время засѣданія проведено было въ чтеніи этого письма, подробно излагавшаго, разумѣется, съ точки зрѣнія Никона, всѣ важнѣйшія обстоятельства разлада между царемъ и патріархомъ; при чтеніи оно возбуждало постоянныя замѣчанія и споры, въ которыхъ разныя лица, главнымъ образомъ самъ царь, обвиняли патріарха въ самовластіи, гордости, превышеніи власти, въ клеветахъ на царя, безчестіи на Русскую церковь, защищали себя и вызывали Никона на рѣзкіе отвѣты. Особенно крѣпко привязались къ сильнымъ фразамъ письма о неправославіи Паисія, бросавшимъ тѣнь на всю Русскую церковь, давшую Лигариду право голоса на своихъ соборахъ и право рукоположенія. На другомъ засѣданіи 5 дек., на которое тоже призванъ былъ Никонъ и на которомъ онъ вступалъ въ особенно горячіе споры съ своими обвинителями, онъ выразилъ сомнѣніе въ достоинствѣ самихъ патріарховъ, судившихъ его, и даже въ православіи самой греческой Кормчей, на которую неоднократно дѣлались на соборѣ ссылки. „По нуждѣ и

дьяволъ истину исповѣдуетъ, сказали патріархи, а Никонъ истины не исповѣдуетъ".

На новомъ послѣднемъ засѣданіи собора 12 декабря въ Благовѣщенской церкви Чудова монастыря соборъ прочиталъ Никону обвинительные пункты, что онъ самовольно и съ клятвой оставилъ каѳедру, по оставленіи ея самовольно же распоряжался въ своихъ монастыряхъ, давалъ разнымъ мѣстамъ въ нихъ гордыя названія Виѳлеема, Голгоѳы, Іерусалима, мѣшалъ избранію новаго патріарха, злоупотреблялъ анаѳемой, анаѳематствовалъ въ недѣлю православія русскихъ архіереевъ, двоихъ архіереевъ, посланныхъ къ нему царемъ, называлъ Анною и Каіафою, а двоихъ бояръ — Иродомъ и Пилатомъ, патріарховъ называлъ безпрестольными, отвергалъ правила соборовъ помѣстныхъ, бывшихъ послѣ VII вселенскаго собора, греческую Кормчую называлъ вообще всю книгой еретической, въ письмѣ къ патріарху обвинялъ царя и синклитъ и всю Русскую церковь въ латинствѣ, царя называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ Іеровоаму и Осіи, самовольно низвергъ и предалъ біенію епископа Павла коломенскаго, такъ что тотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, называлъ Паисія еретикомъ, безжалостно билъ и два года мучилъ въ тюрьмѣ духовника своего старца Леонида, живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, иноковъ и бѣльцовъ мучилъ мірскими казнями, а иныхъ на пыткѣ жегъ. За все это его объявили лишеннымъ патріаршества и священства съ оставленіемъ за нимъ только иночества. При снятіи сана Никонъ сказалъ: „Зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь, въ монастырской церкви, тайно, какъ воры? При всемъ народѣ, въ соборѣ умоляли меня принять патріаршество; пойдемъ и теперь въ туже великую церковь". Патріархи сами сняли съ него клобукъ и панагію. „Жемчугъ-то раздѣлите, снова заговорилъ Никонъ. Будетъ вамъ по нѣскольку золотниковъ, чтобы заплатить дань султану". Послѣ этого его повезли въ Ѳерапонтовъ монастырь. „Никонъ, Никонъ! говорилъ онъ, садясь въ сани. Отъ чего все это тебѣ приключилось? Не говори правды не теряй дружбы. Давалъ бы ты богатые обѣды и вечерялъ съ ними, не было бы тебѣ этого"...

Заточеніе Никона въ первые годы было очень тяжко. Никонъ впрочемъ самъ отвергалъ всѣ знаки участія къ нему царя и отсылалъ обратно царскіе дары. Только въ Пасху 1667 г. онъ въ первый разъ принялъ присланное ему вино и пилъ за царское здоровье. Послѣ этого царь немедленно облегчилъ его заточеніе, позволилъ ему выходить изъ монастыря, далъ лучшее содержаніе и особую церковь. Никона стали почитать въ монастырѣ, какъ патріарха; онъ самъ постоянно употреблялъ этотъ титулъ. Въ Москву даже доносили, что онъ хочетъ бѣжать изъ мо-

настыря и возвратить себѣ патріаршество съ помощію черни. Во время Разинскаго бунта имя его обносилось въ рядахъ казаковъ; они имѣли у себя на Волгѣ богатое судно, о которомъ распускали слухи, что на немъ ѣдетъ патріархъ. Слышно было, что къ Никону приходили три казака съ какими то предложеніями. Никона подвергли по этому поводу допросамъ, но ничего противъ него не нашли. Въ 1676 г. царь Алексѣй скончался, оставивъ въ своемъ завѣщаніи моленіе къ Никону о прощеніи и разрѣшеніи. Суровый патріархъ заплакалъ при этой вѣсти, но скрѣпился и не далъ письменнаго разрѣшенія почившему. По смерти царя участь Никона отягчилась. Съ воцареніемъ *Θеодора Алексѣевича* палъ бояринъ *Матвѣевъ*, другъ Никона, потеряли значеніе благоволившіе къ заточнику *Нарышкины*—родня второй супруги Алексѣя; первенствующее значеніе при дворѣ получили родственники первой супруги покойнаго царя, матери Θеодора, *Милославскіе* и *Хитрово*, враги Никона. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Никонъ дурно отзывается о судившихъ его патріархахъ, считаетъ ихъ приговоръ надъ собою незаконнымъ, продолжаетъ называться патріархомъ, допускаетъ жестокости къ окружающимъ его людямъ, его перевели въ Кирилловъ монастырь. Уже подъ конецъ своего царствованія, когда вліяніе Милославскихъ и Хитрово ослабѣло, царь вспомнилъ Никона и по ходатайству своей тетки, царевны *Татьяны*, велѣлъ перевести его въ любимый его Воскресенскій монастырь. Но Воскресенскій монастырь увидалъ только его бездушное тѣло; 75-лѣтній старецъ умеръ на дорогѣ въ 1681 г.

Соборы 1667 и 1675 годовъ. Возвратимся къ собору 1667 г. Осудивъ поведеніе Никона, онъ утвердилъ однако всѣ его церковныя распоряженія, призналъ справедливымъ и его взглядъ на монастырскій приказъ. Было признано, что патріархъ не долженъ носить титула в. государя и вступаться въ мірскія дѣла; но въ тоже время была подтверждена независимость духовенства и всѣхъ людей церковнаго вѣдомства отъ мірскаго суда не только въ гражданскихъ, но даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Этой уступкѣ со стороны государства не мало содѣйствовала личность новаго патріарха, избраннаго на соборѣ, *Іоасафа II* (1), человѣка тихаго и кроткаго, отъ котораго государству нечего было опасаться Никоновскихъ притязаній. Изъявъ духовенство отъ подчиненія мірскому суду, соборъ опредѣлилъ кромѣ того, чтобы сами святители судили духовныхъ лицъ чрезъ духовныхъ же особъ, а не мірскихъ чиновниковъ своихъ архіерейскихъ домовъ. Вмѣстѣ съ этимъ

(1) Послѣ Никона патріархами были: *Іоасафъ* (1667—1673), *Питиримъ* (въ 1673 г.), *Іоакимъ Савеловъ* (1673—1690) и *Адріанъ*.

опредѣлено, чтобы помимо всякихъ привиллегій всѣ монастыри и церкви подчинялись суду своей епархіальной власти. Статьи эти были подтверждены потомъ на соборѣ 1675 г. Монастырскій приказъ былъ закрытъ.

Церковный судъ послѣ московскихъ соборовъ. Но такое возвращеніе къ старому порядку не могло быть прочно, потому что развившееся государство не могло спокойно сносить обособленія изъ своего судебнаго строя цѣлаго вѣдомства, весьма многочисленнаго и владѣвшаго большою поземельною собственностію. Жизнь скоро взяла свое. Не смотря на соборныя постановленія, мірскія власти постоянно вторгались въ церковные суды. Само духовенство, предпочитая духовному суду свѣтскій, продолжало подавать свои иски на постороннихъ въ разныхъ приказахъ, а также судиться у воеводъ и городскихъ властей; многіе монастыри судились по старому въ приказѣ большаго дворца. Духовная власть въ гражданскихъ дѣлахъ оказывалась не состоятельною; она не могла ни правильно организовать своихъ судебныхъ учрежденій, ни сдерживать злоупотребленій своихъ приказныхъ органовъ, которые все еще держались старинной системы кормленія отъ дѣлъ и дѣлали возмутительныя злоупотребленія. Въ 1697 и 1698 г. правительство напр. принуждено было послать указы къ сибирскимъ воеводамъ съ порученіемъ охранять тамошнихъ земскихъ людей отъ насилій десятильниковъ тобольскаго митрополита. Земскіе люди жаловались на то, что, вслѣдствіе самосуднаго положенія духовнаго вѣдомства, въ случаѣ обидъ отъ сильныхъ духовныхъ лицъ и монастырей, наприм. Иверскаго, и исковъ на нихъ, имъ—государевымъ сиротамъ нельзя найти на нихъ ни суда, ни управы. Въ 1689 г. всѣ Новгородцы били челомъ п. *Іоакиму*, чтобы духовныхъ лицъ въ гражданскихъ дѣлахъ судили не на митрополичьемъ дворѣ, а въ приказной палатѣ. Патріархъ пригрозилъ имъ за это судомъ Корея, Даѳана и Авирона. Въ концѣ XVII вѣка наконецъ явилась мысль о разграниченіи церковнаго и мірскаго вѣдомствъ не по лицамъ, какъ было до сихъ поръ, что поддерживало удѣльное положеніе церкви и отдавало церковному суду множество чисто мірскихъ дѣлъ, а по предметамъ, чтобы государственный судъ вѣдалъ мірскія дѣла и между духовными людьми. Когда при Петрѣ Великомъ стало составляться новое уложеніе, п. *Адріанъ* въ 1700 г. велѣлъ составить „Статьи о святительскихъ судахъ“, въ которыхъ были собраны всѣ права Русской церкви, начиная съ Номоканона, княжескихъ уставовъ и ярлыковъ, и внушалось правительству помнить всѣ эти права и не отступать отъ преданій старины. Это былъ послѣдній голосъ въ защиту стараго церковнаго суда.

Отношеніе государства къ церковнымъ имуществамъ. Правила Уложенія объ уничтоженіи нѣкоторыхъ привиллегій церковныхъ вотчинниковъ, особенно безпошлинныхъ промысловъ и торговъ, и запрещеніе увеличивать церковныя вотчины остались во всей силѣ. Въ этомъ случаѣ государство не дѣлало уступокъ, потому что давно тяготилось чрезмѣрнымъ развитіемъ церковныхъ вотчинныхъ правъ. По счету Котошихина во владѣніи церкви было 118,000 дворовъ; иностранцы считали за нею даже цѣлую треть всей государственной территоріи. Стараясь извлечь, какъ можно, болѣе пользы изъ духовныхъ вотчинъ безъ особенно замѣтнаго нарушенія ихъ льготъ, правительство увеличивало съ нихъ тѣ сборы, какіе онѣ несли на ряду съ другими, стрѣлецкіе, полоняничные, ямскіе и др. Кромѣ того, на основаніи испоконнаго благотворительнаго назначенія церковныхъ богатствъ, оно посылало въ монастыри для прокормленія своихъ престарѣлыхъ и раненыхъ служилыхъ людей, даже ихъ вдовъ и сиротъ. Въ 1678 г. положено было увеличить патріаршія богадѣльни и содержать въ нихъ 412 человѣкъ; всѣ церкви обязаны были доставлять на содержаніе ихъ по гривнѣ въ годъ. Соборъ 1681 года, по предложенію царя, опредѣлилъ разобрать по городамъ нищихъ и тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ прокармливаться своими трудами, всѣхъ размѣстить по церковнымъ богадѣльнямъ и больницамъ. Вслѣдствіе своего важнаго государственнаго значенія церковныя вотчины давно уже подпали подъ контроль государства, выражавшійся въ повѣркѣ ихъ приходовъ и расходовъ приказомъ б. дворца. При царѣ Ѳеодорѣ (въ 1678 г.) вышло распоряженіе произвести подробную перепись всѣхъ церковныхъ имѣній, которая могла бы служить основой какъ для опредѣленія количества сборовъ съ церковнаго вѣдомства, такъ и для государственнаго контроля надъ его экономіей. Усиленіемъ этого контроля начались потомъ и реформы Петра относительно церковныхъ вотчинъ.

Епархіальное управленіе. Въ епархіальномъ управленіи въ XVII в. замѣчательно умноженіе архіерейскихъ каѳедръ. Еще при учрежденіи патріаршества, какъ мы видѣли, предполагалось открыть нѣсколько новыхъ каѳедръ. Предположеніе это не осуществлялось въ теченіи всей первой половины XVII в. При Алексѣѣ Михаиловичѣ въ 1663 г. съ согласія царя Никонъ открылъ епархію Вятскую, а въ 1672 г. для лучшаго противодѣйствія расколу открыта епархія Нижегородская. На соборѣ 1667 г. патріархи предлагали открыть въ Россіи еще 19 новыхъ епархій, а соборъ 1682 г. предполагалъ раздѣлить Русскую церковь на 13 митрополій, 6 архіепископій и 49 епископій; но по недостатку средствъ на содержаніе стольких каѳедръ дѣло ограничилось открытіемъ только архіепископій Устюжской и Холмогорской и

епископій Воронежской и Тамбовской. Кромѣ того, на томъ и другомъ соборѣ поднимался вопросъ объ іерархическомъ подчиненіи архіереевъ митрополитамъ, но рѣшенъ былъ отрицательно, дабы не явились въ архіерейскомъ чинѣ распри и превозношеніе.—Въ концѣ XVII в. было 12 митрополій, 7 архіепископій и 3 епископіи.

Состояніе духовенства. Возвышеніе власти и значенія высшей іерархіи при Филаретѣ и Никонѣ по настоящему должно было бы возвысить положеніе всего вообще духовнаго чина. На самомъ дѣлѣ этого не видимъ. При тягловомъ строѣ церковной администраціи возвышеніе высшей іерархіи вело только къ большему приниженію нисшаго духовенства. Особенно сильныя жалобы послышались со стороны духовенства на великое государствованіе Никона. Въ 1658 г. на паперти Благовѣщенскаго собора найдена была анонимная челобитная къ государю, въ которой писалось, что патріархъ окружилъ себя недоступностію и страхомъ, уничтожилъ прежнее благодушное обхожденіе патріарховъ съ духовенствомъ, дворъ свой устроилъ такъ, что и къ воротамъ приблизиться страшно, священники къ благословенію подойти не смѣютъ, не только что вопросить о недовѣдомыхъ вещахъ, все духовенство поэтому отдано на жертву алчному дьяку Кокошилову. Послышались жалобы на тяжесть наказаній виновнымъ священникамъ, цѣпи, тюрьмы, батоги, ссылки по отдаленнымъ монастырямъ. Являясь на архіерейскій дворъ, духовное лице должно было прежде, чѣмъ дойдетъ до архіерея, одарить болѣе 40 человѣкъ, — казначея, дьяковъ, подъячихъ, дворецкаго, ключника, келейниковъ, воротнаго сторожа, іеромонаховъ и проч. Выборныя власти, поповскіе старосты, мало имѣли значенія въ епархіальной администраціи. Архіереи довѣряли больше своимъ приказнымъ органамъ. П. Іоасафъ II надъ самими поповскими старостами поставилъ свѣтскаго тіуна. Право епархіальнаго суда надъ духовенствомъ исключительно принадлежало приказнымъ лицамъ, и притомъ до опредѣленія собора 1667 г. лицамъ не духовнаго чина, а свѣтскимъ. Таже челобитная отъ имени московскаго духовенства выразительно изображаетъ и крайнее *гражданское униженіе* духовнаго чина; безчестье священниковъ, сказано здѣсь, оцѣнено законодательствомъ въ 5 рублей, на ряду съ безчестьемъ Черемисину и Мордвину и убійствомъ собаки: „и нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога,—бей попа, что собаку, да кинь 5 рублевъ“.

Матеріальное благосостояніе духовенства страдало отъ увеличенія съ него разныхъ государственныхъ сборовъ по случаю напр. войнъ. Запасы и лошади на войско собирались даже съ церковныхъ земель. Сборы въ патріаршую казну и на архіереевъ

увеличились вслѣдствіе того, что со введеніемъ патріаршества для іерархіи потребовалось больше благолѣпія и больше расходовъ. При Никонѣ и Іоакимѣ для облегченія тяглаго духовенства сдѣланы были распоряженія о введеніи по этимъ сборамъ во всѣхъ епархіяхъ однообразныхъ окладовъ по образцу патріаршей епархіи; этимъ устранялся произволъ епархіальной власти въ назначеніи количества сборовъ; но за то самые оклады, опредѣленные теперь высшею властію, сравнительно съ прежними были значительно возвышены. Между тѣмъ доходы духовенства не только не увеличивались, но еще уменьшались вслѣдствіе быстраго его размноженія и дробленія приходовъ. Духовенства такъ было много, что ему даже некуда было дѣваться; дѣти его всѣми мѣрами стремились занять церковныя мѣста, обманывали архіереевъ, подкупали прихожанъ и втирались въ такіе приходы, гдѣ не было никакой нужды въ новыхъ членахъ клира При Алексѣѣ Михайловичѣ правительство вздумало было сократить число поповичей, стало брать ихъ въ военную службу и тягло, но скоро отступилось отъ этой мѣры. При множествѣ кандидатовъ на церковныя мѣста приходы получили возможность во время выборовъ членовъ клира развернуть свою разсчетливость, стали принимать только такихъ, которые сговаривались на меньшее количество земли или руги. Изъ жалобы псковскаго митрополита *Маркелла* въ концѣ XVII в. видимъ, что по милости этой разсчетливости приходскія мѣста наполнялись людьми недостойными, такъ какъ хорошимъ священникамъ, которые не соглашались на малую ругу, прихожане отказывали, что бѣдные попы были у прихожанъ вмѣсто рабовъ и говорить противъ нихъ ничего не смѣли. Нѣкоторымъ (очень немногимъ) церквамъ правительство попрежнему давало свою собственную ругу. Въ 1620-хъ годахъ, при общей переписи государства, велѣно было отводить къ церквамъ писцовыя земли (10—20 четей въ полѣ), но эти земли отведены были лишь къ очень немногимъ церквамъ. Въ 1680-хъ гг., при новой переписи государства, распоряженіе это было повторено; на этотъ разъ писцовыя земли отмежеваны къ большему числу церквей, чѣмъ прежде, но большинство церквей все таки осталось безъ земель и послѣ этого.

Съ умноженіемъ духовенства все болѣе и болѣе затруднялось вступленіе въ него для постороннихъ людей и развивалось его сословное значеніе. Соборъ 1667 г. замѣтилъ, что церкви переходили по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ вмѣстѣ съ домовымъ строеніемъ духовенства при церквахъ, какъ частная собственность; доходило до того, что у кого не было дѣтей, тотъ продавалъ свое мѣсто при церкви чужимъ. Соборъ строго возсталъ противъ такого корчемства церквами и распорядился, чтобы при-

хожане выкупали ихъ у причтовъ, чтобы Божіи церкви были свободны, обратилъ такъ же вниманіе на образованіе и нравственность духовенства, на выборъ достойныхъ ставлениковъ и на исполненіе пастырями долга учительства. По случаю появленія раскола и развитія вредныхъ для церкви западныхъ вліяній, въ тогдашнее время чувствовалась особенная нужда въ достойномъ бѣломъ духовенствѣ, такъ какъ безъ него іерархія, не имѣя непосредственнаго вліянія на народную массу, оказывалась совершенно безсильною. Не удовлетворяясь его современнымъ состояніемъ, и соборы, и іерархи, и правительство стали горячо обличать его въ невѣжествѣ и недостаткахъ нравственной жизни; рѣзкость этихъ обличеній была соразмѣрна современной нуждѣ и превосходила даже рѣзкость тѣхъ отзывовъ, какіе дѣлали о русскомъ духовенствѣ иностранцы; таковы напр. слова собора 1667 г., что въ священство поставляются „невѣжды, которые ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей“. Вслѣдствіе своей необразованности, упадка нравственной силы и обрядоваго развитія самого общественнаго благочестія священникъ вовсе терялъ свое пастырское, нравственно-воспитательное значеніе для пасомыхъ и оставался только съ значеніемъ обрядовымъ, какъ совершитель требъ. Отъ того онъ не былъ отечески привязанъ къ приходу, могъ всегда оставить свою церковь, къ которой его наняли, перейти къ другой церкви, гдѣ было лучше, или встать на крестецъ. Число *бродячаго и крестцоваго духовенства* все возрастало. Крестцовое духовенство производило большой соблазнъ въ самой Москвѣ; одинъ тіунъ наприм. доносилъ п. Іову, что попы, становясь на крестцахъ, ругались, дрались между собою въ кулачки, служили божественную службу не истрезвясь. Соборы 1667 и 1681 гг. положили установить строгое наблюденіе за всѣми перехожими и крестцовыми попами, досматривать у нихъ граматы, смотрѣть, не вѣнчаютъ ли они незаконныхъ браковъ, не содѣйствуютъ ли расколу и проч. Самымъ полезнымъ распоряженіемъ къ уменьшенію числа безмѣстнаго духовенства было распоряженіе собора 1667 г. объ отмѣнѣ для вдовыхъ священнослужителей стариннаго запрещенія службы. Кромѣ того московскіе соборы постарались еще ограничить домовое богослуженіе у частныхъ лицъ, которымъ всего болѣе кормилось крестцовое духовенство; домовыхъ поповъ дозволено было держать только великимъ людямъ и съ благословенія архіерейскаго.

Духовенство монашествующее. Обличенія коснулись и духовенства монашествующаго. Особенное вниманіе правительства обратило на себя чрезвычайное размноженіе монастырей. Въ теченіе XVII в. явилось свыше 220 новыхъ обителей; понятно, какъ должна была ослабѣть отъ этого внутренняя сила монашеской жиз-

ни. Оказывалось, что многіе монастыри возникали единственно по личному благочестію ихъ основателей, безъ особенной въ нихъ нужды, и были очень малолюдны; ихъ цѣлыми десятками приписывали къ большимъ монастырямъ или архіер. домамъ. Во второй половинѣ XVII в. такіе монастыри, особенно лѣсные скиты, дѣлались вредными притонами раскола; поэтому соборъ 1681 г. вовсе запретилъ заводить ихъ, а выстроенные прежде велѣлъ упразднять и сводить въ большіе общежительные монастыри. Кромѣ того соборы 1667 и 1681 гг. старались ограничить излишнюю свободу постриженія въ монашество, потому что замѣтили въ монастыряхъ много монаховъ, которые постригались не ради спасенія, а ради тунеядства, убѣгая отъ тягла и службы. Такъ какъ многіе постригались въ мірскихъ домахъ отъ разныхъ бродячихъ чернецовъ, безъ разрѣшенія духовной власти, то соборы постановили совершать постриженіе только въ монастыряхъ и послѣ строгаго законнаго искуса; запрещено постригать мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей. Кромѣ того соборы вооружились противъ бродяжничества монаховъ, пребыванія ихъ въ мірскихъ домахъ и собиранія милостыни по улицамъ; всѣхъ такихъ монаховъ и монахинь велѣно было ловить и заключать въ особо отведенные на то монастыри для исправленія. Для поддержки монастырской нравственности по монастырямъ посылались царскія и святительскія грамоты съ обличеніемъ нестроеній; изъ нихъ узнаемъ, что даже въ такихъ монастыряхъ, какъ Соловецкій, Троицкій и др., многія статьи пришли въ разстройство. Дурные монахи не слушались ни игумена, ни устава, келаря и казначеевъ нарочно выбирали потаковниковъ, а добрыхъ старцевъ не выбирали ни въ какія должности. Въ монастыряхъ проживали разные міряне, родня настоятелей и монаховъ, съ своей стороны и монахи, даже монахини въ большомъ числѣ проживали въ мірскихъ домахъ у родственниковъ или въ кельяхъ около церквей. Нѣкоторые монастыри, даже женскіе, построены были среди мірскаго строенія и изъ домовъ въ нихъ подѣланы были ходы, которыми монашествующіе и міряне сообщались между собою днемъ и ночью. Соборъ 1681 г. опредѣлилъ устранить всѣ эти безпорядки; монахинямъ не велѣно вступаться даже въ управленіе своими вотчинами, а велѣно держать для этого особыхъ довѣренныхъ людей.

Расширеніе предѣловъ Московскаго патріаршества.

Вредное вліяніе смутнаго времени на распространеніе христіанства. Волненія смутнаго времени сильно задержали успѣхи христіанства между инородцами, особенно на западѣ. По *Столбовскому* миру (1617 г.) Россія потеряла значительную часть Нов-

городской области, именно Ингрію и Карелію, которыя остались за Швеціей. Православіе много пострадало въ этомъ краѣ еще раньше, въ смутное время; постоянно двигавшіяся здѣсь шведскія войска раззоряли города, церкви и монастыри. Разрушены были обители Коневская и Валаамская; иноки ихъ спасли только мощи пр. Сергія и Германа и разошлись по разнымъ монастырямъ. Шведское правительство оказывало довольно терпимости къ православію, но, разумѣется, не могло не заботиться и о распространеніи въ этомъ краѣ протестантства, заставляло пасторовъ говорить на русскомъ языкѣ проповѣди, издавало русскіе переводы лютеранскихъ катихизисовъ и др. религіозныхъ книгъ. Цѣлыя тысячи православныхъ обращались въ протестантство, особенно въ Ингріи. – Но зато во второй половинѣ XVII в. Русская церковь утѣшена была важнымъ пріобрѣтеніемъ, — присоединеніемъ къ ней давно отдѣлившейся отъ нея Кіевской митрополіи.

Присоединеніе Малороссіи и Бѣлоруссіи къ Россіи. Въ Малороссіи съ самаго начала царствованія Алексѣя шло возстаніе противъ польскаго владычества подъ предводительствомъ гетмана *Богдана Хмельницкаго.* Для успокоенія этого страшнаго возстанія по Зборовскому трактату 1648 г. Поляки обѣщали православнымъ важныя права: митрополиту дать мѣсто въ сенатѣ, города, гдѣ есть православныя школы, освободить отъ пребыванія іезуитовъ, обѣщались также подумать объ уничтоженіи въ украйнѣ уніи. Но когда волненіе успокоилось, всѣ эти обѣщанія были забыты. Второе возстаніе Хмельницкаго кончилось неудачно и въ новомъ Бѣлоцерковскомъ трактатѣ объ уніи и о правахъ митрополита уже не было помину; вся западная Россія очутилась въ прежнемъ положеніи. Тогда цѣлыя тысячи переселенцевъ устремились на востокъ въ Московское государство. Туда же наконецъ обратился и самъ Хмельницкій, и въ 1654 г. Малороссія присягнула на подданство царю московскому. Во время послѣдовавшей за тѣмъ войны Россіи съ Польшей русскія войска въ два похода 1654 и 1655 гг. завладѣли всей Бѣлоруссіей и частію Литвы, а по перемирію 1655 г. Польша должна была уступить Россіи всю Малороссію и Бѣлоруссію. Послѣ этого въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Могилевѣ, Вильнѣ и др. городахъ завоеваннаго края началось повсюдное возстановленіе православія и его святынь и истребленіе уніи съ католичествомъ. Въ Москвѣ надѣялись, что послѣ возвращенія этихъ земель Россіи должны будутъ вскорѣ соединиться между собою и обѣ доселѣ раздѣленныя половины Русской церкви; п. Никонъ титуловался уже патріархомъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Но послѣдствія долго не оправдывали этой надежды.

Вопросъ о подчиненіи западно-русской іерархіи Московскому патріарху. Въ вопросѣ о своемъ подчиненіи Москвѣ западная Русь раздѣлялась на двѣ партіи. Народная масса, города и простые казаки всегда стремились подъ царя православнаго; имъ сочувствовало бѣлое духовенство. Но шляхетство и казацкая старшина тянули къ шляхетской Польшѣ; этой партіи сочувствовало высшее духовенство, для котораго номинальная зависимость отъ константинопольскаго патріарха была выгоднѣе дѣйствительной зависимости отъ патріарха московскаго. Митрополитъ кіевскій, преемникъ П. Могилы, *Сильвестръ Коссовъ* долго не изъявлялъ покорности царю и патріарху, отговариваясь страхомъ польской мести. Въ 1654 г. онъ посылалъ къ царю игумена *Иннокентія Гизеля* хлопотать, чтобы малороссійская іерархія была по прежнему оставлена въ вѣдомствѣ греческаго патріарха. Нѣтъ сомнѣнія, что энергичный Никонъ скоро успѣлъ бы подчинить себѣ западно-русскую церковь; но вліяніе его ослабѣло какъ разъ въ то время, когда особенно было нужно. Преемникъ Сильвестра (съ 1657 г.) *Діонисій Болобанъ* рѣшительно отказался принять посвященіе въ Москвѣ и явно тянулъ къ Польшѣ, приверженцемъ которой былъ и гетманъ *Выговскій*. Скоро оба они совсѣмъ перешли въ польское подданство. Управленіе западно-русскою церковію, вмѣсто Діонисія, въ Москвѣ порѣшили возложить пока на намѣстника. Съ согласія царя Питиримъ (управлявшій тогда патріаршествомъ) опредѣлилъ на эту должность извѣстнаго царю нѣжинскаго протопопа *Максима Филимонова*, посвятивъ его (1661 г.) подъ именемъ *Меѳодія* въ епископа мстиславскаго. Но его намѣстничество не было признано ни греческимъ патріархомъ, ни многими западными іерархами. М. Діонисій не признавалъ даже его епископства и посвятилъ отъ себя другаго епископа на туже мстиславскую каѳедру, *Іосифа Тукальскаго*. Много повредилъ Меѳодію и Никонъ, наложивъ за его посвященіе анаѳему на Питирима.

Послѣ измѣны Выговскаго Малороссія раздѣлилась на двѣ половины, — польскую за Днѣпромъ и русскую по сю сторону Днѣпра; пошли междоусобія и измѣны гетмановъ. Общая смута отозвалась и на церковныхъ дѣлахъ. Послѣ смерти Діонисія въ 1663 г. на западной сторонѣ Днѣпра одною партіею былъ избранъ въ митрополиты епископъ *Іосифъ Тукальскій*, другою — *Антоній* перемышльскій. Неизбѣжная смута между ними не разыгралась только потому, что въ слѣдующемъ году Іосифъ попался въ плѣнъ къ Полякамъ и 2 года томился въ тюрьмѣ. На восточной сторонѣ продолжалъ управлять церковными дѣлами Меѳодій, котораго поддерживалъ гетманъ *Брюховецкій*. Но, войдя во вкусъ независимой іерархической власти, Меѳодій тоже перешелъ на сторону польско-шляхетской партіи, не смотря на то,

что всѣмъ своимъ значеніемъ обязанъ былъ Москвѣ. Когда гетманъ сталъ хлопотать о присылкѣ настоящаго митрополита изъ Москвы, Меѳодій вмѣстѣ съ Иннокентіемъ Гизелемъ, который былъ теперь уже печерскимъ архимандритомъ, и съ другими лицами изъ монашествующаго духовенства рѣшительно объявили, что, какъ скоро изъ Москвы пріѣдетъ митрополитъ, всѣ архіереи и архимандриты запрутся въ своихъ монастыряхъ, и развѣ ихъ за ноги оттуда выволокутъ, тогда только въ Кіевѣ будетъ московскій митрополитъ. Не мудрено, что Меѳодія очень дурно приняли въ Москвѣ, когда онъ ѣздилъ туда на соборъ 1667 г. Послѣ этого, возвратясь въ Малороссію, онъ сталъ поднимать противъ Москвы всѣхъ, кого могъ. Въ этомъ много помогло ему распространившееся тогда по Малороссіи недовольство Москвой за Андрусовскій миръ, по которому Россія уступила Полякамъ всѣ свои литовскія завоеванія и всю заднѣпровскую Малороссію, оставивъ за собой только одинъ Кіевъ, и то на три года. Гетманъ заднѣпровья *Дорошенко* поддался Турціи, надѣясь освободиться отъ польской неволи съ ея помощью, какъ прежде Хмельницкій освободился съ помощью Москвы. Турецкая партія, во главѣ которой онъ стоялъ, усилилась и на восточной сторонѣ, такъ какъ прошелъ слухъ, что царь и остальную Малороссію хочетъ отдать подъ унію и короля. Къ ней пристали самъ Меѳодій съ Брюховецкимъ, потому что Дорошенко посулилъ за это первому независимую митрополію, а послѣднему—гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Но лишь только Брюховецкій измѣнилъ, промѣнявъ царя на султана, какъ Дорошенко убилъ его, желая самъ остаться гетманомъ надъ обѣими сторонами. Обманулъ онъ и Меѳодія. Еще раньше этого онъ освободилъ изъ польскаго плѣна Іосифа Тукальскаго. Послѣдній немедленно снялъ съ Меѳодія санъ и приговорилъ его къ заточенію. Меѳодій бѣжалъ въ Москву, но и здѣсь подвергся заточенію за измѣну.

На восточной сторонѣ Днѣпра однако не хотѣли повиноваться Іосифу; всѣми церковными дѣлами управлялъ здѣсь, вмѣсто Меѳодія. старшій изъ епископовъ *Лазарь Барановичъ* черниговскій. Не смотря на то, что константинопольскій патріархъ единственнымъ законнымъ митрополитомъ Кіева считалъ Іосифа, послѣдній, по своему нежеланію подчиниться Москвѣ и постоянной связи съ турецкой партіей, никакъ не могъ явиться въ Кіевъ и долженъ былъ оставаться до самой своей смерти (1676 г.) при Дорошенкѣ въ Чигиринѣ. Со смертью его церковное управленіе перешло въ руки Лазаря уже на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, такъ какъ и въ государственномъ отношеніи обѣ стороны тоже соединились подъ булавой одного гетмана *Самойловича*. Въ 1686 г. Россія заключила съ Польшей вѣчный миръ, удержавъ за собой

всю восточную Малороссію съ Кіевомъ; въ другихъ русскихъ областяхъ, оставшихся за Польшей, Поляки обязались дать православнымъ свободу вѣры и возвратить православныя епархіи: Луцкую, Львовскую, Перемышльскую и Могилевскую. Теперь пора было наконецъ приступить и къ избранію общаго митрополита. Первыми кандидатами на митрополію были Лазарь и печерскій архимандритъ *Варлаамъ Ясинскій*. Но ни тотъ, ни другой не хотѣли ѣхать на поставленіе въ Москву. Поэтому, обойдя ихъ обоихъ, п. Іоакимъ поставилъ въ митрополиты луцкаго епископа *Гедеона Четвертинскаго*. Лазарь и Варлаамъ и теперь протестовали противъ іерархическаго подчиненія Кіева Москвѣ, объявивъ поставленіе Гедеона незаконнымъ. Но константинопольскій патріархъ, послѣ соборнаго совѣщанія съ другими патріархами, въ 1687 г. самъ согласился признать зависимость Кіевской митрополіи отъ Московскаго патріаршества. Этимъ важнымъ актомъ окончательно прекращено было раздѣленіе Русской церкви, продолжавшееся со времени Витовта около двухъ съ половиной столѣтій. Единство ея однако возстановилось не вполнѣ; отъ нея остались отторгнутыми литовскія области и Галиція, безъ поддержки Малороссіи очутившіяся теперь въ самомъ жалкомъ положеніи.

Распространеніе христіанства. На востокѣ церковь успѣшно пріобрѣтала себѣ новыхъ чадъ. Правительство содѣйствовало ей въ этомъ своими матеріальными средствами и льготами обращавшимся инородцамъ. Въ Сибири казаки продолжали покарять новыя земли; по ихъ слѣдамъ вездѣ возникали русскіе города и селенія съ храмами и монастырями. Въ 1605—1615 гг. возникли монастыри въ Тобольскѣ, Березовѣ, Верхотурьѣ и Тюмени. Для большихъ успѣховъ св. вѣры въ 1620 г. для Сибири открыта была новая епархія въ Тобольскѣ. Первымъ архіепископомъ ея былъ *Кипріанъ* (изъ игуменовъ Хутынскаго монастыря); онъ много заботился объ исправленіи дурной нравственности русскихъ поселенцевъ въ Сибири, а для скорѣйшаго просвѣщенія вѣрою дикихъ туземцевъ старался умножать по своей епархіи церкви и монастыри. Имъ основаны новыя обители въ Невьянскѣ, Тагилѣ, Тарѣ, Томскѣ, Туринскѣ, Туруханскѣ и на р. Нейвѣ. Въ 1625 г. онъ былъ переведенъ на Крутицкую епархію. Въ 1644 г. старецъ *Далматъ* (изъ Невьянскаго монастыря) основалъ на р. Исети Далматовскій монастырь, сдѣлавшійся потомъ средоточіемъ христіанскаго просвѣщенія для огромнаго округа возникшихъ около него русскихъ и инородческихъ поселеній. Въ 1653 г. возникъ другой извѣстный просвѣтительнымъ вліяніемъ монастырь въ остяцкомъ краѣ,—Кондскій. Съ половины XVII в. казаки стали покорять южную Сибирь; дружины *Хабарова* проникли за Ябло-

новый хребетъ на р. Амуръ. Въ крѣпости Албазинѣ явилась приходская церковь, а въ 1671 г. іеромонахъ *Гермогенъ* основалъ здѣсь монастырь. Въ 1681 г. сибирскій м. *Павелъ* отправилъ туда проповѣдниками игумена *Ѳеодосія* и нѣсколько монаховъ; для распространенія вѣры велѣно устроить монастырь въ Селенгинскѣ. Соборъ 1681 г. положилъ послать искусныхъ духовныхъ людей въ Дауры на р. Лену. Съ 1660 по 1672 г. по восточной Сибири возникли обители въ Якутскѣ, Киренскѣ и Иркутскѣ. Въ 1689 г. весь Амурскій край былъ уступленъ Китаю; Албазинъ срытъ, и христіанская вѣра перестала здѣсь существовать, но за то проникла въ самый Китай. Нѣсколько русскихъ плѣнныхъ были поселены въ Пекинѣ въ особой слободѣ подъ именемъ Русской роты съ дозволеніемъ имѣть у себя церковь. Въ 1695 г. тобольскій митрополитъ *Игнатій* послалъ къ нимъ священника и дьякона съ антиминсомъ, мvромъ, церковными книгами и утварью. Изъ донесенія его посланныхъ узнаемъ, что Китайцы бывали въ русскомъ храмѣ и трое изъ нихъ крестились.

Продолжались попеченія Русской церкви и о другой отдаленной украинѣ государства—*Прикавказьѣ*. Мы видѣли, что еще при Грозномъ Грузія просилась въ русское подданство. Но Русскимъ трудно было удержаться здѣсь при сомнительной вѣрности мѣстныхъ владѣльцевъ. Въ началѣ XVII в. персидскій шахъ Аббасъ овладѣлъ всею Грузіей и раззорилъ въ ней всѣ церкви. Въ 1619 г. царь Кахетіи, Карталиніи и Имеретіи *Теймуразъ* снова предложилъ подданство царю Михаилу Ѳеодоровичу; просьба его была исполнена; Персія на время была удержана отъ войны мирными переговорами. Вскорѣ (1626 г.) шахъ прислалъ п. Филарету въ знакъ своей дружбы къ нему *Ризу Господню*, которая была нѣкогда взята изъ Грузіи, какъ военная добыча; патріархъ установилъ въ честь ея праздникъ. Но потомъ Персіяне отняли у Теймураза всѣ его владѣнія, кромѣ Кахетіи, и стали истреблять въ нихъ прав. вѣру. Въ 1650 г. новый имеретинскій царь *Александръ* тоже принялъ русское подданство. Не смотря на гнѣвъ шаха, Имеретія и Кахетія остались за Россіей. Царь грузинскій Теймуразъ, какъ мы знаемъ, самъ былъ въ Москвѣ для присяги на подданство. Послѣ паденія Никона дѣло о защитѣ Грузинской церкви остановилось. Попеченія Россіи ограничились лишь помощью въ устроеніи богослужебнаго порядка въ Грузіи и радушнымъ пріемомъ грузинскихъ эмигрантовъ.

Въ самой Россіи оставалось еще обширное поприще для христіанской миссіи. Въ половинѣ XVII в. въ приволжскомъ краѣ произошелъ приливъ новыхъ инородческихъ силъ чрезъ переселеніе къ Волгѣ калмыцкихъ ордъ изъ степей Азіи. Разин-

скій бунтъ едва было не погубилъ здѣсь и тѣхъ слабыхъ начатковъ христіанства, какіе были насаждены прежде. Разинъ обѣщалъ инородцамъ свободу вѣры и весь край, ожесточенный насиліями приказныхъ людей, совершавшимися иногда подъ прикрытіемъ религіозной ревности, пришелъ въ волненіе очень опасное для св. вѣры. Торжество государства надъ бунтомъ было вмѣстѣ и торжествомъ церкви. — Въ концѣ XVII в. правительство узнало, что разные татарскіе мурзы, имѣя въ своихъ помѣстьяхъ христіанъ, принуждали ихъ къ мухамеданству, и распорядилось такія помѣстья съ христіанскимъ населеніемъ у нихъ отписать, испомѣстивъ ихъ за то землями Мордвы и др. инородцевъ.—Гораздо успѣшнѣе шло дѣло миссіи между Мордвой и Татарами рязанскаго и тамбовскаго края, гдѣ въ половинѣ XVII в. явился замѣчательный дѣятель,—архіепископъ рязанскій *Мисаилъ*. 1654 г. онъ началъ свои поѣздки по епархіи для крещенія инородцевъ въ Касимовѣ, Шацкѣ, Тамбовѣ и ихъ уѣздахъ. Въ Касимовѣ крестились два царевича, касимовскій и сибирскій; въ Шацкомъ и Тамбовскомъ уѣздахъ крещено было 4200 человѣкъ Татаръ и Мордвы; къ православію присоединялись иногда цѣлыя селенія заразъ. Въ 1656 г. святитель отправился во второе миссіонерское путешествіе; на этотъ разъ онъ встрѣтилъ себѣ упорное противодѣйствіе со стороны мухаммеданъ и язычниковъ, но съ помощью гражданской власти успѣлъ обратить еще множество Мордвы и Татаръ. Во время третьей поѣздки Мордва застрѣлила его стрѣлами около села Конобѣева. Кровь святителя была новымъ сѣменемъ христіанства; слѣдствіе по этому убійству до того напугало инородцевъ, что они начали креститься послѣ этого въ необыкновенномъ множествѣ.

Состояніе религіозности, церковныя исправленія и расколъ.

Для искорененія *остатковъ язычества* и *религіозныхъ суевѣрій*, господствовавшихъ въ средѣ самого русскаго общества, духовное и свѣтское правительства разсылали граматы, которыми воспрещалось кликать коледу и усень, праздновать купалу, скакать черезъ костры, заниматься бѣсовскими пѣснями и играми, качаться на качеляхъ, принимать скомороховъ, гадать по новой лунѣ, во время грома купаться въ водѣ, умываться съ серебра, въ Пасху скакать на доскахъ, въ святки переряживаться и гадать, загадки загадывать и сказки сказывать небылыя; запрещались безчинія, грязные обычаи и сквернословіе на свадьбахъ; не велѣно держать въ домахъ домры, сурны, гудки, хари и всякіе бѣсовскіе сосуды. Правительство постоянно вооружалось противъ народнаго разгула, который дѣлалъ православные праздники дня-

ми пьянства, безчиній, дракъ и даже убійствъ. За недостаткомъ другихъ, болѣе благородныхъ способовъ занять свободное время, пьянство по праздникамъ было не рѣдкостью не только въ простомъ народѣ, но и въ знатныхъ домахъ, даже въ самомъ дворцѣ. Въ обличеніяхъ противъ остатковъ язычества мы уже не встрѣчаемъ упоминовенія старыхъ божествъ, кромѣ Рожаницъ, Купала и Ярила, но языческій складъ мыслей и теперь еще хранился во всей свѣжести. Въ явленіяхъ природы видѣли таинственныя силы разныхъ лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ, русалокъ, кикиморъ и другихъ миѳическихъ существъ. Не только въ народныхъ сказаніяхъ, но и въ книжной письменности господствовали разсказы о таинственной силѣ разныхъ предметовъ природы. На такой полуязыческой точкѣ зрѣнія стоятъ всѣ эти сказанія о животныхъ, о камняхъ, травники, лечебники, сборники примѣтъ и заговоровъ, книги астрологическія, гадальныя и др., которыя давно уже были отречены церковію, но которыми пробавлялись еще всѣ книжные люди. Большая часть сборниковъ и рукописей старинныхъ библіотекъ наполнена статьями именно такого отреченнаго содержанія. Индексъ отреченныхъ книгъ разросся до громадныхъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ болѣе 100 названій, хотя обнималъ собою далеко еще на всѣ апокрифы и суевѣрія, какія существовали въ самой жизни. Въ народныхъ суевѣріяхъ попадалось и духовенство. При Филаретѣ засадили въ монастырскую тюрьму дьячка Семейку Григорьева, у котораго нашли Рафли и гадальныя тетради. Въ Тобольскѣ попался съ чародѣйными кореньями и травами протопопъ.

Вѣра въ волшебство была распространена во всѣхъ классахъ общества. Наприм. успѣхи самозванца и Марины въ граматахъ того времени прямо приписывались чародѣйству. При ц. Михаилѣ, когда съ его невѣстой Маріей Хлоповой сдѣлалась рвота отъ того, что она объѣлась во дворцѣ разными сластями, было оффиціально признано, что она испорчена отъ супостатъ. Невѣста ц. Алексѣя Михайловича, Всеволожская, упала однажды въ обморокъ; это обстоятельство тоже приписано было порчѣ. Уложеніе назначило за колдовство страшныя казни, кнутъ и сожженіе на кострѣ; но въ тоже время къ помощи колдовства постоянно обращались и простолюдины и люди изъ высшихъ классовъ. Въ царскомъ семействѣ опасеніе порчи было развито до крайности. Болѣзни царицы или царскихъ дѣтей вели къ строгимъ розыскамъ при дворѣ, не испортилъ ли ихъ кто. Въ 1635 и 1639 гг. шли длинные розыски съ пытками о дворцовыхъ боярыняхъ и мастерицахъ, обвиненныхъ въ томъ, что онѣ ходили ворожить къ московскимъ вѣдуньямъ. При ц. Михаилѣ однажды правительство выдало указъ не покупать въ Литвѣ хмелю, по-

тому что узнало стороною, будто въ Литвѣ на хмель наговариваетъ какая-то баба вѣдунья. Въ областяхъ тоже весьма часто возникали дѣла по вѣдовству и порчѣ и посылались для рѣшенія въ Москву. Изъ одного мѣста писали въ Москву, что явился лихой человѣкъ, напускаетъ на людей икоту, изъ другаго, что знахарь испортилъ молодыхъ или гостей на пьяномъ свадебномъ пиру, навелъ на нихъ скорбь и они начали кликать безъ ума и памяти и т. д. Кликушъ было безчисленное множество; онѣ были главнымъ безобразіемъ всѣхъ св. мѣстъ и богослуженія всякой церкви. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ встрѣчаемъ обвиненіе въ колдовствѣ и ссылку въ Пустозерскъ образованнаго боярина Матвѣева. Въ правленіе царевны *Софьи* главный вельможа кн. *Голицынъ*, возбуждавшій своимъ образованіемъ удивленіе иностранцевъ, пыталъ нѣкоего Бунакова за то, что этотъ вынималъ его княжой слѣдъ; онъ же бралъ у одного своего крестьянина вѣдуна приворотные коренья для снисканія любви царевны Софіи; одного Поляка Силина заставлялъ лазить на Ивановскую колокольню, чтобы узнать по звѣздамъ, сбудутся ли планы Софьи и ея приверженцевъ. Наконецъ встрѣчаемъ двухлѣтніе розыски колдуновъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи извести юнаго царя Петра съ его матерью.

На ряду съ кудесниками и волхвами необыкновеннымъ благоговѣніемъ и вѣрою окружены были разные *ложные пророки*, поражавшіе народъ своимъ страннымъ поведеніемъ, таинственными рѣчами и дѣйствіями, въ которыхъ суевѣріе видѣло тоже кудесническую, таинственную силу, какъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ вѣдуновъ. Церковь строго вооружалась противъ всѣхъ этихъ людей, смущавшихъ народъ своими видѣніями и сонiями. Соборъ 1667 г. велѣлъ ловить „власы растящихъ и ризы черныя носящихъ и босыхъ ходящихъ, иже мнятся благоговѣйни быти, не суть же таковы“, и приводить на святительскіе дворы для суда. Но темная масса почитала этихъ темныхъ людей едвали не болѣе, чѣмъ своихъ духовныхъ пастырей. Бродячіе чернецы, приходившіе изъ Греціи и называвшіеся митрополитами и епископами, успѣвали обманывать не только простой народъ, но и бояръ, даже царскую семью. По разсказамъ серба Крыжанича, эти самозванцы продавали ложныя разрѣшительныя грамоты патріарховъ отъ всякихъ грѣховъ и разныя святыни, предварительно неторговавшись, какъ Іуда: „что ми хощете дати и азъ предамъ вамъ Его?“

Развитіе обрядовой религіозности. Полуязыческій взглядъ на христіанскія святыни и теперь, какъ во времена Стоглава, проявлялся въ волхвованіи священными предметами, наприм., частицами просфоры, богоявленской водой, ладономъ, молитвами,

которыя для этого писались на бумажкахъ и хранились въ домахъ или носились на шеѣ въ видѣ талисмановъ, а такъ же въ передѣлкахъ церковныхъ молитвъ въ заговоры и заговоровъ въ молитвы. Духъ этого полуязыческаго кудесничества соединился съ обрядовымъ благочестіемъ и произвелъ извѣстный взглядъ на обряды, не какъ на форму внутренняго богопочтенія, а какъ на нѣчто самостоятельное, спасительное само по себѣ. Въ сознаніи народной массы богослуженіе теряло всю силу отъ малѣйшаго измѣненія въ немъ какого либо слова или дѣйствія, какъ терялъ свою силу заговоръ, прочитанный невѣрно или безъ наблюденія какой нибудь мелочи въ его обстановкѣ. Это вредное для православія явленіе обнаружилось особенно по поводу обрядовыхъ исправленій Никона, въ которыхъ масса увидѣла совершенную гибель для вѣры и спасенія. А между тѣмъ самое совершеніе богослуженія страдало крайнимъ неблагочиніемъ. Встрѣчаемъ грамати патріарховъ, которыя всего лучше показываютъ, какъ слабо оказывалось обрядовое благочестіе, безъ духа и жизни къ поддержанію самихъ обрядовъ. Служба совершалась въ нѣсколько голосовъ; и служащіе и молящіеся стояли въ церкви безъ вниманія, разговаривали, смѣялись, по церкви шумѣли ребята, бродили съ блюдьями сборщики, дурачились юродивые, пищали, ползая по полу, калѣки нищіе и т. п. Соборъ 1667 г. такъ же оставилъ нѣсколько обличительныхъ замѣчаній касательно бездушнаго обожанія религіозной внѣшности; онъ напр. обратилъ вниманіе на то, что въ церквахъ каждый чествовалъ только свою икону, одной ей ставилъ свѣчи и ей только молился, что неискусные люди „своя си иконы боги именовали, чесо ради явствуется не знати единства Божія, паче же многобожіе непщевати“.

Холодность къ церкви. Но съ другой стороны, при этой привязанности къ церковной внѣшности, встрѣчаемъ постоянныя жалобы на холодность къ церкви, показывающія, какъ велика была слабость самого обряда, не одушевленнаго искреннимъ благочестіемъ. При неразвитости религіознаго чувства обрядъ только и держался привычкой; а между тѣмъ, видя въ немъ самостоятельную спасающую силу, человѣкъ прибѣгалъ къ нему только въ особыхъ случаяхъ, когда эта сила была особенно нужна, наприм. передъ смертью, и забывалъ его при обычномъ теченіи жизни, не возмущаемомъ ничѣмъ чрезвычайнымъ. Частію по отдаленности отъ церкви жилищъ, частію за недосугомъ, а то просто по лѣности многіе не успѣвали воспитать въ себѣ даже и простой привычки къ обряду, какъ ни высоко его цѣнили въ своихъ мысляхъ. Встрѣчаемъ множество обличеній и жалобъ пастырей церкви на то, что православные христіане не исповѣдывались и даже вовсе не ходили въ церковь цѣлые десятки лѣтъ.

Правительство должно было посылать указы, чтобы воеводы и др. власти заставляли подвѣдомыхъ людей каждогодно говѣть, а по праздникамъ ходить въ церковь, запрещали въ праздники работы и торги. У нѣкоторыхъ эта холодность къ церкви доходила до такихъ размѣровъ, что весьма близко граничила съ полнымъ отреченіемъ отъ церкви. До такого состоянія особенно часто доходили служилые люди, казаки и стрѣльцы, пріучавшіеся на своей службѣ въ извѣстнаго рода безшабашному разгулу. Во время разгула силы и удали, когда человѣку было не до богомолья, эти люди допускали иногда возмутительные противурелигіозные поступки, оскверняли святыни, били духовенство, смѣялись надъ таинствами и т. п. Какъ древній богатырь, сильный человѣкъ, во время разгула своей силы, не вѣрилъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣрилъ въ одну свою силу богатырскую, въ другое время, напр. подъ старость, онъ же начиналъ душу спасать, ходилъ ко св. мѣстамъ или даже постригался въ монахи.

Нечестивства казаковъ и черни. Среди народныхъ волненій видимъ не менѣе противурелигіозныхъ явленій, чѣмъ наприм. во времена удѣльныхъ дракъ. Казаки Разина и самъ Разинъ, ходившій до своего бунта на Соловки къ мощамъ, не щадили во время бунта ни церквей, ни монастырей, убивали „царскихъ богомольцевъ“ священниковъ и монаховъ, кощунствовали надъ святынями. Разинъ вѣнчалъ своихъ казаковъ съ женщинами, заставляя ихъ плясать около дерева, на манеръ древнихъ богатырей, которые „вокругъ ракитова куста вѣнчалися“. Во время кровопролитій бунта явилось не мало мучениковъ за церковь и отечество, какъ въ смутное время. Въ Астрахани казаки убили архіепископа *Іосифа*. Ревностный архипастырь хорошо зналъ казаковъ еще съ 8 лѣтъ, когда ему привелось быть свидѣтелемъ, какъ они свирѣпствовали въ Астрахани при Заруцкомъ и безчестили архіепископа Ѳеодосія; отъ удара, полученнаго тогда отъ нихъ, голова Іосифа постоянно тряслась. Не смотря на это, онъ неустрашимо обличалъ теперь бунтовщиковъ, стараясь возвратить ихъ къ порядку. Въ маѣ 1671 г. они позвали его въ свой кругъ. Святитель явился во всемъ облаченіи и съ соборомъ духовенства. Его тутъ же хотѣли убить, хватались уже за его облаченіе, но послышался голосъ изъ толпы: „Какъ вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять? Намъ къ такому сану и прикоснуться нельзя“. Точно, было страшно коснуться архіерейскаго облаченія; толкая поповъ и браня ихъ скаредной бранью, казаки велѣли имъ разоблачить Іосифа. Послѣ этого поднять руки на самого святителя стало уже не страшно; его взвели на соборный раскатъ и оттуда сбросили на землю. Трудно представить еще фактъ, въ которомъ бы такъ близко сходились уваженіе къ

церковной внѣшности и полное отсутствіе религіозности. Но въ меньшихъ размѣрахъ повторялось тоже самое, когда напр. уже не казакъ, а царскій воевода воинствовалъ надъ духовнымъ чиномъ, или когда тоже не казакъ, а дворянинъ трясъ священника за бороду, волочилъ его по землѣ въ ризахъ, проливалъ у него св. дары и дѣлалъ другія неистовства (о которыхъ разсказываютъ намъ автобіографія протопопа Аввакума и челобитныя конца XVII в.) и въ тоже время давалъ вклады въ монастыри и ставилъ передъ иконами пудовыя свѣчи. Той же неразвитостью задушевной преданности православной церкви, при всемъ уваженіи къ ея обрядамъ, объясняется и то крупное явленіе нашей церковной исторіи, что, ради воображаемой порчи обряда, ради сугубой аллилуіи, двоеперстія и т. п., огромная масса народа отдѣлилась отъ общенія съ церковію въ расколъ.

Церковныя исправленія. Исправленія богослужебныхъ обрядовъ были предметомъ постоянныхъ заботъ церковной власти въ теченіе всего XVII в. Мы видѣли, въ какомъ направленіи они пошли послѣ Стоглава; до половины XVII в. направленіе это не измѣнялось. При п. Іовѣ и Гермогенѣ было исправлено и напечатано нѣсколько богослужебныхъ книгъ; но по невѣжеству справщиковъ ошибки въ нихъ не только не уменьшались, но еще умножались. Въ московское разворенье изданіе книгъ на время прекратилось, сгорѣлъ и печатный дворъ. По возобновленіи его, при Михаилѣ Өеодоровичѣ исправлять книги поручено было архимандриту Діонисію троицкому, старцу того же монастыря *Арсенію Глухому* и священнику монастырской Клементьевской слободы *Ивану Наслѣдкѣ*, человѣку ловкому, хитрому и большому говоруну.

Книжныя исправленія Діонисія. Новые справщики, болѣе другихъ образованные, повели дѣло очень усердно. Прежде всего они исправили Требникъ болѣе, чѣмъ по 20, въ томъ числѣ 5 греческимъ спискамъ. Ошибокъ нашли много: въ водосвятной молитвѣ на Богоявленіе выпустили слово: „и огнемъ", которое было прибавлено къ словамъ: „освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ"; исправили концы молитвъ, опустивъ въ славословіяхъ призываніе того лица Троицы, къ которому обращена молитва; нашли даже ереси, наприм. въ требникахъ и служебникахъ говорилось, что „Отецъ съ Сыномъ воплотися". Чрезъ полтора года они представили исправленный Требникъ правителю церкви м. Іонѣ, и тутъ же попались подъ судъ. Іона былъ сердитъ на нихъ, потому что все дѣло ихъ шло за его глазами, въ Троицкомъ монастырѣ, да и начато было царемъ безъ предварительнаго совѣщанія съ нимъ; противъ справщиковъ было московское духовенство, обиженное тѣмъ, что царь предпочелъ ему Діонисія съ братіею; троицкіе монахи съ своей стороны рады были посе-

действовать осуждению своего настоятеля, которымъ были недовольны за его ревность по монастырскомъ уставѣ.

Особенно много повредили Діонисію троицкій головщикъ *Логгинъ* и уставщикъ *Филаретъ*. Первый былъ голосистый чтецъ и пѣвецъ, на одинъ стихъ сочинялъ распѣвовъ по 5, по 10, не обращая вниманія на смыслъ, на то, что наприм. вмѣсто „сѣмени его“ выходило „сѣмени его“. Діонисій со всею своею ласковостію указывалъ ему на его ошибки, но надменный головщикъ, избалованный общимъ удивленіемъ его голосу и искусству, только раздражался этими замѣчаніями. Онъ самъ былъ нѣкогда справщикомъ, въ 1610 г. исправилъ и издалъ церковный уставъ и считалъ себя знатокомъ въ богослужебномъ чинѣ; на Діонисія, какъ монаха молодаго, онъ смотрѣлъ презрительно, ученость его, какъ невѣжда, ставилъ ни во что. Діонисій заставлялъ читать въ церкви поученія св. отцевъ, часто самъ читалъ ихъ и любилъ пѣть на клиросѣ; по мнѣнію Логгина во всемъ этомъ онъ вступался не въ свое дѣло: „зналъ бы ты, говорилъ онъ, одно, чтобы съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ болваномъ стоять“. Однажды во время чтенія поученія онъ выхватилъ у Діонисія книгу и уронилъ аналой. Діонисій только перекрестился и молча пошелъ на клиросъ, а Логгинъ началъ еще плевать и кричать на него, потомъ взялъ у него посохъ, изломалъ и бросилъ ему въ лице. Діонисій послѣ этого всю заутреню проплакалъ предъ иконой Богородицы. Одинаково не любилъ архимандрита другъ Логгина Филаретъ, старикъ, жившій у Троицы больше 50 лѣтъ, бывшій 40 лѣтъ уставщикомъ и тоже превозносившійся своей обрядовой опытностью. По своему невѣжеству онъ даже впадалъ въ ереси, думалъ наприм., что Сынъ отъ Отца не прежде вѣкъ родился. Напрасно Діонисій увѣщевалъ обоихъ друзей, чтобы они не доводили его до доноса. Они сами предупредили его и донесли, что онъ уничтожилъ въ молитвахъ Троицу и „Духа св. не исповѣдуетъ, яко огнь есть“.

Въ іюлѣ 1618 г. справщики были осуждены на соборѣ. Діонисій былъ даже отлученъ отъ церкви и заточенъ въ монастырь, гдѣ томили его въ дыму на полатяхъ, били, морили голодомъ, заставляли класть по 1000 поклоновъ на день. Въ праздники его таскали къ митрополиту на смиреніе въ цѣпяхъ. М. Іона послѣ обѣдни сядетъ со властями за столъ, а Діонисій до вечера стоитъ на лѣтнемъ зноѣ на дворѣ среди ругательствъ, пинковъ и тычковъ черни, сбѣгавшейся посмотрѣть на еретика, который хотѣлъ выводить огонь изъ міра. Сотрудникъ Діонисія Насѣдка какъ-то увернулся отъ заточенія. Арсеній Глухой въ посланіи къ боярину Салтыкову писалъ объ немъ, что онъ, лукавый, „у дѣла бывъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся,

какъ лукавая лисица, козла бѣднаго великобородаго завединии въ пропасть, сама по немъ же выскочила". Арсеній томился въ цѣпяхъ на кирилловскомъ подворьѣ; здѣсь онъ излилъ свою горечь въ посланіяхъ къ Салтыкову и любимцу Іоны, протопопу *Ивану Лукьянову*. Указывая на множество ошибокъ въ книгахъ, онъ горячо обличалъ невѣжество тогдашнихъ представителей духовенства, которые ничего не понимали въ книгахъ, да и о благочестіи воистину не болѣли. Они, писалъ Арсеній, не знаютъ „ни православія, ни кривославія, божественныя писанія по черниду проходятъ, разума же въ нихъ не нудятся свѣдѣти... Есть иные и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ, а что восемь частей слова разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги, то имъ и на разумъ не всхаживало". Черезъ годъ въ Москву пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, посвящавшій Филарета на патріаршество, и засвидѣтельствовалъ невинность Діонисія. Полное оправданіе справщики получили впрочемъ уже послѣ присылки граматъ отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, которые единогласно утвердили, что слово „и огнемъ" въ водосвятной молитвѣ дѣйствительно лишнее. Насѣдка и теперь выигралъ больше всѣхъ товарищей, написалъ къ Филарету льстивое посланіе о своихъ заслугахъ, въ которомъ почти дословно повторилъ отзывы Арсенія о невѣжествѣ московскаго духовенства и тонко далъ знать о своемъ собственномъ образованіи; онъ сдѣланъ былъ ключаремъ Успенскаго собора и пріобрѣлъ репутацію ученѣйшаго мужа. Еще до присылки патріаршаго рѣшенія о словѣ „и огнемъ" монахъ *Антоній Подольскій* написалъ сочиненіе „О огни просвѣтительномъ", гдѣ защищалъ прибавку „и огнемъ" и уличалъ справщиковъ въ ереси. Онъ, какъ и Насѣдка, славился знаніемъ грамматики и діалектики, что однако не мѣшало ему доказывать разныя нелѣпости, наприм., что Богъ по существу огнь есть, что св. Духъ въ таинствахъ отдѣляетъ огнь просвѣтительный отъ Своего существа, что этотъ же огнь освящаетъ и богоявленскую воду. Насѣдка горячо напалъ на него въ двухъ сочиненіяхъ (одно въ 35, другое въ 40 главахъ), въ которыхъ не щадилъ ни діалектики, ни бранныхъ словъ. Въ 1625 г. патріархъ велѣлъ наконецъ вычеркнуть спорное слово изъ всѣхъ Требниковъ.

Дѣло Діонисія заставило Филарета быть осторожнѣе въ изданіи книгъ. При печатномъ дворѣ къ ихъ исправленію приставлены были Арсеній Глухой, Иванъ Насѣдка, богоявленскій игуменъ *Илія* и другіе. Но и новыя исправленія были съ не меньшими погрѣшностями противъ прежнихъ, потому что справщики, частію по незнанію греческаго языка, частію по общему тогда подозрѣнію относительно православія греческихъ книгъ, по-

читавшихся на западѣ, исправляли книги только съ славянскихъ списковъ.

Церковныя исправленія при п. Іосифѣ. Со времени Іосифа церковныя исправленія сдѣлались настоящею спеціальностью времени и стали производиться въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какихъ прежде не бывало ни разу. Это было время подготовки къ близкой уже реформѣ, время исправленій всякаго рода во всей русской жизни. Въ церковной жизни этотъ преобразовательный духъ времени прежде всего, разумѣется, долженъ былъ выразиться въ пересмотрѣ обрядовой стороны религіозности, которая стояла впереди всего. Но при этомъ само собою понятно, что если предшествовавшія исправленія вызвали сильный обрядовый протестъ, то теперь, когда эти исправленія начались въ небывалыхъ еще размѣрахъ, и самый протестъ противъ нихъ долженъ былъ обнаружиться съ небывалой же силой. Если прежде темная старина торжествовала надъ поборниками церковнаго обновленія, которыхъ было не много и которые были одиноки и безсильны, то теперь, когда представителей преобразовательнаго духа стало много и когда они стали во главѣ церковной и гражданской администраціи, они сами должны были осилить старинныхъ людей; болѣе упорные изъ послѣднихъ естественно должны были явиться противниками церкви и государства; однимъ словомъ долженъ былъ явиться *расколъ старообрядчества.*

При печатномъ дворѣ къ исправленіямъ приставлены были Иванъ, въ монашествѣ Іосифъ, Насѣдка, черниговскій протопопъ *Михаилъ Рогов*, архимандритъ *Сильвестръ* и нѣкоторыя другія духовныя и свѣтскія лица. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ справщиковъ, большое участіе въ ихъ дѣлѣ принимали разныя болѣе видныя лица изъ духовенства, которыя успѣли усилиться при престарѣломъ и бездѣятельномъ патріархѣ и на которыхъ послѣдній возлагалъ всѣ дѣла церковнаго управленія. Главными изъ нихъ были духовникъ царя Стефанъ Вонифатьевъ и ключарь Успенскаго собора, потомъ протопопъ Казанскаго, Іоаннъ Нероновъ люди до того сильные и при дворѣ и при патріархѣ, что могли оказывать покровительство даже кандидатамъ на епископство; притомъ же люди передовые своего времени, которыхъ уважали всѣ болѣе другихъ образованныя лица, какъ наприм. м. новгородскій Никонъ, начальникъ печатнаго двора кн. *Львовъ*, образованнѣйшій ревнитель благочестія бояринъ *Θедоръ Ртищевъ* и др. Къ нимъ примыкали разные ихъ знакомцы, слывшіе тоже передовыми людьми и ревнителями писаній, изъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ въ Москву духовныхъ лицъ, каковы: юрьевскій протопопъ *Аввакумъ*, священники *Никита* суздальскій и *Лазарь* романовскій, протопопъ *Логинъ* муромскій и др. Какъ низко стояла образован-

ность этихъ передовыхъ людей, показываетъ множество ошибокъ, которыя подъ ихъ вліяніемъ были допущены въ изданныхъ тогда книгахъ. Всѣ старыя спорныя мнѣнія о двуперстіи, объ имени Іусъ, о сугубомъ аллилуія, о хожденіи посолонь и прибавленіи слова „истиннаго" въ символѣ были возведены теперь на степень несомнѣнныхъ принадлежностей православія и внесены въ книги самыя употребительныя: учебную и слѣдованную Псалтирь, Служебникъ, Требникъ, Малый Катихизисъ, Кирилловy книгу и Книгу о вѣрѣ, которыя разошлись во множествѣ экземпляровъ и воспитали на своихъ ошибкахъ цѣлое поколѣніе. Ученые справщики сдѣлали впрочемъ все, что было можно при тогдашнихъ средствахъ и, разумѣется, считали свое дѣло совершеннымъ. Какъ передовые люди, преобразователи, и они въ свое время должны были бороться съ невѣжествомъ массы. Не ограничиваясь дѣятельностью на печатномъ дворѣ, они подняли вопросы о церковномъ благочиніи, объ исправленіи церковнаго пѣнія и иконописанія, объ оживленіи церковной проповѣди. Бояринъ Ртищевъ, Никонъ, Нероновъ и Вонифатьевъ заботились о благолѣпіи и благочиніи церковнаго богослуженія, старались вмѣсто прежняго многогласія церковной службы ввести единогласіе, а вмѣсто раздѣльнорѣчнаго или хомоваго пѣнія—пѣніе нарѣчное. Никонъ выписалъ въ Новгородъ кіевскихъ пѣвчихъ и завелъ у себя прекрасное хоровое пѣніе по кіевскимъ и греческимъ напѣвамъ, которое такъ понравилось царю, что и онъ вызвалъ къ себѣ такихъ же пѣвчихъ. Самъ патріархъ испугался такихъ нововведеній и нарочно сносился объ нихъ съ константинопольскимъ патріархомъ. Среди духовенства поднялся ропотъ, говорили, что „заводится ересь новая—единогласное пѣніе и людей въ церкви учить, а прежъ сего людей въ церкви никогда не учивали, учивали ихъ втайнѣ". Долгая неподвижность стараго обряда была поколеблена и началось быстрое преобразовательное движеніе. Но оно не могло уже остановиться на трудахъ Іосифовскихъ справщиковъ. Скоро явились новые передовые люди съ новой болѣе обширной программой исправленій и съ новыми средствами для ея выполненія; старые передовые люди остались назади и сами сдѣлались главами старовѣровъ.

Пріѣздъ Грековъ и малороссійскихъ ученыхъ въ Москву. Въ 1649 г. въ Москву пріѣхали іерусалимскій патріархъ *Паисій* и образованный Грекъ *Арсеній*, учившійся въ римской коллегіи. Они первые указали на ошибки справщиковъ. Смущенные этимъ, царь и п. Іосифъ послали на востокъ для изученія греческихъ обрядовъ троицкаго келаря *Арсенія Суханова*, знавшаго греческій языкъ. Но мы знаемъ, какъ давно уже была подорвана въ Россіи репутація греческаго православія; самъ Никонъ говаривалъ

своимъ знакомцамъ, московскимъ протопопамъ, что Греки потеряли вѣру, чревамъ своимъ работаютъ и постоянства въ нихъ не объявилося. Когда наѣзжіе Греки стали обличать русскіе обряды въ неправильностяхъ, это сомнѣніе въ греческомъ православіи еще болѣе усилилось; вспомнили, что Греки и учатся въ западныхъ еретическихъ странахъ, и книги свои печатаютъ въ Венеціи. Арсеній Сухановъ, одинъ изъ строгихъ старовѣровъ, выполнилъ свое порученіе какъ разъ въ духѣ этой подозрительности къ Грекамъ. Въ 1649 г. отправившись изъ Москвы вмѣстѣ съ п. Паисіемъ, онъ доѣхалъ только до Яссъ, гдѣ остановился Паисій, отсюда два раза снова возвращался въ Москву и уже въ 1651 г. отправился далѣе. Во время втораго пріѣзда изъ Яссъ онъ представилъ Статейный списокъ или отчетъ о своемъ путешествіи, бесѣдахъ и преніяхъ съ Греками, въ которомъ разсказывалъ о такихъ обрядовыхъ отступленіяхъ въ Греціи отъ православія, что совершенно поколебалъ православную репутацію востока у всѣхъ, кому это было теперь нужно. Къ довершенію всего п. Паисій, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ здѣсь Арсенія, который могъ быть выставленъ живымъ образчикомъ еретичества Грековъ, потому что, учась въ Римѣ, отрекался отъ православія, обвиняемъ былъ даже въ томъ, что въ Турціи принималъ басурманскую вѣру. П. Іосифъ сослалъ его на Соловки.

Но, кромѣ Грековъ, въ Москвѣ въ это время были еще другіе обличители московскихъ грамотѣевъ, — ученые монахи изъ Кіева, которыхъ выписали оттуда въ 1649 г., какъ знатоковъ греческаго языка, для исправленія Библіи. По вызову царя въ Москву пріѣхали тогда *Епифаній Славенецкій, Арсеній Сатановскій и Өеодосій Сафоновичъ.* Кромѣ того не далеко отъ Москвы Өедоръ Ртищевъ завелъ учительный *Андреевскій* монастырь, гдѣ по его приглашенію поселилось до 30 кіевскихъ ученыхъ старцевъ; здѣсь они немедленно завели ученое братство и стали заниматься переводами и преподавать желающимъ грамматику и греческій языкъ. Московскіе грамотѣи съ самаго же начала разошлись съ ними. Школьное образованіе пришельцевъ было вовсе не похоже на доморощенную ученость начетчиковъ, показалось страннымъ, слѣдовательно, по тогдашней логикѣ, истинному правовѣрію несходнымъ. Притомъ новые ученые съ самаго же начала стали отбивать у московскихъ ученыхъ первенство ученаго авторитета въ обществѣ. Изъ Андреевскаго монастыря стали выходить обидныя рѣчи о невѣжествѣ Москвичей. Поучившись грамматикѣ у Кіевлянъ, московскій ученикъ становился ученѣе своего стараго учителя—отца духовнаго, начиналъ небрежно отзываться даже о такихъ столпахъ, какъ протопопы Иванъ (Нероновъ) и Степанъ (Вонифатьевъ). Московскимъ ученымъ послѣ этого стало

совершенно ясно, что кіевскіе старцы учатъ ересямъ и сами еретики. Но сослать ихъ, какъ Арсенія, на Соловки было уже нельзя, потому что за нихъ были царь и всѣ сильные люди. П. Іосифъ, видя около себя какое-то новое движеніе, которое было ему еще менѣе понятно, чѣмъ прежнее, произведенное московскими протопопами, въ послѣднее время совсѣмъ опустился, предоставивъ всѣ дѣла Никону. Онъ чувствовалъ, что пора его прошла, боялся, что его скоро смѣнятъ съ патріаршества, и умеръ съ этими горькими мыслями.

Исправленія при Никонѣ. Въ патріаршество Никона книжныя исправленія окончательно получили новый характеръ. Греки все чаще пріѣзжали въ Москву съ обличеніями. Послѣ п. Паисія посѣтилъ Москву бывшій константинопольскій патріархъ *Аѳанасій* и тоже указывалъ патріарху на разныя неисправленія. Въ 1653 г. воротился Арсеній Сухановъ и представилъ царю и Никону записки о своемъ путешествіи, названныя „Проскинитаріемъ“. Вмѣсто того, чтобы представить отчетъ о греческихъ уставахъ, онъ описалъ здѣсь, какъ и въ статейномъ спискѣ, одну практику греческой обрядности, которая дѣйствительно была въ неудовлетворительномъ положеніи отчасти вслѣдствіе мухаммеданскаго ига, тяготѣвшаго надъ Греками, отчасти вслѣдствіе упадка самой религіозной жизни въ Греціи. Его старообрядческіе отзывы о Грекахъ понравились противникамъ новыхъ исправленій, но уже не могли подѣйствовать на самого патріарха. Занявшись сличеніемъ книгъ, Никонъ собственными глазами увидѣлъ ихъ порчу; онъ самъ видѣлъ символъ вѣры безъ прибавленія слова „истиннаго“ въ актѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и на древнемъ саккосѣ м. Фотія. Въ 1654 г. въ Москвѣ былъ созванъ соборъ и призналъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и чиновъ совершенно необходимымъ. Рѣшеніе этого собора вскорѣ было одобрено и въ Греціи, на соборѣ константинопольскомъ. Отъ имени послѣдняго п. Паисій прислалъ въ Москву обширное посланіе съ разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній по части исправленій; посланіе это въ 1655 г. было напечатано Никономъ при выпущенной тогда книгѣ „Скрижаль“, содержавшей въ себѣ обширное толкованіе на чинъ богослуженія, переведенное съ греческаго языка. Въ томъ же 1655 г. пріѣхали въ Москву антіохійскій п. *Макарій* и сербскій *Гавріилъ*, тоже принявшіе участіе въ исправленіяхъ. П. Макарій вмѣстѣ съ другими восточными іерархами, бывшими въ Москвѣ, при обрядѣ православія (1656 г.) въ Успенскомъ соборѣ торжественно произнесъ на двоеперстіе осужденіе и предалъ упорствовавшихъ его приверженцевъ анаѳемѣ. Между тѣмъ для руководства въ книжныхъ исправленіяхъ въ Москву отвсюду свозились древнія книги. Арсеній Сухановъ, снова от-

правленный на востокъ, въ 1655 привезъ оттуда до 500 древнихъ книгъ, да около 200 прислали разные восточные іерархи. Справщиками сдѣланы были тѣ самые Кіевляне, которые возбудили такое сильное неудовольствіе между московскими начетчиками; изъ Андреевскаго монастыря они переселены были въ Чудовъ, куда перешла и ихъ школа; начальникомъ человѣкомъ и по печатному двору и по школѣ сдѣланъ былъ между ними Епифаній Славенецкій; помощникомъ его Никонъ сдѣлалъ вызваннаго изъ заточенія Арсенія Грека. Самая живая дѣятельность закипѣла въ братствѣ; не проходило года, чтобы оно не издавало вновь исправленныхъ или вновь переведенныхъ книгъ.

Недовольство исправленіями и мѣры противъ него. Очутившись въ обидномъ положеніи людей отсталыхъ, старые дѣятели придирчиво слѣдили за дѣйствіями новыхъ и предавали ихъ безусловному порицанію. Съ личнымъ раздраженіемъ соединялся у нихъ еще религіозный ужасъ передъ „новшествами“; имъ казалось, что отъ этихъ новшествъ вся вѣра поколебалась, какъ это казалось прежде людямъ, возстававшимъ противъ ихъ собственныхъ исправленій. Они подавали царю челобитныя, умоляя защитить церковь отъ ересей, ходили на печатный дворъ ругаться съ справщиками, вездѣ рисовались своимъ древнимъ благочестіемъ, публично хулили патріарха и со всѣмъ фанатизмомъ личнаго раздраженія лѣзли на столкновеніе съ крутымъ первосвятителемъ. Начались аресты, истязанія и ссылки. Одинъ изъ архіереевъ, *Павелъ* коломенскій, за противорѣчіе п. Никону на соборѣ 1654 г. былъ лишенъ сана и сосланъ въ новгородскіе предѣлы; Іоаннъ Нероновъ лишенъ скуфьи и сосланъ въ Каменскій монастырь, Даніилъ и Логгинъ разстрижены и сосланы, первый въ Астрахань, второй въ Муромъ, Аввакумъ сосланъ въ Тобольскъ, потомъ на Лену, Лазарь—то же въ Тобольскъ и проч.; уцѣлѣлъ одинъ только уклончивый придворный протопопъ Вонифатьевъ. Патріархъ много вредилъ своему дѣлу тѣмъ, что велъ его слишкомъ круто, безъ объясненій, однимъ авторитетомъ своей власти и возбуждалъ противъ себя много личнаго раздраженія. Даже между коноводами старовѣровъ нашелся человѣкъ, который оказался въ числѣ противниковъ патріарха изъ одной личной обиды и недоразумѣнія; это былъ Нероновъ. Когда дѣло исправленій одобрено было на новомъ московскомъ соборѣ 1656 г., изрекшемъ проклятіе на непокоряющихся церкви Божіей, Нероновъ принесъ покаяніе, сознаваясь, что доселѣ считалъ исправленія личнымъ дѣломъ одного патріарха, но что противникомъ самой церкви быть не желаетъ. Никонъ благодушно относился къ тѣмъ, которые изъявляли ему покорность,—обласкалъ Неронова, терпѣливо выслушивалъ его укоризны за старое, даже снисходилъ его при-

вичкѣ къ старымъ книгамъ: „обои де добры, все дѣ равно; по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь“.

Протестъ противъ новшествъ не ограничился однимъ кружкомъ старыхъ справщиковъ, распространился въ массѣ народа и получилъ здѣсь еще болѣе опасные размѣры. Непривычныя для слуха измѣненія въ текстѣ церковныхъ чтеній и новое пѣніе, запрещеніе двоеперстія, четвероконечный крестъ на просфорахъ — все это сильно смущало народъ, у котораго привязанность къ внѣшности богослуженія была, разумѣется, еще грубѣе, чѣмъ у его учителей. Въ 1654 г. патріархъ возревновалъ объ исправленіи иконописанія, объявилъ строгія наказанія всѣмъ мастерамъ, которые будутъ отступать отъ древнихъ подлинниковъ, сталъ преслѣдовать иконы, написаныя по латинскимъ образцамъ; велѣлъ ихъ соскабливать и носить по улицамъ, а въ 1655 г. въ недѣлю православія торжественно предавалъ ихъ даже проклятію и собственноручно въ соборѣ разбивалъ объ полъ; все это представлялось народу не чѣмъ инымъ, какъ иконоборствомъ. Какъ разъ къ этому времени подоспѣли еще тяжкія народныя бѣдствія, война съ Польшей и моровая язва и, разумѣется, приписаны были гнѣву Божію за отступленіе отъ вѣры. Изъ Москвы волненіе разошлось по областямъ, гдѣ весьма много содѣйствовали ему ссыльные противники патріарха. Новоисправленныхъ книгъ не приняли во многихъ мѣстахъ. Строгости противъ ослушниковъ только еще болѣе усиливали волненіе, развивая въ изувѣрахъ мысли о мученичествѣ за вѣру и о послѣднихъ временахъ. Давнишняя мысль о кончинѣ міра нашла теперь самое удобное время для своего развитія; для большаго уясненія ея недавно явились очень подходящіе матеріалы въ сочиненіяхъ, которыя шли изъ западной Руси, въ Книгѣ о вѣрѣ и Кирилловой. Въ западной Руси антихристъ представлялся въ лицѣ папы, отъ котораго пошелъ соблазнъ уніи; это же представленіе о латинствѣ, какъ духѣ антихриста, перешло и въ Московскую Русь. И вотъ всѣ новшества Никона стали объяснять латинствомъ, говорили и писали, что православные сложились съ унитами, Малороссами и Грекомъ Арсеніемъ, который учился въ Римѣ. Намѣченъ былъ и годъ, котораго съ трепетомъ нужно ждать православнымъ, годъ 1666 по числу, еже отъ антихриста.

Успѣхи старовѣровъ послѣ оставленія Никономъ каѳедры. Во время 8-лѣтняго отсутствія патріарха старовѣры до того усилились, что успѣли возвратить изъ ссылки самаго рьянаго своего вождя Аввакума. Фанатическій страдалецъ за старую вѣру имѣлъ сильныхъ поклонниковъ, каковы были: бояринъ *Салтыковъ*, близкія къ царицѣ боярыни *Морозова* и *Урусова*; благородная жена *Данилова*, наставница этихъ женщинъ монахиня *Іустина*, даже бояринъ Ртищевъ. Самъ царь принялъ Аввакума съ лаской, уго-

варивалъ соединиться съ церковію и своей добротой едва не смягчилъ фанатика, такъ что онъ, по его собственному признанію, едва укрѣпился противъ духа антихристова. Но, укрѣпившись, онъ началъ еще съ большимъ фанатизмомъ дѣйствовать противъ исправленій. Его снова отправили въ ссылку на Мезень. Въ тоже время заговорили и другіе ревнители. Дьяконъ Благовѣщенскаго собора *Θеодоръ* разсылалъ жаркія посланія о правой вѣрѣ и пришествіи антихриста; архимандритъ Покровскаго монастыря *Спиридонъ Потемкинъ* тоже написалъ сочиненіе о правой вѣрѣ, а златоустовскій игуменъ *Θеоктистъ*—объ антихристѣ; попъ суздальскій Никита сочинилъ обширную раскольническую челобитную. Въ разныхъ мѣстахъ явились проповѣдники противъ Никоновскихъ новшествъ изъ уважаемыхъ народомъ пустынниковъ и подвижниковъ,—въ Костромскихъ предѣлахъ чернецъ *Капитонъ*, увлекавшій народъ своею постническою жизнію, въ Нижегородской области—строгій пустынникъ *Ефремъ Потемкинъ* и старецъ *Авраамій*, въ Сибири чернецъ *Іосифъ Истоминъ* и мн. др. Сторону старовѣровъ принялъ даже одинъ архіерей, *Александръ* вятскій. Нероновъ, принесшій было покаяніе, снова присталъ къ старовѣрамъ.

Отдѣленіе раскола отъ церкви. Наконецъ наступилъ страшный 1666 г., ознаменованный дѣйствіями великаго московскаго собора. Одобривъ совершенныя доселѣ церковныя исправленія, соборъ этотъ произвелъ судъ надъ главными ихъ противниками; Александръ вятскій, Ефремъ, Никита, Нероновъ и Θеоктистъ принесли покаяніе и получили разрѣшеніе; нераскаянные, Аввакумъ, Лазарь, Θеодоръ, преданы анаѳемѣ и сосланы въ дальнія ссылки. Потомъ пріѣхали патріархи и въ 1667 г. великій соборъ въ ихъ присутствіи снова подтвердилъ прежнія постановленія и скрѣпилъ ихъ клятвою противъ тѣхъ, которые ихъ не примутъ и явятся противниками церкви. Соборъ коснулся и главной опоры старовѣровъ — Стоглава, отмѣнилъ его клятву на троеперстіе и на трегубую аллилуію; осудилъ также житіе Евфросина. Послѣ этихъ опредѣленій упорные старовѣры явились уже раскольниками и произошло ихъ рѣшительное отдѣленіе отъ церкви. Такъ явился *расколъ*, — одно изъ выразительнѣйшихъ явленій русской религіозной жизни. Представители нравственныхъ силъ древняго общества, знаменитые протопопы, попы, настоятели монастырей, уважаемые начетчики заволновали всю Русь, героически шли противъ рожна, лѣзли на костры,—изъ за чего? изъ за старины, древляго благочестія и древляго обрядоваго безнарядья, о которыхъ новое благочестіе дало въ 1667 г. соборный отзывъ, какъ „о простотѣ и невѣжествѣ“. Оживленная послѣ продолжительнаго застоя церковная жизнь тронулась по новому пути, стала исправлять обряды, вносить въ нихъ духъ и мысль, поставила

вопросъ о религіозномъ образованіи. Ревнители древняго благочестія возстали противъ этого, выставили отрицаніе всякихъ новшествъ, но отрицаніе безъ положенія, съ однимъ голословнымъ: „до насъ положено,—лежи оно такъ во вѣки вѣковъ; православнымъ нужно помереть за одинъ *азъ*“. Расколъ отдѣлился отъ церкви не вслѣдствіе движенія въ какую нибудь свою сторону отъ теченія общей исторической жизни церкви, а именно вслѣдствіе своей косности, неспособности слѣдовать за жизнію церкви. Отрекшись отъ движенія, онъ остался окаменѣлостью, историческимъ памятникомъ древней жизни и древняго благочестія со всею ихъ мертвою обрядностію, привязанностію къ азамъ и со всею порчею этихъ азовъ.

Раскольническія волненія. Послѣ церковнаго осужденія расколъ немедленно подвергся преслѣдованіямъ церковнаго и гражданскаго правительства и сталъ въ оппозицію какъ церкви, такъ и государству. Еще раньше великаго собора началось знаменитое *стояніе за старую вѣру Соловецкаго монастыря*. Въ 1657 г. монастырь рѣшительно отказался принять новыя книги. Съ тѣхъ поръ старообрядчество все зрѣло въ обители, между прочимъ подъ вліяніемъ множества сосланныхъ сюда противниковъ Никона. Когда послѣ великаго собора снова прислано было въ монастырь требованіе служить по новому, келарь *Азарій* и казначей *Геронтій* отъ лица всей братіи написали государю челобитную, въ которой просили оставить монастырь при старомъ преданіи чудотворцевъ, а старецъ *Герасимъ Ѳирсовъ* написалъ большое сочиненіе о сложеніи перстовъ. Во главѣ возставшей противъ новшествъ обители всталъ жившій здѣсь на покоѣ саввинскій архимандритъ *Никаноръ*. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ вразумленію упорныхъ въ 1668 г. царь послалъ на монастырь стрѣльцовъ. Изъ за крѣпкихъ стѣнъ обители, привыкшей къ осадамъ во время нападеній отъ Шведовъ, раздались пушечные выстрѣлы по царскому войску, впервые возвѣстившіе открытый разрывъ раскола съ государствомъ. Осада случайно затянулась, потому что государство, занятое тогда еще Разинскимъ бунтомъ, не могло употребить на нее достаточныхъ силъ. Наконецъ въ 1676 г. воевода *Мещериновъ* взялъ монастырь. Изъ защитниковъ бунта одни, въ томъ числѣ и Никаноръ, были перевѣшаны, другіе разосланы въ Колу и Пустозерскъ; объявившіе повиновеніе церкви и государству прощены и оставлены въ монастырѣ.

Между тѣмъ расколъ быстро распространялся и грозилъ серьезными затрудненіями церкви и государству. Укрываясь отъ преслѣдованій, онъ наполнилъ своими тайными скитами всѣ лѣса внутреннихъ областей Россіи, костромскіе, владимирскіе, брынскіе, особенно керженскіе. Сѣверное поморье сдѣлалось его любимымъ

притономъ; въ концѣ XVII в. дьячекъ *Данило Викуловъ* основалъ здѣсь знаменитую раскольническую пустынь на р. *Выгѣ*. Съ поморья расколъ переходилъ въ новгородскіе и псковскіе края, отсюда перекинулся за рубежъ—въ Швецію и Польшу, гдѣ нѣкто *Ѳеодосій* основалъ согласіе, носящее его имя, *ѳеодосіевщину*. На польской границѣ процвѣли расколомъ лѣса *Стародубья* и знаменитая *Вѣтка*. На югѣ онъ нашелъ себѣ пріютъ среди донскихъ казаковъ. Наконецъ обширнымъ поприщемъ его стала Сибирь. Распространеніе раскола еще болѣе усиливало противъ него строгія мѣры. Главные расколоучители Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ и Епифаній были сожжены на кострѣ. Московскій соборъ 1681 г. положилъ усилить средства къ отысканію раскольниковъ, запретилъ продажу раскольническихъ тетрадей и книгъ, подчинилъ строгому надзору домовыя церкви, скиты и часовни, служившія расколу притономъ, и сталъ сокращать ихъ число.

Но едва только опредѣленія собора стали приводиться въ исполненіе, какъ въ 1682 г. возгорѣлся новый *раскольническій бунтъ въ самой Москвѣ*. Раскольники воспользовались борьбой, возникшей послѣ смерти царя Ѳеодора между партіей Нарышкиныхъ и партіей Милославскихъ изъ-за престола. Послѣ страшнаго стрѣлецкаго бунта, кончившагося объявленіемъ двоевластія царевичей *Петра* и *Іоанна* подъ регентствомъ сестры ихъ, царевны *Софіи*, когда вся Москва была еще въ трепетѣ отъ стрѣльцовъ, раскольники подговорили послѣднихъ постоять за старую вѣру. Сторону ихъ принялъ самъ начальникъ стрѣлецкаго приказа кн. *Хованскій*. Бродячій монахъ *Сергій* написалъ челобитную о возстановленіи старой вѣры, а другой расколоучитель, знакомый намъ попъ Никита, прозванный пустосвятомъ, послѣ покаянія опять совратившійся въ расколъ, назначенъ былъ для публичнаго пренія съ властями. 5 іюля они огромной толпой привалили на дворцовую площадь, неся съ собой старыя книги, иконы и свѣчи, и шумно вызывали властей на состязаніе о вѣрѣ. Ихъ пригласили для этого въ грановитую палату, куда явилась и сама царевна Софія съ двумя сестрами и царицей Наталіей. Фанатики съ шумомъ вошли въ палату, разставили аналои и образа и стали читать свою челобитную. При первыхъ же возраженіяхъ Никита, для смѣлости выпившій, зашумѣлъ, чуть не избилъ архіерея *Аѳанасія* холмогорскаго, который сталъ его оспаривать, и замолчалъ только послѣ грознаго окрика Софіи. Горячая царевна не утерпѣла, чтобы не поспорить съ раскольниками; особенно задѣли ее хульныя рѣчи челобитной о православіи ея отца и брата. Она вскочила съ мѣста и грозила, что все царское семейство послѣ этого уйдетъ изъ Москвы. Стрѣльцы струсили, потому что въ случаѣ ухода царскаго семейства изъ Москвы противъ нихъ

поднялись бы всѣ войска и вся земля, и поспѣшили успокоить правительницу. По прочтеніи челобитной п. Іоакимъ, держа въ рукахъ Евангеліе святителя Алексія, сталъ было увѣщевать раскольниковъ, но поднялся такой шумъ, что ничего не было слышно, только видны были надъ головами поднятыя руки съ двуперстіемъ. Отпущенные изъ палаты, раскольники толпой высыпали на улицу, крича: „побѣдили!" отправились въ стрѣлецкія слободы и стали тамъ служить молебны и звонить въ колокола. Въ туже ночь Софья призвала къ себѣ на увѣщаніе стрѣлецкихъ выборныхъ. Стрѣльцы не устояли передъ соблазномъ царскаго погреба и выдали своихъ отцовъ. Никитѣ отсѣчена была голова: другихъ разослали по монастырямъ подъ строгій началъ. Послѣ этого бунта правительство еще болѣе усилило свою *строгость къ раскольникамъ*. Въ 12 статьяхъ указа 1685 г. расколъ былъ совершенно запрещенъ въ государствѣ; раскольниковъ велѣно было ловить и жечь; тѣхъ, которые перекрещиваютъ совращенныхъ, казнить смертію, хотя бы они и покаялись; за пристанодержательство раскольниковъ виновныхъ бить кнутомъ и налагать на нихъ пеню. Множество раскольниковъ въ отчаяніи бросились за границу или стали укрываться въ непроходимыхъ лѣсахъ; болѣе рьяные изувѣры сами шли на казни, считая ихъ подвигомъ мученичества, или же сами себя сожигали въ срубахъ; ученіе объ очистительномъ подвигѣ самосожженія, которое проповѣдывалъ еще Аввакумъ, нашло себѣ въ это время множество послѣдователей.

Распаденіе раскола на толки. Между тѣмъ, отвергнувъ церковный авторитетъ, расколъ, предоставленный самому себѣ, распался на множество толковъ. Прежде всего, вслѣдствіе отверженія православной іерархіи, въ средѣ его возникъ трудный вопросъ: откуда брать священниковъ? Одни стали брать ихъ у церкви, сманивая къ себѣ пьяныхъ и нищихъ поповъ и разными способами очищая въ нихъ благодать рукоположенія отъ Никоновой скверны; другіе положили, что можно обойтись и безъ священства, предоставивъ всѣ требоисправленія мірянамъ. Такъ возникли два основныхъ толка въ расколѣ: *поповщина* и *безпоповщина*, которые въ свою очередь распались на множество мелкихъ толковъ, раздѣленныхъ между собой или обрядовыми разностями или степенью отрицательнаго отношенія къ церкви. Ничѣмъ необуздываемое отрицаніе часто принимало въ нихъ характеръ уже не раскола, а настоящей ереси. Говоримъ не о случайныхъ ересяхъ нѣкоторыхъ изъ раскольническихъ учителей, каковы напр. мнѣнія Аввакума, что Троица тресущна въ трехъ естествахъ, что Христосъ Богъ особый, сидитъ на четвертомъ престолѣ, соцарствуя Троицѣ, или противоположное мнѣніе діакона Ѳедора, что Троица несѣкома, одно лице; подобныя мнѣнія

зависѣли отъ личнаго невѣжества учителей. Еретическій характеръ раскольническаго отрицанія главнымъ образомъ выразился въ отверженіи іерархіи и таинствъ евхаристіи, священства и брака, или въ ложномъ представленіи о силѣ и способахъ совершенія этихъ и другихъ таинствъ, въ смѣшеніи ихъ съ обрядами, раздаваніи напр. вмѣсто евхаристіи пасхальнаго хлѣба и богоявленской воды. Крайняя степень отрицанія выразилась въ *нѣтовщинѣ*, которая совершенно отвергнула таинства и обряды и, отчаянно опустивъ руки, все предоставила Богу: пусть спасаетъ, какъ Самъ знаетъ. Такъ исключительно обрядовое направленіе религіозности въ своемъ крайнемъ развитіи дошло до полнаго обрядоваго нигилизма, отрицанія себя самого. И здѣсь видимъ свидѣтельство того, какъ одна обрядовая вѣра можетъ близко граничить съ невѣріемъ, даже быть съ нимъ тождественною.

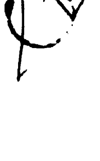
Ересь людей Божіихъ. Въ одно время съ развитіемъ обрядоваго раскола развивалось противоположное мистическое направленіе религіозности въ небольшой пока сектѣ *людей Божіихъ* или *христовщины*. Вѣра въ особенное общеніе человѣка съ тайными силами, въ кудесническое значеніе разныхъ лжепророковъ, почитаніе ихъ до обожанія были не новостью въ русскомъ народѣ; трясущіеся пророки и пророчицы были не рѣдки еще во времена Стоглава; во всѣ времена существовало такъ же убѣжденіе, что въ человѣка могутъ чувственно вселяться и демоны и божества. Мистика людей Божіихъ развила значеніе народныхъ пророковъ до крайности, сдѣлавъ ихъ не только органами небесныхъ откровеній, но и носителями самого Божества. По ея ученію, посредствомъ разныхъ способовъ богоугожденія или „таинственной“ смерти, пророкъ можетъ дойти до состоянія „таинственнаго воскресенія“, когда Духъ Божій, вселясь въ него, совершенно уничтожаетъ его личность и онъ дѣлается сыномъ Божіимъ по природѣ, новымъ Христомъ. Всѣ его дѣйствія и слова становятся послѣ этого дѣйствіями Божества; онъ безгрѣшенъ, всевѣдущъ, можетъ творить чудеса; воля его—воля Божія и всѣ ученики его должны ему покоряться безусловно. Секта эта открылась въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Въ Муромскомъ уѣздѣ на гору Городину сошелъ съ неба Богъ Отецъ и принялъ плоть одного бѣглаго солдата *Данилы Филипповича*. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ проповѣди въ костромскихъ, владимірскихъ и нижегородскихъ предѣлахъ онъ объявилъ своимъ сыномъ муромскаго крестьянина *Ивана Суслова* и въ 1649 г. далъ ему свое божество. Лжехристосъ Сусловъ завелъ себѣ богородицу и 12 апостоловъ и сталъ проповѣдовать преимущественно въ нижегородскихъ предѣлахъ. Скоро его поймали и наказали плетьми. Люди Божіи разсказываютъ, что царь и п. Ни-

конъ распяли его у Спасскихъ воротъ въ Москвѣ, но черезъ три дня онъ воскресъ и опять проповѣдовалъ до 1671 г. Схваченный опять, онъ снова получилъ свободу по случаю рожденія царевича Петра и свободно жилъ въ Москвѣ 30 лѣтъ. Здѣсь въ послѣдній разъ посѣтилъ его Данила Филипычъ и въ 1700 г. вознесся на небо. Похожденія Суслова кончились уже въ 1716 г., когда и онъ тоже вознесся на небо. Послѣ него начался у людей Божіихъ длинный рядъ новыхъ воплощеній Христа въ лицѣ разныхъ ихъ пророковъ. Отвергнувъ церковные обряды, христовщина выработала свою собственную обрядность, которая состоитъ въ пѣсняхъ и круговыхъ пляскахъ или „радѣніяхъ", которыми изувѣры, какъ и всѣ вообще мистики всѣхъ народовъ и временъ, приводятъ себя въ напряженное состояніе или духовный восторгъ.

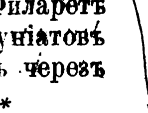
Продолженіе обрядовыхъ исправленій. Выдѣливъ отъ себя расколъ, церковь между тѣмъ могла свободнѣе продолжать свои исправленія. При п. Іоакимѣ изъ круга церковныхъ книгъ не исправленной оставалась только Библія, изданная вновь въ 1663 г. по острожскому, слегка исправленному, изданію. Въ 1674 г. дѣло ея исправленія поручено было Епифанію Славенецкому, но онъ не дожилъ до окончанія своего труда. Для исправленій церковнаго благочинія соборъ 1667 г. издалъ нѣсколько распоряженій о храмахъ, св. вещахъ, облаченіяхъ, о совершеніи церковныхъ службъ и таинствъ; соборъ 1675 г. опредѣлилъ богослужебныя преимущества іерарховъ,—между прочимъ позволилъ митрополитамъ облачаться вмѣсто фелони въ саккосъ, бывшій доселѣ отличіемъ одного патріарха; соборъ 1678 г. запретилъ всѣмъ архіереямъ, кромѣ патріарха, хожденіе на осляти въ недѣлю ваій. Продолжались заботы объ улучшеніи церковнаго пѣнія по кіевскимъ образцамъ. Въ иконописаніи, кромѣ старыхъ школъ—новгородской, строгоновской, московской, явилась еще царская школа, начальнымъ человѣкомъ которой былъ мастеръ *Симонъ Ушаковъ*; она много позаимствовала у западныхъ мастеровъ, которыхъ царь Алексѣй вызывалъ въ Россію для обученія русскихъ иконописцевъ, и вводила въ иконопись болѣе правильный рисунокъ и живой колоритъ. Произведенія суздальскихъ и другихъ иконописцевъ, стоявшихъ на старой степени развитія, подверглись гоненію; противъ нихъ написаны были (1668 г.) грамоты царя, п. Іоасафа и двухъ греческихъ патріарховъ, бывшихъ въ Россіи. Но съ другой стороны оказывалось нужнымъ предохранять русскую иконопись и отъ крайностей западнаго (фряжскаго) письма. Для руководства иконописцамъ составлялись обширные *подлинники* на основаніи древняго греческаго подлинника, прологовъ, четиминей и кіевскихъ печатныхъ листовъ.

Усиленіе иноземныхъ вліяній. Преобразовательное движеніе, которое такъ сильно встревожило застоявшуюся старину, не ограничилось одними обрядовыми исправленіями. Совнаніе недостатковъ старой жизни, возбужденное еще въ XVI в., все развивалось, поднимало новые вопросы и дѣлало программу исправленій все шире и шире; вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе усиливались въ русскомъ обществѣ иноземныя вліянія, особенно тѣ, которыя шли съ запада, такъ что въ недалекомъ будущемъ уже ясно виднѣлась коренная реформа всей русской жизни по образцу западной. Съ самаго начала XVII в., въ смутное время наплывъ иноземцевъ въ Россію чрезвычайно усилился; сношенія съ ними были самыя близкія и оказывали на Русскихъ могущественное вліяніе, сопровождавшееся обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ явленіемъ:—заимствуя иноземные обычаи, русскій человѣкъ, по извѣстному намъ смѣшенію внѣшнихъ формъ жизни съ религіей, заимствовалъ у иноземцевъ и ихъ религіозныя убѣжденія. Всего сильнѣе оказывалось вліяніе иноземцевъ—протестантовъ, которые при Годуновѣ и самозванцѣ имѣли свои кирхи уже въ самой Москвѣ. Обрядовое благочестіе оказалось очень слабымъ предъ протестантскими насмѣшками. По свидѣтельству Маржерета, многіе изъ бояръ, познакомившись съ протестантами, сами начали смѣяться надъ постами, иконами и проч. и доходили до отступленія отъ своей вѣры,—явленіе понятное среди тогдашняго общества: оставляя форму религіи, человѣкъ оставался безъ всего, потому что самой религіи въ этой формѣ у него и не было. Въ царствованіе Михаила встрѣчаемъ одну выразительную грамату царя и п. Филарета кн. Ивану Хворостинину. Въ смутное время князь этотъ сблизился съ Поляками и сталъ послѣ этого бранить все русское, говорилъ, что на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, смѣялся надъ русскими обычаями и вѣрою и сбирался даже бѣжать изъ Россіи. При Шуйскомъ онъ былъ наказанъ за это монастырскимъ подначаломъ; но при Михаилѣ опять принялся за старое и притомъ, вѣроятно вслѣдствіе монастырскаго подначала, съ такимъ озлобленіемъ, что дошелъ до явной вражды къ церкви, ни самъ не ходилъ къ богослуженію, ни людей своихъ не пускалъ, сталъ пить, пропилъ всю страстную недѣлю, не ходилъ къ пасхальной заутрени, ѣлъ въ постъ мясо; за все это его опять заточили въ монастырь. Освобождая его изъ заточенія, царь и патріархъ въ своей грамотѣ и выговаривали ему всѣ эти вины.

Подобныя явленія и бѣдствія, претерпѣнныя Россіей въ смутное время, особенно отъ латинянъ, разумѣется, должны были усиливать религіозную нетерпимость. Въ 1620 г. п. Филаретъ опредѣлилъ обращающихся въ православіе католиковъ, уніатовъ и протестантовъ присоединять къ церкви не иначе, какъ черезъ

перекрещиваніе, перекрещивать даже всѣхъ вообще крещенныхъ не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе, напр. православныхъ Бѣлоруссовъ, даже духовныхъ особъ. Во избѣжаніе совращеній православныхъ въ инославныя вѣроисповѣданія иностранцамъ запрещено было держать у себя Русскихъ въ услуженіи. Католикамъ не велѣно было строить своихъ церквей ни въ Москвѣ, ни въ городахъ; протестантамъ дозволяли строить кирхи въ самой Москвѣ, только за городомъ—въ нѣмецкой слободѣ. Опасеніе за православіе заставляло, какъ мы видѣли, подозрительно относиться даже къ единовѣрной западной Руси. Но въ Москвѣ не даромъ уже существовала нѣмецкая слобода;—это была передовая колонія, которую западъ выдвинулъ въ самое средоточіе русской жизни и съ помощію которой знакомилъ Россію съ своимъ общежитіемъ, увлекательными диковинками своей цивилизаціи, нужными для государства мастерствами и знаніями.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича наплывъ иностранцевъ и заимствованіе русскими иноземныхъ обычаевъ усилились еще больше. Въ раскольнической литтературѣ поднялись горькія сѣтованія на то, что Русь позавидовала чуждымъ обычаямъ; стала перенимать у еретиковъ взоры, хожденіе, одежды и всякую ихъ пеструю прелесть. Общество все еще страшилось своего увлеченія западной цивилизаціей, по старой памяти каялось въ своемъ общеніи съ еретиками, какъ въ грѣхѣ, и шло по новой своей дорогѣ съ боязливыми оглядками, но все таки шло. Религіозная нетерпимость была еще такъ сильна, что наприм. п. Никонъ насильно истреблялъ у бояръ нѣмецкіе органы, ливреи и картины; въ 1655 г. онъ, какъ п. Филаретъ, велѣлъ перекрещивать всѣхъ православныхъ Бѣлоруссовъ, надъ которыми крещеніе совершено было не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе. Перекрещиваніе латинянъ отмѣнилъ уже соборъ 1667 г. По инициативѣ духовенства, еретическіе обычаи, напр. употребленіе табаку и брадобритіе, преслѣдовались и самимъ правительствомъ. Но какъ запоздалы и безплодны были подобныя усилія остановить вторженіе въ Россію западнаго духа, видно изъ того, что само же правительство искало себѣ на западѣ пособій тамошнихъ наукъ, художествъ, ремеслъ и военнаго искуства и годъ отъ году усиливало вызовъ иностранцевъ; въ самомъ дворцѣ царя явились нѣмецкая музыка, нѣмецкія картины, часы, зеркала, кареты, сосуды и другія заморскія вещи, завелся театръ и придворная школа комедіантовъ. Гоненіе на иноземныя заимствованія только озлобляли новыхъ людей, ставили въ ихъ глазахъ и духовенство и правительство на одну доску съ старовѣрами. При царѣ Михаилѣ кн. Хворостининъ собирался бѣжать изъ Россіи; при царѣ Алексѣѣ сынъ боярина Ордына-Нащокина, одинъ изъ обра-

зованнѣйшихъ молодыхъ людей въ Москвѣ, къ огорченію своего отца и царя, въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ за границу и поселился во Франціи. Правительство поэтому и теперь строго поддерживало старинное запрещеніе ѣздить Русскимъ за границу, дабы, какъ разсказываетъ Котошихинъ въ своемъ Описаніи Россіи, „узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, не начали свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого попеченія не имѣли". Продолжительный застой, по замѣчанію историка Соловьева, не могъ дать русскому человѣку силы спокойно и твердо встрѣтиться съ цивилизаціей и овладѣть ею, производилъ духовную слабость, которая обнаруживалась въ двухъ видахъ: или человѣкъ съ страшнымъ упорствомъ отвращалъ взоры отъ всего чужаго, новаго, потому что не имѣлъ силы и мужества взглянуть на него прямо, помѣряться съ нимъ, трепеталъ передъ нимъ въ суевѣрномъ страхѣ, какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не могутъ заставить подойти къ новой нянькѣ, или, когда преодолѣвалъ страхъ, то уже вполнѣ подчинялся чужому, новому.

Религіозное образованіе.

Церковное образованіе до половины XVII в. Въ виду такихъ опасностей для церкви вопросъ объ усиленіи средствъ къ религіозному образованію возникалъ съ особенною настойчивостію; заняться разрѣшеніемъ этого вопроса побуждали и разныя церковныя исправленія, при которыхъ обнаружилось, что сами представители духовенства не знаютъ „ни православія, ни кривославія". Изъ обзора церковной письменности видимъ, что вся дѣятельность московскихъ ученыхъ вращалась около прежнихъ привычныхъ предметовъ; встрѣчаемъ нѣсколько произведеній въ историческомъ и описательномъ родѣ, каковы—Лѣтопись о смутномъ времени (Рукопись Филарета), Сказаніе Палицына объ осадѣ Троицкой лавры, житія святыхъ, описаніе св. мѣстъ *Василія Гагары*, наполненное чудесными разсказами о самовозжигавшемся пасхальномъ огнѣ въ Іерусалимѣ и т. п.; множество посланій и граматъ (Іова, Гермогена, Діонисія, Филарета, Кипріана сибирскаго), касавшихся современныхъ нестроеній въ церкви; наконецъ нѣсколько сочиненій по поводу обрядовыхъ исправленій, каковы труды Арсенія Глухаго, Насѣдки, Антонія Подольскаго. Работы въ богословскомъ родѣ московскимъ граматникамъ были не подъ силу, а между тѣмъ обстоятельства времени требовали отъ нихъ защиты православія, борьбы съ иновѣрными вліяніями. Греки въ этой нуждѣ помогали плохо, потому что и сами нуждались въ образованныхъ людяхъ. Въ 1632 г. по просьбѣ п. Филарета они мог-

ли прислать въ Москву только одного учителя, архимандрита *Іосифа*, но и тотъ черезъ два года померъ. Обратиться за научною помощью къ западу при тогдашней боязни за православіе нечего было и думать. Поэтому оставался одинъ исходъ изъ затрудненія,—прибѣгнуть къ помощи юго-западныхъ школъ, хотя и онѣ казались очень подозрительными по своему православію.

Въ 1627 г. въ Москвѣ появилось „Учительное Евангеліе“ Кирилла Транквилліона, содержавшее въ себѣ нѣсколько латинскихъ мнѣній и уже осужденное за неправославіе въ Кіевѣ, и произвело большое волненіе. Игуменъ *Илія*, разсмотрѣвъ эту книгу, донесъ, что ея нельзя держать ни въ одной церкви. Книга была сожжена и вышло распоряженіе патріарха—ни въ церквахъ, ни частнымъ лицамъ не держать никакихъ вообще литовскихъ книгъ. Но въ тоже почти самое время въ Москву прибылъ ученый Лаврентій Зизаній и привезъ съ собой свой Катихизисъ, такую необходимую тогда руководительную книгу, которой трудно было пренебречь безъ разсмотрѣнія. По порученію Филарета игуменъ Илія и справщикъ Онисимовъ долго и придирчиво разсматривали ее, чуть не завинили и ея автора въ ересяхъ, какъ Транквилліона, такъ что изъ опасенія бѣды ему приходилось соглашаться поскорѣе на все, что ему говорили, и всячески льстить учености московскихъ грамотѣевъ. Книгу во многомъ исправили, передѣлали, но все таки издали (въ 1627 г.). Катихизисъ этотъ сталъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Большаго катихизиса. Потомъ къ тѣмъ же литовскимъ книгамъ московскимъ людямъ приходилось прибѣгать по необходимости въ борьбѣ съ иновѣрными вліяніями и въ религіозныхъ столкновеніяхъ съ западными иновѣрцами. Въ началѣ 1640-хъ годовъ, по случаю вопроса о бракѣ датскаго принца *Вольдемара* съ царевной Ириной Михайловной, возникла горячая полемика съ протестантами; полемика эта была поднята самимъ принцемъ, котораго настойчиво заставляли принять православіе. Защитникомъ протестантства явился пасторъ принца *Фильгоберъ*; со стороны православныхъ, выступили московскіе книжники Иванъ Насѣдка, протопопъ Никита и протопопъ черниговскій Михаилъ Роговъ, пріѣхавшій тогда въ Москву. Пренія не обратили принца къ православію, но не прошли безслѣдно для самихъ Русскихъ, возбудили настоятельную потребность изученія вѣры и изданія полемическихъ сочиненій. Источниками для составленія такихъ сочиненій явились тѣ же литовскія книги; изъ нихъ дѣлали извлеченія и собирали эти извлеченія въ сборники. Такъ явились: Изложеніе на лютеры Ивана Насѣдки —обширный сборникъ въ 47 главахъ; Сборникъ о чести св. иконъ (1642 г.); знаменитая Кириллова книга, (1644 г.) составленная Роговымъ изъ сочиненія Стефана Зизанія, Захаріи Копыс-

тенскаго, пресвитера. Василія острожскаго и др. и направленная главнымъ образомъ противъ католиковъ; Книга о вѣрѣ (1648 г.), составленная игум. Нафанаиломъ тоже изъ юго-западныхъ сочиненій и между прочимъ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго; наконецъ Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры (1649 г.) Петра Могилы, извѣстное подъ названіемъ Малаго Катихизиса. При Алексѣѣ Михайловичѣ рѣшились еще ближе познакомиться съ югозападною образованностію и стали вызывать въ Москву самихъ югозападныхъ ученыхъ.

Состояніе образованности на югозападѣ. Не смотря на всѣ невзгоды войны во время возстанія Хмельницкаго, на гоненія отъ уніи и на крайнюю скудость школьныхъ средствъ, югозападная образованность неуклонно продолжала развиваться въ направленіи, какое указалъ ей Петръ Могила. Кіевская коллегія привлекала къ себѣ цѣлыя сотни учениковъ, не смотря на то, что ей постоянно приходилось терпѣть разныя несчастія и крайнюю нищету до самаго 1685 г., когда Кіевская митрополія присоединилась къ Московскому патріаршеству.

Самыми видными *представителями кіевской учености* во второй половинѣ XVII в. были, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, два ректора коллегіи: *Лазарь Барановичъ* и *Іоанникій Голятовскій*. Въ 1663 г. соборомъ малороссійской церкви они были выбраны на состязаніе съ латинами по поводу разныхъ нареканій на Русскую церковь со стороны іезуитовъ и уніатовъ и блистательно оправдали свое избраніе, какъ люди, владѣвшіе оружіемъ схоластики наравнѣ съ іезуитами. Памятникомъ полемики Барановича служитъ книга „Новая мѣра старой вѣры“ — о главенствѣ папы и исхожденіи св. Духа. Особенно знаменитъ былъ Барановичъ, какъ проповѣдникъ. Онъ оставилъ послѣ себя два собранія словъ: „Мечъ духовный“ и „Трубы словесъ“. Кромѣ русскихъ сочиненій, онъ писалъ еще по-польски стихи, до которыхъ кіевскіе ученые были большіе охотники, и житія святыхъ. — Голятовскій считался еще лучшимъ проповѣдникомъ, чѣмъ Барановичъ. Собраніе его проповѣдей названо „Ключъ разумѣнія“; къ нему авторъ присовокупилъ замѣчательную для характеристики кіевскаго проповѣдничества „Науку сложенія казаній“, въ которой, по схоластическимъ руководствамъ, на основаніи Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана, изложены правила касательно выбора темы для проповѣди, дѣленія слова на части и изобрѣтенія мыслей. Какъ матеріалъ для проповѣдничества, Голятовскій по примѣру іезуитовъ издалъ два сказанія о чудесахъ Богородицы: „Небо новое съ новыми звѣздами“ и „Скарбницу потребную всему свѣту“. Полемическія его сочиненія считались у іезуитовъ самыми опасными. Памятникомъ его состязанія въ 1663 г. съ іезуитами осталась „Бесѣда Бѣлоцерковская“ о

священноначаліи. Кромѣ того онъ написалъ еще трактатъ объ исхожденіи св. Духа, „Отвѣтъ на Фундаменты вѣры“, какъ называлось одно католическое сочиненіе (іезуита Скарги), и „Души умершихъ людей“ противъ католиковъ и протестантовъ. По поводу явленія въ его время одного лжемессіи, увлекавшаго евреевъ обѣщаніемъ новаго царства въ Палестинѣ, написано имъ сочиненіе „Мессія праведный“. Противъ мухаммеданства направлены его сочиненія: „Лебедь съ періемъ“ и „Алкоранъ Махметовъ, отъ коголеоа Христова разрушенный“; въ обличеніе язычества—трактатъ „Боги поганскіе“. Кромѣ Голятовскаго и Барановича, изъ проповѣдниковъ особенно сдѣлался извѣстенъ игуменъ *Антоній Радивиловскій*. Два собранія его проповѣдей извѣстны подъ хитрыми заглавіями: „Огородокъ (садъ) дѣвы Маріи“ и „Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ, сплетеный“. Натянутымъ символизмомъ, хитрыми изворотами риторики, наивнымъ употребленіемъ фабулъ, анекдотовъ и отрывочныхъ, большею частію курьезныхъ свѣденій изъ естественныхъ наукъ Радивиловскій довелъ кіевскую манеру проповѣдничества до смѣшной и уродливой крайности.

Сохранились богословскія лекціи кіевскихъ профессоровъ, изложенныя строгимъ схоластическимъ методомъ и большею частію полемическаго направленія. Самыми солидными полемическими трудами были труды *Адама Зерникава*, человѣка впрочемъ не кіевскаго образованія. Онъ родился въ Кенигсбергѣ отъ родителей лютеранъ, учился въ лучшихъ университетахъ запада, былъ въ Оксфордѣ, Кембриджѣ, Парижѣ и Римѣ, наконецъ въ Россіи изъ лютеранства присоединился къ православной церкви. По поводу этого присоединенія онъ подалъ Лазарю Барановичу свое опроверженіе лютеранской вѣры въ видѣ обширнаго ученаго трактата. Другое сочиненіе его написано въ 1682 г. противъ католичества объ исхожденіи св. Духа; такого полнаго и образцоваго полемическаго труда объ исхожденіи св. Духа, какъ этотъ, православная церковь еще никогда не имѣла. Зерникавъ умеръ въ Батуринскомъ монастырѣ въ 1690-хъ годахъ. Кіевскіе ученые оставили нѣсколько опытовъ и въ историческомъ родѣ; таковы собранія житій и чудесъ, хроники, лѣтописи, сказанія. Особенно замѣчателенъ трудъ ученика Могилы *Иннокентія Гизеля*, названный Синопсисомъ; это былъ у насъ первый еще учебникъ Русской Исторіи; не смотря на всѣ свои ошибки, обиліе фальшиваго риторства, страсть къ словопроизводствамъ и т. п., онъ оставался у насъ единственнымъ руководствомъ для школъ до времени Ломоносова.

Характеръ кіевскаго образованія. Въ огромной массѣ литтературныхъ трудовъ, которые произвела кіевская ученость, видно, какъ все болѣе и болѣе развивалось въ ея направленіи схоласти-

ческое господство внѣшнихъ формъ надъ содержаніемъ. *Богословская наука* развивалась, такъ сказать, количественно, а не качественно. Послѣдующій богословъ отличался отъ предшественника только перестановкой частей въ своей системѣ, прибавленіемъ новыхъ артикуловъ, аргументовъ, дивизій и субдивизій и новыхъ силлогистическихъ тонкостей въ опроверженіе иногда очень мелочныхъ и курьезныхъ возраженій, придуманныхъ самимъ авторомъ единственно въ діалектическихъ интересахъ, для упражненія разсудка. Система разбухала по внѣшней величинѣ, не расширяясь по содержанію далѣе простаго, и то далеко неполнаго, катихизиса. Въ самыхъ аргументахъ обращали вниманіе не столько на ихъ силу, сколько на правильность ихъ силлогизма и на ихъ количество. Формально развивавшаяся мысль была въ сущности очень простодушна и наивно, безъ критики, пользовалась въ своемъ развитіи и аргументаціи всякими средневѣковыми толками о небесныхъ кругахъ, планетахъ, зодіяхъ, громѣ и проч., свидѣтельствами сивиллъ и т. п. источниками. *Риторика* вселяла въ своихъ питомцевъ любовь къ дѣтской игрѣ словами, вычурнымъ тропамъ и фигурамъ, натянутымъ толкованіямъ, символамъ и аллегоріямъ, что видно изъ самыхъ уже заглавій кіевскихъ произведеній. Церковная проповѣдь, подъ вліяніемъ такого рода риторства, дѣлалась по временамъ занимательнымъ, но вообще пустымъ разглагольствіемъ безъ плодотворнаго приложенія къ жизни. Въ качествѣ главнаго источника изобрѣтенія мыслей проповѣдники, какъ и богословы, пользовались всякими средневѣковыми бреднями и апокрифами, и даже охотнѣе, чѣмъ строго научными свѣдѣніями, потому что находили въ нихъ болѣе фантастическихъ образовъ и курьезовъ, годныхъ для интересовъ риторства.—Не смотря однако на всѣ подобные недостатки схоластическаго направленія въ кіевскомъ образованіи, образованіе это все-таки было научное, по крайней мѣрѣ служило преддверіемъ къ дѣйствительной наукѣ, пріучало къ умственной работѣ, отчетливости въ мысляхъ, сознательности въ вѣрованіяхъ и во всякомъ случаѣ стояло несравненно выше образованія московскихъ начетчиковъ; кіевскій ученый уже не могъ дойти до такихъ нелѣпостей обрядоваго разрыва съ церковію, до какихъ доходили эти начетчики. Важно было и то, что схоластика не чуждалась произведеній западной науки и смѣло шла ей на встрѣчу, сама пользуясь всѣмъ, что у нея было добраго. Вредное вліяніе кіевской схоластики, а вмѣстѣ съ ней и кіевской латыни всего чувствительнѣе отозвалось въ томъ, что и та и другая тянули своихъ питомцевъ къ латинству и Польшѣ. Польскія симпатіи образованнаго класса малороссійскаго духовенства мы уже видѣли въ вопросѣ о подчиненіи Малороссіи Москвѣ. Латинскій оттѣнокъ кіевскаго богословствованія всего болѣе обнаружился при

переходѣ кіевской образованности въ Москву, гдѣ свѣжее чувство простодушныхъ ревнителей православія тотчасъ почуяло въ ней примѣсь чуждаго элемента.

Епифаній Славеницкій. Первая дружина югозападныхъ ученыхъ, явившихся въ Москву при Никонѣ, была еще домогилинскаго, греческаго образованія братскихъ школъ. Это были люди безукоризненно православные, честные и скромные труженики, дѣятельность которыхъ признана была въ высшей степени полезною какъ со стороны правительства, такъ и со стороны іерархіи. Выше всѣхъ изъ этихъ пришельцевъ стоялъ Епифаній Славеницкій. По своему уединенному, аскетическому характеру онъ былъ мало способенъ къ практической общественной дѣятельности, оставался исключительно кабинетнымъ труженикомъ и ограничивалъ свое непосредственное, личное вліяніе только небольшимъ кружкомъ своихъ учениковъ. Такое поведеніе много спасало его отъ лишнихъ столкновеній съ московскими учителями и возбудило въ послѣднихъ общее уваженіе къ нему. Литтературная дѣятельность его проникнута глубоко-ученымъ характеромъ, отличается серьезною добросовѣстностью и даже кропотливостью въ работѣ; его мысль всегда тверда и строго обдумана, хотя форма, въ какой она выражалась у него, не только не блестѣла тогдашнимъ риторствомъ, но часто была вовсе необработана и тяжела. Онъ вездѣ вѣренъ своему греческому образованію, любитъ символы, таинственный смыслъ, является человѣкомъ болѣе сердца, чѣмъ разсудочной діалектики. Работы у него было очень много, потому что, за недостаткомъ ученыхъ людей и при множествѣ новыхъ вопросовъ, и правительство и іераркія наперерывъ спѣшили воспользоваться его ученостію. Прежде всего онъ былъ заваленъ переводами, перевелъ многія отеческія творенія, разныя сочиненія историческія, юридическія, нравственныя, географію, анатомію, написалъ славяно-россійскій лексиконъ, занимался кромѣ того исправленіемъ библейскаго текста и текста церковныхъ книгъ, писалъ предисловія къ вновь издававшимся книгамъ, — Кормчей, Служебнику, Шестодневу, Часослову, Тріоди, Библіи, и при всемъ этомъ находилъ еще время заниматься проповѣдничествомъ. Послѣ себя († 1675 г.) онъ оставилъ нѣсколько учениковъ, хорошо знавшихъ греческій языкъ; таковы были избранные имъ самимъ сотрудники его въ исправленіи Библіи: чудовскіе монахи *Евфимій* и *Моисей*, московскій священникъ *Никифоръ* и игуменъ *Сергій*.

Юрій Крыжаничъ. Въ то время, какъ Славеницкій насаждалъ въ Москвѣ еллино-славянское образованіе, пріѣхалъ сюда другой учитель, представитель латинскаго образованія, ученый католическій священникъ, Сербъ или Хорватъ, *Юрій Крыжаничъ*,

но, недолго пробывъ въ Москвѣ, попалъ въ ссылку въ Тобольскѣ (въ 1661 г.). Въ теченіи 14 лѣтъ этой ссылки онъ написалъ сочиненіе: Политику—о русскомъ государствѣ въ XVII в., о Промыслѣ (о причинахъ процвѣтанія и упадка государствъ съ богословской точки зрѣнія), славянскую грамматику и опроверженіе соловецкой челобитной. Крыжаничъ явился въ Россію славянскимъ патріотомъ — цивилизаторомъ; онъ видѣлъ въ ней единственное славянское государство, въ которомъ подъ покровительствомъ самодержавія можно водворить самостоятельное славянское просвѣщеніе и положить основаніе къ освобожденію всего славянства отъ матеріальной и нравственной работы чуждымъ народамъ,—Нѣмцамъ и Грекамъ. Въ своемъ сочиненіи о Россіи онъ сильно обличаетъ темныя стороны русской жизни, народное самомнѣніе — слѣдствіе незнанія чужихъ странъ, невѣжество и мудроборство, т. е. гоненіе на науку, тупость и косность народнаго ума, лѣность, поголовное пьянство, грубость нравовъ, развитіе чувственныхъ инстинктовъ, крутое владѣніе, людодерство судей и правителей. Средствомъ къ устраненію этихъ недостатковъ онъ ставитъ просвѣщеніе, но просвѣщеніе именно латинское, выставляетъ спасеніемъ для всего славянства покореніе всѣхъ Славянъ римской церкви и соединеніе съ Польшей. Его латинская пропаганда только усиливала подозрительность Русскихъ къ западнымъ учителямъ и заставляла еще крѣпче держаться за ученыхъ выходцевъ изъ Кіева. Но скоро и оттуда стали являться люди уже непохожіе на Епифанія.

Симеонъ Полоцкій. Въ 1664 г. въ Москву явился воспитанникъ новой кіевской школы *Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій*, бывшій до того учителемъ братской школы въ Полоцкѣ; онъ уже не зналъ греческаго языка и принесъ съ собою въ Москву исключительно латинское образованіе. Это былъ усердный собиратель чужихъ мнѣній, настоящая ходячая энциклопедія всякихъ знаній, которыя онъ ловко умѣлъ облечь въ обычныя риторскія и діалектическія формы, придавъ имъ внѣшнюю доказательность. Своимъ многознаніемъ, развитіемъ риторской формы и діалектики, занимательностью, внѣшней силой своихъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтной мелкостью мысли и недостаткомъ силы во внутреннемъ ея содержаніи онъ рѣзко отличался и отъ Славеницкаго, и отъ другихъ учениковъ старыхъ югозападныхъ школъ, которые немного заучивали, но за то много думали, не владѣли діалектикой, но были сильны своимъ глубокимъ убѣжденіемъ и серьезностію мысли. По своему характеру Полоцкій былъ не кабинетный, а общественный дѣятель, ловкій придворный монахъ, неутомимый борзописецъ, готовый во всякое время писать и переводъ, и проповѣдь, и ученый трактатъ, и стихи на чье ни-

будь рожденіе или смерть, и комедію для придворнаго театра. Отъ этого у него еще больше было работы, чѣмъ у Славенецкаго. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ сдѣлался учителемъ царскихъ дѣтей, жилъ во дворцѣ, былъ на виду и у правительства и у іерархіи и постоянно получалъ разныя ученыя порученія; такъ, въ 1666 г. онъ долженъ былъ заняться опроверженіемъ раскола, которое представилъ въ сочиненіи „Жезлъ правленія", изданномъ отъ имени великаго собора; потомъ написалъ полное систематическое изложеніе вѣры по схоластическимъ образцамъ, названное „Вѣнцомъ вѣры"; по порученію п. Іоасафа сочинялъ для народа поученія о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ, противъ игръ и ворожбы; составилъ два большихъ сборника проповѣдей: „Обѣдъ душевный" и „Вечерю духовную". Къ чести его надобно сказать, что, слѣдуя обычнымъ кіевскимъ пріемамъ проповѣдничества, онъ имѣлъ въ виду и жизненныя цѣли, старался быть проще и ближе къ потребностямъ своихъ слушателей. Въ своихъ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ онъ сильно задѣвалъ лѣность духовенства къ проповѣдничеству, обличалъ невѣжество народа, расколы, грязные пороки, суевѣрія, остатки язычества, вѣру въ волшебство, въ наузы, нашептыванія, заговоры, примѣты, обличалъ народныя игры, праздники Коляды и Купала, проповѣдовалъ необходимость просвѣщенія и обращался къ царю съ моленіемъ завести школы, умножить учителей и спудеовъ (учениковъ).

Оживленіе просвѣщенія. Дѣятельность Епифанія и Симеона имѣла живительное вліяніе на церковное образованіе. Заговорили о школахъ и церковной проповѣди. Въ 1667 г. прихожане московской Богословской церкви подали царю просьбу о дозволеніи открыть при ихъ церкви школу и найти проповѣдника для сказыванія поученій. Въ пермскихъ усольяхъ Строгоновыхъ явился подражатель Полоцкаго, орловскій священникъ, который, слыша, что въ Россіи священники по мѣстамъ стали говорить проповѣди, и самъ выступилъ на поприще проповѣдничества. Старинные переводы отеческихъ поученій и проповѣди Полоцкаго онъ нашелъ для своей паствы непонятными и сталъ составлять свои собственныя простыя поученія, изданныя потомъ въ 1684 г. подъ названіемъ „Статира". И въ Перми, какъ прежде въ Москвѣ, духовенство и народъ очень дико встрѣтили церковную проповѣдь, говорили что такой новости никогда не бывало, что проповѣдникъ хочетъ вводить ересь, и сильно ему досаждали. При царѣ Θеодорѣ, воспитанникѣ Полоцкаго, предположено было завести въ Москвѣ большую школу уже не только для Россіи, но и для Греціи, откуда приходили печальные слухи о совершенномъ упадкѣ тамъ просвѣщенія подъ игомъ мусульманъ. На первый разъ п. Іоакимъ

и царь (въ 1679 г.) основали *школу въ типографскомъ домѣ* и собрали въ нее до 30 учениковъ всякаго званія. Начальникомъ ея сдѣланъ былъ іеромонахъ *Тимоѳей*, долго путешествовавшій по востоку и въ совершенствѣ знавшій греческій языкъ. Обучать велѣно греческому языку, чтенію и письму; учителями назначены Греки *Мануилъ* и *Іоакимъ*. Царь и патріархъ такъ были рады этой школѣ, что посѣщали ее каждую недѣлю.

Противодѣйствіе югозападному вліянію въ Москвѣ. Усиленіемъ греческаго образованія въ новомъ училищѣ патріархъ стремился между прочимъ дать противовѣсъ польско-латинскому вліянію, которое начало безпокоить русскую іерархію еще при жизни Славенецкаго, вскорѣ по прибытіи въ Москву Симеона Полоцкаго. Между этими представителями двухъ направленій юго-западнаго образованія съ самаго начала обнаружилось столкновеніе, въ которомъ московская іерархія приняла сторону Епифанія и старалась его авторитетомъ ослабить авторитетъ Полоцкаго. По своему миролюбивому характеру Епифаній не входилъ въ непріязненныя отношенія къ Полоцкому, но не скрывалъ однако и своего несочувствія къ его образу мыслей, напр. указывалъ на то, что въ основу своего „Вѣнца вѣры“ Полоцкій принялъ не никейскій, а мнимо-апостольскій католическій символъ, что онъ не вѣрно училъ о времени пресуществленія даровъ въ евхаристіи, будто-бы они пресуществляются не во время призыванія на нихъ священнослужащимъ св Духа, а при произношеніи словъ Спасителя: „пріимите, ядите“,... какъ учатъ латиняне, что вообще въ послѣднее время въ Кіевѣ читаютъ однѣ латинскія книги и отъ этого иногда истины не знаютъ. Послѣ смерти Епифанія Полоцкій, оставшись безъ соперниковъ, началъ рѣзче отзываться о невѣжествѣ Москвитянъ, держалъ себя заносчиво, не хотѣлъ знать ни патріарха, ни другихъ духовныхъ властей, даже сочиненія свои печаталъ безъ благословенія патріарха въ дворцовой типографіи. П. Іоакимъ, самъ человѣкъ ученый, авторъ замѣчательной книги противъ раскола—„Увѣта духовнаго“, былъ сильно раздраженъ противъ гордаго монаха, обвинялъ его въ „хлѣбопоклоннической ереси“ (такъ какъ онъ училъ покланяться хлѣбу въ евхаристіи до времени его пресуществленія), его „Вѣнецъ вѣры“ называлъ вѣнцемъ, изъ западнаго тернія сплетеннымъ, а „Обѣдъ душевный“—исполненнымъ душевныхъ бѣдъ, и хотѣлъ вовсе запретить ему церковную проповѣдь. Но Полоцкій былъ не доступенъ для его власти, потому что находилъ себѣ сильную поддержку при дворѣ. Царь Ѳеодоръ, братъ его Іоаннъ и сестра Софія всѣ учились у Полоцкаго и получили отъ него польско-латинское образованіе. Въ боярскихъ домахъ западно-русскіе и польскіе шляхтичи играли тогда такую же роль, какую въ XVIII в.

французскіе гувернеры. Высшее общество ходило въ польскихъ кунтушахъ и говорило какой-то смѣсью польскаго языка съ русскимъ. Полоцкій такъ и умеръ (въ 1682 г.), не потерявъ своей силы.

Начало московской академіи. Послѣднимъ произведеніемъ Полоцкаго былъ проектъ академіи, которую царь предположилъ основать въ московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ этой академіи предположено было преподавать духовныя и свѣтскія науки,— грамматику, піитику, риторику, діалектику, философію и богословіе, и языки славянскій, греческій, польскій и латинскій, для людей всякихъ чиновъ и возрастовъ. Царь предоставилъ въ ея пользу свою библіотеку, вотчины восьми монастырей, одну дворцовую волость и 8 пустошей, далъ ей судебныя привиллегіи съ предоставленіемъ всего суда надъ ея людьми ея блюстителю, обѣщалъ пенсіи учителямъ и лучшія мѣста на службѣ ученикамъ. Блюстителемъ и учителями могли быть только Русскіе и Греки, извѣстные православіемъ; учителей изъ Литвы и Малороссіи безъ свидѣтельства достовѣрныхъ людей въ академію принимать не велѣно, потому что эти прелестники, сказано въ проектѣ, сначала притворятся православными, а потомъ развратныя словеса всѣваютъ и цѣлость вѣры нашея терзать начинаютъ. Назначенная главнымъ образомъ для служенія церковнымъ интересамъ, академія призывалась къ наблюденію за цѣлостью православія въ Россіи. Никто не долженъ былъ держать въ домахъ учителей иностранныхъ языковъ, а долженъ былъ отдавать дѣтей для обученія этимъ языкамъ въ академію. Ученые иностранцы, поступая на службу, должны были подвергаться въ академіи испытанію и потомъ находиться подъ ея постояннымъ наблюденіемъ; она обязывалась смотрѣть, чтобы иновѣрцы не распространяли въ Россіи своихъ ученій, наблюдать за новообращенными, тверды ли они въ вѣрѣ, не держитъ ли кто у себя въ домѣ вредныхъ для церкви книгъ, и всѣ такія книги жечь; иностранцы, уличенные въ хулѣ на православіе, по суду академіи должны были подвергаться сожженію на кострѣ, равно какъ и тѣ, которые будутъ совращены ими въ латинство или протестантство. Въ томъ же 1682 г. царь послалъ къ патріархамъ грамату о присылкѣ изъ Греціи православныхъ и искусныхъ учителей. По этому приглашенію въ Москву отправились ученые Греки изъ Кефалоніи, іеромонахи *Іоанникій* и *Софроній Лихуды*, родные братья, получившіе обширное образованіе сначала въ Греціи, затѣмъ въ Венеціи и Падуѣ, потомъ бывшіе учителями и проповѣдниками въ разныхъ мѣстахъ Греціи.

Сильвестръ Медвѣдевъ и Лихуды. Вскорѣ послѣ этого приглашенія Лихудовъ послѣдовала кончина царя Θеодора. Но вліяніе латинской образованности продолжало развиваться и послѣ него

въ правленіе Софьи Алексѣевны. Мѣсто Полоцкаго заступилъ его ученикъ *Сильвестръ Медвѣдевъ*, строитель Заиконоспасскаго монастыря и первый кандидатъ на должность академическаго блюстителя. Это былъ тоже придворный монахъ, какъ и Полоцкій, опиравшійся на силу тогдашнихъ временщиковъ при Софьѣ,— Голицына и Шакловитаго. Какъ прежде противъ Полоцкаго патріархъ выставилъ Славенецкаго, такъ теперь противъ Сильвестра онъ выставилъ ученика Епифаніева, *Евфимія*. Предметомъ несогласій между этими учеными явилось тоже ученіе о времени пресуществленія даровъ. Сильвестръ, мужъ, по отзыву современниковъ, великаго ума и остроты, сталъ было одерживать уже верхъ надъ Евфиміемъ, какъ на подмогу послѣднему въ 1685 г. явились Лихуды. На другой же годъ по пріѣздѣ они открыли свои курсы въ заиконоспасской школѣ, съ которой была при этомъ соединена и типографская. Медвѣдевъ, потерявши всякую надежду сдѣлаться блюстителемъ академіи и видя въ Лихудахъ соперниковъ по ученому авторитету, сталъ ихъ врагомъ, заводилъ съ ними тяжбы, разславлялъ ихъ еретиками и напечаталъ противъ нихъ книгу „Манну", въ которой развилъ свое мнѣніе о пресуществленіи даровъ. Лихуды написали въ отвѣтъ на нее „Акосъ или врачеваніе отъ угрызеній зміевыхъ", и еще „Діалоги Грека къ нѣкоему іезуиту". Споръ перешелъ въ публику и разгорѣлся до того, что о пресуществленіи спорили и мужчины и женщины, и въ домахъ и на улицахъ. Въ него вмѣшались іезуиты, жившіе въ Москвѣ, и стали поддерживать Сильвестра. Между тѣмъ постоянныя ссылки Медвѣдева на кіевскія книги (книгу Сафоновича) возбудили въ Москвѣ сильное подозрѣніе на счетъ кіевскаго православія. П. Іоакимъ горячо возсталъ противъ „новыхъ Могилинскихъ книгъ" и потребовалъ изъ Кіева положительнаго отвѣта о времени пресуществленія даровъ. Въ Кіевѣ долго отмалчивались, наконецъ прислали согласіе на православное ученіе.

Торжество православія надъ латинскимъ вліяніемъ послѣдовало однако не ранѣе государственнаго переворота, свергнувшаго владычество Софьи. Въ 1689 г. Медвѣдевъ былъ осужденъ на соборѣ и лишенъ иночества; онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній и объявить свою „Манну" обманною. Черезъ годъ онъ попался подъ розыскъ по дѣлу Софьи и Шакловитаго и въ 1691 г., какъ участникъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ противъ Петра, былъ обезглавленъ. Въ одно время съ его осужденіемъ (1689 г.) изъ Москвы были изгнаны всѣ іезуиты; московскимъ католикамъ позволено было держать при себѣ только плебановъ ксендзовъ, а отнюдь не іезуитовъ. Въ 1690 г. Евфимій написалъ „Остенъ", въ которомъ подробно разобралъ какъ ученіе латинянъ о времени пресуществленія

и объ исхожденіи св. Духа, такъ и ошибки Сафоновича, Полоцкаго, Медвѣдева и его приверженцевъ. Въ тоже время Софроній Лихудъ составилъ полное опроверженіе католичества подъ названіемъ „Мечецъ духовный". Патріархъ съ своей стороны въ 1690 г. созвалъ соборъ, на которомъ „хлѣбопоклонническая" ересь предана была проклятію и запрещено было читать многія малороссійскія книги, въ которыхъ замѣчались отступленія отъ православія, Большой Требникъ, Евангеліе Транквилліона, Перло многоцѣнное, оба Катихизиса, Лиѳосъ, Мессію праведнаго, Выкладъ о церкви и тайнахъ, сочиненія Полоцкаго и др. Малороссійскіе ученые спѣшили поскорѣе выѣхать изъ Москвы, и кіевское вліяніе на великорусское образованіе было устранено, но за то Москва лишилась теперь самаго главнаго и необходимаго источника для своего религіознаго просвѣщенія.

Заслуги кіевскихъ и московскихъ ученыхъ. Почти все просвѣтительное движеніе въ церкви съ половины XVII в. вращалось именно около кіевскихъ ученыхъ. Не было отрасли церковнаго образованія, въ которой они не оставили бы болѣе или менѣе важныхъ памятниковъ своей работы. Эта многосторонность занятій была еще совсѣмъ чужда московскимъ ученымъ, дѣятельность которыхъ вся сосредоточивалась на обрядовыхъ исправленіяхъ и борьбѣ съ расколомъ, да еще на нѣкоторыхъ историческихъ работахъ. Борьба съ расколомъ произвела замѣчательные труды, не уступавшіе трудамъ малороссійскихъ ученыхъ, каковы: опроверженія раскольническихъ челобитныхъ, Увѣтъ, Щитъ вѣры, окружныя посланія *Игнатія* тобольскаго. Между историческими трудами, кромѣ житій разныхъ русскихъ святыхъ, особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе. обширный сводъ лѣтописей, извѣстный подъ именемъ *Никоновой* лѣтописи, Житіе Никона, составленное его иподіакономъ *Иваномъ Шушеринымъ*, записки о стрѣлецкомъ бунтѣ *Медвѣдева* и др.

Св. Димитрій Туптало. Югозападные ученые, будучи заняты исключительно теоретическими работами, сравнительно мало произвели историческихъ трудовъ. Послѣ Иннокентія Гизеля въ этомъ родѣ ученой письменности пріобрѣлъ особенную извѣстность св. *Димитрій* (послѣ митрополитъ ростовскій), который впрочемъ мало былъ обязанъ своимъ образованіемъ кіевской коллегіи: онъ вышелъ изъ нея еще до окончанія своего курса по случаю военныхъ тревогъ 1665 г. и довершилъ свое образованіе самъ, подъ вліяніемъ не школы, а дѣйствительной жизни. По своему чисто русскому народному характеру онъ составлялъ даже исключеніе между учеными югозапада. Своимъ задушевнымъ, истинно народнымъ проповѣдничествомъ молодой инокъ, не имѣя еще 25 лѣтъ отъ роду, успѣлъ составить себѣ такую извѣстность, что объ

немъ спорили и Литва и Малороссія, наперерывъ приглашая его къ себѣ въ проповѣдники. Въ 1684 г. онъ приступилъ къ составленію своихъ знаменитыхъ Четіи-Миней, — труду многосложному, требовавшему обширнаго чтенія и осторожной критики. Работа быстро кипѣла подъ мастерской рукой и въ 1689 г. готова была уже первая часть ея, обнимавшая собою три первыхъ мѣсяца (сентябрь — ноябрь) четиминейнаго года, въ 1695 кончена вторая, а въ 1700—третья (послѣдняя 4-я вышла въ 1705 г.). Это было безсмертное произведеніе, доставившее неистощимое чтеніе благочестію, понятное для всѣхъ классовъ народа и давшее автору такую всероссійскую извѣстность, какой не имѣлъ никто изъ церковныхъ писателей ни до, ни послѣ него. Подозрѣніе въ неправославіи коснулось было однако и этого святаго человѣка. Въ 1689 г. п. Іоакимъ изъявилъ ему свое неудовольствіе за то, что Четьи-Минеи стали печататься безъ патріаршаго дозволенія и что въ нихъ вкралось католическое мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери. Св. Димитрій исправилъ эту ошибку и п. Іоакимъ благословилъ его трудъ.

Дѣло Кульмана. Въ одно время съ осужденіемъ малороссійской учености обращено было серьезное вниманіе на протестантовъ. При п. Іоакимѣ въ нѣмецкой слободѣ явился изступленный мистикъ *Квиринъ Кульманъ*, который величалъ себя княземъ Бога Израилева, сыномъ Сына Божія, пророкомъ, пришедшимъ для возстановленія 1000-лѣтняго царства Божія на землѣ, жену свою Маргариту—царицей новаго Іерусалима, свое ученіе—Апокалипсисомъ. Въ 1689 г. Нѣмцы сами выдали его правительству. Онъ былъ сожженъ вмѣстѣ съ своими книгами и письмами. Послѣ этого патріархъ выхлопоталъ у правительства указъ, которымъ велѣно было строго допрашивать на границѣ всѣхъ пріѣзжихъ иностранцевъ, кто они, откуда и зачѣмъ ѣдутъ. Въ то время, какъ молодой царь Петръ не могъ обойтись безъ иностранцевъ, Іоакимъ относился къ нимъ очень недоброжелательно. Въ своемъ завѣщаніи († 1690 г.) онъ умолялъ правительство не допускать православныхъ до дружбы съ еретиками, не дозволять въ Россіи строенія ихъ мольбищъ, а построенныя прежде раззорить, не давать иновѣрцамъ начальства при полкахъ и не вводить новыхъ иноземныхъ обычаевъ.

Просвѣщеніе при п. Адріанѣ. Слѣдующій патріархъ Адріанъ былъ такой же ревнитель православія, какъ Іоакимъ, но менѣе его образованный, человѣкъ стариннаго направленія, считавшій брадобритіе великой ересью. Онъ еще болѣе усилилъ противодѣйствіе западному образованію. Къ несчастію для русскаго образованія встрѣтились случаи, еще болѣе утверждавшіе въ іерархахъ подозрительность къ западнымъ ученымъ. При Адріанѣ попал-

ся въ отступничествѣ отъ православія одинъ московскій дьяконъ, *Петръ Артемьевъ*, который ѣздилъ учиться въ Венецію и по возвращеніи началъ горячо отстаивать и проповѣдывать латинскія убѣжденія даже съ церковной каѳедры. Въ 1698 г. онъ былъ разстриженъ и сосланъ на Соловки. Изъ допросовъ ему узнали, какъ русскіе ученые отрекались на западѣ отъ православія; писали противъ него сочиненія на ученыя степени, какъ іезуитское воспитаніе пріучало ихъ ко лжи, скрывательству своихъ убѣжденій, ложнымъ клятвамъ. Вслѣдствіе этого въ Москвѣ не вѣрили заграничнымъ воспитанникамъ даже въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства и просили себѣ присоединенія къ церкви.

Реакція противъ западнаго образованія коснулась самихъ Лихудовъ. Они преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, риторику, логику и физику. Всѣ эти науки излагались ими по схоластическому, но сглаженному методу; вмѣсто Аристотеля, ученые Греки въ преподаваніи выдвигали напередъ отцевъ церкви, вмѣсто латини—греческій языкъ. Но для возбужденія подозрѣній на счетъ ихъ православія теперь довольно было и того, что они, преподавая въ академіи греческій языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляли и латинскаго. Главнымъ обвинителемъ ихъ явился іерусалимскій патріархъ *Досиѳей*, который давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ кіевскихъ ученыхъ. Въ 1693 г. онъ отправилъ въ Москву три посланія—къ царямъ, патріарху и самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно осуждалъ преподаваніе въ академіи латини, Лихудовъ укорялъ за то, будто они не занимаются своимъ дѣломъ, а забавляются около физики да философіи, звалъ ихъ не Лихудами, а Ликудіями (отъ λύκος—волкъ), грозилъ имъ отлученіемъ. Ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи; но Досиѳей не былъ доволенъ и этимъ, требовалъ, чтобы ихъ вовсе выгнали изъ Москвы, и обвинилъ ихъ въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Тогда ихъ заточили въ Ипатьевскій монастырь. Мѣсто ихъ заняли ихъ ученики, при которыхъ латинскій языкъ на время былъ совершенно изгнанъ изъ академіи. Но это было уже послѣднее и кратковременное торжество стараго еллино-славянскаго образованія надъ новымъ. Западное вліяніе, проникавшее чрезъ Кіевъ, было вытѣснено, но этимъ только опрастывалось мѣсто для новой западной образованности, которая шла въ Россію чрезъ нѣмецкую слободу, образованности уже не церковно-религіозной, а свѣтской и притомъ попреимуществу реалистической, которая должна была сильно потрясти всю прежнюю исключительно-религіозную жизнь древней Руси.

VII. СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЯ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

Отношеніе Петра къ древнему религіозному быту. Преобразованія предпринимали и прежніе цари до Петра; но, по характеру своей церемоніальной, неподвижной дворцовой жизни и своего церковнаго образованія, они могли только писать грамоты изъ дворца, обличать нестроенія и выставлять новыя требованія только на бумагѣ и въ тѣсныхъ границахъ религіозныхъ понятій, направленныхъ не столько къ нововведеніямъ, сколько къ охраненію старины. Новый царь явился человѣкомъ отрѣшеннымъ и отъ дворцоваго этикета, и отъ древней исключительно—религіозной жизни. По своему опальному положенію въ царской семьѣ при господствѣ Милославскихъ онъ проводилъ свое дѣтство не во дворцѣ, а на улицѣ села Преображенскаго, среди полнаго простора для его необычайныхъ силъ, среди шумныхъ военныхъ потѣхъ съ своими сверстниками; изъ него выработался дѣятель, который все видѣлъ собственными глазами, за все брался собственными руками, практикъ съ крутой силой воли и съ необычайной энергіей, который не умѣлъ ходить, а только бѣгать, у котораго работа кипѣла подъ руками съ такой быстротой, что между мыслью и дѣломъ не было, казалось, никакого промежутка. Религіознаго воспитанія онъ не получалъ ни въ кіевскомъ духѣ, ни въ духѣ великорусскаго древняго благочестія; отсюда шаткость его религіозныхъ убѣжденій, готовность къ воспріятію всего новаго въ религіозной сферѣ и свѣтскій характеръ его реформы. Онъ учился безъ руководителей и даже безъ книгъ, на ходу, среди потѣхъ, и прежде всего, разумѣется, бросался на то, что его поражало своей очевидной пользой. Его заняли не кіевская элоквенція съ діалектикой, какъ его братьевъ, а корабли, пушки, крѣпостныя работы, ремесла, то, чѣмъ Европа такъ возвышалась надъ Россіей и для чего Россія толпами вызывала къ себѣ иностранцевъ, не смотря на свою религіозную замкнутость; это былъ уже не ученикъ риторики, какъ царь Θеодоръ, а корабельный плотникъ, бомбардиръ, шкиперъ, человѣкъ совершенно реальнаго направленія. Реальное направленіе сблизило его съ нѣмецкой слободой, въ которой въ одной только онъ могъ найти удовлетвореніе своей любознательности. Для его предшественниковъ знаться съ еретиками было страшно; для Петра, не воспитаннаго въ старинныхъ понятіяхъ, этого страха не существовало, и онъ безъ всякаго стѣсненія протянулъ къ иноземцамъ свою руку, прося ихъ быть его учителями. Въ такомъ же направленіи была воспитана и знаменитая Петровская компанія, дружина новыхъ людей, съ

которой царь дѣлилъ и горе и радость, вмѣстѣ работалъ и вмѣстѣ отдыхалъ на разгульныхъ пирахъ въ обществѣ съ Нѣмцами. Между тѣмъ старая жизнь не замедлила и его съ компаніей встрѣтить такимъ же противодѣйствіемъ, какимъ она озлобляла всѣхъ новыхъ людей прежняго времени. Понятно, какъ долженъ былъ отнестись къ этому противодѣйствію такой огненный человѣкъ, какъ Петръ.

Петръ выросъ въ гоненіи отъ родныхъ, подъ страшными впечатлѣніями стрѣлецкихъ бунтовъ, впечатлѣніями вѣчныхъ жалобъ матери Натальи Кирилловны, постоянно раздражаемый увѣщаніями окружающихъ на отнятую у него власть и на торжество нелюбимой родни. У насъ былъ одинъ царь, воспитанный подъ такими же впечатлѣніями; изъ него вышелъ Іоаннъ Грозный. Изъ Петра вырабатывался другой Грозный съ такою же ревностію къ своей власти, такой же неудержимый каратель всякаго противодѣйствія этой власти. Царь Іоаннъ, жившій во время перваго устроенія царства Московскаго, разбивалъ своими карами мѣшавшіе царской власти остатки стараго вѣчеваго и дружиннаго быта; царю преобразователю и просвѣтителю Руси пришлось обратить свои кары преимущественно противъ народныхъ суевѣрій и старой религіозной исключительности русской жизни, отрицанія всего, что лежитъ внѣ религіозной сферы, потому что отсюда и шло главное противодѣйствіе его преобразовательной дѣятельности. Еще въ правленіе Софьи его раздражали придворныя сплетни царевенъ тетокъ и царевенъ сестеръ, которыя указывали на то, что въ кремлевскомъ дворцѣ у Софьи Богу молятся, а въ Преображенскомъ на органахъ да на скрипкахъ играютъ. Вся родня тужила объ его дружбѣ съ еретиками; недовольна была этой дружбой даже его мать, которая терпѣть не могла Нѣмцевъ. Не нашелъ онъ себѣ сочувствія и въ первой своей супругѣ *Евдокіи Лопухиной* съ ея родней, и при дворѣ брата *Іоанна*, супруга котораго, *Прасковья Ѳеодоровна*, держала у себя цѣлый притонъ разныхъ юродивыхъ и пророковъ. Затѣмъ съ первыхъ же шаговъ на своемъ преобразовательномъ поприщѣ онъ встрѣтился съ страшными народными протестами, въ которыхъ масса недовольныхъ постоянно становилась подъ знаменемъ вѣры и дѣйствовала во имя православія. Въ 1697 г., по случаю посылки за границу нѣсколькихъ молодыхъ людей для науки и поѣздки туда самого царя, составился заговоръ *Цыклера*. Страшныя казни виновныхъ въ первый разъ обнаружили силу того озлобленія, какое успѣло накипѣть у Петра противъ старинаго духа, враждебнаго его просвѣтительнымъ планамъ. За этимъ заговоромъ черезъ годъ послѣдовало возстаніе стрѣльцовъ. На это возстаніе царь отвѣчалъ страшнымъ стрѣлецкимъ розыскомъ съ

троекратными и четырехкратными пытками и жестокостями, каких исторія не видала даже во времена Грознаго. Ярость царя не пощадила и его семейства; царевны Софья и Марѳа, мутительницы стрѣльцовъ, и супруга царя Евдокія Лопухина были пострижены, послѣдняя въ томъ самомъ Покровскомъ суздальскомъ монастырѣ, который принялъ нѣкогда въ свои стѣны другую невольную постриженницу, Соломонію, супругу Василія Іоанновича. Вслѣдъ за возвращеніемъ царя изъ за границы начались преобразованія; всѣмъ русскимъ людямъ, кромѣ духовенства и крестьянъ; велѣно брить бороды и одѣваться въ нѣмецкое платье; велѣно праздновать новый годъ, вмѣсто 1 сентября, 1 января. Съ этого времени страшные застѣнки Преображенскаго постоянно наполнялись новыми жертвами царскаго гнѣва; среди пытокъ и казней орудіе крутой воли Петра, суровый князь-кесарь *Ромодановскій*, по его собственнымъ словамъ, непрестанно кровьми омывался. Съ самаго же начала реформа получила крутой и даже фанатическій характеръ, стала вводиться насильственными средствами; но при этомъ нужно вспомнить, что такія же насильственныя средства въ свое время употребляла и старина противъ новшествъ; еще недавно правительство за употребленіе табаку рѣзало носы, а п. Адріанъ разослалъ окружное посланіе, въ которомъ предавалъ брадобритіе анаѳемѣ.

Отношеніе Петра къ патріархамъ. Всѣ протесты противъ реформы раздавались во имя вѣры и съ сильнымъ участіемъ въ нихъ духовныхъ лицъ; это обстоятельство не могло не отозваться весьма дурно на положеніи главы духовенства — патріарха. Еще до времени своего единодержавія Петръ уже далеко разошелся съ п. Іоакимомъ. Преемникъ Іоакима Адріанъ сначала было рѣзко высказался въ старомъ духѣ, противъ иноземныхъ обычаевъ, но скоро долженъ былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ, такъ что въ народѣ говорили: „Какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантіи до клобука бѣлаго, за тѣмъ и не обличаетъ". Патріархъ не мѣшалъ реформамъ, но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе главы церкви было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Чѣмъ больше разгоралась борьба реформы съ противодѣйствіями, тѣмъ положеніе патріарха дѣлалось хуже. Петръ видѣлъ въ немъ живое нравственное средоточіе недовольныхъ; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, вовсе не нужно было какихъ нибудь особенныхъ фактовъ въ самомъ поведеніи Адріана; достаточно было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде, теперь

онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить опять, и притомъ въ такое время, когда размолвка между патріархомъ и царемъ могла надѣлать еще болѣе хлопотъ, чѣмъ во времена п. Никона. Не смотря на то, что Адріанъ былъ вовсе не похожъ на Никона, грозная тѣнь этого властительнаго в. государя была постоянно въ глазахъ Петра. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался и преемникъ ему не былъ назначенъ. Управленіе церковію поручено было *мѣстоблюстителю патріаршаго престола*, рязанскому митрополиту *Стефану Яворскому*. Съ этого времени идетъ непрерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ Русской церкви.

— *Отношеніе Петра къ великорусскому духовенству.* Прежде всего всѣ важные іерархическіе посты стали замѣщаться Малороссами, которыхъ такъ еще недавно преслѣдовали въ Москвѣ при послѣднихъ патріархахъ. Великорусскимъ духовенствомъ Петръ былъ не доволенъ; оно не имѣло нужнаго для цѣлей реформы образованія и постоянно попадалось въ числѣ недовольныхъ. Попадались не одни священники и монахи, но даже архіереи, напр. *Исаія* нижегородскій, который видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и *Игнатій* тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу *Талицкому* и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ антихристъ. Большая часть іерарховъ подражали безмолвію п. Адріана; и только очень немногіе выражали свое сочувствіе Петру. Къ числу послѣднихъ относились *Аѳанасій* холмогорскій и св. *Митрофаній* воронежскій. Первый лично былъ извѣстенъ Петру своимъ образованіемъ и ласковымъ обращеніемъ съ иностранцами, пріѣзжавшими къ Архангельскому порту. Послѣдній, хотя не отличался образованіемъ, но былъ человѣкъ съ здравымъ взглядомъ на вещи; онъ прославлялъ царя за намѣреніе завести флотъ и за войну съ Турками, пожертвовалъ ему все сбереженіе отъ своихъ архіерейскихъ доходовъ (до 6000 руб.) и потомъ постоянно отсылалъ ему всѣ вновь накопившіяся домовыя деньги съ надписью: „на ратныхъ". Живя въ Воронежѣ во время строенія флота, Петръ вполнѣ оцѣнилъ достоинства почтеннаго святителя и горько оплакивалъ его кончину (1703 г.). Но и этотъ святитель въ своемъ духовномъ завѣщаніи, какъ прежде п. Іоакимъ, убѣдительно просилъ царя не оказывать благосклонности иновѣрцамъ. Извѣстно также, какъ однажды онъ не пошелъ во дворецъ, увидавъ при входѣ скульптурныя изображенія греческихъ боговъ, и услышавъ, что царь сильно за это разгнѣвался, сталъ даже готовиться къ смерти; государь снисходительно уступилъ ему и убралъ статуи. Кромѣ Митрофанія, царь получалъ большія пожертвованія отъ *Тихона* казанскаго и *Іова* новгородскаго.

— *Стефанъ Яворскій и архіереи Малороссы.* Первымъ великорусскимъ архіереемъ изъ югозападныхъ ученыхъ былъ Стефанъ Яворскій. Онъ родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ русскаго шляхетскаго семейства, учился сначала въ кіевской коллегіи, потомъ въ польскихъ школахъ у іезуитовъ, гдѣ, какъ и всѣ русскіе ученики, долженъ былъ на время отречься отъ православія; въ 1689 г. въ Кіевѣ опять присоединился къ православію, постригся въ монашество и опредѣленъ на службу при коллегіи. Въ 1700 г. м. *Варлаамъ Ясинскій* послалъ его въ Москву съ просьбой къ патріарху о посвященіи его на Переяславскую епископію, но Петръ, замѣтивъ его проповѣдническій талантъ, пожелалъ имѣть его поближе къ Москвѣ и указалъ поставить его въ Рязань прямо митрополитомъ. По старой подозрительности къ югозападнымъ ученымъ Яворскаго встрѣтили въ Москвѣ очень недружелюбно, называли еретикомъ, обливанникомъ, ляшенкомъ; поэтому онъ долго и упорно отказывался отъ великорусской каѳедры и принялъ посвященіе уже по непреклонному желанію самого царя. Къ концу года молодой митрополитъ, имѣвшій всего 42 года отъ роду, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Найдя умнаго и образованнаго архипастыря, Петръ былъ къ нему очень милостивъ, давалъ ему значительныя награды, послѣ лишенія сана Игнатія тамбовскаго далъ Стефану и Тамбовскую епархію.

Вслѣдъ за Яворскимъ на великорусскихъ каѳедрахъ стали являться и другіе архіереи—Малороссы. Послѣ смерти Игнатія тобольскаго (1701) вызванъ на его мѣсто въ митрополиты батуринскій игуменъ св. *Димитрій*; онъ впрочемъ не поѣхалъ въ Сибирь по болѣзни, а выпросилъ себѣ Ростовскую епархію, гдѣ и продолжалъ свою труженическую просвѣтительную дѣятельность. Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Яворскимъ; оба іерарха переписывались между собою и заключили условіе, чтобы тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ по смерти другаго, лично похоронилъ своего умершаго друга. Стефану пришлось выполнить эту печальную обязанность надъ Димитріемъ въ 1709 г. На тобольскую каѳедру выбранъ былъ Малороссъ *Филоѳей Лещинскій*. Въ 1707 г. открыта епархія Иркутская и первымъ епископомъ ея сдѣланъ тоже воспитанникъ кіевской коллегіи, *Варлаамъ Коссовскій*. Съ востока отъ п. Досиѳея опять послышались обличенія противъ Малороссовъ. Въ 1702 г. онъ прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни Грековъ, ни Сербовъ, ни Черкасъ (Малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ Москвитянъ, „аще и немудріи суть“. Въ концѣ 1708 г. онъ написалъ рѣзкое посланіе къ Стефану Яворскому, въ которомъ выразилъ негодованіе на недоброжела-

тельство послѣдняго къ Грекамъ, на латинское направленіе его сочиненій, на изгнаніе имъ изъ московской академіи греческаго языка, и заранѣе предварялъ его, что на востокѣ не потерпятъ, если его выберутъ въ патріархи. Но Петръ не обращалъ никакого вниманія на подобныя представленія, потому что разница между дѣятельностью кіевскихъ питомцевъ и великорусскихъ іерарховъ была слишкомъ очевидна и далеко не въ пользу послѣднихъ. Въ то время, какъ пріѣзжіе архіереи заводили школы, боролись съ расколомъ, обращали инородцевъ, помогали царю въ реформахъ, старая іерархія, воспитанная среди немногосложной жизни, гдѣ важнѣйшимъ церковнымъ вопросомъ былъ только вопросъ объ обрядовомъ благолѣпіи и церковной дисциплинѣ, не нашла въ себѣ ни подготовки, ни силъ къ новой обширной дѣятельности, какая теперь требовалась отъ нея задачами реформы. Сама она конечно вовсе не сознавала своей несостоятельности и потому сильно была обижена, видя, какъ всѣ важнѣйшія порученія и милости правительства помимо нея идутъ къ архіереямъ Черкасамъ, которые притомъ же были все люди молодые и не заслуженные.

Дѣло царевича Алексѣя. Недовольные преобразованіями всю свою надежду полагали на будущее, когда долженъ былъ воцариться царевичъ *Алексѣй*, воспитанный въ старомъ духѣ. На него же возлагало свои надежды и недовольное духовенство. Благочестивый царевичъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами стариннаго направленія и самъ выказывалъ большое нерасположеніе къ Черкасамъ. Особенно сильное вліяніе на него имѣлъ его духовникъ, *Яковъ Игнатьевъ*, человѣкъ энергичный, бывшій для царевича тѣмъ же, чѣмъ былъ Никонъ для царя Алексѣя. Будучи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Петра, Игнатьевъ употребилъ все свое вліяніе на царевича, чтобы внушить ему ненависть къ дѣламъ и къ самой личности его отца, напоминалъ Алексѣю о судьбѣ его несчастной матери Евдокіи, указывалъ на счастливую *Екатерину*, на которой царь женился вторымъ бракомъ, и порицалъ реформы Петра, какъ противныя православію. Однажды царевичъ со страхомъ признался ему на исповѣди, что желаетъ отцу смерти, и услыхалъ въ отвѣтъ: „Богъ проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти". Царевичъ всего болѣе разсчитывалъ на расположеніе духовенства, въ которомъ былъ совершенно увѣренъ, и говорилъ своимъ приближеннымъ: „Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, тогда меня и не хотя владѣтелемъ учинятъ". Къ нему былъ привязанъ самъ мѣстоблюститель, который начиналъ уже замѣтно скучать въ ожиданіи патріаршаго сана и понемногу сближался съ недовольной великорусской партіей ду-

ховенства. Въ 1712 г. онъ говорилъ проповѣдь на день Алексѣя человѣка Божія, тезоименитство царевича, и не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать въ ней очень прозрачныхъ намековъ на поведеніе царя, неодобрительно коснулся недавняго учрежденія въ Россіи фискаловъ, пустился въ обличеніе противъ оставляющихъ своихъ женъ, не хранящихъ постовъ и обидящихъ церковь и, обращаясь къ лицу царевича, называлъ его единою надеждою Россіи. Петру донесли объ этой предикѣ и онъ на время совсѣмъ запретилъ Стефану проповѣдывать. Съ этого времени друзья царевича считали Стефана своимъ и самъ Петръ сильно подозрѣвалъ его въ соучастничествѣ съ своимъ сыномъ. Когда царевичъ бѣжалъ за границу (1718 г.), царь однажды спросилъ Яворскаго, что онъ объ этомъ думаетъ. „Думаю, отвѣчалъ уклончивый Малороссъ, что онъ хочетъ поучиться за границей“. Царь быстро взглянулъ на него и сказалъ: „Если ты говоришь это въ утѣшеніе мнѣ, то хорошо; иначе слова твои Мазепины рѣчи“. Изъ-за границы Алексѣй писалъ письма къ довѣреннымъ лицамъ, Якову Игнатьеву, архіереямъ *Досиѳею* ростовскому, *Игнатію Смолѣ* крутицкому и *Іоасафу Кроковскому* кіевскому. Когда его привезли изъ-за границы въ Москву, онъ выдалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ и между прочимъ сильно повредилъ духовенству, поставивъ главной причиной своей вражды съ отцемъ „бесѣды съ попами и чернцами“. Смерть Алексѣя была для царя самой тяжелой жертвой во имя реформы; раздраженіе его во время розысковъ по дѣлу царевича напоминало страшное время стрѣлецкаго розыска. Понятно, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ виновникамъ этого дѣла, на которыхъ указалъ ему самъ царевичъ. „Когда бы не монахиня (Евдокія) и не монахи, говорилъ онъ, не дерзнулъ бы Алексѣй на такое неслыханное зло. Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“.

Дѣло царицы Евдокіи. Въ одно время съ дѣломъ царевича шло не менѣе тяжелое дѣло о его матери. По розыскамъ оказалось, что она не переставала считать себя царицей, свое невольное постриженіе считала не дѣйствительнымъ, ходила въ мірскомъ платьѣ и мечтала снова быть на престолѣ. Въ сочувствіи къ ней и къ ея сыну сознавалось множество духовныхъ лицъ, которые поминали ее царицей при богослуженіи и воздавали ей царскія почести; попались монахини Покровской обители, монахи окрестныхъ монастырей, духовникъ ея, ключарь суздальскаго собора *Ѳедоръ Пустынный*, ростовскій архіерей Досиѳей и крутицкій митрополитъ Игнатій. Ѳедоръ Пустынный, Досиѳей и еще какой-то юродивый, *Михайло Босой*, пророчили ей скорую смерть царя и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣну ея участи, ссылаясь при этомъ на свои

видѣнія и гласы отъ образовъ. Когда она пеняла Досиѳею за то, что пророчества его не сбывались, онъ увѣрялъ, что это случилось за грѣхи ея отца, и бралъ отъ нея многія дары и деньги, чтобы молиться объ ея отцѣ; черезъ годъ увѣрялъ ее, что видѣлъ ея отца выпущеннымъ изъ ада до пояса, еще черезъ годъ, — что онъ уже только по колѣна въ аду и т. д. Послѣ розыска Евдокія была заточена въ ладожскій монастырь. Сторонники ея и ея сына подверглись жестокимъ казнямъ и ссылкамъ. Казнены Яковъ Игнатьевъ, Ѳедоръ Пустынный и Досиѳей. „Только я одинъ попался, говорилъ Досиѳей на соборѣ предъ архіереями, снимавшими съ него санъ. Посмотрите, и у всѣхъ что на умѣ; извольте пустить уши и въ народъ, что въ народѣ говорятъ". Менѣе другихъ виновный, м. Игнатій назначенъ къ переводу въ Иркутскъ, но отпросился по старости на покой въ Нилову пустынь. Іоасафъ Кроковскій, вызванный изъ Кіева къ допросу, скоропостижно скончался на дорогѣ.

Вопросъ о патріаршествѣ. Оба слѣдствія имѣли рѣшительное вліяніе на отношенія Петра къ духовенству. Оказывалось, что и малороссійскіе іерархи не всѣ могутъ раздѣлять его идеи. Воспитанные на латинской мудрости, кіевскіе ученые въ своихъ понятіяхъ о правахъ духовенства и отношеніи между церковной и государственной жизнью невольно увлекались клерикальнымъ духомъ латинства, тогда какъ понятія объ этихъ предметахъ самого Петра во многомъ носили оттѣнокъ протестантскій. Съ своей государственной точки зрѣнія онъ терпѣть не могъ папства и всего, что его напоминало, и еще во время перваго своего путешествія по Европѣ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать Русскую церковь на подобіе Англиканской, объявивъ ея главою самого себя. Въ 1712 г. въ Виттенбергѣ онъ сказалъ предъ статуей Лютера: „Сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ". Свою ненависть къ папству онъ выразилъ въ шутовской пародіи на папу и конклавъ, устроивъ шутовскую коллегію кардиналовъ съ княземъ-папой во главѣ изъ самыхъ горькихъ пьяницъ и выставивъ ее на народную потѣху. Но этотъ же князь-папа, когда было нужно, превращался еще въ яузскаго и кокуйскаго патріарха. Въ то время, какъ Яворскій и другіе іерархи ждали возстановленія патріаршества, оно сближалось въ головѣ Петра съ папствомъ. Въ 1718 г., когда были учреждены, вмѣсто старинныхъ приказовъ, коллегіи, вышелъ указъ учредить и духовную коллегію. Яворскій, вмѣсто патріаршества, назначался только въ президенты этой коллегіи; но и въ этомъ скромномъ званіи ему предсто-

ло быть только номинальнымъ правителемъ церкви,—дѣйствительное вліяніе на церковную администрацію должны были получить другія лица, болѣе соотвѣтствовавшія видамъ Петра.

Θеодосій Яновскій. Въ Новгородской епархіи Петръ замѣтилъ хутынскаго архимандрита, Θеодосія Яновскаго, тоже одного изъ югозападныхъ выходцевъ. Его свободный взглядъ на религіозные предметы, умѣнье поддѣлаться къ современному духу, развязность и энергичность характера понравились царю при первой же съ нимъ встрѣчѣ. Въ 1712 г. онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Александроневскаго монастыря и сталъ самымъ довѣреннымъ лицемъ у государя. Петръ не обращалъ вниманія ни на шаткость его религіозныхъ убѣжденій, ни на его слишкомъ свѣтскую жизнь, которая производила соблазнъ въ великорусскомъ духовенствѣ, видѣлъ въ немъ только умнаго человѣка, борца противъ суевѣрій и раскола и хорошаго помощника для церковныхъ реформъ. Въ 1716 г. м. Іовъ скончался и на мѣсто его царь велѣлъ посвятить Θеодосія.

Θеофанъ Прокоповичъ. Въ томъ же 1716 г. въ Петербургѣ былъ вызванъ изъ Кіева другой, еще болѣе образованный монахъ, Θеофанъ Прокоповичъ. Еще въ кіевской коллегіи онъ отличался отъ товарищей необыкновенной даровитостью, любовью къ наукамъ, начитанностью и вмѣстѣ живымъ, симпатичнымъ характеромъ; это былъ не сухой кіевскій школяръ, который могъ бы всю жизнь услаждаться риторикой и игрой въ діалектику, а человѣкъ страстный, стремившійся пробиваться впередъ практической дѣятельностью. Изъ Кіева онъ отправился для дальнѣйшаго образованія за границу, гдѣ, разумѣется, отрекался отъ православія, учился во Львовѣ, Краковѣ и въ Римѣ. Іезуитская схоластика не переломала его головы, а сама сломалась предъ его прямымъ взглядомъ на вещи; онъ вышелъ изъ римской коллегіи съ полнымъ сознаніемъ всей пустоты схоластическихъ разглагольствій и самымъ рьянымъ врагомъ католичества. Въ 1704 г., воротясь въ Кіевъ и присоединившись снова къ православію, онъ поступилъ на службу въ кіевскую коллегію или академію, какъ она называлась съ 1701 г., и постепенно проходилъ въ ней должности учителя, префекта и ректора. Въ 1706 г. царь при посѣщеніи Кіева въ первый разъ слышалъ его привѣтственное слово и замѣтилъ его. Въ 1709 г. Прокоповичъ опять привѣтствовалъ Петра съ полтавской побѣдой; въ его панегирическомъ словѣ были прославлены побѣды Петра надъ Шведами, не забыта была и простреленная въ бою шляпа царя, вставлено ловкое сравненіе Полтавской битвы (въ день пр. Сампсона 27 іюня) съ побѣдой Сампсона надъ львомъ (гербъ Швеціи). Петръ никогда еще не слыхивалъ такой живой и современной предики; карьера Θеофана послѣ этого была упрочена. Съ 1716 г.,

вызванный въ Петербургъ, онъ постоянно говорилъ здѣсь проповѣди, въ которыхъ выяснялъ слушателямъ политическія событія и планы Петра. Въ 1718 г., во время розысковъ по дѣлу царевича Алексѣя и Евдокіи Лопухиной, когда русское духовенство уличалось въ связяхъ съ царевичемъ и Евдокіей, Ѳеофанъ говорилъ слово о власти царской съ ясными намеками на современниковъ; тутъ говорилось о богословствующихъ невѣждахъ, которые хотятъ летать, но, какъ пруги, имѣя малыя крыльца, а чревище великое, сейчасъ же падаютъ на землю, о мудрецахъ, какимъ-то бѣсомъ льстимыхъ или меланхоліею омраченныхъ, которые считаютъ грѣшнымъ, что ни увидятъ чуднаго, славнаго, веселаго, о видящихъ сонія и гласы слышащихъ, доказывалось, что и священникъ обязанъ повиноваться государю, ибо этотъ чинъ не есть иное государство. Понятно, что такой человѣкъ при Петрѣ былъ первымъ кандидатомъ на архіерейство, но понятно такъ же и то, что московская іерархія и самъ Яворскій должны были сильно мѣшать его возвышенію. При неразвитости отечественнаго богословія русскіе ученые, воспитывавшіеся по западнымъ руководствамъ, невольно увлекались или католическимъ или протестантскимъ направленіемъ. Какъ врагъ латинства, Ѳеофанъ въ своихъ воззрѣніяхъ на предметы вѣры и церковное устройство естественно долженъ былъ склоняться на сторону протестантства и въ этомъ отношеніи значительно расходился съ Яворскимъ и другими кіевскими учеными. Двое изъ нихъ, ректоръ московской академіи *Ѳеофилактъ Лопатинскій* (пріѣхавшій въ Москву еще въ 1704 г.) и префектъ *Гедеонъ Вишневскій* (вызванный въ 1714 г.), отыскали въ его богословскихъ лекціяхъ протестантскія понятія и подали на него доносъ мѣстоблюстителю, а послѣдній доложилъ объ этомъ доносѣ царю съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія, что Ѳеофанъ не можетъ быть епископомъ. Петръ предложилъ Прокоповичу самому оправдаться противъ обвиненій, и Ѳеофанъ такъ ловко успѣлъ въ этомъ, что самъ Стефанъ просилъ у него прощенія, сославшись на то, будто бы подписалъ доносъ на него, не читавши его лекцій. Въ 1718 г. Ѳеофанъ поставленъ былъ епископомъ во Псковъ и сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ церковныхъ реформахъ. Въ то время, какъ мѣстоблюститель вмѣстѣ съ великорусскими іерархами сѣтовалъ объ уничтоженіи патріаршества, Ѳеофанъ по порученію царя писалъ Регламентъ для духовной коллегіи (¹).

(¹) Сохранился разговоръ съ нимъ царя по поводу этого порученія. «Скоро ли намъ патріархъ поспѣетъ?» спросилъ шутливо Петръ. — Я донашиваю ему рясу, отвѣчалъ авторъ Регламента. «А у меня, примѣтилъ царь, а шапка для

Открытіе Синода. Въ 1721 г. 14 февраля послѣдовало торжественное открытіе духовной коллегіи, получившей наименованіе святѣйшаго и правительствующаго Синода, а черезъ два года пришло утвержденіе ея отъ восточныхъ патріарховъ. Побужденія къ устройству новой формы церковнаго управленія были указаны въ Духовномъ Регламентѣ; здѣсь говорилось, что коллегіальное правленіе, въ сравненіи съ одноличнымъ, съ одной стороны можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, менѣе можетъ стѣсняться боязнію предъ сильными лицами и, какъ соборное, имѣетъ болѣе авторитета, а съ другой стороны представляется менѣе опаснымъ для государства, ибо „простой народъ не знаетъ, чѣмъ различается власть духовная отъ самодержавной, и удивляемый славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что поборають по самомъ Богѣ“. Въ доказательство представлены указанія на византійскую исторію и исторію папства. „Да не воспомянутся, сказано въ заключеніе, подобные и у насъ бывшіе замахи“. Президентъ же коллегіи не имѣетъ на себѣ никакой, народъ удивляющей славы, не имѣетъ и особенной силы, такъ какъ его голосъ въ коллегіи равенъ съ голосами другихъ членовъ; и въ случаѣ суда надъ нимъ не нужно созывать вселенскаго собора и обращаться на сторону, такъ какъ онъ подлежитъ суду самой же коллегіи. Синодъ явился учрежденіемъ правительственнымъ, чрезъ которое внѣшнее управленіе церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи; по этому члены его давали присягу считать государя своимъ „крайнимъ судіею“ и соблюдать государственные интересы.

Составъ св. Синода. Св. Синодъ состоялъ изъ президента (Стефанъ Яворскій), двоихъ вицепризидентовъ (Θеодосій и Θеофанъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ. Въ числѣ членовъ его были представители всѣхъ классовъ духовенства — административнаго (архіереи), подчиненнаго чернаго (настоятели

него готова». Сохранился другой разсказъ объ отношеніяхъ Стефана къ Прокоповичу. По доносу перваго на дурную жизнь Θеофана царь, любившій повѣрять всѣ доносы самъ, наѣхалъ будто бы къ Θеофану въ полночь и засталъ его среди пирушки съ друзьями. Θеофанъ не смутился, запѣлъ на встрѣчу царя: «Се женихъ грядетъ въ полунощи», и провозгласилъ тостъ за его здоровье. Государю это понравилось и онъ охотно самъ присоединился къ компаніи.

монастырей) и бѣлаго (протопопы изъ епархій); для большей свободы голоса всѣхъ членовъ положено, чтобы настоятели и протопопы не выбирались въ Синодъ въ одно время съ своими архіереями. Всѣхъ сильнѣе между членами Синода были Ѳеодосій и Ѳеофанъ. Яворскій сохранялъ между ними только номинальное первенство и никакъ не могъ помириться съ новою формою церковнаго управленія; въ послѣднее время онъ совершенно примкнулъ къ архіереямъ Великоруссамъ и за одно съ ними сѣтовалъ о невозвратно минувшихъ временахъ патріаршества. Другаго президента въ Синодъ послѣ смерти Яворскаго (1722 г.) Петръ уже не назначилъ. На открывшуюся синодальную вакансію назначенъ былъ новымъ членомъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вскорѣ посвященный епископомъ въ Тверь. Между вліятельными членами іерархіи это былъ теперь единственный Кіевлянинъ, къ которому дружелюбно относились великорусскіе архіереи, одна изъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ личностей своего времени. Старшимъ между всѣми членами Синода послѣ Стефана остался Ѳеодосій Яновскій. Пользуясь довѣріемъ царя и будучи у него почти домашнимъ человѣкомъ, онъ до того развилъ свое вліяніе, что ему во всемъ старался уступать даже Ѳеофанъ, неизмѣримо превосходившій его и умомъ и широтой своей дѣятельности. Все нерасположеніе къ Черкасамъ сосредоточилось поэтому главнымъ образомъ на Ѳеодосіѣ. Своимъ недуховнымъ поведеніемъ онъ еще болѣе усиливалъ общее негодованіе великорусской іерархіи; онъ жилъ на широкую ногу, какъ знатный вельможа, заводилъ у себя роскошные столы, въ 1724 г. въ подражаніе царю устроилъ въ Москвѣ ассамблеи, на которые должны были собираться духовные сановники Москвы поочередно то у того, то у другаго. По своему безпокойному и властолюбивому характеру онъ однако не надолго могъ удержаться на своей высотѣ. Недовольный тѣмъ, что послѣ Стефана не былъ назначенъ президентомъ, потомъ урѣзываніемъ архіерейскихъ доходовъ духовными штатами, онъ сдѣлался рѣзокъ, началъ высказывать негодованіе на порабощеніе церкви свѣтскою властью, бранилъ царя и подъ конецъ царствованія Петра окончательно потерялъ его довѣріе; въ тоже время онъ попался подъ слѣдствіе по обвиненію въ расхищеніи церковныхъ вещей въ своей епархіи. Вскорѣ послѣдовавшая кончина Петра (въ началѣ 1725 г.) была поэтому для Ѳеодосія очень счастливымъ событіемъ, которое спасало его отъ серьезной опасности.

Положеніе Синода въ составѣ государственной администраціи. По своимъ правамъ св. Синодъ былъ во всемъ сравненъ съ Сенатомъ и на ряду съ нимъ непосредственно подчиненъ государю. Въ отсутствіи государя ихъ совокупныя рѣшенія получали силу рѣшеній верховной власти. Представителемъ государя, какъ

крайняго судіи духовной коллегіи, въ Синодѣ явился *оберъ-прокуроръ*; указомъ Петра велѣно было „въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ“. Оберъ-прокуроръ, названный въ его инструкціи „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“, долженъ былъ наблюдать за рѣшеніемъ дѣлъ въ Синодѣ, незаконныя рѣшенія останавливать и доносить о нихъ государю. Ему были подчинены *прокуроры* духовныхъ приказовъ и духовные *фискалы* или *инквизиторы*,—лица, разсылавшіяся для надзора за духовнымъ управленіемъ по городамъ, монастырямъ и заказамъ. При Синодѣ организовалось цѣлое фискальное управленіе въ формѣ *инквизиторскаго* приказа, во главѣ котораго стоялъ протоинквизиторъ; ему были подчинены провинціалъ-инквизиторы и фискалы.

Въ области *духовнаго управленія* Синодъ получилъ „силу и власть патріаршескую или, по выраженію Регламента, едва ли не большую, понеже соборъ“. Ему поручено смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, свидѣтельствовать чудотворныя мощи и иконы, разсматривать духовныя сочиненія, наблюдать за церковнымъ управленіемъ, избирать епископовъ, разрѣшать ихъ недоумѣнія, судить ихъ по жалобамъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи и о матеріальныхъ средствахъ церкви. Св. Синодъ наслѣдовалъ и епархіальную власть патріарха въ его епархіи.—Такъ какъ члены Синода жили большею частію въ Петербургѣ, то въ Москвѣ съ 1722 г. устроено было особое отдѣленіе Синода или *синодальная контора*, принявшая на себя завѣдованіе всѣми дѣлами бывшей патріаршей области и патріаршими приказами. Въ 1723 г. бывшій духовный приказъ патріарха былъ преобразованъ въ коллегію подъ названіемъ *дикастеріи* или *консисторіи* для управленія, подъ главнымъ вѣдомствомъ св. Синода и его конторы, епархіальными дѣлами бывшей патріаршей епархіи. Это было первое изъ коллегіальныхъ учрежденій въ епархіальномъ управленіи, извѣстныхъ послѣ подъ именемъ консисторій.

Судебное вѣдомство церкви при Петрѣ значительно сократилось чрезъ отдѣленіе отъ него многихъ дѣлъ въ свѣтское вѣдомство. Къ послѣднему отошли гражданскіе иски объ имуществахъ по ряднымъ и сговорнымъ записямъ и по духовнымъ завѣщаніямъ, также дѣла о правахъ законнаго рожденія, потомъ уголовные процессы о насильственныхъ бракахъ, насиліи женщинамъ, кровосмѣшеніи, наконецъ опредѣленіе наказаній за важнѣйшія преступленія противъ вѣры и церкви, богохульство, еретичество, волшебство и святотатство. Въ 1701 г. возстановленъ монастыр-

-скій приказъ съ правомъ суда надъ всѣми церковными крестьянами и служилыми людьми по искамъ отъ постороннихъ; церковнымъ людямъ на постороннихъ велѣно искать въ мѣстахъ, гдѣ кто вѣдомъ изъ отвѣтчиковъ. Духовныя лица подчинены суду духовной власти, кромѣ дѣлъ „тяжебныхъ, яко покупки, промыслы, торги проч.“, по которымъ они вѣдались въ разныхъ подлежащихъ коллегіяхъ, и дѣлъ уголовныхъ, особенно политическихъ, по которымъ они на ряду со всѣми вѣдались въ тайной канцеляріи и въ юстицъ-коллегіи. Въ 1721 году, когда монастырскій приказъ подчиненъ Синоду, духовному суду подчинены и мірскія лица духовнаго вѣдомства. Къ числу нововведеній въ церковномъ судѣ надобно отнести такъ же учрежденіе судебныхъ инстанцій въ порядкѣ исковъ и апелляцій.

Церковныя имущества. Реформа, направленная преимущественно къ созданію матеріальныхъ силъ Россіи, естественно должна была заняться разрѣшеніемъ стараго вопроса о церковныхъ вотчинахъ. Вслѣдствіе ломки и перестройки цѣлаго государства, огромныхъ издержекъ на заведеніе войска и флота, строеніе крѣпостей, 20-лѣтнюю войну, на заведеніе фабрикъ, путей сообщенія, школъ и разныхъ общественныхъ заведеній, народныя силы были въ страшномъ напряженіи, которое необходимо должно было привлечь къ общимъ жертвамъ и церковныя учрежденія. Требованіе, чтобы никто въ небылыхъ не былъ, доходило теперь до крайности, до пренебреженія всякимъ другимъ служеніемъ обществу, кромѣ матеріальнаго. Съ этой крайней точки зрѣнія духовное служеніе монастырей, которое такъ высоко цѣнилось въ старину, теперь казалось Петру безполезнымъ, а ихъ вотчины и доходы „тунегиблемыми“. Въ 1724 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ изложилъ мысли Петра въ „Объявленіи, когда и какой ради вины начался чинъ монашескій и каковый былъ образъ житія монаховъ древнихъ и како нынѣшнихъ исправить“. Объ этихъ „нынѣшнихъ“ здѣсь рѣзко замѣчено: „а что говорятъ — молятся, то и всѣ молятся; что же прибыль обществу отъ сего?... Большая часть бѣгутъ (въ монастыри) отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть“.

Сначала былъ усиленъ только государственный контроль надъ церковнымъ хозяйствомъ съ помощію прежняго приказа большаго дворца; какъ архіереямъ, такъ и монастырямъ запрещены были дорогія постройки и другія траты на пустую роскошь. Потомъ для управленія церковными имѣніями въ 1701 г. былъ снова возстановленъ приказъ *монастырскій*. Монастыри и архіереи послѣ этого были совершенно устранены какъ отъ управленія своими хозяйствами, такъ и отъ самостоятельнаго пользованія своими доходами. На содержаніе назначено было выдавать

ниъ изъ приказа жалованье по опредѣленному окладу, урѣзанному съ крайней экономіей, „безъ чего пробыть не возможно“. За исключеніемъ суммы на это жалованье весь остатокъ сборовъ съ церковныхъ имѣній приказъ долженъ былъ употреблять на удовлетвореніе государственныхъ и общественныхъ нуждъ, на школы и благотворительныя учрежденія. Петръ хотѣлъ вовсе уничтожить частную благотворительность, велѣлъ ловить всѣхъ нищихъ, размѣщать ихъ по работамъ или въ богадѣльни и назначилъ штрафъ за каждую подачу милостыни (отъ 5 до 10 рублей). Монастырскій приказъ побуждалъ къ заведенію богадѣленъ всѣхъ духовныхъ властей, которымъ вотчины возвращались въ собственное управленіе, а такъ же архіереевъ и приходы. Между архіереями всѣхъ болѣе отличался благотворительностію Іовъ новгородскій, котораго царь ставилъ за это въ примѣръ другимъ; до 1714 г. онъ устроилъ 10 страннопріимницъ, 15 больницъ и домъ для подкидышей. Съ своей стороны приказъ въ теченіи 20 лѣтъ успѣлъ устроить въ Москвѣ 93 богадѣльни, въ которыхъ было до 4400 нищихъ, и огромный московскій госпиталь, въ которомъ число больныхъ доходило до 500 человѣкъ. Кромѣ того въ монастыри постарому посылались на прокормленіе старые и раненые инвалиды, которыхъ теперь было особенно много вслѣдствіе шведской войны; какъ имъ самимъ, такъ и ихъ семействамъ назначались оклады денегъ и хлѣба наравнѣ съ братіей. Въ 1723 г. по случаю синодальнаго доклада, что въ монастыряхъ нѣтъ лишнихъ окладовъ и принимать солдатъ не на что, вышелъ было даже видимо гнѣвный указъ царя никого не постригать вновь и всѣ монастырскія вакансіи замѣщать солдатами, но вскорѣ это слишкомъ крутое распоряженіе было отмѣнено и явилось новое—отдѣлять для отставныхъ солдатъ часть денежной и хлѣбной дачи у монаховъ. Найдя для себя новый источникъ доходовъ въ суммахъ монастырскаго приказа, правительство стало усердно его исчерпывать и такъ часто обращалось къ нему съ требованіями то на литье пушекъ, то на расходы приказныхъ палатъ, то на содержаніе иностранныхъ посланниковъ и т. д., что въ 1720 г. на вотчинахъ однихъ подмосковныхъ монастырей образовалось до 19,000 руб. недоимки. Нечего и говорить, что всѣ старыя льготы монастырей, какія сохранялись послѣ Уложенія, должны были теперь уничтожиться; онѣ были отмѣнены еще до 1700 г. Послѣ 1700 г. казна объявила своими оброчными статьями пчельники, рыбныя ловли, соляныя варницы, мельницы, наконецъ бани; оброкъ со всѣхъ этихъ статей стало платить и духовенство. Были примѣры отписки отъ монастырей самихъ вотчинъ за недоимки и просто для раздачи разнымъ служилымъ людямъ и для приписки къ разнымъ заводамъ.

Монастырскій приказъ съ самаго начала возбудилъ противъ себя *неудовольствіе духовныхъ властей*. Въ 1707 г. Исаія нижегородскій дошелъ противъ него до открытаго протеста; за это его лишили епархіи и услали въ Кирилловъ монастырь. На приказъ жаловались даже такіе архіереи, какъ Іовъ и Димитрій, потому что дѣйствительно, заботясь болѣе всего о томъ, чтобы не поплатиться за недоимки, онъ мало заботился о поддержаніи церковныхъ учрежденій, урѣзывалъ ихъ средства до послѣдней степени. Архіерейскіе дома скудѣли годъ отъ году. Въ монастыряхъ монашескіе оклады выдавались на половину, а то и вовсе не выдавались; зданія монастырскія разваливались безъ поправки. Въ вотчинахъ отъ тяжести сборовъ число дворовъ уменьшалось годъ отъ году въ страшной прогрессіи; многіе церковные крестьяне бѣжали на Волгу, на Донъ, за рубежъ, поступали въ шайки воровъ.

На другой же годъ по учрежденіи приказа началось постепенное *возвращеніе вотчинъ духовнымъ властямъ* и продолжалось до учрежденія св. Синода. На первомъ же своемъ засѣданіи св. Синодъ сдѣлалъ докладъ государю о подчиненіи церковныхъ вотчинъ синодальному управленію, потому что „отъ гражданскихъ правителей онѣ пришли въ скудость и пустоту“. Докладъ былъ исполненъ; монастырскій приказъ перешелъ въ вѣдомство Синода и въ 1724 г. преобразовался въ хозяйственное отдѣленіе при Синодѣ подъ именемъ камеръ-конторы. Но, получивъ вотчины въ свое управленіе, архіереи и монастыри все-таки не могли распоряжаться доходами съ нихъ самостоятельно, попрежнему должны были довольствоваться опредѣленнымъ окладомъ, за тѣмъ все остальное предоставлять въ распоряженіе правительства. Въ сущности имъ было все равно, самимъ ли собирать свой окладъ съ вотчинъ или получать его отъ монастырскаго приказа,—больше положеннаго получить они не могли; а между тѣмъ должны были теперь нести лишнюю тяжесть хозяйственныхъ хлопотъ и отвѣтственности. Всѣ хозяйственныя дѣйствія ихъ подчинены строгой отчетности; велѣно подавать въ св. Синодъ ежегодные отчеты, назначены наказанія за недоимки и за начеты по сборамъ. Прежнее неудовольствіе ихъ на монастырскій приказъ теперь обратилось на св. Синодъ, который принялъ на себя и обязанности и отвѣтственность приказа. Стали толковать, что Поляки и Черкасы, сдѣлавшись членами Синода, тѣснятъ Великоруссовъ, себя богатятъ, а на другихъ копѣйки и алтыны взыскиваютъ. Между тѣмъ св. Синодъ и самъ тяготился своею отвѣтственностію по недоимкамъ, которыя правительство приписывало единственно дурному хозяйству „духовной команды“. За 1721—1722 г. недоимки возрасли до 1,224,620 руб., и правительство

распорядилось не выдавать членамъ Синода жалованья до тѣхъ поръ, пока эти деньги не будутъ уплачены сполна.

Въ *епархіальномъ управленіи* послѣ дѣла царевича Алексѣя обращено было особенное вниманіе на избраніе архіереевъ, чтобы „такихъ не наставить, писалъ Петръ Яворскому, какъ тамбовскій и ростовскій были". Кандидатовъ на епископство, для лучшаго испытанія, велѣно вызывать на чреду въ Невскій монастырь; въ Регламентѣ высказано предположеніе ставить на епископство преимущественно изъ членовъ св. Синода. Избранный кандидатъ утверждался государемъ и давалъ присягу—никого напрасно не проклинать, быть кроткимъ, не допускать бродяжничества духовныхъ лицъ, не допускать строенія лишнихъ церквей и поставленія лишнихъ священнослужителей, заботиться объ искорененіи суевѣрій и раскола, не вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Каждому архіерею вмѣнено въ обязанность знать церковные каноны; для этого Регламентъ распорядился при трапезѣ архіерея каждый день читать Кормчую. Кромѣ искорененія суевѣрій и расколовъ, особенное вниманіе архіереевъ обращено на заведеніе духовныхъ школъ. Епархіальное вѣдомство распространено на всѣхъ, живущихъ въ епархіи, и на всѣ монастыри, не исключая ставропигіальныхъ.

Возвышая и облекая своимъ довѣріемъ образованныхъ Малороссіянъ, къ великорусскимъ архіереямъ Петръ относился очень недовѣрчиво. Одинъ только *Питиримъ* нижегородскій былъ въ благоволеніи у правительства за усердную свою дѣятельность противъ раскола. Въ 1719 г. Петръ опредѣлилъ его на нижегородскую каѳедру на смѣну м. *Сильвестру*, судьба котораго можетъ служить примѣромъ того, какъ тяжело было людямъ старой іерархіи при новыхъ порядкахъ. Изъ Нижняго Сильвестръ переведенъ былъ въ Смоленскую епархію, которая до того ему не нравилась, что онъ пытался освободиться отъ нея даже подарками Ѳеодосію Яновскому, котораго терпѣть не могъ. Прошелъ годъ и его опять перевели въ Тверь, причемъ оставили за нимъ санъ митрополита, но клобукъ велѣли носить не бѣлый, а черный. Потомъ еще черезъ 2 года онъ былъ переведенъ въ Рязань на мѣсто Яворскаго уже въ званіи простаго епископа. Подобные знаки своего опальнаго положенія Великоруссы приписывали обыкновенно кознямъ партіи Малороссіянъ. Понятно, почему Регламентъ такъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ архіереи, каковы бы они ни были саномъ, повиновались св. Синоду; и самъ св. Синодъ постоянно долженъ былъ напоминать имъ свое значеніе и посылать выговоры за умаленіе синодальной чести. Заслуженнымъ и престарѣлымъ архіепископамъ и митрополитамъ казалось обиднымъ подчиняться молодымъ Черкасамъ, которые

стали выше ихъ, какъ члены Синода, и притомъ были заподозрѣны ими въ неправославіи. Послѣ упраздненія патріаршества Петръ перестал раздавать архіереямъ санъ митрополита; бѣлый клобукъ замѣненъ былъ чернымъ; кромѣ того всѣ архіереи получили право при служеніи облачаться въ саккосъ, бывшій прежде отличіемъ однихъ митрополитовъ и архіепископовъ. Ослабляя вящую „народъ удивляющую славу“, Регламентъ требовалъ, чтобы архіереевъ, пока они здравы, не водили подъ руки и чтобы подчиненные не кланялись имъ въ землю и не воздавали имъ „лишней и почитай царской чести“. Здѣсь же запрещалось епископамъ до этого слишкомъ частое и произвольное употребленіе страшнаго оружія святительской клятвы; великое отлученіе отъ церкви дозволялось налагать только съ предварительнаго доклада св. Синоду и самому государю. Въ видахъ контроля надъ епархіальнымъ управленіемъ оно было подчинено надзору фискаловъ; кромѣ того архіереи обязывались дважды въ годъ подавать Синоду отчеты о состояніи епархій.— Для лучшаго наблюденія за епархіальной паствой приходскіе священники обязывались подавать архіереямъ ежегодныя росписи объ исповѣдовавшихся и причащавшихся и метрическія книги о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ. Попрежнему архіереямъ вмѣнено въ обязанность объѣзжать епархіи, но при этомъ велѣно щадить духовенство въ кормахъ и подводахъ, ѣздить лѣтомъ, когда припасы дешевле, на одномъ мѣстѣ долго не жить, гостей во время объѣзда епархій принимать на свой счетъ, а не на счетъ духовенства, смотрѣть за своей свитой, чтобы она не дѣлала поборовъ и, „какъ Татарове, на расхищеніе не устремлялась“.

Органы епархіальной власти остались тѣже. Но архіерейскіе приказы у архіереевъ Малороссовъ стали теперь преобразовываться на манеръ коллегій; въ Регламентѣ этимъ коллегіямъ дано право управлять епархіей въ отсутствіе или во время болѣзни архіереевъ и непосредственно сноситься съ Синодомъ; такимъ образомъ они начали отдѣляться отъ личности самихъ архіереевъ и организоваться въ самостоятельныя присутственныя мѣста, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались духовныя консисторіи. Въ штатѣ архіерейскихъ домовъ при Петрѣ произошло значительное сокращеніе. Послѣ отписки многихъ дѣлъ изъ духовнаго вѣдомства въ гражданское многіе мірскіе служилые люди архіереевъ оказались лишними. Съ 1701 г. начался ихъ разборъ; однихъ брали въ военную службу, другіе—не шляхетскаго рода—записываемы были въ подушный окладъ; на службѣ при архіерейскихъ домахъ осталось только небольшое число служилыхъ дворянъ, подчиненныхъ общимъ законамъ о дворянахъ, и необходимыхъ домовыхъ служителей.

Монашествующее духовенство. Церковныя преобразованія коснулись и состоянія духовенства, какъ монашествующаго, такъ и бѣлаго. Взглядъ Петра на монашество, выраженный еще при учрежденіи монастырскаго приказа и потомъ подробно развитый въ „Объявленіи“ 1724 года, проходитъ по всему его законодательству о монастыряхъ. Цѣня главнымъ образомъ одно матеріальное служеніе обществу и раздраженный тѣми подметными письмами противъ реформы, которыя изъ монастырскихъ келлій распространялись въ народѣ, онъ смотрѣлъ на монаховъ, какъ на людей, которые „поядаютъ чуждые труды“ и отъ которыхъ кромѣ того являются „забобоны, ереси и суевѣрія“. Припоминая изъ византійской исторіи, какъ Византія въ послѣднее время своего существованія содержала около себя до 300 монастырей и не могла набрать 6000 солдатъ для своей защиты отъ Турковъ, объявленіе о монашествѣ замѣчаетъ, что „Господь еще не лишилъ такъ благодати Своей русскихъ царей, какъ греческихъ, въ неразсмотрѣніи сего излишества“. Вслѣдствіе такихъ понятій первою заботою Петра было сокращеніе числа монастырей и монаховъ. Регламентъ опредѣлилъ не строить новыхъ монастырей безъ разрѣшенія св. Синода и государя, малые монастыри сводить въ одинъ, а ихъ церкви обращать въ приходскія; св. Синоду вмѣнено въ обязанность искоренять старинное вѣрованіе, будто безъ постриженія, по крайней мѣрѣ передъ смертью, нельзя спастись. Монастырскому приказу поручено было составить монастырскіе штаты. Относительно постриженія въ монашество принято общимъ правиломъ—наличнаго числа монашествующихъ не увеличивать и постригать только на убылыя мѣста. Съ теченіемъ времени и то число монашествующихъ, какое найдено при переписи монастырей, стало уменьшаться; вмѣсто убылыхъ монаховъ въ монастыряхъ помѣщались больные, нищіе, сумасшедшіе и солдаты. Въ 1723 г., какъ мы видѣли, вышелъ было указъ вовсе не постригать монаховъ и на убылыя мѣста, но скоро былъ отмѣненъ, обнаруживъ только одно чрезвычайное стремленіе правительства къ умаленію монашескаго чина.—Переходъ монаховъ изъ одного монастыря въ другой строго воспрещенъ. Архіереи въ своей присягѣ обѣщались никакъ не допускать скитальчества монаховъ; священники обязывались ловить бродячихъ монашествующихъ по приходамъ и представлять въ архіерейскій приказъ; для поимки ихъ назначались еще разсыльные изъ монастырскаго приказа и сыщики отъ гражданскихъ и военныхъ начальствъ.—Въ настоятели монастырей предположено назначать людей только извѣстныхъ правительству, преимущественно изъ Невскаго монастыря. Каждый настоятель давалъ присягу, что не будетъ держать у себя въ монастырѣ затворниковъ и ханжей и способствовать распространенію суе-

вѣрій. Нѣсколько разъ издавался указъ, запрещавшій монахамъ держать въ кельяхъ чернила и бумагу и писать что нибудь безъ вѣдома настоятеля. Сообщеніе монаховъ съ міромъ по возможности пресѣкалось; монахъ, даже съ дозволенія настоятеля, могъ отлучаться изъ монастыря не болѣе четырехъ разъ въ годъ; гостей долженъ былъ принимать только при свидѣтеляхъ, назначенныхъ отъ настоятеля. Для поддержанія правилъ общежитія монахи лишены права дѣлать духовныя завѣщанія. Чтобы монастыри не „поядали чуждые труды“, какъ выражался Петръ, онъ старался призвать ихъ къ какому нибудь роду общественнаго служенія. Останавливаясь на этой мысли, „Объявленіе“ о монашествѣ разсуждаетъ, что монашество существуетъ: 1) для удовлетворенія наклонности нѣкоторыхъ людей къ религіозному уединенію, и 2) для приготовленія избранныхъ монаховъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ. Для послѣдней цѣли предполагалось устроить при монастыряхъ ученыя братства и школы. Неученымъ же монахамъ предполагалось давать разныя работы, столярную, иконописную и др., а монахинь заставлять прясть, вышивать, плести кружева. Кромѣ того монастыри назначались къ благотворительному служенію обществу, обращались въ богадѣльни, больницы и воспитательные дома.

Бѣлое духовенство требовало еще болѣе попеченій, чѣмъ монашествующее; реформа застала его въ самомъ жалкомъ положеніи. Священники, по словамъ публициста Петровскаго времени, крестьянина Посошкова, были „ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ пойдетъ съ мужиками овины сушить; гдѣ было обѣдню служить, а попъ пойдетъ съ причетниками хлѣбъ молотить, а паства духовная остается въ сторонѣ“. Матеріальныя средства духовенства такъ были плохи, что Посошковъ дивится: „Чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть... Иной пресвитеръ возложитъ на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанные и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ“. Матеріальному состоянію соотвѣтствовало нравственное. Регламентъ велѣлъ наблюдать за священниками, чтобы они не шумѣли пьяные по улицамъ, не ссорились помужичьи на обѣдахъ: не являли силы и храбрости къ питію, не пили по кабакамъ и не ложились спать на улицахъ. . . . .

Для улучшенія матеріальныхъ средствъ духовенства правительство предприняло сокращеніе числа церквей и ихъ причтовъ. Въ архіерейскую присягу включено обѣщаніе не строить лишнихъ церквей и не посвящать лишнихъ ставлениковъ. Для построенія новой

церкви требовалось предварительное разрѣшеніе высшей духовной власти и самого государя, при чемъ обращалось вниманіе на число дворовъ, отводимыхъ къ новой церкви, на достаточность ея средствъ и на разстояніе ея отъ сосѣднихъ церквей. Домовыя церкви велѣно закрывать, кромѣ церквей царской фамиліи и знатныхъ престарѣлыхъ особъ. При поставленіи ставлениковъ между прочимъ обращалось вниманіе на то, нуженъ ли при церкви новый членъ клира и есть ли у прихода средства его содержать. Въ ставленическихъ прошеніяхъ объ опредѣленіи на мѣсто велѣно обозначать количество земли или руги при церкви съ заручнымъ обѣщаніемъ ставленика, что онъ будетъ этою дачею доволенъ. По штату приходскихъ церквей (1722 г.) на 100—150 дворовъ прихода дозволено ставить одного священника, на 200—250 двоихъ, дьяконовъ въ малые приходы не ставить, причетниковъ назначать по два на каждаго священника. Переходъ отъ церкви къ церкви запрещенъ, „кромѣ самой великой нужды"; въ исполненіи этого запрещенія архіереи клялись въ своей присягѣ, а ставленики давали подписку при поставленіи. Бродячихъ поповъ велѣно ловить, какъ и бродячихъ монаховъ; за требоисправленіе у бродячаго попа назначены тяжелые штрафы, напр. 10 руб. за исповѣдь. Крестцовыхъ поповъ велѣно разобрать, ученыхъ пристраивать въ учители къ духовнымъ школамъ, а неученыхъ опредѣлять въ викарные священники по приходамъ. Указомъ 1724 г. священнослужителямъ, добровольно слагавшимъ съ себя санъ, предоставлена широкая свобода въ выборѣ рода жизни и службы, дозволено приписываться въ купечество, мѣщанство, поступать на гражданскую службу и въ учители дух. школъ. Занявшись уменьшеніемъ числа духовенства, Петръ въ первый разъ обратилъ вниманіе на многочисленный классъ духовныхъ дѣтей. Съ 1708 г. неграматныхъ поповичей велѣно забирать въ солдаты. Съ началомъ ревизіи всѣхъ лишнихъ церковнослужителей и духовныхъ дѣтей, не учившихся въ школахъ и не имѣвшихъ опредѣленной церковной или гражданской службы, велѣно записывать въ подушный окладъ, а уклонявшихся отъ записи ссылать на галеры. Кромѣ этихъ распоряженій о сокращеніи числа духовенства, для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія причтовъ Регламентъ предполагалъ назначить каждогодный обязательный взносъ съ прихожанъ („подать священству и причетникомъ церкви своей"), чтобы „священство отъ симоніи и безстуднаго нахальства отвратить, дабы впредь не домогалися платежу за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе и проч." Но это предположеніе не было осуществлено; только въ раскольническихъ приходахъ, гдѣ вовсе не было дохода отъ прихожанъ, причту велѣно брать по гривнѣ съ каждой души въ годъ, да по гривнѣ

съ каждаго рожденія, погребенія и брака. Вопросъ объ улучшеніи содержанія духовенства такъ и остался нерѣшеннымъ. При Петрѣ уменьшилось даже и то благосостояніе какимъ оно пользовалось прежде. Такъ еще съ 1698 г. всѣмъ ружнымъ церквамъ, у которыхъ были угодья и приходскіе дворы, прекращена была казенная руга, а тѣмъ, у которыхъ вовсе не было ни прихода, ни угодій, эту ругу велѣно выдавать на половину. Кромѣ того самыя угодья церквей, мельницы, рыбныя ловли, постоялые дворы и пчельники, объявлены оброчными статьями казны. Старое архіерейское тягло сдѣлалось для духовенства тяжелѣе прежняго, потому что попало теперь въ вѣдомство сборщиковъ монастырскаго приказа. Кромѣ старыхъ платежей, явились еще новые, которые должно было нести духовенство въ пользу школъ и богадѣленъ и на жалованье вновь явившемуся военному духовенству; явился новый государственный сборъ съ священнослужителей вмѣсто личной военной службы, именно сборъ драгунскихъ лошадей, по одной лошади съ каждыхъ 150 дворовъ прихода, и особый сборъ съ причетниковъ, въ замѣнъ той же службы, извѣстный подъ именемъ козловскаго оклада; явились новыя повинности—караульная по улицамъ, пожарная и др. Земскіе камериры и комиссары иногда требовали съ духовенства даже такихъ платежей, которымъ оно вовсе и не подлежало, напр. на канальное дѣло, городовое строеніе, кирпичное дѣло, известковое зженіе и т. п. Всѣ эти сборы производились съ духовенства, какъ и съ крестьянъ, посредствомъ жестокихъ правежей, съ большими запросами и взятками.—Нищенство духовенства не уменьшалось, если не возрасло еще болѣе; не уменьшались и его результаты, противъ которыхъ такъ энергично возставали указы: вымогательство за требы, истязованіе платы за сорокоусты, „будто пошлины за смерть“, служеніе по найму съ крестцовъ, упадокъ нравственности и униженіе въ обществѣ.

Напрасно законодательство старалось оградить духовное лице отъ обидъ разныхъ сильныхъ людей и прихожанъ распоряженіями о штрафахъ съ обидчиковъ, о запечатаніи за эти обиды приходской церкви и даже объ анаѳемѣ за нихъ отъ св. Синода. Духовенство попрежнему во всемъ зависѣло отъ прихода, по прежнему повторялись и давнишнія явленія оскорбленій духовному чину. Случалось, что помѣщикъ побьетъ своего попа „дубиной мученически“, нагрянетъ въ его домъ съ ватагой челяди, надѣлаетъ пьяныхъ скандаловъ съ его семьей; архіерей заступится за попа, пошлетъ помѣщику повѣстку явиться въ духовный приказъ, а помѣщикъ повѣстку изорветъ, посланнымъ архіерея пригрозитъ палками, если еще явятся съ тѣмъ же. Какой нибудь воевода, незаконно командуя надъ духовенствомъ, еще пригрозитъ;

чтобы Синодомъ никто не смѣлъ отговариваться.—Между тѣмъ, съ большимъ опредѣленіемъ сословныхъ началъ, духовный чинъ еще болѣе замкнулся въ себѣ. Приходскіе выборы членовъ клира подвергались все большимъ и большимъ ограниченіямъ; изъ дворянъ дозволено посвящать однихъ младшихъ сыновей дворянскихъ фамилій, изъ крестьянъ только въ случаѣ крайней необходимости, по недостатку кандидатовъ изъ духовенства; кромѣ того, обучившихся въ школахъ велѣно ставить на мѣста и безъ приходскихъ выборовъ. Были законы, гдѣ прямо говорилось о *наслѣдственности* духовнаго званія; напр. духовнымъ лицамъ велѣно отдавать своихъ дѣтей въ школу, чтобы послѣдніе могли быть наслѣдниками отцовскихъ мѣстъ; если для вакантнаго мѣста при церкви не было дѣтей у членовъ мѣстнаго причта, велѣно обращаться за кандидатами къ причтамъ другихъ церквей. Мы видѣли, что еще въ XVII в. церковныя мѣста обращались въ какую-то родовую собственность, переходили по наслѣдству или за неимѣніемъ наслѣдниковъ продавались чужимъ вмѣстѣ съ хоромнымъ строеніемъ и хозяйствомъ священно-и-церковнослужителей. Для устраненія этого Петръ распорядился, чтобы члены причта жили въ домахъ церковныхъ; частные ихъ дома на церковной землѣ велѣно купить въ церковную собственность. Но за недостаткомъ денегъ у церквей это распоряженіе не приведено въ исполненіе.—Народному значенію духовенства много вредило еще то, что оно было притянуто къ общей тогда системѣ полицейскихъ доносовъ, обязано было доносить о распространителяхъ суевѣрій и расколовъ, о замыслахъ противъ правительства и словахъ, касающихся чести государя, даже въ томъ случаѣ, если узнавало объ нихъ на исповѣди.

Распространеніе христіанства. Въ отношеніяхъ государства къ религіи реформа провозгласила *принципъ свободы вѣроисповѣданій*, бывшій тогда въ большой модѣ на западѣ. „Совѣсти человѣческой, писалъ Петръ въ указѣ 1702 г., приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому на его отвѣтственность пещися о спасеніи души своей“. Эта мысль о вѣротерпимости въ началѣ царствованія Петра была приложена и къ инородческой миссіи, для которой единственными средствами были признаны проповѣдь и убѣжденіе. Отправляясь на Сибирскую епархію, Филоѳей Лещинскій получилъ наказъ крестить инородцевъ только волею, крещеныхъ не освобождать ни отъ ясака, какъ въ старину, ни отъ наказаній за преступленія, какія они совершили и которыя думаютъ покрыть крещеніемъ. Но потомъ, вслѣдствіе крайняго недостатка въ проповѣдникахъ, правительство снова должно было воротиться къ старымъ мѣрамъ. Въ 1713 и 1715 гг. вышли указы отписывать у некрещеныхъ помѣщиковъ крещеныхъ

крѣпостныхъ людей. Съ 1720 г. крестившимся инородцамъ стали давать трехлѣтнюю льготу отъ податей и свободу отъ рекрутства. При этомъ впрочемъ не ослабѣвала мысль о большемъ развитіи и духовныхъ средствъ для христіанской миссіи. Въ 1721 г. св. Синодъ предлагалъ казанскому и вятскому архіереямъ устроить школы для новокрещеныхъ инородческихъ дѣтей.

Обращеніе инородцевъ Казанскаго края. Однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей въ обращеніи инородцевъ былъ митрополитъ казанскій *Тихонъ*. Въ первое же время своего святительства съ 1701 по 1705 г. онъ обратилъ, съ помощію ключаря *Θеодора*, до 3680 инородцевъ. Въ 1707 г., еще раньше проектовъ объ инородческихъ школахъ, въ Казани была уже открыта школа, въ которой училось 32 ученика изъ инородцевъ. Черезъ два года, за недостаткомъ средствъ къ содержанію и вслѣдствіе смертности, открывшейся между ея учениками, она была закрыта; послѣ этого Тихонъ сталъ обучать новокрещенскихъ дѣтей въ своей духовной школѣ, открытой въ 1723 г. для обученія дѣтей духовенства. Послѣ ключаря Θеодора главнымъ помощникомъ его сдѣлался іеромонахъ *Алексѣй Раивскій*. Съ 1719 по 1724 г. всѣхъ обратившихся инородцевъ въ Казанской епархіи было до 3200 душъ, преимущественно изъ язычниковъ; мухаммедане оказались упорнѣе въ своей вѣрѣ.—Въ сосѣдней Вятской епархіи епископъ *Алексѣй* успѣлъ склонить къ христіанству нѣсколько Вотяковъ. Въ Вяткѣ тоже была устроена инородческая школа, но вѣроятно тоже скоро закрылась, по крайней мѣрѣ о дальнѣйшей судьбѣ ея ничего неизвѣстно.

Между Калмыками христіанство начало распространяться еще въ концѣ XVII в. Въ 1700 г. новокрещеные жили уже особымъ и довольно большимъ селеніемъ на р. Терецкѣ. Ханъ *Аюка* разорилъ это селеніе, а жителей его отвелъ въ свои улусы. Калмыки однако и послѣ этого не переставали креститься и переходить на сторону Русскихъ. Аюка очень сердился за пріемъ его подданныхъ; 1710 г., когда на р. Донъ къ Русскимъ перешло до 10,000 Калмыковъ, онъ потребовалъ немедленнаго ихъ возвращенія. Русское правительство дѣйствительно возвратило ему нѣсколько некрещеныхъ Калмыковъ, но крещеныхъ не возвращало, продолжало принимать ихъ и послѣ этого; ихъ обыкновенно отсылали на жительство или въ Кіевъ, или въ Чугуевъ въ число казаковъ. Однимъ изъ сильныхъ препятствій къ распространенію христіанства на востокѣ были башкирскія возстанія, которыя поддерживали въ мухаммеданскомъ населеніи восточнаго края мысль объ освобожденіи отъ русскаго владычества. — Въ 1724 г. св. Синодъ отправилъ въ калмыцкіе улусы миссію, во главѣ которой стоялъ іеромонахъ *Никодимъ Ленкевичъ*. Внукъ Аюки († 1722 г.),

Тайшинъ, кочевавшій около Астрахани, своимъ обращеніемъ подалъ сильный примѣръ своимъ единоплеменникамъ. Его воспріемникомъ былъ самъ Петръ. Никодимъ послѣ этого крестилъ весьма многихъ людей Тайшиновой орды. Чтобы избавить новокрещенныхъ отъ гоненія и соблазновъ со стороны некрещенныхъ, правительство переселяло ихъ въ Чугуевъ, Царицынъ и Астрахань.

Въ Сибири обращеніе инородцевъ особенно успѣшно пошло съ прибытія туда *Филоѳея Лещинскаго*. Его епархія до сихъ поръ еще находилась во мракѣ язычества и мухаммеданства, на 30,000 квадр. миляхъ своего пространства имѣла всего 160 православныхъ церквей. Съ помощью нѣсколькихъ ученыхъ иноковъ изъ Кіева Филоѳей началъ усердно подвизаться на поприщѣ миссіи, разъѣзжая по своей епархіи изъ конца въ конецъ. Онъ отправлялъ проповѣдниковъ даже къ пограничнымъ съ Сибирью Монголамъ и старался обратить въ христіанству самого калмыцкаго кутухту (первосвященника). Въ 1711 г. тяжкая болѣзнь на время прекратила его дѣятельность; онъ отказался отъ каѳедры и принялъ схиму съ именемъ *Ѳеодора*. На его мѣсто поступилъ изъ Чернигова архіепископъ *Іоаннъ Максимовичъ*, тоже показавшій большую ревность въ миссіонерскому дѣлу. Въ 1712 г. Ѳеодоръ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни и, не стѣсняемый больше дѣлами епархіальными, всецѣло посвятилъ себя дѣлу миссіи. При содѣйствіи Максимовича и губернатора Гагарина онъ началъ дѣлать неутомимые разъѣзды изъ своего тюменскаго монастыря по Иртышу, Турѣ, Кондѣ, Оби, около Пелыми и Березова, повсюду цѣлыми сотнями крестилъ Татаръ, Остяковъ, и Вогуловъ и строилъ церкви. Въ 1715 г. сатыгинскіе Вогулы едва было его не убили, собравшись въ числѣ 600 человѣкъ, но страхъ предъ правительствомъ и кроткія убѣжденія святителя произвели то, что эта грозная толпа приняла крещеніе. Въ томъ же году, по смерти Іоанна Максимовича, онъ опять принялъ Сибирскую митрополію въ свое управленіе и управлялъ ею до пріѣзда новаго святителя *Антонія Стаховскаго* (тоже изъ Малороссовъ). Въ 1716 г. его миссіонеры обратили Татаръ на р. Чулыми и множество инородцевъ на р. Томи. Въ 1718—1719 гг. Ѳеодоръ опять поѣхалъ проповѣдовать христіанство и на этотъ разъ проникъ далеко на востокъ, ѣздилъ по Ангарѣ и Тунгузкѣ, два раза былъ за Байкаломъ. До 1721 г., когда онъ снова удалился въ монастырь, онъ успѣлъ обратить ко Христу до 40,000 инородцевъ, нѣкоторыхъ обучилъ грамотѣ и закону Божію и образовалъ изъ нихъ весьма полезныхъ миссіонеровъ. Недостатокъ хорошихъ священниковъ былъ самымъ сильнымъ препятствіемъ къ насажденію св. вѣры между инородцами, такъ что дѣло обращенія послѣднихъ большею частію должно было ограничиваться однимъ только ихъ креще-

ніемъ безъ надлежащаго наставленія въ вѣрѣ. И тѣ немногіе священники, которые шли на службу въ Сибирь, были далеко не изъ лучшихъ людей между духовенствомъ, страдали корыстолюбіемъ, слишкомъ много полагались на гражданскую власть и этимъ часто вооружали противъ себя дикарей.—Еще менѣе средствъ имѣла христіанская миссія на далекомъ сибирскомъ востокѣ, между Якутами береговъ Лены, которые стали креститься съ 1724 г. Къ нимъ изрѣдка только наѣзжали священники изъ Якутска, чтобы совершить нужныя требы. Иркутская епархія, открытая для восточной сибири въ 1707 г., съ 1714 г. оставалась безъ архіерея до 1727 г. А между тѣмъ ревность сибирскихъ митрополитовъ въ распространенію вѣры простерлась даже на отдаленную Камчатку. Въ 1705 г. Филоѳей послалъ туда для проповѣди архимандрита *Мартиніана*. Послѣ его смерти († 1718 г.) въ Камчатку ѣздили для проповѣди якутскіе монахи. Наконецъ въ 1723 г. м. Антоній послалъ туда священника *Ермолая Иванова*, который и оставался единственнымъ священникомъ на всемъ полуостровѣ до 1743 г.

Святитель Филоѳей заботился и о плѣнныхъ христіанахъ *въ Пекинѣ*, въ 1711 г. посылалъ къ нимъ свою учительную грамату и возбудилъ въ нихъ желаніе испросить у китайскаго правительства дозволеніе вызвать въ Пекинъ православнаго священника. Съ согласія богдыхана, въ 1715 г. изъ Тобольска отправилась въ Пекинъ первая русская миссія,—архимандритъ *Иларіонъ Лежайскій*, іеромонахъ, іеродьяконъ, 3 причетника и 4 служителя. Богдыханъ принялъ ихъ ласково, далъ имъ квартиры, содержаніе и чины мандариновъ. Они служили въ каменной церкви при русской ротѣ. Въ 1721 г. рѣшено было отправить въ Пекинъ епископа; назначенъ св. *Иннокентій Кульчицкій*, который прежде былъ вызванъ изъ Кіева (1710 г.) въ учители московской академіи, а потомъ былъ оберъ-іеромонахомъ флота. Но по проискамъ іезуитовъ богдыханъ не дозволилъ ему ѣхать въ Китай; Иннокентій поэтому остался въ Селенгинскомъ монастырѣ, гдѣ и жилъ до 1727 г., когда сдѣланъ былъ епископомъ иркутскимъ.

На противоположномъ концѣ Руси, *при Балтійскомъ морѣ*, во время шведской войны Россія не только возвратила себѣ старые земли, уступленныя Швеціи по Столбовскому миру, но сдѣлала еще новыя пріобрѣтенія. На устьѣ Невы основалась новая столица Русской имперіи, въ которую по окончаніи войны перенесены были изъ Владиміра мощи Александра Невскаго (положены въ Невскомъ монастырѣ). Съ основаніемъ Петербурга и завоеваніемъ Выборга началось покореніе Финляндіи и возстановленіе православной вѣры по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ она была до владычества

Швецiи. Въ 1708 г. возстановлена Корельская епархiя. Въ 1718 г. возобновлены обители Валаамская и Коневская; въ первую возвращены мощи Сергiя и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, доселѣ хранившiяся въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. По Ништадтскому миру въ Россiи присоединены Лифляндiя и Эстляндiя, гдѣ послѣ долгаго протестантскаго владычества оставались уже едва замѣтные слѣды древняго православiя. Въ Ревелѣ для стоявшихъ тамъ войскъ устроены двѣ церкви.

Состоянiе православiя въ Польшѣ. Война съ Карломъ XII въ союзѣ съ Польшей заставила Петра обратить серьезное вниманiе на облегченiе участи православныхъ въ польскихъ владѣнiяхъ. Съ того времени, какъ Россiя по мирному договору съ Польшей 1686 г. получила право ходатайствовать за православныхъ жителей польскихъ владѣнiй, оттуда постоянно приходили жалобы на притѣсненiя за православiе. Въ 1705 г., въ бытность свою въ Полоцкѣ, Петръ на опытѣ узналъ справедливость этихъ жалобъ, самъ подвергнувшись жестокому оскорбленiю отъ унiатовъ. Въ одномъ унiатскомъ монастырѣ монахи не пустили его въ алтарь, какъ схизматика; онъ снесъ эту обиду терпѣливо. Потомъ онъ увидалъ въ монастырской церкви одинъ образъ, отличавшiйся особеннымъ украшенiемъ, и спросилъ, чей онъ. Монахи отвѣчали: „Священномученика Iосафата (Кунцевича), котораго ваши единовѣрцы, еретики и богоотступники, убили". Тутъ Петръ уже не выдержалъ и велѣлъ схватить дерзкихъ фанатиковъ. Но они не дались въ руки царской свиты и вступили съ ней въ драку. Произошла свалка, въ которой 4 монаха были смертельно ранены; одного монаха, отличавшагося особеннымъ фанатизмомъ, царь велѣлъ повѣсить.

Петръ не однократно дѣлалъ представленiя въ защиту православiя и королю и сейму. Король *Августъ*, находившiй въ Петрѣ главную поддержку для себя противъ своего соперника *Станислава Лещинскаго* (короля, избраннаго Карломъ XII), не могъ оставлять этихъ представленiй безъ вниманiя. Но въ такомъ государствѣ, какъ Рѣчь Посполитая, гдѣ каждый шляхтичъ могъ безнаказанно дозволять себѣ всякое своеволiе, ничего не значили ни распоряженiя короля, ни даже постановленiя сейма. Тогдашнее влiянiе Россiи на дѣла Польши только раздражало Поляковъ и заставляло ихъ еще недоброжелательнѣе относиться къ православнымъ. Гоненiя на православiе сильно разрѣдили тогда ряды православной iерархiи. Епископы перемышльскiй, львовскiй и полоцкiй перешли въ унiю, такъ что у православныхъ осталось всего только два епископа: луцкiй *Кириллъ Шумлянскiй* и могилевскiй *Сильвестръ Четвертинскiй*; но первый изъ нихъ въ 1711 г. былъ изгнанъ изъ своей епархiи и жилъ въ Кiевѣ, а

второй, хотя и держался на мѣстѣ, но постоянно терпѣлъ всякаго рода обиды, подвергался даже опасности быть убитымъ. Отъ него одна за другой шли къ царю жалобы на горькую участь православныхъ, на утѣсненіе, какого не терпѣли даже Татары и Жиды. Дѣйствительно, Татары и Евреи въ Рѣчи Посполитой пользовались полной свободой богослуженія, могли строить и возобновлять свои молитвенные домы, между тѣмъ какъ православнымъ строго запрещалась всякая починка церквей; ихъ религіозныя процессіи, наприм. похоронныя, постоянно подвергались уличнымъ оскорбленіямъ. На сеймѣ 1717 г. явился проектъ совершеннаго истребленія православной и даже уніатской вѣры въ Польшѣ, при чемъ предполагалось преслѣдовать православныхъ и уніатовъ всѣми возможными способами, презрѣніемъ, обвиненіями въ преступленіяхъ, клеветами, отнятіемъ у дворянства всякихъ должностей, у духовенства—матеріальныхъ средствъ, у всѣхъ вообще — всякихъ средствъ къ образованію, развитіемъ жидовской аренды надъ церквами и т. п. Уніатское духовенство и народъ успѣли уже достаточно отупѣть и обезсилѣть еще въ XVII в., такъ что теперь можно было сдѣлать рѣшительный шагъ къ сліянію *уніи съ католичествомъ* и такимъ образомъ выполнить мысль, которая была у іезуитовъ еще при самомъ учрежденіи уніи. Замойскій уніатскій соборъ 1720 г. распорядился издать новые служебники, въ которыхъ многія службы были измѣнены на католическій ладъ, а въ символѣ вѣры прибавлено латинское „и отъ Сына„. Съ этого же времени въ церквахъ уніатскихъ стали выводиться изъ употребленія иконостасы, между духовенствомъ вводилось бритье бороды и платье католическихъ монаховъ и ксёндзовъ. Православіе подвергалось, разумѣется, еще большей опасности, чѣмъ унія. Въ 1718 г. Петру подана была жалоба отъ всѣхъ православныхъ монастырей Литвы и Бѣлоруссіи, въ которой говорилось, что, если царь имъ не поможетъ, то православіе будетъ совершенно уничтожено въ Польшѣ. Въ 1720 г. сильнымъ меморіаломъ Петръ заставилъ короля Августа выдать православнымъ привиллегію съ подтвержденіемъ всѣхъ правъ православнаго населенія. Но ни эта привиллегія, ни новыя представленія сейму русскаго посла, ни усердная дѣятельность назначеннаго для защиты православія особаго русскаго комиссара въ Бѣлоруссіи, *Игнатія Рудановскаго*, не имѣли никакихъ результатовъ. Въ 1722 г. канцлеръ кн. Вишневецкій праздновалъ въ Пинскѣ свадьбу двухъ дочерей; когда всѣ гости подгуляли, на нихъ нашла ревность къ уніи. Самъ хозяинъ, нѣсколько магнатовъ и луцкій уніатскій епископъ *Рутѣевскій*, съ множествомъ шляхты, гусаровъ и гайдуковъ, сѣли на коней, разбили три православныхъ монастыря и объявили ихъ уніатскими, кромѣ того объявили за уніей

всѣ церкви въ окрестности со всѣми прихожанами числомъ до 20,000 человѣкъ. Отъ русскаго правительства по этому поводу пришло такое грозное представленіе, что даже папскій нунцій почелъ нужнымъ разослать грамату съ запрещеніемъ безпорядковъ, которые могутъ быть вредны для католичества въ Россіи. Петръ дѣйствительно заявилъ римскому двору, что самъ воздвигнетъ у себя гоненіе на католичество, а королю пригрозилъ разрывомъ. Крупныя насилія православнымъ дѣйствительно прекратились, но такія, которыя считались мелкими и на которыя въ Польшѣ не обращали никакого вниманія, остались, напр., то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ отнимали у православныхъ церковь, разбивали процессію, какой нибудь шляхтичъ или панъ, приводя въ унію попа, билъ его, держалъ въ тюрьмѣ, рубилъ ему пальцы или, прицѣпивъ его за шею къ лошадиному хвосту, заставлялъ мили три бѣжать за лошадью.

Отношеніе православія къ католичеству. Всѣ такія явленія естественно должны были усиливать и безъ того уже сильную антипатію Петра къ католичеству. До гоненія противъ католиковъ, которымъ онъ угрожалъ Риму, дѣло впрочемъ не доходило: вѣрный провозглашенному въ 1702 г. принципу свободы вѣроисповѣданій, Петръ дозволялъ католикамъ строить въ Россіи храмы и держать при нихъ духовенство, не терпѣлъ только іезуитовъ; послѣ перваго изгнанія ихъ изъ Россіи въ 1689 г. они опять подвергнулись изгнанію въ 1719 г. Обманывая себя терпимостію царя, богословы парижской Сорбонны возымѣли даже мысль начать дѣло о соединеніи церквей и во время посѣщенія царемъ Сорбонны въ 1717 г. подали ему объ этомъ предметѣ записку; въ 1718 г. на эту записку посланъ былъ изъ Россіи отвѣтъ, сочиненный Ѳеофаномъ, сущность котораго состояла въ томъ, что въ рѣшеніи такого важнаго вопроса должна участвовать не одна Русская, но вся вселенская церковь. Въ 1723 г. вышло распоряженіе — католикамъ, живущимъ въ Россіи, избирать себѣ духовныхъ лицъ преимущественно изъ Французовъ; Галликанской церкви Петръ оказалъ такимъ образомъ предпочтеніе за ея либеральное отношеніе къ папѣ.

Отношеніе къ протестантству. Къ протестантамъ Петръ относился всегда благосклонно; всѣ окружавшіе его иностранцы были протестанты, а не католики. Со стороны протестантства въ 1717 г. тоже открылась попытка къ соединенію съ православною церковью. Англиканскіе епископы сдѣлали письменное предложеніе о такомъ соединеніи сначала восточнымъ патріархамъ. Блюстители восточнаго православія отвѣчали имъ пространнымъ изложеніемъ незыблемыхъ истинъ православія, на основаніи которыхъ англиканскіе христіане могутъ быть приняты въ общеніе

съ церковію, а п. Досиѳей написалъ 18 членовъ православнаго исповѣданія съ опроверженіемъ всѣхъ главныхъ пунктовъ протестантства, опираясь главнымъ образомъ на Православное Исповѣданіе П. Могилы. Послѣ этого англиканскіе епископы вошли въ сношеніе о томъ же предметѣ съ русскимъ Синодомъ и прислали въ Россію свое возраженіе на отвѣты патріарховъ. Узнавъ объ этомъ, патріархи въ 1723 г. прислали въ Россію окружное посланіе съ исповѣданіемъ п. Досиѳея, умоляя всѣхъ православныхъ непоколебимо держаться отеческой вѣры. Попытка Англиканской церкви, какъ и Римской, кончилась безуспѣшно. Въ 1718 г. Русская церковь оказала снисходительность къ лютеранамъ и кальвинистамъ, издавъ соборное опредѣленіе о присоединеніи ихъ къ православію безъ перекрещиванія, чрезъ одно мvропомазаніе. Въ 1721 г. св. Синодъ въ первый разъ издалъ разрѣшеніе православнымъ вступать въ бракъ съ неправославными, которымъ преимущественно воспользовались тоже протестанты, жившіе въ Россіи, но дѣтей отъ такихъ браковъ велѣно крестить въ православіе. Совращеніе православныхъ строго преслѣдовалось

Вліяніе иностранцевъ. Не смотря на запрещеніе иновѣрцамъ всякой пропаганды, чрезвычайный наплывъ ихъ въ Россію не могъ обойтись безъ вліянія на религіозность русскихъ людей. Старинное смѣшеніе народныхъ обычаевъ и житейской обстановки съ вѣрою оказывалось теперь особенно вредно для православія среди множества нововведеній съ запада. Реформа стремилась восполнить русскую религіозную исключительность мірской образованностью запада; но, отрекаясь отъ одной исключительности, юное общество на первыхъ порахъ невольно впадало въ другую противуположную исключительность пренебреженія къ вѣрѣ, религіознаго вольнодумства. Въ должныхъ границахъ умѣренности общество не удержалось и на западѣ, гдѣ въ это время тоже шла горячая ломка средневѣковаго теократическаго быта и гдѣ тоже слишкомъ перегнули дугу въ противную сторону, стали ломать самую твердыню вѣры, а западное общество обладало еще болѣе крѣпкой цивилизаціей, чѣмъ русское. Насмѣшки протестантовъ надъ церковною внѣшностію тѣмъ сильнѣе дѣйствовали во вредъ православію, что до сихъ поръ русское общество страдало религіознымъ невѣжествомъ, допускало въ своихъ вѣрованіяхъ множество суевѣрій, которыя падали при первой встрѣчѣ съ цивилизаціей, но, падая, роняли съ собой и самыя православныя убѣжденія, наконецъ смѣшивало сущность вѣры съ формой, страдало обрядовымъ направленіемъ религіозности, которое само по себѣ уже близко граничило съ холоднымъ, хотя и безсознательнымъ, невѣріемъ. Само законодательство временъ Петра не чуждо было нѣкоторой

доли легкаго отношенія къ священнымъ предметамъ; въ своемъ гоненіи противъ суевѣрій и ханжества оно иногда слишкомъ не разборчиво касалось и чисто православныхъ вѣрованій. Самого царя обвиняли въ еретичествѣ, наприм. за то, что онъ не соблюдалъ постовъ, хотя онъ и оградился въ этомъ случаѣ разрѣшительной граматой константинопольскаго патріарха. Но Петръ, по самому положенію своему, долженъ былъ удерживаться отъ излишнихъ проявленій свободомыслія, долженъ былъ сдерживать и другихъ. Однажды онъ прибилъ своей знаменитой дубинкой Татищева, допустившаго какую-то вольность на счетъ преданій церкви, приговаривая при этомъ: „Не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго общественному благоустройству; не за тѣмъ я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви". На развитіе вольнодумства и протестантскихъ идей жаловался еще п. Адріанъ, потомъ жаловались Аѳанасій холмогорскій, Дмитрій ростовскій, Іовъ новгородскій, Стефанъ Яворскій и др.

Московскіе еретики. Въ 1713 г. началось замѣчательное дѣло о московскихъ еретикахъ. Во главѣ ихъ стоялъ лекарь *Димитрій Тверитиновъ*, учившійся медицинѣ въ нѣмецкой слободѣ Познакомясь съ Нѣмцами, онъ скоро увлекся многими протестантскими вѣрованіями и сдѣлался ревностнымъ ихъ проповѣдникомъ. Если наприм. больной просилъ у него лекарства отъ глазной или зубной боли, онъ со смѣхомъ совѣтовалъ ему сдѣлать серебряный глазокъ или зубокъ къ образу Ипатія или Антипія чудотворца; увидѣвъ постную пищу, начиналъ бранить посты; въ переднемъ углу его дома вмѣсто иконъ висѣлъ листъ, на которомъ изображены были двѣ первыя заповѣди. Свое ученіе онъ изложилъ въ особыхъ тетрадкахъ, которыя содержали въ себѣ своды текстовъ св. Писанія по рубрикамъ на ту или другую мысль съ заглавіями, наприм. „о идолѣхъ языческихъ"— противъ иконъ, „о тлѣніи человѣческаго естества"— противъ чествованія мощей и т. п. Тетрадки эти онъ давалъ читать разнымъ людямъ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ Лютерова катихизиса. Ученіе его впрочемъ не было чисто протестантскимъ, а составляло смѣсь протестантскихъ идей съ его собственными домыслами. Онъ не принялъ самаго основнаго догмата протестантовъ—объ оправданіи вѣрою, напротивъ доказывалъ, что человѣкъ спасается единственно по своимъ дѣламъ и заслугамъ; но выводы, какіе онъ дѣлалъ изъ этой мысли, столь несогласной съ протестантствомъ, были очень близки къ ученію послѣдняго. На основаніи ея онъ отвергалъ всякое посредничество между человѣкомъ и Богомъ, кромѣ посредничества единаго Ходатая, отрицалъ ходатайство ангеловъ, Богоматери и святыхъ и самое почитаніе ихъ, отвергалъ все зна-

ченіе церкви съ ея іерархіею, преданіями, соборами, отцами, говоря: „я де самъ церковь, во Христѣ всѣ цари и іереи“, всю силу поминовенія умершихъ, іерейскаго разрѣшенія въ таинствѣ покаянія, силу всѣхъ другихъ таинствъ, подъ крещеніемъ разумѣлъ только крещеніе Духомъ, а не водою отъ попа, въ евхаристіи видѣлъ одно воспоминаніе о жертвѣ Спасителя и не признавалъ пресуществленія даровъ. Борьба противъ народныхъ суевѣрій и крайностей обрядовой религіозности повела его къ новымъ отрицаніямъ въ протестантскомъ духѣ: издѣваясь надъ народными толками о разныхъ явленіяхъ, пророчествахъ, ложныхъ чудесахъ, надъ суевѣрнымъ чествованіемъ святынь, упованіемъ на внѣшность религіи, онъ сталъ совершенно отвергать всѣ чудеса, обряды, почитаніе иконъ и мощей, посты, монашество и пр. Всѣ эти мнѣнія оказались весьма близко подходившими подъ настроеніе многихъ людей реформы. Въ теченіи 10 лѣтъ около Тверитинова составился значительный кружокъ единомышленниковъ, изъ которыхъ самымъ рьянымъ явился его родня цирюльникъ *Ѳома Ивановъ*. Въ 1713 г. еретики подверглись розыску духовнаго начальства при содѣйствіи преображенскаго приказа и были уличены множествомъ свидѣтелей. Но государь не захотѣлъ поднимать объ нихъ серьезнаго дѣла и подвергать ихъ наказанію; удовольствовавшись однимъ отреченіемъ ихъ отъ еретическихъ мнѣній, онъ поручилъ Стефану присоединить ихъ къ церкви безъ дальней проволочки и потушить все дѣло. Ревностный мѣстоблюститель былъ этимъ недоволенъ; заключивъ важнѣйшихъ еретиковъ въ разные монастыри, онъ началъ новое слѣдствіе объ ереси, собралъ противъ еретиковъ новыя показанія, захватилъ тетради Тверитинова и поставилъ еретичество подсудимыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. Особенно сильно повредилъ своимъ товарищамъ Ѳома Ивановъ, находившійся на покаяніи въ Чудовомъ монастырѣ; церковное наказаніе привело его въ такое раздраженіе, что однажды онъ пришелъ въ церковь и разсѣкъ косаремъ образъ св. Алексія чудотворца. Въ 1714 г. московскій соборъ предалъ еретиковъ проклятію и отдалъ ихъ гражданскому суду. Они были разосланы по монастырямъ, а Ѳома Ивановъ сожженъ на кострѣ. Петръ былъ очень недоволенъ ревностію Стефана и даже сдѣлалъ ему обидный выговоръ черезъ Сенатъ. По поводу ереси Стефанъ написалъ большое сочиненіе въ опроверженіе протестантовъ—„Камень вѣры“, но государь не одобрилъ этого труда къ печати, находя его не благовременнымъ и обиднымъ для жившихъ въ Россіи иностранцевъ.

Недовольство реформами старинныхъ людей. Строгость правительства обращена была не на протестантскія ереси, а на домашнія произрастенія народной религіозности, расколы и суевѣ-

рія, которыя всего болѣе вредили дѣлу реформы. Всѣ нововведенія Петра истолковывались въ народѣ съ обычной религіозной точки зрѣнія, какъ отступленіе отъ вѣры. Когда стремленія правительства выяснились, когда для удовлетворенія цѣлямъ реформы всѣ народныя силы приведены были въ страшное напряженіе и вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе стали усиливаться строгія мѣры противъ непокорныхъ крутой волѣ царя, старинные люди стали толковать, что царь не настоящій царь, а подмѣненный, Нѣмецъ, отъ того и вводитъ нѣмецкую вѣру и нѣмецкіе обычаи. Потомъ не остановились и на этомъ объясненіи его поведенія;— тяжести времени и крутой переходъ отъ стараго къ новому возбуждали уже знакомое намъ мистическое настроеніе мыслей, знакомый бредъ объ антихристѣ и послѣднемъ времени. Въ 1700 г. сожженъ былъ книгописецъ *Григорій Талицкій*, который одинъ изъ первыхъ уяснилъ въ своихъ тетрадяхъ страшную мысль, что настало царство антихриста и что Петръ именно и есть самый антихристъ. Талицкій умеръ на кострѣ, но мысль его не умерла вмѣстѣ съ нимъ и начала быстро распространяться въ темной массѣ народа. Эту мысль развивали на всѣ лады и священникъ, у котораго отобрали пчельникъ и требовали небывалыхъ прежде сборовъ, и бродячій старецъ, котораго ловила полиція, и крестьянинъ, которому приходилось не въ мочь отъ тягостей новаго тягла, и сынъ боярскій, изнуренный службой, и вдова стрѣльчиха послѣ колесованнаго мужа, и нищій, которому не велѣно было просить милостыни,—всѣ, кого только коснулись новые порядки. Были фанатики, которые сами лѣзли на казни, чтобы побороться съ антихристовою прелестью, поносили царя на площадяхъ, на улицахъ, въ церквахъ. Другіе распространяли свои фанатическія мысли чрезъ подметныя письма, которыхъ являлось такъ много, что правительство, сначала усердно ловившее и разыскивавшее ихъ авторовъ, наконецъ (1715 г.) распорядилось жечь ихъ, не читая.

Усиленіе раскола. Среди такого настроенія народныхъ массъ была богатая почва для сѣянія раскольническихъ заблужденій. Мысль о воцареніи антихриста была развита среди раскольниковъ до такой степени ясности и несомнѣнности, что въ сѣверномъ краѣ жители цѣлыми селеніями уходили въ лѣса и, сколотивъ себѣ гробы, ложились въ нихъ ждать втораго пришествія Христова; другіе зажигали костры и гибли на нихъ добровольною мученическою смертью. Всѣ дѣйствія Петра раскольники толковали примѣнительно къ разнымъ сказаніямъ о признакахъ антихриста; его побѣды приписывали бѣсовской силѣ, предсказывали, что онъ воцарится и въ Царѣградѣ, и въ Римѣ, и въ Іерусалимѣ, и что на немъ вѣкъ сей скончается; въ титулѣ императора (читали іпера-

торъ) находили число 666; толковали, что по учрежденіи Синода онъ принялъ на себя власть не только царскую, но и святительскую и Божію, сталъ искоренять остатокъ православія, составилъ многіе регламенты, учинилъ народное описаніе, изсчисляя живыхъ и мертвыхъ, дабы никто не могъ укрыться отъ руки его. Находились изувѣры, которые шли на самыя дерзкія предпріятія, наприм. въ 1720 г. одинъ раскольникъ въ Москвѣ бросился съ дубиной на архіерея во время крестнаго хода, ударилъ нѣсколько разъ по иконѣ, которую несли въ ходу, а на допросахъ показалъ, что убилъ бы самого царя, еслибы онъ тутъ случился; въ 1722 г. другой раскольникъ проникъ въ самый дворецъ и только выпавшій у него изъ руки ножъ обнаружилъ его намѣреніе и предостерегъ царя.

Отношеніе Петра къ расколу. Подобныя явленія естественно должны были вызывать со стороны Петра самыя жестокія мѣры противъ раскольниковъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить въ его время совершенно новой черты въ отношеніяхъ государства къ расколу: во всѣхъ указахъ противъ раскольниковъ, въ полицейскихъ и судебныхъ розыскахъ, въ объявленіяхъ преступленій казнимыхъ изувѣровъ причиною преслѣдованій раскола вездѣ выставляется не религіозная его виновность, какъ прежде, а только его противугосударственный характеръ. Собирая всѣ русскія силы на общую работу, Петръ видѣлъ, какъ не выгодно для себя поступало доселѣ государство, объявляя расколъ недозволенной сектой и отказываясь чрезъ это отъ множества служилыхъ и тяглыхъ силъ, которыя стали прятаться отъ него въ лѣсахъ и уходить за границу. Когда царю донесли, что на р. Выгѣ живетъ много раскольниковъ, онъ только сказалъ: „пускай живутъ", и не велѣлъ ихъ трогать. Въ другое время, услышавъ хорошій отзывъ о какихъ-то купцахъ раскольникахъ онъ замѣтилъ: „Если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огнь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть, - ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ". Раскольникамъ въ первый разъ теперь дано было право гражданства съ обязательствомъ нести для государства службу и платежи.

Прежде всего гражданскою свободою воспользовались благоустроенныя раскольническія общежитія—*Выговское* и *Стародубское.* Учители поморцевъ, *Даніилъ Викуловъ,* особенно братья *Андрей* и *Семенъ Денисовы* дали своимъ Выгорѣцкимъ скитамъ образцовое устройство, упорядочили вѣрованія Выговцевъ, ослабили въ нихъ духъ раскольническаго фанатизма, основали школы для обученія чтенію, пѣнію и иконописанію, собрали богатую библіотеку и сдѣлали свои скиты центромъ своеобразнаго расколь-

-ническаго просвѣщенія; въ то же время Выговцы завели у себя обширное хлѣбопашество, торговлю и промыслы, имѣли суда, пристани, угодья, заводы и проявили замѣчательную хозяйственную дѣятельность, которую Петръ поощрялъ во всѣхъ своихъ подданныхъ. Въ 1705 г. правительство приписало скиты къ олонецкимъ желѣзнымъ заводамъ, предоставивъ имъ за службу на заводахъ полную свободу вѣры и независимость отъ всѣхъ мѣстныхъ начальствъ, кромѣ заводскаго. Начальникъ заводовъ *Геннингъ* съ этихъ поръ постоянно заступался за Выговцевъ, спасая ихъ отъ преслѣдованія со стороны архіерейскихъ чиновниковъ.— Стародубскія слободы раскольниковъ, оказавшія правительству услуги во время шведской войны, царь велѣлъ переписать на себя, утвердилъ за ними ихъ земли, промыслы и торги и далъ амнестію всѣмъ бѣглецамъ, которые въ нихъ скрывались.—Въ 1714 г. дарованіе гражданскихъ правъ простерлось на всѣхъ раскольниковъ; ихъ велѣно было переписать по всему государству и обложить *двойнымъ подушнымъ окладомъ*. Многіе съ радостію записывались въ этотъ окладъ, который долженъ былъ оплачивать ихъ древлее благочестіе, и сдѣлались полезными членами государства; но другіе упорно отказывались отъ него и употребляли всѣ возможныя уловки, чтобы только не быть записанными въ антихристовы книги, прибѣгали для этого къ подкупамъ, притворству, бѣжали въ Сибирь, въ лѣсные скиты и за границу. Противъ такихъ *тайныхъ* раскольниковъ, отрицавшихся отъ государства, употреблялись самыя строгія мѣры, ничѣмъ не мягче тѣхъ, которыя въ XVII в. существовали противъ всего раскола вообще. Въ наказаніе за утайку раскольниковъ назначена политическая смерть и анаѳема св. Синода. Къ разыскиванію потаенныхъ изувѣровъ, особенно расколоучителей, призваны были всѣ начальства, духовенство и всѣ обыватели. Въ двойной окладъ велѣно писать даже всѣхъ тѣхъ, которые держались только одного двоеперстія, „не взирая ни на что", какъ сказано въ указѣ. Священники обязывались наблюдать въ приходахъ, кто уклоняется отъ богослуженія, и подавать ежегодно росписи объ исповѣдовавшихся и причащавшихся. Уклонявшихся отъ богослуженія и таинствъ велѣно приводить къ присягѣ, при чемъ они должны были проклинать всѣ раскольническіе толки; не желавшихъ присягать велѣно писать въ двойной окладъ. Въ предотвращеніе утайки раскольниковъ со стороны священниковъ, послѣдніе обязывались исповѣдывать умирающихъ наединѣ, а причащать непремѣнно при свидѣтеляхъ. Раскольническіе скиты, гдѣ особенно много жило потаенныхъ раскольниковъ, подвергались обыскамъ; тайные скиты велѣно отыскивать и раззорять. Въ послѣдніе годы правленія Петръ сдѣлался гораздо строже къ раскольникамъ. И прежде

онъ преслѣдовалъ ихъ своей жосткой сатирой въ указахъ, потѣшныхъ процессіяхъ и маскарадахъ; въ 1722 г. онъ выдумалъ для нихъ особое смѣшное платье, для мущинъ—зипунъ съ стоячимъ краснымъ козыремъ, для женщинъ—опашни и шапки съ рогами. Не велѣно было возводить ихъ ни въ какія начальственныя должности, брать въ свидѣтели на судѣ и принимать у нихъ челобитныхъ; наконецъ имъ запрещено переселяться съ мѣстъ, гдѣ они были записаны на жительствѣ по переписи.

Духовныя мѣры противъ раскола. Однимъ изъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ обращенія раскольниковъ явился св. Димитрій ростовскій, который при самомъ пріѣздѣ своемъ на епархію встрѣченъ былъ вопросами о бритьѣ бороды, за которую многіе изъявляли готовность пожертвовать головою. „Голова не отростетъ, когда ее снимутъ, отвѣчалъ святитель, а борода отростетъ, такъ уже лучше пожертвовать бородою". Онъ часто боролся съ расколомъ въ своихъ поученіяхъ и написалъ противъ него сочиненіе „Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ" и капитальное изслѣдованіе о главныхъ раскольническихъ сектахъ подъ именемъ „Розыска о брынской вѣрѣ". Другимъ знаменитымъ дѣятелемъ противъ раскола былъ Питиримъ нижегородскій, который самъ былъ прежде раскольникомъ. Послѣ своего обращенія онъ лѣтъ 12 служилъ строителемъ переяславльскаго монастыря и обратилъ множество раскольниковъ въ Юрьевецкомъ и Балахнинскомъ уѣздахъ. Въ 1716 г. онъ послалъ въ керженскіе поповщинскіе скиты 130 вопросовъ, на которые раскольники тоже отвѣчали вопросами (числомъ 240), но отвѣтовъ на вопросы Питирима не присылали, уклоняясь отъ состязанія съ нимъ изъ боязни посрамленія. Послѣ неоднократныхъ требованій съ его стороны эти отвѣты присланы были къ нему уже въ 1719 г., когда онъ сдѣлался нижегородскимъ епископомъ; за недостаткомъ на Керженцѣ ученыхъ людей они написаны были поморскимъ безпоповщинскимъ учителемъ Андреемъ Денисовымъ. Въ селѣ Пафнутовѣ наконецъ состоялся обмѣнъ этихъ отвѣтовъ на отвѣты Питирима и знаменитое собесѣдованіе его съ учителями Керженцевъ, *Варсонофіемъ* и дьякономъ *Александромъ*, въ присутствіи многочисленной толпы раскольниковъ, кончившееся присоединеніемъ расколоучителей къ православію; Александръ однако скоро опять отступилъ отъ церкви и былъ казненъ, какъ оскорбитель власти и обманщикъ. Отвѣты Питирима были напечатаны подъ именемъ „Пращицы". Въ 1727 г. ревностный борецъ противъ раскола доносилъ о своихъ трудахъ, что съ 1718 по 1724 г. имъ обращено къ православію болѣе 68,000 раскольниковъ. – Св. Синодъ съ своей стороны издавалъ увѣщательныя посланія къ раскольникамъ, отвращая ихъ отъ произвольнаго мученичества и приглашая безбоязненно являться въ Синодъ для

собесѣдованій. Въ 1722 г. онъ отправилъ въ Поморье ученика Питиримова іеромонаха *Неофита*, который тоже предложилъ поморцамъ вопросы, числомъ 106. Денисовы написали противъ нихъ свои „Поморскіе отвѣты". Въ расколѣ ничего еще не являлось выше этого сочиненія и двухъ другихъ произведеній братьевъ Денисовыхъ: „Исторіи о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ" и „Винограда Россійскаго". Миссія Неофита имѣла мало успѣха, потому что встрѣтила въ Денисовыхъ сильныхъ и вліятельныхъ противниковъ съ которыми нельзя было и сравнивать невѣжественныхъ противниковъ Питирима.

Хлысты. Въ началѣ XVIII в. обратила на себя вниманіе хлыстовская или христовщинская ересь. Св. Димитрій писалъ о лжехристѣ Сусловѣ въ своемъ Розыскѣ. По смерти Суслова (1716) христомъ сдѣлался *Прокопій Лупкинъ*, одинъ изъ стрѣльцовъ, сосланный въ Нижній. Онъ распространялъ свое ученіе сначала въ Нижегородской, Костромской и Владимірской губерніяхъ, потомъ поселился въ Москвѣ вмѣстѣ съ женой *Акулиной*, которую выдалъ за богородицу. Въ 1716 г. еретики попали подъ судъ; но Лупкинъ какъ-то успѣлъ освободиться отъ суда и спокойно жилъ въ Москвѣ до самой смерти († 1732 г.), продолжая распространять ересь.

Борьба съ суевѣріями надѣлала правительству еще больше хлопотъ, чѣмъ борьба съ расколомъ, потому что суевѣріе, по словамъ Регламента, было зло общее, обрѣталось не въ нѣкоторыхъ, а во всѣхъ людяхъ. Народная масса вовсе не была затронута современнымъ образованіемъ и находилась въ прежнемъ состояніи религіознаго невѣжества. Толпы народа собирались со страхомъ около поддѣльныхъ плачущихъ иконъ и слушали пророчества ложныхъ пророковъ, въ числѣ которыхъ попадались даже такія лица, какъ Досиѳей ростовскій. По Россія ходили странствующіе Греки съ ложными святынями, однажды въ отсутствіе Петра успѣли сбыть за 1000 рублей кусокъ несгараемаго полотна, выданнаго ими за ризу Богоматери, самой царицѣ. Петръ при всякомъ удобномъ случаѣ старался обнаруживать подобные обманы публично, однажды самъ лично открылъ при народѣ поддѣлку въ дскѣ одной плачущей иконы. Всѣ власти и духовенство были призваны имъ къ преслѣдованію юродивыхъ, пророковъ, колдуновъ, кликушъ и другихъ распространителей суевѣрій. Кликушъ велѣно пытать до тѣхъ поръ, пока сознаются въ обманѣ. За разглашеніе чудесъ и видѣній назначено тѣлесное наказаніе и ссылка на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей. Для колдуновъ, явныхъ хулителей имени Божія, распространителей вредныхъ государству суевѣрій назначена смертная казнь; Грековъ, странствовавшихъ безъ патріаршихъ грамать, не велѣно пропускать въ

Россію, какъ „безвѣрниковъ и попрошаекъ". Сохранилась одна записка Петра, въ которой находится краткое толкованіе заповѣдей; грѣхъ лицемѣрія и ханжества подводится здѣсь подъ всѣ заповѣди, ставится тяжелѣе всѣхъ грѣховъ, потому что ханжи и обманщики, вымышляющіе чудеса и пророчества, лгутъ на Бога, губятъ народъ, подвигая его на бунты и подводя подъ казни, крадутъ не только рукой, но и духомъ и т. д. Дух. Регламентъ возложилъ на св. Синодъ обязанность подвергать строгому изслѣдованію сказанія о святыхъ, мощи и чудотворныя иконы, всякія чудеса, ложнымъ употребленіемъ которыхъ отъ иновѣрныхъ на православіе наводится нареканіе, выводить суевѣрные обычаи, въ родѣ обычаевъ не дѣлать въ пятокъ, поститься 12 пятницъ, и непотребныя церемоніи, какъ наприм. слышится, что въ стародубскомъ полку въ церковномъ ходѣ водятъ жонку простоволосую подъ именемъ Пятницы, въ другомъ мѣстѣ попы молебствуютъ съ народомъ подъ дубомъ и проч. По мысли царя св. Синодъ дѣйствительно издалъ нѣсколько распоряженій противъ суевѣрій; въ одномъ указѣ возсталъ противъ обычая обливать водой проспавшихъ пасхальную заутреню, объясняя, что это обычай языческій въ честь Купала; въ другомъ указѣ возставалъ противъ суевѣрнаго чествованія артоса и богоявленской воды. Въ 1723 г. въ Синодѣ освидѣтельствованы были какія-то мощи, взятыя изъ частнаго дома, и оказались простою слоновою костью: тогда царь велѣлъ написать объ нихъ объявленіе для общаго свѣденія и положить ихъ на храненіе въ синодальную кунсткамеру.

Новыя понятія о религіозности. Подъ вліяніемъ порицанія отъ иновѣрныхъ, на которое часто ссылаются указы, гоненіе противъ суевѣрій нерѣдко доходило до крайностей, смѣшивало съ суевѣріемъ иногда и добрыя проявленія благочестія. Въ разныхъ мѣстахъ велѣно раззорять часовни, отъ иконъ снимать оклады и привѣсы, запрещались публичныя хожденія по улицамъ съ образами и св. водой, отмѣнены нѣкоторые крестные ходы. Образованное общество какъ будто стыдилось теперь своей прежней простодушной религіозности и старалось ее спрятать. Св. Синодъ долженъ былъ заняться очищеніемъ церковной службы отъ лишнихъ обрядовъ, которые, хотя не вредны сами по себѣ, но не установлены церковію и могутъ напрасно отягощать совѣсть человѣческую. Правительство обратило вниманіе на иконописаніе, которое особенно часто подвергалось насмѣшкамъ иноземцевъ, и въ 1707 г. учредило цѣлый приказъ для надзора за иконописцами; во главѣ этого приказа поставленъ художникъ *Зарудный* съ званіемъ суперъ-интендента изуграфствъ исправленія. Св. Синодъ издалъ увѣщаніе, въ которомъ доказывалось, что въ богатыхъ ризахъ на иконы, равно какъ въ дорогихъ подсвѣчникахъ и лам-

падахъ, славѣ Божіей и благочестію приплода никакого нѣтъ и гораздо лучше давать деньги на содержаніе богоугодныхъ заведеній. Обрядовое направленіе религіозности подверглось теперь сильнымъ обличеніямъ и порицаніямъ. „Я мню, писалъ Посошковъ, что и на Москвѣ едва сотый человѣкъ знаетъ, что то есть христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, или какъ Ему молиться... Не обрѣтается въ насъ ни знака христіанскаго, кромѣ того, что только мы имянемъ словемъ христіане, а почему и что за сила въ томъ названіи, не знаемъ же". Онъ проектировалъ написать для народа краткія книжки съ катихизическимъ содержаніемъ, въ которыхъ изъяснить, „какъ Бога знать и какъ Его чтить и молить, и какъ пресв. Богородицу, ангеловъ Господнихъ и святыхъ чтить и молить, и какъ образы ихъ почитать, и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять" и проч. Петръ тоже писалъ въ указахъ, что народъ не знаетъ ни вѣры, ни надежды, ни любви, все углованіе кладетъ на пѣніе церковное, постъ, поклоны, строеніе церквей, свѣчи и ладонъ, и не однократно поручалъ Синоду сочинить краткія книжки и поученія съ изложеніемъ сущности вѣры и съ точнымъ при этомъ различеніемъ существеннаго въ православіи отъ несущественнаго, вѣры отъ обрядовъ, неизмѣннаго отъ измѣняемаго, чтобы всѣ знали, что въ каковой силѣ имѣть. Въ 1722 г. онъ велѣлъ по всѣмъ епархіямъ разослать Букварь Ѳеофана, въ которомъ кратко изложено было толкованіе догматовъ, заповѣдей и блаженствъ, и читать его въ церквахъ вмѣсто уставныхъ поученій. Въ тѣхъ же видахъ религіознаго обученія народа царь поощрялъ церковное проповѣдничество, переводы религіозныхъ книгъ, даже лютеранскихъ и кальвинскихъ катихизисовъ и предпринялъ важное дѣло распространенія въ народѣ Библіи.

Заведеніе духовныхъ школъ. Съ вопросомъ объ исправленіи народной религіозности неразрывно связывался вопросъ о народномъ религіозномъ образованіи. Но прежде всего нужно было позаботиться объ образованіи самого духовенства, о которомъ встрѣчаемъ самые дурные отзывы. Посошковъ наприм. жалуется, что многіе священники не знали, что значитъ самое слово — „вѣра". Св. Димитрій ростовскій разсказываетъ, что во время своихъ объѣздовъ по епархіи онъ встрѣчалъ такихъ священниковъ, которые не знали даже общаго порядка библейской исторіи, думали наприм., что прор. Илія жилъ послѣ І. Христа, что онъ умертвилъ жрецовъ Ваала тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ ап. Петръ отсѣкъ прежде ухо Малху и т. п. Послѣ изгнанія изъ Москвы Малороссовъ русская церковь вовсе лишилась образовательныхъ средствъ; московская академія послѣ Лихудовъ была въ запустѣніи, а потому за образованіемъ опять пришлось обратиться къ кіевской колле-

гіи, которая была пока единственной въ Россіи школой, правильно и прочно устроенной. Петръ былъ очень къ ней милостивъ, въ 1701 г. далъ ей наименованіе академіи и вызывалъ ея воспитанниковъ для занятія важнѣйшихъ церковныхъ должностей въ Россіи.

Съ 1700 г. начала подниматься и московская академія, ректоромъ которой еще при п. Адріанѣ сдѣлался воротившійся изъ-за границы ученикъ Лихудовъ *Палладій Роговскій*. Со времени мѣстоблюстительства Стефана началось преобразованіе ея по образцу кіевской; изъ Кіева пересажано въ нее латинское образованіе, вызваны преподаватели, перенесены школьные порядки, раздѣленіе классовъ, составъ курса, школьныя должности ректора, префекта, сеньоровъ, авдиторовъ и нотаторовъ и пр., диспуты, экзамены, школьное проповѣдничество, даже средства для развлеченія учениковъ, - рекреаціи, пѣніе виршей, представленіе мистерій. Съ того же времени по разнымъ мѣстамъ стали заводиться и другія школы. Раньше всѣхъ заведена въ 1700 г. славяно латинская школа въ Черниговѣ, потомъ въ 1701 г.—въ Ростовѣ; тогда же открыта архіерейская школа въ Тобольскѣ; въ 1706 г. Іовъ новгородскій, вызвалъ къ себѣ Лихудовъ и съ помощію ихъ завелъ при своемъ домѣ греко-славянское, а потомъ и латинское училища; наконецъ около 1714 г. явилась славяно-латинская школа въ Смоленскѣ. Правительство начало строго требовать, чтобы на церковныя мѣста поставлялись непремѣнно учившіеся въ школахъ, за поставленіе безграматнаго священника назначило для архіереевъ лишеніе каѳедры. Съ 1714 г. духовныхъ дѣтей, кромѣ архіерейскихъ школъ, велѣно еще забирать въ открывавшіяся по городамъ цифирныя школы. Не желавшихъ учиться велѣно было брать въ солдаты.—Духовнымъ Регламентомъ опредѣлено открыть архіерейскія школы во всѣхъ епархіяхъ; содержать ихъ указано отчасти изъ архіерейскихъ доходовъ, отчасти изъ сборовъ съ церковныхъ и монастырскихъ земель,—съ первыхъ 30-й, а со вторыхъ 20-й доли хлѣбнаго дохода. Въ томъ же году открыты были двѣ школы,—въ Нижнемъ (славяно-греческая) и въ Александроневскомъ монастырѣ, въ 1722—въ Твери и Бѣлгородѣ, въ 1723—въ Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ и Холмогорахъ, въ 1724—въ Вологдѣ и Рязани, въ 1725—въ Устюгѣ. Указы о высылкѣ въ школы духовныхъ дѣтей выдавались одинъ за другимъ. Кромѣ поповичей, въ 1723 г. въ московскія школы велѣно было высылать для науки молодыхъ и способныхъ монаховъ изъ монастырей.

Кромѣ немногихъ еллино-славянскихъ училищъ, всѣ епархіальныя школы основывались на началахъ латинскаго образованія кіевской коллегіи. Въ томъ же кіевскомъ духѣ Регламентъ

изложилъ *уставъ* для этихъ школъ. Велѣно было построить домы „образомъ монастыря", въ которыхъ и жить воспитанникамъ, какъ можно рѣже видаясь съ родными; такимъ образомъ предполагалось воспитать новое поколѣніе духовныхъ лицъ, отрѣшенное отъ стараго быта. Вся жизнь этой замкнутой бурсы подчинена была строгому надзору ректора, префекта и комнатныхъ надзирателей, подчинена точнымъ регуламъ, распредѣлена по часамъ, обозначаемымъ звонками, „и вси бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ принимались за дѣло, какое на часъ уреченный назначено". Для отдыха учениковъ назначены: водное плаваніе на судахъ, геометрическіе размѣры, строеніе крѣпостей, акціи, диспуты, наконецъ чтеніе пріятныхъ къ слышанію и полезныхъ исторій, ово воинскихъ, ово церковныхъ. Курсъ ученія опредѣленъ въ такомъ объемѣ: 1) грамматика съ географіей и исторіей, 2) ариѳметика и геометрія, 3) логика съ діалектикой, 4) риторика съ піитикою, 5) физика и краткая метафизика, 6) политика, 7) богословіе. На первые 6 отдѣловъ наукъ назначено по году, на богословіе 2 года, потому что духовныя школы назначались быть заведеніями сословно-спеціальными, для обученія духовныхъ дѣтей „въ надежду священства".

Регламентъ изложилъ уставъ духовныхъ школъ и опредѣлилъ ихъ курсъ; но самое устройство ихъ на первыхъ порахъ пошло очень медленно. Духовныхъ дѣтей забирали въ нихъ силою, иногда даже въ кандалахъ, подъ конвоемъ; матери плакали объ нихъ, какъ во времена Владиміра святаго. Нѣкоторые изъ школьниковъ нарочно притворялись глупыми, какъ другіе, говорится въ Регламентѣ, притворяютъ себѣ тѣлесную немощь отъ солдатства; такихъ велѣно было испытывать цѣлый годъ. Многіе бѣжали изъ школъ въ свои дома и скрывались у родныхъ; ихъ велѣно было разыскивать и привозить въ школы чрезъ монастырскій приказъ. Правительство очень дорожило учениками; ректору, если онъ отпуститъ ученика за взятку, объявлено жестокое наказаніе; исключеніе ученика дозволялось только послѣ годичнаго его испытанія, и то въ такомъ только случаѣ, если онъ окажется „дѣтина непобѣдимой злобы". Сборы хлѣба съ церквей и монастырей были крайне не исправны. Вездѣ ощущался недостатокъ въ учителяхъ, такъ что самъ Регламентъ по необходимости дозволилъ опредѣлять на учительскія мѣста не знающихъ, а только талантливыхъ людей, которые могутъ заняться изученіемъ своего предмета уже на должности. Въ 1722 г. правительство наконецъ вынуждено было совсѣмъ отступиться отъ своихъ проектовъ и ограничить курсъ архіерейскихъ школъ только изученіемъ славянской грамматики и букваря, содержав-

шаго въ себѣ начатки христіанскаго ученія и назначеннаго собственно для народа.

Въ самомъ началѣ Петровскаго царствованія встрѣчаемся съ остатками стараго *спора между малороссійскими и великорусскими учеными*. Въ это время въ Новгородѣ жилъ одинъ изъ кіевскихъ ученыхъ монаховъ *Гавріилъ Домецкій*, бывшій прежде симоновскимъ архимандритомъ; онъ пріѣхалъ сюда изъ Москвы во время извѣстнаго гоненія на Малороссовъ, былъ ласково принятъ м. Іовомъ и сдѣланъ архимандритомъ Юрьева монастыря. Когда малороссійскіе ученые снова стали входить въ силу, онъ рѣшился снова поднять старый споръ о времени пресуществленія даровъ и съ этой цѣлью въ 1704 г. написалъ опроверженіе на книгу Остенъ, въ которомъ рѣзко обличалъ Москвитянъ въ невѣжествѣ и горой возставалъ за кіевскую ученость. Противъ него выступилъ чудовскій іеродіаконъ *Дамаскинъ*, одинъ изъ представителей школы Епифанія Славенецкаго, человѣкъ тоже близкій къ м. Іову, и написалъ на его сочиненіе 105 отвѣтовъ, въ которыхъ защищалъ православное ученіе о пресуществленіи и далъ замѣчательно вѣрный отзывъ о латинской односторонности кіевскихъ ученыхъ. Этими отвѣтами и тремя посланіями къ Іову онъ совершенно подорвалъ довѣріе митрополита къ Домецкому. Послѣдній еще болѣе повредилъ себѣ, вступивъ въ полемику съ пріѣхавшими въ Новгородъ Лихудами,—которые съ своей стороны тоже не замедлили выставить его еретическое направленіе предъ митрополитомъ. Въ 1709 г. Іовъ отставилъ его отъ должности и заставилъ удалиться изъ Новгорода въ Кіевъ.

Лихуды надолго утвердили въ Новгородѣ образованіе еллинославянское, оказавшееся очень популярнымъ среди духовенства. Въ то время, какъ ученики по епархіямъ толпами бѣгали изъ славено-латинскихъ школъ, въ новгородской школѣ напротивъ всегда было очень большое число учащихся и бѣгства между ними не замѣчалось; до 1726 г. ихъ обучено здѣсь свыше 1000 человѣкъ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изъ Новгорода Лихуды были опять вызваны въ Москву,—Софроній въ 1709 г. въ учители греческой школы при типографіи, а Іоанникій—въ 1716 (первый умеръ въ Москвѣ въ 1730 г., а послѣдній еще въ 1717). Ученые братья и въ Новгородѣ и въ Москвѣ неутомимо продолжали свою многоплодную дѣятельность въ пользу русскаго просвѣщенія, составляли руководства по всѣмъ предметамъ тогдашняго школьнаго курса, составили схоластическое богословіе, написали обличеніе ересямъ Лютера и Кальвина, говорили похвальныя рѣчи Петру. Софроній написалъ „Тріумфъ о мирѣ съ Швеціей“ въ 1721 г. и обличилъ расколъ въ сочиненіи: „Коллурій отъ лютой страсти

очеболѣнія Капитонскаго". Однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ его было участіе въ исправленіи Библіи.

Исправленіе Библіи, остановившееся послѣ смерти Славенецкаго, возобновилось по мысли м. Іова въ 1712 г. и было поручено Петромъ Θеофилакту Лопатинскому и Софронію; въ помощники къ нимъ назначены переводчики *Θедоръ Поликарповъ, Николай Семеновъ*, монахи *Θеологъ* и *Іосифъ*. Они добросовѣстно сличили рукописи и западныя изданія Библіи по греческому, латинскому и еврейскому текстамъ, пользуясь при этомъ толкованіями отцевъ и западныхъ ученыхъ. Исправленія текста велѣно было дѣлать по переводу LXX; но такъ какъ славянская Библія во многомъ отъ него отличалась, то, чтобы не отступать далеко отъ прежняго текста, они исправляли ее по разнымъ редакціямъ и переводамъ, которые были ближе къ славянскому тексту, большею частію впрочемъ держась перевода LXX. Все дѣло исправленія кончено ими въ 1723 г.; но печатаніе исправленной Библіи замедлилось, а потомъ и совсѣмъ оставлено за смертью государя.

Димитрій Ростовскій. Кромѣ произведеній Лихудовъ и не многихъ трудовъ великорусскихъ писателей, направленныхъ главнымъ образомъ противъ раскола, вся церковная письменность временъ Петра исключительно принадлежитъ Малороссамъ. Великорусской публикѣ между ними всѣхъ болѣе пришелся по душѣ св. Димитрій. Его преимущественно историческое направленіе, чуждое схоластики кіевской школы, чисто народный языкъ, доведенный до замѣчательнаго изящества и простоты, самая теплая и задушевная назидательность нравственныхъ поученій—всѣ эти качества возбуждали общее уваженіе къ его трудамъ и сдѣлали его писателемъ народнымъ. Кромѣ окончанія Чети-Миней, онъ написалъ „Келейную лѣтопись",—сводъ библейской Исторіи съ гражданскою, „Лѣтописаніе царей и патріарховъ" и „Каталогъ россійскихъ митрополитовъ", которымъ положено начало исторіи Русской церкви. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ долженъ былъ заняться исключительно практическими предметами для удовлетворенія требованіямъ своей паствы; въ это время онъ началъ изучать расколъ и написалъ противъ него „Разсужденіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ" и „Розыскъ о брынской вѣрѣ"; проповѣди его получили еще болѣе простой и практическій характеръ, чѣмъ прежде въ Малороссіи, гдѣ вкусъ публики нерѣдко заставлялъ его прибѣгать къ школьнымъ пріемамъ. Благочестивая и полная христіанской любви душа святителя изливалась въ довольно обширной перепискѣ его съ друзьями и въ духовной поэзіи молитвенныхъ размышленій, псальмъ, кантовъ и мистерій; народное благочестіе до сихъ поръ помнитъ нѣкоторыя изъ его псальмъ и кантовъ, а церковь величаетъ его „духовною цѣвницею".

Стефанъ Яворскій. Первымъ полнымъ представителемъ и распространителемъ кіевскаго образованія въ Великороссіи при Петрѣ явился Стефанъ Яворскій. Еще до пріѣзда въ Москву онъ пріобрѣлъ себѣ большую ученую извѣстность богословскими лекціями въ кіевской коллегіи, которыя были читаны имъ въ самомъ строгомъ схоластическомъ направленіи, подъ руководствомъ системы Ѳомы Аквината. Но, эти же лекціи слѣлались для него причиною многихъ непріятностей, послуживъ поводомъ къ обвиненію его въ латинствѣ, которое неотступно преслѣдовало его и въ Кіевѣ и особенно въ Москвѣ. П. Досиѳей замѣтилъ въ нихъ развитіе латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія даровъ. Великорусскіе книжники прямо называли Яворскаго обливанцемъ и латынникомъ и долго не могли помириться съ его направленіемъ. Какъ богословъ, воспитанный на католическихъ системахъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ сдѣлаться особенно жаркимъ борцемъ противъ протестантства, памятникомъ этой борьбы остался его Камень Вѣры. Но, обличая протестантовъ, онъ невольно увлекался при этомъ своими латинскими образцами и источниками (наприм. Беллярминомъ) и навлекъ на себя еще большее подозрѣніе „въ папежскомъ духѣ“, которое раздѣлялъ и самъ царь. Подозрѣніе это оправдывалось въ глазахъ царя извѣстными понятіями Стефана объ отношеніи церкви къ государству и единоличномъ ея управленіи; высказанное въ Камнѣ вѣры мнѣніе Стефана о правѣ церкви казнить еретиковъ смертною казнью и необходимости этой казни для ихъ же собственнаго блага, потому что она пресѣкаетъ имъ дальнѣйшую возможность прогнѣвленія Бога, тоже отзывалось вліяніемъ латинскихъ понятій. Сначала Яворскій усердно содѣйствовалъ Петру, написалъ противъ Талицкаго книгу „О знаменіяхъ пришествія антихриста“ (по сочиненію испанскаго богослова Мальвенды) и восхвалялъ дѣла Петра въ предикахъ; но потомъ, какъ мы видѣли, они совершенно разошлись между собою. Живаго отношенія къ эпохѣ не видно впрочемъ ни въ раннихъ, ни въ позднихъ предикахъ Стефана; держась постоянно на отвлеченной, риторской высотѣ общихъ сравненій, подобій и нравственныхъ сентенцій, онѣ рѣдко схватываютъ живыя и существенныя стороны реформы. Большая часть ихъ отличается замѣчательнымъ остроуміемъ и занимательностію, но въ то же время натянутой изысканностію кіевской школы, тономъ школьныхъ экзерцицій и панегириковъ, умышленно поддѣланными хитросплетеніями, игрой словъ, претензіями на занимательность, иногда неприличными каѳедрѣ шутками. Современники говорятъ, что Стефанъ силой рѣчи по произволу могъ заставить слушателей и плакать и смѣяться.

По единству образованія и направленія къ Яворскому близко примыкали: *Іоаннъ Максимовичъ* (черниговскій, потомъ тобольскій архіепископъ), подражатель Голятовскаго и Барановича, авторъ огромнаго множества виршей; *Θеофилактъ Лопатинскій*, знатокъ греческаго языка, исправитель Библіи, сотрудникъ Стефана въ обличеніи московскихъ еретиковъ; его лекціи по богословію, читанныя имъ въ московской академіи и изложенныя въ строго-схоластическомъ духѣ по системѣ Θомы Аквината, надолго утвердили здѣсь преобладаніе схоластическаго направленія, которому слѣдовали всѣ послѣдующіе преподаватели богословія до 1740-хъ годовъ; къ тому же классу ученыхъ принадлежалъ преемникъ Θеофилакта по академической ректурѣ *Гедеонъ Вишневскій*.

Θеофанъ Прокоповичъ. Вѣрнаго и искренняго проповѣдника дѣлъ своихъ Петръ нашелъ въ Θеофанѣ. По своему богословскому направленію онъ былъ основателемъ новой школы богословія, которая впрочемъ долго не находила себѣ послѣдователей въ дух. школахъ. Во время ректорства въ Кіевѣ онъ написалъ свои знаменитыя лекціи по богословію изъ 7 трактатовъ; въ нихъ онъ значительно отрѣшился и отъ старыхъ латинскихъ авторитетовъ, и отъ старыхъ схоластическихъ пріемовъ и, по образцу протестантскихъ богослововъ, Квенштедта и Гергарда, ввелъ въ богословіе новый методъ протестантской науки, въ основѣ котораго лежало филологическое и историческое изслѣдованіе текста св. Писанія и изученіе церковной древности. Вслѣдствіе такого богословскаго направленія онъ очень далеко расходился съ Яворскимъ, потому что, какъ тотъ исключительно руководствовался католическими источниками, такъ Θеофанъ, увлекшись своей враждой къ схоластикѣ и латинству, дошелъ до излишняго подражанія протестантскому богословствованію. Вліяніе послѣдняго замѣтно и въ его богословскихъ сочиненіяхъ, и въ проповѣдяхъ, и даже въ законодательныхъ памятникахъ, которые онъ редактировалъ по порученію Петра; оно сказалось наприм. въ довольно либеральномъ отношеніи Θеофана къ церковному авторитету, почитанію св. мощей и чудотворныхъ иконъ и ко всей вообще церковной обрядности; въ богословскихъ трудахъ его дальше православныхъ границъ развиваются положенія о поврежденіи человѣческой природы, объ оправданіи единою вѣрою и благодатію І. Христа, о второстепенномъ значеніи преданія предъ Писаніемъ, какъ единымъ источникомъ вѣры. Богословская полемика его вся направлена противъ католичества, за исключеніемъ только немногихъ трудовъ противъ протестантства, которые онъ написалъ еще въ Кіевѣ; таковы: Апологія кіевскимъ мощамъ и Апологія православію на вопросы нѣкоторыхъ лютеранскихъ богослововъ печерскому монаху Михаилу Шію. По пріѣздѣ его въ Москву Яворскій, Ло-

патинскій и Вишневскій встрѣтили его сильными обвиненіями въ протестантствѣ. Кромѣ извѣстнаго доноса на него царю, Стефанъ написалъ опроверженіе на его сочиненіе „Объ игѣ неудобоносимомъ“, гдѣ Ѳеофанъ развивалъ мысль объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ; Лопатинскій написалъ еще опроверженіе на это же сочиненіе подъ названіемъ: „Объ игѣ Господнемъ благомъ“. Петръ отстоялъ Ѳеофана отъ нападеній Яворскаго, сдѣлалъ его своимъ любимцемъ и правою рукою въ церковныхъ реформахъ. Найдя въ немъ вѣрное отраженіе своихъ собственныхъ мыслей и кромѣ того замѣчательную ученость, государь поручалъ ему редактировать свои указы, оправдывать свои распоряженія исторіей и церковной археологіей и объяснять ихъ въ воззваніяхъ и проповѣдяхъ къ народу. Прокоповичъ написалъ Духовный Регламентъ, трактатъ о томъ, „съ коего времени началось патріаршеское достоинство въ церкви и какимъ образомъ 400 лѣтъ церкви управляемы были безъ патріарховъ“, „О возношеніи имени патріаршаго въ церквахъ, чего ради оное въ Россіи отставлено“, трактатъ „О понтифексахъ и о томъ, могутъ ли христіанскіе государи и въ какомъ разумѣ нарещись епископы, съ прибавленіемъ аргументовъ о правѣ императора пещись о церкви“, Объявленіе о монашествѣ, нѣсколько увѣщаній къ раскольникамъ, разсужденія о бракахъ съ невѣрными, о правильномъ разводѣ и о достоинствѣ поливательнаго крещенія, Первое ученіе отрокомъ, О блаженствахъ противъ ханжей и лицемѣровъ. Кромѣ церковныхъ предметовъ, по порученію царя, онъ долженъ былъ заниматься и другими, не относившимися къ церковной реформѣ, наприм. долженъ былъ доказывать, что государь не обязанъ признавать своимъ наслѣдникомъ только старшаго сына, а можетъ объявить своимъ наслѣдникомъ, кого ему угодно; съ этою цѣлію имъ написана была въ 1722 г. „Правда воли монаршей“. По порученію царя Ѳеофанъ написалъ предисловіе къ Морскому Регламенту, занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра, написалъ описаніе мѣстностей, упоминаемыхъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, трактатъ объ Амазонкахъ, изслѣдованіе о миѳологіи для перевода Аполлодоровой Библіотеки о богахъ. Будучи усерднымъ панегиристомъ реформы, Прокоповичъ въ своихъ сочиненіяхъ сильной и колкой сатирой бьетъ старое время съ его темными сторонами. Сатира, общая у него съ самимъ Петромъ, насквозь проникаетъ даже Духовный Регламентъ; въ немъ наприм. находимъ сильныя выходки противъ величавости епископовъ, поведенія архіерейскихъ людей въ отношеніи къ духовенству, противъ суевѣрій и ложныхъ святынь, находимъ портреты упрямаго и невѣжественнаго русскаго начетчика и кіевскаго школяра, изучившаго риторику съ діалектикой и думающаго, что все позналъ. Сатира проникаетъ и все его церков-

ное проповѣдничество. Въ проповѣди онъ явился такимъ же реформаторомъ, какъ и въ богословіи. Онъ свелъ ее съ отвлеченной высоты ближе къ жизни, освободилъ ее отъ фальшиваго и смѣшнаго наряда изъ троповъ, фигуръ, символовъ, натянутыхъ сравненій, изъ лоскутьевъ астрономіи, исторіи и др. наукъ, которыми она щеголяла у старыхъ кіевскихъ школяровъ, и сдѣлалъ ее ясною, положительною и сильною учительницей общества. Съ своей каѳедры Ѳеофанъ опровергалъ суевѣрныя понятія народа о дѣлахъ Петра, сравнивалъ старую Русь съ новою, доказывалъ необходимость уничтоженія національной замкнутости, пользу сношеній съ другими народами, необходимость просвѣщенія, морскихъ силъ, обличалъ невѣжество, суевѣрія, расколы, религіозные обманы и проч. Онъ далъ и правила для новаго проповѣдничества, изложенныя въ Регламентѣ и въ сочиненіи: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель проповѣдати долженъ“. Содержаніемъ проповѣди, по его опредѣленію, должно быть простое и ясное изложеніе главныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ и обличеніе суевѣрій. Онъ запрещалъ подражать западнымъ проповѣдникамъ, совѣтовалъ проповѣднику образовывать свой талантъ преимущественно чтеніемъ св. Писанія и отцевъ церкви, заботиться о простотѣ и въ произношеніи, избѣгать неумѣренной мимики, не шататься, будто въ суднѣ весломъ гребетъ, руками не сплескивать, въ боки не упираться, не подскакивать, не смѣяться, да и не рыдать.

Около Ѳеофана группировались единомысленные съ нимъ люди и его подражатели: чудовскій архимандритъ и членъ Синода *Ѳеофилъ Кроликъ*, бывшій тоже провозвѣстникомъ дѣлъ Петра, и іеромонахъ *Симонъ Кохановскій*. Полемика противъ старины доходитъ у послѣдняго до излишне грубой и озлобленной сатиры; онъ бичевалъ этой сатирой лицемѣріе и невѣжество тѣхъ, которые бѣгутъ въ монастыри, думая что тутъ скорѣе спасутся, чѣмъ въ міру, ратовалъ противъ суевѣрій, „мужицкой или бабьей богословіи“, занимающейся „смѣхотворными вопросами, которыми персты знаменіе на себѣ положити, двоить или троить аллилуія, которая пятница святѣе, и прочими бездѣльями и идолослуженіями“, рѣзко указывалъ при этомъ на то, что изъ тысячи православныхъ развѣ одинъ знаетъ молитву Господню и 10 заповѣдей. Усерднымъ глашатаемъ дѣлъ Петровыхъ былъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ еще *Гавріилъ Бужинскій*, архимандритъ Троицкой лавры и членъ Синода. По порученію Петра онъ перевелъ сочиненіе Пуффендорфа: „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“, въ которомъ проведенъ крайній государственный взглядъ на отношеніе церкви къ государству, и „О должностяхъ человѣка и гражданина“, также сочиненіе Стратемана—„Ѳеатронъ или Позоръ историческій“,

проникнутый протестантскимъ взглядомъ на исторію. Нельзя не обратить вниманія на то, что книга Стратемана, не смотря на ея рѣзкія мысли противъ іерархіи, преданій и отцовъ церкви, переведена была безъ всякихъ измѣненій, тогда какъ католическая исторія Баронія издана съ большими пропусками и снабжена полемическими замѣчаніями.

Пока живъ былъ Петръ, направленіе Прокоповича было господствующимъ въ церковной жизни и наукѣ; сильный ропотъ на новые церковные порядки, толки объ еретичествѣ Өеофана и его подражателей были сдавлены подъ крѣпкой рукой царя. Въ началѣ 1725 г. эта крѣпкая рука отнялась, великаго императора не стало, и все до сихъ поръ затаенное недовольство явилось наружу и обратилось на голову Өеофана, который остался главнымъ представителемъ реформы. Для него наступило время тяжелой борьбы съ врагами, въ которой, отстаивая свою личную безопасность, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ выносить на своихъ плечахъ все дѣло церковной реформы. Не даромъ проповѣдь его на погребеніе императора проникнута была такимъ сильнымъ чувствомъ, и всѣ слушатели были потрясены, когда раздались надъ гробомъ слова оратора: „Что се есть? До чего мы дожили, о Россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ“!...

VIII. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХЪ ПЕТРА.

Восшествіе на престолъ Екатерины I. Императоръ умеръ, не оставивъ никакого письменнаго завѣщанія о преемствѣ престола. Партія старинныхъ вельможъ хотѣла возвести на престолъ *Петра*, сына царевича Алексѣя. Но противъ этого со всею энергіею инстинкта самосохраненія возстали Өеофанъ, Меншиковъ, Толстой и другіе птенцы Петра I, дѣйствовавшіе прежде противъ царевича Алексѣя. Өеофанъ объявилъ, что императоръ оставилъ словесное завѣщаніе въ пользу *Екатерины*, своей супруги. Это свидѣтельство имѣло рѣшительное вліяніе на провозглашеніе императрицей Екатерины. Оказавъ такую услугу новому правительству, Өеофанъ пріобрѣлъ себѣ сильное вліяніе въ церковномъ управленіи. Въ скоромъ времени вліяніе это еще болѣе упрочилось паденіемъ старшаго синодальнаго члена Өеодосія Яновскаго.

Судьба Өеодосія. Вслѣдствіе извѣстныхъ намъ причинъ Өеодосій былъ очень радъ смерти грознаго императора и не думалъ скрывать этой радости. „Государь утѣснялъ насъ штатомъ, говорилъ онъ въ Синодѣ, а теперь смотрите: мы всѣ живы, а онъ умеръ, его нѣтъ“. Онъ сдѣлался еще заносчивѣе прежняго и еще сво-

боднѣе сталъ высказываться противъ новыхъ порядковъ и униженія церкви. Въ апрѣлѣ 1725 г. онъ сильно нашумѣлъ въ передней дворца за то, что часовой не пропустилъ его карету черезъ дворцовый мостъ, разбранилъ и часоваго и дежурнаго офицера, кричалъ, что онъ самъ выше свѣтлѣйшаго (Меншикова). Чрезъ нѣсколько дней императрица указала синодальнымъ членамъ собраться на панихиду по Петрѣ; Θеодосій чѣмъ-то тутъ обидѣлся и говорилъ въ Синодѣ: „Какое тиранство, Боже милостивый! Мірская власть указываетъ духовенству молиться! Буду служить панихиду, боюсь ссылки; но угодна ли будетъ Богу такая молитва"? Послѣ панихиды онъ не поѣхалъ во дворецъ на панихидный столъ, говорилъ, что боится новой обиды отъ часовыхъ и что нога его не будетъ во дворцѣ; но потомъ, когда его не пригласили къ дворцовому столу на Пасху, еще болѣе обидѣлся и говорилъ объ императрицѣ: „Будетъ еще трусить." Послѣ этого Θеофанъ отъ имени синодальныхъ членовъ подалъ на него доносъ въ непристойныхъ словахъ, и начался розыскъ. Кромѣ указанныхъ выходокъ, синодальные члены доносили, что Θеодосій часто поносилъ царя, жаловался на униженіе церкви, на то, что въ ней монархіи нѣтъ никакой, что ея пастыри силы не имѣютъ, сравнивалъ Петра съ Іоанномъ Грознымъ, убившимъ м. Филиппа, обвинялъ царя въ непостоянствѣ, подозрительности и жестокости, въ томъ, что онъ училъ народъ казнями, а учить надобно черезъ школы, инструментъ же желѣзный не диковина, всего дать 2 гривны Въ числѣ доносителей о винахъ Θеодосія явился и Сильвестръ рязанскій. Въ своемъ доношеніи онъ нашелъ случай высказать свои личныя отношенія къ Θеодосію,—называя его францышкомъ, изуморомъ, еретикомъ, выставлялъ на видъ свои несчастія отъ него, переводы по епархіямъ, лишеніе митрополичьяго сана, обвинялъ его въ корыстолюбіи, взяткахъ, не духовной жизни, вспомнилъ при этомъ и другихъ архіереевъ Черкасъ, какъ они себя богатятъ, а на русскихъ архіереяхъ копѣйки усчитываютъ. Поднято было прежнее дѣло о расхищеніи Θеодосіемъ церковныхъ суммъ и вещей въ Новогородской епархіи. Кромѣ того, на него послѣдовалъ важный доносъ въ томъ, что онъ всѣхъ своихъ домовыхъ служителей обязалъ присягой своему собственному лицу. За всѣ эти вины послѣ слѣдствія онъ былъ лишенъ сана и подъ именемъ чернеца Θедоса сосланъ въ Корельскій монастырь, гдѣ и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тѣсной и холодной тюрьмѣ.

Новый составъ св. Синода. Мѣсто Θеодосія занялъ Θеофанъ, сдѣлавшійся съ этого времени архіепископомъ новгородскимъ и первымъ членомъ св. Синода. Но въ тоже время вторымъ членомъ Синода объявленъ непріятный ему Θеофилактъ Лопатинскій. Этого мало; покровительствуя Θеофану, императрица, чувствовавшая

себя еще не твердой на престолѣ, не могла оставлять безъ вниманія и противной ему партіи великорусскихъ іерарховъ, за которую стояли сильные люди изъ стариннаго боярства. Не смотря на противодѣйствіе Өеофана, третьимъ членомъ Синода назначенъ былъ ростовскій архіерей *Георгій Дашковъ*, Великоруссъ, врагъ всѣхъ Малороссовъ, симпатизировавшій патріаршей старинѣ, человѣкъ необразованный, но энергичный, способный быстро пробиваться впередъ; недостатокъ образованія онъ замѣнялъ свѣтской ловкостью, съ помощью которой завелъ обширныя связи въ кругу вельможъ. Вскорѣ послѣ своего назначенія въ Синодъ онъ подалъ императрицѣ докладъ, въ которомъ ясно высказалось его направленіе; онъ жаловался, что церковныя имѣнія истощены поборами на государственныя нужды, что архіерейскіе домы и монастыри стали чуть не богадѣльнями, архіереи и духовныя лица бродятъ, какъ бывало Греки, даже хуже, священники по селамъ хуже нищихъ, и просилъ сдѣлать новыя распоряженія о такихъ непорядкахъ. Императрица не обратила вниманія на этотъ докладъ; церковныя имущества остались въ управленіи синодальной камеръ-конторы на прежнихъ основаніяхъ. Въ 1726 г. Синодъ былъ раздѣленъ на два департамента, изъ которыхъ въ первомъ сидѣли духовные члены для управленія духовными дѣлами, а второй, названный *коллегіей экономіи*, былъ составленъ изъ свѣтскихъ лицъ и занимался дѣлами судебными и экономическими; званіе синодальнаго вице-президента было уничтожено, какъ приличное однимъ свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ тоже время Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ потеряли первенствующее значеніе въ администраціи и были подчинены вновь учрежденному Верховному Совѣту, при чемъ у нихъ отнято и наименованіе правительствующихъ. Покровительствуемый вельможами, Георгій старался составить около себя сильную партію изъ лицъ, враждебныхъ къ Өеофану. Въ Синодѣ скоро явился еще новый членъ изъ Великоруссовъ, горицкій архимандритъ *Левъ Юрловъ*. Поднялся опальный архіерей прошлаго царствованія Сильвестръ, переведенъ въ Казань и опять возведенъ въ митрополиты. Вліяніе Өеофана слабѣло все болѣе и болѣе.

Доносъ Маркелла Родышевскаго. Еще въ началѣ 1725 г. Өеодосій и оберъ-прокуроръ Синода *Болтинъ* подняли дѣло о томъ, что въ псковскомъ Печерскомъ монастырѣ (епархіи Өеофана) лежатъ на полу 70 иконъ съ ободранными окладами и что сдирать эти оклады велѣлъ судья псковскаго архіерейскаго дома *Маркеллъ Родышевскій*, бывшій правою рукою Өеофана. Дѣло это замялось паденіемъ Өеодосія, но въ 1726 г. поднялось снова. Родышевскій былъ вызванъ къ отвѣту въ св. Синодъ, но вмѣсто Синода попалъ въ тайную канцелярію по доносу самого Өеофана о томъ, будто

онъ, Маркеллъ, говорилъ о какихъ-то имѣющихъ быть въ народѣ волненіяхъ. Синодальное дѣло замялось опять; вмѣсто него началось другое, болѣе опасное дѣло въ тайной канцеляріи,—первый актъ той длинной борьбы Ѳеофана съ врагами, въ которой послѣдніе нападали на него съ обвиненіями въ ересяхъ, а онъ защищался отъ нихъ политическими доносами, борьбы, на которую этотъ великій умъ своего времени долженъ былъ потратить всѣ свои силы и о которую сокрушилась вся его нравственная репутація. Маркеллъ сдѣлалъ на него доносъ тайной канцеляріи въ церковныхъ противностяхъ и непристойныхъ рѣчахъ о государынѣ, будто ею многіе недовольны за излишнее довѣріе къ Меншикову и за то, что она не Русская, и будто бы въ скоромъ времени должно непремѣнно произойти нѣчто великое, что Меншиковъ много зла дѣлаетъ, поетъ молебны и только Бога обманываетъ. Въ политическихъ обвиненіяхъ Ѳеофану было легко оправдаться указаніемъ на прежнюю свою службу государству, но онъ не представилъ никакого оправданія касательно хульныхъ словъ о свѣтлѣйшемъ. Защищаясь отъ обвиненій церковныхъ, онъ прежде всего сильно налегъ на то, что своимъ доносомъ Маркеллъ терзаетъ славу Петра Великаго, который не находилъ въ немъ, Ѳеофанѣ, никакой ереси и самъ утверждалъ къ печати всѣ его сочиненія; затѣмъ разобралъ частные пункты обвиненія, будто онъ не почитаетъ ученія св. отцовъ, не чтитъ св. иконъ, отрицаетъ оправданіе дѣлами, водоосвященіе называетъ суевѣріемъ, смѣется надъ акаѳистами, минеями, прологами, хулитъ церковное пѣніе, хвалитъ лютеранскіе органы, желаетъ искоренить монашество; всѣ эти обвиненія онъ объяснялъ крайнимъ невѣжествомъ и недобросовѣстностію, съ какими Маркеллъ перетолковывалъ его ученіе и рѣчи совершенно православнаго характера; въ заключеніе всего онъ нашелъ однако нужнымъ представить въ доказательство своего православія клятву, отбожиться отъ обвиненій въ ереси. Императрица, блистая свѣтомъ, заимствованнымъ отъ Петра, не рѣшилась завинить Ѳеофана, какъ лучшаго изъ сподвижниковъ Петра. Маркелла за продерзкія слова велѣно было заключить въ Петропавловскую крѣпость, но въ тоже время и Ѳеофану указано было объявить, что въ отвѣтахъ его нѣкоторые пункты неподлинно изъяснены, и что хотя императрица его теперь и прощаетъ, но чтобы онъ впредь противностей церкви не чинилъ, а жилъ, какъ живутъ всѣ великороссійскіе архіереи.

Правленіе Петра II. Еще хуже сдѣлалось положеніе Ѳеофана съ восшествіемъ на престолъ Петра II. Всѣми церковными дѣлами властно распоряжались кн. Меншиковъ и Верховный Совѣтъ, явно настроенные противъ Ѳеофана и старавшіеся возвысить партію духовенства великорусскаго. Левъ Юрловъ сдѣланъ

былъ епископомъ воронежскимъ; вліяніе Георгія Дашкова усилилось еще болѣе; св. Синодъ долженъ былъ принять въ число своихъ членовъ еще архіерея Великоросса, бывшаго крутицкаго митрополита *Игнатія Смолу*, вызваннаго теперь изъ заточенія на Коломенскую епархію. Въ тоже время началось очень опасное для Ѳеофана преслѣдованіе всего, что только напоминало несчастное дѣло царевича Алексѣя. Запрещена была служба св. Александру Невскому, въ которой были намеки на царевича; вездѣ велѣно отбирать сочиненную Ѳеофаномъ Правду воли монаршей; невская типографія, гдѣ печатались сочиненія Ѳеофана, была закрыта. Наконецъ снова поднялось дѣло по доносу о снятыхъ съ образовъ окладахъ, и Ѳеофанъ былъ присужденъ къ унизительному для него взысканію денегъ за утрату церковнаго жемчуга. Единственной опорой его теперь былъ *Остерманъ*, который въ это время искусно подкапывался подъ Меншикова.

Послѣ паденія временщика Ѳеофанъ вздохнулъ свободнѣе, но не надолго, потому что власть Меншикова наслѣдовалъ не Остерманъ, а Долгорукіе, при которыхъ началась сильная реакція реформѣ. Въ кружкахъ духовенства и стариннаго вельможества стали толковать даже о возстановленіи патріаршества. Кандидатовъ въ патріархи намѣчали, разумѣется, уже не изъ Черкасъ, а изъ великорусскаго духовенства; самымъ же виднымъ архіереемъ изъ Великоруссовъ былъ Дашковъ, который самъ усердно домогался патріаршества и, чтобы задобрить въ свою пользу сильныхъ вельможъ, раздарилъ имъ, какъ говорила современная молва, весь конскій заводъ при ростовскомъ архіерейскомъ домѣ. Понятно, что онъ не могъ равнодушно смотрѣть на первенствующее положеніе Ѳеофана, который притомъ же былъ самымъ опаснымъ человѣкомъ для реакціи; нужно было воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы устранить эту помѣху; готово было и орудіе для этого. Въ концѣ 1727 г. Маркеллъ Родышевскій опять явился съ доносомъ на Ѳеофана въ сочиненіи еретическихъ книгъ. Защищаясь противъ этого доноса, Ѳеофанъ сейчасъ же постарался свести дѣло съ догматической на политическую почву, на которой чувствовалъ себя болѣе сильнымъ. Онъ вошелъ въ Синодъ съ представленіемъ, что всѣ помянутыя въ доносѣ сочиненія напечатаны съ разрѣшенія св. Синода и по указу покойнаго императора, что слѣдовательно доносчикъ обвиняетъ въ ереси самого императора и св. Синодъ, а это уже не только безстыдные плевелы и ложь, но и настоящій мятежъ; при этомъ намекнулъ, что Маркеллъ по всей вѣроятности подалъ доносъ по наущенію другихъ, которые „для интересовъ своихъ, церкви и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ сему возмущенію“, а въ скоромъ времени уже прямо

указалъ, что эти зловредительные подстрекатели, представивъ въ Синодъ расспросныя рѣчи двоихъ своихъ слугъ, которые отъ самого Маркелла слышали, что онъ дѣйствуетъ противъ Ѳеофана по повелѣнію преосвященнаго Георгія, который скоро будетъ патріархомъ. Выведя такимъ образомъ Дашкова на открытую борьбу, Ѳеофанъ потомъ отстранилъ его отъ слѣдствія по дѣлу Маркелла. Но, потерявъ опору въ Георгіѣ, Маркеллъ поспѣшилъ ускользнуть отъ синодальныхъ допросовъ въ тайную канцелярію, сказавъ за собой „слово и дѣло". Тайная канцелярія узнала отъ него давно извѣстную вещь, что Ѳеофанъ написалъ Правду воли монаршей, противную царствующему императору, и не добившись еще ничего новаго, послала его въ заключеніе въ Симоновъ монастырь. Синодальное слѣдствіе остановилось, но безпокойство Ѳеофана отъ этого не уменьшилось. Въ 1728 г. Ѳеофилактъ Лопатинскій издалъ сочиненіе Яворскаго Камень вѣры; это изданіе книги, написанной противъ тѣхъ самыхъ ересей, въ которыхъ обвиняли Ѳеофана, было новымъ, литтературнымъ камнемъ, брошеннымъ для его пораженія. Тревога его кончилась уже послѣ смерти императора Петра II (въ январѣ 1730 г.).

Воцареніе Анны Іоанновны и паденіе Верховнаго Совѣта было такимъ же радостнымъ событіемъ для Ѳеофана, какъ прежде паденіе Меншикова. Въ разрушеніи замысла верховниковъ ограничить при новой императрицѣ русское самодержавіе онъ явился однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей вмѣстѣ съ Остерманомъ и лучшими представителями дворянства, Кантеміромъ и Татищевымъ, которые, какъ и онъ, были врагами реакціи и поборниками реформы. Есть извѣстіе, что онъ подарилъ императрицѣ часы, подъ доской которыхъ вложенъ былъ полный планъ, какъ нужно ей дѣйствовать въ рѣшительную минуту. Своею услугою новому правительству онъ успѣшно предупредилъ своихъ враговъ, которые съ своей стороны тоже старались пріобрѣсти вліяніе на императрицу, разсчитывая при этомъ на ея благочестіе и на ту силу, какой пользовался при ней духовникъ ея архимандритъ *Варлаамъ*. Къ Родышевскому присоединился еще одинъ врагъ новыхъ порядковъ, бывшій правитель типографіи *Аврамовъ*, человѣкъ въ свое время очень близкій къ Петру I, какъ зять кабинетъ-секретаря Макарова, и извѣстный царю своимъ образованіемъ и благочестіемъ; и при Петрѣ, и особенно послѣ него онъ постоянно высказывалъ свое недовольство Синодомъ, Регламентомъ, сочиненіями Ѳеофана и новыми обычаями, настаивалъ на возстановленіи патріаршества и прежняго государственнаго значенія духовенства; свои мысли онъ выражалъ въ проектахъ, которые подавалъ и Петру I, и Екатеринѣ, и Петру II, и наконецъ Аннѣ Іоанновнѣ. Познакомясь съ Варлаамомъ

Родышевскій и Аврамовъ сдѣлали чрезъ него представленія императрицѣ, чтобы она не допускала Прокоповича до своей коронаціи, потому что онъ врагъ церкви и еретикъ хуже Феодоса, короновалъ Екатерину и Петра II—и оба царствованія были кратковременны, обручалъ Петра II съ двумя невѣстами и ни одной свадьбы не было, вѣнчалъ Анну Петровну съ герцогомъ голштинскимъ—и она скоро скончалась. Не смотря на это представленіе, коронованіе императрицы совершалъ все-таки Феофанъ.

Перемѣны въ Синодѣ и опалы на старую іерархію. Обвиненія въ ересяхъ оказывались безсильными, но за то страшную силу получили теперь доносы политическіе; перевѣсъ въ ожесточившейся борьбѣ очевидно переходилъ на сторону Феофана. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны для него засіяла заря лучшей будущности, но эта заря была вмѣстѣ зарей Бироновщины. Крѣпкую для себя опору онъ нашелъ въ господствовашей при дворѣ Анны Іоанновны нѣмецкой партіи, съ интересами которой множествомъ нитей связывались его собственные интересы. Таже партія старыхъ Русскихъ, которая во время своего торжества угрожала Феофану участью Феодосія, была теперь грозою и новаго нѣмецкаго правительства; послѣднее слишкомъ живо чувствовало свою слабость и ненаціональность въ Россіи, хорошо знало, что права на престолъ по завѣщанію Екатерины принадлежатъ прежде всего дочерямъ Петра Великаго съ ихъ потомствомъ, и подозрительно прислушивалось ко всѣмъ заявленіямъ въ пользу народности и православія и къ толкамъ о цесаревнѣ Елизаветѣ, о сынѣ цесаревны Анны, даже объ Евдокіи Лопухиной. Полемика противъ протестантства, обвиненіе кого нибудь въ ереси среди такихъ обстоятельствъ становились признакомъ нерасположенія къ правительству, политическимъ преступленіемъ, за которымъ слѣдовали страшные допросы въ тайной канцеляріи.

Первымъ изъ іерарховъ попался въ политическомъ дѣлѣ сторонникъ Дашкова, Левъ Юрловъ воронежскій. Когда въ Воронежѣ полученъ былъ изъ Сената указъ о кончинѣ Петра II и восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Юрловъ въ ожиданіи синодскаго указа велѣлъ поминать въ церквахъ царицу Евдокію, какъ старшую въ царскомъ семействѣ, а за нею цесаревну и царевенъ. Вице-губернаторъ Пашковъ донесъ объ этомъ въ Синодъ. При слушаніи этого дѣла въ Синодѣ Георгій Дашковъ замѣтилъ, что у Пашкова со Львомъ давняя ссора и что поэтому надобно подождать новыхъ объясненій; слѣдствіе было отложено. Вслѣдъ за этимъ вскорѣ всѣ члены Синода, кромѣ Феофана, были смѣнены. Указомъ императрицы велѣно умножить число синодальныхъ членовъ до 11, включить въ него по старому протопоповъ и архимандритовъ, которые были вытѣснены изъ состава Синода вско-

рѣ послѣ смерти Петра Великаго, одну половину членовъ выбрать изъ Великороссіянъ, а другую изъ Малороссіянъ, но Ѳеофану вмѣстѣ съ Питиримомъ нижегородскимъ, который былъ одинъ человѣкъ съ Ѳеофаномъ, быть членами постоянными. Эта реформа Синода совершенно упрочила силу Ѳеофана и разсѣяла у его противниковъ всякія надежды. Немедленно началось слѣдствіе по дѣлу Льва. На допросахъ предъ новыми членами Синода онъ между прочимъ показалъ, что всегда надѣялся на заступленіе Георгія и Игнатія, бывшихъ членовъ Синода; послѣдніе поэтому тоже привлечены были къ суду и признаны противниками государыни; затѣмъ всѣ трое были лишены сана и сосланы въ крѣпкое заключеніе, Юрловъ въ Крестный, Дашковъ въ Каменный, а Игнатій въ Свіяжскій монастыри. Въ томъ же 1730 г. лишенъ сана и сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь кіевскій архіепископъ *Варлаамъ Вонатовичъ*; онъ былъ виноватъ въ томъ, что не сдерживалъ своей властью толковъ, какіе ходили въ Кіевѣ объ еретичествѣ Ѳеофана, и кромѣ того дозволилъ у себя въ Кіевѣ новое изданіе Камня вѣры; оффиціальный приговоръ обвинялъ его въ томъ, что онъ, какъ и Юрловъ, не расположенъ къ императрицѣ, при восшествіи ея на престолъ не отслужилъ молебствія.

Въ слѣдующемъ году въ Синодѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Каменномъ монастырѣ Дашкова держатъ слабо, позволяютъ ему сноситься съ родней. Начался строгій розыскъ, къ которому были притянуты власти монастыря, послушники, караульные, мѣстный (вологодскій) архіерей *Аѳанасій Кондоиди*. Послѣдній едва успѣлъ выпутаться изъ бѣды, клятвенно завѣривъ, что всегда былъ врагомъ Дашкова, отъ котораго только и спасался заступленіемъ преосв. Ѳеофана, что ни однимъ словомъ не явилъ Георгію снисхожденія, ни разу даже не пожалѣлъ его. Послѣ этого Дашкова сослали въ неисходное пребываніе въ Нерчинскій монастырь. — Кондоиди уцѣлѣлъ, но не уцѣлѣлъ другой архіерей, Сильвестръ казанскій, на котораго было донесено, что онъ слабо держитъ въ Свіяжскѣ Игнатія Смолу. Сильвестръ былъ въ сильной ссорѣ съ казанскимъ губернаторомъ *Артеміемъ Волынскимъ* и подалъ на него жалобу, въ которой обвинялъ его въ разныхъ обидахъ архіерейскому дому, монастырямъ и духовенству, въ насиліяхъ всѣмъ жителямъ Казанской губерніи, взяткахъ, побояхъ, потворствѣ расколу, даже въ убійствахъ. Волынскій былъ смѣщенъ съ губернаторства, но скоро вошелъ въ большую силу при дворѣ, послѣ чего Сильвестру пришлось дорого поплатиться за доносъ. На него на самого донесено было, что онъ держалъ у себя Игнатія, какъ архіерея, говорилъ съ нимъ непристойныя рѣчи объ императрицѣ, что при Екатеринѣ I не велѣлъ поминать въ церк-

вахъ св. Синодъ, рвалъ прошенія, подаваемыя ему на высочайшее имя, и заставлялъ ихъ переписывать на свое имя, дѣлалъ поборы по епархіи. Въ концѣ 1713 г. его заключили въ Невскій монастырь, но потомъ усилили наказаніе, лишили сана и заточили въ Выборгскую крѣпость. Игнатій сосланъ на неисходное пребываніе въ Корельскій монастырь.

Дѣло Родышевскаго. Между тѣмъ Родышевскій въ своемъ симоновскомъ заключеніи упорно продолжалъ составлять обвиненія противъ Өеофана въ еретичествѣ, написалъ нѣсколько тетрадей съ рѣзкими возраженіями противъ Регламента, указа о монашествѣ 1724 г., сочиненій Өеофана о блаженствахъ, поливательномъ крещеніи, понтифексахъ и смѣшанныхъ бракахъ, противъ Букваря, переводовъ Пуффендорфа и Стратемана, кромѣ того написалъ большой пасквиль подъ названіемъ: „Житіе еретика Өеофана Прокоповича", въ которомъ порочилъ его частную жизнь. Одинъ монахъ *Іона* дополнилъ этотъ пасквиль разными подробностями. Аврамовъ тоже не оставался безъ дѣла,—повсюду разглашалъ о страданіяхъ Маркелла, собиралъ новыя свѣдѣнія о Өеофанѣ и распространялъ тетради Маркелла въ кругу знакомыхъ лицъ. Въ началѣ 1731 г. Өеофанъ донесъ о сочиненіяхъ Родышевскаго кабинету министровъ, употребивъ при этомъ свой обычный пріемъ: не вдаваясь въ полемику съ противниками, онъ какъ и прежде, обратилъ главное вниманіе кабинета на то, что хула противъ книгъ, изданныхъ по указу императора и Синода, и хула противъ Регламента, содержащаго въ себѣ дѣйствующее законоположеніе, есть прямое противленіе власти, потомъ отыскалъ въ тетрадяхъ нападки на лютеранъ и кальвинистовъ, и на тѣхъ, кто съ ними дружится, и поставилъ многозначенательный вопросъ, кого тутъ разумѣетъ Родышевскій съ братіей. Послѣ этого дѣло, разумѣется, пошло черезъ тайную канцелярію. Начался розыскъ, который запуталъ въ свои извороты множество лицъ, читавшихъ тетради Маркелла или только слышавшихъ объ ихъ существованіи. Родышевскій былъ сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь, разстриженный Іона—въ Валаамскій, Аврамовъ—въ Иверскій.

Рѣшиловскій розыскъ. Новое обстоятельство усилило дѣятельность тайной канцеляріи и отягчило участь сосланныхъ. Въ половинѣ 1732 г. явилось подметное письмо съ пасквилемъ на Өеофана, сильнымъ порицаніемъ всей реформы и сѣтованіями на нѣмецкое владычество въ Россіи. Сопоставивъ это письмо съ тетрадями Родышевскаго, Өеофанъ снова представилъ кабинету министровъ и тайной канцеляріи, что существуетъ опасная злодѣйская факція противъ правительства, которую необходимо распутать. Въ монастыряхъ, гдѣ жили сосланные, начались строгіе розыски, не имѣли ли арестанты съ кѣмъ нибудь сношеній. Нѣ-

сколько человѣкъ въ Иверскомъ монастырѣ наказано плетьми. Родышевскаго, Аврамова и Іону вызвали къ новымъ допросамъ; во время этихъ допросовъ на пыткахъ оговорено было въ связяхъ съ Аврамовымъ и Родышевскимъ множество новыхъ лицъ, которыхъ тоже притянули къ допросамъ; но всѣ розыски такъ и не обнаружили автора письма. Послѣ этого подозрѣніе Ѳеофана пало на тверскаго іеромонаха *Іосифа Рѣшилова* на основаніи нѣкотораго сходства выраженій въ разговорахъ Рѣшилова съ выраженіями письма. Іосифъ былъ прежде раскольникомъ, потомъ обращенъ Питиримомъ въ православіе и пріютился въ Твери около добраго Ѳеофилакта Лопатинскаго, который, не имѣя способности дѣлать выбора между людьми, оказывалъ ему полное довѣріе. Рѣшиловъ былъ человѣкъ пустой, безъ всякихъ правилъ, болтливый крикунъ, о которомъ говорили, что онъ, какъ мельница, на весь свѣтъ мелетъ. Въ Твери онъ сблизился съ другимъ довѣреннымъ лицемъ Ѳеофилакта, архимандритомъ *Іоасафомъ Маевскимъ* изъ ученыхъ Кіевлянъ. Часто видаясь между собою, они много толковали о разныхъ предметахъ, занимавшихъ тогда духовенство, о Регламентѣ, еретичествѣ Ѳеофана, о патріаршествѣ, возстановленія котораго очень желали, будучи увѣрены, что патріархомъ будетъ ихъ милостивецъ Ѳеофилактъ. Съ первыхъ же допросовъ Рѣшиловъ выдалъ всѣ эти рѣчи, притянулъ къ розыску и Маевскаго. Вслѣдъ за этимъ въ тайную канцелярію стали вызывать изъ Твери архимандритовъ, разныхъ духовныхъ лицъ и служителей архіерейскаго дома. Арестованныхъ спрашивали не о какомъ нибудь опредѣленномъ предметѣ, а вообще обо всемъ, кто что говорилъ, замышлялъ, слышалъ противнаго правительству; разыскивая одно, находили другое; распутывая одну факцію, запутывались неожиданно въ другой. Въ виду грозныхъ орудій пытки арестованные страшно ломали головы, припоминая, кто что говорилъ за 4, за 5 и болѣе лѣтъ, путались сами, запутывали другихъ. Громадное слѣдствіе усложнялось новыми эпизодами и затягивало въ свои извороты новыхъ лицъ; изъ Москвы оно протянуло свои нити въ Тверь, Устюгъ, Вологду, Саровскую пустынь, задѣло множество свѣтскихъ лицъ, разныхъ грамотѣевъ, приказныхъ людей, богадѣльныхъ нищихъ, и вмѣстѣ съ ними нѣсколько лицъ, высоко поставленныхъ въ обществѣ, княгиню Долгорукову, графиню Матвѣеву, бывшаго кабинетъ-секретаря Макарова, подвело подъ подозрѣніе даже московскую синодальную контору, доходило даже до лица цесаревны Елизаветы, которую тогда многіе желали видѣть на престолѣ вмѣсто Анны Іоанновны. Никто изъ духовныхъ лицъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что какой нибудь знакомый на пыткѣ не вспомнитъ какихъ нибудь „противныхъ“ его словъ и его самого не привлекутъ къ розыску.

Арестъ Θеофилакта. Аресты Рѣшилова, Маевскаго и другихъ лицъ Тверской епархіи сильно безпокоили Θеофилакта. „Спать не могу, говорилъ онъ, во снѣ пугаюсь и наяву всегда боюсь; хоть бы въ Польшу уѣхать“. Рѣшиловъ и Маевскій дѣйствительно знали про него очень много лишняго, потому что довѣрчивый и словоохотливый святитель часто разговаривалъ съ ними и о патріаршествѣ, и о Θеофанѣ, и о Нѣмцахъ, и о томъ, что Анна Іоанновна сѣла на престолѣ, обойдя цесаревну Елизавету. Въ 1735 г. онъ внезапно былъ привезенъ въ Петербургъ и оставленъ подъ арестомъ на архіерейскомъ подворьѣ. На всѣ допросы въ кабинетѣ министровъ и въ Синодѣ, не замышлялъ ли онъ чего противъ государыни, или не знаетъ ли другихъ какихъ злоумышленниковъ, онъ отвѣчалъ отрицательно и подтвердилъ свои показанія клятвою. Изъ-подъ ареста его однако не освободили, потому что за нимъ было еще одно подозрительное дѣло,—изданіе Камня вѣры.

Полемика и розыски по поводу Камня вѣры. Съ самаго появленія въ печать Камень вѣры сдѣлался предметомъ жаркой полемики между католиками и протестантами. Въ 1729 г. явилось опроверженіе на него протестантскаго богослова Буддея подъ именемъ посланія къ другу въ Москву, въ которомъ Яворскій обвинялся въ католицизмѣ, въ клеветахъ на протестантство, въ томъ, что наполнилъ свою книгу разсказами о чудесахъ, видѣніяхъ, бѣсноватыхъ и тому подобныхъ предметахъ въ католическомъ вкусѣ. Въ 1731 г. въ Германіи напечатано было опроверженіе Мосгейма на главу Камня вѣры о казни еретиковъ, а потомъ издана книга избранныхъ мѣстъ изъ Камня подъ названіемъ Духъ Яворскаго. Въ Россіи явился отвѣтъ на письмо Буддея, написанный доминиканцемъ *Рибейрою*, который жилъ въ Россіи при испанскомъ послѣ и былъ хорошо знакомъ съ нѣкоторыми духовными лицами изъ противниковъ Θеофана. Католики защищали Камень вѣры, потому что торжество религіознаго направленія, котораго онъ былъ представителемъ, казалось имъ выгоднымъ для достиженія ихъ завѣтной цѣли, — соединенія церквей. Какъ только началась въ Россіи реакція реформѣ при Петрѣ II, изъ Польши открылась самая живая пропаганда католичества, такъ что правительство должно было принять противъ нея строгія мѣры. Наклонность къ католичеству обнаружилась въ семействахъ самихъ членовъ верховнаго совѣта,—Голицыныхъ и Долгорукихъ. Сорбонна прислала въ Москву особаго агента аббата *Жюбе* съ порученіемъ завязать съ русскими епископами сношенія о соединеніи церквей. Жюбе прибылъ въ Россію (1728 г.) подъ видомъ домашняго учителя княгини *Ирины Долгорукой*, урожденной Голицыной, которая на западѣ приняла католичество,

втерся въ высшее общество, искусно воспользовался ослабленіемъ значенія Прокоповича и враждой къ нему господствующей партіи духовенства и завязалъ сношенія съ тогдашними членами Синода, Георгіемъ, Игнатіемъ, Өеофилактомъ и чудовскимъ архимандритомъ *Евфиміемъ Колетти.* Паденіе Долгорукихъ разрушило всѣ его замыслы; онъ былъ высланъ за границу. Рибейра уѣхалъ еще раньше.

Өеофилактъ предпринялъ намѣреніе защищать Камень вѣры и написалъ Апокрисисъ на письмо Буддея, но выбралъ для этого самое неудачное время, когда нужно было всего опасаться за самое уже изданіе Камня вѣры и когда подобное предпріятіе можно было совершенно легко связать съ дѣломъ Жюбе и Рибейры. При личномъ свиданіи съ Лопатинскимъ императрица Анна дозволила ему издать его сочиненіе, но потомъ кабинетъ-министръ Черкасскій и начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ объявили ему новый указъ съ строгимъ запрещеніемъ этого изданія. Запрещенъ былъ и самый Камень вѣры. Въ тоже время въ Россіи явилось въ рукописяхъ протестантское опровержение на него подъ именемъ „Молотка на Камень вѣры", въ которомъ Яворскій прямо назывался іезуитомъ, поборникомъ папежскаго духа въ Россіи, а почитатели его, Лопатинскій, Игнатій, Дашковъ, — врагами реформы, защитниками папскаго тиранства и проч. Сочиненіе Рибейры, переведенное на русскій языкъ при содѣйствіи Колетти, сдѣлалось предметомъ строгихъ розысковъ, которые слились съ огромнымъ розыскомъ о тетрадяхъ Родышевскаго и подметномъ письмѣ. Въ 1732 г. взяты были въ тайную канцелярію Евфимій Колетти и другой знакомый Рибейры, архимандритъ *Платонъ Малиновскій*; первый изъ нихъ умеръ въ крѣпости, послѣдній сосланъ въ Сибирь, оба разстриженные. Өеофилактъ успѣлъ было скрыть свой Апокрисисъ, но объ немъ знали уже многія лица; Маевскій имѣлъ у себя даже копію съ этого сочиненія, которую и представилъ, куда слѣдуетъ.

Смерть Өеофана и его значеніе. Өеофанъ не дожилъ до окончанія начатыхъ при немъ розысковъ († въ сентябрѣ 1736 г.). Въ послѣднее время онъ достигъ до такой высоты, до какой не достигалъ ни одинъ изъ архіереевъ послѣ патріарховъ. Биронъ и Остерманъ были его друзьями. Онъ лично имѣлъ 16,000 крестьянъ, получалъ громадные доходы съ своихъ и каѳедральныхъ имѣній, имѣлъ 4 дома въ столицахъ, мызу около Стрѣльны, держалъ большую свиту, дѣлалъ богатые пріемы и окружалъ себя роскошной обстановкой вельможъ XVIII вѣка. Онъ слылъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени даже на западѣ, былъ въ сношеніяхъ съ разными членами Академіи, съ Татищевымъ, Кантеміромъ и другими образованными людьми, былъ покровителемъ молодаго

Ломоносова. Библіотека его простиралась до 30,000 томовъ. Въ царствованіе Анны около него сосредоточивалась вся церковная литтература; безъ его одобренія не выходило ни одно сочиненіе. Послѣ смерти Петра Великаго онъ самъ написалъ нѣсколько сочиненій въ разныхъ родахъ; написалъ краткую повѣсть о смерти Петра I, описаніе кончины Петра II и вступленія на престолъ Анны Іоанновны, составилъ записку о воспитаніи Петра II и уставъ для своей петербургской школы; изъ его богословскихъ сочиненій, кромѣ проповѣдей, извѣстны: Краткое христіанское ученіе младому отроку, Разговоръ селянина и гражданина съ дьячкомъ, Разговоръ тектона съ купцомъ, Наставленіе священнику о необычайномъ паденіи его духовнаго сына, Разсужденіе о безбожіи, сочиненіе о книгѣ Пѣснь Пѣсней. До послѣдняго времени онъ оставался жаркимъ полемистомъ противъ католиковъ и раскольниковъ; противъ послѣднихъ написалъ Показаніе великаго антихриста, котораго, по примѣру протестантовъ, видѣлъ въ папѣ; извѣстна его переписка съ англійскимъ пасторомъ *Малярдомъ*, котораго онъ обратилъ въ православіе. На смертномъ одрѣ, готовясь предстать на судъ Божій, этотъ величайшій умъ своего времени, предметъ удивленія для однихъ и ненависти для другихъ, сказалъ, обращаясь къ себѣ: „Главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь“? Память его омрачена его связью съ тайной канцеляріей; но при оцѣнкѣ его личности не надобно забывать и того, что въ свое время онъ одинъ только твердо и постоянно отстаивалъ знамя реформы, съумѣлъ неразрывно связать свои личные интересы съ интересами церковныхъ преобразованій и просвѣщенія, чего не съумѣли сдѣлать его противники; не нужно забывать и того, что время, когда онъ жилъ, было временемъ постоянныхъ переворотовъ, внезапныхъ возвышеній и внезапныхъ же паденій сильныхъ людей, временемъ „случая“, какъ говорили современники, когда человѣкъ, выдвинувшійся впередъ, долженъ былъ или погибать гдѣ нибудь въ Березовѣ, Пелымѣ, Охотскѣ, или самъ губить другихъ, когда въ жизни дѣйствовали не право и мораль, а слѣпой инстинктъ самосохраненія.

Окончаніе розысковъ. Розыски, начатые при Ѳеофанѣ, продолжались послѣ его смерти. Подверглось опаламъ еще нѣсколько архіереевъ; лишились каѳедры *Досиѳей* курскій (1736), *Иларіонъ* черниговскій (1738), *Варлаамъ* псковскій (1739). Особенно тяжелы были для духовныхъ лицъ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, когда подозрительность правительства достигла крайнихъ предѣловъ. Ѳеофилакта, содержавшагося подъ синодальнымъ арестомъ, въ 1738 г. призвали въ тайную канцелярію, три раза поднимали на виску и били; измученнаго пытками, разбитаго параличемъ, разстриженнаго святителя заперли потомъ въ

Выборгскомъ замкѣ. Множество людей, замѣшанныхъ въ розыскахъ по дѣламъ Родышевскаго и Рѣшилова, было сослано въ Сибирь; другіе оставались въ крѣпости до смерти императрицы.

Состояніе монашества при Аннѣ Іоанновнѣ. Строгіе розыски часто наталкивались среди духовенства на разные безпорядки, которые вели къ новымъ розыскамъ и жестокостямъ. Играя роль цивилизаторовъ Россіи, иноземные правители чрезвычайно строго наказывали духовныхъ лицъ за нарушеніе указовъ Петра Великаго противъ суевѣрій, а обвиненіе въ суевѣріи было тогда очень легко. Розыски тайной канцеляріи напр. открыли между монахами Саровской и Берлюковской обителей поклоненіе одному юродивому подъячему *Тимоѳею Архипычу*, который въ качествѣ пророка 28 лѣтъ жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны и былъ погребенъ (1731 г.) въ церкви Чудова монастыря; саровскіе монахи имѣли у себя его иконы, записки о его пророчествахъ и чудесахъ, составляли ему службу. Въ той же Саровской пустыни попался подъ судъ одинъ монахъ *Георгій Зварыкинъ*, который увѣрялъ, что въ 1724 г. продалъ свою душу дьяволу и долго пользовался услугами бѣсовъ. Далѣе при Аннѣ Іоанновнѣ возобновлены законы Петра о сокращеніи числа монаховъ, изданъ былъ указъ не постригать никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ, и велѣно переписать всѣхъ наличныхъ монаховъ. Перепись открыла, что послѣ Петра настоятели не рѣдко постригали въ монахи не достигшихъ законныхъ лѣтъ, мужей отъ живыхъ женъ, крестьянъ безъ увольненія отъ помѣщиковъ, даже бѣглыхъ солдатъ. Всѣхъ такихъ монаховъ велѣно разстригать и отдавать въ солдаты. Благодаря строгому разбору монаховъ и розыскамъ тайной канцеляріи, дѣло дошло до того, что въ 1740 г. св. Синодъ докладывалъ о совершенномъ оскудѣніи монашества; въ монастыряхъ оставались только старики, неспособные ни къ служенію, ни къ послушаніямъ, а въ иныхъ обителяхъ и такихъ не оставалось, а между тѣмъ монашество все еще продолжало умаляться „чрезъ разные случаи", такъ что св. Синодъ изъявлялъ опасеніе, какъ бы оно даже вовсе не прекратилось въ Россіи.

Церковныхъ вотчинъ при Аннѣ Іоанновнѣ коснулась страшная доимочная канцелярія, которая тогда налегла на весь податной классъ. Недоимка, лежавшая на церковныхъ вотчинахъ еще при Петрѣ, послѣ него быстро возрастала отъ непомѣрныхъ требованій правительства; до 1732 г. она возрасла до 81,128 рублей, а между тѣмъ правительство требовало, чтобы духовныя власти заводили богадѣльни и школы, посылало въ монастыри на прокормленіе отставныхъ солдатъ, налагало на церковныя вотчины новые сборы для удовлетворенія вновь открывавшихся

потребностей государства и двора; напр. вслѣдствіе страстной любви Бирона къ лошадямъ въ Россіи заведены были обширные конскіе заводы,—на содержаніе ихъ ассигнованы особые сборы съ архіерейскихъ домовъ. По прежнему подозрѣвая духовныхъ властей въ роскоши и дурномъ хозяйствѣ, правительство поручило сборъ недоимокъ съ церковныхъ вотчинъ губернаторамъ, воеводамъ и военнымъ командамъ. Новые сборщики подвергали церковныхъ крестьянъ, приказныхъ и стряпчихъ тѣмъ же истязаніямъ и правежамъ, отъ которыхъ страдало тогда все вообще крестьянство. У духовенства за недоимки удерживали жалованье. Наконецъ въ 1738 г. самая коллегія экономіи переведена въ вѣдомство Сената и получила тоже значеніе, какое имѣлъ монастырскій приказъ до учрежденія Синода. Церковныя вотчины были совершенно разворены; въ 1740 г. на однихъ синодальныхъ приказахъ считалось недоимки 32,335 рублей; коллегія экономіи не знала, чѣмъ заплатить жалованье членамъ Синода, потому что сумма, собранная съ вотчинъ, вся употреблена была на дѣланіе ружей въ Тулѣ.

Бѣлое духовенство пострадало едвали не болѣе. Въ эту эпоху крупныхъ и мелкихъ временщиковъ, угнетенія слабыхъ сильными, оно было совсѣмъ забито. Губернаторы и другія свѣтскія начальства забирали священно-служителей въ свои канцеляріи, держали подъ арестомъ, подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ; въ сельскихъ приходахъ члены причтовъ были полными рабами помѣщиковъ. Замкнутость духовенства съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивалась. Въ 1731 г. вышло распоряженіе Синода и Сената, которымъ дѣтей духовенства вовсе было запрещено увольнять въ свѣтское званіе; только въ 1737 г. сдѣлано было исключеніе для тѣхъ изъ нихъ, которые получили образованіе въ духовныхъ школахъ,—ихъ позволено было принимать на гражданскую службу, гдѣ чувствовался большой недостатокъ въ образованныхъ людяхъ, а между тѣмъ они-то и нужны были для церковнаго служенія. Вслѣдствіе замкнутости духовнаго сословія въ немъ постоянно долженъ былъ накопляться излишекъ людей. При недостаткѣ болѣе почетнаго выхода изъ него излишекъ этотъ не иначе могъ сокращаться, какъ записью лишнихъ людей въ подушный окладъ, которая не прекращалась со времени Петра и особенно усердно практиковалась при Аннѣ Іоанновнѣ. Въ Бироновщину кромѣ того духовенство сильно порѣдѣло въ своихъ рядахъ вслѣдствіе того, что множество священнослужителей подверглось разстриженію, наказанію плетьми и ссылкамъ за связи съ разными опальными людьми и за неслуженіе царскихъ молебновъ и панихидъ. Особенно много пострадало духовныхъ лицъ за небытіе у присяги новой императрицѣ въ 1730 г. Не смотря на то, что это случи-

лось отъ сплошности духовенства и отъ того, что объ этой присягѣ не было выдано своевременныхъ распоряженій, правительство въ 1736 г. опредѣлило—всѣхъ духовныхъ дѣтей, сверхштатныхъ церковниковъ и церковныхъ служителей, не бывшихъ у присяги, взять въ солдаты; въ слѣдующемъ году велѣно брать въ солдаты и тѣхъ изъ нихъ, которые исполнили эту присягу послѣ, въ 1732 г. По этимъ двумъ указамъ взято было въ солдаты 6557 человѣкъ. Немного времени спустя, въ 1737 году вышелъ новый указъ—отдать въ солдаты всѣхъ вообще не дѣйствительно-служащихъ церковниковъ, имѣющихъ отъ 15 до 40 лѣтъ, кромѣ увѣчныхъ. Желающіе освободиться отъ военной службы могли выставлять за себя наемщика или платить 200 рублей, но и послѣ этого все-таки не могли оставаться при церквахъ, а должны были записываться въ подушный окладъ. Въ 1738 г. въ окладъ велѣно записывать даже дряхлыхъ и увѣчныхъ, въ солдаты брать имѣющихъ и болѣе 40 лѣтъ отъ роду, только бы были способны къ службѣ. Этого мало, всѣ забираемые въ военную службу за ту же присягу были еще наказываемы плетьми. Священнослужители, не бывшіе у присяги, должны были платить денежную пеню или тоже ложиться подъ плети. Нѣкоторые со страху стали было подписываться подъ присяжными листами заднимъ числомъ; такихъ тоже били плетьми, кромѣ того еще разстригали и записывали въ подушный окладъ или въ солдаты. Разборъ духовенства прекратился уже въ 1740 г. по милостивому указу по случаю заключенія мира съ Турціей и вслѣдствіе ходатайства св. Синода, который представилъ императрицѣ, что многія церкви совсѣмъ опустѣли, что въ однѣхъ только Тверской, Псковской, Архангельской и Вологодской епархіяхъ 182 церкви оказались вовсе безъ причта.

Конецъ Бироновщины. Въ октябрѣ 1740 г. императрица Анна скончалась. Вслѣдствіе несчастной слабости къ Бирону эта государыня, сама по себѣ простая и добрая русская душа, не лишенная даже своего рода благочестія, усердно строившая и украшавшая храмы Божіи, выливщая знаменитый царь-колоколъ въ 10,000 пудовъ, сдѣлалась участницей и поддержкой ужасовъ Бироновщины. Бироновщина пережила ее только на нѣсколько недѣль. Послѣ сверженія Бирона (въ ноябрѣ 1740 г.) *Анна Леопольдовна*, сдѣлавшись правительницею вмѣсто своего малолѣтняго сына, *Іоанна*, выдала милостивый манифестъ объ освобожденіи отъ заточеній и наказаній всѣхъ несчастныхъ жертвъ прошедшаго царствованія, въ томъ числѣ и духовныхъ лицъ. Ѳеофилактъ былъ освобожденъ изъ крѣпости и помѣщенъ въ домѣ новгородскаго архіепископа *Амвросія Юшкевича* (преемника Ѳеофана и первенствующаго члена св. Синода). Очистивъ его отъ загрубѣвшей на немъ грязи, Амвросій со слезами возложилъ на

него знаки его прежняго сана; разбитый параличемъ страдалецъ былъ лишенъ всякаго движенія и едва могъ говорить. Здѣсь посѣтила его цесаревна Елизавета и спросила: знаетъ ли онъ ее. „Знаю, проговорилъ онъ, ты искра Петра Великаго“. Цесаревна, отвернувшись, заплакала и дала ему 300 рублей на лекарства. Черезъ 4 мѣсяца онъ скончался. Изъ другихъ страдальцевъ архіереевъ Сильвестръ казанскій скончался въ Выборгѣ (1735 г.), Георгій Дашковъ—въ Нерчинскѣ (1739), Левъ Юрловъ и Игнатій получили прощеніе, но безъ возвращенія сана. Евфимій Колетти умеръ около 1739 г.; Платонъ Малиновскій оставался въ Иркутскѣ учителемъ при тамошней школѣ. Рѣшиловъ, Маевскій и Родышевскій, по освобожденіи изъ крѣпости, разосланы по монастырямъ. Правительница не успѣла привести въ исполненіе своего милостиваго манифеста; въ ноябрѣ 1741 г. реакція противъ нѣмецкаго владычества свергла и ее и кончилась восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, къ которой давно уже стремились мысли и подавленные вздохи всѣхъ русскихъ людей и едвали не болѣе всѣхъ духовенства.

Императрица Елизавета. Восшествіе ея на престолъ было встрѣчено общею радостію. Проповѣдное слово, такъ долго сдерживаемое страхами тайной канцеляріи, громко заговорило съ церковныхъ каѳедръ и разразилось энергичнымъ осужденіемъ прошлому времени. Проповѣдники описывали гоненія Нѣмцевъ на православіе, казни и ссылки духовныхъ лицъ, упадокъ благочестія въ обществѣ, бѣдствія народа отъ поборовъ, насилій и ссылокъ. Новая императрица прославлялась какъ освободительница Россіи отъ чужеземнаго ига, возстановительница вѣры и народности, сильное сѣмя Петра, русская Есѳирь и Пульхерія; проповѣдники не находили словъ, чтобы восхвалить ея тѣлесныя и душевныя качества, ея вѣру, мужество, мудрость, благочестіе; восшествіе ея на престолъ составляло, по ихъ словамъ, радость земли, радость самого Христа и небожителей. Личность ея дѣйствительно была весьма популярна и возбуждала бо́льшія надежды въ русскихъ людяхъ; за нее было ея русское происхожденіе, имѣвшее теперь особенно важное значеніе, ея русскій характеръ и привычки, ея чисто русское благочестіе. Всѣмъ было извѣстно, что въ своей любимой Александровской слободѣ она присутствовала каждый день при богослуженіи, любила духовныя книги и проповѣди, часто подолгу молилась предъ иконой Знаменія, которая при восшествіи ея на престолъ слышала ея обѣтъ отмѣнить въ Россіи смертную казнь, со всею строгостію соблюдала посты, дѣлала вклады въ церкви деньгами и работами своихъ рукъ. Такою же она оставалась и на престолѣ; ѣздила по богомольямъ въ монастыри, даже въ Кіевъ; въ Троицкую лавру однаж-

ды ходила изъ Москвы пѣшкомъ; при ея парадныхъ обѣдахъ всегда почти присутствовало духовенство; ея духовникъ *Дубянскій* имѣлъ на нее огромное вліяніе. Есть преданіе, что она хотѣла со временемъ постричься въ монашество и для этой цѣли на берегу Невы велѣла построить Воскресенскій (Смольный) монастырь. Временщики были и при ней, но это были уже не Нѣмцы, а русскіе православные люди. Самымъ сильнымъ человѣкомъ въ ея царствованіе былъ *Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій*. Добродушный Малороссъ, не умѣвшій даже граматѣ, бывшій пѣвчій цесаревны, онъ всю свою жизнь сохранялъ свое церковное направленіе, любовь къ церковной обрядности, къ архіерейскимъ служеніямъ, голосистымъ дьяконамъ, хорошимъ пѣвчимъ, въ высшей степени былъ заинтересованъ всѣмъ, что дѣлалось среди духовенства, былъ хорошимъ знакомымъ членовъ Синода, архіереевъ, архимандритовъ, всѣхъ болѣе видныхъ духовныхъ лицъ и постояннымъ ходатаемъ за нихъ предъ императрицей.

Черезъ мѣсяцъ послѣ восшествія на престолъ императрица объявила освобожденіе отъ ссылокъ и штрафовъ всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, пострадавшимъ въ прежнее время. Льву Юрлову возвращенъ былъ епископскій санъ († 1755 г.); Платонъ Малиновскій, возвращенный изъ Сибири, въ 1742 г. посвященъ въ епископа сарскаго, а въ 1748 переведенъ въ Москву; Маркеллъ Родышевскій поставленъ епископомъ корельскимъ († 1742). Важною милостію для духовенства было распоряженіе 1742 г., по которому судъ надъ духовными людьми за страшное „слово и дѣло“ переданъ былъ изъ тайной канцеляріи св. Синоду и было запрещено по преступленіямъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ, брать духовенство въ свѣтскіе суды безъ сношенія съ его епархіальнымъ начальствомъ.

Св. Синодъ при имп. Елизаветѣ. Импер. Елизавета объявила себя возстановительницей законовъ и порядковъ своего отца. Кабинетъ министровъ былъ закрытъ и св. Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ возстановлены въ прежнихъ правахъ высшихъ правительствующихъ мѣстъ. Ободренные благочестіемъ государыни, члены Синода Амвросій Юшкевичъ и *Арсеній Мацѣевичъ*, епископъ ростовскій, подали докладъ, въ которомъ писали, что если государынѣ не угодно возстановить патріаршества, то по крайней мѣрѣ надобно назначить въ Синодъ президента и этимъ, хотя нѣсколько, приблизить наше церковное управленіе къ характеру управленія церкви восточной, а оберъ-прокурора и коллегію экономіи упразднить, потому что въ Синодѣ, какъ духовномъ правительствѣ, даже и секретарямъ неприлично быть мірянамъ, „Въ Синодѣ нынѣ не только архіереи, но и архимандриты и протопопы, да еще же оберъ-секретари заключаются и до всѣхъ тая

титла, св. Синодъ или верховный святитель, касается; ежели бы регентъ (Биронъ) или генералиссимусъ (Минихъ) съ Остерманомъ утвердилися, кто бы ихъ смѣлъ поспорить, когда бы единого или двухъ своихъ пасторовъ въ Синодъ посадили"? Императрица неуважила этого представленія и оставила св. Синодъ въ прежнемъ видѣ. Любопытныя свѣденія о св. Синодѣ въ царствованіе Елизаветы находимъ въ запискахъ синодальнаго оберъ-прокурора кн. *Шаховскаго*. При поступленіи въ должность онъ нашелъ, что послѣ Петра синодальные порядки были совсѣмъ запущены, суммы расходовались безотчетно, множество дѣлъ оставалось безъ рѣшенія; въ Синодѣ онъ не могъ добыть для себя даже оберъ-прокурорской инструкціи, досталъ ее уже въ Сенатѣ. Поборникъ государственнаго интереса скоро непріязненно столкнулся съ членами Синода по вопросамъ объ излишнихъ расходахъ вотчинныхъ суммъ, о жалованьѣ синодальнымъ членамъ, которое было увеличено вопреки указамъ Петра, о наказаніи духовныхъ лицъ, попадавшихся въ предосудительныхъ для духовенства грѣхахъ, которыхъ, боясь соблазна, св. Синодъ старался не обнаруживать. Шаховской описываетъ, какъ ему трудно было отстаивать свои представленія Синоду вслѣдствіе постояннаго заступленія за его членовъ сильныхъ людей,—Дубянскаго и Разумовскаго. Но, опираясь на сильныхъ людей, члены Синода иногда сами же тяготились ихъ силою. Однажды св. Синодъ посадилъ подъ арестъ одного аѳонскаго архимандрита, который ходилъ по домамъ столицы съ фальшивыми святынями, самовольно служилъ молебны и въ самомъ присутствіи Синода оказалъ презрѣніе къ его власти, сославшись на то, что ему дозволилъ служить самъ протоіерей Дубянскій. Императрица разгнѣвалась за его арестъ и сдѣлала Синоду выговоръ, и только Шаховской прямымъ разъясненіемъ дѣла заставилъ ее сознаться въ несправедливости.

Въ епархіальномъ управленіи замѣчательно открытіе новыхъ епархій—Московской, Петербургской (1742 г.), Переяславской (1744), Костромской (1745), Владимірской (1748) и Тамбовской (1758). Въ 1750-хъ годахъ въ южномъ краѣ Россіи поселилось до 150,000 Сербовъ и Болгаръ; въ 1760 г. они просили уже особаго епископа, но св. Синодъ отказалъ имъ, оставивъ ихъ въ вѣденіи бѣлогородскаго епископа. Въ 1753 г. въ вѣденіи Синода было 30 епархій и въ 28 изъ нихъ считалось 18,070 приходскихъ церквей. Прежніе архіерейскіе приказы съ 1744 г. вездѣ были преобразованы на коллегіальныхъ началахъ и получили названіе консисторій. Въ нисшемъ епархіальномъ управленіи около прежнихъ духовныхъ управителей явились тоже коллегіальныя учрежденія, подчиненныя консисторіямъ, духовныя правленія. Поповскіе старосты оставались съ прежнимъ финансовымъ значеніемъ,

а для надзора за благочиніемъ опредѣлялись духовные заказчики или, какъ они стали называться при Елизаветѣ, благочинные. Благочинные эти почти всегда назначались самими архіереями, какъ и члены консисторій и правленій; выборное начало въ епархіальномъ управленіи вездѣ вытѣснялось приказнымъ, такъ что постоянно выборною оставалась одна толко должность поповскихъ старостъ. Прежняя тяглая система епархіальнаго управленія оставалась неизмѣнною до царствованія Екатерины II и сопровождалась большими злоупотребленіями и поборами съ духовенства при всякихъ его столкновеніяхъ съ своими властями. Не прекращалась и прежняя суровость административныхъ нравовъ въ духовномъ вѣдомствѣ, проявлявшаяся въ жестокихъ и унизительныхъ мѣрахъ смиренія подчиненныхъ духовныхъ лицъ плетьми, палками, заключеніемъ въ консисторскія тюрьмы, работами на архіерейскомъ дворѣ, по монастырямъ, дух. школамъ и проч. и выработывавшая между епархіальными властями грозные типы владыкъ въ родѣ Арсенія Мацѣевича, *Амвросія Зертисъ-Каменскаго* переяславльскаго, потомъ крутицкаго, *Варлаама Скамницкаго* устюжскаго, *Павла Конюскевича* тобольскаго, *Пахомія Симанскаго* тамбовскаго и др. Слышимъ особенно настойчивыя жалобы на то, что вся монополія власти находилась въ рукахъ Малороссовъ, людей пришлыхъ, чужихъ, которые обращались съ подчиненными имъ Москалями пренебрежительно, жестоко и возбуждали къ себѣ сильную ненависть; жаловались не одни безвѣстные члены приходскихъ причтовъ, но и болѣе видныя лица, учители по семинаріямъ, заслуженные священнослужители по епархіямъ, настоятели въ монастыряхъ, даже сами архіереи изъ Великоруссовъ. Каждое малороссійское начальство въ великорусской епархіи старалось окружить себя своими земляками, давало имъ всѣ зависящія отъ него мѣста и должности, а мѣстныхъ уроженцевъ держало въ черномъ тѣлѣ. Общій ропотъ дошелъ даже до ушей императрицы и, не смотря на то, что у нея и духовникъ и фаворитъ Разумовскій были изъ Малороссовъ, заставилъ ее (въ 1754 г.) издать распоряженіе, которымъ дозволено было на архіерейскія каѳедры и архимандричьи мѣста въ знатныхъ монастыряхъ возводить духовныхъ лицъ не одного малороссійскаго, но и великорусскаго происхожденія.

Монашество. Елизавета Петровна оказывала большія милости монастырямъ, утверждала за ними ихъ старыя земли и угодья, раздавала новыя, возвращала тѣ, которыя были отняты у нихъ при Биронѣ. Троицкій монастырь получилъ при ней наименованіе и права лавры. Прежнія строгости касательно увеличенія числа монашествующихъ прекратились; въ 1760 г. позволено постригать желающихъ изъ всѣхъ сословій. Въ 1744 г.

по настойчивымъ просьбамъ св. Синода была закрыта коллегія экономіи и церковныя имѣнія снова переданы въ управленіе самихъ духовныхъ властей, но при этомъ сборы съ этихъ имѣній и штатные оклады духовныхъ учрежденій оставлены въ прежнемъ видѣ, потому что отъ господствовавшаго теперь государственнаго взгляда на церковныя имѣнія уже не могла отступить даже и такая благочестивая государыня, какъ Елизавета. По прежнему продолжалась посылка въ монастыри солдатъ, престарѣлыхъ, сумасшедшихъ и малолѣтнихъ колодниковъ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы стали строиться инвалидные дома, съ открытіемъ которыхъ разсылка инвалидовъ по монастырямъ должна была прекратиться сама собою, но и эти инвалидные дома предполагалось устраивать и содержать тоже на счетъ монастырскихъ вотчинъ. Въ 1757 г., присутствуя на одной конференціи Синода и Сената, императрица замѣтила, что „монастыри, не имѣя власти употреблять свои доходы инако, какъ только на положенные штатомъ расходы, суетное себѣ дѣлаютъ затрудненіе управленіемъ вотчинъ", и начала было дѣлать новыя распоряженія по этому предмету, но не успѣла привести ихъ къ окончанію. Преемникъ ея голштинскій герцогъ *Петръ III*, человѣкъ, пропитанный протестантскими понятіями и оскорблявшій русскій патріотизмъ и религіозность привязанностію ко всему нѣмецкому, въ свое короткое царствованіе сдѣлалъ было наконецъ рѣшительное распоряженіе включить церковныя вотчины въ общій составъ имуществъ государственныхъ, а на содержаніе духовенства назначить жалованье, но переворотъ, свергнувшій его (1762 г.) съ престола, не далъ ему привести этого распоряженія въ исполненіе.

Судьба бѣлаго духовенства менѣе занимала императрицу Елизавету, такъ какъ она, подобно многимъ другимъ высокопоставленнымъ благочестивымъ женщинамъ, въ своемъ уваженіи и милостяхъ изливалась преимущественно въ отношеніи лишь къ близкому ей высшему духовенству и мало знала нужды безвѣстныхъ приходскихъ причтовъ. Прежняя жестокость разборовъ духовенства при ней прекратилась, но самые разборы продолжались, потому что замкнутое духовное сословіе постоянно нуждалось въ очищеніи отъ лишнихъ людей. Во время новой ревизіи 1744 г. лишнихъ церковниковъ съ ихъ дѣтьми и дѣтей сверхштатныхъ священнослужителей велѣно писать въ подушный окладъ при посадахъ, заводахъ, фабрикахъ, на пашенныя земли, при помѣщикахъ, куда похотятъ, или отдавать въ солдаты. По ходатайству Синода тогда же впрочемъ дозволено было такими лишними духовными людьми одной епархіи восполнять недостатокъ духовенства въ другой сосѣдней. Самые разборы производились при

участіи духовной власти, а не одними свѣтскими начальствами, а потому были гораздо легче прежнихъ. Для возвышенія нравственности духовенства выданы были распоряженія, чтобы духовныя лица не пускались въ торги, подряды, откупа, промыслы и ростовщичество подъ опасеніемъ изверженія изъ сана, не домогались излишней платы за требы, изъ корысти не совершали требъ незаконныхъ, не предавались пьянству во время хожденія съ иконами и св. водой и при совершеніи требъ. Подтверждено старинное правило не посвящать ставлениковъ въ попы раньше 30, а въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ. Приходскіе выборы членовъ причта были стѣсняемы архіерейскою властью почти во всѣхъ епархіяхъ не только великороссійскихъ, но и въ Малороссіи, гдѣ выборное начало было особенно сильно развито по приходамъ. Архіереи старались назначать на приходскія вакансіи своихъ кандидатовъ изъ учениковъ духовныхъ школъ; но права наслѣдниковъ церковныхъ мѣстъ были рѣдко ими нарушаемы, частію по тому, что наслѣдники сами большею частію учились уже въ школахъ, а наслѣдницы выдаваемы замужъ за ученыхъ, частію изъ состраданія къ ихъ бѣдности, въ видахъ ихъ призрѣнія, для котораго другихъ епархіальныхъ средствъ не было никакихъ. Для возвышенія внѣшняго благосостоянія духовенства въ 1754 г., по случаю общаго межеванія земель, вышло распоряженіе отмежевать по 10—20 четвертей земли въ полѣ ко всѣмъ церквамъ, которыя не обезпечены ни землями, ни ругой, но въ исполненіе приведено не было, потому что, по неопредѣленности правилъ для межевщиковъ, самое межеваніе скоро остановилось. Съ большимъ успѣхомъ приводились въ исполненіе распоряженія о нестроеніи лишнихъ церквей, издававшіяся нѣсколько разъ на основаніи указовъ Петра Великаго. Въ 1742 г. духовенство освобождено было отъ безпокойной повинности ходить на пожары и на караулы къ рогаткамъ „и отъ прочей полицейской должности“. Тогда же сложена съ него подводная повинность при проѣздѣ чиновниковъ и постойная при проходѣ войскъ. Не велѣно привлекать духовенство къ свѣтскимъ судамъ, что по злоупотребленіямъ провинціальныхъ начальствъ случалось очень часто. Правительство заботилось также о томъ, чтобы духовныя лица не подвергались обидамъ; въ 1757 г. за обиду священнику два драгуна были наказаны шпицрутенами въ количествѣ 6000 ударовъ и сосланы на 10 лѣтъ въ Оренбургъ на работы;—объ этомъ случаѣ велѣно публиковать указами въ острастку другимъ.

Распространеніе христіанства. Благочестивая императрица обратила особенное вниманіе на дѣло инородческой миссіи, которая успѣла значительно ослабѣть послѣ Петра. *Въ области средней Волги* успѣхи св. вѣры до 40-хъ годовъ поддерживались,

только благодаря личному усердію нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ. Въ Казанской епархіи, по донесенію м. Сильвестра, новокрещеные инородцы находились въ самомъ жалкомъ религіозномъ невѣжествѣ и дѣло миссіи крайне нуждалось въ возобновленіи правительственной поддержки. Одинъ Алексѣй Раиоскій, въ 1731 г. возведенный въ санъ архимандрита свіяжскаго монастыря, неизмѣнно трудился на своемъ поприщѣ; въ теченіи 1724—1733 гг. онъ успѣлъ обратить ко Христу до 1300 человѣкъ. Въ Свіяжскѣ у него была школа, въ которой обучалось 20 инородческихъ дѣтей. Въ 1731 г., въ Свіяжскѣ учреждена была особая коммиссія новокрещенскихъ дѣлъ для Казанскаго и Нижегородскаго края. Въ 1735 г., по докладу преемника Сильвестрова, *Иларіона Рогалевскаго*, Сенатъ распорядился устроить въ Казанской епархіи 4 инородческія школы и ассигновалъ на нихъ сумму изъ вѣнечныхъ денегъ Казанской епархіи (2000 р. на постройку и 1378 р. ежегодно). Но частію по недостатку энергіи къ дѣлу миссіи въ правительствѣ, частію по тому, что послѣ Иларіона казанскимъ архіереемъ сдѣлался *Гавріилъ*, человѣкъ старинный, распустившій даже самую семинарію въ Казани, инородческія школы не были заведены до 40-хъ годовъ. Свіяжская комиссія дѣйствовала нерадиво, не имѣла даже списка новокрещеныхъ, такъ что нѣкоторые инородцы для полученія подарковъ крестились по 2, по 3 раза, наконецъ раздавала новокрещеныхъ разнымъ людямъ въ крѣпость, „якобы воспріемникамъ и для обученія христіанскаго закона“. Гражданскія начальства, вмѣсто содѣйствія миссіи, только вредили ей своими поборами съ инородцевъ. Подъ конецъ царствованія имп. Анны дѣла миссіи стали поправляться. Съ 1738 г. казанскимъ епископомъ сдѣлался энергичный просвѣтитель Казанскаго края, *Лука Конашевичъ*. Въ 1740 г. при свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ учреждена правильно организованная миссія съ конторою инородческихъ дѣлъ; ее составляли свіяжскій архимандритъ *Димитрій Сѣченовъ*, 2 протопопа и 5 переводчиковъ, кромѣ того 3 человѣка для канцеляріи и 3 солдата. Въ 1741 г. къ ней прибавлены еще два учителя семинаріи. Всѣмъ имъ даны наказы и ассигновано 10,000 р. въ годъ на жалованье и на расходы по миссіи; новокрещенымъ велѣно давать кресты, рубашки, обувь, шапку и денегъ,—по 1½ руб. взрослымъ и по 50 коп. малолѣтнимъ. Дѣятельность миссіи должна была простираться на Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую губерніи. Для большихъ успѣховъ ея императрица объявила всѣмъ крещенымъ вновь инородцамъ свободу отъ ихъ некрещеныхъ помѣщиковъ, три года льготы отъ податей, свободу отъ рекрутчины и прощеніе преступленій, совершенныхъ до крещенія. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ платежи, отъ которыхъ освобождались крестившіеся,

положено разлагать на некрещеныхъ для побужденія и ихъ къ принятію св. вѣры. Въ отношеніи къ Татарамъ, которые держались своей вѣры тверже всѣхъ инородцевъ, употреблена очень крутая мѣра: велѣно ломать всѣ новыя мечети, особенно въ селеніяхъ, гдѣ съ некрещеными жили крещеные; строеніе новыхъ мечетей совершенно запрещено. Вслѣдствіе сильныхъ жалобъ со стороны Татаръ правительство впрочемъ скоро должно было смягчить строгость этого распоряженія; въ 1744 г. позволено строить новыя мечети по одной на 200—300 душъ въ селеніяхъ, гдѣ не было крещеныхъ; жалобы Татаръ однако не прекратились и послѣ этого, потому что въ рѣдкомъ селеніи не было крещеныхъ.

При такомъ содѣйствіи правительства миссіонеры крестили инородцевъ иногда цѣлыми волостями. При Димитріѣ Сѣченовѣ въ 2 года крещено 17,362 человѣка; въ 1742 г. онъ былъ поставленъ епископомъ въ Нижегородскую епархію, гдѣ обратилъ ко Христу около 50,000 душъ; въ 1748 г. онъ удалился на покой въ казанскую Раиѳскую пустынь, откуда въ 1752 вызванъ снова на святительство въ Рязань, а въ 1757 переведенъ въ Новгородъ. Самыми дѣятельными проповѣдниками христіанства явились вызванные изъ Кіева учители казанской семинаріи, *Сильвестръ Головацкій*, сдѣлавшійся преемникомъ Сѣченова по управленію новокрещенскою конторою, и іеромонахъ *Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ*, усердно ѣздившій по инородческимъ селеніямъ съ проповѣдью и учившій инородческихъ дѣтей въ казанской школѣ. Усерднымъ ревнителемъ обращенія инородцевъ былъ и самъ Лука Конашевичъ; онъ доходилъ въ этомъ дѣлѣ даже до крайностей, наприм. насильно бралъ инородческихъ дѣтей въ школы, строилъ среди татарскихъ поселеній церкви, учреждалъ мимо татарскихъ домовъ крестные ходы и довелъ казанскихъ Татаръ до того, что они едва удерживались отъ общаго возстанія. Нашлись ревнители вѣры и изъ мірскихъ людей, руководившіеся частію искреннимъ желаніемъ помогать св. дѣлу, частію желаніемъ отличиться благочестіемъ предъ набожнымъ правительствомъ [1]. Совѣтникъ *Ярцевъ*, опредѣленный для защиты крещеныхъ инородцевъ отъ некрещеныхъ и для наблюденія за ихъ переселеніями на новыя мѣста жительства, обратилъ до 10,000 инородцевъ. Цѣлыя селенія изъяв-

[1] Крестили вездѣ, гдѣ были инородцы. Полковые священники и командиры обращали инородцевъ между солдатами. Гвардейскій подполковникъ Ушаковъ присылалъ однажды нѣсколько солдатъ иновѣрцевъ въ Синодъ для опредѣленія ихъ на тяжкія работы по монастырямъ, чтобы скорѣе обратились въ христіанство. Св. Синодъ отвѣчалъ на это представленіемъ ему всего неприличія такихъ средствъ въ дѣлѣ вѣры.

ляли готовность креститься, даже не видавши еще миссіонеровъ. Случаи сопротивленія видимъ главнымъ образомъ между Татарами и Терюшевской Мордвой, которая въ 1745 г. возстала противъ Димитрія Сѣченова за раззореніе имъ въ с. Сарлеяхъ языческаго кладбища и слишкомъ энергичныя мѣры къ крещенію язычниковъ. Онъ едва отсидѣлся въ погребѣ у священника После этого мордовское волненіе долго пришлось успокоивать вооруженною силою. Бывали впрочемъ случаи, что миссіонерамъ приходилось прибѣгать къ помощи вооруженныхъ командъ для спасенія себя и отъ крещеныхъ инородцевъ, нападавшихъ на нихъ въ раздраженіи за то, что вслѣдствіе слишкомъ большаго числа крестившихся, у нихъ не доставало средствъ всѣхъ ихъ снабжать указными дачами. Въ теченіе всего царствованія импер. Елизаветы всѣхъ крещеныхъ въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской и Воронежской насчитывалось по отчетамъ свыше 430,000 душъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что крестились почти одни инородцы—язычники; Мордва крещена вся, некрещеныхъ Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ осталось самое малое число; но изъ Татаръ въ 1752 г. крещеныхъ считалось всего 8310 человѣкъ, а по вѣдомостямъ 1755 г. даже 3670 и въ Казанской и въ Симбирской провинціи, что показываетъ, что многіе крещеные Татары обманомъ писались въ числѣ некрещеныхъ. Мухаммеданство успѣло развить даже свою собственную пропаганду среди язычниковъ. При Аннѣ Іоанновнѣ въ Астрахани въ мухаммеданство обратились 634 человѣка; при Елизаветѣ Петровнѣ въ Свіяжской провинціи татарскіе проповѣдники обрѣзали 293 человѣка изъ Чувашъ;—правительство распорядилось возвратить послѣднихъ къ ихъ старой вѣрѣ, а тѣхъ, которые пожелаютъ креститься, крестить. Притомъ же и крещеные Татары были очень ненадежны въ православіи, наприм. въ 1750 г. многіе изъ нихъ подали въ Синодъ просьбу о возвращеніи ихъ къ старой вѣрѣ, по тому будто бы, что архіерей (Лука Конашевичъ) крестилъ ихъ насильно; съ этого времени велѣно крестить только тѣхъ Татаръ, которые подадутъ о крещеніи письменныя прошенія.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы прочно было обращеніе и другихъ инородцевъ; миссіонеры успѣвали только крестить всю эту массу народа, но научить крещеныхъ вѣрѣ не могли успѣть. Поэтому въ селеніяхъ новокрещеныхъ во всей силѣ оставались и старые жрецы, и кереметы, и языческія жертвы. Духовенства, знающаго инородческіе языки, которое бы продолжало дѣло миссіонеровъ, было мало. Объ инородческихъ школахъ все еще только разсуждали, обученіе инородческихъ дѣтей съ 1738 г. производилось только при казанской семинаріи; двѣ первыхъ отдѣльныхъ школы для инородцевъ явились въ Свіяжскѣ уже въ 1745 г., другія двѣ въ 1750,—въ Елабугѣ и Царевококшайскѣ; въ 1753 г.

Лука Конашевичъ всѣ эти школы соединилъ въ одну, устроенную въ Казани, но послѣ него и эта новая школа пришла въ совершенный упадокъ. Лучшимъ средствомъ къ ознакомленію новокрещеныхъ съ вѣрою правительство признавало переселеніе ихъ въ среду Русскихъ и отдѣленіе отъ некрещеныхъ въ особыя селенія съ церквами и причтами. Но сами новокрещеные чрезвычайно тяготились такими переселеніями, потому что, кромѣ разныхъ обидъ, при переселеніи на новыя мѣста имъ приходилось терпѣть часто невознаградимыя хозяйственныя потери. Вслѣдствіе этого вышло новое распоряженіе: если число крещеныхъ въ извѣстномъ мѣстѣ окажется болѣе десятой доли всего населенія, то для отдѣленія крещеныхъ отъ некрещеныхъ переселять на новое мѣсто послѣднихъ. Успѣхи миссіи, тяжесть платежей за крещеныхъ, разрушеніе мечетей, невольныя переселенія сильно взволновали инородческое населеніе приволжскаго края, особенно Татаръ, а между тѣмъ въ сосѣдяхъ, между Башкирами, кипѣлъ опасный бунтъ. Правительство нашло поэтому нужнымъ умѣрить свою ревность къ вѣрѣ. Въ 1755 г. Лука Конашевичъ переведенъ былъ въ Бѣлгородъ. Въ 1756 г. Татарамъ позволено было строить мечети въ селеніяхъ, гдѣ число крещеныхъ менѣе десятой доли населенія, сдѣлано послабленіе въ переселеніяхъ и дозволено на этотъ годъ не ставить рекрутовъ. Съ этихъ поръ дѣятельность миссіи слабѣла годъ отъ году.

Между Калмыками продолжалъ свою миссію *Никодимъ Ленкевичъ*, въ 1725—34 гг. успѣвшій крестить до 1700 человѣкъ. Въ 1734 году онъ былъ уволенъ на покой въ Кіевъ. Но безъ него миссія стала упадать, явились даже совращенія въ старую вѣру тѣхъ, которые были уже крещены; до 1737 г. совратилось 1594 души. Тогда правительство снова вызвало его изъ Кіева, а для прекращенія совращеній рѣшилось исполнить давнишнее желаніе новокрещеныхъ Калмыковъ не разселять ихъ въ разныя мѣста, а назначить для ихъ поселенія одно мѣсто. По ходатайству Никодима и хана *Дондука-Омбо*, преемника Тайшима († 1736) для этого построенъ былъ городъ Ставрополь, куда и переселена была вдова Тайшима *Анна* со всей ея ордой. Для совершенія богослуженія по улусамъ этой колоніи ей дана была походная церковь. Велѣно переводить на калмыцкій языкъ Н. Завѣтъ и молитвы и учредить въ Ставрополѣ школу. Послѣ Никодима († около 1739 г.) главою миссіи сдѣлался его сотрудникъ, протоіерей *Андрей Чубовскій.* При имп. Елизаветѣ число крещеныхъ возрасло до 6000. Крестилось много Калмыковъ въ Астраханской губерніи, гдѣ были главныя ихъ кочевья; крестилась вдова Дондука-Омбо вмѣстѣ съ дѣтьми. Астраханскимъ крещенымъ отводили земли между Волгой, Черемшаномъ и Дономъ.

Несчастная *Грузія*, получившая большія надежды послѣ завоеваній Петра въ Персіи, снова потеряла эти надежды, когда Русскіе въ 1732 г. обратно отдали свои завоеванія Персіи. Впрочемъ Россія постоянно продолжала давать у себя пріютъ всѣмъ Грузинамъ, уходившимъ отъ мухаммеданскихъ гоненій. и принимала живое участіе въ ихъ судьбѣ. Въ 1737 г. св. Синодъ, по просьбѣ царевича *Бакара*, разрѣшилъ издать на грузинскомъ языкѣ Библію и богослужебныя книги; изданіе Библіи послѣдовало въ 1743 г. Въ 1746 г., по предложенію грузинскаго архіепископа *Іосифа*, св. Синодъ принялъ на себя заботу о возстановленіи правосл. вѣры между *Осетинами* и отправилъ къ нимъ миссію изъ Грузиновъ, которая впрочемъ не поладила съ Осетинами, употребляя для своей цѣли болѣе мірскія, чѣмъ духовныя средства и входя часто въ разбирательство чисто мірскихъ дѣлъ между жителями Осетіи, и потому мало имѣла успѣха.

Въ *Сибири*, въ западной ея половинѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ дѣйствовали тѣже мѣры къ обращенію инородцевъ, какія мы видѣли въ приволжскомъ краѣ, тѣже льготы новокрещенымъ, тѣже постановленія о татарскихъ мечетяхъ; тѣже были и результаты этихъ мѣръ; - цѣлыми толпами крестились язычники и повсюду волновались мусульмане. Въ 1748 г. крестилось много Остяковъ и князь ихъ *Мурзинъ*; въ 1751 г. чердынскій игуменъ *Іовъ* обратилъ много Вотяковъ, Вогуловъ, Тунгузовъ и Бурятъ; въ 1753 г. разныхъ инородцевъ Тобольской епархіи крестилось 482 души, въ 1754—311 и т. д. Митрополитъ Сильвестръ Головацкій, поставленный въ Тобольскъ въ 1749 г., былъ тѣмъ же для западной Сибири, чѣмъ Лука Конашевичъ для Казанскаго края; кромѣ обращенія инородцевъ, онъ ревностно занимался противодѣйствіемъ мухаммеданской пропагандѣ, которая особенно была сильна между язычниками Барабинской степи и въ Оренбургскомъ краѣ, и поднялъ противъ нея два серьезныхъ слѣдствія, въ Оренбургѣ и Тобольскѣ. Въ 1755 г. правительство, по жалобамъ озлобленныхъ тобольскихъ Татаръ и Бухарцевъ, перевело его въ Суздаль въ санѣ уже не митрополита, а епископа, и назначило въ Тобольскъ слѣдственную комиссію о его дѣйствіяхъ, которая сильно ободрила мухаммеданъ. Послѣ этого сибирская миссія стала слабѣть, какъ и казанская. Въ восточной Сибири обращеніе инородцевъ усилилось съ 1727 г., когда на Иркутскую епархію поставленъ былъ епископомъ св. *Иннокентій Кульчицкій*. Во время своего пребыванія въ селенгинскомъ монастырѣ и во время управленія епархіей († 1731 г.) онъ обратилъ къ христіанству значительное число Бурятъ. Преемникомъ его былъ префектъ московской академіи *Иннокентій Неруновичъ* († 1741 г.), тоже крестившій множество Бурятъ и Тунгузовъ.

Въ отдаленной *Камчаткѣ* въ началѣ царствованія Елизаветы считалось уже болѣе 6000 христіанъ и 3 церкви. Но священникъ Ермолай Ивановъ былъ одинъ на весь полуостровъ; несмотря на свои постоянные разъѣзды, въ иныхъ мѣстахъ онъ могъ побывать не болѣе одного раза въ нѣсколько лѣтъ; заѣхавъ къ своему прихожанину, онъ наприм. иногда заразъ долженъ былъ крестить у него дочь, обвѣнчать ее съ мужемъ ея, потомъ окрестить уже кстати и ея ребенка. Въ 1743 г. въ Камчатку отправлена была миссія, во главѣ которой былъ поставленъ архимандритъ *Іоасафъ Хотунцевскій* съ подчиненіемъ его иркутскому архіерею. Въ 1750 г., при окончаніи своего служенія, Іоасафъ доносилъ, что вновь обращать въ христіанство было уже некого по всему полуострову. Въ школахъ, которыя завела миссія, обучалось 200 человѣкъ. Хотунцевскій проектировалъ учредить даже особую Камчатскую епархію, но его проектъ остался безъ исполненія. По смерти Иннокентія Неруновича св. Синодъ не назначалъ новаго епископа даже для иркутской каѳедры до 1754 г., когда туда былъ наконецъ поставленъ *Софроній Кристалевскій*. Въ концѣ 50-хъ годовъ крещено было нѣсколько дикарей съ *Алеутскихъ* острововъ.

Китайская миссія упрочена договоромъ, который былъ заключенъ съ Китаемъ при Петрѣ II: выговорено было право держать въ Пекинѣ 4 духовныхъ и 6 свѣтскихъ лицъ и построить на посольскомъ дворѣ церковь съ содержаніемъ отъ русскаго правительства.

Православіе въ Польшѣ. Въ то время, какъ на востокѣ православная церковь успѣшно пріобрѣтала новыхъ чадъ, на западѣ, въ Польшѣ, она сильно страдала отъ гоненій католичества, которыя усиливались по мѣрѣ разгоравшагося раздраженія Поляковъ противъ русскаго вліянія на Польшу. Въ 1733 г. сеймъ устранилъ православныхъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Однообразнымъ рядомъ изъ года въ годъ тянутся съ одной стороны отчаянныя жалобы православныхъ горожанъ, монастырей и епископовъ на насилія, съ другой болѣе или менѣе энергическія представленія королю и сейму отъ русскаго двора и резидентовъ, обычныя отговорки Поляковъ, обѣщанія, откладыванія, иногда впрочемъ и распоряженія о прекращеніи гоненій, но, какъ и прежде, совершенно безполезныя на дѣлѣ. Съ 1721 до 1747 г. въ унію отнято было 165 православныхъ церквей; оставшіяся у православныхъ стояли безъ починки, съ обрушенными кровлями, выбитыми окнами, хуже сараевъ и хлѣвовъ. Монастыри среди бѣлаго дня подвергались нападеніямъ черни и школяровъ, при чемъ монаховъ били, увѣчили, даже убивали до смерти. Бѣлорусскій епископъ *Георгій Конисскій* (съ 1755 г.) жаловался, что однажды

въ Оршѣ онъ едва спасся отъ католическаго изувѣрства, выѣхавъ изъ города въ телѣгѣ, прикрытый навозомъ; въ другое время при нападеніи на его домъ іезуитскихъ школяровъ долженъ былъ спрятаться отъ нихъ въ углу сыраго подвала. Паны подъ пьяную руку, а то даже и въ трезвомъ видѣ, апостольствовали надъ своими хлопами и попами посредствомъ неистовыхъ истязаній. Православныя процессіи подвергались уличнымъ нападеніямъ, такъ что покойниковъ нужно было хоронить по ночамъ. Прикащикъ пана во время православнаго богослуженія входилъ въ церковь съ плетью и гналъ оттуда и народъ и духовенство, какъ скотъ изъ хлѣва. Бѣлоруссія и Украйна слыли у католиковъ подъ именемъ partes infidelium; туда снаряжались цѣлыя миссіи базиліанъ и доминикановъ обращать народъ въ унію; миссія шла съ конвоемъ жолнеровъ, загоняла народъ плетьми въ костелъ или уніатскій храмъ и записывала всѣхъ въ число обращенныхъ, послѣ чего, если кто исполнялъ православную требу, наказывался, какъ отступникъ. Унія все болѣе и болѣе дѣлалась нелѣпостью; она была невозможна, когда православіе, которое она должна была соединять съ католичествомъ, въ глазахъ католика Поляка было хуже жидовства и язычества, когда по милости іезуитовъ католическій Богъ и православный сдѣлались двумя разными Богами, когда толпа студентовъ іезуитской коллегіи, вмѣстѣ съ своимъ начальствомъ, разбивъ похоронную процессію (какъ это было въ Дрогичинѣ въ 1742 г.), ругалась надъ православнымъ крестомъ, топтала его ногами и приговаривала: „Что же ты не сердишься и не мстишь, схизматицкій Боже"? Надежды православныхъ на заступленіе импер. Елизаветы были обмануты; Россія съ необыкновеннымъ долготерпѣніемъ соблюдала свой миръ съ Польшей. Прусскій король *Фридрихъ II*, съ которымъ Россія тогда вела войну, рѣшительнѣе дѣйствовалъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ протестантовъ и много способствовалъ улучшенію ихъ участи въ Польшѣ. Православные хотѣли добиться для себя такой же поддержки у Россіи, даже представляли русскому правительству, что, если оно не окажетъ имъ болѣе дѣятельнаго покровительства, то они принуждены будутъ искать защиты у Пруссіи. Но важность такого представленія надлежащимъ образомъ понята была уже при Екатеринѣ II. См. стр. 380.

Расколъ. Внутри Россіи православіе боролось съ расколомъ. Мѣры противъ него оставались тѣже, какія были при Петрѣ Великомъ; послѣ непродолжительнаго ослабленія въ первыя два царствованія послѣ Петра онѣ снова усилились при Аннѣ Іоанновнѣ, когда главный борецъ противъ раскола, Питиримъ, сдѣлался сильнымъ сторонникомъ Ѳеофана и членомъ св. Синода. Съ 1732 г. св. Синодъ посылалъ противораскольническія миссіи къ польскимъ

границамъ, въ костромскіе лѣса и въ восточный край, гдѣ расколъ особенно усилился на горныхъ заводахъ. Послѣ тщетнаго приглашенія русскихъ бѣглецовъ, жившихъ въ раскольническихъ скитахъ на Вѣткѣ, воротиться въ Россію, въ 1735 г. полковникъ *Сытинъ* получилъ порученіе сдѣлать тамъ строгій розыскъ съ помощію военной команды; скиты были сожжены; около 40,000 бѣглецовъ разослано по разнымъ мѣстамъ. Въ тоже время (1736) были переписаны и обложены окладомъ слободы Стародубья. При имп. Елизаветѣ строгости къ раскольникамъ еще болѣе усилились. Подтверждены законы Петра противъ расколоучителей; возобновлены забытыя постановленія объ особомъ платьѣ для раскольниковъ и о пошлинахъ съ бородачей. Во время ревизіи переписано было множество раскольниковъ, не платившихъ двойнаго оклада. Всѣ раскольники обязаны были для переѣздовъ съ мѣста на мѣсто имѣть паспорты. Стародубскія слободы были переписаны вновь; къ бѣглецамъ на Вѣтку опять посылалось приглашеніе воротиться на свои мѣста. Съ 1761 г. множество раскольниковъ дѣйствительно стали возвращаться въ Россію и селиться въ Новороссіи. Строгости только усиливали фанатизмъ изувѣровъ; при имп. Елизаветѣ было нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ самосозженія раскольниковъ. Въ 1761 г. изданъ указъ, чтобы духовныя лица при слѣдствіяхъ о раскольникахъ воздерживались отъ неприличныхъ ихъ сану поступковъ, употребляли для обращенія раскольниковъ мечъ духовный, а не гражданскій; поводомъ къ этому указу было то, что въ одномъ домѣ сожглось 150 раскольниковъ, которые объявили, что сожигаютъ себя отъ грабительства и раззоренія посылаемыхъ противъ нихъ командъ.—Св. Синодъ продолжалъ развивать противъ раскола и духовныя мѣры. Въ 1744 г. Арсеніемъ Мацѣевичемъ издано „Обличеніе неправды раскольнической“, написанное Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ еще въ 1723 г. Это было первое опроверженіе Поморскихъ отвѣтовъ, доселѣ считавшихся у раскольниковъ неопровержимыми. Внутри самихъ раскольническихъ сектъ, особенно безпоповщинскихъ, шли жаркіе споры о перекрещиваніи вновь совращенныхъ въ расколъ, о бракѣ, объ отношеніи къ правительству, молитвѣ за царя и др. предметахъ, споры, которые вели къ новому дробленію раскола на секты. Въ поповщинѣ развивалась мысль о пріобрѣтеніи собственной іерархіи и сдѣлалась причиною усердныхъ домогательствъ со стороны раскольниковъ пріобрѣсти для своихъ вожаковъ архіерейскій санъ въ Молдавіи или Греціи и появленія нѣсколькихъ архіереевъ самозванцевъ; таковы были: нѣкто *Епифаній* (1724—1735), получившій архіерейскій санъ обманомъ отъ ясскаго митрополита, долго странствовавшій по Украйнѣ и на Вѣткѣ, три раза попадавшійся въ руки русскаго правительства и

кончившій свои странствованія обращеніемъ въ православіе; бѣглый дьяконъ *Аѳиногенъ*, объявившій себя (1751 г.) епископомъ въ Стародубьѣ, настригшій нѣсколько поповъ и дьяконовъ на югѣ Россіи, въ Молдавіи и Буковинѣ, наконецъ поступившій въ Польшѣ въ военную службу; бѣглый монахъ *Анѳимъ*, получившій заочное посвященіе отъ Аѳиногена въ 1753 г., когда тотъ былъ уже польскимъ жолнеромъ, утопленный въ 1757 г. некрасовскими казаками въ Днѣстрѣ.

Съ кончиною имп. Елизаветы для раскола настали лучшія времена. При Петрѣ III изданъ былъ указъ о защитѣ раскольниковъ отъ обидъ; бѣжавшимъ за границу дозволено безбоязненно возвращаться въ Россію и селиться въ Сибири; запрещено преслѣдовать ихъ, „ибо, сказано въ указѣ, внутри имперіи и иновѣрные, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники христіане.... Отвращать ихъ должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно".

Хлысты. Въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1733 г., по доносу разбойника Караулова, назначена была комиссія для разысканія хлыстовъ, въ большомъ числѣ проживавшихъ въ Москвѣ. 116 сектантовъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, въ томъ числѣ 4 старицы московскаго Ивановскаго монастыря, который былъ сильно зараженъ ересью; главные вожди ереси, богородица *Агаѳья* (монахиня Анастасія) и пророки *Филаретъ* и *Тихонъ* (монахи московскихъ монастырей), казнены смертью; менѣе виновные отданы на увѣщаніе пастырямъ церкви и обратились въ православіе. Св. Синодъ сдѣлалъ воззваніе, чтобы всѣ участники ереси безбоязненно являлись къ духовнымъ властямъ для присоединенія къ православію; вслѣдствіе этой кроткой мѣры въ 1734 г. добровольно присоединилось къ церкви 112 человѣкъ еретиковъ.—При импер. Елизаветѣ у хлыстовщины явился новый лжехристосъ, одинъ юродивый *Андрей Петровъ*. Новая комиссія, назначенная въ 1745 г., открыла во внутреннихъ губерніяхъ Россіи до 600 хлыстовъ. Андрей и ближайшіе его послѣдователи были высѣчены кнутомъ и сосланы на каторгу, другіе еретики по наказаніи плетьми разосланы по монастырямъ или записаны въ солдаты. Множество сектантовъ успѣло ускользнуть отъ розысковъ. Св. Синодъ и теперь сдѣлалъ имъ приглашеніе къ добровольному покаянію, но безъ особеннаго успѣха.

Начало ереси духоборцевъ. Въ южно-русской украйнѣ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Харьковской и Екатеринославской губерній, съ 1740-хъ годовъ замѣтно стало обнаруживаться броженіе новыхъ мистико-раціоналистическихъ идей, изъ которыхъ сформи-

ровалась особая ересь духоборцевъ, въ описываемое время еще мало обращавшая на себя вниманія. По всей вѣроятности она возникла изъ смѣси извѣстнаго уже намъ народнаго раціонализма, который преемственно проявлялся въ ересяхъ XVI в., въ ученіи нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ толковъ и въ ученіи московскихъ еретиковъ XVIII в., съ мистицизмомъ жившихъ въ Россіи квакеровъ и меннонитовъ. Наполненная всякаго рода ссыльными и бѣглыми диссидентами, украйна была лучшимъ поприщемъ для развитія своеобразныхъ духоборческихъ общинъ съ ихъ широкимъ отрицаніемъ всего церковнаго строя. Первыми распространителями ереси были въ Харьковскомъ краю какой-то унтеръ-офицеръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ иностранецъ квакеръ, переходившій съ своей проповѣдью съ мѣста на мѣсто, а въ Екатеринославской губерніи нѣкто *Силуанъ Колесниковъ.* Духоборчество явилось съ полнымъ отрицаніемъ всей религіозной внѣшности во имя поклоненія Богу духомъ и истиною. Отрицая авторитетъ соборовъ, св. отцевъ, іерархіи, даже всего вообще внѣшняго откровенія, ересь признавала единственнымъ источникомъ вѣры и спасенія слово Божіе внутреннее, живущее въ каждомъ человѣкѣ. Церковь послѣ этого въ понятіяхъ еретиковъ необходимо сдѣлалась обществомъ только духовнымъ, въ которомъ іудеи, мухаммедане и язычники такіе же члены, какъ и христіане, лишь бы только они внимали глаголамъ внутренняго слова; на основаніи такого понятія о церкви сектанты объясняли всѣ ея таинства въ духовномъ смыслѣ; внѣшность этихъ таинствъ и всѣ вообще обряды, крестное знаменіе, посты, иконы, мощи, равно какъ и вся церковная іерархія оказались при этомъ совершенно не нужными и были отвергнуты. Исключеніе внѣшняго ради внутренняго, духовнаго имѣло сильное вліяніе и на догматику духоборства; оно вѣритъ въ историческаго Христа и признаетъ дѣло совершеннаго Имъ искупленія, но въ тоже время допускаетъ, что можно спастись и безъ вѣры въ Него, съ одною вѣрою во внутреннее слово, которое одно и тоже съ Сыномъ Божіимъ и которое духовно совершаетъ тоже дѣло искупленія, раждается, проповѣдуетъ, страдаетъ и воскресаетъ въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. Въ ученіи о грѣхопаденіи ересь приняла положеніе, что всякій отвѣчаетъ за свой только собственный грѣхъ, что слѣдовательно грѣхопаденіе Адама было только его частное грѣхопаденіе, а общая порча природы человѣческой есть слѣдствіе паденія душъ еще до созданія міра, въ одно время съ паденіемъ злыхъ духовъ.

Развитіе вольнодумства до имп. Елизаветы. Раціоналистическія ученія впрочемъ плохо прививались къ народной массѣ, которая оставалась въ томъ же темномъ религіозномъ невѣжествѣ, какъ въ древней Руси, съ тѣми же дѣтскими обрядовыми

воззрѣніями на православіе, тѣми же суевѣріями, апокрифами, остатками полуязыческихъ представленій, кудесническихъ обрядовъ, примѣтъ и т. п. Все новое образованіе исключительно сосредоточивалось въ высшихъ классахъ; здѣсь же сосредоточилось и то религіозное вольнодумство, которое, какъ мы видѣли, было результатомъ первоначальнаго столкновенія простодушной, неосмысленной русской религіозности съ протестантской цивилизаціей запада. Протестантское вліяніе, такъ сильное при Петрѣ, въ періодъ нѣмецкаго владычества сдѣлалось, разумѣется, еще сильнѣе. Анна Іоанновна весьма строго преслѣдовала всякую католическую пропаганду, выгнала за рубежъ польскихъ ксендзовъ, выгнала Жюбе, заставила отречься отъ католичества кн. Долгорукую, одного изъ князей Голицыныхъ за принятіе католичества сдѣлала придворнымъ шутомъ и обвѣнчала съ придворной дурой Калмычкой (свадьба въ ледяномъ домѣ). Въ 1738 г. за принятіе іудейства сожженъ былъ капитанъ лейтенантъ флота *Возницынъ* вмѣстѣ съ своимъ совратителемъ Барохомъ. Но на протестантовъ такія строгости не простирались; они свободно строили въ Россіи свои кирхи, выписывали для нихъ пасторовъ, заводили школы, распространяли протестантскія сочиненія и мысли въ русскомъ обществѣ. Проповѣдники временъ Елизаветы Петровны единогласно свидѣтельствуютъ, что при имп. Аннѣ Нѣмцы соблазнили множество православныхъ. Изъ этихъ же впрочемъ проповѣдей видимъ, что Русскіе заимствовали у протестантовъ не самую систему протестантскаго вѣроученія, а главнымъ образомъ только легкое отношеніе къ обрядамъ церкви и правиламъ нравственности. И сами представители Нѣмцевъ въ Россіи были плохими представителями положительныхъ протестантскихъ вѣрованій. Биронъ ни разу не бывалъ въ кирхѣ; Остерманъ столько разъ перемѣнялъ религію, что наконецъ никто не зналъ, какого онъ вѣроисповѣданія; большая часть другихъ Нѣмцевъ не имѣли никакой религіи,—всѣ вообще отличались нравственною распущенностію. Въ русскомъ обществѣ и распространялись именно эта безрелигіозность и эта нравственная распущенность. Сколько нибудь систематическій раціонализмъ былъ вовсе не по плечу для этого еще крайне юнаго общества; оно вполнѣ довольствовалось усвоеніемъ только игрушекъ и забавъ цивилизаціи, однихъ только удовольствій и „эпикурскихъ мнѣній“, какъ выражались проповѣдники. Историческія извѣстія, и свои и чужія, говорятъ о необыкновенной роскоши двора, дорогихъ костюмахъ, изумительно богатыхъ балахъ, маскарадахъ и обѣдахъ, на которые проматывалось все столичное дворянство. Женщина, выпущенная изъ терема, обученная всѣмъ пріемамъ европейскаго кокетства, съ увлеченіемъ бросилась на новыя для нея удовольствія семейной свободы; но, не воспитан-

ная для того, чтобы исполнять свое благородное назначеніе для общества, осталась по старому только орудіемъ чувственнаго наслажденія и сдѣлалась лишь новымъ матеріаломъ для „эпикурскихъ“ удовольствій. Однимъ словомъ, эмансипировавшись отъ старыхъ домостроевскихъ порядковъ, общество теперь распустилось во всю широту своей русской, но еще совершенно невоздѣланной натуры. Благочестивые обычаи и благочестивый этикетъ старины были брошены и подверглись посмѣянію, для котораго господствующее протестантское вліяніе давало слишкомъ много матеріаловъ.

Однимъ изъ самыхъ солидныхъ и образованныхъ представителей тогдашняго либерализма былъ *Татищевъ*, авторъ Исторіи Россійской. По его собственнымъ словамъ, все вольнодумство, за которое многіе его обвиняли, состояло въ одномъ только строгомъ разграниченіи догматовъ и обрядовъ, существеннаго и несущественнаго въ православіи, разграниченіи, котораго требовали въ свое время Петръ и Ѳеофанъ. Но онъ пошелъ уже дальше и Петра и Ѳеофана, со стороны перваго вызвалъ извѣстное вразумленіе царской дубинкой, послѣдняго заставилъ написать упомянутое защищеніе книги Пѣснь Пѣсней, въ которой видѣлъ изображеніе одной чувственной любви Соломона къ женѣ Египтянкѣ. Въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи, горячо вооружаясь противъ суевѣрій и ложныхъ чудесъ, онъ задѣваетъ на ряду съ ними многія церковныя преданія, сказанія Пролога и Чети-Миней, называетъ эти преданія и сказанія выдумкою духовенства въ видахъ усиленія клерикальной власти, представляетъ духовенство силою враждебной просвѣщенію и государству, не опускаетъ ни одного почти случая въ исторіи, гдѣ проявлялось участіе духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ, чтобы не поговорить о властолюбіи и о папскихъ стремленіяхъ русскихъ іерарховъ, постоянно вспоминаетъ Никона и не находитъ словъ для порицанія его посягательствъ противъ государства.

Заботы о возстановленіи благочестія при Елизаветѣ. Съ восшествіемъ на престолъ имп. Елизаветы началось строгое преслѣдованіе всякихъ противуцерковныхъ явленій. Благочестивое настроеніе новаго правительства выразилось между прочимъ въ истребленіи мечетей въ восточномъ краѣ и указѣ сломать всѣ армянскія церкви, кромѣ одной въ Астрахани, потому что Армяне уличены были въ совращеніи православныхъ (въ Астрахани ими совращено было 114 человѣкъ); изъ Малороссіи и изъ Риги велѣно выслать всѣхъ Евреевъ; на представленіе Сената, чтобы имъ дозволено было пріѣзжать туда по крайней мѣрѣ временно, для торга, очень выгоднаго для казны, императрица отвѣчала: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“. Вособ-

новленъ былъ старый законъ не отпускать изъ Россіи иностранцевъ, принявшихъ православіе, на этомъ основаніи оставлено въ Россіи множество выходцевъ изъ Лифляндіи, даже такихъ, которые, хотя и не были сами православными, но женились на православныхъ дѣвицахъ и имѣли отъ нихъ дѣтей. Для огражденія православія съ 1743 г. начались цензурныя мѣры противъ вредныхъ для него книгъ, изъяты изъ обращенія переводы сочиненій Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ и Стратемана „Ѳеатронъ“. Не однократно издавались указы, чтобы въ праздничные дни всѣ православные ходили къ богослуженію и каждогодно бывали у исповѣди подъ опасеніемъ штрафа. Постановлено, чтобы въ праздники до окончанія литургіи не было торговли и питейной продажи. Отмѣнено запрещеніе священнослужителямъ носить иконы въ домы прихожанъ для молебствій. За нарушеніе благочинія во время богослуженія съ виновныхъ велѣно брать по 1 рублю штрафа, не выпуская изъ церкви. Издано распоряженіе о приличномъ содержаніи церквей и снабженіи ихъ приличными иконами, облаченіями и сосудами; неискусно написанныя иконы велѣно отбирать. Правительство обратило вниманіе и на то, что въ крестьянскихъ избахъ св. иконы держатся въ нечистотѣ, закоптѣлыя отъ дыма, а многіе иностранцы въ избахъ останавливаются и смѣются надъ такимъ нерадѣніемъ; архіерейскимъ посланцамъ и священникамъ поручено смотрѣть, чтобы крестьяне держали иконы въ чистотѣ, но при этомъ имъ крестьянамъ никакихъ обидъ не чинить и взятокъ не брать. Надъ иконописцами поставлены смотрители изъ лучшихъ мастеровъ. Религіозные эстампы дозволялось печатать и продавать только съ разрѣшенія епархіальныхъ архіереевъ.

Царствованіе благочестивой государыни ознаменовалось открытіемъ новыхъ *мощей святителя Димитрія Ростовскаго*. Въ 1752 г., послѣ нѣсколькихъ опытовъ чудеснаго прославленія ихъ, св. Синодъ освидѣтельствовалъ ихъ и нашелъ нетлѣнными, не смотря на то, что онѣ лежали въ мокрой землѣ, даже безъ надгробнаго свода.

Начало французскаго вліянія на общественную религіозность. Несмотря на благочестивое настроеніе правительства, развитіе религіознаго вольнодумства уже не останавливалось. Въ царствованіе Елизаветы нѣмецкое вліяніе стало замѣняться другимъ еще болѣе опаснымъ вліяніемъ, французскимъ, которое вело за собой знакомство съ разрушительной французской философіей. Не много еще было въ Россіи людей, которые въ состояніи были серьезно изучать произведенія тогдашнихъ корифеевъ французской литтературы; но такого изученія и не требовалось. Философскія идеи дѣлались извѣстны нашимъ вольнодумцамъ большею частію по наслышкѣ,

хватались на лету изъ общественныхъ толковъ, насмѣшекъ, полусловъ, точно такъ же, какъ прежде дѣлались извѣстными идеи протестантскія. Тутъ важна была не степень изученія того или другаго религіознаго направленія, а, какъ вездѣ въ юныхъ обществахъ, не привыкшихъ мыслить самостоятельно, важна была мода, общественное настроеніе, которое дѣлало либеральныя выходки признакомъ хорошаго тона и цивилизаціи. Мода па философію была такъ сильна, что съ 1740-хъ годовъ, по словамъ импер. Екатерины II, головы всего менѣе философскія старались по крайней мѣрѣ казаться философскими. Въ царствованіе Елизаветы воспиталось цѣлое поколѣніе этихъ поклонниковъ философіи, которые выступили на историческое поприще во второй половинѣ XVIII в., извѣстной подъ громкимъ именемъ философскаго вѣка. Средоточіемъ этихъ новыхъ людей былъ тогда, такъ называемый, молодой дворъ наслѣдника престола *Петра Ѳеодоровича*. Впрочемъ самъ Петръ Ѳеодоровичъ, не смотря на все свое обожаніе короля-философа, Фридриха прусскаго, не раздѣлялъ философскихъ идей, былъ исключительно преданъ военнымъ упражненіямъ съ своими голштинскими офицерами и въ самомъ Фридрихѣ цѣнилъ не философа, а только полководца. Душой образованнаго кружка при этомъ дворѣ была супруга наслѣдника *Екатерина Алексѣевна*, съ другомъ своимъ кн. *Дашковой*; та и другая были воспитаны во французскомъ духѣ и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ пропитались идеями Бэля, Монтескьё, Вольтера и др. французскихъ знаменитостей. Главнымъ выраженіемъ либерализма въ большинствѣ общества и теперь впрочемъ оставался тотъ же нравственный эпикуреизмъ, который развивался и при господствѣ нѣмецкаго вліянія. За исключеніемъ немногихъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе солидное образованіе, на самомъ дѣлѣ дававшее имъ возможность понимать философскія идеи, русское дворянство отличалось очень недальнимъ образованіемъ; по большей части оно училось у разныхъ французскихъ проходимцевъ гувернеровъ, бывшихъ въ своемъ отечествѣ кучерами, поварами, парикмахерами, круглыхъ невѣждъ, которые ничего не могли сообщить своимъ питомцамъ, кромѣ презрѣнія ко всему русскому и своего собственнаго умственнаго и нравственнаго развращенія, затѣмъ русскій баричъ, менѣе всего интересовавшійся просвѣщеніемъ, ѣхалъ за границу, въ Парижъ, гдѣ для него доступны были одни удовольствія и гдѣ въ кругу разныхъ гулякъ, среди грязнаго разврата, онъ вполнѣ заканчивалъ свою душевную порчу, превращался, по запальчивому отзыву Сумарокова, „изъ напудренаго человѣка въ напудреную скотину“. Господство французскаго направленія тѣмъ не менѣе очень быстро возрастало и самое это направленіе дѣлалось съ теченіемъ времени солиднѣе.

Послѣ смерти императрицы въ короткое правленіе ея преемника при дворѣ снова повѣяло нѣмецкимъ духомъ: не смотря на всѣ старанія императрицы дать своему наслѣднику православное образованіе и пріучить его къ православной церкви, Петръ III остался въ душѣ чистымъ Нѣмцемъ протестантомъ,—не стѣсняясь ничѣмъ, выказывалъ полное презрѣніе къ православнымъ обрядамъ, задумывалъ все русское духовенство заставить брить бороды и носить платье протестантскихъ пасторовъ, изъ церквей вынести всѣ иконы, кромѣ иконъ Спасителя и Богоматери, по свидѣтельству современника Болотова, будто бы даже далъ о томъ именное повелѣніе архіепископу Дмитрію Сѣченову и, когда этотъ выразилъ протестъ противъ такого изумительнаго распоряженія, то удалилъ его на нѣкоторое время отъ каѳедры. Но эта новая попытка къ водворенію нѣмецкаго вліянія на русскую религіозность скоро кончилась вмѣстѣ съ окончаніемъ самаго царствованія Петра и послѣ нея открылся полный просторъ къ распространенію французскаго вліянія при имп. Екатеринѣ.

Усиленіе средствъ къ религіозному образованію. Съ усиленіемъ религіознаго вольнодумства все болѣе и болѣе чувствовался недостатокъ религіознаго образованія въ обществѣ. Все религіозное образованіе дворянъ и другихъ чиновъ, по словамъ синодальнаго представленія императрицѣ 1743 г. ограничивалось только чтеніемъ Часослова и Псалтири, и то еще въ дѣтствѣ, при обученіи граматѣ; въ отвѣтъ на это представленіе правительство издало указъ всѣмъ родителямъ обучать дѣтей катихизису по Букварю Прокоповича, съ нерадивыхъ родителей братъ штрафъ по 10 рублей, при опредѣленіи молодыхъ людей на службу экзаменовать ихъ въ знаніи катихизиса. Въ духовныхъ академіяхъ издавна существовала особая должность катихизаторовъ, которые должны были каждое воскресенье изъяснять догматы и правила православія съ церковной каѳедры и въ аудиторіяхъ передъ литургіей; тотъ же обычай былъ и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, напр. троицкой и казанской. Въ 1750-хъ годахъ на поприщѣ катихизаторства въ Москвѣ отличался молодой учитель академіи, *Петръ Левшинъ,* будущая знаменитость Екатеринина вѣка. Въ 1761 г. объясненіе катихизиса, какъ дѣло весьма нужное, указомъ св. Синода велѣно производить еще въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ 1744 г. правительство разрѣшило изданіе Камня вѣры, которое было поставляемо тогдашнимъ духовенствомъ въ числѣ самыхъ первыхъ заслугъ императрицы. Послѣ снятія опалы съ этого сочиненія явилась наконецъ возможность издать опроверженіе извѣстнаго „Молотка на Камень вѣры", который доселѣ оставался безъ отвѣта; опроверженіе это написалъ Арсеній Мацѣевичъ. Въ 1750-хъ годахъ вновь были изданы Чети-Минеи св. Димитрія ростовскаго (1757),

Печерскій Патерикъ (1759) и другія полезныя книги. Но самымъ важнымъ изданіемъ безспорно было изданіе Библіи.

Изданіе Библіи. Вопросъ объ изданіи Библіи послѣ Петра поднимался вновь и при имп. Екатеринѣ, и при импер. Аннѣ. Но Ѳеофанъ Прокоповичъ, недовольный трудами Лопатинскаго и его товарищей, настоялъ, чтобы ихъ исправленія библейскаго текста были передѣланы вновь по одному греческому тексту, вслѣдствіе чего дѣло изданія исправленной Библіи затянулось на долгое время. Въ 1744 г. имп. Елизавета распорядилась издать Библію, какъ можно, скорѣе, при чемъ св. Синоду для исправленія библейскаго текста указано имѣть каждодневныя засѣданія по нѣскольку часовъ утромъ и вечеромъ; но послѣ нѣсколькихъ засѣданій св Синодъ отказался отъ этого дѣла за множествомъ другихъ занятій и предоставилъ занятіе имъ особымъ справщикамъ изъ академическихъ учителей. Болѣе всѣхъ трудились надъ этими исправленіями іеромонахи *Іаковъ Блонницкій* (изъ московской академіи) и *Варлаамъ Лящевскій* (изъ кіевской). Они приняли во вниманіе всѣ исправленія прежнихъ справщиковъ, дополнили новыми исправленіями, стараясь держаться, какъ можно, ближе къ переводу LXX и древнему славянскому тексту; вновь перевели съ греческаго книги Товита и Юдиѳи, существовавшія прежде въ переводѣ съ Вульгаты; 3 книгу Ездры, которой нѣтъ въ греческомъ текстѣ, исправили по Вульгатѣ; перечислили всѣ свои исправленія въ особомъ предисловіи и снабдили свой трудъ примѣчаніями и изложеніемъ содержанія каждой библейской книги. Въ такомъ видѣ новая Библія издана была въ 1751 г. и пущена въ продажу по самой дешевой цѣнѣ (5 руб.). Потребность въ ней такъ была велика, что вскорѣ послѣ перваго изданія потребовались три новыя (1756, 1757, 1759 гг.).—Еще со временъ Петра стали заботиться такъ же объ изданіи *библейскихъ толкованій.* Особенно важны были для библейской экзегетики труды *Симона Тодорскаго,* замѣчательнаго лингвиста своего времени, изучившаго въ Кіевѣ и за границей языки греческій, еврейскій, сирскій, халдейскій и арабскій, слушавшаго въ Галлѣ знаменитаго Михаэлиса. Поступивъ (въ 1738) на должность преподавателя греческаго и еврейскаго языковъ въ кіевской академіи, онъ сдѣлался настоящимъ основателемъ изученія свящ. филологіи въ Россіи. Въ 1742 г. его вызвали въ Петербургъ въ законоучители наслѣднику и в кн. Екатеринѣ; здѣсь онъ написалъ свои изслѣдованія по восточной филологіи и принималъ участіе въ изданіи Библіи. И Лящевскій и Блонницкій были его учениками.

Проповѣдничество. Между многочисленными проповѣдниками временъ Елизаветы самыми замѣчательными были: Амвросій Юшкевичъ, Димитрій Сѣченовъ, преемникъ Амвросія по каѳедрѣ

Стефанъ Калиновскій, ректоръ сергіевской семинаріи *Кириллъ Флоринскій*, придворный проповѣдникъ троицкій архимандритъ *Гедеонъ Криновскій*, котораго Сумароковъ называетъ мужемъ великаго краснорѣчія и ставитъ выше Ѳеофана, другой придворный проповѣдникъ дьяконъ *Стефанъ Савицкій*, ректоръ кіевской академіи, потомъ епископъ костромской, наконецъ петербургскій *Сильвестръ Кулябка*, учители московской академіи *Порфирій Крайскій и Гедеонъ Антонскій*, извѣстные намъ Платонъ Малиновскій, Маркеллъ Родышевскій и мн. другіе. Проповѣдному слову много приходилось высказать послѣ своего долгаго молчанія; кромѣ изображенія страданій церкви до имп. Елизаветы и восхваленія добродѣтелей и заслугъ государыни, проповѣдники должны были обличать пороки и вольнодумство современнаго общества. Они гремѣли противъ „скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, нрава и ума епикурейскаго и фреймасонскаго, противъ не исповѣдующихъ Бога и Его промысла, блядословящихъ, что событія производитъ фортуна, слѣпой случай, а не Богъ". По случаю Лиссабонскаго землетрясенія (1755 г.), которое дало Вольтеру поводъ написать поэму противъ ученія о Промыслѣ, Гедеонъ Криновскій говорилъ слово, въ которомъ доказывалъ, что источникъ бѣдствій человѣческихъ находится не въ природѣ, а въ грѣхахъ людей, что не страшны ни землетрясенія, ни гибель городовъ, а страшенъ гнѣвъ Божій — вина подобныхъ бѣдствій. Обличеніемъ современныхъ нравовъ особенно извѣстенъ Димитрій Сѣченовъ.

Въ церковно-историческомъ родѣ замѣчательны труды *Никодима Селлія*. Онъ былъ Датчанинъ, ученикъ Буддея, обратился въ православіе изъ лютеранства и по пріѣздѣ въ Россію (1722 г.) былъ долгое время учителемъ петербургской семинаріи, потомъ постригся въ монахи († 1746 г.). Въ Россіи онъ съ любовію занялся изученіемъ Русской исторіи. Въ 1736 г. въ Ревелѣ явилось обширное сочиненіе его на латинскомъ языкѣ: „О писателяхъ политической и церковной исторіи Россіи"; потомъ онъ написалъ „Зерцало россійскихъ государей" отъ Рюрика до Елизаветы, 5 книгъ „О россійской іерархіи", въ которыхъ помѣстилъ свѣденія о русскихъ іерархахъ, соборахъ, монастыряхъ, училищахъ и святыхъ, наконецъ „Словарь чудотворныхъ иконъ".

Въ 1740-хъ годахъ еще въ рукописи стали ходить по рукамъ записки пѣшеходца *Василія Барскаго*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ путешественниковъ по св. мѣстамъ, сочиненіе котораго имѣло тоже значеніе для благочестивыхъ людей новаго времени, какое имѣло для древнихъ граматниковъ хожденіе игум. Даніила. Получивъ образованіе въ кіевской академіи и во Львовѣ, онъ отправился въ свое путешествіе въ 1724 г. и

въ теченіи 23 лѣтъ исходилъ Италію, Грецію, Палестину, Египетъ и Аравію, особенно долго оставался на Аѳонѣ († 1747 г.).

Духовныя школы. Для распространенія образованія въ духовенствѣ продолжалось заведеніе духовныхъ школъ. Въ царствованіе Екатерины и Петра II, во время усилившейся реакціи, попеченіе правительства о заведеніи этихъ школъ ослабѣло; распространеніе дух. образованія поддерживалось, только благодаря просвѣтительному усердію нѣкоторыхъ архіереевъ; въ это время явились новыя школы: въ Харьковѣ (коллегіумъ при *Епифаніи* бѣлогородскомъ), Иркутскѣ (1726), Псковѣ (при *Рафаилѣ Заборовскомъ*), Тобольскѣ (при *Антоніи Стаховскомъ*) и Астрахани (1729 г. при *Варлаамѣ Леницкомъ*). При имп. Аннѣ, во время усиленія Ѳеофана и при временщикахъ Нѣмцахъ, которые старались показывать себя цивилизаторами Россіи, распоряженія о школахъ сдѣлались энергичнѣе. Всѣ школы являются теперь съ славяно-латинскимъ курсомъ и переименовываются въ семинаріи; славяно-россійскія школы стали считаться уже нисшими училищами, хотя впрочемъ и въ семинаріяхъ ученіе не простиралось дальше латинской грамматики. Такъ явились семинаріи: въ Холмогорахъ, Вологдѣ (1730), Коломнѣ (1731), Невскомъ монастырѣ (1732), Казани, Псковѣ (1733), Вяткѣ (1735), Нижнемъ, Рязани, Устюгѣ, Переяславѣ (1738), Вязьмѣ (крутицкая), Твери, Ростовѣ (1739), Суздалѣ и Новгородѣ (1740), однѣ вновь, другія, будучи преобразованы изъ старыхъ нисшихъ школъ. Кромѣ этихъ семинарій, были еще три, устроенныя по семинарскому типу еще раньше: харьковскій коллегіумъ и черниговская съ самаго начала существованія и смоленская съ 1728 г. Вездѣ введено извѣстное кіевское раздѣленіе классовъ, кіевскія школьныя должности и порядки. Всѣ эти семинаріи впрочемъ едва держались. Въ нихъ постоянно оказывался недостатокъ учителей, да и учениковъ все еще нужно было добывать путемъ насильственныхъ наборовъ. Не смотря на покровительство, объявленное правительствомъ всѣмъ учившимся въ школахъ дѣтямъ духовенства, страшные разборы Бироновскаго времени касались и ихъ. Губернаторы вмѣстѣ съ архіереями обязывались каждогодно производить строгіе экзамены и всѣхъ неспособныхъ и лѣнивыхъ учениковъ отдавать въ солдаты. Кромѣ того, всѣ эти семинаріи не были обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Правительство разсылало строгіе указы о заведеніи новыхъ семинарій, требовало отчетовъ о числѣ учениковъ и о томъ, кто изъ нихъ, чему, когда выучился и куда опредѣлился на службу, изъявляло неудовольствіе на то, что семинаріи заводятся медленно, винило „духовную команду въ отважномъ и нечувственномъ небреженіи“ къ ея долгу, но всѣ издержки на эти семинаріи отъ себя отстраняло, оставляя ихъ на попеченіе

самой духовной команды и въ тоже время отнимая у послѣдней управленіе ея вотчинами; на содержаніе семинарій оставался одинъ скудный и н опредѣленный сборъ хлѣба съ церквей и монастырей на основаніи Регламента. Въ 1738 г. сдѣлано было наконецъ распоряженіе составить для семинарій штаты, но какъ скоро дѣло дошло до ассигнованія штатныхъ суммъ, такъ и остановилось; штатное содержаніе получила одна новогородская семинарія. Не удивительно, что нѣкоторыя и заведенныя уже семинаріи закрывались или по недостатку средствъ, напр. въ Ростовѣ, или за неимѣніемъ учителей, напр. въ Суздалѣ (1740.г.), или по недостатку любви къ просвѣщенію у нѣкоторыхъ архипастырей, напр. въ Казани, гдѣ архіерей *Гавріилъ* въ 1736 г. распустилъ по домамъ болѣе 80 учениковъ. Тѣмъ достопамятнѣе ревность къ просвѣщенію тѣхъ архипастырей, которые заводили и поддерживали у себя школы, не смотря на всю скудость своихъ епархіальныхъ средствъ, каковы: Иларіонъ Рогалевскій (1732 — 1735) и Лука Конашевичъ въ Казани, Лаврентій Горка (1733—1737 г.) въ Вяткѣ, Питиримъ въ Нижнемъ, Гедеонъ въ Смоленскѣ, Антоній Стаховскій въ Тобольскѣ, Сильвестръ Кулябка въ Костромѣ и другіе. Подъ конецъ царствованія имп. Анны всѣхъ учениковъ духовныхъ школъ считалось 2589, число очень не большое, особенно при тогдашнемъ множествѣ вакантныхъ мѣстъ при церквахъ. Не даромъ духовное начальство очень неохотно отпускало своихъ школьниковъ въ свѣтскую службу и старалось усиливать сословную замкнутость семинарій.

При имп. Елизаветѣ судьба семинарій нѣсколько улучшилась. Государыня всегда являлась покровительницею духовнаго просвѣщенія, не разъ бывала въ троицкой и невской семинаріяхъ на диспутахъ, во время посѣщенія обѣихъ лавръ приглашала семинарскихъ учителей къ своему столу, семинаристамъ изъ податнаго состоянія объявила свободу отъ подушнаго оклада и рекрутства. Духовная власть, получивъ церковныя имѣнія въ свое распоряженіе, вмѣстѣ съ этимъ получила болѣе средствъ къ распространенію духовнаго образованія. Но за то само правительство теперь сложило съ себя всѣ попеченія о поддержкѣ семинарій, напр. въ 1742 г. оно было назначило штатный окладъ для невской семинаріи, но послѣ возвращенія церковныхъ имѣній въ вѣдомство Синода снова его отмѣнило; Лука Конашевичъ и Антоній тобольскій, просившіе пособія для своихъ семинарій, получили рѣшительный отказъ. Новыя семинаріи открылись въ Троицкой лаврѣ (1742), Тобольскѣ (1744), Воронежѣ (1745), Ярославлѣ, Костромѣ (1747), Владимірѣ (1750), Переяславлѣ (1753), Могилевѣ (1767). Число всѣхъ семинарій къ концу описываемаго времени возрасло до 26, а учениковъ въ нихъ насчи-

тывалось до 6000. Духовному начальству однако и теперь еще приходилось заниматься охотой за бѣглыми учениками. Лучшими семинаріями были: *харьковскій коллегіумъ*, который трудами образованныхъ архипастырей, *Петра Смѣлича*, *Іоасафа Горленка* и Луки Конашевича, доведенъ былъ до равенства съ академіями и въ которомъ раньше всѣхъ семинарій начался курсъ богословія (1731 г.); семинарія *петербургская* (учениковъ было до 75); *троицкая* въ Сергіевской лаврѣ (до 200 учениковъ), скоро послѣ своего основанія сравнявшаяся съ академіями, такъ что въ нее, какъ въ высшее заведеніе, посылались ученики изъ другихъ семинарій, а воспитанники ея разсылались по разнымъ семинаріямъ на должности наставниковъ; *казанская*, которая со времени Луки Конашевича считалась самою многолюдною (до 300 учениковъ) и одною изъ самыхъ благоустроенныхъ. Кромѣ этихъ семинарій, философія и богословіе преподавались въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери и Смоленскѣ, одна философія—въ Тобольскѣ, Рязани и Нижнемъ; изъ другихъ семинарій, гдѣ обученіе не вездѣ доходило даже до риторики, избранныхъ учениковъ посылали доучиваться высшимъ наукамъ въ троицкую семинарію или въ академіи.

Между *академіями* первое мѣсто все еще занимала кіевская, не смотря на то, что пользовалась гораздо меньшимъ вниманіемъ правительства, чѣмъ московская; окладъ ея, даже послѣ его увеличенія при Елизаветѣ, простирался всего до 200 руб., тогда какъ на московскую положено было выдавать 4500 руб. Бѣдные кіевскіе бурсаки много должны были терять дорогаго времени и чести, бродя крохоборниками по домамъ съ своими миркованіями, кантами, рацеями и вертепами; не смотря на то, число ихъ постоянно было огромное, 1160—1230 человѣкъ, тогда какъ въ московской академіи, при всѣхъ усиліяхъ набрать больше учащихся, число ихъ колебалось только между 200 и 600. Вторымъ Могилою для кіевской академіи явился м. *Рафаилъ Заборовскій* († 1747), по имени котораго она названа Заборовскою. Онъ исходатайствовалъ у имп. Елизаветы прибавку къ академическому окладу, перестроилъ академическія зданія, выстроилъ новую бурсу, давалъ въ свой счетъ награды учителямъ, содержалъ нѣсколько бѣдныхъ учениковъ и посылалъ ихъ за границу, обогатилъ библіотеку и расширилъ академическій курсъ введеніемъ въ него еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго языковъ. Обѣ академіи были заведеніями открытыми для всѣхъ сословій. Правда московская академія нѣсколько разъ заявляла наклонность къ сословной замкнутости, напр. 1725 г. ректоръ Гедеонъ отказался принять въ нее нѣсколько недорослей дворянъ на томъ основаніи, что она назначена только для образованія духовныхъ юношей въ надежду священства; но такая

замкнутость оказывалась невозможной по недостатку тогда свѣтскихъ заведенiй; въ 1736 г. въ академiю поступило 158 дворянъ. Равнымъ образомъ безуспѣшны были жалобы нѣкоторыхъ ея ректоровъ на то, что кончившiе курсъ студенты, въ ущербъ духовной службѣ, опредѣлялись въ свѣтскую службу, посылались для образованiя за границу, въ академiю наукъ и въ московскiй госпиталь. Сословное значенiе стало усиливаться въ академiяхъ уже со времени открытiя московскаго университета (1755), который отвлекъ отъ нихъ множество молодыхъ людей. Въ московской академiи замѣчательно развитiе между наставниками духа монашества. Въ 1744 г. всѣ наставники ея были монахи, кромѣ одного *Кондакова*; за нежеланiе постричься св. Синодъ лишилъ его должности.

Кiевская академiя шла впереди московской и въ усовершенствованiи своего курса. Преподаванiе греческаго языка введено было и въ той и въ другой академiи въ одно время – въ 1738 г., но преподаванiе нѣмецкаго и еврейскаго языковъ въ Москву принесено уже (въ 40-хъ годахъ) воспитанниками Кiева; кромѣ того съ 1753 г. въ Кiевѣ преподавался уже модный языкъ тогдашней цивилизацiи – французскiй. Въ преподаванiи философiи съ 1752 г., вмѣсто Аристотеля, въ Кiевѣ введена была новая система Баумейстера. Въ Москвѣ тоже встрѣчаемъ попытку знакомить студентовъ съ новой философiей Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа; но за такую попытку учитель *Владимiръ Каллиграфъ* (1755—1757) обвиненъ былъ въ распространенiи протестантскихъ и жидовскихъ плевелъ и лишился мѣста. Въ преподаванiи богословiя и въ академiяхъ и въ семинарiяхъ все еще царила схоластика, развивавшая въ своихъ питомцахъ духъ любопренiя и школьный педантизмъ, и латинь, которая совершенно закрывала плоды богословской науки отъ публики и кромѣ того весьма много мѣшала развитiю русскаго богословскаго языка и самой науки, доводила богослова до того, что онъ, непобѣдимый на школьныхъ латинскихъ диспутахъ, не могъ объяснить порусски самыхъ простыхъ истинъ вѣры. Въ кiевской академiи произведены были очень полезныя улучшенiя и въ преподаванiи богословiя. Тамошнiя богословскiя системы старались понемногу освобождаться отъ схоластики и ближе держаться направленiя, даннаго богословiю Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; лучшими между ними были системы Сильвестра Кулябки (1741 — 1745) и Георгiя Конисскаго. Въ 1759 г. м. *Арсенiй Могилянскiй* замѣтилъ, какъ много времени теряютъ студенты, списывая при каждомъ новомъ преподавателѣ богословiя новыя записки по этой наукѣ, ничѣмъ существенно не отличающiяся отъ прежнихъ, кромѣ развѣ слога да перестановки съ мѣста на мѣсто параграфовъ, записки притомъ же не-

обычайно растянутыя, наполненныя пустымъ краснорѣчіемъ, и вслѣдствіе этого распорядился, чтобы для студентовъ введенъ былъ одинъ учебникъ богословія и чтобы наставники въ своихъ лекціяхъ избѣгали всякихъ излишнихъ амплификацій и риторства, по милости которыхъ богословская система доселѣ еще ни разу не проходилась въ академіи сполна. Съ этого времени изученіе богословія въ Кіевѣ стало производиться исключительно по системѣ Прокоповича. Въ это же время введено было преподаваніе богословія *на русскомъ языкѣ* по Прав. Исповѣданію П. Могилы. Въ московской академіи первую попытку освободиться отъ схоластики видимъ въ урокахъ *Кирилла Флоринскаго* (1739—1740), представляющихъ переходъ отъ господствовавшей доселѣ системы Лопатинскаго къ системѣ Прокоповича. Послѣ Флоринскаго направленіе Прокоповича дѣлается господствующимъ и здѣсь.

IX. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II И ПАВЛѢ I.

Послѣ кратковременнаго царствованія Петра III, успѣвшаго своимъ ненаціональнымъ и безтактно-либеральнымъ характеромъ раздражить почти всѣ сословія, въ концѣ іюня 1762 г. началось царствованіе *Екатерины II*, императрицы-философа XVIII в. Мудрецы Европы замѣтили восходящую звѣзду новаго просвѣщенія еще тогда, когда Екатерина была в. княгиней, и радостно привѣтствовали ея восшествіе на престолъ, обѣщавшее богатые плоды для господствовавшаго направленія вѣка. Надежда ихъ не обманула; въ Россіи тоже начался философскій вѣкъ.

Отношеніе Екатерины къ французской философіи. Подобно другимъ государямъ—философамъ своего времени она старалась созидать свои правительственныя распоряженія на основахъ современной философіи и завязала самыя тѣсныя связи съ представителями новаго образованія, вела дѣятельную переписку съ Вольтеромъ, облагодѣтельствовала Дидро, Д'Аламбера приглашала въ воспитатели в. кн. Павлу Петровичу, слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось и говорилось въ либеральныхъ парижскихъ салонахъ, въ которыхъ собирались тогдашнія знаменитости науки и искусства, лично переписывалась съ мадамъ Жоффрэнь, у которой былъ самый модный салонъ этого рода, предлагала философамъ издавать въ Россіи ихъ запрещенныя французскимъ правительствомъ сочиненія даже знаменитую Энциклопедію. Абсолютистскія правительства смотрѣли на петербургскій дворъ, какъ на гнѣздо самыхъ революціонныхъ идей; во Франціи на ряду съ опасными сочиненіями либераловъ запрещенъ былъ Наказъ Екатерины, какъ книга, подрывающая

основы государства. Въ самой Россіи многіе осторожные люди со страхомъ смотрѣли на либеральныя замашки императрицы.— Но какъ ни велико казалось ея увлеченіе новой философіей, на самомъ дѣлѣ она никогда не доходила въ немъ до потери самообладанія и забвенія своего положенія: отъ этого спасалъ ее холодный, практическій и разсчетливый умъ, который чутко прислушивался ко всякимъ отрезвляющимъ впечатлѣніямъ дѣйствительной жизни. Сами философы иногда должны были прикусывать языкъ предъ практическими сужденіями своей поклонницы, которая на всѣхъ теоретиковъ и фантазеровъ смотрѣла, какъ на „вралей". Дидро, слишкомъ навязывавшему ей свои идеи, она сказала однажды, что идеи эти очень хороши для бумаги, которая все терпитъ, но не для нея, несчастной императрицы, имѣющей дѣло съ людьми, которые чрезвычайно бываютъ чувствительны. Усвоивъ современныя философскія идеи, она въ тоже время хорошо усвоила и современныя политическія ученія, которыя учили государей и политиковъ держаться такъ, какъ требовали обстоятельства времени и „умоначертаніе" управляемаго народа, не увлекаясь своими личными убѣжденіями и держа эти убѣжденія про себя, если они не годны въ практикѣ. Отсюда эта двойственность между словомъ или убѣжденіемъ и дѣломъ, какая замѣчается во всей правительственной дѣятельности Екатерины. Съ самаго же начала своего царствованія она ясно обнаруживала даже нѣкотораго рода утилитарное отношеніе къ модной философіи, которое еще болѣе развилось у нея съ теченіемъ времени. Философія служила лучшимъ украшеніемъ ея трона предъ лицемъ Европы, орудіемъ ея славы, а философы—лучшими глашатаями этой славы, лучшими проводниками всего, что императрица хотѣла разгласить по Европѣ. Кромѣ того, ставши у себя въ государствѣ во главѣ философскаго движенія, императрица получила чрезъ то возможность управлять имъ и этимъ чрезвычайно выигрывала предъ тѣми правительствами, которыя имѣли безтактность упрямо встать противъ этого движенія къ совершенному ущербу и своей репутаціи, и своего общественнаго вліянія. Благодаря, можетъ быть, этому обстоятельству, либеральное повѣтріе и не дошло у насъ до тѣхъ пагубныхъ результатовъ, до какихъ оно дошло во Франціи, гдѣ власть совсѣмъ отказалась руководить современнымъ движеніемъ и предоставила его на произволъ народной массы.

Отношеніе императрицы къ церкви. Проявленія государственнаго либерализма допускались Екатериною въ высшей степени осторожно, ограничивались лишь тѣснымъ кружкомъ придворныхъ да разныхъ начальствъ и дворянъ,—людей, которымъ менѣе всего было выгодно либеральничать въ подрывъ государственныхъ

основъ, и тщательно устранялись ею отъ жизни народной массы. Менѣе опаснымъ съ тогдашней государственной точки зрѣнія казался либерализмъ религіозный, и распространеніе его было шире. Императрица и здѣсь впрочемъ считала съ своей стороны необходимымъ соблюдать самое строгое религіозное приличіе, потому что украшаться философіею предъ лицемъ религіознаго русскаго народа было бы въ высшей степени странно. Въ манифестѣ при восшествіи на престолъ она рѣзко отозвалась о неправославномъ направленіи своего предшественника и обѣщала возстановить поколебленное имъ православіе. Духовенство было довольно ея почтительнымъ съ нимъ обращеніемъ; она цѣловала руки у духовныхъ сановниковъ, внимательно слушала проповѣдниковъ, щедро поощряла духовныхъ лицъ наградами. Въ 1763 г. она сама присутствовала при переложеніи мощей св. Димитрія Ростовскаго въ новую раку; въ слѣдующемъ году разрѣшила открыть мощи св. Иннокентія иркутскаго. Аккуратно соблюдая церковныя обязанности, она постоянно хранила посты, по праздникамъ присутствовала при богослуженіи, каждый годъ говѣла и заставляла говѣть весь дворъ. Въ 1765 г. былъ подтвержденъ ею Петровскій указъ о штрафѣ за небытіе у исповѣди и причащенія. При всемъ томъ собственно государственныя отношенія ея къ церкви были ясно запечатлѣны характеромъ тогдашнихъ политическихъ воззрѣній на религію и церковь, какихъ держались всѣ либеральные государи и политики Европы. Всѣ эти государи и политики согласно считали религію очень важной политической силой, которой трогать никакъ не слѣдуетъ, которой напротивъ нужно пользоваться, какъ лучшимъ орудіемъ для управленія народами, лишь только подчиняя ее интересамъ государственнымъ, а для этого первымъ долгомъ считали возставать противъ особенно сильной на западѣ клерикальной теоріи двухъ властей, свѣтской и духовной, чтобы оставить въ государствѣ одну первую, а церковь сдѣлать чисто государственнымъ учрежденіемъ; они охотно участвовали въ развитіи идей вѣротерпимости, считая государство по существу индифферентнымъ въ отношеніи къ религіи, въ горячей ломкѣ папскаго престола, который такъ долго мѣшалъ развитію государствъ, въ ломкѣ инквизиціонныхъ трибуналовъ, палившихъ на своихъ кострахъ все, что было лучшаго въ свѣтскомъ образованіи Европы, содѣйствовали закрытію клерикальныхъ школъ и особенно усердно спѣшили сокращать число монастырей и отбирать въ казну ихъ богатыя имущества. У насъ никогда не было ни папства, ни инквизиціи, ни униженія государственной власти предъ духовной, ни сильныхъ монашескихъ орденовъ, ни даже систематическаго клерикализма; но европейское движеніе все-таки перешло и къ намъ, потому что, за не-

имѣніемъ своей русской точки зрѣнія на дѣло, западная точка зрѣнія оказывалась единственною и у нашихъ политиковъ. У насъ тоже заговорили и противъ религіознаго фанатизма, и противъ теоріи двухъ властей, и объ ослабленіи опаснаго могущества духовенства, и объ отнятіи у него церковныхъ имуществъ.

Возвышеніе новыхъ лицъ въ іерархіи. Первымъ дѣломъ Екатерины было дать ходъ новымъ лицамъ въ іерархіи, которыя бы могли соотвѣтствовать ея правительственнымъ видамъ. Малороссы, занимавшіе доселѣ всѣ важнѣйшіе іерархическіе посты, не нравились ей по своимъ клерикальнымъ тенденціямъ; между ними она отличала только двоихъ архіереевъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ, казанскаго *Гавріила Кременецкаго* и крутицкаго *Амвросія Зертисъ-Каменскаго.* Перваго съ самаго же начала царствованія она перевела въ Петербургъ на мѣсто *Веніамина Пуцека-Григоровича,* который былъ назначенъ въ Казань, на мѣсто своего прежняго миссіонерскаго служенія. Въ 1764 г. все малороссійское духовенство поставлено было даже подъ тайный надзоръ малороссійскаго генералъ - губернатора, который долженъ былъ наблюдать, не проявляетъ ли оно „склонности къ началамъ ненасытнаго папскаго властолюбія“. Все вниманіе Екатерины обращено было на молодыхъ великорусскихъ ученыхъ монаховъ, которые такъ долго были затираемы Малороссами и теперь готовы были со всѣмъ усердіемъ служить власти, впервые ихъ возвышавшей. Первымъ изъ нихъ возвысился еще раньше, при имп. Елизаветѣ, *Димитрій Сѣченовъ,* занимавшій теперь первенствующій постъ архіепископа новогородскаго. Екатерина оцѣнила его усердіе при восшествіи ея на престолъ, дала ему санъ митрополита и 1000 душъ крестьянъ въ личное владѣніе; она потомъ рекомендовала его Вольтеру, какъ образцоваго архіерея, совершенно отвергавшаго теорію двухъ властей. Вторымъ за нимъ возвысился архимандритъ Троицкой лавры *Гедеонъ Криновскій,* извѣстный проповѣдникъ, человѣкъ образованный, жившій, какъ роскошный вельможа, врагъ Малороссовъ и ихъ направленія, всѣмъ обязанный свѣтской власти; Екатерина дала ему псковскую каѳедру и оставила его при Синодѣ.

Гавріилъ и Платонъ. Сѣченовъ и Криновскій, достигнувъ вліятельнаго положенія, потомъ усердно сами покровительствовали Великоруссамъ. Благодаря ихъ поддержкѣ, возвысился воспитанникъ московской академіи *Гавріилъ Петровъ.* Замѣтивъ его способности, Гедеонъ почти насильно заставилъ его постричься въ монахи и потомъ вмѣстѣ съ Димитріемъ быстро (въ три года) провелъ его по всей лѣствицѣ низшихъ должностей до академической ректуры и архимандритства (1761 г.). При Екатеринѣ въ 1763 г. онъ былъ посвященъ въ епископа тверскаго, а черезъ

два года вызванъ въ Петербургъ. Екатерина отзывалась объ немъ, какъ о человѣкѣ „резонабельномъ", и посвятила ему русское изданіе запрещенной во Франціи книги Мармонтеля „Велизарій", въ переводѣ которой сама участвовала. Въ 1770 г. она сдѣлала его архіепископомъ петербургскимъ на мѣсто Кременецкаго, котораго назначила въ Кіевъ. Гавріилъ былъ епископъ аскетъ, человѣкъ скромный, молчаливый, уступчивый и исполнительный. Другимъ характеромъ отличался вслѣдъ за нимъ возвысившійся прежній сослуживецъ его по академіи, нѣсколько моложе его по ученію и службѣ, *Платонъ Левшинъ*, первая знаменитость Екатерининскаго вѣка. Это былъ человѣкъ живой, впечатлительный, открытый, большой говорунъ въ обществѣ и ораторъ на каѳедрѣ, невольно возбуждавшій къ себѣ симпатіи всѣхъ, кто съ нимъ знакомился. Императрица замѣтила его при своемъ посѣщеніи Троицкой лавры въ 1762 г., когда онъ былъ уже ректоромъ лаврской семинаріи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и сдѣланъ придворнымъ проповѣдникомъ и законоучителемъ наслѣдника, *Павла Петровича*. Сильный ораторскій талантъ сдѣлалъ его лучшимъ украшеніемъ придворнаго богослуженія и доставилъ ему блестящую славу. Екатеринѣ нравился его характеръ и свободный образъ мыслей, никогда впрочемъ не нарушавшій основъ православія; она дозволяла ему даже обличенія противъ современнаго вольнодумства какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ бесѣдахъ. Извѣстенъ его отвѣтъ на выходку Дидро, который однажды возвѣстилъ ему, что нѣтъ Бога: „Это еще раньше Дидро сказано, отвѣтилъ Платонъ, у прор. Давида: рече безуменъ въ сердцѣ своемъ,—нѣсть Богъ". Награды давались ему щедрою рукой; въ 1766 г. онъ былъ уже архимандритомъ, въ 1768 назначенъ членомъ Синода, а въ 1770 получилъ послѣ Гавріила тверское епископство.—Кромѣ Гавріила и Платона, Екатерина замѣтила еще одного полезнаго для себя молодаго монаха Великорусса, *Иннокентія Нечаева*; въ 1763 г. онъ былъ посвященъ въ Тверь и въ томъ же году по смерти Криновскаго переведенъ во Псковъ.—Императрица хотѣла замѣщать Великоруссами даже настоятельскія вакансіи въ монастыряхъ; для этого въ 1765 г. при представленіи кандидатовъ на эти вакансіи велѣно было обозначать, кто какой націи. Между тѣмъ Малоруссы успѣли окончательно уронить свою репутацію въ глазахъ правительства протестомъ, который раздался изъ ихъ среды по поводу новыхъ распоряженій о церковныхъ вотчинахъ.

Дѣло о церковныхъ вотчинахъ. При вступленіи на престолъ императрица осудила распоряженія своего предшественника и возвратила отобранныя имъ церковныя вотчины снова въ управленіе духовенства; но въ концѣ года опять подняла вопросъ объ

ихъ управленіи и учредила для рѣшенія его особую комиссію изъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ, во главѣ которыхъ стоялъ Димитрій Сѣченовъ. Въ инструкціи этой комиссіи было сказано, что доходы съ церковныхъ вотчинъ употребляются не по назначенію, на роскошь духовныхъ властей, а не въ пользу церкви, какъ указано еще Петромъ Великимъ, и что это нужно исправить, для чего слѣдуетъ произвести точную перепись всѣхъ церковныхъ имуществъ, опредѣлить начала для ихъ управленія на будущее время, составить для архіер. домовъ и монастырей новые штаты и выработать проекты о достаточномъ содержаніи (на счетъ остатковъ отъ штатныхъ расходовъ) духовныхъ училищъ и домовъ призрѣнія. Объ отобраніи церковныхъ вотчинъ въ казну не говорилось ничего, но, зная настоящую волю императрицы, комиссія повела свои работы въ духѣ именно ихъ секуляризаціи. Докладъ о результатахъ ея работъ былъ поданъ въ 1764 г. и тогда же утвержденъ императрицей. Всѣ церковныя вотчины, имѣвшія по послѣдней ревизіи до 910,866 душъ, были изъяты изъ вѣдомства духовенства въ вѣдомство коллегіи экономіи. При опредѣленіи штатныхъ окладовъ архіер. домы и монастыри раздѣлены были на 3 класса. На 3 первоклассныя каѳедры съ соборами ассигновано 39,410 р., на 8 второклассныхъ по 5000 р. (лично архіереямъ по 2600 р.), на 15 третьеклассныхъ по 4232 р. (лично архіереямъ по 1800 р.), на два викаріатства 8061 р.; на Сергіеву лавру и всѣ мужескіе монастыри 174,650 р. (I класса по 2017 р., II по 1311, III по 806 р.), на женскіе 33,000 р.; на 22 собора некаѳедральныхъ 2530 р. Монастыри безвотчинные или маловотчинные частію были упразднены, частію оставлены на собственномъ содержаніи за штатомъ. Въ дополненіе къ штатнымъ окладамъ за арх. домами и монастырями оставлено извѣстное количество земли и угодій, подворья и загородные домы. Изъ суммъ же коллегіи экономіи положено выдавать по 3825 р. въ годъ на богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, 115,000 р. на инвалидовъ, вмѣсто содержанія ихъ въ монастыряхъ, и кромѣ того оклады на духовныя школы. Затѣмъ всѣ остатки должны были поступать въ распоряженіе государства. Остатки эти были очень велики, потому что на всѣ церковныя учрежденія ассигновано было всего 403,712 р., тогда какъ съ отобранныхъ вотчинъ одного крестьянскаго оброка (по $1^1/_2$ р. съ души) казна получала 1.366,229 р. въ годъ, а съ 1780-хъ годовъ (когда этотъ оброкъ увеличился до 3 р. 70 к.) до 3.370,000 р., не считая громадныхъ доходовъ съ разныхъ хозяйственныхъ статей въ вотчинахъ.— Вся эта операція коснулась теперь пока одной Великороссіи, но съ 1786 г. простерлась и на Малороссію. Въ томъ же 1786 году уничтожено отдѣльное управленіе церковными вотчинами, все еще напо-

минавшее о старинѣ; самая коллегія экономіи закрыта и всѣ церковныя вотчины окончательно слились съ государственными подъ общимъ управленіемъ казенныхъ палатъ.

Дѣло Арсенія Мацѣевича. Образованное общество Европы и Россіи единодушно восхваляло Екатерину, совершившую такое, самое модное дѣло времени. Высшее русское духовенство было, разумѣется, не довольно этимъ дѣломъ, но благоразумно молчало; открытый протестъ противъ него послышался только изъ среды іерарховъ Малороссовъ. Протестъ этотъ шелъ отъ лица Арсенія Мацѣевича, который уже давно пользовался въ правительственной сферѣ репутаціей самаго безпокойнаго изъ архіеревъ и стоялъ во главѣ недовольныхъ іерарховъ Малоруссовъ еще при первомъ крутомъ рѣшеніи вопроса о церковныхъ вотчинахъ, при Петрѣ III. Въ началѣ правленія Екатерины онъ первый поднялъ голосъ о возвращеніи вотчинъ духовенству. Зная его ревность и энергію, архіереи *Тимоѳей Щербатскій* московскій и *Амвросій* крутицкій писали къ нему письма, приглашая его въ Москву помогать имъ въ „извѣстномъ дѣлѣ“. Вскорѣ по созваніи комиссіи въ 1763 г. Арсеній послалъ въ Синодъ одно за другимъ два доношенія, въ которыхъ горячо опровергалъ всѣ пункты инструкціи, данной комиссіи, доказывалъ, что вмѣшиваться въ вотчинное управленіе духовенства никто не имѣетъ права, что церковныя имѣнія должны быть неприкосновенны, что ихъ не трогали даже татарскіе ханы, бранилъ старый монастырскій приказъ и штаты, по милости которыхъ духовныя учрежденія пришли въ послѣднюю нищету, доказывалъ, что заводить академіи да латинскія семинаріи дѣло не архіереевъ, а государства, что для приготовленія священниковъ достаточно имѣть при архіер. домахъ однѣ русскія школы, возставалъ противъ употребленія церковныхъ вотчинныхъ доходовъ на государственныя нужды и предсказывалъ, что если такіе порядки продолжатся, то скоро уничтожится все монашество, а съ нимъ архіерейство, и государство со всѣми своими академіями и чинами обратится въ государство безпоповское, протестантское или даже въ атеистское. Императрица была чрезвычайно раздражена этимъ протестомъ и предала Арсенія на судъ св. Синода. Синодъ осудилъ его на лишеніе сана и монашества и на преданіе, какъ оскорбителя величества, свѣтскому суду, по которому онъ долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Екатерина ограничила его наказаніе лишеніемъ сана и ссылкой въ отдаленный корельскій монастырь. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ 1767 г. было донесено, что караульные, состоявшіе при Арсеніѣ, и всѣ корельскіе монахи совершенно подчинились его вліянію, чтутъ его, какъ архіерея и страдальца за правду, что онъ и самъ считаетъ свое осужденіе незаконнымъ, дѣломъ гонителей

церкви,—архіереевъ новгородскаго и петербургскаго и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые въ комиссіи сидѣли, что вмѣстѣ съ архимандритомъ монастыря *Антоніемъ* и караульнымъ прапорщикомъ *Алексѣевымъ* толковалъ о незаконности воцаренія Екатерины, о законномъ наслѣдникѣ престола Іоаннѣ Антоновичѣ и проч. Послѣ этого началось новое слѣдствіе, кончившееся тѣмъ, что Арсеній лишенъ былъ и монашескаго чина, который былъ оставленъ за нимъ послѣ перваго надъ нимъ суда, и подъ именемъ „Андрея враля“ отправленъ въ самое строгое заключеніе въ Ревельскую крѣпость; архимандритъ Антоній былъ переведенъ въ Архангельскій монастырь въ число братства; прапорщикъ Алексѣевъ по лишеніи чиновъ сосланъ въ Сибирь. Арсеній отвезенъ былъ въ Ревель и содержался тамъ подъ такимъ секретомъ, что въ народѣ никто не зналъ, куда онъ дѣвался,—думали, что онъ сосланъ въ Сибирь, въ Верхнеудинскъ, куда дѣйствительно въ это время сосланъ былъ одинъ нижегородскій монахъ по имени тоже Арсеній. Екатерина писала коменданту Ревельской крѣпости, чтобы онъ крѣпче держалъ арестанта: „народъ его очень почитаетъ изстари и привыкъ считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ“. Въ народѣ дѣйствительно благоговѣйно чтили Арсенія; составилось нѣсколько легендъ о его чудесахъ и пророчествахъ; глубокимъ благоговѣніемъ была послѣ окружена и его мнимая могила въ Верхнеудинскѣ, въ которой почивалъ прахъ ссыльнаго монаха. Кончина Арсенія послѣдовала въ 1772 г. На стѣнѣ его 10-тифутовой тюрьмы, въ которой онъ безвыходно сидѣлъ до смерти, нашли углемъ начерченную надпись: „Благо, яко смирилъ мя еси“. Такъ погибъ жертвой исторіи этотъ энергичный архіерей, который всю свою жизнь провелъ въ борьбѣ то съ раскольниками, то съ свѣтскими властями, то съ новымъ направленіемъ вѣка, до послѣдняго времени неуклонно слѣдуя во всей своей дѣятельности своимъ крѣпкимъ, хотя уже и запоздалымъ убѣжденіямъ и не дѣлая никакихъ боязливыхъ оглядокъ на человѣческіе страхи. Екатерина по окончаніи его дѣла писала Вольтеру, что Арсенія возбудили къ протестамъ его же собратія, но сами однако не сочли нужнымъ обнаружить себя, что этотъ ревнитель принципа двухъ властей былъ осужденъ своимъ же духовнымъ начальствомъ, а она съ своей стороны даже смягчила произнесенный надъ нимъ приговоръ.

Комиссія о составленіи Уложенія. Послѣ этой непріятной исторіи, въ которой императрица видѣла участіе не одного Арсенія, а такъ же и другихъ его собратій, вниманіе ея еще болѣе склонилось въ пользу великорусской партіи въ іерархіи. Всѣ важныя порученія правительства возлагались на извѣстныхъ намъ

духовныхъ особъ, Гавріила, Иннокентія Нечаева, который по смерти Гедеона заступилъ его мѣсто, и Платона. Такъ, въ 1766 г. они составляли проектъ о преобразованіи духовныхъ школъ и разсматривали въ качествѣ представителей духовенства Наказъ Екатерины комиссіи о составленіи новаго Уложенія. Довольная ихъ отзывомъ, Екатерина въ 1767 г. взяла ихъ съ собой въ Москву на самое открытіе комиссіи. Имѣя задачей пересмотрѣть всѣ государственные уставы и права всѣхъ сословій, комиссія эта очевидно должна была имѣть важное вліяніе и на государственное положеніе Русской церкви. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ сословій государства въ нее не приглашены были депутаты только отъ крѣпостнаго крестьянства и духовенства; за первое засѣдали здѣсь депутаты отъ дворянства; духовенство имѣло въ комиссіи одного представителя, депутата отъ св. Синода, поставленнаго впрочемъ на ряду съ депутатами отъ правительственныхъ мѣстъ, а не сословій. Св. Синодъ долженъ былъ дать въ руководство своему депутату наказъ. Тогдашній оберъ-прокуроръ *Мелиссино* поспѣшилъ было составить для Синода свой собственный проектъ такого наказа въ самоновѣйшемъ вкусѣ, съ разными либеральными предложеніями: о сокращеніи постовъ, объ ослабленіи почитанія св. мощей и иконъ, о сокращеніи богослуженія, объ уничтоженіи содержанія монахамъ, о посвященіи епископовъ безъ постриженія въ монахи, о пристойнѣйшей одеждѣ для духовенства, объ уничтоженіи поминовенія умершихъ, объ облегченіи развода, дозволеніи браковъ свыше трехъ и проч.; но св. Синодъ отклонилъ этотъ проектъ и составилъ свой наказъ. Депутатомъ выбранъ былъ Димитрій Сѣченовъ, но въ концѣ того же 1767 г. умеръ отъ апоплексическаго удара. Мѣсто его заступилъ Гавріилъ и сдѣлался весьма дѣятельнымъ членомъ комиссіи. Его настояніямъ духовенство было обязано тѣмъ, что сохранило свою сословную самостоятельность и соединенныя съ нею права, а не причислено, какъ хотѣли того многіе члены комиссіи, къ среднему сословію наравнѣ съ мѣщанами и разночинцами. Императрица осталась довольна его дѣятельностію и въ 1769 году г. сдѣлала его членомъ Синода на мѣсто Димитрія. Вакантная послѣ Димитрія новогородская каѳедра осталась не замѣщенною до 1775 г. Гавріилъ былъ для нея еще молодъ, а въ выборѣ другаго кандидата Екатерина затруднялась. Пока она удовольствовалась тѣмъ, что послѣ перевода Гавріила Кременецкаго въ Кіевъ дала Гавріилу Петрову петербургскую каѳедру, послѣ чего онъ постоянно уже жилъ въ Петербургѣ и былъ безсмѣннымъ и первенствующимъ членомъ Синода. Наконецъ въ началѣ 1775 г. ему была дана и первенствующая новогородская каѳедра; съ этого времени обѣ эти епархіи постоянно стали соединяться подъ властію одного іерарха. Ти-

тула митрополичьяго онъ однако не получилъ, потому что Екатерина, подобно Петру Великому, этого титула избѣгала и на мѣста выбывшихъ митрополитовъ назначала просто епископовъ или архіепископовъ. — Другимъ постояннымъ членомъ Синода былъ Платонъ, тоже почти постоянно жившій въ Петербургѣ даже послѣ полученія тверскаго епископства. Его удерживала здѣсь еще и другая должность, должность законоучителя невѣсты в. князя, принцессы гессенъ-дармштадтской *Натальи Алексѣевны*.

Амвросій московскій и его смерть. Въ 1767 г. по смерти престарѣлаго Тимоѳея Щербатскаго сдѣлалась вакантной другая первенствующая каѳедра, московская. Екатерина назначила на нее Амвросія Зертисъ-Каменскаго, который во всѣхъ церемоніяхъ при открытіи комиссіи объ Уложеніи въ Москвѣ постоянно замѣнялъ больнаго митрополита и успѣлъ обратить на себя высочайшее вниманіе, какъ образованный и свѣтскій архіерей—вельможа, умѣвшій поддѣлаться подъ нравы двора, не смотря на свою прежнюю солидарность съ Арсеніемъ Маціевичемъ. Титула митрополичьяго не получилъ и онъ, оставшись по прежнему архіепископомъ. Обласканный императрицей, онъ явился теперь усерднымъ ревнителемъ новыхъ реформъ въ духовенствѣ. Полумолдаванинъ и полумалороссъ по происхожденію, онъ принялся за доставшуюся ему епархію со всею горячностью своего южнаго темперамента и своими крутыми мѣрами противъ невѣжества духовенства, противъ крестцовыхъ поповъ и бродячихъ монаховъ, противъ пьянства среди духовныхъ лицъ и противъ суевѣрій и раскола въ народѣ на всѣхъ навелъ ужасъ; виновныхъ наказывали плетьми, штрафами, заключеніемъ въ цѣпи, отдачей въ солдаты. Скоро противъ суроваго владыки возникло общее озлобленіе и между духовенствомъ и въ народѣ. А между тѣмъ надъ Москвой нависло одно изъ тѣхъ страшныхъ народныхъ бѣдствій, которыя у насъ часто служили поводомъ къ народнымъ волненіямъ. Съ самаго начала 1771 г. въ столицѣ открылась чума, занесенная изъ Турціи по случаю турецкой войны и ежедневно истреблявшая 600—800 человѣкъ народа; вмѣстѣ съ тѣмъ поднялось народное волненіе, направленное противъ лекарей, карантиновъ и др. правительственныхъ мѣръ къ ослабленію язвы. Городскія власти, напуганныя моромъ, разъѣхались по деревнямъ, такъ что въ городѣ остался управителемъ одинъ вице-губернаторъ *Еропкинъ* съ небольшой командой солдатъ, изъ которыхъ большая часть сами заражены были духомъ народнаго бунта.

Амвросій безвыѣздно оставался въ Москвѣ и дѣятельно приводилъ въ исполненіе по своему вѣдомству всѣ мѣропріятія правительства противъ язвы. Какъ и всегда во времена великихъ бѣдствій, народъ прибѣгнулъ за помощью въ религіи. По ули-

цамъ у часовень начались молебствія; духовенство безъ дозволенія архіерея производило крестные ходы съ толпами черни, пьяной съ ранняго утра. Вдругъ распространился слухъ, будто бы въ какомъ-то видѣніи кому-то кѣмъ-то открыто, что Москва наказывается моромъ за непочтеніе къ образу Боголюбской Богоматери на Варварскихъ воротахъ, — никто ему молебновъ не пѣлъ и свѣчъ не ставилъ. Послѣ этого у Варварскихъ воротъ начались непрерывныя молебствія; городскіе, домовые и уѣздные попы съ утра стояли тутъ, нанимаясь служить молебны; шелъ сборъ на всемірную свѣчу; скопленіе народа у образа такъ было велико, что могло серьезно грозить усиленіемъ заразы. Амвросій распорядился перенести икону въ одну изъ сосѣднихъ церквей, а собранныя при ней приношенія взять въ консисторію, чтобы спасти ихъ отъ расхищенія. Но едва посланные отъ консисторіи явились на мѣсто, какъ толпа бросилась на нихъ и начала бить. Отъ мѣста свалки по улицамъ разнеслось извѣстіе, что у Варварскихъ воротъ Богородицу грабятъ. На колокольняхъ ударили въ набатъ и народъ отвсюду сталъ сбѣгаться съ разными орудіями защищать Богородицу. Отъ воротъ толпа хлынула къ Чудову монастырю, гдѣ былъ архіерейскій домъ, расправляться съ еретикомъ архіереемъ, но не застала Амвросія, потому что онъ успѣлъ уѣхать въ Донской монастырь, и предалась грабежу по всему монастырю; монастырскій погребъ съ винами задержалъ ее на цѣлую ночь. Опомнившись отъ кутежа, утромъ (16 сентября) бунтовщики двинулись къ Донскому монастырю. Владыка собрался уже выѣхать изъ Москвы, для чего переодѣлся въ крестьянское платье, но не успѣлъ исполнить своего намѣренія и скрылся въ церкви на хорахъ. Отыскавъ его, толпа вытащила его за монастырскую ограду и умертвила самымъ варварскимъ образомъ. Цѣлые сутки никто не смѣлъ даже прибрать его тѣла съ дороги, пока наконецъ полиція не внесла его въ монастырскую церковь. Погребеніе его совершено уже 4 октября по прибытіи въ Москву графа *Г. Орлова*, явившагося для укрощенія бунта. Префектъ академіи *Амвросій Подобѣдовъ* сказалъ при погребеніи сильное обличительное слово противъ суевѣрій, жертвою которыхъ сгибъ почившій святитель; слово это доставило ему большую славу въ кругу придворныхъ философовъ и было началомъ его карьеры. Къ обширному слѣдствію о бунтѣ привлечено было до 300 лицъ, большею частію дворовыхъ и мастеровыхъ; открыто въ немъ значительное участіе раскольниковъ, озлобленныхъ противъ строгаго Амвросія. Молва обвиняла въ его смерти и озлобленное противъ него духовенство, но слѣдствіе этого не обнаружило.

Смертію Амвросія кончилось въ Москвѣ правленіе іерарховъ Малороссовъ, не нравившихся ни духовенству, ни народу. Преем-

никомъ Амвросія сдѣлался Платонъ. Екатерина впрочемъ долго не замѣщала московской каѳедры. 1772-й годъ почти весь прошелъ въ очищеніи Москвы отъ язвы и остатковъ бунта; потомъ правительство было занято турецкою войною и затянувшимися переговорами о мирѣ; къ этому присоединились еще тревоги отъ появленія разомъ двухъ самозванцевъ,—за границей мнимой дочери имп. Елизаветы княжны *Таракановой*, на востокѣ Россіи *Пугачева*, выдавшаго себя за Петра III.

Пугачевщина, залившая кровью все среднее и нижнее поволжье, тяжко отозвалась на благосостояніи и государства и церкви. Страшнымъ волненіемъ народа противъ правительства воспользовались раздраженные притѣсненіями прежняго времени, между прочимъ и религіозными, поволжскіе инородцы и толпами приставали къ самозванцу, провозглашавшему всякаго рода гражданскую и религіозную вольность; воспользовались имъ раскольники, которыми наполненъ былъ весь поволжскій и прикамскій край и все яицкое войско, среди котораго началось самое волненіе. Раскольники имѣли большое значеніе въ исторіи Пугачева; до своего возстанія онъ долго странствовалъ по ихъ скитамъ; они выручили его изъ острога, помогали ему деньгами и увѣряли народъ въ его царственномъ достоинствѣ; иргизскій старецъ *Филаретъ* благословилъ его на царство и взялъ съ него обѣщаніе, что самъ будетъ сдѣланъ московскимъ патріархомъ; въ манифестахъ своихъ Пугачевъ всѣхъ жаловалъ двуперстнымъ крестомъ и бородою. Вслѣдствіе такой важности религіознаго элемента въ бунтѣ духовенство никакъ не могло уйти отъ его губительныхъ ударовъ. Трудно сказать, противъ кого опустошительнѣе свирѣпствовалъ бунтъ, противъ властей и дворянства, или противъ духовенства. Въ каждомъ селеніи и городѣ, куда только вторгались пугачевцы, первыми являлись на висѣлицахъ власти, помѣщики и попы. Погибло болѣе 230 духовныхъ лицъ. Не удивительно, что въ тоже время среди духовенства много нашлось и такихъ, которые не устояли предъ ужасами времени, переходили на сторону самозванца, встрѣчали его толпы на папертяхъ своихъ церквей съ крестомъ и св. водою и служили за него молебны, какъ за царя.

Для вразумленія черни императрица сначала издала манифестъ, разъяснявшій обманъ самозванца, потомъ обратилась къ помощи церковныхъ увѣщаній. Св. Синодъ и архіереи—Веніаминъ казанскій, *Варѳоломей* вятскій, *Варлаамъ* тобольскій и *Антоній* нижегородскій, своими посланіями къ народу оказали въ это время важныя услуги правительству, особенно Веніаминъ, подъ управленіемъ котораго была большая часть бунтовавшаго края и увѣщанія котораго имѣли особенную важность, потому что, будучи

еще архіепископомъ петербургскимъ, онъ самъ лично участвовалъ въ погребеніи настоящаго Петра III. Не смотря на эти увѣщанія, бунтъ все усиливался и къ зимѣ 1773 г. охватилъ весь восточный край. Въ Самарѣ пугачевцы были торжественно встрѣчены всѣми гражданами и духовенствомъ. Отсюда они стали быстро подвигаться къ Казани. Веніаминъ употребилъ противъ бунтовщиковъ послѣднее духовное оружіе, церковную анаѳему. Благодаря дѣятельности *Бибикова*, Казань на этотъ разъ уцѣлѣла, но лѣтомъ слѣдующаго 1774 г. (по смерти Бибикова) самъ Пугачевъ занялъ ее и, выжегши всю, за исключеніемъ кремля, двинулся за Волгу. Это былъ послѣдній, самый страшный актъ пугачевщины. Никогда еще не гибло столько жертвъ изъ духовенства и дворянства, какъ теперь, когда неутомимый вождь безнарядья проходилъ огромную дугу отъ Казани чрезъ Тамбовскую и Пензенскую губерніи опять на Волгу къ Саратову, разбрасывая свои шайки во всѣ стороны отъ линіи своего движенія и поднимая къ бунту все окрестное населеніе. Въ тоже время особенно часты стали и примѣры отступничества духовенства отъ вѣрности престолу. Св. Синодъ издалъ указъ, объявлявшій всякаго, поползнувшагося въ вѣрности, священнослужителя лишеннымъ сана съ самаго момента измѣны; но когда открылось все множество поползнувшихся, когда стало извѣстно, что въ Саранскѣ, Нижнемъ Ломовѣ и Пензѣ самозванца торжественно встрѣчало все городское духовенство, что въ селеніяхъ подобныя встрѣчи были повсюду, св. Синодъ самъ долженъ былъ смягчить строгость своей мѣры, ограничивъ ея дѣйствіе только такими священнослужителями, которые приставали къ мятежникамъ по убѣжденію, и дозволивъ служеніе всѣмъ, которые сдѣлались измѣнниками единственно изъ страха. Все-таки и послѣ этого изъ духовнаго званія пришлось исключить 129 человѣкъ, въ томъ числѣ двоихъ архимандритовъ. Эти случаи сильно поколебали репутацію духовенства въ глазахъ правительства, такъ что оно стало вѣрить даже явнымъ клеветамъ на духовныхъ лицъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе такой клеветы едва не попалъ подъ судъ тобольскій архіерей Варлаамъ. Самъ Веніаминъ казанскій, который первый изъ іерарховъ возсталъ противъ Пугачева, подвергся унизительному и грубому аресту, по клеветѣ нѣкоего пугачевца Аристова, за то, будто бы посылалъ самозванцу деньги. Послѣ, когда его невинность открылась, Екатерина утѣшила его милостивымъ рескриптомъ и саномъ митрополита, котораго еще доселѣ никому не жаловала, кромѣ Димитрія Сѣченова; но здоровье его было уже подорвано и онъ до самой смерти (1783 г.) не могъ поправиться отъ паралича, который его поразилъ при арестѣ.

Служенiе Платона на московской каѳедрѣ. Уже по окончанiи всѣхъ этихъ тревогъ въ началѣ 1775 г. Платонъ получилъ указъ о назначенiи его московскимъ архiепископомъ. Связь его съ Петербургомъ не прерывалась впрочемъ и послѣ этого. На другой же годъ онъ былъ назначенъ законоучителемъ второй невѣсты в. князя, принцессы виртембергской *Марiи Ѳеодоровны;* потомъ еще черезъ годъ (въ 1777 г.) долженъ былъ опять ѣхать въ Петербургъ засѣдать въ Синодѣ. Императрица видимо не рѣшалась разстаться съ нимъ, какъ съ лучшимъ украшенiемъ своей резиденцiи. Въ Петербургѣ былъ другой архiерей, ея же избранникъ, Гаврiилъ, заслужившiй полное ея довѣрiе, но не такой видный и блестящiй, не поражавшiй такъ и своихъ и чужихъ, какъ Платонъ. Отъ московскаго владыки были въ восторгѣ всѣ заѣзжавшiя въ Россiю знаменитости, наприм. Станиславъ король польскiй и Iосифъ II австрiйскiй. Послѣ посѣщенiя Москвы въ 1780 г. на вопросъ императрицы, что онъ видѣлъ тамъ замѣчательнаго, Iосифъ отвѣчалъ: „Платона“. Запущенная Московская епархiя быстро обновлялась; улучшилось положенiе духовенства; духовно-учебныя заведенiя достигли цвѣтущаго состоянiя. Благодаря своему ораторскому таланту и умѣнью окружать себя въ священнослуженiи обстановкой изумительнаго велелѣпiя, Платонъ сдѣлался идоломъ всѣхъ Москвичей. Слава объ немъ неслась повсюду; многiе издалека прiѣзжали въ Москву, чтобы посмотрѣть и послушать Платона. Но съ другой стороны пребыванiе въ Москвѣ не осталось безъ влiянiя и на него самого. Доселѣ онъ былъ только придворный монахъ, всѣмъ обязанный свѣтской власти; теперь, окруженный общимъ благоговѣнiемъ, занимая каѳедру первопрестольной столицы, всегда отличавшейся вѣрностью религiознымъ преданiямъ и вслѣдствiе этого возвышавшей авторитетъ своего верховнаго пастыря до высоты, до какой онъ никогда не могъ возвыситься въ свѣтскомъ Петербургѣ, Платонъ впервые созналъ вполнѣ свое iерархическое значенiе. Послѣ этого съ каждымъ прiѣздомъ въ Петербургъ по дѣламъ Синода онъ все болѣе и болѣе сталъ тяготиться петербургской обстановкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ расходился съ самой императрицей.

Отношенiя государственной власти къ Синоду дѣйствительно не могли не тревожить тогда всѣхъ ревнителей iерархическихъ правъ. По примѣру западныхъ политиковъ наши политики страшно боялись усиленiя духовной власти и воображали Синодъ какимъ-то, по выраженiю кн. Щербатова, „корпусомъ, непрестанно борющимся для прiобрѣтенiя себѣ большей силы“, который поэтому надобно крѣпко держать въ должныхъ границахъ, для чего въ немъ и посаженъ оберъ-прокуроръ. Замѣчательно, что въ оберъ-прокуроры выбирались люди самыхъ новыхъ понятiй о религiи и церк-

ки, каковы были упомянутый Мелиссино и *Чебышевъ* (1768—1774), открыто щеголявшій атеизмомъ. Мнѣнія членовъ Синода не всегда принимались въ уваженіе, кромѣ лишь мнѣній двоихъ членовъ, близкихъ къ императрицѣ, Гавріила и духовника Екатерины протоіерея *Іоанна Памфилова*. Послѣдній былъ постояннымъ ея повѣреннымъ и органомъ церковныхъ ея распоряженій, чѣмъ-то въ родѣ церковнаго временщика. Отъ него зависѣли рекомендаціи кандидатовъ на высшіе церковные посты, повышенія духовныхъ лицъ, награды и проч.; поэтому въ немъ заискивали почти всѣ тогдашніе архіереи, архимандриты, ректоры и другія духовныя лица. Въ 1786 г. императрица пожаловала ему митру, награду доселѣ еще неслыханную въ бѣломъ духовенствѣ.

Ослабленіе благоволенія Екатерины къ Платону. Тяготясь должностью синодальнаго члена, Платонъ еще въ 1779 г. просилъ черезъ Потемкина увольненія отъ нея. Въ 1782 г. онъ засѣдалъ въ Синодѣ въ послѣдній разъ и по возвращеніи въ Москву писалъ своему прежнему ученику и викарію Амвросію Подобѣдову, бывшему тогда уже архіепископомъ казанскимъ: „Былъ я въ Синодѣ не малое время, видѣлъ таковыя искушенія, и сіе-то заставило меня оттуда удалиться. Къ чему туда сажаютъ насъ?... Видно, что едва-ли не находить одного утѣшенія въ терпѣніи". Разочарованіе его такъ было сильно, что онъ просился даже вовсе на покой. Послѣ этого при Екатеринѣ онъ уже ни разу не бывалъ въ Петербургѣ. Мало по малу старыя петербургскія впечатлѣнія совсѣмъ были имъ забыты; стоя въ сторонѣ отъ современнаго движенія церковно-государственной жизни, безъ вліянія на общее состояніе церковныхъ дѣлъ, онъ сталъ все болѣе и болѣе укрѣпляться въ своемъ отрицательномъ взглядѣ на современные порядки, жаловался на униженіе свѣтскою властью іерархическихъ правъ, порицалъ церковныя распоряженія правительства, порицалъ и св. Синодъ, „чего онъ смотритъ", жаловался на синодаловъ, что они его обижаютъ, мѣшаютъ въ распоряженіяхъ, Памфилова называлъ досадливымъ прозвищемъ popa mitratus, награжденіе его митрой считалъ униженіемъ митры, соблазномъ и поводомъ къ возношенію бѣлаго священства, къ нарушенію спасительной въ церкви дисциплины; въ тоже время ослабѣли и его дружескія отношенія къ Гавріилу, стоявшему во главѣ церковныхъ дѣлъ. Чувства и мысли свои онъ откровенно излагалъ въ перепискѣ съ Амвросіемъ, сначала до конца проникнутой недовольнымъ характеромъ. — Екатерина замѣтно къ нему охладѣла, обходила его своими милостями и по временамъ отзывалась объ немъ очень рѣзко. Не мало способствовала этому охлажденію особенная близость Платона къ наслѣднику, Павлу Петровичу, который былъ систематически отстраняемъ своею матерью отъ всѣхъ

дѣлъ и стоялъ въ явной оппозиціи ко всему, что дѣлалось при дворѣ императрицы. Къ Гатчинскому двору наслѣдника тяготѣли всѣ опальные и недовольные новыми порядками вельможи, большая часть которыхъ жили тоже въ Москвѣ, — притонѣ всякой оппозиціи Петербургу, и дружили съ Платономъ. Въ 1783 г. Гавріилъ былъ пожалованъ въ митрополиты; въ томъ же году на мѣсто умершаго Гавріила Кременецкаго переведенъ изъ Ростова въ Кіевъ *Самуилъ Миславскій* и тоже въ санѣ митрополита. Архіепископъ Платонъ очевидно былъ обойденъ. Огорченный іерархъ получилъ митрополичій санъ уже въ 1787 г. Между тѣмъ, пользуясь его опальнымъ положеніемъ, разныя духовныя лица его епархіи смѣло поднимались на него съ жалобами и съ доносами къ Памфилову и другимъ близкимъ къ императрицѣ людямъ, получали отъ нихъ поддержку и навлекали на него немалыя непріятности сверху. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ въ послѣднее время сильно измѣнился самый характеръ Платона, прежде такой легкій, благодушный и симпатичный. Онъ сталъ брюзгливъ, подозрителенъ и слишкомъ ревнивъ къ поддержанію своего авторитета, вслѣдствіе чего вступилъ въ длинныя пререканія съ разными болѣе видными и сановитыми лицами изъ московскаго духовенства, наприм. съ ставропигіальными архимандритами и членами синодальной конторы, или съ такими, которыя имѣли для себя поддержку между знатью, въ родѣ наприм. законоучителя университета протоіерея *Петра Алексѣева*. Особенно не удержимъ онъ былъ въ проявленіяхъ негодованія въ отношеніи къ высокопоставленнымъ свѣтскимъ лицамъ, которыя старались показать свое значеніе, вмѣшиваясь въ церковныя дѣла.

Положеніе Гавріила не измѣнялось до конца царствованія. Всегда ровный, спокойный, всегда стоя на легальной почвѣ, „резонабельный мужъ“ умѣлъ проявлять свою ревность о церкви такъ, что никогда не производилъ противъ себя лишняго раздраженія, вреднаго для самого церковнаго дѣла, и высказать при надобности вѣское слово, которое даромъ не пропадало. Такъ, онъ смѣло устранялъ въ своихъ дѣлахъ назойливыя ходатайства за разныхъ духовныхъ лицъ и другія вмѣшательства со стороны сильныхъ свѣтскихъ особъ; протестовалъ противъ открытаго нарушенія правилъ церкви; однажды отстранилъ отъ священнослуженія законоучителя в. князей Александра и Константина Павловичей, сильнаго при дворѣ протоіерея *Самборскаго*, за то, что онъ, побывавъ за границей на службѣ при лондонскомъ посольствѣ, вздумалъ и въ Россіи ходить въ свѣтскомъ платьѣ, во фракѣ и напудренный. Императрица цѣнила честныя и мудрыя мнѣнія Гавріила такъ высоко, что приказала генералъ-прокурорской канцеляріи сноситься съ нимъ по дѣламъ и сама постоянно при-

зывала его въ свои совѣты. Нечего и говорить, что распоряженія по церковнымъ дѣламъ проходили чрезъ его руки всѣ безъ исключенія.

Императоръ Павелъ I. Въ ноябрѣ 1796 г. императрица скончалась. Новый государь Павелъ Петровичъ явился на престолѣ строгимъ ревнителемъ власти и горячимъ врагомъ идей XVIII в., которыя въ это время довели Францію до кровавой революціи. Въ Россіи настала пора крутой реакціи, которая была тѣмъ тяжелѣе для излиберальничавшагося общества, что вождь ея, при всѣхъ благородныхъ, рыцарскихъ свойствахъ своей души и мягкости сердца, отличался страстью къ чисто военной дисциплинѣ, нетерпѣливой вспыльчивостію, неудержимостію гнѣвныхъ порывовъ и замашками суровой военной расправы съ провинившимися. Онъ былъ ревнитель церкви, въ которой видѣлъ главную опору трона, и отличался искренней религіозностію; паркетъ его гатчинской спальни былъ улитъ его слезами и вытертъ колѣнами во время частыхъ уединенныхъ его молитвъ. При всемъ томъ отношенія государства къ церкви, опредѣлившіяся при Екатеринѣ, не измѣнились и при немъ.

Отношеніе государя къ Гавріилу и Платону и возвышеніе Амвросія. Платону всѣ заранѣе предсказывали важное значеніе при государѣ, какъ его ученикѣ; но эти предсказанія не сбылись. Оба первенствующіе митрополиты скоро попали въ немилость императора. Начало царствованія Павелъ ознаменовалъ дарованіемъ духовенству государственныхъ орденовъ. Первые ордена были пожалованы Гавріилу и Амвросію. Амвросій принялъ эту милость охотно, но Гавріилъ сталъ колебаться и надѣлъ орденскую ленту только послѣ рѣшительнаго приказанія государя. Что касается до Платона, то онъ даже прямо протестовалъ противъ нововведенія и этимъ сильно раздражилъ императора. Въ мартѣ 1797 г. государь пріѣхалъ въ Москву для коронаціи и при первомъ свиданіи съ Платономъ самъ возложилъ на него орденъ св. Андрея, какъ Платонъ ни умолялъ его при этомъ дозволить ему— православному архіерею „умереть архіереемъ же, а не кавалеромъ“. Во время коронаціи Платонъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на государя, заставивъ его при входѣ въ алтарь снять шпагу. Церемонія прошла впрочемъ благополучно; государь былъ въ духѣ, пожаловалъ брата Платонова протоіерея *Александра Левшина* орденомъ Анны, роздалъ значительныя суммы на лавру и семинарію, звалъ Платона къ себѣ въ Петербургъ; но Платонъ все-таки видѣлъ, что государь былъ далеко уже не такъ къ нему милостивъ, какъ прежде; эта прежняя милость не воротилась и послѣ его поѣздки въ Петербургъ. Нѣсколько времени спустя, Платонъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ дворянъ, рѣшился написать къ

государю пастырское посланіе, въ которомъ упрекалъ его за суровое обращеніе съ дворянами, и получилъ въ отвѣтъ указъ вовсе не выѣзжать изъ Москвы.—Вслѣдъ за Платономъ попалъ въ опалу и Гавріилъ за то, что отказался отъ пожалованія кавалерствомъ католическаго Мальтійскаго ордена, которымъ императоръ тогда чрезвычайно увлекался. Амвросій безпрекословно принялъ и это кавалерство. Милостивое къ нему расположеніе императора возрастало по мѣрѣ усиленія холодности къ Гавріилу. Прекратились мало по малу совѣты съ Гавріиломъ по дѣламъ; распоряженіе о сношеніи съ нимъ генералъ-прокурорской канцеляріи было отмѣнено. Въ Синодѣ онъ тоже потерялъ силу, потому что члены одинъ за другимъ примкнули къ Амвросію. Наконецъ въ 1799 г. митрополитъ оставленъ былъ при одной новгородской каѳедрѣ; петербургскимъ же архіепископомъ и первенствующимъ членомъ Синода назначенъ Амвросій. Къ вящему огорченію почтеннаго святителя на него сдѣланъ былъ еще значительный начетъ при сдачѣ петербургскаго дома. Къ концу 1800 г. онъ былъ совсѣмъ уволенъ на покой, при чемъ не получилъ себѣ даже монастыря; черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ скончался. 10 марта 1801 г. бѣлый клобукъ пожалованъ Амвросію, но это было всего только за день до кончины самого государя.

Въ епархіальномъ управленіи описываемаго времени прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе перемѣны въ епархіальномъ дѣленіи Русской церкви. По штатамъ 1764 г. считалось 3 епархіи I кл., 8 во II классѣ и 15 въ III, кромѣ малороссійскихъ, въ штаты еще не вошедшихъ. Въ 1772 г., послѣ перваго раздѣла Польши, къ нимъ присоединилась епархія Могилевская. Въ 1775 г. открыта новая Словенская (Екатеринославская) епархія. Въ томъ же году было издано Екатериной учрежденіе о губерніяхъ, которое повело за собой большой передѣлъ какъ губерній, такъ и епархій; по этому передѣлу въ 1780-хъ гг. упразднены были епархіи: Переяславльская, Ростовская, Суздальская и Устюжская, каѳедральные города которыхъ сдѣлались уѣздными; вновь открыты: Калужская, Ярославская (вмѣсто Ростовской) и Орловская (вмѣсто Сѣвской). Послѣ открытія малороссійскихъ намѣстничествъ открыта епархія Новгородъ-сѣверская, а послѣ втораго и третьяго раздѣла Польши изъ присоединенныхъ отъ Польши земель составились епархіи Минская и Брацлавская или Подольская. При Павлѣ I въ 1799 г. открыты епархіи Волынская, Оренбургская, Пермская, Саратовская и Харьковская.

Архіерейскіе домы послѣ штатовъ 1764 г. значительно обѣднѣли, потому что новые штатные оклады на нихъ никакъ не могли равняться ихъ прежнимъ доходамъ съ вотчинъ; а между тѣмъ вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ необыкновенной пышности,

требовалъ отъ архіереевъ вельможеской обстановки, громадныхъ расходовъ на богатыя одежды и облаченія, на кареты, гайдуковъ и вершниковъ, на частые разорительные пріемы всей губернской знати, наконецъ даже на устройство дорогихъ народныхъ праздниковъ по случаю разныхъ счастливыхъ государственныхъ событій. Кромѣ того на архіереяхъ лежало много другихъ расходовъ на духовныя школы, получавшія очень бѣдные оклады, на поддержаніе епархіальныхъ зданій, на которыя ассигновалось всего по 500 р. въ годъ на епархію и т. п. Изъ епархій пошли въ Петербургъ просьбы о прибавочныхъ ассигновкахъ, но на большую часть этихъ просьбъ получались отказы, а въ 1788 г. вышло даже общее распоряженіе – всѣ починки зданій по епархіямъ производить на мѣстныя средства, отнюдь ничего не требуя изъ казны.

Уничтоженіе церковнаго тягла. Въ томъ же 1764 г., когда упразднено было въ церкви существованіе крѣпостнаго права, произведена была въ епархіальной жизни другая крупная реформа,—уничтожено старое тягло, которое несло духовенство въ пользу архіереевъ. Всѣ извѣстные намъ сборы въ архіерейскую казну, на епархіальныхъ чиновниковъ и на школы были отмѣнены; при освященіи церквей дозволено брать только 50 к. за антиминсъ, а при поставленіи ставлениковъ — по 2 р. за поставленіе во дьяконы и по 2 же за поставленіе во священники; употребленіе ставлениковъ на работы при архіерейскихъ домахъ запрещено; въ 1765 г. отмѣнены сборы за вѣнечныя памяти. Съ 1786 г., при преобразованіи малороссійскихъ епархій, распоряженія эти распространились и на Малороссію. Нѣкоторые сборы съ духовенства не пропали впрочемъ и послѣ отмѣны церковнаго тягла. Такъ, остались сборы на содержаніе дух. правленій и на поѣздки епархіальныхъ чиновниковъ и властей по округамъ, на которыя штаты не назначили никакихъ суммъ. Безъ окладовъ остались также благочинные, духовные слѣдователи и депутаты, цензоры проповѣдей, экзаменаторы ставлениковъ; оффиціальныхъ сборовъ на нихъ не было, но всѣ они по старому продолжали кормиться отъ духовенства. Консистористы, получавшіе самые нищенскіе оклады (напр. 30—60 р. въ годъ), тоже продолжали дѣлать поборы съ епархіи, противъ которыхъ тщетно принимались возставать многіе архіереи, наприм. Тихонъ воронежскій, м. Платонъ, Кириллъ сѣвскій, Ѳеофилъ тамбовскій и др. При имп. Павлѣ штатные оклады были возвышены вдвое, но отъ этого подчиненному духовенству стало не легче, потому что въ это время и содержаніе противъ прежняго стало тоже вдвое дороже.

Съ отмѣной церковнаго тягла въ епархіальномъ управленіи потребовалось *смягченіе административныхъ нравовъ,* доселѣ но-

сившихъ грубую печать тяглеваго строя. Съ этою цѣлью въ 1766 г. св. Синодъ издалъ распоряженіе объ отмѣнѣ по духовному вѣдомству тѣлесныхъ наказаній священнослужителямъ. Архіереи стараго суроваго типа за свое суровое обращеніе съ духовенствомъ подвергались иногда большимъ непріятностямъ отъ правительства. Въ 1766 г. тамбовскій архіерей *Пахомій Симанскій* по жалобамъ духовенства былъ переведенъ въ Устюгъ, потомъ въ слѣдующемъ году совсѣмъ уволенъ на покой въ монастырь. Въ 1768 г. по такимъ же жалобамъ попалъ подъ судъ *Павелъ Конюскевичъ* тобольскій, человѣкъ весьма образованный и святой жизни, старавшійся исправлять грубые нравы сибирскаго духовенства; онъ былъ уволенъ на покой въ печерскую лавру, гдѣ и умеръ въ 1770 г. Такъ какъ онъ лишился каѳедры почти въ одно время съ послѣднимъ осужденіемъ Арсенія Мацѣевича, то составилось преданіе, что онъ пострадалъ по одному и тому же съ Арсеніемъ дѣлу о церковныхъ вотчинахъ. Въ 1778 г. уволенъ былъ на покой *Кириллъ Флоринскій* сѣвскій. Съ теченіемъ времени архіереи этого типа все рѣже и рѣже стали встрѣчаться по епархіямъ и уступали свои мѣста представителямъ новаго гуманнаго духа съ новыми воззрѣніями на управленіе.

Съ 1763 г. въ Воронежѣ святительствовалъ *св. Тихонъ*, одинъ изъ тѣхъ Великоруссовъ, которые въ послѣднее время были выдвигаемы на высшіе посты покровительствомъ Димитрія Сѣченова, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей своего вѣка. Сирота послѣ бѣднаго дьячка Новогородской епархіи, едва не попавшій при имп. Аннѣ подъ разборъ духовенства, но призрѣнный при новгородской семинаріи, св. Тихонъ вынесъ изъ своего нищаго и голоднаго дѣтства самое близкое знакомство съ бытомъ бѣднаго народа и духовенства, сердечную христіанскую любовь къ низшей братіи, рѣдкую среди тогдашней іерархіи простоту жизни и общедоступность и сдѣлался самымъ народнымъ архіереемъ своего времени. Еще раньше указа 1766 г. онъ запретилъ своей консисторіи всякія тѣлесныя наказанія священнослужителямъ и заставлялъ консистористовъ обращаться съ ними съ подобающимъ ихъ сану почтеніемъ; защищалъ своихъ подчиненныхъ и отъ свѣтскихъ начальствъ тогда еще дикаго Донскаго края; въ тоже время старался о дѣйствительномъ возвышеніи духовенства чрезъ распространеніе въ его средѣ образованія и лучшихъ нравовъ. Въ Смоленскѣ во все время царствованія Екатерины архіереемъ былъ благодушный и добрый для духовенства *Парѳеній*, бывшій ректоръ св. Тихона. Въ Костромѣ, потомъ въ Рязани святительствовалъ бывшій школьный товарищъ и другъ св. Тихона, во многомъ сходный съ нимъ по характеру, *Симонъ Лаговъ*. Въ Тамбовѣ оставилъ по себѣ добрую память *Ѳеофилъ*

Раевъ, дѣятельный устроитель этой запущенной епархіи. На первенствующихъ каѳедрахъ, какъ мы видѣли, сидѣли знаменитые представители гуманнаго вѣка, Гавріилъ и Платонъ. Платонъ внушалъ духовенству правила благороднаго честолюбія, сановитости, сознанія собственнаго достоинства, предписывалъ дух. начальствамъ обходиться съ подчиненными безъ униженія послѣднихъ и вывелъ въ своей епархіи разныя унизительныя наказанія; онъ самъ говорилъ о себѣ, что, заставъ духовенство въ лаптяхъ, обулъ его въ сапоги и ввелъ въ гостиныя.

Но понятно, что такое смягченіе административныхъ нравовъ развивалось не вдругъ. Около самого Платона возможенъ былъ епархіальный временьщикъ, братъ его, протоіерей Левшинъ, публично, въ крестномъ ходѣ замахивавшійся тростью на другаго протоіерея первопрестольной столицы, законоучителя университета Петра Алексѣева. Само духовенство на первыхъ порахъ своей свободы отъ тягла держалось очень заносчиво и этимъ постоянно раздражало владыкъ, привыкшихъ прежде къ безмолвному повиновенію подчиненныхъ. Характеръ этихъ новыхъ, натянутыхъ на первыхъ порахъ отношеній духовенства къ властямъ рѣзко выражается въ перепискѣ П. Алексѣева съ І. Памфиловымъ, который явился представителемъ и защитникомъ бѣлаго духовенства предъ верховною властью. При имп. Павлѣ тотъ же Алексѣевъ, успѣвшій понравиться государю во время коронаціи тѣмъ, что при цѣлованіи руки коронованнаго царя одинъ изъ всего духовенства поцѣловалъ и мечъ при бедрѣ его, написалъ для него записку о властолюбіи Никона (для „будущей участи нашея церкви") и еще ученое сочиненіе о томъ, что священникъ можетъ быть посвященъ въ епископы безъ постриженія въ монашество.

Въ описываемое время произошли нѣкоторыя важныя *перемѣны въ самихъ епархіальныхъ учрежденіяхъ*. Въ началѣ царствованія Екатерины вышелъ указъ о назначеніи въ члены консисторій не однихъ монаховъ, но и бѣлыхъ священниковъ, подтвержденный и при Павлѣ I (въ 1797 г.). На канцелярскую службу при консисторіяхъ и въ секретари велѣно опредѣлять свѣтскихъ приказныхъ, а не монаховъ и келейниковъ арх. дома, какъ это было особенно въ Малороссіи; кромѣ того секретари и по опредѣленію въ должность, и по увольненію отъ нея были непосредственно подчинены св. Синоду. Но за то опредѣленіе и увольненіе членовъ консисторій, а такъ же членовъ дух. правленій, имѣвшихъ прежде выборное значеніе, стало зависѣть теперь исключительно отъ усмотрѣнія архіереевъ. Съ отмѣной церковнаго тягла повсюду была упразднена послѣдняя выборная должность въ епарх. управленіи, должность поповскихъ старостъ. Для надзора за благочиніемъ повсюду учреждены благочинные, назначавшіеся на долж-

ность епархіальнымъ начальствомъ уже безъ выбора духовенства; выборные благочинные кое-гдѣ оставались только въ Малороссіи. Въ руководство благочиннымъ м. Платонъ написалъ подробную инструкцію.

Монашествующее духовенство. Обращаясь къ состоянію духовенства, и прежде всего монашествующаго, на первомъ планѣ видимъ быстрое уменьшеніе числа монастырей и монаховъ,—явленіе общее тогда въ Европѣ повсюду, гдѣ власть была въ рукахъ людей новаго направленія. До учрежденія штатовъ въ Россіи считалось до 1072 монастырей. По штатамъ 1764 г., простиравшимся на однѣ великорусскія епархіи, изъ имѣвшихся здѣсь 954 монастырей оставлено 224 да 161 за штатомъ, на собственномъ содержаніи,—остальные 569 велѣно закрыть или обратить въ приходскія церкви. Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи при введеніи штатовъ оставлено только 29 обителей въ штатѣ и 55 за штатомъ. Къ началу настоящаго столѣтія по всей имперіи было уже всего 452 монастыря. Зданія закрывавшихся монастырей обращались въ казармы, госпитали, дома для сумасшедшихъ и т. п. Строеніе новыхъ монастырей допускалось только съ разрѣшенія высочайшей власти; до конца XVIII вѣка новыхъ обителей возникло всего до 5. Число монашествующихъ тоже значительно уменьшилось, хотя относительно постриженія монаховъ вновь правительство не издало ниодного особенно стѣснительнаго распоряженія и только подтверждало старые указы объ этомъ предметѣ временъ Петра I и Елизаветы. Кромѣ немногихъ богатыхъ обителей, число монашествующихъ почти нигдѣ не доходило до штатной цифры, что главнымъ образомъ зависѣло отъ скудости новыхъ монастырскихъ средствъ, особенно чувствительной для монашествующихъ послѣ ихъ прежняго изобильнаго во всемъ обезпеченія. На штатные оклады едва могла содержаться одна только монастырская братія съ необходимой прислугой. Монастырскія зданія, которыхъ въ старину настроено было слишкомъ много, разваливались безъ ремонта, а просить пособія, лишнихъ ассигновокъ, было безполезно и даже не безопасно, потому что въ отвѣтъ на просьбу можно было всегда ожидать указа — закрыть монастырь вовсе, если онъ не имѣетъ средствъ содержаться самъ и отписать его наприм. въ военное вѣдомство. Для поддержанія нѣкотораго достатка, а также и дисциплины въ монастыряхъ св. Синодъ старался вездѣ вводить общежитіе, предписывалъ монахамъ имѣть по крайней мѣрѣ общую трапезу. При имп. Павлѣ оклады монастырей, какъ и архіерейскихъ домовъ, увеличены были почти вдвое, но первоначальныя цифры ихъ были такъ малы, что и въ этомъ удвоенномъ количествѣ они нисколько не способствовали къ поднятію монастырей изъ упадка. Большею достаточностію

содержанія пользовались только монашествующія власти и монашество ученое, все болѣе и болѣе выдѣлявшееся изъ среды монаховъ въ особый привилегированный классъ. Строгіе законы Петра I, требовавшіе, чтобы власти на ряду съ братіей подчинялись всѣмъ правиламъ общежитія и не имѣли никакой частной собственности, лишившіе ихъ даже права дѣлать духовныя завѣщанія, при Екатеринѣ (въ 1766 г.) были отмѣнены. Кромѣ доходовъ отъ монастырей, ученые монахи пользовались еще жалованьемъ по своимъ школьнымъ должностямъ. При имп. Павлѣ въ 1799 г. для возвышенія ихъ благосостоянія вышло новое распоряженіе причислять ихъ въ званіи соборныхъ іеромонаховъ къ соборамъ богатыхъ монастырей съ правомъ пользоваться кружечнымъ доходомъ послѣднихъ. Размноженію и возвышенію ученаго монашества особенно много содѣйствовалъ м. Платонъ, усиленно старавшійся склонять лучшихъ студентовъ своей академіи къ постриженію. Въ продолженіе своего многолѣтняго святительства и управленія академіею онъ успѣлъ выпустить изъ нея такимъ образомъ цѣлую дружину молодыхъ ученыхъ монаховъ — платониковъ, въ которой сосредоточивались, можно сказать, всѣ лучшіе таланты духовенства.

Заслуги монашеству св. Тихона. Въ дѣлѣ благоустроенія монашества рядоваго всѣхъ болѣе оказали заслугъ св. Тихонъ и м. Гавріилъ. По прибытіи въ Воронежскую епархію св. Тихонъ былъ пораженъ дурнымъ состояніемъ тамошнихъ монастырей и усердно принялся за ихъ исправленіе, заставилъ монаховъ читать Н. Завѣтъ, завелъ на братской трапезѣ чтеніе чина постриженія и Зерцала иноческаго житія, самъ сочинилъ 15 статей увѣщанія къ инокамъ, разсылалъ по монастырямъ строгіе указы—не шататься монахамъ по мірскимъ домамъ, по поминкамъ, не пьянствовать и пр. Но главныя его заслуги монашеству относятся ко времени его пребыванія въ Задонскомъ монастырѣ, куда онъ удалился на покой по болѣзни и, отказавшись отъ всякой начальственной власти, самъ вмѣшался въ ряды простой монастырской братіи. Въ своихъ сочиненіяхъ этого времени (1769—1783) онъ съ глубокою практическою мудростію развивалъ идеалъ истиннаго подвижничества, а своею жизнію ясно показалъ возможность самаго осуществленія этого идеала. Все время его, за исключеніемъ 4—5 часовъ тревожнаго отдыха, проходило въ богословскихъ занятіяхъ и молитвѣ. Келейники его часто бывали свидѣтелями его каждодневной пламенной молитвы, во время которой, простертый на полу и обливаясь слезами смиреннаго сокрушенія о грѣхахъ, онъ не слыхалъ ничего, что около него дѣлалось. Онъ жилъ среди такой бѣдной обстановки, какую только дозволяло приличіе; пищу употреблялъ самую скудную, и той не вку-

шалъ, не укоряя себя каждый разъ за лѣность, за то, что мало потрудился для св. церкви; не смотря на слабость силъ, часто занимался тяжелыми работами, кололъ дрова, косилъ сѣно и пр. Но строгій къ себѣ, онъ былъ любовно снисходителенъ къ человѣческимъ слабостямъ другихъ. Его глубокое смиреніе и всепрощеніе были тѣмъ удивительнѣе, что по природѣ онъ былъ человѣкъ горячій и нервный. Онъ до земли кланялся своему келейнику, если видѣлъ, что тотъ оскорбился какимъ нибудь его замѣчаніемъ; будучи высокимъ богословомъ и подвижникомъ, смиренно бралъ уроки духовной мудрости и духовнаго утѣшенія изъ устъ простыхъ, неграматныхъ, но благочестивыхъ монастырскихъ старцевъ. Однажды въ гостяхъ у знакомыхъ онъ вступилъ въ бесѣду съ какимъ-то двоpяниномъ вольтерьянцемъ и кротко, но такъ сильно сталъ опровергать его, что гордый человѣкъ вышелъ изъ себя и далъ ему пощечину; святой тутъ же упалъ ему въ ноги съ мольбой о прощеніи и этимъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ съ этихъ поръ сдѣлался хорошимъ христіаниномъ. Полный любви къ ближнимъ, св. Тихонъ не прекращалъ своего общественнаго служенія и въ задонской кельѣ. Келья эта сдѣлалась источникомъ духовнаго просвѣщенія для обширнаго округа. Изъ нея разсылались къ разнымъ лицамъ его назидательныя посланія; къ ней изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ стекался народъ, чтобы получить наставленіе и благословеніе святаго человѣка, и много дурныхъ людей отходило отъ нея съ прочными задатками лучшей жизни. Особенно любилъ онъ бесѣдовать съ простымъ народомъ, бытъ котораго такъ хорошо зналъ, утѣшалъ его въ его тяжкой долѣ, училъ не роптать противъ начальствъ и господъ, помогалъ разворенным деньгами. Изъ монастырской слободы къ нему ходили дѣти, которыхъ онъ училъ молитвамъ и пріучалъ къ церкви. Иногда онъ самъ являлся въ дома къ нуждавшимся въ его участіи и вездѣ оставлялъ послѣ себя миръ и утѣшеніе. Онъ былъ миротворцемъ въ ссорахъ окрестныхъ дворянъ и ходатаемъ предъ ними за ихъ угнетенныхъ крестьянъ. На благотворенія шла вся его 400—рублевая пенсія и все, что онъ получалъ въ даръ отъ знакомыхъ. Въ задонской же кельѣ написана большая часть сочиненій св. Тихона; спеціально для монаховъ написаны имъ „Правила монашескаго житія“ и „Наставленіе обратившимся отъ суетнаго міра“. Кончина его послѣдовала 13 августа 1783 г., а торжественное открытіе его мощей въ 1861 г.

Попеченія о монашествѣ м. Гавріила и болѣе замѣчательные подвижники. Другимъ ревнителемъ монашества былъ м. Гавріилъ. Устроеніе упадавшихъ монастырей и заведеніе въ нихъ общежитія было его любимымъ попеченіемъ; для своихъ

епархіальныхъ монастырей онъ самъ написалъ правила общежитія. Съ болѣе замѣчательными подвижниками своего времени онъ былъ въ тѣсномъ духовномъ общеніи черезъ письма. По указаніямъ своего келейника, старца *Θеофана*, знакомаго лично съ нѣсколькими обителями, онъ вызывалъ лучшихъ иноковъ для устроенія своихъ монастырей, напр. изъ Брынскихъ лѣсовъ вызвалъ благочестиваго старца *Адріана* въ Коневскій монастырь, изъ Сарова въ валаамскіе настоятели старца *Назарія*, въ Тихвинъ пѣшношскаго строителя *Игнатія*. Замѣчательно, что въ дѣлѣ устроенія монастырской жизни Гавріилъ всегда почти предпочиталъ ученымъ монахамъ простыхъ, но опытныхъ въ духовной жизни игуменовъ.—Въ 1790-хъ гг. Гавріилъ имѣлъ сношеніе съ знаменитымъ подвижникомъ *Паисіемъ Величковскимъ*. Паисій былъ родомъ изъ Полтавы, учился въ Кіевѣ, по постриженіи жилъ сначала въ Малороссіи, потомъ отъ уніатскаго гоненія ушелъ въ Молдавію, гдѣ и провелъ по монастырямъ большую часть жизни, занимаясь переводами съ греческаго языка аскетическихъ твореній. Одинъ изъ этихъ переводовъ, книгу „Добротолюбіе", по просьбѣ Гавріила, онъ дозволилъ издать въ Россіи въ 1793 г. Въ своихъ Сѣкульскомъ и Нямецкомъ монастыряхъ Паисій воспиталъ для Русской церкви нѣсколькихъ замѣчательныхъ подвижниковъ († 1794 г.).—Болѣе другихъ процвѣтали монашескою жизнію обители Тамбовской епархіи Санаксарская и Саровская. Послѣдняя достигла цвѣтущаго состоянія при мудрыхъ и опытныхъ строителяхъ *Ефремѣ* и *Пахоміѣ* и сдѣлалась разсадникомъ игуменовъ въ другіе монастыри. Въ саровскомъ лѣсу съ благословенія Пахомія въ послѣднее время началъ свои подвиги извѣстный всей Россіи старецъ *Серафимъ*. Тамбовскій епископъ *Θеофилъ* старался по образцу Сарова устроять и другія обители своей епархіи, находившіяся большею частію въ жалкомъ положеніи. Строгія мѣры его къ введенію въ нихъ общежитія и порядка нѣкоторое время сопровождались даже монашескими бунтами противъ настоятелей, наприм. въ монастыряхъ Трегуляевомъ (1789), Краснослободскомъ (1790), Козловскомъ (1791 г.).

Бѣлое духовенство. Послѣ вопроса о монастырскихъ вотчинахъ Екатерина обѣщалась заняться вопросомъ о бѣломъ духовенствѣ, его правахъ, матеріальномъ обезпеченіи и образованіи, но обѣщаніе это далеко не было выполнено. Въ комиссіи объ Уложеніи, какъ мы видѣли, Гавріилу пришлось отстаивать даже и тѣ права, какія оно уже имѣло издавна. Новаго по этой части ничего не видимъ во все царствованіе. Говорили о возвышеніи духовенства изъ „подлости", но не дали ему даже такого отличія неподлыхъ людей, какъ свобода отъ тѣлесныхъ наказаній по свѣтскому суду. По прежнему права духовенства были мало гарантиро-

ваны отъ нарушеній. Въ Синодъ шли изъ епархій одна жалоба за другой на обиды духовенству отъ разныхъ начальствъ; отъ какого нибудь исправника или городничаго страдала подъ часъ не одна спина или борода священника, но иногда и дароносица, которую онъ имѣлъ при себѣ. Въ селахъ надъ духовенствомъ величались дворяне, которые теперь, послѣ дарованія грамоты о вольности дворянства, стали чаще проживать въ своихъ имѣніяхъ и кромѣ того часто оказывались философами, смотрѣли на попа, какъ на представителя суевѣрій, и унизить его считали признакомъ образованія. Не мудрено, что духовенство браталось больше съ подлымъ, чѣмъ съ благороднымъ людомъ, и участвовало въ крестьянскихъ волненіяхъ противъ дворянъ.—Для матеріальнаго обезпеченія его тоже ничего не было сдѣлано. Въ штаты вошли лишь соборы и 105 церквей, имѣвшихъ вотчины, и то съ жалованьемъ гораздо меньшимъ противъ ихъ прежнихъ вотчинныхъ доходовъ (священникамъ назначено по 20, дьяконамъ по 15, дьякамъ по 10 р. въ годъ); остальныя церкви не получили ничего, хотя и среди духовенства и въ обществѣ были увѣрены, что правительство изъ монастырскихъ доходовъ непремѣнно назначитъ причтамъ жалованье. Въ одномъ письмѣ Екатерина писала, что толки объ этомъ жалованьѣ вѣроятно идутъ отъ „лукавыхъ ханжей и святошъ". Въ 1765 г., узнавъ о нѣкоторыхъ случаяхъ вымогательства нищаго духовенства за требы, правительство выдало таксу за главныя требы съ крайне малыми цифрами (по 2 коп. за молитву рожаницѣ, 3 коп. за крещеніе, 10 коп. за свадьбу и погребеніе взрослыхъ, а за погребеніе младенцевъ 3). Въ комиссіи объ Уложеніи высказывались даже требованія, чтобы у духовенства отобрана была вся земля при церквахъ, но правительство этой мысли не раздѣляло, напротивъ во время общаго межеванія въ имперіи (съ 1765 г.) распорядилось отмежевать по 33 десятины на причтъ ко всѣмъ церквамъ, которыя не имѣли за собой писцовыхъ земель; земельные надѣлы и теперь впрочемъ достались не всѣмъ церквамъ.

Для очищенія духовенства отъ лишнихъ и недостойныхъ людей употреблялось прежнее средство,—разборы. Противъ множества безмѣстныхъ бродячихъ и крестцовыхъ поповъ особенно энергично дѣйствовали московскіе архіереи—Амвросій и Платонъ; послѣднему удалось, какъ онъ говорилъ, вывести безчестный крестецъ въ Москвѣ. Въ другихъ епархіяхъ безмѣстныхъ старались размѣщать на штатныя мѣста или въ викаріи и на причетническія вакансіи; въ 1784 г. для скорѣйшаго ихъ распредѣленія остановлено было на время даже посвященіе новыхъ ставлениковъ, кромѣ ученыхъ. Разборы церковниковъ и дѣтей духовенства носили теперь болѣе мягкій характеръ, чѣмъ прежде. Оказавшимся

лишними предоставлялось по крайней мѣрѣ право свободно избирать себѣ родъ жизни безъ записи за помѣщиками; большая часть изъ нихъ записывалась въ мѣщанство; въ солдаты попадали главнымъ образомъ лишь люди негодные или укрывавшіеся отъ избранія рода жизни. Другою особенностью Екатерининскихъ разборовъ было то, что для оставленія извѣстнаго лица въ духовномъ званіи требовалась не столько принадлежность его или его отца къ числу дѣйствительно служившихъ на церковной службѣ, какъ прежде, сколько извѣстная степень образованія. Для нѣсколько поучившихся духовныхъ дѣтей открылась широкая дорога къ выходу изъ дух. званія въ новыя намѣстническія канцеляріи, въ главное народное училище, университетъ, медицинскія школы, такъ что духовное начальство даже стало принимать мѣры къ удержанію ихъ въ своемъ званіи, потому что это были лучшіе люди въ вѣдомствѣ, въ которыхъ оно само крайне нуждалось. Государство съ своей стороны по прежнему стѣсняло доступъ къ дух. службѣ для свѣтскихъ лицъ, податныхъ и служилыхъ людей. При такой замкнутости духовнаго званія всѣ мѣста въ немъ, даже причетническія, исключительно были заняты своими людьми и передавались изъ рода въ родъ по наслѣдству. Бывало такъ, что при иной церкви всѣ мѣста бывали заняты членами одной семьи по старшинству, при чемъ младшіе члены постепенно передвигались на вакансіи старшихъ, а какая нибудь вдова родственница тутъ же служила просвирней. Права наслѣдниковъ и наслѣдницъ церковныхъ мѣстъ признавали самъ св. Синодъ и архіереи, наблюдая только одно условіе, чтобы первые учились въ семинаріяхъ, а вторыя выходили за мужъ за ученыхъ. Но иногда нельзя было наблюсти и этого условія, если неученый наслѣдникъ, опираясь на свои владѣльческія права, требовалъ съ посторонняго ученаго кандидата высокой платы за свое наслѣдное мѣсто при церкви. Въ 1768 г. Синодъ издалъ указъ, въ которомъ старался понизить цѣны на наслѣдные дома при церквахъ, вычитая извѣстную долю изъ ихъ стоимости по числу лѣтъ, прожитыхъ въ нихъ владѣльцами, такъ, чтобы черезъ 30 лѣтъ жительства владѣлецъ передавалъ свой домъ преемнику уже даромъ. Старались заводить при церквахъ и церковные дома для причта. Старинные приходскіе выборы членовъ клира все болѣе и болѣе выходили изъ практики; архіереи стали считать ихъ даже чѣмъто предосудительнымъ; м. Платонъ ставилъ себѣ въ заслугу, что не обращалъ на нихъ никакого вниманія. При имп. Павлѣ выборы эти были запрещены самимъ правительствомъ; заручныя прошенія прихожанъ о посвященіи избранныхъ ими кандидатовъ на церковныя мѣста подведены были подъ категорію запрещенныхъ „прошеній скопомъ".

Царствованіе Павла было благопріятнѣе для бѣлаго духовенства, хотя и ознаменовалось весьма крутымъ разборомъ церковниковъ, какого духовенство не помнило со времени имп. Анны. Въ 1797 г. по ходатайству м. Гавріила всѣ священнослужители до снятія сана освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній. Въ томъ же году введены для священниковъ награды скуфьями, камилавками, наперстными крестами и митрами; наравнѣ съ высшимъ духовенствомъ они стали получать такъ же ордена. Дома духовенства освобождены отъ полицейскихъ повинностей. Стараясь возвысить духовенство надъ простонародьемъ, правительство распорядилось освободить его отъ крестьянскихъ работъ, поручивъ обработку церковной земли въ его пользу его прихожанамъ. Въ 1799 г. въ первый разъ обращено было вниманіе на участь духовныхъ вдовъ и сиротъ; въ видахъ ихъ призрѣнія положено: преимущественно предъ другими предоставлять имъ вакансіи въ архіерейскихъ богадѣльняхъ и монастыряхъ, обратить въ ихъ пользу штрафныя деньги въ консисторіяхъ, доходы съ кладбищъ, остатки отъ штатныхъ окладовъ въ монастыряхъ и др. мѣстныя средства, какія могутъ открыться по епархіямъ; во всей силѣ оставленъ и прежній способъ ихъ призрѣнія,—посредствомъ зачисленія за ними вакантныхъ церковныхъ мѣстъ.

Въ основаніе *отношеній правительства къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ* въ имперіи положено было самое широкое *начало вѣротерпимости*. „Въ столь великомъ государствѣ, говорилось въ Наказѣ Екатерины, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности гражданъ былъ порокъ—запрещеніе ихъ различныхъ вѣръ". Въ 1773 г. въ одномъ указѣ Синоду по поводу обращенія въ христіанство инородцевъ императрица внушала: „Какъ всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и ея величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали". Начало это прилагалось правительствомъ и къ вопросу объ инородческихъ миссіяхъ, и къ веденію давняго дѣла о польскихъ диссидентахъ, и къ мѣрамъ относительно разныхъ сектъ внутри имперіи.

Обращеніе инородцевъ восточнаго края. Мы видѣли, какъ волненія инородцевъ еще при имп. Елизаветѣ побудили правительство умѣрить ревность къ обращенію ихъ въ христіанство. Въ 1764 г. Екатерина велѣла закрыть самую контору новокрещенскихъ дѣлъ, а для проповѣди св. вѣры въ епархіяхъ восточнаго края и Сибири выбрать по нѣскольку человѣкъ ученыхъ и честнаго житія проповѣдниковъ. Для привлеченія инородцевъ къ

вѣрѣ оставлена прежняя льгота новокрещенымъ на 3 года отъ податей и отъ трехъ рекрутскихъ наборовъ, но раскладывать за нихъ эти подати и рекрутчину на некрещеныхъ было запрещено; велѣно сложить съ некрещеныхъ и прежнія недоимки этого рода. На дачу крещенымъ крестовъ и иконъ и на канцелярскіе расходы по миссіи ассигновано по 10,000 р. въ годъ, но подарки новокрещенымъ деньгами и одеждой отмѣнены. Св. Синодъ и Сенатъ предлагали было при этомъ упразднить и казанскія новокрещенскія школы, но императрица на это не согласилась. Не смотря на эти распоряженія, раздраженіе между инородцами не унималось. На всѣ самыя законныя дѣйствія духовенства они смотрѣли, какъ на насиліе, и продолжали жаловаться; жаловались на то, что, по настоянію духовенства, власти старались удерживать новокрещеныхъ отъ переходовъ въ ихъ старую вѣру; жаловались и на новыя обращенія къ христіанству, которыя, благодаря ревности Веніамина Григоровича, продолжались и теперь, при всѣхъ неблагопріятныхъ къ тому условіяхъ. Въ 1767 г. въ бытность императрицы въ Казани Татары подали ей жалобу, что архіерей, притѣсняя ихъ, не дозволяетъ имъ строить въ старой татарской слободѣ мечетей, хотя онъ не имѣлъ даже и права дать имъ такого дозволенія, такъ какъ они хотѣли устроить эти мечети незаконно, вблизи православныхъ церквей, да не имѣли и сами права жить въ этой слободѣ, будучи изъ нея давно высланы по распоряженію самого правительства. Императрица позволила имъ построить двѣ мечети. Въ 1773 г. Татары опять подали жалобу, что эти мечети у нихъ хотятъ раззорить, такъ какъ дозволеніе на постройку ихъ было только словесное и теперь уже забыто; императрица снова повторила это дозволеніе указомъ и по этому случаю сдѣлала св. Синоду приведенное выше внушеніе. Послѣ этого св. Синодъ, по настоянію Сената, вовсе запретилъ архіереямъ вступаться въ дѣла объ иновѣрцахъ и о построеніи ихъ молитвенныхъ домовъ, предоставивъ вести эти дѣла одной свѣтской командѣ. Въ правительственныхъ сферахъ очевидно крѣпко засѣло предубѣжденіе касательно фанатичности духовенства, о которой такъ много говорилось у модныхъ писателей Франціи. Предубѣжденіе это еще болѣе утвердилось представленіями инородческихъ депутатовъ въ комиссіи объ Уложеніи, которые, разумѣется, не преминули пожаловаться на религіозныя притѣсненія инородцевъ. Въ такомъ же родѣ, поддѣлываясь подъ тонъ правительства, доносили о дѣйствіяхъ духовенства нѣкоторые губернаторы.—Послѣ пугачевскаго бунта, въ которомъ инородцы принимали такое живое участіе, правительство стало смотрѣть на инородческія миссіи еще неблагосклоннѣе. Сибирскіе Татары съ увѣренностію ожидали, что скоро сама казна будетъ строить

имъ мечети, и стали усердно обращать въ мусульманство другихъ инородцевъ, наприм. Башкиръ. Въ 1789 г., по случаю одного волненія между Башкирами, возбужденнаго слухами, будто ихъ хотятъ крестить насильно, архіереямъ запрещено было посылать къ инородцамъ и проповѣдниковъ безъ предварительнаго сношенія о томъ съ губернаторами. Послѣ этого дѣло обращенія восточныхъ инородцевъ совершенно остановилось. Въ 1793 г. Амвросій казанскій обратилъ было вниманіе на казанскія новокрещенскія школы, обновилъ ихъ и сталъ посвящать ихъ учениковъ въ инородческіе приходы: но послѣ перехода его въ Петербургъ школы эти опять пришли въ упадокъ, а въ 1800 г. ученіе въ нихъ совсѣмъ прекратилось. Въ 1799 г. окончательно упразднена самая должность инородческихъ проповѣдниковъ, какъ болѣе не нужная, по объясненію Сената.—Дѣло инородческой миссіи было такимъ образомъ остановлено. Но политикъ вѣротерпимости этимъ не ограничилась, а постаралась еще усилить иновѣрные элементы въ имперіи положительными мѣрами. Особенными милостями правительства воспользовались мухаммедане Татары, число которыхъ увеличилось въ имперіи чрезъ присоединеніе Крыма. Императрица не только дозволила имъ свободно строить повсюду мечети и школы, но еще сама постаралась дать имъ небывалую у нихъ религіозную организацію, своего рода церковь, устроивъ для нихъ два средоточія изъ двоихъ муфтіевъ—въ Уфѣ (1788 г.) и въ Крыму (1794 г.)—и назначивъ для нихъ множество штатныхъ муллъ съ значительными окладами, которымъ могло позавидовать даже православное духовенство.

Судьба миссіонерскаго дѣла въ Сибири была одинакова съ судьбою его въ Европейской Россіи, потому что подвергалась вліянію тѣхъ же распоряженій правительства. Не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, и теперь впрочемъ являлись здѣсь ревнители проповѣдники. Такъ, среди Тунгузовъ проповѣдывалъ св. вѣру *Кириллъ Сухановъ*; посвященный въ Иркутскѣ въ протоіерея, онъ устроилъ для новообращенныхъ Тунгузовъ храмы и, разселивъ ихъ около послѣднихъ деревнями, положилъ между ними первые начатки осѣдлой гражданственности. Въ 1799 г. протоіерей *Григорій Слѣпцовъ* отправился на проповѣдь къ Якутамъ и Чукчамъ. Камчатская миссія была упразднена еще въ 1761 г. и вмѣсто нея учреждено обыкновенное протоіерейское управленіе, во главѣ котораго стоялъ протоіерей *Стефанъ Никифоровъ*; управленіе это впрочемъ само имѣло миссіонерскій характеръ; члены его назывались проповѣднической свитой. Сначала проповѣдь этой свиты имѣла значительный успѣхъ; къ 1765 г. число христіанъ въ Камчаткѣ доходило до 10,000, для нихъ устроено было 8 церквей и 12 школъ съ 239 учениками. Но потомъ, особенно послѣ бунта Беніовскаго (1771 г.), въ которомъ

заподозрѣно было духовенство, и вслѣдствіе притѣсненій духовнымъ лицамъ со стороны дурныхъ начальниковъ края, Нѣмцевъ Бема и Рейнеке, успѣхи вѣры надолго остановились. Храмы и школы стали закрываться. Въ 1798 г. самъ Стефанъ отъ трудовъ и огорченій захворалъ и сдалъ свое мѣсто сыну *Никифору.* Изъ Камчатки христіанство проникало къ Корякамъ и на Алеутскіе острова. По открытіи Американской компаніи св. Синодъ въ 1794 г. назначилъ къ Алеутамъ особую миссію изъ іеромонаха *Іоасафа Болотова* и 8 монаховъ, которые съ благословенія м. Гавріила всѣ были избраны на Валаамѣ прозорливымъ игуменомъ Назаріемъ. Въ два мѣсяца они крестили весь островъ Кадьякъ и завели здѣсь школу. Одинъ изъ монаховъ *Макарій* крестилъ Алеутовъ на Уналашкѣ, другой *Ювеналій*—множество жителей Кенайскаго залива, гдѣ и умеръ мученической смертію. Въ 1799 г. открыто въ Кадьякѣ епископство, но за смертію рукоположеннаго на него Іоасафа, утонувшаго со свитою во время бури на дорогѣ въ Кадьякъ, опять закрыто.

Распространеніе христіанства на югѣ. Среди юговосточныхъ степей успѣшно продолжалось крещеніе Калмыковъ. Въ 1765 г. число крещеныхъ между ними доходило до 8000 муж. пола; въ ставропольской школѣ училось свыше 50 учениковъ. Къ сожалѣнію притѣсненія со стороны русскаго чиновничества не только остановили новыя переселенія Калмыковъ изъ Азіи въ Россію, но въ 1770-хъ гг. заставили бѣжать и тѣхъ, которые уже кочевали въ русскихъ степяхъ. Въ 1771 г. ушли за Уралъ 30,000 кибитокъ, потомъ изъ Астраханской губерніи ушли за р. Куму 160 семействъ Калмыковъ, уже крещеныхъ, и опять обратились въ ламайскую вѣру. Къ началу XIX в. крещеныхъ осталось въ Россіи всего до 6000 человѣкъ.

Судьба закавказскихъ христіанъ много улучшилась, когда Грузинская церковь, съ возведеніемъ ея католикоса *Антонія* въ званіе синодальнаго члена, въ 1783 г. поступила подъ управленіе св. Синода. Въ 1800 г. присоединилась къ Россіи и сама Грузія, послѣ чего уже навсегда освободилась отъ мухаммеданскихъ насилій.—Между кавказскими народами, не смотря на слабую дѣятельность миссіи 1746 г., число христіанъ все-таки довольно увеличилось. Въ Малой Кабардѣ построена была православная церковь; но въ 1769 г., во время войны съ Турціей, не желая раздражать кавказскихъ мусульманъ, императрица велѣла сломать эту церковь. Потомъ впрочемъ она вѣроятно сообразила, что въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Турціей выгоднѣе поддерживать христіанство, чѣмъ мухаммеданство, и велѣла отправить на Кавказъ новую миссію изъ ученыхъ людей подъ управленіемъ протоіерея *Лебедева.* Миссія эта отправилась въ 1771 г. и до 1790 г.

успѣла просвѣтить до 6000 Осетинъ. Императрица была впрочемъ ею недовольна. находя, что она старалась только больше крестить народа; въ 1777 г. посланъ былъ миссіонерамъ указъ св. Синода, чтобы они не объявляли, что посланы по указу и крестили обращенныхъ только по довольномъ наученіи. Въ 1792 г. для миссіонерскихъ цѣлей въ Моздокѣ учреждено было астраханское викаріатство, при которомъ велѣно устроить для Кавказскаго края два монастыря (мужской и женскій) съ просвѣтительнымъ назначеніемъ. Но въ то время, какъ миссія дѣйствовала между Осетинами, другія горскія племена, уступленныя еще по Кайнарджійскому миру Турціи, подверглись вліянію ислама, проповѣдники котораго стали распространять между ними самую фанатическую ненависть къ христіанству и Россіи. А между тѣмъ въ 1799 г. упразднена была и Моздокская епархія съ ея просвѣтительными монастырями.

Состояніе православія въ Польшѣ. Вопросъ о диссидентахъ. На западѣ Русская церковь должна была продолжать свою вѣковую борьбу съ католичествомъ и уніей. Восшествіе на русскій престолъ новой государыни заставило страдавшихъ въ Польшѣ православныхъ еще разъ обратиться къ Россіи съ прошеніемъ о помощи. На коронацію Екатерины пріѣхалъ въ Москву извѣстный ревнитель православія *Георгій Конисскій* архіепископъ бѣлорусскій и трогательною рѣчью о бѣдствіяхъ своей паствы побудилъ императрицу серьезно взяться за возбужденіе вопроса о правахъ польскихъ диссидентовъ. Въ 1764 г. вопросъ этотъ внесенъ былъ на сеймъ по случаю восшествія на польскій престолъ покровительствуемаго Екатериною *Станислава Понятовскаго*. Среди русскаго народонаселенія Польши, особенно въ Малороссіи, немедленно поднялось сильное религіозное движеніе, направленное противъ уніи. Средоточіемъ этого движенія были переяславская каѳедра, которой подчинены были всѣ православные приходы польской украйны и на которой сидѣлъ въ это время другой ревнитель православія епископъ *Гервасій Линцевскій*, и Матронинскій монастырь, куда православные давно привыкли обращаться за утѣшеніями вѣры и гдѣ игуменствовалъ тогда умный и дѣятельный *Мелхиседекъ Значко-Яворскій*. По селеніямъ строились и возобновлялись православные храмы, а въ Переяславѣ ставились для нихъ священники; цѣлые приходы возвращались изъ уніи въ православіе. Въ 1765 г. Георгій и Мелхиседекъ ѣздили въ Варшаву. Въ сильной рѣчи, поразившей самихъ Поляковъ и тогда же переведенной на разные европейскіе языки, Георгій изобразилъ передъ королемъ такую выразительную картину страданій православнаго народа въ Польшѣ, что тронутый король обѣщалъ сдѣлать все для возстановленія правъ православія. Мель-

хиседекъ воротился съ граматой, утверждавшей религіозныя права украинскаго народа, и съ письмами короля къ уніатскимъ властямъ о прекращеніи насилій.

Гоненіе на православіе. Уніатскія власти однако и не думали исполнять повелѣній короля. Пользуясь раздраженіемъ, съ какимъ Поляки встрѣтили тогда руссное вмѣшательство въ диссидентскомъ дѣлѣ, уніатскій митрополитъ для поддержанія уніи въ украйнѣ въ 1766 г. наслалъ на послѣднюю самаго фанатичнаго ревнителя уніи, оффиціала *Мокрицкаго*. Мокрицкій явился съ отрядомъ войска и пошелъ по украйнѣ, производя ужасныя варварства. Православныя церкви запечатывались или отбирались въ унію. Народъ насильно заставляли отрекаться отъ православія, какъ онъ ни старался огораживаться правами, данными королемъ по ходатайству архіереевъ и императрицы. Отсчитывая удары плетей по плечамъ вѣрныхъ исповѣданію отцевъ и дѣдовъ, мучители приговаривали: „это тебѣ за государыню, это за короля, это за архіерея, а это за вся православныя христіаны". Особенно поразили украйну два убійства за вѣру, сотника *Харька* и ктитора Мліевскаго прихода *Данiила Кушнира*. Первому отсѣкли голову; послѣдняго казнили, какъ святотатца, за то, что онъ по выбору мліевской громады, не желавшей отдавать своей церковной утвари уніатскому попу, какъ самый благочестивый человѣкъ въ приходѣ, взялся принять съ престола и укрыть у себя св. дароносицу; въ присутствіи множества народа изъ разныхъ мѣстъ ему обвили руки смоленой паклей и зажгли, потомъ отрубили голову. Ночью православные тайно унесли эту голову и торжественно принесли въ Переяславъ, гдѣ съ крестнымъ ходомъ встрѣтилъ ее самъ архіерей Гервасій. Къ довершенію всего уніаты успѣли захватить игумена Мельхиседека много его мучили, потомъ бросили въ тюрьму. Новыя представленія въ защиту диссидентскихъ правъ, которыя на сеймъ 1766 г. внесли не только Россія, но еще Пруссія, Англія, Швеція и Данія, повели только къ большему усиленію фанатизма. Католическіе епископы *Солтыкъ и Красицкій* разослали противъ диссидентовъ окружныя посланія; ихъ подкрѣплялъ изъ Рима самъ папа, запрещая дѣлать, какія бы то ни было, уступки иновѣрцамъ.

Конфедераціи и гайдамачина. Когда сеймъ отказалъ требованіямъ державъ, диссиденты, не видя болѣе никакихъ средствъ прійти къ мирному окончанію дѣла, рѣшились дѣйствовать силою и составили конфедераціи въ Торнѣ и Слуцкѣ. Россія съ своей стороны для поддержанія своихъ требованій поспѣшила ввести въ украйну свое войско. На сеймѣ 1767 г. русскій посланникъ кн. *Репнинъ* принялъ самыя рѣшительныя мѣры въ пользу диссидентовъ, арестовалъ болѣе всѣхъ шумѣвшихъ противъ него епи-

скововъ Солтыка и Залусскаго и нѣкоторыхъ другихъ фанатиковъ и заставилъ испуганный сеймъ согласиться на важныя уступки; по новому сеймовому опредѣленію диссидентамъ предоставлены были полная свобода вѣры, право воспитывать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, — сыновей въ вѣрѣ отцевъ, дочерей въ вѣрѣ матерей, по религіознымъ столкновеніямъ съ католиками судиться не у католическаго духовенства, а въ смѣшанной комиссіи, состоящей на половину изъ католиковъ, на половину изъ диссидентовъ, свободно строить церкви и школы, собирать соборы и присутствовать на сеймахъ и въ сенатѣ; для успокоенія ревнителей католичества послѣднее все-таки объявлено было господствующей вѣрою въ государствѣ, а отступничество отъ него подлежащимъ строгому наказанію. Послѣдній пунктъ опредѣленія былъ по видимому совершенно естественъ и справедливъ, такъ какъ Рѣчь Посполитая была все-таки государствомъ католическимъ, но при томъ сильномъ движеніи въ пользу православія, какое открылось тогда въ уніатскомъ населеніи украйны, и онъ могъ повести за собой большія затрудненія какъ для обращающихся уніатовъ, такъ и для самой православной церкви. Чтобы избѣжать всякой опасности подпасть подъ его дѣйствіе, уніаты, желавшіе перейти въ православіе, поспѣшили воспользоваться для этого короткимъ промежуткомъ между рѣшеніемъ сейма и утвержденіемъ его въ формѣ трактата съ Россіей и подали громадное число заявленій о своей принадлежности къ православной церкви. Мельхиседекъ, успѣвшій освободиться изъ тюрьмы съ помощію нѣкоторыхъ христолюбцевъ, повезъ эти заявленія въ Варшаву для внесенія въ актовыя книги вмѣстѣ съ жалобой на свои собственныя страданія. Но обстоятельства быстро перемѣнились опять къ невыгодѣ диссидентовъ: послѣ ратификаціи трактата, едва только русское войско выступило изъ украйны, фанатики снова принялись за старое. Католическое духовенство поднялось съ возмутительными воззваніями противъ схизматиковъ (православныхъ) и Россіи. Недовольные опредѣленіями сейма составили Барскую конфедерацію съ цѣлію опять лишить диссидентовъ всѣхъ дарованныхъ имъ правъ. Паны, уніатскія власти и военныя команды снова начали преслѣдовать православныхъ. Тогда народъ украинскій пришелъ въ окончательное отчаяніе и, несмотря на всѣ увѣщанія Гервасія и Мельхиседека, желавшихъ, чтобы православная масса оставалась чистой отъ всякихъ незаконныхъ заявленій негодованія противъ несправедливостей государства, поднялъ бурное и кровавое возстаніе подъ предводительствомъ запорожца *Желѣзняка* (Колiивщину). Запылали жидовскія мѣстечки и панскіе дворы. Вырѣзанъ г. Умань. Уніатскіе попы и католическіе ксёндзы были избиваемы. И борьба съ конфедератами, и усмиреніе народнаго возстанія пали на долю Рос-

сіи, которая по трактату 1768 г. поручилась за сохраненіе порядка въ Польшѣ. Къ несчастію представители русскаго дѣла въ Польшѣ, начальникъ русскаго войска *Кречетниковъ* и самъ Репнинъ, были люди новаго образованія, не понимавшіе завѣтныхъ преданій и чувствъ народа, поддались интригѣ Поляковъ, представлявшихъ имъ народное возстаніе, исключительно какъ противугосударственный крестьянскій бунтъ и разбой, и сами безсознательно помогали Полякамъ въ истребленіи всего, что стояло въ украйнѣ за православіе и русскую народность. Русское войско, введенное въ Польшу для поддержанія православнаго народа и борьбы съ Барскою конфедераціей, должно было обратиться теперь противъ этого самаго народа, возставшаго за вѣру, чтобы выдать его на месть Полякамъ. Въ бунтѣ заподозрѣны были и Гервасій съ Мельхиседекомъ, вслѣдствіе чего лишены были своихъ мѣстъ и удалены на покой въ Россію. Православное духовенство, обвиненное въ возбужденіи народнаго возстанія, должно было укрываться по лѣсамъ и домамъ христолюбцевъ не только отъ польскаго правосудія, но и отъ русскихъ командъ. На мѣсто его на украйну опять наѣхали уніатскіе попы и стали опять завладѣвать православными приходами. Во многихъ мѣстахъ у православныхъ осталось единственное средство удовлетворять своимъ духовнымъ нуждамъ,—это держать у себя безприходныхъ священниковъ, являвшихся изъ Молдавіи и Валахіи, гдѣ архіереи щедро раздавали благодать священства всѣмъ желающимъ, посвящая ставлениковъ даже безъ назначенія прихода, просто „на вакансъ", т. е. до пріисканія мѣста.

Въ 1773 г. послѣдовалъ *первый раздѣлъ Польши*, по которому къ Россіи присоединена была изстрадавшаяся отъ фанатическихъ насилій Бѣлоруссія. Благодаря энергіи своего архіепископа Георгія Конисскаго, православная церковь этого края отрадно вздохнула послѣ долгихъ страданій и стала быстро поправляться. Но въ тоже время, не смотря на то, что присоединенный край былъ чисто русскій и православный, правительство считало нужнымъ съ величайшимъ вниманіемъ наблюдать здѣсь интересы католиковъ и уніатовъ, составлявшихъ меньшинство населенія, но считавшихся интеллигенціей края; все польское, латинское, уніатское получило полное обезпеченіе своего существованія; свобода вѣры, которою думали блеснуть предъ Европою, доведена была до явнаго униженія господствующаго вѣроисповѣданія, православія. Русскіе законы и власти обязаны были защищать цѣлость католической и уніатской церквей отъ всякихъ вредныхъ для нихъ вліяній, въ томъ числѣ и отъ вліянія православныхъ пастырей. Стремленіе уніатовъ къ переходу въ православіе было остановлено. Георгій Конисскій десятками получалъ заявленія прихо-

довъ о насильственномъ обращеніи ихъ въ унію въ прежнее время и о желаніи снова обратиться къ благочестію, доносилъ объ этихъ заявленіяхъ въ Петербургъ, но не получалъ оттуда никакого на нихъ отвѣта, кромѣ указа дожидаться особаго распоряженія. Ожиданіе это продолжалось почти 8 лѣтъ; наконецъ-то уже послѣ многихъ новыхъ настояній вышелъ рескриптъ съ дозволеніемъ обращать такіе уніатскіе приходы въ православные, но лишь въ томъ случаѣ, если къ переходу въ православіе заявятъ свое желаніе всѣ прихожане. Не смотря однако на всѣ проволочки и такой ограниченный смыслъ этого дозволенія, движеніе народа къ соединенію съ православною церковію оставалось до того сильнымъ, что въ 3 года присоединившихся оказывалось до 130,000 душъ.

Устройство католической церкви въ Бѣлоруссіи. Вслѣдствіе тѣхъ же шаткихъ понятій объ интересахъ кореннаго населенія присоединеннаго края и крайней деликатности въ отношеніи къ его польско-католической интеллигенціи, католическая церковь получила здѣсь такія милости, которыя ставили ее въ положеніе даже выгоднѣйшее сравнительно съ положеніемъ господствующей церкви. Въ 1773 г. Екатерина дала Бѣлоруссіи особаго католическаго епископа, котораго здѣсь не было и при польскомъ владычествѣ. Правда, она постаралась дать католической церкви въ имперіи болѣе государственную постановку, чѣмъ это могло нравиться католическому клерикализму и папѣ, именно: ослабила вредную для государства связь ея съ Римомъ, дала ей особаго архіепископа, избравъ на эту должность очень удобнаго для Россіи прелата, *Станислава Сестренцевича*, въ опредѣленіи кандидатовъ на епископіи папѣ предоставила только право утверждать ихъ въ духовномъ достоинствѣ, всю іерархію подчинила сенату и обязала присягой на русское подданство, монашескіе ордена изъяла изъ подчиненія ихъ заграничнымъ генераламъ и поставила въ зависимость отъ архіепископа и епархіальныхъ бискуповъ; но съ этими нововведеніями довольно скоро примирились всѣ представители католической церкви, даже самъ папа и монахи, какъ ни сильно противъ нихъ возставали сначала. Примиреніе это было совершенно понятно, потому что за потерю самостоятельности, притомъ же далеко не полную, русско-католическая церковь получила отъ русскаго правительства очень красную цѣну. Въ то время, какъ православный архіепископъ края получалъ только 6000 р. жалованья, доходы Сестренцевича простирались не менѣе, какъ до 60,000 р. въ годъ. Католическіе монастыри, при всей безполезности ихъ для края, сохранили за собой всѣ владѣнія и богатства, тогда какъ имѣнія правосл. монастырей были секуляризованы. Кромѣ того, католическое духовенство, издавна вхожее въ высшее общество, скоро успѣло заня-

зать весьма полезныя для себя связи въ Петербургѣ, при дворѣ и въ кругу вельможъ, опутало своими сѣтями всѣ мѣстныя власти и пріобрѣло такое громадное вліяніе въ краѣ, о какомъ не могло и мечтать духовенство православное. Уніатская церковь въ Бѣлоруссіи тоже устроена была въ видѣ особой архіепископіи, центромъ которой назначенъ Полоцкъ.

Екатерина оставила въ Бѣлоруссіи даже самый опасный изъ монашескихъ орденовъ, *орденъ іезуитовъ,* не смотря на то, что въ 1773 г., по настоянію европейскихъ дворовъ, онъ канонически былъ упраздненъ самимъ папою. Іезуиты были очень благодарны Екатеринѣ за свое спасеніе и сдѣлались самыми усердными ея прославителями и даже защитниками новаго устройства латинской церкви въ Россіи, но конечно не измѣнили ни своей страсти къ противугосударственнымъ интригамъ, за которыя ихъ гнали изъ всѣхъ странъ Европы, ни своей привычной дѣятельности ad maiorem Dei gloriam. Благодаря покровительству Чернышева, Потемкина и др. вельможъ, которыхъ они, разумѣется, не замедлили оплести своими сѣтями, они очень немного теряли отъ того, что не имѣли своего особаго генерала, а должны были подчиняться Сестренцевичу; послѣдній мало имѣлъ вліянія на ихъ дѣла. Бѣлоруссія сдѣлалась для нихъ новымъ Римомъ, центромъ, къ которому тяготѣли всѣ члены этого сильнаго, разсѣяннаго по всему свѣту общества. Въ 1780 г. имъ дозволено было открыть въ Полоцкѣ свой новиціатъ для воспитанія новыхъ іезуитовъ, обратившійся потомъ въ коллегію съ высшимъ образованіемъ; въ 1782 г. Потемкинъ хотѣлъ было выхлопотать имъ даже генерала, но правительство не согласилось на такое радикальное отступленіе отъ своей системы въ отношеніи ко всѣмъ вообще католическимъ орденамъ и дозволило іезуитамъ выбрать только генеральнаго викарія, какъ бы въ помощь главному начальнику, Сестренцевичу. Но и этого дозволенія было совершенно достаточно для того, чтобы освободить іезуитовъ отъ всякой юрисдикціи архіепископа. Вліяніе ордена на бѣлорусское народонаселеніе расло годъ отъ году и вскорѣ, особенно послѣ кончины Георгія Конисскаго (1795 г.), успѣло совершенно подавить возникшее здѣсь движеніе уніатовъ къ соединенію съ православною церковію. Не смотря на строгое запрещеніе всякой латинской пропаганды, орденъ не замедлилъ заняться и этимъ искони спеціальнымъ своимъ дѣломъ, обращая въ латинство Евреевъ, протестантовъ, уніатовъ и даже православныхъ. Русскіе юноши, во множествѣ учившіеся по іезуитскимъ школамъ, выходили оттуда чистыми католиками и притомъ съ сильными задатками полонофильства. Для пропаганды среди уніатовъ лучшимъ орудіемъ іезуитовъ служилъ орденъ базиліанъ, который они совсѣмъ прибрали къ рукамъ, наполнивъ его

своими членами; совращенія уніатовъ доходили до весьма значительной цифры; уніатскій архіепископъ *Ираклій Лисовскій* однажды подалъ императрицѣ жалобу, въ которой писалъ, что изъ его паствы іезуиты совратили до 8000 человѣкъ.

Учрежденіе правосл. епископіи въ Польшѣ. Такъ было въ мѣстности, уже присоединенной къ Россіи; въ украйнѣ, остававшейся за Польшей, дѣла православной церкви шли еще хуже; за угнетенный уніатами народъ почелъ нужнымъ заступиться даже одинъ изъ польскихъ пановъ украйны, кн. *Любомірскій*, стараясь вызвать русское правительство хоть на какія нибудь мѣры въ огражденіе православныхъ. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ у православныхъ не было въ Польшѣ ни одного архіерея, такъ что за посвященіемъ ставлениковъ имъ нужно было обращаться за границу, въ Кіевъ, Переяславъ или даже въ Валахію, что было крайне неудобно не только для православныхъ, но и для самихъ Поляковъ. По настоянію Георгія Конисскаго и нѣкоторыхъ пановъ, особенно Любомірскаго, русское правительство рѣшилось удовлетворить этой настоятельной нуждѣ украинскаго населенія уже въ 1785 г., назначивъ въ Польшу епископомъ архимандрита слуцкаго монастыря *Виктора Садковскаго* съ титуломъ епископа переяславскаго и викарія кіевскаго. Екатерина назначила ему 5900 р. жалованья и 2000 р. въ годъ на будущую слуцкую семинарію. По пріѣздѣ на епархію онъ встрѣченъ былъ православными съ большимъ восторгомъ; по всей украйнѣ снова началось самое живое религіозное движеніе въ пользу православія. Но это самое движеніе всего болѣе и повредило Виктору въ глазахъ католиковъ и уніатовъ. Повсюду пошли пугливые толки, что по наущенію новаго русскаго архіерея, какъ прежде по наущенію Гервасія и Мельхиседека, въ народѣ затѣевается новая коліивщина. Викторъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что было возможно, для успокоенія польскаго патріотизма: присягнулъ въ вѣрности королю, велѣлъ возносить его имя при богослуженіи прежде имени императрицы, старался подружиться съ панами и уніатской іерархіей, сдерживалъ даже религіозное движеніе народа, не принимая уніатовъ въ православіе; но все это ни къ чему не повело. Клевета все-таки продолжала выставлять его возмутителемъ народа; даже на сеймѣ толковали, что чрезъ своихъ поповъ и монаховъ онъ возбуждаетъ чернь къ рѣзнѣ католиковъ и уніатовъ, что въ архіерейскомъ домѣ и въ монастыряхъ для этой рѣзни готовятся даже склады оружія. Наконецъ въ 1789 г. по приказанію сейма онъ былъ арестованъ и въ оковахъ отвезенъ въ Варшаву. Не смотря на строгій обыскъ архіер. дома и монастырей, уликъ въ доказательство справедливости подозрѣній, возбужденныхъ на сеймѣ, не нашли никакихъ; все-таки сеймъ велѣлъ привести все православ-

ное духовенство къ присягѣ на вѣрность королю; подозрительныхъ выходцевъ изъ Россіи,—разныхъ монаховъ, раскольниковъ, торговцевъ и др., указано было ловить и представлять властямъ или прямо высылать за границу.

Послѣ этого дѣла объ архіереѣ, назначенномъ отъ русскаго правительства, сеймъ 1791 г., собранный для составленія новой конституціи, направленной къ возрожденію Польши, и состоявшій изъ самыхъ рьяныхъ патріотовъ, пришелъ къ мысли отрѣшить православную польскую церковь отъ всякаго вліянія на нее такой сильной и опасной державы, какъ Россія, давъ ей чисто національное устройство подъ менѣе опасной для Польши непосредственной юрисдикціей одного константинопольскаго патріарха. Съ этою цѣлію представители правосл. духовенства и братствъ должны были собраться на *конгрегацію въ Пинскѣ*. Пинская конгрегація дѣйствительно составила такого рода проектъ церковнаго устройства, основанный на самомъ широкомъ примѣненіи къ нему соборнаго начала, но проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Конституціонный сеймъ вызвалъ противъ себя Тарговицкую конфедерацію, прибѣгнувшую къ помощи Россіи. Россія, гарантировавшая прежнее устройство Рѣчи Посполитой, ввела въ Польшу свои войска. Послѣ этого быстро одинъ за другимъ послѣдовали *второй* (1793) *и третій* (1794 г.) *раздѣлы Польши* и всѣ древнерусскія, православныя земли, за исключеніемъ одной Галиціи, снова вошли въ составъ Русской имперіи.

Возсоединеніе уніатовъ. При второмъ раздѣлѣ Польши воротился въ свою епархію, теперь уже русскую, Викторъ и тотчасъ же долженъ былъ заняться дѣломъ возсоединенія уніатовъ. Прежнихъ стѣсненій для этого дѣла теперь уже не было, потому что ближайшее знакомство съ Польшей успѣло многое измѣнить въ отношеніяхъ правительства къ польской интеллигенціи. Въ 1794 г. изъ Петербурга пришелъ указъ съ полнымъ разрѣшеніемъ относительно присоединенія уніатовъ и съ запрещеніемъ при этомъ только принудительныхъ мѣръ. Освободившійся отъ фанатическаго ига Русскій народъ съ радостію откликнулся на призывъ родной церкви и въ такомъ множествѣ покидалъ унію, что къ концу царствованія число возсоединенныхъ простиралось до 2,000,000 душъ. Число уніатовъ такъ уменьшилось, что правительство признало нужнымъ упразднить всѣ уніатскія епархіи, кромѣ одной Бѣлорусской (Полоцкой), къ которой и причислены были всѣ остававшіеся доселѣ уніатскіе приходы какъ въ Бѣлоруссіи, такъ и въ Литвѣ съ Волынью. Всего сильнѣе католическо—уніатскіе элементы были въ западной части Бѣлоруссіи и въ Литвѣ. Кромѣ мѣстнаго уніатскаго духовенства, здѣсь поселились и тѣ уніатскіе священники, которые лишились приходовъ въ украйнѣ. Но

общее русско-патріотическое и православное движеніе, охватившее уніатское населеніе, не осталось безъ вліянія и на здѣшнихъ уніатовъ, не смотря на то, что Бѣлоруссія была главнымъ поприщемъ іезуитской дѣятельности. Въ средѣ самихъ ревнителей уніи возникло тогда очень живое и плодотворное движеніе, направленное къ сближенію почти совсѣмъ уже окатоличившейся уніи съ православною церковію. Самъ архіепископъ Лисовскій, оставшійся теперь единственнымъ іерархомъ уніатской церкви, усердно и горячо началъ производить очищеніе уніи отъ всѣхъ вошедшихъ въ нее латинскихъ особенностей въ богослужебныхъ обрядахъ и устройствѣ церквей. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерина предприняла было намѣреніе сократить число уніатскихъ монастырей, составлявшихъ главную силу латинской партіи уніатовъ, но привести этого намѣренія въ исполненіе не успѣла.

Отношеніе правительства къ католичеству при Павлѣ I. Со вступленіемъ на престолъ имп. Павла система отношеній къ католичеству, установившаяся при Екатеринѣ, стала быстро измѣняться. Повсюду видя колебаніе престоловъ отъ распространенія революціоннаго духа, императоръ легко поддался внушеніямъ латинской партіи, приписывавшей потрясеніе монархическаго начала въ Европѣ развитію невѣрія и указывавшей самую крѣпкую опору этого начала въ страждущей вмѣстѣ съ правительствами католической церкви. Живое участіе государя къ ея судьбѣ, симпатія къ французскимъ эмигрантамъ, бѣжавшимъ въ Россію отъ французской революціи, участіе къ Польшѣ, которую онъ считалъ несправедливо обиженной при Екатеринѣ, приближеніе ко двору Сестренцевича (возведеннаго въ санъ митрополита) и польскихъ магнатовъ, покровительство католическому ордену Мальтійскихъ рыцарей, въ которомъ государь мечталъ соединить всѣ лучшія и благороднѣйшія силы Европы, чтобы во главѣ ихъ, въ качествѣ великаго магистра ордена, идти на спасеніе Европы отъ революціи,— все это, какъ нельзя больше, способствовало латинской интригѣ, которая завязалась около русскаго престола и старалась уничтожить въ отношеніи къ Риму всѣ плоды государственной политики Екатерины. Сестренцевичъ впрочемъ и теперь неизмѣнно стоялъ за тотъ строй русско-латинской церкви, какой былъ выработанъ при Екатеринѣ и который былъ такъ выгоденъ лично для него самого. Но іезуиты, искавшіе у папы каноническаго признанія своего ордена и мечтавшіе объ особомъ генералѣ, который бы освободилъ ихъ даже и отъ номинальнаго подчиненія Сестренцевичу, хлопотали о полномъ возстановленіи папской власти въ Россіи; съ ними заодно дѣйствовали мальтійскіе кавалеры, пользовавшіеся неограниченнымъ довѣріемъ императора и большею частію тоже состоявшіе въ іезуитскомъ орденѣ. Въ Россію дозволено

было пріѣхать даже папскому нунцію, что уже прямо нарушало систему Екатерины и вело русско-латинскую церковь въ непосредственное подчиненіе папѣ. Римская партія совсѣмъ бы и восторжествовала, если бы ея дѣла не испортилъ этотъ самый нунцій *Литта*, оказавшійся уже слишкомъ большимъ ревнителемъ папской власти; этою ревностью онъ навлекъ на себя такое негодованіе государя, что былъ высланъ изъ Петербурга въ 24 часа. Послѣ этого Сестренцевичъ получилъ всѣ права нунція и рескриптъ, объявлявшій его главою латинской церкви въ Россіи. Но неистощимые на интриги іезуиты не долго дали ему поторжествовать. Къ императору успѣлъ приблизиться одинъ изъ геніальнѣйшихъ и хитрѣйшихъ іезуитовъ, патеръ *Груберъ* и началъ систематически подрывать его довѣріе къ митрополиту, при всякомъ случаѣ внушая ему, что Сестренцевичъ сталъ уже слишкомъ независимъ и можетъ быть опасенъ даже для верховной власти. Внушенія эти кончились тѣмъ, что митрополитъ попалъ въ опалу и былъ уволенъ отъ каѳедры съ повелѣніемъ безвыѣздно проживать въ своихъ могилевскихъ помѣстьяхъ. По удаленіи этой помѣхи іезуиты окончательно завладѣли всѣми дѣлами русско-латинской церкви и побудили императора выдать для нея новый регламентъ, по которому всѣ монашескіе ордена и, разумѣется, главнымъ образомъ іезуитскій, дѣлались совершенно независимыми отъ епархіальной власти; кромѣ того, не довольствуясь слишкомъ скромнымъ Полоцкомъ, который былъ доселѣ главнымъ центромъ ордена, іезуиты поспѣшили утвердиться въ самомъ Петербургѣ, завладѣли здѣсь принадлежавшею католикамъ церковью и всѣми ея имѣніями и доходами, выпросили для себя значительное число еще новыхъ имѣній и дозволеніе посылать на востокъ свои миссіи, наконецъ добились чрезъ императора каноническаго возстановленія своего ордена самимъ папою.

При такомъ усиленіи католичества *дѣло возсоединенія уніатовъ* совсѣмъ остановилось. Притомъ же вслѣдствіе несчастнаго стремленія государя загладить обиды, нанесенныя Полякамъ въ прежнее царствованіе, западный край въ короткое время снова очутился въ польскихъ рукахъ; паны вновь получили здѣсь свои конфискованныя земли; мѣстное чиновничество наполнилось или Поляками или полонофилами; и опять пошли оттуда жалобы на совращенія въ унію, на отнятіе уніатами православныхъ церквей и изгнаніе изъ приходовъ православныхъ священниковъ. Мѣстныя власти намѣренно волочили дѣла по этимъ жалобамъ и нисколько не противодѣйствовали уніатскимъ насиліямъ. А между тѣмъ, вмѣсто ослабленнаго православія, на счетъ уніи стало распространяться католичество, которому, хотя и не сознательно, помогало въ этомъ само правительство. Государь былъ милостивъ и къ

уніатамъ, открылъ для нихъ двѣ закрытыя при Екатеринѣ епархіи,— Луцкую и Брестскую, но не признавалъ за уніатской церковью никакой самостоятельности и подчинилъ ее одному управленію съ латинской подъ вѣдомствомъ католической коллегіи, въ которой не было ни одного члена отъ уніатовъ. Строго наказывая совращавшихся въ католичество изъ православія, государь въ тоже время велѣлъ оставлять въ покоѣ совращавшихся въ католичество уніатовъ. Не смотря впрочемъ на такую неудачную постановку уніатской церкви, открывшееся въ ней движеніе къ сближенію съ православной церковію, благодаря архіепископу полоцкому Лисовскому, не только не ослабѣвало, но еще усиливалось. Для изученія православныхъ обрядовъ архіепископъ самъ путешествовалъ при имп. Павлѣ на востокъ до Іерусалима и по возвращеніи оттуда началъ дѣятельно вводить по церквамъ своей епархіи иконостасы, выведенные изъ нихъ подъ вліяніемъ католичества, и служеніе прямо по московскому служебнику. Чтобы болѣе походить на православнаго архіерея, онъ даже отростилъ себѣ бороду и облекся въ рясу, которая успѣла тоже выйти изъ употребленія у уніатовъ.

Мѣры противъ раскола. Въ отношеніи къ расколу начало свободы вѣры было провозглашено, какъ мы видѣли, еще при Петрѣ III. Въ 1762 г. императрица повторила его распоряженіе о вызовѣ раскольниковъ изъ-за границы. Было бы уже слишкомъ постыдно, заступаясь за польскихъ диссидентовъ, въ тоже время оставлять безъ вниманія огромную эмиграцію въ предѣлы той же Польши своихъ собственныхъ диссидентовъ. Изъ Стародубья стало переселяться множество раскольниковъ въ южно-русскій край на р. Ингулъ. Съ Вѣтки сначала переселенцевъ было мало, поэтому въ 1764 г. туда посланъ былъ съ командой генералъ *Масловъ* и захватилъ тамъ до 20,000 бѣглецовъ; одни изъ нихъ были отданы въ рекруты, другіе сосланы на поселеніе въ Сибирь. Съ этого времени Вѣтка запустѣла; оставшіеся послѣ Маслова ея обитатели вмѣстѣ съ своею церковью и попами перешли въ Стародубье. Выходцы, ушедшіе съ Вѣтки раньше Масловскаго погрома, въ 1762 г. дали начало раскольнической колоніи на Иргизѣ, которая по своей вліятельности скоро стала наряду съ старыми центрами раскола,—Поморьемъ, Стародубьемъ и Керженцемъ; среди нея основались знаменитые *Иргизскіе скиты* съ богатыми часовнями и церквами. Внутри имперіи правительство до 1780-хъ годовъ мало занималось расколомъ и не предпринимало противъ него никакихъ новыхъ мѣръ, болѣе сообразныхъ съ новыми идеями вѣка. Мысль о свободѣ вѣры прилагалась къ расколу не столько положительно, сколько отрицательно, посредствомъ смотрѣнія на раскольническія суевѣрія сквозь пальцы. Пользуясь

снисходительностію гражданскихъ властей, главныя секты раскола успѣли завести для себя крѣпкія средоточія въ самой Москвѣ. Во время моровой язвы 1771 г. безпоповцы ѳедосѣевцы основали здѣсь большую общину,—*Преображенское кладбище*, которое подъ управленіемъ богатаго и дружнаго съ властями *Ильи Ковылина* достигло цвѣтущаго состоянія, сдѣлалось главою не только всей ѳедосѣевщины, но и другихъ безпоповскихъ обществъ, такъ что затмило даже поморскіе скиты. Въ слѣдъ за ними и въ тоже время поповцы устроили для себя другое такое же кладбище въ Москвѣ,—*Рогожское*, сдѣлавшееся средоточіемъ поповщины. Поморцы года черезъ три послѣ ѳедосѣевцевъ устроили себѣ въ Москвѣ *Покровскую часовню*. Въ 1790-хъ гг. завели себѣ московскую общину и фанатическіе филипповцы. Съ 1780-хъ гг. правительство уже открыто предоставляло раскольникамъ свободу вѣры, отмѣнило сбиравшійся съ нихъ двойной окладъ, дозволило прохожденіе общественныхъ должностей по выборамъ и запретило всякія притѣсненія ихъ за вѣру. Особенно большой свободой пользовались раскольники, поселившіеся въ южномъ краѣ, подъ покровительствомъ благоволившаго къ нимъ Потемкина, который хотѣлъ выхлопотать имъ у правительства даже особаго епископа.—Духовная власть тоже ослабила противъ нихъ прежнюю строгость. Самая полемика противъ нихъ оставила свой прежній бранчивый тонъ и стала вразумлять ихъ болѣе кроткой рѣчью. Въ такомъ духѣ написано было изданное въ 1766 г. отъ имени св. Синода воззваніе къ раскольникамъ Платона. Изъ обличителей раскола особенно извѣстны: архіепископъ екатеринославскій, потомъ астраханскій *Никифоръ Ѳеотоки*, написавшій отвѣты на соловецкую челобитную и на 15 вопросовъ иргизскихъ раскольниковъ, обратившійся изъ раскола единовѣрческій протоіерей *Андрей Іоанновъ Журавлевъ*, составившій „Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ“, и другой такой же обратившійся къ единовѣрію раскольникъ, настоятель и устроитель иргизскихъ скитовъ *Сергій*, написавшій „Зеркало для старообрядцевъ“.

Во внутренней жизни раскола на первомъ планѣ видимъ обычные въ ней *раздоры между сектами*. Благодаря заведенію въ Москвѣ сильныхъ центровъ главныхъ сектъ и снисходительности властей, раскольники стали теперь особенно часто собираться на соборы, но всѣ эти соборы оканчивались только большимъ усиленіемъ распрей между фанатиками. Безпоповщина преимущественно волновалась спорами о бракѣ и объ отношеніяхъ къ верховной власти. Послѣдній вопросъ повелъ къ выдѣленію изъ нея самаго крайняго толка,—*бѣгуновъ* или странниковъ, совершенно отрекшихся отъ государства, какъ царства антихри-

ства, отвергавшихъ всѣ власти, законы, осѣдлость, семейную жизнь, запись въ книги, паспорты, даже деньги, и проповѣдовавшихъ вѣчное бродяжничество и укрывательство отъ властей. Поповщина занялась вопросомъ объ очищеніи отъ Никоновской скверны принимаемыхъ ею бѣглыхъ поповъ чрезъ новое мѵропомазаніе, для котораго рогожскіе попы сварили уже и мѵро (1777 г.); мѵро это подняло бурный споръ между поповцами, для рѣшенія котораго въ 1779 г. они держали соборъ въ Москвѣ, кончившійся полнымъ разрывомъ Рогожцевъ съ Стародубцами. Подобные споры заставляли раскольниковъ все живѣе чувствовать потребность въ правильной іерархіи. Какъ и прежде, они дѣлали нѣсколько попытокъ добыть себѣ гдѣ нибудь архіерея, однажды пытались было переманить къ себѣ даже св. Тихона изъ Задонскаго монастыря. Съ одной стороны тщетность этихъ попытокъ, съ другой смягченіе отношеній къ расколу правительства и церкви довели наконецъ болѣе благомыслящихъ раскольниковъ до мысли о примиреніи съ церковію на началахъ единовѣрія.

Начало единовѣрія. Первыми дѣятелями въ развитіи этой мысли были стародубскій монахъ *Никодимъ* и иргизскій Сергій, участвовавшіе во всѣхъ раскольническихъ движеніяхъ послѣдняго времени и вынесшіе изъ нихъ тяжелое разочарованіе въ правотѣ своего отдѣленія отъ церкви. Съ согласія стародубской братіи Никодимъ началъ сношенія объ единовѣріи съ представителями іерархіи, Гавріиломъ и Платономъ, ѣздилъ по этому дѣлу въ Москву и Петербургъ, представлялся даже самой императрицѣ. Результатомъ его хлопотъ было то, что въ 1784 г. вышелъ указъ о дарованіи старообрядцамъ южнаго края священниковъ и о дозволеніи имъ отправлять службу по ихъ старымъ обрядамъ. Послѣ этого въ Стародубьѣ и въ Новороссіи открыто было 12 единовѣрческихъ церквей, а въ 1791 г. даже особый монастырь, Корсунскій. Для утвержденія единовѣрія м. Гавріилъ посылалъ въ южный край протоіерея Андрея Іоаннова. Въ Астраханской епархіи, возбужденный бесѣдами Никифора Ѳеотоки, иргизскій настоятель Сергій сдѣлался поборникомъ единовѣрія среди Иргизскихъ скитовъ, но не имѣлъ успѣха вслѣдствіе крайняго невѣжества и фанатизма скитскихъ обитателей, много отъ нихъ пострадалъ и, спасая свою жизнь, долженъ былъ самъ выселиться въ Новороссійскій край. Въ концѣ XVIII столѣтія обратилось къ единовѣрію до 1000 человѣкъ въ Нижегородской епархіи. Наконецъ съ просьбой о дарованіи законныхъ священниковъ обратились къ м. Платону поповцы Рогожскаго кладбища. По этому поводу митрополитъ составилъ подробныя правила единовѣрія, утвержденныя въ 1800 г. св. Синодомъ, послѣ чего дѣло единовѣрія было упрочено окончательно.

Духоборцы и молокане. Мы видѣли, что южная украйна была притономъ не одного раскола старообрядчества, что въ половинѣ XVIII столѣтія здѣсь открылось еще сильное броженіе мистико-раціоналистическихъ идей, сформировавшихся въ ересь духоборцевъ. При Екатеринѣ эта ересь развила такую сильную пропаганду, что при всей своей вѣротерпимости правительство должно было прибѣгнуть противъ нея къ мѣрамъ строгости, указавъ ссылать духоборцевъ изъ южнаго края въ Колу. Послѣ Колесникова пропагандой этой занимались его сыновья. Изъ южнаго края ересь перешла въ Тамбовскую губернію, гдѣ проповѣдниками ея были однодворецъ *Побирохинъ* и бѣглый солдатъ *Капустинъ.* Слишкомъ рѣзкое у духоборцевъ отрицаніе авторитета св. Писанія возмущало нѣкоторыхъ изъ самихъ еретиковъ и повело къ разложенію ихъ общества. Въ тамбовскомъ краѣ отъ нихъ отдѣлился зять Побирохина, большой начетчикъ писанія, портной *Семенъ Уклеинъ* и сдѣлался главою особаго толка, извѣстнаго подъ именемъ молоканства. Не признавая подобно духоборцамъ никакой церковной внѣшности, іерархіи, таинствъ и обрядовъ и проповѣдуя поклоненіе Богу однимъ духомъ, молокане отступили отъ духоборцевъ въ ученіи объ авторитетѣ письменнаго откровенія, признавъ его обязательность для христіанъ даже въ ветхозавѣтныхъ обрядовыхъ его предписаніяхъ, наприм. о запрещенныхъ въ пищу животныхъ. Въ догматическомъ ученіи они не признавали равенства лицъ св. Троицы; Христу приписывали не дѣйствительную, а только мнимую плоть, отъ того рожденіе, страданіе и смерть Его признавали тоже недѣйствительными; воскресеніе мертвыхъ, по ихъ ученію, будетъ духовное, а не плотское. Въ практикѣ они дошли во имя евангельской свободы до отрицанія всякихъ властей и законовъ, признавъ ихъ нужными лишь для сыновъ міра, а не для христіанъ, которые не суть отъ міра сего; христіане должны избѣгать рабства помѣщикамъ, всякой службы, присяги, участія въ войнѣ, какъ не дозволенныхъ Писаніемъ. Сначала Уклеинъ сталъ было проповѣдовать свое ученіе открыто и торжественно, но попалъ за это въ тамбовскій острогъ, послѣ чего, выпущенный на волю, сталъ осторожнѣе. Онъ успѣлъ распространить свою ересь по Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Екатеринославской и Астраханской губерніямъ, на Дону и на Кавказѣ, а ученики его занесли свои вѣрованія во внутреннія губерніи и въ Сибирь. Послѣ заключенія Уклеина въ тамбовскомъ острогѣ тайна сдѣлалась общей чертой молоканства; послѣдователи его приняли за правило скрывать свои убѣжденія подъ личиной самаго строгаго соблюденія всѣхъ наружныхъ обрядовъ православной церкви,

Хлысты и скопцы. Какъ изъ духоборчества выродилось молоканство, такъ изъ хлыстовщины выдѣлилось скопчество. Послѣ смерти христа Андрея Петрова рядъ хлыстовскихъ воплощеній Христа прекратился; вожди ереси стали называться только пророками и пророчицами. Идея Христа сосредоточилась у нихъ на послѣднемъ Его воплощеніи на личности имп. Петра III, котораго еретики считали живымъ; въ его лицѣ стали ждать и втораго пришествія Христа на страшный судъ. Съ его же личности начинаютъ развитіе своего ученія и скопцы. Ученіе о скопчествѣ первый сталъ проповѣдовать одинъ изъ хлыстовъ, орловскій крестьянинъ *Кондратій Селивановъ*, будучи возмущенъ сильнымъ распространеніемъ среди хлыстовъ разврата. Отдѣлившись отъ хлыстовства, онъ завелъ въ с. Сосновкѣ свой особый корабль и объявилъ себя сыномъ Божіимъ искупителемъ (оскопителемъ), который пришелъ спасти родъ человѣческій отъ лѣпости (сладострастія), сокрушать душепагубнаго змія (т. е. оскоплять), ввести въ міръ огненное крещеніе. Пойманный правительствомъ, онъ былъ наказанъ за многочисленныя оскопленія кнутомъ и сосланъ въ Иркутскую губернію; на дорогѣ онъ встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго тогда везли въ Москву, и по примѣру его самъ сталъ называть себя Петромъ III, сыномъ истинной богородицы и приснодѣвы императрицы Елизаветы. Личность имп. Елизаветы потомъ слилась у скопцевъ съ личностью богородицы *Акулины Ивановны*, которая одна изъ первыхъ хлыстовокъ пристала къ Селиванову и признала его своимъ сыномъ. Онъ успѣлъ широко распространить скопчество и на мѣстѣ своей ссылки, а ученики его продолжали его „святое дѣло“ въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ. Павелъ I по восшествіи на престолъ вызвалъ этого новаго Петра III изъ ссылки въ Петербургъ и послѣ короткой бесѣды съ нимъ, во время которой Кондратій обѣщалъ признать императора сыномъ своимъ, если онъ приметъ скопчество, велѣлъ отправить его въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ онъ и оставался до царствованія имп. Александра I.—Въ ученіи и обрядности скопцы по всему сохранили сходство съ хлыстами. Вслѣдствіе крайней возмутительности ихъ ученія объ оскопленіи они должны были окружить себя еще большей тайной, чѣмъ хлысты и молокане, и выучились прикидываться православными еще искуснѣе, чѣмъ эти послѣдніе сектанты.

Народныя суевѣрія. Еще чаще, чѣмъ съ расколомъ и ересями, правительству и церкви приходилось сталкиваться съ народными суевѣріями, которыя и теперь, какъ во время Петра Великаго, составляли „зло общее, обрѣтавшееся во всѣхъ людяхъ“. Современная сатирическая литтература, бичуя суевѣріе, рисовала типы разныхъ Ханжихиныхъ, Чудихиныхъ, Простаковыхъ и Суевѣ-

ровыхъ изъ жизни не одного только простаго народа, но такъ же изъ жизни дворянства. Въ барскихъ домахъ не рѣдко можно было встрѣчать разныхъ приживалокъ, которыя толковали хозяевамъ сны и примѣты, гадали по картамъ и на кофейной гущѣ, лечили заговорами и разными снадобьями болѣзни, унимали домовыхъ, спасали отъ порчи и проч. Просыпанная соль, крикъ вороны, третья свѣча на столѣ и т. п. были источникомъ жестокихъ нравственныхъ мученій благороднаго семейства. О простомъ народѣ нечего и говорить. По селамъ и деревнямъ встрѣчались десятки кликушъ и колдуновъ, бродили разные странники и странницы съ нелѣпыми росказнями. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины противъ суевѣрій дѣйствовали прежнія мѣры, установившіяся еще при Петрѣ Великомъ, съ небольшими лишь смягченіями въ опредѣленіи наказаній. Потомъ Наказъ выразилъ новый правительственный взглядъ на эти дѣла, рекомендуя судьямъ относиться къ нимъ съ большою осторожностію; „Обвиненіе въ волшебствѣ и еретичествѣ, говорилось здѣсь, можетъ чрезмѣрно нарушать тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено; ибо, какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина, но больше къ понятію, воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества". Не довѣряя въ этого рода процессахъ религіозной точкѣ зрѣнія, императрица въ 1775 г. предоставила всѣ дѣла о кликушахъ и колдовствѣ свѣтскому совѣстному суду; распоряженіе это усилено въ 1782 г. уставомъ управы благочинія, по которому всѣ вообще виды суевѣрія, равно какъ хулы и споры противъ вѣры, отнесены къ вѣдомству полиціи и свѣтскаго суда. Практика этихъ свѣтскихъ судовъ впрочемъ тоже далеко не соотвѣтствовала идеямъ правительства. Дѣла о суевѣріяхъ возникали обыкновенно среди невѣжественной массы, всегда по самымъ пустымъ подозрѣніямъ, и прежде всего попадали въ руки сельскихъ властей, которыя сначала всячески изтязали заподозрѣнныхъ колдуновъ сами, затѣмъ представляли ихъ въ не менѣе невѣжественный уѣздный судъ или магистратъ; эти производили надъ колодниками новыя истязанія; наконецъ дѣло представлялось уже въ сенатъ или совѣстный судъ, гдѣ и оканчивалось наконецъ освобожденіемъ измученныхъ жертвъ и выговоромъ ихъ усерднымъ судьямъ. Въ 1770 г. въ Яренскомъ уѣздѣ три бабы кликали на четверыхъ мужиковъ въ порчѣ посредствомъ напусканія по вѣтру какихъ-то дьявольскихъ червяковъ; оговоренныхъ долго изтязали сначала сельскія власти, потомъ яренская воеводская канцелярія, затѣмъ устюжская консисторія и провинціальная канцелярія; наконецъ отправили въ сенатъ

вмѣстѣ съ поличнымъ,—съ червяками; сенатъ нашелъ ихъ невинными и отпустилъ домой, въ дьявольскихъ червякахъ увидалъ простыхъ сушеныхъ мухъ и публиковалъ по всей Россіи длинный обличительный указъ противъ глупыхъ судей, которые могутъ вѣрить всякимъ вракамъ, угораздились начать слѣдствіе съ оговоренныхъ, а не съ самихъ кликушъ, очевидно злостныхъ клеветницъ, и только поддерживаютъ суевѣріе народа. Воеводу съ товарищемъ и секретаремъ велѣно лишить права занимать, какія бы то ни было, должности, старостъ и сотскихъ наказать батожьемъ и тоже больше къ дѣламъ не опредѣлять, кликушъ высѣчь публично на мірскомъ сходѣ. Къ кликушамъ правительство относилось вообще строже, чѣмъ къ колдунамъ; въ первыхъ оно видѣло злонамѣренныхъ обманщицъ, а послѣднихъ считало только глупыми и сумасшедшими и послѣ суда отпускало ихъ большею частію съ однимъ внушеніемъ, чтобы они не осмѣливались распространять больше никакихъ суевѣрій и сами не вѣрили въ невозможное.

Духовная власть съ своей стороны запрещала духовенству совершать службы у невѣдомыхъ гробовъ и несвидѣтельствованныхъ чудотворныхъ иконъ, отчитывать бѣсноватыхъ, разглашать чудеса и проч. Благочинническая инструкція Платона почти дословно повторила о суевѣріяхъ пункты Д. Регламента. Предметы суевѣрнаго чествованія старались удалять съ глазъ народа. Старались такъ же прекращать суевѣрные обряды, напоминавшіе языческую старину; такъ, св. Тихонъ своимъ вліяніемъ успѣлъ пресѣчь въ Воронежѣ грязный праздникъ Ярилы. Церковная проповѣдь тоже постоянно ратовала противъ суевѣрій; изъ обличителей ихъ извѣстны: св. Тихонъ, Амвросій Подобѣдовъ, Дамаскинъ нижегородскій и м. Платонъ. Кромѣ суевѣрій въ тѣсномъ смыслѣ, въ своихъ обличеніяхъ они постоянно касались такъ же и извѣстнаго обрядоваго склада народной религіозности, который тоже весьма близко граничилъ съ суевѣріемъ. Лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ суевѣрій и расколовъ признавались мѣры просвѣтительныя, церковная проповѣдь, литтература, въ которой осмѣяніе суевѣрій сдѣлалось тогда самымъ любимымъ предметомъ, и воспитаніе, долженствовавшее, по мысли вѣка, создать совершенно новую породу людей.

Распространеніе идей французской философіи. Но таковъ былъ вѣкъ, что, освобождаясь отъ одного зла, человѣкъ невольно втягивался въ другое, освобождаясь отъ суевѣрій и обрядовой религіозности, заражался духомъ невѣрія, которымъ запечатлѣно было все тогдашнее просвѣщеніе. Явленіе это было не новое, замѣчалось и прежде, но теперь новы были размѣры, въ которыхъ оно стало обнаруживаться. Характеръ религіозности русскаго человѣка, степень ея разумности и нравственной силы оставались по-

чти тѣже, а между тѣмъ средства къ усвоенію новыхъ философскихъ идей усилились несравненно болѣе прежняго, потому что философіи покровительствовало само правительство.

Самымъ могущественнымъ изъ этихъ средствъ было *воспитаніе*, о которомъ такъ много тогда толковали и которое все устроивалось по новымъ философскимъ идеямъ. Преподаваніе въ школахъ закона Божія было значительно стѣснено изъ опасенія, какъ бы не заразить учениковъ суевѣріемъ; законоучителю между прочимъ не рекомендовалось читать ученикамъ страшныхъ разсказовъ изъ Ветх. Завѣта, говорить о чудесахъ, о страшномъ судѣ и о вѣчныхъ мукахъ. Въ современныхъ проектахъ и уставахъ учебныхъ заведеній предписывалось преимущественно внушать воспитанникамъ правила естественной религіи и гуманной морали (въ духѣ Ж. Ж. Руссо), а не положительное вѣроученіе и нравоученіе православія, и слишкомъ настойчиво толковалось о развитіи въ нихъ духа терпимости, который тогда ничѣмъ не отличался отъ полнаго религіознаго индифферентизма. Въ многочисленныхъ частныхъ пансіонахъ, заводившихся большею частію иностранцами, на изученіе закона Божія вовсе не обращали вниманія. Домашнее образованіе въ этомъ отношеніи бывало еще хуже, находясь въ рукахъ разныхъ французскихъ гувернеровъ; гувернеры изъ невѣжественныхъ кучеровъ, парикмахеровъ и т. п. людей, надъ которыми потѣшалась тогдашняя сатира, были еще менѣе опасны для религіи, чѣмъ гувернеры изъ французскихъ дворянъ эмигрантовъ,—это были уже люди, такъ называемаго, образованнаго класса, слѣдовательно непремѣнно философы, считали первымъ долгомъ внушать своимъ воспитанникамъ, да кстати и ихъ родителямъ, что религія для образованнаго человѣка не нужна, что вѣра въ Бога и Христа есть признакъ невѣжества и т. п. Находились родители, которые сами по принципу не желали давать своимъ дѣтямъ религіознаго воспитанія, запрещали въ своемъ домѣ даже говорить о вѣрѣ, а духовенство не пускали и на порогъ. Французское воспитаніе нерѣдко лишало русскаго человѣка даже самой возможности познакомиться съ православною вѣрою, съ дѣтства лишая его знанія роднаго русскаго языка, такъ что, если онъ потомъ, по какой нибудь случайности, и обращался къ религіи, то не могъ понимать ни церковной службы, ни русскихъ религіозныхъ книгъ, ни русскаго духовенства, не учившагося говорить пофранцузски, а потому долженъ былъ прибѣгать для знакомства съ вѣрою къ книгамъ французскимъ или къ какому нибудь іезуиту и обращался не въ православіе, а въ католичество. Послѣ первоначальнаго обученія въ Россіи русскій юноша ѣхалъ обыкновенно за границу, гдѣ довершалъ свое атеистическое образованіе личнымъ знакомствомъ съ философами и

съ моднымъ безрелигіознымъ обществомъ. Многіе возвращались домой круглыми невѣждами, но и такіе люди, если не осиливали дѣйствительнаго философскаго образованія, зато отлично усвоивали его направленіе, которое, какъ и всякое вообще направленіе, легко дается каждой, даже очень слабой головѣ. *Путешествіе за границу* при Екатеринѣ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ обязательной моды, при чемъ путешественникъ считалъ непремѣннымъ долгомъ поклониться философамъ, особенно съѣздить въ Фернэй—этотъ Римъ вольнодумства, чтобы принести поклоненіе тамошнему папѣ—Вольтеру. Это личное знакомство съ философами многіе изъ русскихъ вельможъ, по примѣру самой Екатерины, усердно поддерживали перепиской съ ними, наприм. Бецкій, Шуваловъ, Голицынъ, Дашковъ, Орловъ, Разумовскій и др.

Сильнымъ средствомъ къ распространенію религіознаго вольнодумства служила также *литтература*. Въ Россіи свободно продавали всякія сочиненія модныхъ французскихъ авторовъ. Чтеніе ихъ среди дворянства поощряла сама Екатерина. Для тѣхъ, которые не могли читать ихъ въ подлинникѣ, обильную философскую пищу предлагала литтература переводная, которая спеціально занялась пропагандой философскихъ идей и заключала въ себѣ до 60 названій однихъ сочиненій Вольтера. Цензуры до 1785 г. почти не было; книги разсматривались полиціей и до того небрежно, что изъ многочисленныхъ типографій того времени свободно являлись на свѣтъ даже такія изъ нихъ, которыя не нравились самому правительству. Если сочиненіе уже вовсе нельзя было печатать порусски, оно распространялось въ рукописяхъ и въ этомъ видѣ составляло еще болѣе заманчивое чтеніе.—Направленію иностранной литтературы подражала и русская, проводя по возможности однѣ и тѣже идеи. Толковали о вѣротерпимости въ извѣстномъ смыслѣ индифферентизма; всѣ догматическія ученія и споры осуждались и осмѣивались, при чемъ вся религія сводилась или на чистый деизмъ, или даже на одну мораль. О христіанствѣ упоминалось рѣдко,—говорили только о „законѣ", подъ которымъ одинаково разумѣли и православіе, и мухаммеданство, и язычество. Атеистическихъ убѣжденій русскіе писатели не высказывали, но религіи тѣмъ не менѣе постоянно придавали одно историческое значеніе, какъ проявленію „народнаго умонастроенія". Точно такъ же литтература избѣгала высказывать положенія чистаго матеріализма, которыхъ впрочемъ избѣгалъ и самъ Вольтеръ, но зато не рѣдко рисовала совершенно безрелигіозныя картины безцѣльности и безсмысленности жизни; такова извѣстная картина, которую во дни молодости изобразилъ Фонъ-Визинъ въ „Посланіи къ слугамъ". Встрѣчаемъ выходки противъ вѣры въ будущую жизнь, намеки на то, что человѣкъ есть такой же продуктъ природы,

какъ и все живое на землѣ и т. п. Самая мораль, которою думали замѣнить религію, сводилась на правила одного естественнаго закона, и то не совсѣмъ чистыя и далеко не возвышенныя; отрицалась любовь ко врагамъ, какъ добродѣтель противоестественная и даже противонравственная, ведущая къ безнаказанности дурныхъ людей и къ умноженію пороковъ, отрицалось умерщвленіе плоти и страстей; за недостаткомъ высшихъ цѣлей вся добродѣтель сводилась къ цѣлямъ утилитарнымъ, построевалась на представленіи ея пользы или вредныхъ результатовъ порока.

Не касаясь другихъ произведеній литтературы, укажемъ на *труды историческіе.* Служители безпристрастной исторіи тоже невольно покланялись идоламъ вѣка. Первое мѣсто между тогдашними историками занимаютъ *Щербатовъ* и *Болтинъ*, люди разныхъ направленій, одинъ недовольный новыми порядками во имя допетровской старины, другой—поклонникъ Вольтера и Бэля, недовольный новымъ временемъ за то, что оно еще плохо усвоило новую философію. При всемъ различіи своихъ направленій, они однако близко сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на религію и церковь, цѣликомъ построенныхъ на извѣстной политической точкѣ зрѣнія на эти предметы. Щербатовъ нигдѣ не опускаетъ случая поговорить о томъ, какъ политики должны пользоваться народнымъ умоначертаніемъ, какъ хорошо поступали нѣкоторые наши князья, обуздывая властолюбіе духовенства и употребляя народную набожность орудіемъ для политическихъ цѣлей, какъ напротивъ другіе, ко вреду государства, сами предавались излишней набожности, какъ религія выручала народъ изъ бѣдъ, одушевляя его мужествомъ, и наоборотъ какъ много приносила вреда, наводя на него малодушіе въ бѣдахъ мыслью о гнѣвѣ Божіемъ или слишкомъ много отклоняя его отъ попеченія о земныхъ благахъ. Болтинъ идетъ еще далѣе, наприм. упрекаетъ самого Щербатова въ суевѣріи за одно то, что этотъ, хотя и не вѣрилъ чудесамъ, о которыхъ говорится въ лѣтописяхъ, все-таки считалъ нужнымъ упоминать объ нихъ въ своей исторіи. Къ числу суевѣрій Болтинъ относитъ и такія проявленія благочестія, какъ напр. молитву предъ вкушеніемъ пищи и при входѣ въ домъ, частое крестное знаменіе, посты. Древнюю Русь онъ представляетъ временемъ невѣжества и религіозныхъ обмановъ; въ тоже время, стараясь восхвалить древнихъ князей и царей, приписываетъ имъ всѣ свойства людей XVIII в.,—вѣротерпимость, презрѣніе къ суевѣріямъ, стремленіе къ ослабленію силы духовенства и пр. Въ то время, какъ Щербатовъ не рѣдко хвалитъ представителей іерархіи за ихъ содѣйствіе князьямъ и считаетъ духовенство во всякомъ случаѣ важною государственною силою, которую совсѣмъ обезсиливать не слѣдуетъ, возстаетъ даже про-

тивъ отнятія у него вотчинъ, Болтинъ смотритъ на іерархію прямо, какъ на злую силу исторіи, причину невѣжества народа и слабости государства; чѣмъ духовенство, по его мнѣнію, сильнѣе и просвѣщеннѣе, тѣмъ хуже и для народа и для государства, и потому нужно благодарить Бога, что наше духовенство было всегда невѣжественно. Такія же мысли попадаются и въ др. историческихъ сочиненіяхъ того времени (Эмина, Елагина и самой Екатерины).

Вольнодумство въ жизни самою общества проявлялось еще рѣзче, чѣмъ въ литтературѣ, хотя, можетъ быть, и въ менѣе солидной формѣ. Кощунство и разныя выходки противъ предметовъ вѣры считались признакомъ образованнаго человѣка. Не быть вольнодумцемъ значило быть отсталымъ суевѣромъ, фанатикомъ, почти сумасшедшимъ. Философы общества слыли обыкновенно вольтерьянцами, потому что Вольтеръ дѣйствительно былъ главнымъ ихъ учителемъ, но послѣдователями его въ строгомъ смыслѣ они не были. При всей легкости своей мысли знаменитый французъ былъ все-таки представителемъ извѣстной системы; нашъ русскій философъ этой системы обыкновенно не улавливалъ, увлекаясь одной острой и ядовитой манерой рѣчи своего учителя, учился у него кощунничать вообще, не разбирая самыхъ предметовъ своего отрицанія; въ результатѣ выходило что-то необыкновенно пестрое, несвязное, но въ высшей степени задорное, раздражающее и умъ и сердце. Какъ и прежде, вольнодумство не было плодомъ серьезныхъ думъ о религіи, было просто безсмысленнымъ повѣтріемъ, но тѣмъ не менѣе было чрезвычайно сильно и заразительно. Оно увлекало даже такихъ людей, которые по своему характеру вовсе были къ нему неспособны, какъ это видимъ наприм. изъ автобіографій *Болотова*, *Лопухина* и *Елагина*. Русское общество вовсе не имѣло силъ противустоять ему, потому что доселѣ отличалось крайнимъ религіознымъ невѣжествомъ и, какъ на рѣдкость, могло указать въ своей средѣ на человѣка, который былъ бы способенъ дать хоть нѣсколько ясное понятіе о томъ, что такое значитъ самое слово Богъ. Фонъ-Визинъ разсказываетъ про какого-то графа, человѣка весьма ограниченнаго, но успѣвшаго своимъ кощунствомъ въ кружкахъ молодежи надѣлать не меньше зла въ Россіи, чѣмъ самъ Вольтеръ. Первое поколѣніе, при которомъ началось царствованіе Екатерины, было еще не совсѣмъ твердо въ своемъ вольнодумствѣ, помнило религіозныя преданія своего дѣтства и, какъ легко переходило къ вольтерьянству, такъ же легко могло снова возвращаться къ покинутымъ вѣрованіямъ, что не рѣдко и случалось съ его представителями, особенно если ихъ постигало несчастіе, болѣзнь, или въ старости, когда впереди начиналъ ясно виднѣться край гробоваго покрова. Но слѣдующія поколѣнія, воспи-

тавшіяся уже среди самого философскаго движенія, почти вовсе не имѣли органа религіозности, такъ и умирали съ хулами на религію. Послѣ Екатерины по барскимъ усадьбамъ во всѣхъ концахъ Россіи можно было во множествѣ встрѣчать подобнаго рода баръ, наводившихъ своимъ безбожіемъ истинный ужасъ на всѣхъ жителей своего околодка.—Изъ дворянскаго класса вольтерьянство проникало въ нисшіе классы чиновниковъ, военныхъ, купцовъ, мѣщанъ и прислуги, потому что проповѣдь его была совершенно открытая. Фонъ-Визинъ разсказываетъ, какъ два унтеръ-офицера спорили при немъ о томъ, что Бога нѣтъ; они слышали объ этомъ отъ синодальнаго оберъ-прокурора Чебышева, который толковалъ объ этомъ во всеуслышаніе на гостиномъ дворѣ.

Какъ и слѣдуетъ ожидать, вольнодумство общества всего обычнѣе выражалось въ *нравственной распущенности.* Вѣкъ Екатерины оставилъ по себѣ память, какъ вѣкъ непрерывныхъ праздниковъ, пышныхъ баловъ, дорогихъ обѣдовъ, изумительной роскоши, на которую проматывались громадныя состоянія и передъ которой совершенно блѣднѣла роскошь временъ Елизаветы. Жизнь образованнаго общества представляла изъ себя что-то въ родѣ пира Валтасара, гдѣ оно прокучивало всѣ свои и матеріальныя и нравственныя силы. И въ обществѣ и въ семьѣ царилъ жесткій эгоизмъ, который открыто проповѣдовала „философія здраваго смысла“. Семейныя узы были оборваны самымъ грубымъ образомъ. Какой нибудь Фонъ-Визиновскій Иванъ, наслушавшись современныхъ поклонниковъ натуры, толковалъ своему отцу, что вовсе не обязанъ его респектовать, потому что ни одно животное не имѣетъ такого правила и щенокъ не респектуетъ того пса, который былъ его отцемъ, готовъ былъ даже вызвать своего отца на дуэль, потому что такой случай былъ разъ въ Парижѣ, а онъ развѣ скотъ, что не послѣдуетъ тому, что хотя разъ случилось въ Парижѣ? Супружеская вѣрность считалась явленіемъ чрезвычайно смѣшнымъ, смѣшнѣе котораго могла быть развѣ только еще ревность. Развратъ являлся на свѣтъ безъ стыда, какъ требованіе природы, которая непогрѣшима и всегда вѣрна своимъ законамъ. Стыдиться его было нечего и потому, что въ образцовой странѣ, въ самой Франціи, въ лицѣ королевскихъ любовницъ онъ не только не возбуждалъ стыда, но былъ даже кумиромъ, предъ которымъ пресмыкались всѣ другія дамы двора, всѣ представители знати, даже лица духовныя,—епископы и кардиналы. При легкомъ взглядѣ на бракъ размножились браки незаконные, при живыхъ супругахъ или въ близкихъ степеняхъ родства, жизнь супруговъ въ раздѣлѣ, похищенія женщинъ и разводы.

Реакція вольнодумству со стороны общества. Такое крайнее направленіе общественной жизни не могло не вызвать противъ се-

бя реакціи. Въ средѣ самихъ вольнодумцевъ было много людей, которые пристали къ ней единственно по увлеченію и при первомъ движеніи искренняго чувства снова обращались на путь истинный, какъ напр. Болотовъ, Елагинъ, Лопухинъ. Фонъ-Визинъ и др. Реакціи религіозной въ обществѣ много помогла реакція національно-патріотическая, возставшая противъ излишняго подражанія западу. Время Екатерины, время славы русскаго оружія и внѣшняго возвышенія Россіи, сопровождалось сильнымъ возбужденіемъ русскаго патріотизма. Каррикатурное перениманіе чужихъ нравовъ и обычаевъ, слѣпое поклоненіе Франціи, французское воспитаніе русскихъ юношей и дѣвицъ,—всѣ эти антинаціональныя явленія сдѣлались предметомъ рѣзкихъ обличеній и горькихъ сѣтованій, при чемъ симпатіи обличителей естественно склонялись къ національной старинѣ и невольно ее идеализировали; патріоты стали восхвалять простоту и чистоту ея нравовъ, разныя добрыя качества старинныхъ людей и между прочимъ ихъ религіозность, потому что безъ этой черты русскую старину нельзя было и мыслить. Такъ, общество само старалось врачевать себя отъ французской заразы, найдя противъ нея сильное національное противоядіе.

Масонство. Весьма сильное противодѣйствіе среди русскаго общества вольнодумство встрѣтило себѣ еще въ масонствѣ, которое развивалось у насъ совершенно въ параллель вольтерьянству. Масонскія ложи были у насъ еще въ царствованіе Елизаветы. При Екатеринѣ масоны насчитывали въ своихъ рядахъ множество именъ изъ круга лучшихъ представителей русскаго образованія и оказали большое вліяніе на жизнь общества, особенно благодаря дѣятельности извѣстнаго издателя журналовъ *Новикова* и профессора *Шварца*. Религіозное направленіе лекцій Шварца благотворно дѣйствовало на публику, предохраняя ее отъ моднаго невѣрія и возбуждая серьезныя думы о свящ. предметахъ. Новиковъ, взявъ на откупъ университетскую типографію, распространялъ религіозныя идеи посредствомъ изданія книгъ и мистическихъ журналовъ (Утренній Свѣтъ, Вечерняя заря, Покоющійся Трудолюбецъ), такъ же посредствомъ развитія книжной торговли и устроенія безплатной публичной библіотеки. Изъ близкихъ къ нимъ лицъ въ 1782 г. образовалось дружеское ученое общество, преобразовавшееся потомъ въ типографическую компанію, которая задалась обширной просвѣтительной и благотворительной программой. Въ короткое время компанія выпустила множество книгъ противъ вольнодумства по самой дешевой цѣнѣ, въ разныя учебныя заведенія разсылала ихъ даже даромъ, кромѣ того заводила на свой счетъ школы и больницы, покровительствовала молодымъ талантамъ и занималась обширной благотворительной дѣя-

тельностью. Къ сожалѣнію масонство само расходилось съ церковію, хотя сами франкмасоны и не сознавали этого ясно. „Вольные каменьщики“ (какъ они назывались порусски) строили новый храмъ Божеству на основахъ не христіанства, а отвлеченнаго мистическаго теизма; это былъ храмъ мистическаго сліянія съ Божествомъ въ высшей мудрости и нравственности, чуждый всякихъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и государственныхъ ограниченій и различій, храмъ самой широкой терпимости и гуманности. Масоны горячо ратовали противъ французскаго атеизма и матеріализма, но они ничего существеннаго не имѣли противъ философовъ теистовъ и даже сами издавали ихъ сочиненія въ своей типографіи. Они были въ дружбѣ съ духовенствомъ, Платонъ былъ даже сдѣланъ покровителемъ дружескаго общества, но церковь все-таки не могла признать ихъ своими, хотя противъ нихъ и не высказывалась. Главное противодѣйствіе масонству открылось не съ ея стороны, а со стороны господствовавшаго философскаго направленія. Сухая, отрицательная, чисто разсудочная философія XVIII в. сама по себѣ была уже врагомъ всякой мистики и фантастики, которыхъ такъ много было въ масонствѣ; а тутъ еще масонство прямо вступило съ ней въ борьбу; послѣ этого пощады съ ея стороны ждать было уже нечего. Масоны сами давали противъ себя оружіе своимъ презрѣніемъ къ положительнымъ знаніямъ, похвальбами какой-то особенной мудростію, наклонностью къ теософическимъ бреднямъ и алхиміи, потомъ своею таинственностію, множествомъ странныхъ церемоній, своеобразныхъ знаковъ, терминовъ, тѣлодвиженій и всякаго рода кривлянья, отъ которыхъ тошно становилось болѣе серьезнымъ людямъ даже изъ ихъ собственной среды. Литтература давно потѣшалась надъ ними. Сама императрица осмѣяла ихъ въ сочиненіяхъ: Тайна противонелѣпаго общества, Обманщикъ, Шаманъ, Обольщенный. Рѣшительно не понимая, для чего масоны такъ таятся, если ихъ ложи имѣютъ добрую цѣль, правительство сначала заподозрило ихъ въ сектантствѣ и въ 1785 г. поручило Платону разсмотрѣть изданныя ими книги и испытать въ вѣрѣ самого Новикова. О Новиковѣ Платонъ далъ отзывъ, какъ о рѣдкомъ христіанинѣ; о книгахъ писалъ, что однѣ изъ нихъ обыкновенныя литтературныя, другія—мистическія, которыхъ онъ не понимаетъ, а третьи—сочиненія энциклопедистовъ, самыя зловредныя для св. вѣры. Послѣ этого вышелъ указъ, запретившій продажу шести масонскихъ книгъ и печатаніе таковыхъ же впредь, но не помянувшій ни слова о книгахъ энциклопедистовъ. Чрезъ нѣсколько времени императрица узнала, что масоны сносятся съ своими собратіями въ Пруссіи, съ которой Россія была не въ ладахъ, что по случаю неурожая Новиковъ употреблялъ какія-то громад-

ныя суммы въ пользу бѣдныхъ, очевидно не собственныя, а откуда-то полученныя, (правительству было неизвѣстно, что эти суммы жертвовалъ богачъ масонъ *Походяшинъ*, отъ этого даже разорившійся), что наконецъ масоны пользуются расположеніемъ Павла Петровича; послѣ этого въ 1791 г. типографская компанія была закрыта, мистическія книги подверглись сожженію, а въ 1792 г. и самъ Новиковъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Противодѣйствіе вольнодумству со стороны духовенства. Болѣе сильнаго и прямаго противодѣйствія вольнодумству всего естественнѣе было бы ожидать со стороны духовенства. Но оно было тогда крайне унижено, слабо и при томъ мало образовано. Смиренному проповѣднику слова Божія даже некого было и вразумлять съ своей каѳедры, потому что въ той средѣ, которая нуждалась въ его вразумленіи, не принято было ни ходить въ церковь, ни тѣмъ болѣе слушать какія нибудь проповѣди. Обличать вольнодумца-дворянина внѣ храма, какъ мы видѣли изъ примѣра св. Тихона, не безопасно было даже для личности самого архіерея. При такихъ обстоятельствахъ противодѣйствіе современному невѣрію и распущенности мы видимъ только изъ среды высшей іерархіи, изъ устъ знаменитыхъ витій архіереевъ. Духовная литтература выставила противъ французской философіи довольно значительное количество сочиненій и переводовъ. Такъ Амвросій московскій перевелъ Гроціево разсужденіе противъ атеистовъ и матеріалистовъ, Анастасій Братановскій „Средство противъ невѣрія" съ французскаго. Сюда же относятся переводы и сочиненія: Безсмертіе души, Истина религіи, Гласъ вѣры, Посрамленный безбожникъ и натуралистъ, Торжество вѣры надъ невѣрующими, Вольтеровы заблужденія абб. Нонота, Вольтеръ обнаженный, Вольтеръ изобличенный и др. Но большая часть этого рода книгъ по дубоватости языка и своему тяжелому и скучному характеру никакъ не могла соперничать съ бойкими, остроумными и увлекательными книгами противнаго лагеря. Читали ихъ мало и большею частію лишь люди соблазнявшіеся, которые сами искали чего нибудь почитать такого, на чемъ бы можно было утвердиться среди современнаго шатанія умовъ. Противъ многаго притомъ же нельзя было и писать страха ради сильныхъ міра. Современный либерализмъ, такъ горячо стоявшій за свободу убѣжденій, оказывался очень фанатиченъ, когда эта свобода задѣвала его самого. Фонъ-Визинъ не могъ издать книги Клерка о бытіи Божіемъ, потому что оберъ-прокуроромъ Синода былъ Чебышевъ. Мы видѣли, что въ дѣлѣ о Новиковѣ, вопреки мнѣнію Платона, запрещенію подверглись книги мистическія, а не сочиненія энциклопедистовъ. Замѣчательно, что самыя сильныя опроверженія противъ Вольтера и энциклопедистовъ

стали являться уже съ 1790-хъ гг., когда сама Екатерина вступила на путь реакціи.

Правительственная реакція противъ вольнодумства началась одновременно съ французской революціей. До сихъ поръ въ высшихъ сферахъ воображали, что религіозный либерализмъ можетъ оставаться безъ связи съ либерализмомъ политическимъ и въ этомъ изолированномъ видѣ служить безопасной для государства, а между тѣмъ занятной игрушкой для доморощеныхъ философовъ, какъ грозныя событія начала французской революціи обнаружили весь смыслъ этой рискованной игры. Судъ французскаго народа надъ правительствомъ, уничтоженіе во Франціи дворянства, казнь короля были такими страшными ударами грома, которые невольно заставили русскихъ либераловъ перекреститься. „Я ошиблась, сознались Екатерина... Закроемъ наши высокоумныя книги и примемся за букварь". Послѣ этого всѣ Французы сомнительныхъ убѣжденій стали высылаться за границу; запрещенъ ввозъ французскихъ періодическихъ изданій; съ 1792 г. усилена цензура и наблюденіе за книжной торговлей; въ 1796 г. велѣно уничтожить вольныя типографіи. Русская литтература наполнилась нападеніями на французское вольнодумство,—стали издаваться разные: Вольтеръ изобличенный, Вольтеръ обнаженный и т. п. Цензура сдѣлалась такъ строга, что и въ подобныхъ книгахъ выпускала тѣ мѣста, гдѣ приводились слова опровергаемаго Вольтера, наприм. въ изданіи упомянутой книги Нонота. Духовная власть тоже стала дѣйствовать смѣлѣе. Къ этому наприм. времени относятся представленія м. Гавріила петербургской полиціи объ уничтоженіи нѣкоторыхъ публичныхъ соблазновъ и письмо его къ министру Завадовскому о соблюденіи въ нормальныхъ училищахъ православныхъ постовъ, о чемъ либеральная педагогія доселѣ не думала позаботиться. Въ 1795 г. профессоръ московскаго университета *Мельманъ* въ бесѣдѣ съ м. Платономъ высказалъ нѣсколько вольныхъ мыслей, клонившихся къ униженію христіанства предъ философіей. Узнавъ объ этомъ, университетская корпорація сочла нужнымъ отправить къ митрополиту депутатовъ съ объясненіемъ, что она не принимаетъ на себя вины вольнодумства одного изъ своихъ членовъ, потомъ сама подвергла Мельмана допросу и уволила его отъ должности въ 24 часа. Объ этомъ скоро узнало правительство и, подвергнувъ Мельмана новымъ допросамъ, велѣло признать его сумасшедшимъ и выслать за границу.

Въ царствованіе Павла Петровича реакція усилилась еще болѣе. Приведя въ исполненіе указъ Екатерины о закрытіи частныхъ типографій, государь установилъ самую строгую цензуру для печати, при чемъ для книгъ, относящихся къ религіи, въ первый разъ установлена особая духовная цензура; запрещеніе ввоза

книгъ изъ-за границы простиралось даже на музыкальныя ноты; запрещено было отправлять за границу молодыхъ людей для образованія. Мы видѣли, что для противодѣйствія вольнымъ идеямъ государь благосклонно подалъ руку даже іезуитамъ. Другіе борцы противъ философіи XVIII в.. масоны. получили при немъ большія милости; Новиковъ былъ освобожденъ изъ заключенія, нѣкоторые получили важныя должности и сдѣлались близкими ко двору. Вслѣдствіе горячаго характера государя поворотъ къ строгостямъ показался такъ крутъ современникамъ, что повредилъ самому дѣлу реакціи и по смерти Павла Петровича на нѣкоторое время возбудилъ новыя вспышки вольнаго направленія умовъ при императорѣ Александрѣ. См. стр. 490

Усиленіе средствъ къ народному образованію. Всѣ описанныя увлеченія вѣка и философіей, и масонствомъ, и затѣмъ духомъ реакціи одинаково обнаруживали еще крайнюю юность русскаго общества, его очевидную безпомощность передъ напоромъ наносныхъ идей, бывшую неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его недомыслія, скудости серьезнаго образованія и отсутствія прочныхъ опоръ въ убѣжденіяхъ. Сами просвѣтители общества временъ Екатерины говорили, что со временъ Петра Великаго оно до сихъ поръ только училось, но не было воспитываемо, и самой главной своей задачей считали именно то, чтобы дать ему это воспитаніе, въ тѣло, созданное Петромъ, вложить душу. Съ этою цѣлію правительство стало заводить многочисленныя новыя школы и преобразовывать на новый ладъ старыя, выписывало изъ за-границы педагоговъ и новые методы обученія, завело главное нормальное училище для образованія народныхъ учителей и повсюду указало открывать народныя школы, отъ которыхъ всѣ ожидали величайшей пользы для народнаго развитія. Духовенство изъ своей среды сочувственно выставило въ эти школы законоучителей. Но мы уже видѣли, какъ нечистая примѣсь новаго просвѣщенія и здѣсь дала почувствовать свой вредъ въ новомодныхъ ограниченіяхъ для преподаванія закона Божія и въ пренебреженіи къ уставамъ прав. церкви, допускавшемся даже въ нормальныхъ училищахъ. Кромѣ того, заведя свои казенныя школы, правительство само слишкомъ много увлеклось своими просвѣтительными планами, однѣ лишь эти школы и считало полезными, возревновало объ нихъ и принялось закрывать для народа старинный и привычный ему источникъ частнаго и свободнаго обученія дѣтей,—у членовъ церковныхъ причтовъ. Узнавъ, что, не смотря на безплатность обученія въ казенныхъ школахъ, отцы все-таки продолжали отдавать своихъ дѣтей въ науку къ духовнымъ лицамъ, правительство распорядилось стѣснить эти частныя школы разными формальностями, требованіемъ отъ ихъ учителей свидѣ-

тельствъ объ изученіи нормальнаго метода, и даже прямо требовало ихъ закрытія, между тѣмъ какъ въ казенныя школы, не говоря уже о меньшемъ къ нимъ довѣріи православнаго люда, большая часть простолюдиновъ не могла помѣщать своихъ дѣтей даже по разнымъ житейскимъ для нихъ неудобствамъ казенной школьной дисциплины, наприм. по неудобству назначеннаго уставами времени для учебныхъ занятій и т. п.

Для усиленія *средствъ къ религіозному образованію народа* многіе изъ нашихъ архипастырей старались пользоваться извѣстнымъ обычаемъ сказыванія въ церквахъ праздничныхъ катихизическихъ поученій, для чего назначали у себя при соборахъ особыхъ катихизаторовъ. Публичное толкованіе катихизиса по прежнему производилось такъ же при академіяхъ и семинаріяхъ. Для обученія вѣрѣ сельскихъ жителей приходскимъ священникамъ во многихъ епархіяхъ вмѣнялось въ обязанность читать по праздникамъ за обѣдней (вмѣсто проповѣди) символъ вѣры, молитву Господню и др. болѣе употребительныя молитвы съ посильными на нихъ толкованіями и даже просто безъ толкованій, стараясь только, чтобы съ ихъ словъ всѣ прихожане могли эти молитвы выучить наизусть. Для граматнаго люда нѣсколько катихизисовъ было издано въ печати (каковы катихизисы: архим. *Макарія Сусальникова*, Θеофана Прокоповича съ дополненіями Георгія Конисскаго, протоіерея *І. Сидоровскаго*). Самыми лучшими изъ нихъ были три катихизиса м. Платона, бывшіе руководствами въ школахъ. — Во главѣ тогдашнихъ учителей вѣры и нравственности, какъ по глубинѣ христіанской мудрости, такъ и по необыкновенной жизненности и народности христіанскаго назиданія, стоитъ воронежскій святитель Тихонъ, такой же истинный св. отецъ Русской церкви, какимъ до него былъ другой св. архипастырь XVIII в., Димитрій Ростовскій. Его сочиненіе „Объ истинномъ христіанствѣ“ навсегда останется образцомъ высокаго богословствованія въ самой общедоступной формѣ, дѣйствующаго на читателя не діалектическими фокусами, а явленіемъ духа и силы самого слова Божія; всякая мысль, излагаемая имъ, не только глубоко обдумана, но такъ же глубоко прочувствована и пережита и сама стремится сдѣлаться не сухимъ разсудочнымъ понятіемъ, а началомъ жизни. Таковы же его другія сочиненія: „Сокровище отъ міра собираемое“, проповѣди, письма, увѣщанія къ паствѣ и духовенству и творенія аскетическія. Св. Синодъ вполнѣ оцѣнилъ достоинство его нравственныхъ наставленій, составивъ изъ нихъ для чтенія въ церквахъ „Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ“ (1789 г.).—Заботясь объ умноженіи книгъ для назидательнаго чтенія, св. Синодъ въ 1767 г. указалъ Гавріилу тверскому пересмотрѣть и исправить для новаго изданія Прологъ; кромѣ того онъ

усердно старался объ умноженіи русскихъ переводовъ отеческихъ твореній, объясненій правосл. богослуженія, между которыми самое замѣчательное „О служеніи и чиноположеніяхъ церкви“ м. Гавріила (1792 г.), и толкованій на св. Писаніе.

Между *толкователями св. Писанія* замѣчательны: ректоръ московской академіи *Ѳеофилактъ Горскій*, написавшій „Соглашеніе“ св. Писанія (оставшееся въ рукописи), другой ректоръ той же академіи *Аполлосъ Байбаковъ*, издавшій толкованія на нѣсколько посланій ап. Павла (1785—1786), Симонъ Лаговъ, истолковавшій весь Н. Завѣтъ (рукоп.), м. Гавріилъ, издавшій толкованія на соборныя посланія (1794), Амвросій Подобѣдовъ, написавшій „Руководство къ чтенію св. Писанія“ (1799), Никифоръ Ѳеотоки, писавшій впрочемъ на греческомъ языкѣ, *Ириней Клементьевскій* псковскій и др. Явилась мысль о переводѣ св. Писанія на русскій языкъ. Самый народный изъ тогдашнихъ святителей, св. Тихонъ усердно взялся за осуществленіе этой мысли и самъ переводилъ на русскій языкъ Псалтирь и Н. Завѣтъ, но не рѣшился издать своего труда изъ опасенія подать поводъ къ соблазну для привыкшихъ къ славянскому тексту Библіи. Переводомъ Псалтири занимался еще Амвросій Зертисъ-Каменскій вмѣстѣ съ Варлаамомъ Лящевскимъ; трудъ ихъ изданъ въ собраніи переложеній Псалтири въ 1804 г.

На поприщѣ *церковнаго проповѣдничества* самымъ знаменитымъ дѣятелемъ былъ Платонъ, болѣе полвѣка украшавшій собою церковную каѳедру, оставившій послѣ себя болѣе 600 словъ и рѣчей, кромѣ того часто говорившій проповѣди безъ приготовленія. Въ лицѣ его русская церковная проповѣдь, послѣ Прокоповича и Криновскаго, сдѣлала новый шагъ къ своему освобожденію отъ риторскихъ замашекъ, завѣщанныхъ кіевской школой, и къ своему сближенію съ дѣйствительной жизнью. Въ первыхъ его проповѣдяхъ придворнаго періода еще довольно много риторскаго краснословія, но позднѣйшія слова московскаго періода отличаются замѣчательной простотой, жизненностію и духовной убѣдительностію; въ нихъ онъ весьма близко касался господствующихъ явленій современной ему жизни, такъ что по нимъ можно довольно полно изучить нравственно- религіозное состояніе тогдашняго общества. Въ искусствѣ произношенія проповѣдей, по свидѣтельству современниковъ, не было никого ему равнаго.— Въ западной Россіи славился своимъ блистательнымъ ораторскимъ талантомъ Георгій Конисскій; его знаменитыя рѣчи: на коронацію Екатерины, рѣчь 1765 г. къ Станиславу и рѣчь на встрѣчу императрицы въ Могилевѣ („Оставимъ астрономамъ доказывать“), получили классическое значеніе и общеевропейскую извѣстность. Одинъ изъ его преемниковъ въ Могилевѣ, *Анастасій Братанов-*

скій, тоже былъ знаменитостью въ ораторскомъ родѣ; особенно замѣчательны его обличенія противъ современнаго вольнодумства. Изъ другихъ проповѣдниковъ замѣчательны: м. Гавріилъ, Иннокентій псковскій, Дамаскинъ Рудневъ нижегородскій, Самуилъ Миславскій, Симонъ Лаговъ, Амвросій Подобѣдовъ, Амвросій Серебрениковъ екатеринославскій, написавшій между прочимъ (во время своего учительства въ вятской семинаріи) „Руководство къ ораторіи россійской" (1778 г.). Въ Кіевѣ явился славный проповѣдникъ изъ бѣлаго духовенства, протоіерей *Іоаннъ Леванда* († 1814).—Для развитія церковнаго проповѣдничества среди бѣлаго духовенства во многихъ епархіяхъ заведено было очередное сказываніе проповѣдей въ соборѣ. Каждый изъ ученыхъ священнослужителей обязывался ежегодно представить извѣстное число проповѣдей подъ опасеніемъ штрафа. Для неученыхъ священнослужителей, которые не могли сочинять проповѣдей сами, св. Синодъ издалъ два сборника готовыхъ проповѣдей: „Поученія на воскресные и праздничные дни (1775)" и „Краткія поученія на каждый день года (1781)," составленные трудами Гавріила и Платона изъ твореній отцевъ и проповѣдей Гедеона, Иннокентія и др. Въ руководство духовенству при исполненіи имъ всѣхъ вообще пастырскихъ обязанностей изданы полезныя сочиненія: классическая въ своемъ родѣ книга „О должностяхъ приходскихъ священниковъ" Пароенія смоленскаго (1776)" и „Катихизисъ для священно-церковнослужителей" м. Платона.

Богословскія системы. Въ систематическихъ трудахъ по богословію въ описываемое время господствовало направленіе Ѳ. Прокоповича. Вмѣсто системъ католическихъ наши богословы вслѣдъ за Прокоповичемъ исключительно стали руководствоваться системами протестантскими (Квенштедта, Гергарда, Буддея, Шуберта и др.). Богословская наука стала оживляться и все болѣе и болѣе освобождалась отъ путъ мертвившей ее схоластики, но при этомъ подверглась другой опасности—подъ вліяніемъ протестантскихъ образцовъ потерять чистоту православія. Протестантскія мнѣнія перѣдко довольно ясно проскальзывали подъ перомъ ученыхъ богослововъ. Такова особенно система Ѳеофилакта Горскаго, издававшаяся нѣсколько разъ въ полномъ и сокращенномъ видѣ на латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. При Екатеринѣ въ первый разъ изданы богословскіе трактаты самого Прокоповича; издателями были Дамаскинъ Рудневъ и Самуилъ Миславскій. Послѣдній исправилъ ихъ и продолжилъ совершенно въ духѣ автора, съ удержаніемъ извѣстныхъ своеобразныхъ мнѣній его о началахъ богословія, о поврежденіи природы человѣка, оправданіи вѣрою и о таинствахъ. Лучшими богословскими системами были: система м. Гавріила,

которой пользовался Ѳ. Горскій, но которая не была издана въ печати, и „Сокращенная богословія" м. Платона, изданная (1765) на русскомъ языкѣ и вскорѣ переведенная на латинскій, греческій, армянскій, грузинскій, нѣмецкій, французскій, потомъ англійскій языки. Образцомъ своимъ Платонъ имѣлъ того же Прокоповича, но гораздо болѣе его успѣлъ отрѣшиться и отъ вліянія протестантскаго духа, и отъ остатковъ схоластики, которой онъ, никогда не жаловалъ. „Богословіе Христово, говаривалъ онъ, состоитъ не въ препретельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ". Весьма важнымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ къ развитію отечественнаго богословія, было то, что въ нѣкоторыхъ духовноучебныхъ заведеніяхъ богословскія сочиненія стали задавать на русскомъ языкѣ и завели русскіе богословскіе диспуты, кромѣ того на русскомъ же языкѣ появились нѣкоторые богословскіе труды (св. Тихона, м Платона) въ печати; это съ одной стороны дѣлало богословскую науку доступною для публики, а съ другой было очень полезно и для самихъ богослововъ, способствовало къ развитію самостоятельной богословской мысли и русскаго богословскаго языка.

Труды церковно-историческіе. Съ оживленіемъ при Екатеринѣ занятій русской исторіей явилось нѣсколько важныхъ сочиненій въ церковно-историческомъ родѣ. Разныя лица изъ ученаго духовенства участвовали въ изданіи памятниковъ русской, преимущественно церковной старины, наприм. Дамаскинъ Рудневъ, составившій кромѣ того важное библіографическое сочиненіе о „всѣхъ книгахъ, съ начала типографіи въ Россіи изданныхъ". Самуилъ Миславскій, занимавшійся древностями Кіева, *Антоній Зыбелинъ* (нижегородскій), напечатавшій въ „Вивліоѳикѣ" Новикова Двинскій Лѣтописецъ и свѣденія о Нижнемъ, *Веніаминъ Румовскій* (архангельскій, потомъ нижегородскій), собиравшій памятники для исторіи Архангельской епархіи (въ „Любопытномъ Мѣсяцесловѣ" Рубана); въ 1781 г. онъ распорядился, чтобы во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ Архангельской епархіи велись церковныя лѣтописи. Явилось нѣсколько историческихъ сочиненій, относившихся къ описанію разныхъ епархій, наприм. Казанской, Вятской и Астраханской *Платона Любарскаго,* Могилевской и Бѣлогородской въ „Любопытномъ Мѣсяцесловѣ" Рубана, и къ описанію монастырей и церквей, напр. Троицкой лавры *Павла Пономарева,* Кіевской лавры Самуила Миславскаго и др. Георгій Конисскій написалъ „Историческое извѣстіе о Бѣлорусской епархіи, изслѣдованіе о „Правахъ и вольностяхъ православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ" и др. труды по исторіи уніи и западной Россіи. *Бантышъ-Каменскій* издалъ „Историческое извѣстіе объ уніи (1795 г.)". Московскій протоіерей П. Алексѣевъ

составилъ „Краткое начертаніе исторіи Греко-Россійской церкви“ и „Словарь еретиковъ и раскольниковъ“ (рукоп.). Изъ *путешествій къ св. мѣстамъ* замѣчательно „Путешествіе въ Іерусалимъ“ (1792) саровскаго іеромонаха *Мелетія*, въ которомъ между прочимъ провѣрены уважаемыя раскольниками показанія „Проскинитарія“ Суханова. При Екатеринѣ же изданы были записки извѣстнаго пѣшеходца В. Барскаго.

Духовныя школы. Какъ ни обширна стала духовная литтература сравнительно съ прежнимъ временемъ, но въ ряду духовныхъ писателей мы по прежнему видимъ главнымъ образомъ лицъ изъ высшаго духовенства. Остальная масса духовенства все еще страдала скудостію образованія. Въ инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ императрица писала о дух. школахъ, что прошло уже 40 лѣтъ, какъ стали онѣ заводиться, а все еще до сихъ поръ плохи: „семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи; семинаристы обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются греческому и латинскому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи большею частію неволею и содержатся безъ разбора,—а иные прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ“. Вслѣдствіе этого предположено было преобразовать всѣ дух. школы и составить для нихъ штаты. Проектъ преобразованія поручено составить Иннокентію, Гавріилу и Платону; они изготовили его въ 1766 г. Предположено было: московскую академію преобразовать въ духовный университетъ съ высшимъ курсомъ, открыть кромѣ нея 4 большихъ семинаріи (въ Новгородѣ, Петербургѣ, Казани и Ярославлѣ) съ курсомъ, расширеннымъ противъ обычнаго семинарскаго курса введеніемъ французскаго, нѣмецкаго и еврейскаго языковъ, геометріи, тригонометріи, физики, метафизики, полемическаго богословія и толкованія св. Писанія; въ другихъ епархіяхъ открыть малыя семинаріи съ меньшимъ курсомъ для образованія кандидатовъ на церковныя должности; затѣмъ при монастыряхъ въ каждой епархіи завести по 2—3 малыя гимназіи съ первоначальнымъ образованіемъ для приготовленія учениковъ къ семинаріи и для обученія народа; кромѣ того открыть нештатныя школы граматности при благочиніяхъ. Во всѣхъ заведеніяхъ предполагалось, кромѣ обученія, обращать вниманіе на доброе воспитаніе учениковъ. Въ

педагогическихъ мѣрахъ замѣчательно ослабленіе старой системы суровыхъ наказаній; палки и лозы замѣнены наказаніями, основанными на чувствѣ стыда и чести (обуваніе въ лапти, подаваніе блюдъ за столомъ, угрозы исключеніемъ и пр.). При обученіи предположено ввести новый, болѣе легкій и разумный методъ и усилить, вмѣсто латыни, занятіе науками. На содержаніе заведеній проектированы очень достаточныя суммы. Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе въ цѣломъ видѣ, но нѣкоторыя его мысли, бывшія выраженіемъ современныхъ понятій о духовномъ образованіи, не остались безъ приложенія къ практикѣ.

Число семинарій при Екатеринѣ увеличилось; вновь устроены семинаріи въ Астрахани, Сѣвскѣ, Полтавѣ, Иркутскѣ, Тамбовѣ, въ епархіи Олонецкой, въ Слуцкѣ и Минскѣ; заводились и нисшія школы (гимназіи). Не смотря на то, что неученому человѣку все хуже становилось жить на свѣтѣ, архіереямъ и теперь приходилось прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ для привлеченія духовныхъ дѣтей въ школы, наказывать отцовъ за необученіе дѣтей въ семинаріи штрафами и запрещеніемъ священнослуженія. Многіе ученики по старому числились бѣглыми, другіе старались поскорѣе выключиться, чтобы попасть на какое нибудь церковное мѣсто, не теряя лишняго времени на школу; до конца курса доходило обыкновенно не болѣе $^1/_5$ всѣхъ учениковъ. При всемъ томъ *число учащихся* въ 1764—1784 гг. возрасло съ 6000 почти до 12000. Съ увеличеніемъ числа учащихся изъ духовенства во второй половинѣ XVIII столѣтія совсѣмъ прекратился пріемъ въ семинаріи постороннихъ учениковъ, за исключеніемъ семинарій малороссійскихъ, которыя все еще оставались заведеніями открытыми для всѣхъ, по крайней мѣрѣ до введенія въ Малороссіи дух. штатовъ. Кромѣ этого замкнутость семинарій естественно вызывалась умноженіемъ свѣтскихъ школъ и скудостію средствъ у духовныхъ училищъ послѣ отобранія церковныхъ вотчинъ. Духовная власть съ своей стороны стремилась закрыть и выходъ изъ дух. школъ въ свѣтское званіе, чтобы не тратить церковныхъ средствъ на постороннія цѣли; но это стремленіе оказывалось малоуспѣшнымъ. При учрежденіи намѣстничествъ въ новыя канцеляріи ушло громадное число дух. воспитанниковъ, наприм. въ 1779 г. 155 человѣкъ изъ одной нижегородской семинаріи; потомъ очень много семинаристовъ требовали въ народныя школы, въ медицинскую науку, въ университетъ и проч. Семинарскія и епархіальныя начальства даже нарочно старались по этимъ требованіямъ отпускать учениковъ похуже и дошедшихъ не дальше риторическаго класса, а лучшихъ удерживали у себя, иногда даже противъ ихъ воли.

Въ *содержаніи дух. школъ* произошла важная перемѣна послѣ назначенія на нихъ штатныхъ окладовъ. Оклады эти впрочемъ далеко не оправдали тѣхъ ожиданій, какія возбуждены были въ духовенствѣ обѣщаніями правительства при отобраніи церковныхъ вотчинъ. На всѣ 28 учебныхъ заведеній съ 6000 учащихся въ 1765 г. ассигновано было всего 38000 р. съ небольшимъ въ годъ, (вдвое менѣе, чѣмъ въ свое время назначалъ выдавать на нихъ Петръ III), такъ что по разверсткѣ этой суммы на семинаріи по величинѣ каждой нѣкоторыя изъ нихъ получили всего по 490 р., большинство по 800 и только 4 свыше 2000 р. Оклады эти съ небольшими отъ времени до времени прибавками продолжали выдаваться до 1784 г., не смотря на то, что число учениковъ въ это время успѣло удвоиться; съ 1784 г. назначено 77,431 р. въ годъ и большая часть семинарій стали получать по 2000. Замѣтимъ при этомъ, что въ свѣтскомъ вѣдомствѣ въ это же время на одно только главное народное училище выдавалось болѣе 14000 р. въ годъ. На низшія дух. училища оклады вовсе не были назначены. Правда, штатные оклады были очень полезны для семинарій, какъ первый еще опредѣленный и постоянный источникъ для ихъ содержанія, съ которымъ они уже не могли подвергаться прежнимъ случайностямъ своего существованія, но жить исключительно на одни только эти оклады все-таки было нельзя. Потому для поддержанія своихъ школъ архіереямъ и теперь все-таки приходилось прибѣгать къ разнымъ прежнимъ источникамъ; такъ, они дѣлали для этого сборы съ духовенства и монастырей, приписывали къ школамъ доходы съ нѣкоторыхъ церковныхъ земель, угодій и строеній, жертвовали на нихъ изъ своего собственнаго достоянія, обращали въ ихъ пользу штрафы съ духовенства, напр. за неотдачу дѣтей въ школы, за держаніе бѣглыхъ учениковъ, за позднюю явку учениковъ съ ваката, опущеніе очередныхъ проповѣдей, нетрезвость и т. п., наконецъ зачисляли за бѣдными учениками церковныя мѣста съ правомъ пользоваться отъ этихъ мѣстъ извѣстной частью церковнаго дохода. Кромѣ обильныхъ пожертвованій со стороны архіереевъ, наприм. Арсенія Могилянскаго, Гавріила Кременецкаго, Платона, Иннокентія, Дамаскина, бывали на семинаріи пожертвованія и отъ свѣтскихъ лицъ, такъ что у нѣкоторыхъ семинарій отъ этихъ пожертвованій образовались довольно значительные капиталы. Монастыри давали многимъ семинаріямъ самыя помѣщенія. Семинарскія помѣщенія были впрочемъ большею частію тѣсны, грязны и холодны; всѣ работы по уходу за ними лежали на самихъ ученикахъ или на штрафованныхъ причетникахъ. Содержаніе ученикамъ давалось самое нищенское, наприм. на казеннокоштныхъ философовъ и богослововъ московской академіи шло всего по 15, а на уче-

никовъ низшихъ классовъ по 8 р. въ годъ. Въ семинаріяхъ не доставало средствъ и на такое содержаніе, такъ что приходилось даже сокращать самое число учениковъ. Своекоштные ученики бѣдствовали еще больше, жили на дурныхъ квартирахъ у дурныхъ людей и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ семинарскаго города, ходили въ сермягахъ, лаптяхъ и валенкахъ, питались преимущественно чернымъ хлѣбомъ и квасомъ. Для поддержанія своего существованія они отыскивали себѣ, такъ называемыя, кондиціи, отнимавшія у нихъ очень много дорогаго времени, занимались перепиской и др. работами, какія знали, въ Рождество и Пасху добывали себѣ подачки славленьемъ или суппликою съ обычными стихами и рацеями; начальства семинарій позволяли добывать этими средствами подспорье къ скудному прокормленію и казеннокоштнымъ ученикамъ, лучшихъ изъ нихъ даже сами рекомендовали на кондиціи. Въ Малороссіи ученики постарому продолжали нищенствовать по дворамъ съ пѣніемъ кантовъ и вертепами. Случалось, что голодный семинарскій людъ пускался даже на воровство.—Сами учители содержались немного лучше учениковъ. Самый высшій окладъ въ семинаріяхъ (ректорскій) простирался всего до 300 р. Учители получали 150, 100 р. и меньше, а имѣющіе посороннія должности (священники) вознаграждались обыкновенно рублями 30-ю въ годъ.

Вопросъ о расширеніи семинарскаго курса возбудилъ другой вопросъ *о приготовленіи семинарскихъ наставниковъ*. Въ 1765 г. по желанію императрицы св. Синодъ отправилъ для этого за границу 16 человѣкъ изъ лучших ъ воспитанниковъ: 6 въ Оксфордъ, 5 въ Геттингенъ и 5 въ Лейденъ. Въ 1772—1775 гг. они возвратились съ самыми лестными рекомендаціями заграничныхъ профессоровъ; между ними особенно отличился успѣхами *Семенъ Рудневъ* (послѣ еписк. Дамаскинъ), еще за границей избранный за свои труды по Русской исторіи въ члены геттингенскаго историческаго общества. Экзаменовавшая ихъ духовная комиссія представила императрицѣ мнѣніе о назначеніи ихъ профессорами проектированнаго тогда богословскаго факультета при московскомъ университетѣ, въ которомъ должны были учиться лучшіе ученики семинарій для приготовленія къ учительскимъ должностямъ. Проектъ этого факультета не былъ приведенъ въ исполненіе, и воротившіеся изъ-за границы ученые распредѣлены были по разнымъ мѣстамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства, преимущественно по учительскимъ при академіи и семинаріяхъ. По желанію императрицы (1787 г.) за границу посылались такъ же студенты кіевской академіи; они учились въ Польшѣ, двое въ Слуцкѣ и двое въ Вильнѣ. Кромѣ того для приготовленія къ учительству лучшіе студенты изъ нѣкоторыхъ епархій, по назначенію архіереевъ,

слушали лекціи въ московскомъ университетѣ и филологической семинаріи дружескаго ученаго общества; нѣкоторые изъ нихъ имѣли потомъ важное значеніе въ исторіи духовнаго образованія и Русской церкви, такъ наприм. студенты московской академіи *Стефанъ* (въ монаш. *Серафимъ*) *Глаголевскій* и *Евфимій* (въ монаш. *Евгеній*) *Болховитиновъ*, но большая часть такихъ студентовъ переходили изъ духовнаго званія въ свѣтскую службу. Когда правительство открыло учительскую семинарію для образованія учителей въ народныя школы, м. Гавріилъ въ 1788 г. по образцу ея сталъ преобразовывать свою невскую семинарію для приготовленія учителей въ дух. школы; св. Синодъ указалъ для этого высылать въ нее человѣка по два воспитанниковъ изъ всѣхъ семинарій, кромѣ троицкой и малороссійскихъ, которыя могли получать учителей изъ своихъ академій.—Не смотря на всѣ эти заботы о приготовленіи лучшихъ наставниковъ для семинарій, составъ учителей въ большей части семинарій все еще былъ не удовлетворителенъ. Съ одной стороны онъ много зависѣлъ отъ случайностей, отъ большей или меньшей внимательности къ семинаріи мѣстнаго архіерея, отъ средствъ заведенія и т. п., а съ другой во всѣхъ заведеніяхъ, не исключ я академій, улучшенію его мѣшало отсутствіе спеціальности въ учительскихъ занятіяхъ; учитель въ теченіе своей службы по старому проходилъ одинъ за другимъ всѣ классы отъ фары до богословія, оставаясь въ каждомъ по году, по два, смотря по заслугамъ, кромѣ того, по недостатку учителей, а иногда просто въ видахъ семинарской экономіи долженъ былъ въ одно время преподавать по 2—3 науки.

Перемѣны въ учебномъ курсѣ. При всей скудости матеріальныхъ средствъ и другихъ неудобствахъ духовныя заведенія все-таки замѣтно улучшались въ учебномъ отношеніи, хотя и не всѣ равномѣрно. За неимѣніемъ уставныхъ правилъ, кромѣ устарѣвшихъ правилъ Д. Регламента, по духовнымъ школамъ не было опредѣленнаго однообразія ни въ составѣ семинарскихъ курсовъ, ни во времени, ни въ методахъ преподаванія; все зависѣло здѣсь отъ усмотрѣнія архіереевъ, которые, какъ и прежде, оставались полными хозяевами школъ въ своихъ епархіяхъ. Всѣхъ выше стояли заведенія м. Платона. Кіевская академія должна была уступить свое первенство не только московской академіи, но даже лаврской семинаріи. Архіереи наперерывъ добивались согласія Платона, чтобы ихъ лучшіе студенты довершали свое образованіе въ его заведеніяхъ. Всегда внимательный къ дѣлу духовной науки, митрополитъ самъ лично подбиралъ у себя составъ академическихъ и семинарскихъ преподавателей, входилъ во всѣ мелочи ихъ службы и лучшими изъ нихъ чрезвычайно дорожилъ.—Полный семинарскій курсъ въ семинаріяхъ простирался 8—13 лѣтъ; время

для прохожденія каждой науки вчастности назначалось тоже разное, смотря по тому, насколько мѣстный архіерей проникнутъ былъ сознаніемъ ея важности. Разумѣется, всего болѣе времени приходилось на долю богословія (2—4 года) и латинскаго языка, отъ котораго никакъ не могли эмансипироваться и теперь. До Екатерины полный курсъ до богословія включительно, кромѣ академій, существовалъ только въ 8 дух. заведеніяхъ; къ концу ея царствованія богословіе введено было уже во всѣхъ семинаріяхъ. Прежнее схоластическое, разсудочно-отвлеченное образованіе дух. заведеній стало оживляться расширеніемъ въ ихъ курсѣ фактическихъ, реальныхъ знаній; сначала въ московской академіи, потомъ во многихъ семинаріяхъ усилено преподаваніе географіи, исторіи, физики и отчасти математики. Изъ языковъ, кромѣ латинскаго, по указу 1784 г. вездѣ стали изучать еще греческій; вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстнаго греческаго проекта Потемкина императрица предписала изучать этотъ языкъ даже предпочтительнѣе другихъ языковъ; св. Синодъ распорядился, чтобы ученики семинарій учились не только свободно переводить, но и говорить погречески. Въ московской академіи при Платонѣ, который самъ хорошо зналъ греческій языкъ, такихъ знатоковъ между студентами дѣйствительно было довольно. Кромѣ классическихъ языковъ, въ семинаріяхъ стали обучать еще еврейскому и новымъ языкамъ, прежде мало извѣстнымъ духовенству, особенно языку французскому. Послѣдній впрочемъ подвергся подъ конецъ царствованія гоненію; въ 1794 г. обученіе ему велѣно было прекратить. Въ преподаваніи прежнихъ наукъ семинарскаго курса тоже видимъ значительный шагъ впередъ. Въ риторическомъ классѣ усилено изученіе русской риторики (по Ломоносову); латинская изучалась сначала по Бургію, потомъ по мѣстамъ стала показываться болѣе свѣжая риторика Лежая. Въ философіи и богословіи оканчивалось царство Аристотеля и Ѳ. Аквината. Семинарскихъ философовъ уже не боялись знакомить съ новой нѣмецкой философіей. Всего болѣе понравилась духовнымъ начальствамъ философія Вольфіанская; система одного изъ представителей ея Баумейстера была вездѣ принята въ качествѣ учебнаго руководства. Въ богословіи, какъ мы видѣли, преобладала система Ѳ. Прокоповича. Схоластика однако съ большимъ трудомъ уступала свое господство новому направленію науки. На схоластическое развитіе учениковъ все еще обращалось главное вниманіе и на семинарскихъ экзаменахъ, и въ разныхъ ученическихъ оккупаціяхъ, и на диспутахъ.

Въ 1775 г. вышелъ указъ о введеніи въ семинаріяхъ новаго метода въ преподаваніи, усвоеннаго въ народныхъ школахъ по образцу австрійскихъ нормальныхъ школъ. Московская академія и казан-

ская семинарія поспѣшили исполнить это распоряженіе, но другія дух. школы встрѣтили его съ неудовольствіемъ. Одинъ троицкій студентъ, посланный для изученія новаго метода въ московскую академію, въ своемъ отчетѣ не замѣтилъ въ немъ ничего существеннаго, кромѣ однихъ внѣшнихъ пріемовъ, совокупнаго чтенія урока всѣми учениками, крика ихъ въ одинъ голосъ, совокупныхъ отвѣтовъ на вопросы учителя чрезъ поднятіе рукъ, писанія урока на доскѣ, и представилъ все это въ каррикатурѣ, чѣмъ-то въ родѣ пустой игры. Начальство троицкой семинаріи въ своемъ представленіи Платону писало, что новый методъ будетъ даже вреденъ для семинаріи, потому что по требованію его въ нисшихъ классахъ нужно будетъ преподавать отечественный языкъ раньше латинскаго; это казалось тогда какой-то нелѣпостью. Платонъ и самъ крѣпко стоялъ за латинь, хотя одинъ изъ первыхъ между архіереями сталъ заботиться объ изученіи въ семинаріяхъ русскаго языка. Въ 1800 г., когда поднялся вопросъ о чтеніи на русскомъ языкѣ семинарскихъ лекцій, онъ просилъ Амвросія оставить эту новую затѣю, потому что, объяснялъ онъ, только латинь еще и поддерживаетъ ученую репутацію духовенства, съ потерей ея оно потеряетъ и послѣднюю честь, да и книгъ классныхъ на русскомъ языкѣ еще мало.

Претендовавшій на гуманность философскій вѣкъ внесъ важныя реформы и *въ педагогическіе пріемы,* господствовавшіе въ дух. школахъ. Прежняя грубая и огрубляющая система воспитанія, представителями которой были прежнія малороссійскія начальства, основанная на страхѣ наказаній, была осуждена со всѣми ея кандалами, тюрьмами, сѣченіемъ въ три и четыре лозы на полу и на воздусѣхъ и т. п. еще въ проектѣ преобразованія дух. школъ 1766 г. Въ новыхъ архіерейскихъ инструкціяхъ для семинарій тѣлесныя наказанія вездѣ ослабляются, по крайней мѣрѣ предоставляются не всѣмъ лицамъ педагогическаго состава семинарій, какъ въ Регламентѣ Петра I, а только ректору и префекту. По инструкціи м. Платона семинарское начальство должно было „стараться вперять въ учениковъ благородное честолюбіе, которымъ бы они, яко пружиною, были управляемы въ поступкахъ“. Не мало толковали такъ же о смягченіи грубости бурсацкихъ нравовъ посредствомъ большаго развитія въ ученикахъ благородныхъ инстинктовъ, возвышенія эстетическаго образованія, ослабленія низкихъ и грязныхъ наклонностей къ пьянству и т. п. Практика семинарской жизни, разумѣется, стояла еще далеко ниже этихъ требованій и идей, но важно было и то, что онѣ были уже сознаны и высказаны.

Распоряженія о дух. школахъ при Павлѣ I. Императоръ Павелъ въ свое непродолжительное царствованіе проявилъ большое вни-

маніе къ духовнымъ школамъ. Считая лучшее устроеніе ихъ одной изъ первыхъ потребностей для блага народнаго, онъ прежде всего велѣлъ увеличить ихъ штатные оклады до 180,000 р. въ годъ; потомъ указомъ 1797 г. распорядился открыть, кромѣ существовавшихъ двухъ академій, двѣ новыя въ Петербургѣ и Казани, вслѣдствіе чего невская и казанская семинаріи переименованы были въ академіи. Разсмотрѣвъ проектъ новаго устройства дух. заведеній, составленный м. Гавріиломъ, св. Синодъ опредѣлилъ: для усовершенія въ наукахъ посылать въ означенныя четыре академіи лучшихъ учениковъ семинарій чрезъ каждые два года; курсъ академій расширить противъ семинарскаго введеніемъ пространнѣйшаго преподаванія полныхъ системъ философіи (2 года), богословія (3 года), высшаго краснорѣчія, физики, языковъ греческаго, латинскаго, еврейскаго, изъ новыхъ - нѣмецкаго или французскаго (по выбору учениковъ); въ семинаріяхъ вновь ввести обученіе учениковъ сельской экономіи и врачеванію болѣзней; въ преподаваніи наукъ держаться того же способа, какой употребляется въ академіяхъ; академическимъ правленіямъ наблюдать за порядкомъ преподаванія въ семинаріяхъ; начальниковъ и учителей въ дух. заведенія избирать испытанныхъ не только въ наукахъ, но и въ добромъ поведеніи; имѣть крайнее попеченіе, чтобы кромѣ ученія въ юношествѣ насаждаемо было благонравіе, удалять отъ нихъ грубость, обманъ, пьянство, ябеду и проч. Благодаря большей щедрости училищныхъ окладовъ, число семинарій увеличилось открытіемъ новыхъ семинарій: подольской, волынской, виѳанской, калужской, пермской, пензенской, оренбургской и армейской въ Петербургѣ для образованія дѣтей военнаго духовенства. Съ 1800 г., кромѣ семинарій и училищъ, по епархіямъ стали заводиться еще русскія школы для малоспособныхъ учениковъ, которые не въ силахъ были изучать языковъ; воспитанники этихъ школъ приготовлялись главнымъ образомъ къ причетническимъ должностямъ.

X. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

Послѣ крутаго цартсвованія императора Павла *восшествіе на престолъ Александра I* (12 марта 1801 г.) встрѣчено было съ живѣйшимъ восторгомъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Новый государь былъ воспитанникомъ республиканца Лагарпа, былъ любимымъ внукомъ Екатерины Великой, царствованіе которой теперь рисовалось въ дали прошлаго одними только свѣтлыми чертами своего гуманнаго и либеральнаго характера; а

слова перваго манифеста Александра прямо гласили, что онъ будетъ царствовать по законамъ и сердцу мудрой своей бабки. О личности новаго государя записки современниковъ отзываются съ единодушнымъ и какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ, какъ о личности въ высшей степени обаятельной, ангелѣ во плоти. Его ласковость, нѣжное состраданіе ко всякому несчастному, признаніе человѣческихъ правъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни былъ поставленъ, простота частной жизни, поэтическая любовь къ природѣ, глубокое отвращеніе отъ испорченныхъ нравовъ двора, искреннее стѣсненіе предъ своимъ собственнымъ величіемъ и положеніемъ неограниченнаго монарха страны—все это показывало друзьямъ свободы, что они дожили до полнаго осуществленія поэтическихъ благожеланій Державина, въ 1777 г. привѣтствовавшаго его рожденіе словами: „Будь на тронѣ человѣкъ". Государственное направленіе Александра выработалось среди рѣзкихъ впечатлѣній его юныхъ лѣтъ, сначала впечатлѣній крайняго революціоннаго движенія въ Европѣ конца XVIII в., потомъ впечатлѣній такихъ же крайностей монархической реакціи прошлаго царствованія. Онъ вынесъ изъ этихъ впечатлѣній одинаковое отвращеніе отъ тѣхъ и другихъ крайностей, стремленіе къ ихъ взаимному примиренію и самоограниченію, многостороннія, примирительныя убѣжденія, осуществленіе которыхъ мечталъ найти въ конституціонномъ строѣ государства. Для большинства заурядныхъ людей такая многосторонность убѣжденій непонятна, — понятнѣе направленія одностороннія, прямолинейныя; отъ того современники и считали его—одни опаснымъ для монархій либераломъ, другіе напротивъ врагомъ свободы, представителемъ абсолютизма власти, третьи — человѣкомъ двойственнымъ, колеблющимся на ту и другую сторону, или же слабымъ, поддающимся разнымъ вліяніямъ.

Отношеніе правительства къ церкви. Въ религіозномъ направленіи его можно видѣть ту же черту своего рода примирительнаго характера. Сухая, отрицательная философія XVIII в., подъ вліяніями которой онъ выросъ при дворѣ Екатерины, не могла удовлетворять его поэтической и женственно-сантиментальной натуры, но съ другой стороны онъ не получилъ религіознаго воспитанія и въ православномъ духѣ. Воспитатель его Швейцарецъ Лагарпъ, полуфилософъ, полумасонъ, могъ сообщить ему развѣ только смутныя представленія о Богѣ, какъ о нѣкоей невѣдомой, таинственной Силѣ. Законоучитель его протоіерей А. Самборскій, человѣкъ самъ недальняго богословскаго образованія, заботился только объ аккуратномъ выполненіи имъ обрядовой стороны православія. Александръ послѣ самъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что его воспитатели не были вѣрующими хри-

стіанами. Подобно многимъ современникамъ, которые были тоже лишены религіознаго воспитанія, а между тѣмъ по своему характеру и по обстоятельствамъ чувствовали въ себѣ непреодолимую потребность религіи, онъ выработалъ себѣ своеобразную собственную религію безъ опредѣленныхъ догматическихъ убѣжденій, религію сердца, одинаково мирившуюся со всѣми вѣроисповѣданіями и ни къ одному изъ нихъ не принадлежавшую. Въ церковныхъ дѣлахъ онъ не имѣлъ никакихъ свѣденій, поэтому на первыхъ порахъ царствованія долго не обнаруживалъ къ нимъ надлежащаго вниманія, всецѣло предавшись выполненію однихъ своихъ завѣтныхъ юношескихъ мечтаній о новомъ устройствѣ государства. Ближайшіе сотрудники его реформъ, Кочубей, Новосильцевъ, Строгоновъ, Чарторыжскій, менѣе всего способны были думать о нуждахъ православной церкви, послѣдній,—какъ завзятый Полякъ, первые трое, какъ люди антирелигіознаго направленія. Между всѣми государственными людьми, съ которыми любилъ работать юный государь, едва ли не единственнымъ знатокомъ церковныхъ дѣлъ былъ *М. М. Сперанскій.*

Сперанскій. Онъ былъ сынъ сельскаго священника Владимірской епархіи (род. 1772 г.), образованіе получилъ сначала во владимірской, потомъ въ главной петербургской семинаріи; по окончаніи курса былъ въ послѣдней учителемъ и дослужился до должности учителя философіи и префекта, выше которой свѣтское лице уже не могло возвышаться на духовно-учебной службѣ. Бѣдность семинарскихъ окладовъ заставила его искать добавочныхъ средствъ къ своему содержанію на частной службѣ домашняго секретаря у кн. Куракина. Въ 1796 г. Куракинъ сдѣлался генералъ-прокуроромъ и совсѣмъ перевелъ къ себѣ Сперанскаго на государственную службу. Съ этихъ поръ талантливый молодой человѣкъ быстро пошелъ въ гору и къ началу новаго царствованія составилъ себѣ уже очень громкое имя въ чиновномъ мірѣ. Кочубей перевелъ его къ себѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и черезъ 4 съ половиной года послѣ своего скромнаго учительства онъ былъ уже статсъ-секретаремъ, любимымъ докладчикомъ и сотрудникомъ государя. Александру, страстно занятому преобразовательными планами, нуженъ былъ именно такой дѣлецъ, какъ Сперанскій, съ необыкновенно-яснымъ взглядомъ на вещи, съ могучимъ размахомъ систематическаго и организаторскаго ума, быстрый и неутомимый въ работѣ, умѣвшій на лету, съ полуслова угадывать мысль, зародившуюся въ головѣ царя, развивать ее въ подробностяхъ и съ изумительною легкостію придавать ей стройную и законченную законодательную форму. Въ 1803 г. Сперанскому поручено было составить планъ общаго преобразованія всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ имперіи; реформы,

разработанныя имъ, шли одна за другой и держали все государство въ необычайномъ напряженіи до самаго 1812 г., когда виновникъ ихъ, слывшій за увлеченнаго поклонника Наполеона и его законодательнаго кодекса, подвергся отъ своихъ враговъ тяжкому обвиненію въ государственной измѣнѣ и отправленъ былъ въ ссылку. Въ 1802 г., едва ли не по его иниціативѣ, въ кружкѣ ближайшихъ сотрудниковъ Александра въ первый разъ заговорили о состояніи церкви и поднятъ былъ вопросъ о возвышеніи образованія и внѣшняго быта духовенства,—но крайней мѣрѣ Сперанскій явился главнымъ и усерднымъ дѣятелемъ въ послѣдующемъ рѣшеніи этого вопроса.

Составъ высшей церковной администраціи. Во главѣ церковной администраціи, въ званіи первенствующаго члена св. Синода, стоялъ тогда митрополитъ *Амвросій Подобѣдовъ.* Старѣйшій изъ святителей, м. Платонъ первенствовалъ при коронаціи Александра и привѣтствовалъ его извѣстною классическою рѣчью,—послѣдней вспышкой его блестящаго ораторскаго таланта: „И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть царя нашего вѣнчанна и превознесенна“; но послѣ этого, какъ и въ прежнее царствованіе, продолжалъ держаться въ тѣни и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія. М. Амвросій не отличался особенно высокими талантами, не былъ ни Гавріиломъ, ни Платономъ; возбужденіе и рѣшеніе высшихъ вопросовъ церковной жизни превышало его личныя способности и велось при немъ обыкновенно другими членами Синода; но онъ былъ аккуратенъ, дѣятеленъ и обладалъ дорогою въ его положеніи способностью во всемъ держать себя съ тактомъ, не только не мѣшать своимъ болѣе способнымъ сотрудникамъ въ Синодѣ, но и цѣнить ихъ работы и даже быть между ними виднымъ и полезнымъ президентомъ. Оберъ-прокуроромъ Синода въ первый годъ царствованія былъ человѣкъ уже совершенно не способный къ этой должности,—извѣстный своей несчастной страстью къ стихоплетству графъ *Хвостовъ.* Въ концѣ 1802 г., когда преобразовательная дѣятельность правительства дошла и до духовнаго вѣдомства, въ св. Синодѣ поэтому прежде всего понадобилось смѣнить оберъ-прокурора. Онъ былъ замѣненъ *Яковлевымъ,*—человѣкомъ весьма дѣловитымъ, поборникомъ законности и государственнаго интереса, въ родѣ Елизаветинскаго оберъ-прокурора кн. Шаховскаго. Но, какъ и Шаховской, онъ тотчасъ вошелъ въ Синодѣ въ разныя неугомонныя пререканія съ членами изъ-за невнимательнаго веденія синодальныхъ дѣлъ, изъ-за разныхъ вопросовъ, касавшихся соблюденія въ дѣлахъ законныхъ формъ, новаго изданія Д. Регламента, въ которомъ почему-то вдругъ явилась крайняя надобность, расходованія суммъ духовнаго вѣдомства—остаточныхъ,

типографскихъ и отъ продажи книгъ, пререканія, которыя показывали въ немъ человѣка опытнаго и ревностнаго, но болѣе формальнаго, не могшаго стоять на надлежащей высотѣ своего призванія. Всего черезъ 9 мѣсяцевъ смѣненъ былъ и онъ. Послѣ него оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ (1803 г.) князь *А. Н. Голицынъ*, другъ юности Александра и самое довѣренное его лице, съ которымъ никто не могъ соперничать въ силѣ и вліятельности. Голицынъ былъ еще очень молодъ (30 лѣтъ), когда былъ облеченъ этой важной должностью, и вовсе къ ней не подготовленъ. Это былъ человѣкъ добраго, но легкаго и увлекающагося характера, религіознаго образованія не имѣлъ, отличался даже рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ церкви; тѣмъ не менѣе на первыхъ же порахъ онъ успѣлъ крѣпко захватить церковныя дѣла въ свои руки. Сдѣлавшись оберъ-прокуроромъ онъ впрочемъ значительно остепенился, бросилъ дурную привычку кощунничать, занялся чтеніемъ религіозныхъ книгъ, сблизился съ людьми религіознаго направленія и сталъ подавать большія надежды на свое обращеніе къ вѣрѣ. Къ сожалѣнію, всѣ почти такіе люди высшаго общества, питомцы XVIII в., при обращеніи своемъ къ вѣрѣ имѣли обыкновеніе примыкать не къ своему народному православію, на которое смотрѣли свысока, а къ аристократическому католичеству, или еще чаще къ модному тогда по Европѣ мистицизму, который позволялъ имъ вѣрить во все и ни во что. Какъ человѣкъ живой, увлекающійся, и въ тоже время совершенный младенецъ относительно всего, что касалось религіи и церкви, Голицынъ по своемъ обращеніи тоже сдѣлался сначала на нѣкоторое время игрушкой іезуитовъ, а потомъ адептомъ и покровителемъ всякаго рода мистическихъ сектъ. Съ началомъ реформъ измѣнился и составъ синодальныхъ членовъ. Изъ прежнихъ членовъ архіереевъ въ немъ остались м. Амвросій и ученый *Ириней Клементьевскій* псковскій; вновь поступили: *Меѳодій Смирновъ* тверской, извѣстный лингвистъ и экзегетъ, прославившійся хорошимъ устройствомъ учебныхъ заведеній по всѣмъ епархіямъ, которыми управлялъ, и знаменитый витія, архіепископъ могилевскій *Анастасій Братановскій*,—потомъ послѣ перевода Анастасія въ Астрахань и кончины его (1807 г.) *Ѳеофилактъ Русановъ* епископъ калужскій, однокурсникъ и другъ Сперанскаго, человѣкъ живой, свѣтски образованный, блестящій проповѣдникъ, успѣвшій обратить на себя вниманіе высшаго общества еще въ предшествовавшее царствованіе. Благодаря сильной поддержкѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и Сперанскаго и своимъ личнымъ талантамъ, онъ вскорѣ сдѣлался вліятельнѣе всѣхъ членовъ св. Синода, не исключая митрополита, и выступилъ впередъ въ качествѣ главнаго дѣятеля по церковнымъ вопросамъ.

Преобразованія по духовному вѣдомству. Комитетъ 1808 г. Самымъ раннимъ вопросомъ этого рода былъ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ, поднятый правительствомъ еще въ 1802 г. и стоявшій въ связи съ тогдашними заботами правительства о просвѣщеніи народа и умноженіи всякаго рода учебныхъ заведеній. Подъ рукой у м. Амвросія нашелся человѣкъ, весьма подходящій для работъ по этому вопросу, которому и поручено было составить общій планъ училищной реформы. Это былъ извѣстный намъ воспитанникъ дружескаго общества, и тогда уже славный своею многостороннею ученостію, архимандритъ *Евгеній Болховитиновъ.* По окончаніи курса въ московской академіи онъ служилъ сначала учителемъ и префектомъ въ своей родной воронежской семинаріи, затѣмъ протоіереемъ въ г. Павловскѣ, откуда послѣ его вдовства Амвросій въ 1800 г. и вызвалъ его въ Петербургъ; здѣсь митрополитъ постригъ его въ монахи, сдѣлалъ префектомъ петербургской семинаріи и постоянно ему покровительствовалъ. Евгеній усердно принялся за исполненіе возложеннаго на него порученія, не смотря на то, что вскорѣ послѣ этого въ 1804 г. былъ посвященъ въ епископа старорусскаго (викарія митрополита) и долженъ былъ отправиться въ Новгородъ, гдѣ вниманіе его, какъ историка и археолога, сейчасъ увлекли тамошнія древности. Къ 1805 г. онъ успѣлъ составить полный планъ преобразованія дух. школъ, за исключеніемъ экономической стороны дѣла. Анастасій Братановскій пересмотрѣлъ его работу и дополнилъ ее весьма плодотворнымъ послѣ на практикѣ проектомъ о назначеніи содержанія для дух. школъ изъ свѣчнаго дохода церквей. Послѣ этихъ предварительныхъ работъ въ концѣ 1807 г. составленъ былъ особый комитетъ изъ духовныхъ (м. Амвросій, Ѳеофилактъ, протопресвитеръ С. Краснопѣвковъ и оберъ-священникъ I. Державинъ) и свѣтскихъ (кн. Голицынъ и Сперанскій) лицъ уже съ болѣе сложнымъ и труднымъ назначеніемъ—составить планъ и изыскать способы не только къ усовершенствованію духовныхъ училищъ, но и къ улучшенію быта всего духовенства. Комитетъ исполнилъ свою работу къ іюню 1808 г. По высочайшемъ утвержденіи его доклада м. Амвросій въ благодарственной рѣчи государю отъ Синода и духовенства выразилъ утѣшительную надежду, что отселѣ духовенство будетъ проходить свое служеніе съ радостію, а не воздыхающе.

На первый разъ преобразованіе положено начать съ однихъ дух. училищъ. Для этого на мѣсто временнаго комитета 1808 года изъ его же членовъ учреждена была постоянная *комиссія духовныхъ училищъ* съ назначеніемъ приводить предначертанія комитета въ исполненіе и прежде всего составить самые уставы дух. училищъ. Начертаніе этихъ уставовъ началъ Сперанскій, но, бу-

лучи обремененъ государственными дѣлами, не окончилъ своей работы, передалъ ее Ѳеофилакту и въ 1809 г. даже совсѣмъ вышелъ изъ членовъ комиссіи. Высочайшее утвержденіе новыхъ уставовъ послѣдовало уже въ 1814 г. Комиссія приняла въ свое постоянное завѣдованіе всѣ дух. училища и заняла очень видное мѣсто въ средѣ высшей церковной администраціи. Послѣдняя доселѣ имѣла у себя только одно спеціальное отдѣленіе,—хозяйственное; не смотря на всю важность духовнаго образованія въ общей жизни церкви, оно доселѣ имѣло одну исключительно-епархіальную постановку, подлежа административному вѣденію однихъ епархіальныхъ архіереевъ и даже ихъ консисторій. Поэтому комиссія явилась первымъ центральнымъ учрежденіемъ, которое въ первый разъ придало дух. школамъ общецерковную постановку. Вмѣстѣ съ этимъ новымъ административнымъ учрежденіемъ, по мысли комитета, возникла цѣлая система духовно-учебнаго управленія, тоже совершенно новая и имѣвшая самостоятельную организацію, основанную на раздѣленіи школъ по степенямъ и на подчиненіи низшихъ изъ нихъ высшимъ: низшія,—приходскія и уѣздныя училища, подчинены семинаріямъ, эти—окружнымъ академіямъ, а академіи—самой комиссіи. Для управленія дѣлами учебныхъ округовъ при академіяхъ учреждены были особыя ученыя конференціи, составленныя, какъ и сама комиссія, изъ ученыхъ особъ, частію изъ членовъ самихъ академическихъ корпорацій, частію изъ постороннихъ мѣстныхъ ученыхъ духовнаго и свѣтскаго званія; конференціямъ этимъ предоставлены по ихъ округамъ цензура духовныхъ сочиненій, производство въ ученыя степени и ревизіи духовныхъ училищъ. Ближайшее начальственное попеченіе о духовныхъ училищахъ ввѣрено по прежнему епархіальнымъ архіереямъ, но только самимъ лично, съ устраненіемъ отъ участія въ училищныхъ дѣлахъ мѣстныхъ консисторій, какъ органовъ одного собственно епархіальнаго управленія и учрежденій не ученаго, а канцелярскаго характера.

Духовно-учебный капиталъ. Не менѣе удачно комитетъ 1808 г. рѣшилъ и другую свою задачу—изыскать способы къ матеріальному обезпеченію училищъ и церковныхъ причтовъ, создавъ для этого, такъ сказать, творчески, изъ ничего громадный капиталъ и притомъ безъ отягощенія государства и народа. Къ прежнимъ способамъ содержанія духовенства (отъ сборовъ за требы и церковныхъ земель) онъ отнесся отрицательно и положилъ обезпечить всѣ причты опредѣленнымъ жалованьемъ по классамъ, въ размѣрѣ по 300 р. ассигн. въ годъ на каждый изъ причтовъ низшаго IV класса, 500—III, 700—II и 1000—высшаго классовъ, оставивъ впрочемъ за ними и доходы отъ ихъ церковныхъ земель и положивъ снабдить ихъ кромѣ того церковными домами. По его-

исчисленію вся сумма на эти оклады вмѣстѣ съ окладами на училища должна была простираться до 8,431,986 р. ассигн. (изъ нея на одни причты 7,101,400 р.) ежегодно. Для составленія ея комитетъ обратился: а) къ экономическимъ суммамъ церквей, простиравшимся по его счету до 5,600,000 р.,—отобравъ эти деньги отъ церквей, онъ предположилъ пятую часть ихъ (1,120,000) положить въ банкъ на содержаніе изъ ея процентовъ духовныхъ школъ, а остальную сумму назначить на устройство разныхъ зданій церковнаго вѣдомства, въ томъ числѣ и домовъ для причтовъ, въ качествѣ капитала церковностроительнаго; б) къ ежегодному свѣчному доходу церквей, для усиленія котораго розничная продажа церковныхъ свѣчъ объявлена была монополіею церкви,—по предположительному разсчету ежегодная сумма этого дохода должна была простираться до 3,000,000 р.; наконецъ уже в) къ пособію отъ казны, котораго испрошено по 1,353,000 р. на годъ въ теченіи 6 лѣтъ. Въ эти 6 лѣтъ всѣ означенныя суммы, за исключеніемъ 352,000 р., назначенныхъ къ ежегодному расходованію на преобразованіе и содержаніе училищъ на первый разъ пока одного петербургскаго округа, должны были храниться въ банкѣ для приращенія. Къ 1814 г. изъ нихъ долженъ былъ, по разсчету 5% ежегоднаго приращенія, образоваться капиталъ въ 24,949,000 р. съ ежегоднымъ доходомъ въ 1,247,450 р.; такимъ образомъ вмѣстѣ съ 3000000 р. свѣчнаго дохода комиссія съ этого времени должна была располагать 4,247,450 р. ежегоднаго дохода. Къ этой суммѣ съ 1814 г. казна, по ходатайству комитета, обязывалась выдавать пособіе въ усиленномъ размѣрѣ, по 2,000,000 р. въ годъ до тѣхъ поръ, пока церковный капиталъ не возрастетъ до размѣровъ, при которыхъ это пособіе окажется болѣе ненужнымъ. Такъ изысканъ былъ ежегодный доходъ церкви въ 6,247,450 р., въ размѣрѣ уже близкомъ къ требовавшейся цифрѣ. При осуществленіи этого грандіознаго проекта на практикѣ противъ разсчетовъ комитета оказались большіе недочеты а) вслѣдствіе крайняго замедленія въ доставкѣ экономическихъ суммъ и въ устройствѣ свѣчной монополіи, потомъ б) вслѣдствіе огромныхъ утаекъ и въ сборахъ со стороны приходовъ, в) освобожденія отъ свѣчныхъ сборовъ множества привиллегированныхъ церквей—крестовыхъ, монастырскихъ, полковыхъ, многихъ соборныхъ и домовыхъ, наконецъ г) вслѣдствіе контрабанды, сопровождавшей свѣчную монополію церкви, какъ и всякую другую монополію. Но при разныхъ сбереженіяхъ, какія ожидались отъ постепеннаго введенія преобразованій по округамъ, и при внимательной экономіи новый капиталъ все таки могъ бы достигнуть значительныхъ размѣровъ, если бы развитію всей этой операціи не помѣщали страшныя бѣдствія Россіи въ 1812 г.

Возвышеніе Ѳеофилакта Русанова. По учености и энергіи самымъ виднымъ членомъ и въ Синодѣ и въ комиссіи духовныхъ училищъ былъ Ѳеофилактъ, возведенный въ 1809 г. въ санъ архіепископа рязанскаго. Высшее петербургское общество восхищалось его блестящими проповѣдями, его свѣтскостію, его бойкимъ французскимъ разговоромъ и много объ немъ толковало, сравнивая его съ митрополитомъ, разумѣется, не въ пользу послѣдняго. Ходили слухи, что правительство намѣревается посадить нѣсколько архіереевъ въ государственный совѣтъ; Ѳеофилактъ выставлялся первымъ кандидатомъ на такой важный постъ, вслѣдствіе чего въ кружкахъ недовольныхъ имъ духовныхъ лицъ, стоявшихъ на сторонѣ митрополита, его прозвали Бріанномъ,—именемъ извѣстнаго французскаго епископа—участника революціи. М. Амвросій, какъ прежде Гавріилъ, увидѣлъ себя покинутымъ всѣми членами Синода, которые поспѣшили стать на сторону усилившагося Ѳеофилакта. Друзья его совѣтовали ему даже добровольно уступить каѳедру сильному сопернику и заранѣе удалиться изъ Петербурга въ Новгородъ, не дожидаясь участи своего предшественника, но онъ отвѣчалъ на это рѣшительно: „не самъ я себя поставилъ, не могу самъ себя и снять съ своего поста". Къ счастію для него, Ѳеофилактъ самъ не способенъ былъ удержаться на своей высотѣ: по горячности характера и страсти вмѣшиваться во всѣ дѣла онъ постоянно входилъ въ столкновенія съ людьми, которыхъ ему не слѣдъ было раздражать. Въ 1810 году онъ столкнулся съ самимъ Голицынымъ и Сперанскимъ. Столкновеніе это возникло изъ-за ученаго *Фесслера*, который по рекомендаціи Сперанскаго былъ вызванъ изъ Берлина для занятія въ академіи каѳедры еврейскаго языка и философіи и скоро, по своей учености и вліянію на студентовъ, сдѣлался здѣсь опаснымъ соперникомъ Ѳеофилакта. Получивъ въ свои руки программу его философскихъ лекцій, Ѳеофилактъ жестоко ее разкритиковалъ, завинивъ автора въ крайнемъ идеализмѣ, разрушительномъ и для философіи и для религіи, въ мистицизмѣ и иллюминатствѣ, и успѣлъ вытѣснить его изъ академіи, не смотря на усердную защиту его Сперанскимъ. Послѣ этого Сперанскій опредѣлилъ Фесслера къ себѣ въ комиссію составленія законовъ и охладѣлъ къ Ѳеофилакту. Голицыну, который уже увлекался тогда мистицизмомъ, критика Ѳеофилакта на Фесслера, тоже не понравилась.

Филаретъ Дроздовъ. Между тѣмъ въ 1809 г. въ Петербургѣ возсіяло новое свѣтило, которому суждено было затмить не одного только Ѳеофилакта: это былъ вызванный изъ Москвы на службу при академіи іеродіаконъ *Филаретъ Дроздовъ.* Онъ былъ сынъ одного небогатаго коломенскаго священника (родился въ концѣ 1782 г. и названъ Василіемъ), учился сначала въ ко-

ломенской, потомъ въ троицкой лаврской семинаріи и по окончаніи курса оставленъ при послѣдней учителемъ. М. Платонъ замѣтилъ будущаго преемника своей ораторской славы и благословилъ его на проповѣдь. Въ 1806 г. онъ писалъ своему викарію Августину: „А у меня явился отличный проповѣдникъ—учитель Дроздовъ; я сообщу вамъ его проповѣдь, и вы удивитесь". Послѣ этого онъ по обыкновенію началъ склонять молодаго витію къ монашеству и осенью 1808 года постригъ его. Переводъ Филарета въ Петербургъ чрезвычайно огорчилъ Платона; онъ нѣсколько разъ принимался хлопотать объ оставленіи полюбившагося ему учителя въ Москвѣ, но совершенно напрасно. По пріѣздѣ въ Петербургъ Филаретъ съ самаго же начала встрѣтилъ себѣ неожиданнаго и опаснаго недоброжелателя въ Ѳеофилактѣ, который имѣлъ уже своего собственнаго кандидата на академическую службу, префекта калужской семинаріи іеромонаха *Леонида Зарѣцкаго.* По его милости Филаретъ цѣлый годъ такъ и не могъ попасть въ академію и долженъ былъ служить при петербургской семинаріи, тогда какъ Леонидъ немедленно былъ назначенъ баккалавромъ словеснаго класса, т. е. помощникомъ Ѳеофилакта. М. Амвросій оказалъ ему напротивъ всякое съ своей стороны вниманіе, посвятилъ его въ іеромонахи, приблизилъ къ себѣ, представилъ кн. Голицыну, и не ошибся въ немъ: Филаретъ сдѣлался его правою рукою и самою дорогою опорою въ дѣлахъ. Въ непродолжительномъ времени ему сталъ покровительствовать самъ Голицынъ. Но молодой іеромонахъ обладалъ могущественными средствами выдвигаться впередъ и безъ покровителей; этими средствами были его сильный умъ и высокій талантъ проповѣдничества, такъ поразившій м. Платона. Первая же проповѣдь его (въ 1810 г.) на праздникъ Благовѣщенія въ лаврѣ обратила на него общее вниманіе. Послѣ этого митрополитъ сталъ назначать его для проповѣданія преимущественно на большіе праздники, когда въ лавру стекалось больше народа. Позавидовавъ ранней славѣ новаго витіи, Ѳеофилактъ и здѣсь всталъ ему поперекъ дороги. Въ 1811 г. Филаретъ сказалъ блестящую и глубокомысленную проповѣдь на лаврскій праздникъ св. Троицы о дарахъ св. Духа; за трапезою у митрополита, въ присутствіи множества знатныхъ гостей и духовенства, когда всѣ превозносили проповѣдника, Ѳеофилактъ заявилъ, что въ проповѣди проповѣдуется пантеизмъ, и вступилъ даже въ споръ съ тѣми, которые стали защищать ея православіе. Филаретъ вступился за себя и настоялъ на тщательномъ разсмотрѣніи своего заподозрѣннаго произведенія. Его внимательно разсматривали самъ митрополитъ, потомъ Меѳодій тверской, извѣстный тогда по своей твердости въ догматахъ, кн. Голицынъ, Сперанскій, и не нашли въ немъ ничего предосудительнаго; оно пред-

ставлено было потомъ даже самому государю. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ концѣ іюня государь пожаловалъ Филарету драгоцѣнный наперстный крестъ „за отличіе въ проповѣданіи слова Божія“, а черезъ недѣлю молодой ораторъ, будучи всего 28 лѣтъ отъ роду, посвященъ былъ въ архимандрита. Съ тѣхъ поръ его проповѣдническая каѳедра была постоянно окружена множествомъ публики изъ петербургской знати. Каждая проповѣдь его была событіемъ, о которомъ толковали, шумѣли. Между тѣмъ Ѳеофилактъ въ томъ же 1811 г. долженъ былъ прекратить свое проповѣдничество въ Петербургѣ по требованію митрополита, котораго осмѣлился грубо задѣть въ одной своей проповѣди подъ образомъ нѣкоего преклоннаго старца, за котораго всѣми дѣлами ворочаетъ одинъ молодой человѣкъ (т. е. Филаретъ), успѣвшій совершенно имъ овладѣть.

Ослабленіе вліянія Ѳеофилакта. Въ мартѣ 1812 г., по представленію Амвросія, Филаретъ былъ опредѣленъ на должность ректора академіи, не смотря на то, что Ѳеофилактъ прочилъ на эту должность своего любимца Леонида. Послѣ этого явилась возможность вытѣснить вліяніе Ѳеофилакта и изъ академіи. Какъ разъ къ этому времени студентами академіи, по желанію Ѳеофилакта, съ французскаго языка переведена была книга: Эстетическія разсужденія Ансильона. Ѳеофилактъ назначалъ ее въ число руководствъ для студентовъ по классу словесности и провелъ уже для печатанія черезъ цензуру, но только черезъ свѣтскую, а не духовную, и не испросивъ на введеніе ея въ академію дозволенія у комиссіи духовныхъ училищъ. Новый ректоръ возсталъ противъ этого и въ комиссіи возникло длинное дѣло, затянувшее выпускъ книги до 1813 г. По порученію митрополита, Филаретъ написалъ противъ нея сильныя замѣчанія, въ которыхъ завинилъ ее въ неправославномъ направленіи, въ натурализмѣ и пантеизмѣ. Раздраженный Ѳеофилактъ съ своей стороны написалъ на эти замѣчанія рѣзкую антикритику. Но книга все-таки была изъята изъ употребленія и, что всего было для него обиднѣе, антикритику его не допускали до печати, тогда какъ замѣчанія Филарета были напечатаны. За свои заслуги и таланты Ѳеофилактъ держался все еще высоко, но близкій упадокъ его значенія легко было предвидѣть даже еще раньше этой исторіи съ книгой Ансильона. Времена перемѣнились; среди все усиливавшагося противофранцузскаго направленія въ обществѣ и въ административныхъ сферахъ поклонникъ французскаго образованія, переводчикъ Ансильона, Бріэннъ Ѳеофилактъ становился такъ же не умѣстенъ въ Синодѣ, какъ Сперанскій, съ именемъ котораго соединялось тогда понятіе о преобразованіи Россіи на французскій ладъ, былъ неумѣстенъ въ государственномъ совѣтѣ. Паденіе и ссылка Сперанскаго были яснымъ для

современниковъ предвѣстіемъ скораго паденія и Ѳеофилакта. Предшественникъ Филарета *Сергій*, отправляясь на епископство въ Кострому, на прощаньи шепнулъ новому ректору: „Слѣдомъ за Сперанскимъ поѣдетъ и Бріэннъ: ~~ты его~~ сбудешь“.

Подъемъ народнаго и религіознаго духа въ 1812 г. 1812-й г. былъ для Россіи настоящимъ горниломъ очищенія отъ всѣхъ ея прежнихъ противонаціональныхъ и противорелигіозныхъ увлеченій. Еще за долго до нашествія Наполеона только и слышно было, какъ повсюду бранили Французовъ. Люди религіозные примѣняли къ современности пророчества Апокалипсиса о послѣднихъ временахъ, сравнивали Наполеона съ апокалипсическимъ Аполліономъ и высчитывали въ буквахъ его имени таинственное число звѣря—666. Когда же врагъ съ полчищами двунадесяти языкъ перешелъ границу, гордо заявляя, что „Россія увлекается своимъ рокомъ“, когда раздались по церквамъ слова манифеста, призывавшаго всѣхъ Русскихъ на спасеніе своего отечества, и народъ услыхалъ величественный обѣтъ царя—не полагать оружія, доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ Русской землѣ, патріотическій энтузіазмъ достигъ высшихъ предѣловъ, и вся Русь, какъ одинъ человѣкъ, поднялась противъ врага, маршировавшаго уже въ ея собственныхъ предѣлахъ прямо къ сердцу ея—Москвѣ. Не менѣе патріотическаго былъ энтузіазмъ религіозный; какъ будто снова воротилось то религіозное время нашей исторіи, когда вѣра и церковь стояли на стражѣ православной Руси и выручали ее изъ всякихъ бѣдъ, выпадавшихъ на ея долю. Государя, заѣхавшаго по дорогѣ къ арміи въ Москву, встрѣтили въ Успенскомъ соборѣ пѣніемъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“. М. Платонъ прислалъ ему изъ лавры ободрительное посланіе и икону преп. Сергія. Викарій *Августинъ*, благословляя московское ополченіе, вручилъ ему вмѣсто знаменъ двѣ церковныя хоругви. Архіереи и монастыри, какъ въ старину, жертвовали на спасеніе отечества свои многолѣтнія сбереженія: св. Синодъ пожертвовалъ 1 $^1/_2$ милліона рублей; м. Амвросій внесъ отъ себя и отъ Невской лавры 20,000 р.; м. Платонъ—342 имперіала отъ себя, а отъ Троицкой лавры 70,000 р. ассигн., 2500 р. серебромъ и до 6 пудовъ серебра въ посудѣ и слиткахъ; Тихвинскій монастырь—3000 р. и т. д. Въ день Бородинской битвы старецъ святитель самъ пріѣхалъ изъ лавры въ Москву, желая пострадать вмѣстѣ съ своею паствою. Августинъ почти силой долженъ былъ увезти его изъ столицы передъ самымъ уже вступленіемъ въ нее непріятеля. Наканунѣ сдачи Москвы 1 сентября въ Успенскомъ соборѣ среди общаго рыданія предстоявшихъ отслужена была послѣдняя воскресная литургія. „Скоро ли сподобитъ насъ Богъ опять служить въ семъ храмѣ?“ замѣтилъ Августинъ,

складывая послѣ служенія священный антиминсъ. Онъ едва успѣлъ вывезти изъ Москвы ея вѣковыя святыни—иконы Владимірскую, Смоленскую и Иверскую, такъ-же нѣкоторыя сокровища соборовъ и монастырей, дѣла консисторіи и синодальной конторы, какъ непріятельская армія начала вступленіе въ городъ и настало новое московское раззоренье, такое же, какъ 200 лѣтъ тому назадъ при Полякахъ.

Бѣдствія 1812 г. Храмы Божіи и монастыри подверглись опустошенію и поруганію безрелигіозныхъ сыновъ французской революціи. Многіе изъ нихъ были обращены въ казармы, конюшни и бойни для скота; ихъ золотыя и серебряныя вещи сливались въ слитки; оклады съ иконъ и драгоцѣнные камни съ облаченій сдирались и расхищались; св. мощи выкидывались изъ ракъ и валялись въ кучахъ разнаго хлама. Не смотря на всѣ ужасы раззоренья, многія духовныя лица не покидали своихъ церквей, старались спасать церковныя сокровища, укрывая ихъ подъ церковными крышами, подъ помостами, въ печахъ и въ землѣ, совершали по нѣкоторымъ церквамъ обычныя службы, заручившись на то дозволеніемъ французскихъ начальниковъ, напутствовали св. тайнами не успѣвшихъ выѣхать горожанъ и терпѣливо выносили отъ непріятельскихъ солдатъ всякія поруганія и страданія. Передъ выходомъ изъ Москвы Наполеонъ въ безсильной ярости велѣлъ взорвать весь московскій кремль съ его религіозными и историческими святынями. Безумное велѣніе было исполнено. Отъ 5 ужасныхъ взрывовъ кремлевскихъ стѣнъ поколебалась вся Москва; но сильный дождь скоро прекратилъ дѣйствіе пороха; большая часть стѣнъ, всѣ соборы и дворецъ съ грановитой палатой уцѣлѣли; Иванъ Великій далъ большую трещину, но устоялъ; къ общему удивленію невредимъ остался чудотворный образъ святителя Николая на стѣнѣ полуразрушенной Никольской башни,— не лопнуло даже стекло его кіота. По выходѣ непріятеля изъ Москвы оказалось, что изъ 237 московскихъ церквей 12 сгорѣли вовсе, 115 были сильно повреждены, остальныя всѣ разграблены; не менѣе пострадали 17 московскихъ монастырей. Успенскій соборъ былъ весь разграбленъ и ободранъ; раки св. мощей, кромѣ раки св. Іоны, были обнажены отъ металла; мощи св. Филиппа найдены повергнутыми на полъ; рака св. Петра открыта,—съ тѣхъ поръ мощи этого святителя, съ разрѣшенія св. Синода, такъ и оставлены открытыми. Другіе кремлевскіе соборы подверглись такому же поруганію. Въ Чудовомъ монастырѣ въ соборномъ алтарѣ былъ устроенъ кабинетъ маршала Даву; мощи св. Алексія, выброшенныя изъ собора, найдены потомъ въ кучѣ мусора въ темномъ углу паперти. Прошло много времени, пока московскія святыни были очищены отъ поруганія и возстановлены въ

прежнемъ видѣ. Вслѣдъ за выходомъ непріятеля 12 октября Москва служила въ Страстномъ монастырѣ первый благодарственный молебенъ за свое спасеніе. 25 декабря вышелъ манифестъ объ общемъ молебствіи по случаю окончательнаго изгнанія враговъ изъ Россіи. Въ 1814 г. молебствіе это установлено совершать каждогодно и Филаретомъ составлена самая служба, въ которой среди радостныхъ благодарныхъ чувствованій выражено и горькое сознаніе вреда прежнихъ галломанскихъ увлеченій: „о нихже ревновахомъ наставленіихъ, сихъ имѣяхомъ враговъ буіихъ и звѣронравныхъ".

Услыхавъ радостную вѣсть о выходѣ непріятеля изъ Москвы, м. Платонъ сказалъ, что теперь можетъ умереть спокойно,—видѣли очи его спасеніе Господне. Смерть какъ будто нарочно помедлила, чтобы дать ему эту послѣднюю радость на землѣ: 11 ноября онъ скончался, оставивъ каѳедру свою Августину, который на самомъ дѣлѣ давно уже ею управлялъ. Августинъ впрочемъ долго и послѣ этого числился только управляющимъ Московской епархіей; въ должности настоящаго московскаго архіепископа онъ былъ утвержденъ уже въ 1818 году, всего за годъ до своей смерти.

Пособія духовенству. Св. Синодъ торжественно засвидѣтельствовалъ заслуги духовенства во время нашествія непріятеля окружною граматою духовенству 1813 г. Въ слѣдующемъ году высочайшимъ манифестомъ священникамъ и архіереямъ дано было право носить учрежденные въ память 1812 г. кресты. Но самою важною заботой духовной и свѣтской администраціи было помочь духовенству раззоренныхъ мѣстностей въ его полномъ обнищаніи и возстановить разрушенныя церкви и другія зданія духовнаго вѣдомства. Кромѣ Москвы, гдѣ насчитывалось до 675 совершенно раззоренныхъ духовныхъ лицъ, раззоренію подверглась длинная и широкая полоса земель на западъ по пути слѣдованія непріятельской арміи до самой границы. На вспособленіе духовенству и возстановленіе церквей, монастырей, дух. школъ и архіерейскихъ домовъ св. Синодъ отпустилъ изъ своихъ суммъ 3,500,000 руб. Не смотря на эту жертву и на другія пожертвованія правительства и частныхъ лицъ, слѣды бѣдствій 1812 г. еще долго оставались повсюду и въ самой Москвѣ. Множество церковныхъ сокровищъ и памятниковъ древности погибло навсегда.

Сокращеніе преобразованій по духовному вѣдомству. Всего хуже было то, что вслѣдствіе множества чрезвычайныхъ расходовъ военнаго времени св. Синодъ долженъ былъ остановиться въ выполненіи реформъ, предположенныхъ въ 1808 г. Полтора милліона, пожертвованныхъ имъ до начала войны, и 3,500,000 р.

послѣ нея, взяты были изъ того самаго капитала, который назначался на оклады дух. училищъ и духовенства. Потомъ были еще другія, хотя и менѣе крупныя, пожертвованія изъ тѣхъ же суммъ: въ 1814 г. 10,000 р. на женское патріотическое общество, въ 1815 году 197,000 р. на пособіе казанскому духовенству послѣ пожара Казани, еще позднѣе въ 1821 г. 50,000 р. на пособіе Грекамъ, въ 1823—300,000 р., на выкупъ плѣнныхъ Грековъ, въ 1824—700,000 р. въ пособіе жителямъ Петербурга и духовенству послѣ наводненія. Вслѣдствіе подобныхъ пожертвованій и разныхъ недоборовъ духовно-учебный капиталъ къ 1815 г., когда онъ долженъ былъ возрасти до 24,000,000 р. слишкомъ, дошелъ едва только до 15,000,000 р., до такой суммы, на проценты которой можно было содержать однѣ только духовныя школы. Послѣ этого отъ выполненія другой части комитетскаго проекта 1808 г., отъ назначенія окладовъ на церковные причты пришлось отказаться. Съузивъ свою задачу до такихъ размѣровъ, комиссія духовныхъ училищъ, во вниманіе къ затруднительному положенію государственнаго казначейства, рѣшилась потомъ ограничиться въ своихъ расходахъ исключительно одними собственными средствами, и въ 1816 г. согласилась на прекращеніе даже обѣщанной ей ежегодной двухъ-милліонной выдачи изъ казны, испросивъ только разрѣшеніе обратиться къ монаршимъ щедротамъ на будущее время въ случаѣ нужды.

Для ревизіи раззоренныхъ западныхъ епархій и для раздачи въ нихъ пособій духовенству въ началѣ 1813 года былъ посланъ Ѳеофилактъ. Въ Могилевской епархіи ему предстояло еще произвести судъ по небывалому въ Россіи дѣлу. Тамошній архіепископъ *Варлаамъ Шишацкій*,—человѣкъ ученый и заслуженный, бывшій нѣкогда сотрудникомъ извѣстнаго дѣятеля по обращенію уніатовъ при Екатеринѣ, епископа Виктора Садковскаго, за недостаткомъ мужества при нашествіи врага сдѣлался измѣнникомъ, совершилъ въ своемъ соборѣ присягу Наполеону и увлекъ за собою значительную часть своего епархіальнаго духовенства. Св. Синодъ опредѣлилъ лишить его свящ. сана и отправить простымъ монахомъ въ Новгородъ-сѣверскій монастырь. Ѳеофилактъ исполнилъ приговоръ, но по своей страсти къ эффектамъ сдѣлалъ это съ такою грубою торжественностію, что публика невольно расположилась въ пользу несчастнаго преступника. При ревизіи другой епархіи—Смоленской своею заносчивостію и слишкомъ властными распоряженіями онъ до того обижалъ мѣстнаго епископа, ученаго Иринея Фальковскаго, что даже этотъ кроткій и незлобивый человѣкъ не вытерпѣлъ своего униженія и отпросился изъ Смоленска на свое старое мѣсто,—въ коадъюторы Кіевской епархіи. По возвращеніи въ Петербургъ Ѳеофилактъ не могъ дать

полнаго отчета въ суммахъ, ввѣренныхъ ему для раздачи духовенству. Къ этому присоединилось еще слишкомъ компрометировавшее его дѣло о переводѣ Ансильона. Всѣ эти обстоятельства по всей вѣроятности и послужили поводомъ къ тому, что, едва воротившись изъ командировки, онъ былъ внезапно высланъ изъ Петербурга въ свою Рязанскую епархію. Въ 1817 г. его послали еще дальше—въ Грузію въ должности экзарха, гдѣ онъ и жилъ до самой смерти († 1821 г.). Почти въ одно время съ нимъ былъ удаленъ на епархію другой членъ св. Синода, Меѳодій, вскорѣ переведенный изъ Твери во Псковъ. Составъ членовъ св. Синода измѣнился; одинъ Амвросій неизмѣнно оставался первенствующимъ членомъ и долженъ былъ приспособляться теперь къ новому настроенію правительства, наступившему послѣ отечественной войны.

Религіозное настроеніе государя. Послѣ отечественной войны современники замѣтили въ государѣ большую перемѣну. Съ этого времени, по его собственному признанію, развилось въ немъ отличавшее его потомъ религіозно-мистическое направленіе. „Пожаръ Москвы, говорилъ онъ въ 1818 г. прусскому епископу Эйлерту, освѣтилъ мою душу и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога, какъ Его описываетъ св. Писаніе. Искупленію Европы отъ погибели обязанъ я собственнымъ искупленіемъ“. Всѣ эти великія событія, въ которыхъ онъ былъ участникомъ, страшныя бѣдствія непріятельскаго нашествія, не менѣе страшное паденіе врага, затѣмъ высокое общеевропейское значеніе Россіи, участіе въ спасеніи цѣлой Европы—подавили впечатлительную душу Александра; главный дѣятель самъ поникъ предъ величіемъ этихъ событій и смиренно созналъ себя лишь орудіемъ высшей воли: „Не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу“, чеканилось на крестахъ и медаляхъ 1812 г. Чувства смиреннаго уничиженія себя предъ путями Промысла сдѣлались господствующими въ душѣ Александра. Онъ сталъ каждый день читать Библію и находилъ въ ней и утѣшеніе, и рѣшеніе всѣхъ недоумѣній. Въ то время, какъ министры и дипломаты смотрѣли на событія съ человѣческой точки зрѣнія и старались все устроять человѣческими силами, императоръ переносился своею религіозною мыслію въ тотъ высшій міръ, гдѣ видѣлъ средоточіе всѣхъ таинственныхъ судебъ, движущихъ и народами, и частными людьми, и гдѣ находилъ ключъ ко всѣмъ тайнамъ жизни. Въ 1813 г., среди первыхъ неудачъ въ борьбѣ съ Наполеономъ за спасеніе Европы, онъ вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ, королемъ прусскимъ, такъ же мистически настроеннымъ, сознали, какъ онъ потомъ самъ разсказывалъ Эйлерту, что только рука Всевышняго могла спасти

Германію, и рѣшились въ случаѣ благополучнаго конца войны предъ лицемъ всего свѣта сознаться, что всѣмъ своимъ успѣхомъ они обязаны одному Богу.

Сношенія съ мистиками. Долговременное пребываніе Александра за границей еще болѣе способствовало развитію его въ этомъ направленіи. Потрясающіе перевороты, какіе недавно испытала вся Европа, и здѣсь возбудили реакцію прежнему повальному либерализму и невѣрію. Болѣе всѣхъ проигрывавшіе среди революціонныхъ движеній, высшіе классы и правительства ухватились за религію, какъ за самый консервативный элементъ жизни, какъ за единственный якорь спасенія отъ утомившей всѣхъ качки и бурныхъ тревогъ прошлаго, и для того, чтобы крѣпче соединиться между собою, стали вырабатывать для себя какую-то общую религію, въ которой могли бы одинаково сойтись между собою и католики, и протестанты, и философы, и масоны, какое-то отвлеченное христіанство безъ церкви и догматовъ, уповавшее на одно внутреннее озареніе каждаго отъ самого Св. Духа. Вся Европа кишма закишѣла мистиками. Въ Пруссіи Александръ соединился въ религіозныхъ мечтаніяхъ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III. Въ Силезіи его встрѣтила община моравскихъ братьевъ и до того поразила его мягкимъ и любящимъ характеромъ своей религіозности, что онъ ставилъ ее потомъ за образецъ истиннаго христіанства. Въ Баденѣ онъ видѣлся съ первымъ авторитетомъ мистицизма Юнгомъ Штиллингомъ и долго разговаривалъ съ нимъ о томъ, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ есть доля истины, но что ни одно изъ нихъ не выражаетъ универсальнаго идеала христіанства, что болѣе другихъ, по его мнѣнію, приближается къ этому идеалу религіозность гернгутеровъ. Въ 1814 г. въ Лондонѣ онъ встрѣтился съ квакерами, бесѣдовалъ съ ними о богопротивности войнъ, о внутренней молитвѣ, ненужности для христіанина внѣшнихъ религіозныхъ формъ, самъ молился въ ихъ собраніи духовною молитвою, цѣловалъ даже руку ихъ старѣйшины Аллена и въ заключеніе всего приглашалъ ихъ къ себѣ въ Россію для устройства ланкастерскихъ школъ, тюремъ и филантропическихъ заведеній, которыми квакеры пріобрѣли тогда высокую и дѣйствительно справедливую славу. Въ 1815 г. государь познакомился съ извѣстной религіозной авантюристкой, проповѣдницей скораго наступленія царства Божія на землѣ, русской Нѣмкой баронессой *Крюднеръ*, имѣвшей на него большое вліяніе своими мистическими бесѣдами и пророчествами. Во время пребыванія своего въ Парижѣ онъ каждый день посѣщалъ ея общество, состоявшее изъ разныхъ экстатическихъ личностей, и удивлялъ всѣхъ своимъ глубокимъ смиреніемъ и почти аскетическою религіозностію.

Свящ. союзъ. Передъ отъѣздомъ изъ Франціи осенью 1815 г., достигши высшей степени доступнаго человѣку величія, онъ рѣшился выполнить свою завѣтную мысль, высказанную—въ 1813 году въ разговорѣ съ королемъ прусскимъ. „Я оставляю Францію, говорилъ онъ г-жѣ Крюднеръ, но до отъѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и св. Духу хвалу, которой мы обязаны Ему, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелія. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ богопочтенія, дабы люди видѣли, что мы, какъ восточные маги, признаемъ верховную власть Бога Спасителя". Такъ явился актъ пресловутаго священнаго союза трехъ государей—представителей трехъ главныхъ вѣроисповѣданій Европы, представляющій собою замѣчательное выраженіе тогдашняго отвлеченно-мистическаго христіанства. Содержаніе этого акта (составленнаго самимъ Александромъ) съ политической стороны было такъ же неуловимо и отвлеченно, какъ и та универсальная евангельская религія, которая была положена въ его основу. Тутъ говорилось, что государи, соединясь между собою узами братства съ обязательствами взаимной во всемъ поддержки, согласились: „какъ въ управленіи своими подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, подданныхъ своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира". Актъ этотъ подписали и другіе государи Европы, кромѣ турецкаго, англійскаго и еще папы римскаго. Императоръ Александръ былъ въ восторгѣ отъ св. союза, говорилъ, что „онъ есть дѣло Божіе", что мысли и чувства, объявленныя въ его актѣ, внушены самимъ Искупителемъ. Списки съ манифеста о союзѣ велѣно было выставить во всѣхъ церквахъ имперіи; духовенству указано заимствовать изъ него мысли въ свои проповѣди. Но люди положительные, читавшіе актъ союза съ опредѣленными политическими вопросами, тогда же приходили въ недоумѣніе, что значатъ въ немъ всѣ эти слишкомъ общія фразы, какого собственно направленія порѣшили держаться государи въ своемъ отеческомъ попеченіи о народахъ и въ какомъ именно изъ множества разнородныхъ смысловъ угодно имъ понимать евангельскій духъ своего союза, наконецъ не скрываются ли подъ этими, почти безсодержательными выраженіями столь важнаго акта какія либо заднія мысли, которыхъ нельзя было формулировать ясно. Логика современныхъ отношеній и событій не замедлила оправдать эти опасенія.

Реакціонная политика св. союза. Дѣло въ томъ, что по успокоеніи Европы большая часть правительствъ, приставшихъ къ св. союзу, спеціально занялись у себя въ государствахъ возста-

новленіемъ старыхъ порядковъ, которые и были прежде причиной всѣхъ государственныхъ потрясеній и которые во время борьбы съ Наполеономъ они обѣщались своимъ народамъ замѣнить болѣе свободными учрежденіями. Не видя исполненія этихъ обѣщаній, народы подняли ропотъ и революціонное волненіе снова охватило всю Европу. Среди такихъ обстоятельствъ торжественныя обязательства св. союза касательно взаимной поддержки государей оказались какъ разъ на руку всѣмъ реакціоннымъ правительствамъ, которыя поэтому и поспѣшили воспользоваться ими, направивъ всѣ силы союза прямо къ поддержанію своей реакціонной политики и сдѣлавъ его какимъ-то своекорыстнымъ комплотомъ правителей противъ народовъ. Религіозная подкладка его принциповъ повела только къ тому, что религія, къ крайней для нея невыгодѣ, сдѣлалась служебнымъ орудіемъ самой непопулярной политической системы и дала послѣдней возможность простирать свой гнетъ не только на гражданскую жизнь народовъ, но и на свободу ихъ мыслей и убѣжденій. Александръ, конечно вовсе не ожидавшій такихъ практическихъ результатовъ отъ своихъ восторженно-религіозныхъ и либерально-безкорыстныхъ идей, очутился въ самомъ трагическомъ положеніи. Будучи самъ приверженцемъ свободныхъ учрежденій, образчикъ которыхъ онъ показалъ въ своемъ собственномъ государствѣ, въ конституціонномъ устройствѣ Польши, онъ въ то же время никакъ не могъ встать прямо на сторонѣ народныхъ требованій, тѣмъ болѣе что послѣднія по обстоятельствамъ выражались въ ненавистной для него революціонной формѣ, а, какъ членъ, какъ глава св. союза, непремѣнно долженъ былъ стоять за государей, скрѣпя сердце, участвовать и во всѣхъ грубыхъ репрессивныхъ мѣрахъ, какія они опредѣляли противъ народныхъ движеній на своихъ конгрессахъ. Онъ хорошо видѣлъ, что теряетъ чрезъ это всякое обаяніе въ глазахъ либеральныхъ партій Европы, но въ то же время не видалъ къ себѣ довѣрія и между представителями европейской реакціи, которые въ свою очередь никакъ не могли примириться съ его почтенною многосторонностію, съ его умѣньемъ говорить правду и въ ту и въ другую сторону, никакъ не могли понять его одинаково искренняго отвращенія и отъ грубыхъ революцій, и отъ грубыхъ реакціонныхъ мѣръ, его постоянныхъ настояній на снисходительности къ народнымъ требованіямъ, на взаимныхъ уступкахъ съ обѣихъ сторонъ для спокойнаго и полюбовнаго примиренія крайностей, и потому считали его опаснымъ для себя либераломъ.

Съ 1821 г. положеніе его сдѣлалось особенно тяжко. Въ Турціи вспыхнуло *греческое возстаніе.* Въ борьбѣ за независимость Грекамъ всего естественнѣе было разсчитывать на сочувствіе единовѣрной Россіи и ея благочестиваго императора; можно было надѣ-

яться и на содѣйствіе св. союза, который не даромъ же былъ основанъ на „евангельскихъ“ принципахъ и о которомъ въ Турціи прямо думали, что онъ противъ нея именно и направленъ. На дѣлѣ вышло не такъ: св. союзъ взглянулъ на возстаніе Грековъ съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ на всѣ другія европейскія революціи, и всталъ противъ Грековъ за Турцію; той же политики вынужденъ былъ держаться и русскій императоръ. Страшныя жестокости Турокъ надъ Греками, кровавыя сцены въ Константинополѣ и другихъ городахъ, звѣрское убіеніе патріарха *Григорія* въ самый день пасхи 1821 г. и нѣсколькихъ другихъ греческихъ іерарховъ взволновали противъ Турокъ все русское общество. Самъ Александръ говорилъ про себя, что „изъ всѣхъ Русскихъ онъ одинъ только противится войнѣ съ Турціею“ и что „ничего не могло быть выгоднѣе для Россіи, какъ эта война“, —и все-таки долженъ былъ предоставить Грековъ ихъ собственнымъ силамъ. Это была самая дорогая съ его стороны жертва ради св. союза, который вовсе ея не стоилъ. А пока онъ совершалъ эту жертву, Англія, не примыкавшая къ союзу, успѣла обольстить Грековъ надеждами на свою помощь и, захвативъ весь восточный вопросъ въ свои руки, надолго отбила у Россіи все ея прежнее значеніе на востокѣ. Въ Россіи всѣ осуждали политику государя. Страшное петербургское наводненіе 1824 г. въ народѣ прямо приписывали гнѣву Божію за отказъ Грекамъ въ помощи

Вліяніе реакціонной политики не замедлило простереться и на *внутреннюю жизнь Россіи.* Александръ не оставилъ либеральныхъ убѣжденій своей молодости, но долгое пользованіе усиленною диктаторскою властію въ годину бѣдствій государства и долгое стояніе во главѣ государей Европы все-таки не могли пройти для него безслѣдно. Еще въ 1815 г. по возвращеніи его изъ-за границы всѣ замѣтили, что онъ перемѣнился, потерялъ прежнее благодушіе, сталъ взыскательнѣе и подозрительнѣе. Близкое участіе въ реакціонной политикѣ св. союза измѣнило его еще болѣе. Представители этой политики старались конечно всячески втянуть его въ свои интересы, при всякомъ случаѣ внушая ему, что революціонные элементы, съ которыми св. союзъ боролся въ Европѣ, не менѣе сильны и въ самой Россіи. Не замедлили явиться подобныя же внушенія и отъ своихъ ревнителей власти, старавшихся быть монархичнѣе самого монарха. Личное отвращеніе гуманнаго государя отъ всякихъ суровыхъ мѣропріятій повело только къ тому, что онъ передалъ такія мѣропріятія въ руки людей наиболѣе къ нимъ склонныхъ и этимъ содѣйствовалъ еще большему развитію ихъ суровости, которую въ противномъ случаѣ могло бы значительно смягчать его доброе и нѣжное сердце. Вмѣсто прежнихъ

либеральныхъ сотрудниковъ первой половины его царствованія, самымъ приближеннымъ къ нему лицемъ видимъ извѣстнаго графа *Аракчеева*.—Не менѣе сильное вліяніе на внутреннюю жизнь Россіи имѣла и религіозная сторона новой политики. Религіозное настроеніе государя оказало могущественное дѣйствіе на настроеніе всего высшаго общества и администраціи. Прежняго вольнодумства, которое еще недавно было въ такой силѣ при дворѣ, точно не бывало. Кто и не былъ благочестивъ, теперь старался по крайней мѣрѣ казаться благочестивымъ. Дворъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, довѣрчиво склонявшей свой слухъ ко всему таинственному, тоже наполнился экстатическими и мистически настроенными дамами, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большое вліяніе и на нее и на государя, наприм. княгиня Голицына, кн. Мещерская, гр. Толстая, Хвостова, фрейлина Стурдза. Такое же настроеніе стало господствовать между людьми, занимавшими разные начальственные посты; ряды новыхъ государственныхъ дѣятелей, старавшихся быть монархичнѣе монарха, пополнились еще такими дѣятелями, которые, принявшись за устройство на землѣ царствія Божія, считали себя религіознѣе самой церкви. Кн. Голицынъ, обратившійся къ религіи нѣсколько раньше государя, со всѣхъ сторонъ окружилъ себя мистиками всякихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, сталъ покровительствовать всевозможнымъ религіознымъ сектамъ и, при всей искренности своего благочестія, причинялъ церкви гораздо болѣе тревогъ, чѣмъ даже тѣ, которые не обращали на религію никакого вниманія и вовсе не мнили себя приносящими службу Богу. Спеціальными органами подобныхъ ревнителей новаго христіанства и принциповъ св. союза сдѣлались россійское Библейское общество и новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Библейское общество. Прототипомъ русскаго Библейскаго общества было Библейское общество Англіи, основанное методистами, квакерами и др. сектантами мистическаго пошиба въ 1804 г. съ цѣлію самаго широкаго и дешеваго распространенія св. Писанія на разныхъ языкахъ среди народовъ всякихъ вѣроисповѣданій. Первымъ подражаніемъ британскому обществу въ Россіи было Библейское общество, основанное въ 1811 г. въ Финляндіи. Потомъ въ концѣ 1812 г. англійскіе методисты явились въ Петербургъ и черезъ кн. Голицына стали хлопотать объ основаніи такого же общества въ самой Россіи, на первыхъ порахъ только для распространенія Библіи между живущими въ Россіи иностранцами и инородцами и только на ихъ языкахъ. Государь отнесся къ этому предпріятію весьма сочувственно и самъ записался въ члены общества съ ежегоднымъ взносомъ въ 10,000 и единовременнымъ въ 25,000 р. Первое собраніе общества про-

исходило 11 января 1813 г. въ домѣ Голицына въ присутствіи множества сановниковъ, духовныхъ особъ разныхъ вѣроисповѣданій и агентовъ британскаго общества —пасторовъ *Патерсона* и *Пинкертона*, сдѣлавшихся главными заправителями всего дѣла. Русское общество, по примѣру британскаго, приняло за правило печатать библейскія книги безъ всякихъ изъясненій и примѣчаній, чтобы устранить изъ своихъ изданій всякія вѣроисповѣдныя особенности, и вообще организовалось, какъ общество универсально-религіозное, не принадлежащее ни къ одной церкви вчастности. Въ комитетъ, завѣдывавшій его дѣлами, въ первый годъ его существованія духовныя лица—представители разныхъ церквей —даже вовсе не были допущены, и только въ слѣдующемъ 1814 г., когда общество получило отъ государя право издавать Библію для самихъ Русскихъ на славянскомъ языкѣ, въ число членовъ комитета избраны были нѣсколько архіереевъ въ званіи вице-президентовъ, архимандритъ и протоіерей въ званіи директоровъ, но въ то же время въ тѣхъ же званіяхъ въ него допущены были и представители духовенства инославнаго, католическаго, уніатскаго и протестантскаго; предсѣдателемъ его и прежде и послѣ было лицо свѣтское,—кн. Голицынъ. Изданія общества выходили въ свѣтъ только съ одобренія его духовныхъ членовъ, безъ участія св. Синода.

Заслуги Библейскаго общества. Дѣла общества пошли самымъ блестящимъ образомъ. Отдѣленія и товарищества его умножались съ каждымъ годомъ и сплошною сѣтью охватили всю имперію до самыхъ отдаленныхъ ея угловъ. Его имущество (состоявшее въ деньгахъ, домахъ, книгахъ, типографскихъ принадлежностяхъ) къ концу царствованія простиралось до 2,000,000 р., не смотря на громадные ежегодные расходы на изданіе книгъ и даровую ихъ раздачу бѣднымъ. Оно повсюду отыскивало способныхъ переводчиковъ на разные языки и каждый годъ печатало ихъ труды въ нѣсколькихъ типографіяхъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Вильнѣ, Астрахани и проч.), такъ что къ 1825 г. общая цифра его изданій, болѣе чѣмъ на 40 языкахъ и нарѣчіяхъ, доходила до 876,000 экземпляровъ Библіи и разныхъ ея частей; одной славянской Библіи по 1823 г. было выпущено въ свѣтъ 7 изданій въ 4 долю и 15 въ 8. Ежегодные печатные отчеты и ежемѣсячныя извѣстія общества восторженно извѣщали объ успѣхахъ библейскаго дѣла и о дѣйствіяхъ слова Божія на сердца его читателей. Государь тоже былъ въ восторгѣ отъ успѣховъ общества и въ 1815 г. задалъ ему новую важную задачу: „доставить и Россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ россійскомъ языкѣ“. Исполняя волю государя, св. Синодъ поручилъ комиссіи духовныхъ училищъ найти для этого нужныхъ

переводчиковъ и опредѣлилъ печатать ихъ труды по принятому порядку,—съ одобренія духовныхъ членовъ самого Библейскаго общества. Сначала трудами ректора петербургской академіи Филарета, преподавателей—священника *Г. Павскаго* и архим. *Моисея* и ректора семинаріи *Поликарпа* переведены Евангелія. Изданіе ихъ въ 1818 г. (въ два столбца съ русскимъ и славянскимъ текстомъ) возбудило всеобщій восторгъ, выразившійся въ письмахъ къ обществу отъ разныхъ архіереевъ и въ быстрой распродажѣ книгъ. Въ 1819 г. вышло еще два изданія и третье съ книгой Дѣяній. Въ 1821—1822 гг. явились два изданія полнаго Новаго Завѣта. Всѣхъ экземпляровъ выпущено до 111,000, а въ 1823—еще 25,000 на одномъ русскомъ языкѣ. Въ 1820 г. московской и кіевской академіямъ порученъ переводъ Ветхаго Завѣта. Изъ этого перевода въ 1822 г. напечатанъ особо русскій переводъ Псалтири, надъ которымъ особенно потрудился Филаретъ, и по 1823 г. разошелся въ числѣ 12 изданій и 100,000 экземпляровъ. Переводъ остальныхъ книгъ В. Завѣта затянулся; въ ноябрѣ 1825 г. былъ конченъ печатаніемъ первый томъ русской Библіи до книги Руѳь включительно, но не былъ выпущенъ въ свѣтъ „впредь до разрѣшенія", котораго такъ и не послѣдовало за скорой кончиной государя и закрытіемъ самого общества. Кромѣ главной задачи—распространенія св. Писанія, русское Библейское общество, по примѣру британскаго, старалось выполнять еще разныя другія просвѣтительныя и филантропическія задачи. Члены его принимали живѣйшее участіе въ распространеніи ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія и занимались изданіемъ религіозныхъ книгъ и дешевыхъ брошюръ для народа. Въ 1813—1826 гг. кн. *С. Мещерская* издала болѣе 90 такого рода брошюръ въ 400,000 экземплярахъ слишкомъ, издержавъ на этотъ предметъ до 10,000 р. своихъ и 12,000 р., пожертвованныхъ государемъ. Филантропическая дѣятельность общества много напоминала такую же дѣятельность масонства во дни Новикова и Шварца. Члены его были дѣятельнѣйшими участниками во всѣхъ благотворительныхъ подпискахъ и обществахъ, наприм. въ обществахъ патріотическомъ для помощи раззореннымъ войною 1812 г., императорскомъ человѣколюбивомъ и женскомъ благотворительномъ (съ 1816 г.), въ попечительствѣ о тюрьмахъ и т. д.

Заслуги Библейскаго общества были неоспоримы, но оно имѣло и *темныя стороны*, которыя отвращали отъ него многихъ лучшихъ людей времени. Не смотря на высокую святость своей задачи, оно по самому происхожденію своему было „дѣломъ отъ человѣкъ", и притомъ продуктомъ даже не общественной жизни, какъ Библейское общество Англіи, а искусственнымъ произведе-

ніемъ разныхъ представителей администраціи. Воззванія комитета общества, покровителемъ котораго состоялъ самъ государь, членами котораго были министры, сенаторы, вельможи, подписывавшіеся обыкновенно со всѣми своими титулами, повсюду получали значеніе какихъ-то административныхъ циркуляровъ. Въ губерніяхъ во главѣ отдѣленій общества становились лица тоже административныя,—губернаторы, архіереи, начальники войскъ, предводители дворянства, начальники учебныхъ заведеній, почтмейстеры и т. д. Отъ нихъ приглашенія къ участію въ дѣлахъ общества шли къ уѣзднымъ городничимъ и протоіереямъ, а отъ этихъ въ волости и приходы чрезъ помѣщиковъ, капитанъ-исправниковъ и благочинныхъ. Очень естественно, что отзывы на подобныя воззванія и приглашенія повсюду получали характеръ подначальной исполнительности, и дѣло Библейскаго общества изъ общественно-религіознаго превращалось въ казенное. Корреспонденціи въ комитетъ нерѣдко имѣли самую откровенную форму исполнительныхъ донесеній по начальству. Разныя пожертвованія на библейское дѣло тоже иногда выразительно обнаруживали свой мало добровольный характеръ, наприм. пожертвованія отъ крестьянскихъ обществъ, по безграмотности едва ли и понимавшихъ важность этого дѣла, или пожертвованія отъ полковъ, равнявшіяся чуть не цѣлому годовому окладу солдатскаго жалованья, и отъ дѣтскихъ библейскихъ товариществъ по школамъ. Не мудрено, что въ возбужденномъ такимъ образомъ библейскомъ движеніи явилось не мало и лицемѣрія. Самъ даже государь имѣлъ случаи лично убѣждаться въ этомъ. Существуетъ наприм. такой разсказъ. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ по Россіи онъ увидалъ на одной станціи развернутый Новый Завѣтъ и, получивъ самыя благочестивыя завѣренія отъ смотрителя станціи въ любви къ чтенію слова Божія, тайно вложилъ въ книгу сторублевую ассигнацію; на возвратномъ пути онъ узналъ отъ благочестиваго любителя слова Божія, что чтеніе его уже далеко перешло за ассигнацію, но, открывъ книгу, нашелъ деньги на прежнемъ мѣстѣ; послѣ этого онъ взялъ ихъ назадъ, сказавъ уличенному лицемѣру: „ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ“. Конечно, много было людей искренно преданныхъ слову Божію, но еще больше разводилось такихъ, которые искали не царствія Божія, а именно того, что приложится, разныхъ благостынь отъ заботившихся о царствѣ Божіемъ начальствъ. Духъ ханжества сильно распространился и въ обществѣ, и особенно въ служебныхъ сферахъ. Губернаторы, полковые командиры и др. начальства начали говорить подчиненнымъ проповѣди со множествомъ текстовъ и въ мистико-піэтистическомъ вкусѣ библейскихъ дѣятелей. Корреспонденціи въ комитетъ общества старались всячески вы-

ставить на видъ благочестіе своихъ авторовъ, ихъ безмѣрную любовь къ слову Божію, необыкновенное дѣйствіе его на ихъ сердца, ихъ особенное стремленіе къ распространенію Библіи для утоленія духовнаго глада своихъ ближнихъ и т. п. Даже язычники и мухаммедане инородцы извѣщали, что они тоже жаждутъ слова Божія и что оно и на нихъ дѣйствуетъ, какъ слѣдуетъ. Огромный расходъ библейскихъ книгъ, по мнѣнію тогдашнихъ порицателей общества, вовсе не обозначалъ того, чтобы эти книги читались съ жаромъ, а повелъ лишь къ тому, что онѣ „теряли важность свою“, валялись зря по шинкамъ, кабакамъ и подобнымъ мѣстамъ и употреблялись на обертки.

Отношеніе Библейскаго общества къ церкви. Кромѣ этихъ темныхъ сторонъ, была еще одна такая же сторона въ дѣятельности Библейскаго общества, которая уже прямо касалась интересовъ православной церкви. Православные люди ничего не имѣли серьезнаго ни противъ распространенія слова Божія, ни противъ его разноязычныхъ переводовъ; но они не могли быть довольны тѣмъ, что отъ такого важнаго церковнаго дѣла отстраненъ былъ св. Синодъ и что оно цѣликомъ попало въ руки общества, которое само выставляло себя не принадлежащимъ ни къ какой церкви. Коноводы общества видѣли въ дѣятельности его какое-то новое изліяніе св. Духа на всяку плоть и увѣряли, что съ помощію его изданій христіанству легко можно будетъ расторгнуть какія-то свои „обветшалыя пелены“, обойтись совсѣмъ безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ. Духовныя лица православной церкви были допущены къ участію въ немъ на равныхъ правахъ съ духовенствомъ всякихъ другихъ вѣроисповѣданій. Разносоставность комитета общества и его главная задача издавать книги библейскія безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ примѣчаній прямо показывали, что общество считаетъ себя выше всѣхъ частныхъ церквей, считаетъ эти церкви, въ томъ числѣ и православную, только неполными, узкими и болѣе или менѣе искаженными формами одного универсальнаго христіанства и хочетъ работать въ интересахъ именно этого послѣдняго. Въ отчетѣ общества за 1818 г. даже прямо говорилось: „Небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посредствомъ Библейскихъ обществъ въ великомъ христіанскомъ семействѣ, открываетъ прекрасную зарю брачнаго дня христіанъ и то время, когда будетъ единъ Пастырь и едино стадо, когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ различнаго образованія христіанскихъ исповѣданіяхъ.“ Забвеніе правъ господствующей церкви и того, что она есть часть церкви православно-каѳолической, не имѣющей выше себя никакого идеала, было полное. Для завзятыхъ библейскихъ дѣятелей выше нея стояло даже британское Биб-

лейское общество, которому они покланялись до обожанія. Секретарь русскаго общества В. Поповъ, командированный Голицынымъ въ Англію, въ докладѣ о своемъ посольствѣ восторженно сравнивалъ выпавшій ему жребій предстать предъ лицемъ англійскихъ библейскихъ дѣятелей съ жребіемъ боговидца Моисея. Англійскіе дѣятели въ рѣчахъ на своихъ собственныхъ библейскихъ собраніяхъ выражали съ своей стороны твердую надежду на то, что, благодаря дѣятельности русскаго Библейскаго общества, Россія скоро будетъ наслаждаться всѣми благами реформаціи, что „свободное проповѣданіе истины, открывая Греческой церкви ея собственныя заблужденія, оживотворитъ ея вѣру" и что будущая реформація въ Россіи, какъ солнце, озаритъ „равнымъ свѣтомъ какъ хижину Сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ". Не мудрено, что къ обществу льнуло все, что только искало себѣ спасенія внѣ церкви, и оно сдѣлалось средоточіемъ и безопаснымъ покровомъ всевозможныхъ сектъ, разплодившихся по имперіи. Просвѣтительная дѣятельность библейцевъ, состоявшая въ изданіи религіозныхъ книгъ, обратилась въ настоящую пропаганду мистицизма и наполнила русскую литтературу цѣлой массой мистическихъ книгъ. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ изданіи библейскихъ переводовъ, общество старалось отстранять отъ себя всякій надзоръ со стороны церковной власти и печатало свои книги съ разрѣшенія одной свѣтской цензуры помимо духовной.

Съ 1817 г. ревнители новаго христіанства усилились еще болѣе, пріобрѣтя для своей дѣятельности новый органъ и на этотъ разъ уже не общественнаго характера, какой имѣло, по крайней мѣрѣ по внѣшности, Библейское общество, а характера прямо государственнаго, съ административною властью: манифестомъ 24 октября этого года создано было обширное *двойное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія*. По своей задачѣ оно было вѣрнымъ отголоскомъ недавно заключеннаго св. союза,— должно было служить къ осуществленію самой завѣтной мысли благочестиваго императора устроить все народное просвѣщеніе на началахъ христіанскихъ. Министромъ этого министерства поставленъ былъ, разумѣется, тотъ же кн. Голицынъ, который въ глазахъ государя былъ такимъ незамѣнимымъ спеціалистомъ по части всякаго рода религіозныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ министерство сейчасъ же стало отождествляться съ Библейскимъ обществомъ. По двумъ разнымъ предметамъ своего вѣдомства оно было раздѣлено на два департамента,—духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Первый былъ ввѣренъ мистику *А. Тургеневу*, бывшему въ тоже время секретаремъ библейскаго комитета, другой—другому

секретарю того же комитета, совершенному хлысту — *В. Попову*. Попечители округовъ по министерству просвѣщенія, графъ *Ливенъ* дерптскій, *Руничъ* петербургскій, кн. *Оболенскій* московскій, *Магницкій* казанскій, *Карнѣевъ* харьковскій, были вицепрезидентами или директорами комитета; другіе чиновники министерства по главному управленію училищъ и ученому комитету,—Кавелинъ, Фусъ, Адеркасъ, Стурдза, Мартыновъ и проч., состояли при Библейскомъ обществѣ въ качествѣ его членовъ. Новое министерство очевидно должно было дѣйствовать совершенно въ томъ же направленіи, какъ и Библейское общество, и потому ничего не обѣщало впереди добраго ни для просвѣщенія, ни для церкви.

Практика министерства по народному просвѣщенію. Библейское общество особенно возставало противъ унаслѣдованнаго отъ XVIII в. религіознаго вольнодумства; отъ того въ засѣданіяхъ его постоянно раздавались горячіе возгласы противъ лжеименнаго разума, бывшіе продолженіемъ такихъ же возгласовъ масоновъ и мистиковъ XVIII в. и, вслѣдствіе слабаго знакомства ораторовъ съ наукою, не рѣдко такіе же легкомысленные, какъ тѣ. Возгласы эти теперь цѣликомъ переносились въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ они могли имѣть не одно уже только ораторское значеніе, и понятно, что изъ этого должно было выйти. А тутъ, какъ разъ къ этому времени, въ Германіи поднялись политическія волненія университетовъ, обратившія на себя безпокойное вниманіе всѣхъ членовъ св. союза и вызвавшія противъ университетовъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. Доказательство пагубности лжеименнаго разума было на лицѣ. Поэтому русское министерство поспѣшило принять такія же мѣры и въ отношеніи къ своимъ русскимъ университетамъ; но такъ какъ здѣсь начинался только еще первый полуграматный лепетъ науки и не было никакихъ не только движеній, но и мыслей политическихъ, то ему пришлось заняться пока лишь предотвращеніемъ въ русскомъ просвѣщеніи однихъ антирелигіозныхъ началъ, какія въ немъ думали усматривать ревнители, и устроеніемъ его на началахъ св. союза. Ученый комитетъ при управленіи училищъ получилъ инструкцію строжайшимъ образомъ слѣдить за согласіемъ преподаванія съ вѣрою и устранять въ учебныхъ курсахъ всякія мысли несогласныя съ св. Писаніемъ, даже напр. такія, какъ мысль о вращеніи земли вокругъ солнца. Изъ преподаванія изгонялись цѣлыя науки, признанныя неблагонадежными. Комитетская цензура находила сомнительныя мѣста въ самыхъ невинныхъ книгахъ, назначавшихся для школьнаго употребленія, наприм. во Всеобщей Исторіи Кайданова. Практическое же осуществленіе новой программы просвѣщенія въ самихъ учебныхъ заведеніяхъ повело здѣсь къ самой опасной профанаціи религіи предъ моло-

дымъ поколѣніемъ. Такого рода просвѣтительной практикѣ прежде всѣхъ подвергся казанскій учебный округъ въ попечительство Магницкаго (съ 1819 г.), сдѣлавшагося своего рода историческою знаменитостію. Его примѣру послѣдовали потомъ петербургскій попечитель Руничъ и другіе. Точно такое же тяжелое вліяніе новое министерство имѣло и на русскую литтературу. Обходя законы цензуры въ своихъ собственныхъ изданіяхъ, дѣятели этого министерства зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы литтература не пропускала въ свѣтъ мыслей противнаго имъ лагеря. Прямая полемика противъ мистическихъ писателей была совершенно невозможна. Нѣкто Смирновъ, переводчикъ московской медицинской академіи, началъ было писать противъ нихъ обширныя опроверженія и обратился за дозволеніемъ печатать свои труды къ самому государю, но его полемическій жаръ поспѣшили охладить;—какъ человѣкъ неблагонадежный, онъ подвергся гоненію, лишился службы и долженъ былъ съ семействомъ жить милостыней около разныхъ православныхъ вельможъ и другихъ христолюбцевъ. Съ такою нетерпимостью сильнаго министерства приходилось тяжело считаться и представителямъ православной церкви. Обвиняя въ вольнодумствѣ всѣхъ несогласныхъ съ ученіемъ новаго универсальнаго христіанства, поборники послѣдняго не замѣчали въ своемъ торжествѣ, что тѣ же самыя обвиненія, которыми они поражали другихъ, еще съ большею справедливостью прилагались къ нимъ самимъ съ точки зрѣнія церковной, что религія ихъ не есть религія православная, а продуктъ измышленій того же самаго лжеименнаго разума, противъ котораго они такъ горячо ратовали; неправда и здѣсь, какъ всегда, солгала себѣ. При перемѣнѣ обстоятельствъ всѣ эти обвиненія дѣйствительно и обратились противъ нихъ съ той же силою и почти въ той же формѣ смѣнившими ихъ другими ревнителями.

Отношеніе двойнаго министерства къ церкви. Самое учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ въ глазахъ православныхъ людей было униженіемъ православной церкви, забвеніемъ ея испоконныхъ правъ въ православномъ Русскомъ государствѣ. Въ основу всей организаціи его вѣдомства положенъ былъ тотъ же религіозный космополитизмъ, какой лежалъ въ основаніи Библейскаго общества. Во главѣ его департамента духовныхъ дѣлъ поставленъ былъ одинъ изъ крайнихъ представителей религіознаго универсализма—Тургеневъ, а при самомъ министрѣ ближайшимъ совѣтникомъ по духовнымъ дѣламъ сдѣлался старый масонъ Кошелевъ, покровитель всѣхъ мистиковъ, магнетизеровъ и др. темныхъ личностей, постоянно толпившихся въ его домѣ. Св. Синодъ въ вѣдомствѣ этого департамента поставленъ былъ совершенно на такомъ же положеніи, какъ евангелическая консисторія, римско-

католическая коллегія, духовныя управленія Армянъ, Евреевъ и т. д. Въ довершеніе всего, сдѣлавшись министромъ, кн. Голицынъ передалъ свою прежнюю оберъ-прокурорскую должность при св. Синодѣ другому лицу, кн. *Мещерскому*, и поставилъ его въ подчиненіе себѣ. Св. Синодъ былъ явно униженъ, такъ какъ оберъ-прокуроръ представлялъ въ немъ лице уже не государя, какъ установлено при самомъ началѣ синодальнаго правленія въ Русской церкви, а только министра. Тургеневъ на каждомъ шагу давалъ синодаламъ чувствовать превосходство надъ ними своего департамента. Самъ Голицынъ подъ вліяніемъ своей громадной власти надъ представителями церковной администраціи все болѣе и болѣе сталъ измѣнять своему благодушію и добротѣ, сдѣлался деспотиченъ и дозволялъ себѣ въ отношеніи къ митрополиту и архіереямъ очень обидныя рѣзкости.

Увольненіе м. Амвросія. Въ первый же годъ своего двойнаго министерства онъ показалъ свою силу на м. Амвросіѣ. Осторожный и уклончивый святитель долго поддерживалъ хорошія отношенія съ министромъ, снисходя къ его слабостямъ и стараясь попадать ему въ тонъ. При его предшественникѣ Яковлевѣ митрополитъ былъ наприм. совершенно противъ предложеннаго тогда перевода св. Писанія на русскій языкъ, находя, что нѣкоторая прикровенность слова Божія даже полезна для народа; при Голицынѣ, сдѣлавшись членомъ Библейскаго общества, онъ самъ содѣйствовалъ этому переводу. Долго молчалъ онъ и въ виду мистическихъ увлеченій сильнаго оберъ-прокурора. Но послѣднія перемѣны въ администраціи, слишкомъ уже далеко зашедшее торжество мистицизма, умноженіе самыхъ безумныхъ сектъ и совращеній всякаго рода наконецъ пересилили его терпѣніе и побудили его высказаться, послѣ чего министръ нашелъ его несоотвѣтствующимъ занимаемому имъ посту и постарался отъ него избавиться, воспользовавшись первымъ попавшимся поводомъ. Въ Крещенье 1818 г. старецъ митрополитъ, любившій пышность въ священнослуженіи, явился на Іорданъ въ тепломъ облаченіи, подбитомъ горностаями изъ покрововъ, которыми были покрыты при погребеніи тѣла царскихъ дочерей Маріи и Елизаветы, скончавшихся въ младенчествѣ. Голицынъ донесъ, что митрополитъ служилъ въ царскомъ одѣяніи, такъ какъ горностаевый мѣхъ присвоенъ былъ только лицамъ царской фамиліи, и подвелъ его подъ гнѣвъ государя, вѣроятно уже и раньше достаточно предубѣжденнаго противъ Амвросія. Государь стороною далъ знать митрополиту, чтобы просилъ себѣ увольненія въ Новогородскую епархію. Въ Новгородѣ Амвросій прожилъ очень недолго: 26 марта былъ уволенъ изъ Петербурга, а 21 мая скончался.

На его мѣсто переведенъ изъ Чернигова архіепископъ *Михаилъ Десницкій.* Онъ былъ однимъ изъ воспитанниковъ бывшаго Дружескаго масонскаго общества, учился на счетъ этого общества въ московскомъ университетѣ и въ академіи и на всю жизнь сохранилъ нѣкоторый мистическій оттѣнокъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, нисколько впрочемъ не вредившій чистотѣ его православія. По окончаніи курса онъ долгое время служилъ священникомъ при московской церкви Іоанна Воина и славился своими сердечными поученіями. Въ 1796 г. онъ постригся въ монашество и былъ сначала юрьевскимъ архимандритомъ, потомъ епископомъ старорусскимъ (1801), наконецъ въ 1802 г. переведенъ на черниговскую каѳедру. Это былъ пастырь добрый, кроткій, доступный для всѣхъ нуждавшихся, отличавшійся щедрою благотворительностью, терпѣть не могъ между духовенствомъ тяжебъ, ссоръ и кляузъ, старался всѣхъ ссорившихся полюбовно мирить между собою и завелъ для этого особые третейскіе суды. Назначая его въ преемники Амвросію, кн. Голицынъ по всей вѣроятности не мало разсчитывалъ на его обычную кротость и уступчивость, но очень скоро долженъ былъ убѣдиться, что, кроткій и уступчивый въ своихъ личныхъ дѣлахъ, новый митрополитъ умѣлъ быть пастыремъ твердымъ, когда дѣло касалось интересовъ православія.

Какъ разъ во время его первосвятительства дружина ревнителей православія, доселѣ въ тиши собиравшая свои силы, начала открыто выражать свое негодованіе на вредное направленіе министерства и выступать въ открытую борьбу съ мистиками. Ректоръ петербургской семинаріи архим. *Иннокентій Смирновъ,* извѣстный своею ученостію, подвижническою жизнію и строгимъ православіемъ, отказался отъ званія члена Библейскаго общества; этого мало,—напалъ на главный органъ современнаго мистицизма—Сіонскій Вѣстникъ, издававшійся близкимъ къ кн. Голицыну *Лабзинымъ,* вице-президентомъ академіи художествъ и однимъ изъ директоровъ Библейскаго общества, и написалъ въ князю рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: „Вы нанесли рану церкви, вы ее и уврачуйте". Михаилъ постарался кончить это дѣло миромъ, заставивъ Иннокентія извиниться предъ разгнѣваннымъ Голицынымъ. Изданіе Сіонскаго Вѣстника однако послѣ этого скоро прекратилось (въ іюнѣ 1818 г.), потому что министръ, убѣжденный нѣкоторыми лицами (Стурдзою), подчинилъ его духовной цензурѣ, послѣ чего Лабзинъ грубо отказался отъ изданія, говоря, что „не пойдетъ на судъ въ людямъ, которые затворяютъ дверь царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда". Только лишь уладилось это дѣло, какъ поднялось другое. Нѣкто *Станевичъ,* по поводу смерти ребенка у

знакомаго ему статсъ-секретаря Кинина, написалъ въ утѣшеніе родителей книгу: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, въ которой излилъ все свое негодованіе противъ распространявшагося въ обществѣ мистицизма. Иннокентій, бывшій духовнымъ цензоромъ, пропустилъ эту книгу въ печать. Сочиненіе было не далекое, но произвело страшную бурю въ кружкѣ мистиковъ. Голицынъ представилъ книгу государю и испросилъ на нее запрещеніе, о которомъ въ началѣ 1819 г. и объявилъ коммиссіи дух. училищъ съ строгимъ замѣчаніемъ за цензора и съ строжайшимъ выговоромъ самому Иннокентію. Въ бумагѣ министра между прочимъ прямо говорилось, что книга наполнена „защищеніемъ наружной церкви противъ внутренней“ и „совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части“. Желая поскорѣе убрать Иннокентія изъ Петербурга, министръ, даже безъ вѣдома св. Синода, испросилъ у государя назначеніе его въ епископы въ Оренбургъ. Уже самъ митрополитъ заступился за больнаго кандидата на это невольное епископство и исходатайствовалъ для него переводъ въ болѣе благопріятную для его здоровья Пензенскую епархію. Осенью того же года Иннокентій скончался въ Пензѣ отъ чахотки всего 35 лѣтъ отъ роду.

По удаленіи Иннокентія Михаилъ остался одинокъ. Другой молодой помощникъ его, викарій Филаретъ, какъ человѣкъ близкій къ Голицыну, мало возбуждалъ въ немъ довѣрія и самъ не былъ въ немъ увѣренъ, притомъ же вскорѣ, въ мартѣ того же 1819 г., былъ назначенъ самостоятельнымъ епископомъ въ Тверскую епархію. Между тѣмъ господство мистицизма продолжалось и послѣ прекращенія Сіонскаго Вѣстника. Соблазнъ даже еще болѣе усилился вслѣдствіе появленія въ Петербургѣ новыхъ иноземныхъ учителей. Въ концѣ 1818 г. пріѣзжали сюда квакеры, которыхъ государь приглашалъ къ себѣ въ Лондонѣ, были два раза во дворцѣ, гдѣ государь и теперь молился съ ними умной молитвой, были у обѣихъ императрицъ, у Голицына, во многихъ знатныхъ домахъ, въ кельяхъ духовныхъ сановниковъ и вездѣ удостоивались самаго радушнаго пріема, не смотря на всѣ свои чудачества. Въ 1819 г. явился въ Петербургъ германскій пасторъ *Линдлъ* и сталъ проповѣдывать здѣсь въ мальтійской церкви какую-то смѣсь мистицизма съ католичествомъ; потомъ, когда по представленію м. Михаила, его вѣжливо выслали въ Одессу, на смѣну ему выписанъ такой же проповѣдникъ *Госнеръ*, открывшій чтеніе проповѣдей въ католической церкви на Невскомъ проспектѣ. Слушать этихъ проповѣдниковъ стекались цѣлыя толпы православныхъ людей изъ образованнаго общества и высшаго чиновничества; послѣднее въ угоду Голицыну вмѣстѣ съ нимъ усердно вздыха-

ло около ихъ каѳедръ, плакало и становилось на колѣна. Между министромъ и митрополитомъ дѣло дошло наконецъ до крупнаго столкновенія, слѣдствіемъ котораго въ 1821 г. было горячее письмо Михаила къ государю, бывшему тогда на конгрессѣ въ Лайбахѣ, съ просьбой спасти церковь „отъ слѣпотствующаго министра“. Письмо это произвело сильное впечатлѣніе на Александра, особенно когда онъ узналъ, что митрополитъ писалъ его, такъ сказать, на краю могилы, всего за двѣ недѣли до смерти († 24 марта).

Преемникомъ Михаила, по вліянію соперничавшаго съ Голицынымъ Аракчеева, былъ назначенъ московскій митрополитъ *Серафимъ Глаголевскій*, извѣстный тогда въ кругу іерарховъ по своему строго консервативному и строго православному направленію. Онъ былъ тоже воспитанникомъ Дружескаго ученаго общества, но остался чуждъ мистическихъ оттѣнковъ этого воспитанія, отличался напротивъ довольно сухимъ и схоластическимъ складомъ мысли. При образованіи Библейскаго общества вмѣстѣ съ Михаиломъ онъ былъ избранъ въ число первыхъ вицепрезидентовъ библейскаго комитета и долго работалъ для него, но въ послѣднее время, какъ и Михаилъ, совсѣмъ охладѣлъ къ нему. Изъ всѣхъ іерарховъ онъ имѣлъ ближайшія связи съ Амвросіемъ, Михаиломъ и Евгеніемъ Болховитиновымъ,—людьми все противоголицынской партіи. При вступленіи его на петербургскую каѳедру носился слухъ, что Филарета, бывшаго тогда уже на другой—Ярославской епархіи, ушлютъ въ Грузію на мѣсто умершаго Ѳеофилакта, но онъ былъ назначенъ въ преемники самому Серафиму на московскую каѳедру. Въ началѣ слѣдующаго года высшее назначеніе получилъ и Евгеній, съ 1808 г. успѣвшій побывать на нѣсколькихъ епархіяхъ, — Вологодской, Калужской и Псковской; теперь онъ былъ назначенъ митрополитомъ въ Кіевъ.

Съ возведеніемъ на петербургскую митрополію Серафима началось *постепенное паденіе и двойнаго министерства и Библейскаго общества*. На первомъ же засѣданіи библейскаго комитета онъ рѣзко высказался противъ обычныхъ разглагольствій библейскихъ ораторовъ, замѣтивъ сурово, что такъ могутъ выражаться только люди, не понимающіе православія, и тутъ же оставилъ залъ засѣданія. Около того же времени въ рѣчахъ общества встрѣчаемъ особенно горячіе возгласы противъ врага рода человѣческаго, воздвигающаго противниковъ противъ общества и его святаго дѣла. Борьба противъ библейцевъ, значитъ, уже началась, но борьба пока довольно скрытная и медленная, такъ что 1822 и 1823 гг. прошли безъ особенно выдающихся происшествій. Между министромъ и митрополитомъ шла разла-

лица. Самъ государь въ отношеніи къ докладамъ Голицына сталъ проявлять нѣкоторую мнительность и былъ видимо недоволенъ его неуживчивостью съ духовною властью. По своей нерѣшительной медлительности митрополитъ однако не могъ взять на себя инициативы открытой борьбы съ сильнымъ другомъ государя. Ему нуженъ былъ болѣе отважный и дѣятельный помощникъ, который бы постоянно поддерживалъ его энергію, а главное—взялъ на себя рискованную роль передоваго застрѣльщика. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ новгородскаго юрьевскаго архимандрита *Фотія Спасскаго*.

Фотій былъ изъ недоучившихся студентовъ петербургской академіи, гдѣ онъ слушалъ лекціи Филарета и Иннокентія. По выходѣ изъ академіи (1815 г.), благодаря покровительству Филарета, онъ занялъ сначала учительскую должность въ духовномъ училищѣ, потомъ въ 1817 г. постригся въ монашество и опредѣленъ законоучителемъ въ кадетскій корпусъ,—мѣсто весьма видное для него по его образованію. Онъ долго благоговѣлъ предъ этимъ своимъ благодѣтелемъ, но болѣе сердечнымъ образомъ былъ привязанъ къ Иннокентію, предъ которымъ преклонялся за его святость и котораго считалъ своимъ истиннымъ учителемъ и отцомъ въ духовной жизни. Послѣ безвременной кончины Иннокентія онъ сдѣлался горячимъ порицателемъ Филарета, котораго современныя сплетни считали виновникомъ несчастной участи Иннокентія. Въ монашествѣ Фотій повелъ жизнь строгаго аскета постника и носителя веригъ, но было что-то жесткое и грубое въ самомъ его аскетизмѣ; кромѣ того аскетизмъ этотъ не убилъ въ немъ честолюбиваго стремленія выставляться впередъ, играть роль въ обществѣ, и непомѣрной духовной гордости. Не имѣя возможности выставляться впередъ образованіемъ, онъ употребилъ для этого средствомъ самое свое подвижничество, доводя его до нѣкотораго юродства, обыкновенно поражающаго толпу. О молодомъ монахѣ постникѣ, чуть живомъ аскетѣ, заговорили даже въ высшемъ обществѣ. Нашлись для него здѣсь и поклонники и между ними первое мѣсто заняла графиня *А. Орлова-Чесменская*, дочь графа А. Орлова, пожилая дѣвица, сдѣлавшаяся духовною дочерью и раболѣпной послушницей Фотія. Но онъ не угодилъ предъ тогдашними сильными людьми Библейскаго общества, которое постоянно порицалъ даже на своихъ урокахъ въ корпусѣ. Въ 1820 г. послѣ одной его проповѣди, направленной противъ мистицизма, его нашли нужнымъ убрать изъ Петербурга въ игумены бѣднаго Деревяницкаго монастыря Новогородской епархіи; но судьба послала ему здѣсь, вмѣсто сильнаго Голицына, другаго сильнаго покровителя въ лицѣ владыки села Грузина, графа Аракчеева. Благодаря громадному богатству Орловой, которая ничего не жалѣла

для своего духовнаго отца, и поддержкѣ Аракчеева, Фотій скоро пріобрѣлъ очень видное значеніе; въ 1822 г. онъ былъ сдѣланъ юрьевскимъ архимандритомъ и вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему и пришлось сдѣлаться самымъ дѣятельнымъ участникомъ интриги противъ кн. Голицына. Около него образовался здѣсь значительный кружокъ благочестивыхъ людей изъ высшаго общества, собиравшихся слушать его бесѣды то у граф. Орловой, то у вдовы Державиной. „Все же слово, и дѣло, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, направлено было къ настоящей цѣли, какъ враговъ одолѣть и церкви сдѣлать пособіе". Лѣтомъ того же года его пожелалъ видѣть самъ государь, только лишь вернувшійся тогда изъ-за границы. Рѣчи его съ государемъ направлены были къ той же цѣли, какъ враговъ одолѣть и церкви сдѣлать пособіе. Не упоминая имени министра, онъ внушалъ государю объ опасностяхъ церкви отъ окружающихъ ее явныхъ и тайныхъ враговъ и восхвалялъ ревность м. Серафима. Впечатлѣніе было произведено и м. Серафимъ, которому Фотій сейчасъ же послѣ аудіенціи отдалъ во всемъ отчетъ, возвеселился о его дерзновеніи. Пожалованный отъ государя драгоцѣннымъ крестомъ, Фотій къ осени воротился въ Новгородъ и пробылъ тамъ весь слѣдующій годъ.

Дальнѣйшая подготовка къ сверженію министра продолжалась безъ него. Замѣчательно, что въ 1823 г. изъ Синода уволенъ былъ на два года въ епархію Филаретъ московскій, самый полезный для Голицына его сторонникъ. На мѣсто его впрочемъ вызванъ былъ другой архіерей изъ ревностныхъ сотрудниковъ Библейскаго общества *Димитрій Сулима* кишеневскій, потрудившійся особенно въ переводѣ св. книгъ на языкъ молдавскій. Въ томъ же году противуголицынская сторона пріобрѣла себѣ новаго сотрудника, не менѣе рьянаго, чѣмъ Фотій,—Магницкаго, который, почуявъ, куда дулъ современный вѣтеръ, переметнулся отъ своего благодѣтеля министра къ Аракчееву. Къ той же сторонѣ примкнулъ давній противникъ Библейскаго общества, знаменитый авторъ теоріи о старомъ и новомъ слогѣ и неутомимый порицатель русскаго перевода библейскихъ книгъ, адмиралъ *А. С. Шишковъ*. Въ 1812 г., какъ страстный патріотъ, онъ былъ назначенъ послѣ Сперанскаго на должность статсъ-секретаря и писалъ всѣ тогдашніе патріотическіе манифесты, потомъ съ 1816 г. состоялъ президентомъ Россійской академіи. По своему церковному и патріотическому направленію онъ имѣлся въ виду, какъ самый подходящій кандидатъ на министерство, въ случаѣ сверженія Голицына.

Доносы на министра и его сверженіе. Когда все было подготовлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, весной 1824 г. въ Пе-

тербургъ снова вызванъ былъ Фотій, на смѣлость котораго теперь особенно разсчитывали, и не напрасно. По пріѣздѣ онъ снова имѣлъ аудіенцію у государя и вскорѣ послѣ нея сдѣлалъ уже прямое и грубое нападеніе на Голицына во время одного визита министра къ графинѣ Орловой: онъ встрѣтилъ здѣсь Голицына предъ иконами за аналоемъ, на которомъ были возложены крестъ, Евангеліе и запасные дары, и, не давая благословенія, прямо потребовалъ отъ него покаянія и отреченія отъ ложныхъ пророковъ. Голицынъ выбѣжалъ изъ дома крайне взбѣшенный, а Фотій кричалъ ему вслѣдъ: анаѳема. Послѣ этого, разумѣется, пошли взаимные доносы Голицына на Фотія и Фотія на Голицына. Въ своемъ доношеніи государю Фотій выставлялъ всѣ дѣйствія Голицынской партіи въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ, какъ сплошную и хитрую интригу иллюминатовъ къ ниспроверженію православія, даже всѣхъ царствъ, религій и законовъ, и къ основанію на землѣ единаго царства Христова, нѣкоей Филадельфійской церкви, указывалъ на противозаконное, помимо духовной цензуры, распространеніе вредныхъ книгъ „бѣсовскихъ, мистическихъ, масонскихъ, революціонныхъ и антихристіанскихъ“, указывалъ на лицъ враждебныхъ церкви,—Кошелева, Рунича, Оболенскаго, Карнѣева, Тургенева, Попова, архимандрита Ѳеофила (высоко цѣнимаго Голицынымъ за рѣвность къ Библейскому обществу, бывшаго тогда законоучителемъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ), типографщика Греча, цензора Тимковскаго; для смѣшенія всѣхъ религій, по его объясненію, учреждено министерство дух. дѣлъ, которому православные подчинены на ряду съ жидами и мухаммеданами; для распространенія новаго ученія заведено Библейское общество, которое издаетъ нечестивыя книги, а для униженія слова Божія продаетъ его даже въ аптекахъ съ микстурами и стклянками; для пособія въ разсылкѣ книгъ Голицынъ подчинилъ себѣ и почтовое министерство; попечителями и директорами по министерству просвѣщенія посажены люди одного и тогоже духа; вызывались изъ за границы Госнеръ, Линдль, Фесслеръ, который хуже Пугачева; зло сѣется даже въ отдаленныхъ мѣстахъ, на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ и проч. Въ особой запискѣ государю Фотій тономъ пророка возвѣщалъ недавно будто бы открытую ему Фотію волю Божію: министерство духовныхъ дѣлъ закрыть, а министерство просвѣщенія и почтъ отнять у извѣстной особы, Библейское общество уничтожить „подъ тѣмъ предлогомъ,“ что Библій издано уже довольно. Синоду быть по прежнему, Кошелева отдалить, Госнера, Фесслера и методистовъ выгнать. Изъ духовныхъ лицъ Фотій выражалъ сильное неудовольствіе на Дмитрія кишеневскаго, Іону тверскаго и особенно Филарета, котораго, по словамъ одного его доноса,

будто бы всѣ архіереи, духовные, господа, купцы и народъ считали неправовѣрнымъ и котораго онъ просилъ вовсе не вызывать въ Синодъ; на мѣсто его онъ рекомендовалъ м. Евгенія, который „и умнѣе Филарета, и притомъ правовѣренъ, великій человѣкъ и столпъ церкви“.

Къ этимъ донесеніямъ Фотія присоединилось еще дѣло о переводѣ сочиненія Госнера: „Духъ жизни и ученія Іисуса Христа“, который предпринятъ былъ секретаремъ Библейскаго общества Поповымъ. Магницкій досталъ листы этого перевода еще въ корректурѣ и съ своими замѣчаніями представилъ Аракчееву, митрополиту, Фотію и др. Союзники послѣ этого убѣдили митрополита непремѣнно ѣхать къ императору и открыть ему наконецъ всѣ козни враговъ церкви и отечества. Аудіенція у императора была секретная, но современная молва все-таки постаралась живописно разсказать обо всѣхъ ея подробностяхъ, какъ м. Серафимъ, снявъ съ себя бѣлый клобукъ и положивъ его къ ногамъ императора, будто бы съ твердостію говорилъ, что не приметъ его, доколѣ не услышитъ царскаго слова о смѣнѣ министра и истребленіи вредныхъ книгъ, и какъ государь, возвращая ему клобукъ, обѣщалъ исполнить всѣ его представленія. Результатомъ этой аудіенціи было то, что книга Госнера была осуждена на истребленіе, а всѣ лица, участвовавшія въ ея изданіи, отданы подъ судъ, самъ Госнеръ высланъ за границу, кн. Голицынъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ какъ отъ своего двойнаго министерства, такъ и отъ предсѣдательства въ Библейскомъ обществѣ, оставленъ только при управленіи министерствомъ почтовымъ. „Порадуйся, старче преподобный, писалъ по этому поводу торжествующій Фотій одному пріятелю архимандриту въ Москву, нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ.... Министръ нашъ единъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца. Аминь. Молись объ А. А. Аракчеевѣ. Онъ явился рабъ Божій за св. церковь и вѣру, яко Георгій побѣдоносецъ“.

Министерство Шишкова. На мѣсто Голицына опредѣленъ былъ Шишковъ, но сдѣлался министромъ духовныхъ дѣлъ только иностранныхъ вѣроисповѣданій; православная часть министерства была по прежнему выдѣлена въ самостоятельное вѣдомство и отошла къ оберъ прокурору св. Синода кн. Мещерскому. Президентомъ Библейскаго общества назначенъ самъ м. Серафимъ, съ торжествомъ говорившій по этому случаю: „Библію будемъ печатать опять только при Синодѣ“. Поповъ былъ отставленъ отъ должности секретаря общества, Тургеневъ самъ отказался отъ нея. Магницкій поспѣшилъ даже совсѣмъ выйти изъ членовъ общества, грубо заявивъ въ своемъ прошеніи на имя митрополита, что совѣсть зазираетъ ему быть участникомъ въ

богопротивныхъ дѣйствіяхъ библейцевъ. На этотъ разъ онъ очевидно уже пересолилъ свое усердіе къ новымъ сильнымъ людямъ администраціи; библейскій комитетъ доложилъ объ его просьбѣ высочайшему покровителю общества и государь повелѣлъ объявить Магницкому строгое замѣчаніе, такъ какъ, „если бы онъ и не желалъ участвовать въ трудахъ сего общества, то могъ бы изъявить сіе просто и вѣжливо“.

Гоненіе на Библейское общество. Министерство Шишкова оказалось однако не легче Голицынскаго. Новый министръ выступилъ на свое поприще подъ знаменемъ православія и народности, самымъ ярымъ борцомъ противъ всякихъ духовъ неправовѣрія и мистицизма и пуще всего противъ Библейскаго общества, которое считалъ главнымъ ихъ гнѣздомъ. Первое засѣданіе этого общества въ концѣ мая 1824 г., на которомъ объявлено было о назначеніи въ председатели м. Серафима и прочитана просьба Магницкаго, было вмѣстѣ и послѣднее. Послѣ этого петербургскій комитетъ общества пересталъ и заявлять о своемъ существованіи, потому что и министръ и предсѣдатель явно вели дѣло къ тому, чтобы совсѣмъ порушить это Голицынское произведеніе. Патріотъ-адмиралъ имѣлъ слабость взглянуть на самое лучшее дѣло Библ. общества,—на русскій переводъ св. Писанія, съ точки зрѣнія своей пресловутой теоріи стараго и новаго стиля. Называя русскій языкъ простонароднымъ, языкомъ черни, романовъ и театра, онъ горячо доказывалъ, что священные предметы вѣры могутъ быть выражаемы только на языкѣ славянскомъ и что переводъ св. книгъ на русскій языкъ есть не что иное, какъ возмутительная профанація слова Божія. Это бы еще ничего, потому что безъ привычки многіе, даже такіе люди, какъ Сперанскій, признававшій всю благотворность русскаго перевода св. книгъ, все-таки не легко мирились съ его текстомъ, считая послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе славянскаго; въ своей борьбѣ противъ Библейскаго общества Шишковъ пошелъ еще далѣе. Съ осени 1824 г. онъ началъ осаждать государя самыми горячими представленіями о закрытіи общества, разражаясь противъ дѣятельности библейцевъ всевозможными обвиненіями и ругательствами, въ которыхъ далеко превзошелъ Магницкаго; онъ представлялъ общество не только противоцерковнымъ, мистическимъ и сектантскимъ, но и противогосударственнымъ союзомъ, имѣющимъ одинаковые замыслы съ тайными политическими обществами и угрожающимъ государству бѣдами пуще труса, потопа, огня и непріятельскаго нашествія, приписывалъ его вліянію даже такія явленія, какъ напр. почему-то размножившіеся тогда въ Петербургѣ случаи воровства, грабежа и убійствъ. Молчаніе государя, который не могъ не видѣть всей несостоятельности подобныхъ пред-

ставленій, только еще болѣе подзадоривало ревнителя и вызывало съ его стороны новыя представленія, въ которыхъ онъ соединялъ въ одну устрашающую картину самыя несоединимыя вещи и, что всего хуже, смѣшивалъ съ Библейскимъ обществомъ самое дѣло библейское, дѣло само по себѣ высокое, святое и спасительное. Къ сожалѣнію такое же смѣшеніе библейскаго дѣла съ Библейскимъ обществомъ допускалъ и самъ митрополитъ, вполнѣ подчинившійся страстнымъ внушеніямъ министра. Представленія послѣдняго онъ рѣшился поддержать двумя собственными представленіями о томъ же предметѣ. Положеніе Александра было довольно трудное. Онъ вовсе не желалъ закрытія общества, къ дѣятельности котораго еще такъ недавно торжественно заявлялъ свое полное сочувствіе, но съ другой стороны не хотѣлъ обижать и ревностнаго министра, который очевидно хваталъ черезъ край, но котораго нельзя было заподозрить въ неблагонамѣренности, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ нимъ пришлось бы обидѣть и другаго вѣрнаго человѣка, Аракчеева, и самого митрополита. Онъ сталъ отмалчиваться, выжидая времени, когда крайнія мнѣнія сгладятся сами собою, сведутся въ золотую середину, выслушивалъ терпѣливо докучливыя представленія старцевъ ревнителей, но въ то же время не ослаблялъ своего сердечнаго довѣрія и къ Голицыну, оставляя его въ прежней къ себѣ близости, и такимъ образомъ протянулъ дѣло до самой своей смерти. Закрытіе общества послѣдовало уже при императорѣ Николаѣ въ 1826 г.

Вмѣстѣ съ гоненіемъ на Библейское общество началось *преслѣдованіе мистическихъ книгъ*, такъ или иначе связанныхъ съ издательскою дѣятельностію его членовъ. По министерству просвѣщенія разосланы были распоряженія отбирать ихъ изъ всѣхъ библіотекъ учебныхъ заведеній и хранить за печатями до особаго предписанія. Св. Синодъ разослалъ такія же распоряженія по духовному вѣдомству. Въ 1825 г. при петербургской академіи для разсмотрѣнія такихъ книгъ учрежденъ былъ временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора, представившій, впрочемъ уже въ началѣ слѣдующаго царствованія, на важнѣйшія мистическія изданія, которыхъ доселѣ никто не смѣлъ касаться своею критикой, первыя обстоятельныя рецензіи съ православно-богословской точки зрѣнія.

Гоненіе на Филарета. Гоненіе противъ всего Голицынскаго коснулось и личностей нѣкоторыхъ нашихъ іерарховъ. Послѣ Филарета изъ св. Синода, по указанію Фотія, были удалены и Димитрій кишеневскій, и Іона тверской; на мѣсто Филарета въ началѣ 1825 г. вызванъ въ члены м. Евгеній. Знаменитый московскій владыка, какъ самый близкій къ Голицыну изъ архі-

ереевъ, возбудилъ къ себѣ особенное нерасположеніе Шишкова. Но замѣчательно, что въ томъ же 1823 г., когда онъ былъ уволенъ на епархію, государь съ своей стороны оказалъ ему особенную благорасположенность и довѣріе, сдѣлавъ его вмѣстѣ съ самыми довѣренными своими лицами, Голицынымъ и Аракчеевымъ, хранителемъ великой государственной тайны о наслѣдіи престола в. кн. Николаемъ Павловичемъ и поручилъ ему написать самый манифестъ о томъ, который до кончины государя долженъ былъ храниться въ тайнѣ въ Успенскомъ соборѣ. Въ 1824 г. Шишковъ сильно разсердился на Филарета за то, что онъ продолжалъ печатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ извѣстія о дѣйствіяхъ московскаго библейскаго комитета, якобы „не зная о расположеніяхъ“ министра, вслѣдствіе которыхъ петербургскій комитетъ давно уже замолчалъ. Осенью этого года викарій Серафима *Григорій Постниковъ* ревельскій извѣстилъ Филарета, что въ Петербургѣ критикуютъ его Катихизисъ;—это было уже прямое нападеніе на московскаго архіепископа. Шишкову не нравилось въ этомъ Катихизисѣ особенно то, что тексты св. Писанія приводились въ немъ на русскомъ языкѣ. Склонивъ на свою сторону Аракчеева, онъ обратился къ митрополиту съ требованіемъ, чтобы книга была совсѣмъ изъята изъ употребленія, особенно при обученіи въ школахъ закону Божію. Митрополитъ почелъ долгомъ заступиться за Филарета и долго спорилъ съ обоими генералами; но они рѣшились непоколебимо защищать православную церковь противъ ея архипастырей и разгорячились при этомъ до того, что, какъ писалъ въ своихъ запискахъ самъ Шишковъ, „едва удерживались въ предѣлахъ должнаго его сану уваженія“. 21 ноября министръ уже формально потребовалъ отъ Синода, чтобы „Катихизисы, и полный и краткій, въ которыхъ молитвы: Вѣрую и Отче нашъ, и заповѣди Господни переложены на простонародное нарѣчіе, печатаніемъ и разсылкою пріостановить“. Филаретъ былъ глубоко возмущенъ этимъ грубымъ нападеніемъ и написалъ Серафиму сильное письмо, въ которомъ выяснялъ, что православіе заподозрѣннаго теперь Катихизиса было торжественно засвидѣтельствовано самимъ св. Синодомъ и что поэтому сомнѣніе въ этомъ православіи можетъ положить тѣнь на православіе самого Синода и потрясти іерархію до основанія; при всей своей сдержанности онъ не утерпѣлъ, чтобы не задѣть самаго богословствованія ополчившихся на него генераловъ: „Въ отношеніи г. министра народнаго просвѣщенія символъ вѣры названъ не символомъ или исповѣданіемъ вѣры, но молитвою. Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здѣсь столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ. И съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи вземлютъ себѣ судъ надъ

св. Синодомъ. Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, церковь!“ Одинъ изъ его друзей, *Филаретъ Амфитеатровъ* калужскій, опасаясь за его взволнованное состояніе, почелъ нужнымъ успокоить его письмомъ, прося его „поберечь себя для церкви“, и утѣшалъ тѣмъ, что „Господь скоро изведетъ истину на свѣтъ,—не видятъ бо, что творятъ“. М. Серафимъ съ своей стороны писалъ ему, что Синодъ нисколько не сомнѣвается въ его православіи и чтобы онъ вооружился терпѣніемъ, которое не посрамитъ и обогатитъ его нужною для жизни опытностію. Нельзя не упомянуть, что въ то время, какъ униженъ былъ такимъ образомъ Филаретъ, архим. Фотій „за труды и подвиги для блага святой нашей церкви, воюемой злоухищренными ковнями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями изчадій ада“, по ходатайству м. Серафима и Аракчеева, былъ награжденъ отъ государя драгоцѣнной панагіей.

Епархіальное управленіе. Въ епархіальномъ дѣленіи Русской церкви особенно важныхъ перемѣнъ не было за все время царствованія Александра I. Не смотря на значительныя территоріальныя пріобрѣтенія Россіи за это время, число епархій увеличилось только одною вновь учрежденною епархіею — Кишеневскою (1813 г.). Епархіи недавно присоединенной къ Россіи Грузіи, представлявшія доселѣ картину разныхъ неустройствъ, подверглись въ это царствованіе значительному преобразованію.

Грузинская церковь до 1809 г. оставалась въ управленіи католикоса *Антонія* сына предпослѣдняго царя Карталиніи и Кахетіи Ираклія. Въ 1809 г. онъ былъ уволенъ на покой и послѣ него для управленія его церковной областью, вмѣсто должности католикоса учреждена была должность экзарха Грузіи и Имеретіи, каковою въ 1811 г. и облеченъ былъ засѣдавшій доселѣ въ Синодѣ грузинскій архіерей *Варлаамъ Эристовъ* изъ рода князей Эристовыхъ. Для епархіальнаго управленія при немъ учреждена была дикастерія, преобразованная въ 1814 г. въ грузино-имеретинскую контору св. Синода, съ правами московской синодальной конторы. Въ 1817 г. Варлаамъ снова былъ вызванъ въ Петербургъ для постояннаго засѣданія въ св. Синодѣ, а экзархомъ вмѣсто него назначенъ Ѳеофилактъ Русановъ, оставившій послѣ себя память дѣятельнаго устроителя Грузинской церкви. При немъ, по крайней мѣрѣ въ его собственной епархіи, введены штаты приходскихъ церквей и открыта духовная семинарія съ 4 училищами. Ему же пришлось вводить болѣе правильное дѣленіе епархій по всему экзархату. До 1811 г. всѣхъ епархій здѣсь считалось до 13, онѣ были очень небольшія, съ нетвердо намѣченными границами и не устроенныя; съ этого времени положено образовать изъ нихъ только четыре: Карталинскую и Кахетин-

скую (епархія экзарха съ Горійскимъ викаріатствомъ), Имеретинскую, Мингрельскую и Гурійскую.

Личный составъ епархіальнаго управленія теперь былъ уже повсюду одинаковъ. Въ началѣ реформъ по дух. вѣдомству оберъ-прокурорь Яковлевъ думалъ произвести весьма важную реформу въ епархіальномъ управленіи посредствомъ большаго развитія въ немъ прокурорской власти и представилъ государю докладъ, въ которомъ предлагалъ, кромѣ секретарей, по его мнѣнію слишкомъ зависимыхъ отъ архіереевъ, опредѣлить въ консисторіи еще особыхъ прокуроровъ, подчиненныхъ одному только оберъ-прокурору. Но осуществленію такой реформы помѣшалъ м. Амвросій, представившій государю другой докладъ объ ея непригодности съ церковной точки зрѣнія, такъ какъ она поставила бы всѣхъ архіереевъ въ зависимость отъ свѣтскихъ чиновниковъ и поколебала бы епископскую власть. — Выборное начало съ теченіемъ времени было вытѣснено изъ епархіальной администраціи повсюду, не исключая и Малороссіи, гдѣ память объ немъ продолжала храниться въ выборѣ благочинныхъ. Еще въ 1805 г. самъ св. Синодъ почелъ за нужное въ видѣ исключенія дозволить малороссійскому духовенству самому выбирать для себя благочинныхъ „по примѣру, какъ избираются дворянскіе, купеческіе и мѣщанскіе чиновники“; но въ 1820 г., по поводу нѣкоторыхъ пьяныхъ скандаловъ между духовенствомъ въ Вологодской, Псковской, Ярославской и Костромской епархіяхъ, вышло высочайшее распоряженіе, по которому для усиленія надзора надъ духовенствомъ назначеніе благочинныхъ повсюду предоставлялось самимъ архіереямъ, поелику „благочинные суть окомъ архіереевъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся церковнаго надзора“. Черезъ 5 лѣтъ послѣ этого вопросъ объ усиленіи благочинническаго надзора надъ духовенствомъ поднялся снова и порученъ былъ для разработки м. Евгенію. Знаменитый іерархъ не нашелъ для этой цѣли лучшаго средства, какъ обратиться при назначеніи благочинныхъ снова къ возстановленію выборнаго начала; но послѣдовавшая вскорѣ кончина императора оставила его проектъ безъ исполненія, послѣдующее же царствованіе было неблагопріятно для развитія всякихъ вообще выборовъ и самоуправленія.

Въ самомъ началѣ 1805 г. вышелъ указъ, ограничивавшій полномочія епархіальной власти въ *дѣлахъ бракоразводныхъ*, которыя прежде подлежали ея окончательному рѣшенію: расторженіе браковъ указано допускать только съ утвержденія св. Синода. Указъ этотъ очевидно направленъ былъ противъ легкости и крайняго умноженія разводовъ, унаслѣдованнаго отъ XVIII вѣка. Съ тою же цѣлію стали выводиться изъ практики бракоразводныхъ процессовъ разводы по болѣзненному состоянію одного изъ

супруговъ или неспособности къ брачному сожитію, обнаружившимся уже послѣ вступленія въ бракъ. Въ 1810 г. въ составляемое Сперанскимъ Уложеніе вошла было мысль о предоставленіи права расторгать браки, какъ акты гражданскіе, одной только свѣтской власти, но въ комитетѣ министровъ была оспорена и отстранена кн. Голицынымъ, какъ противная канонамъ и даже слову евангельскому. По представленію Голицына, св. Синодъ въ томъ же году издалъ новое постановленіе о разводахъ по обвиненію одного изъ супруговъ въ невѣрности, стѣснившее бракоразводные процессы болѣе прежняго,—при разсмотрѣніи этого рода дѣлъ консисторіямъ указано было утверждать свои рѣшенія не на одномъ только простомъ признаніи показывающаго себя виновнымъ, какъ это дѣлалось прежде, но независимо отъ того брать къ соображенію и прочія обстоятельства, ведущія къ раскрытію истины. Съ этого времени главнымъ доказательствомъ въ дѣлахъ этого рода стало служить только „поличное", т. е. свидѣтельство очевидцевъ прелюбодѣйства.

Заботы о церковномъ благочиніи. Религіозное направленіе правительства выразилось между прочимъ въ разсылкѣ по епархіямъ нѣсколькихъ распоряженій о наблюденіи церковнаго благолѣпія и благочинія. Разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ Россіи и вездѣ оказывая вниманіе къ церковной обрядности, государь иногда непріятно поражался отсутствіемъ благообразія въ совершеніи богослуженія, особенно по церквамъ сельскимъ. Въ 1804 г. онъ выразилъ желаніе, чтобы въ церквахъ вводимо было пѣніе простое, но благопристойное и чтобы для обученія такому пѣнію сельскихъ церковниковъ епархіальныя начальства вызывали ихъ поочередно но нѣскольку человѣкъ въ города и по надлежащемъ обученіи снова отсылали на мѣста съ обязательствомъ обучать тому же искусству и другихъ одноприходныхъ и сосѣднихъ церковниковъ. Св. Синодъ съ своей стороны разослалъ по епархіямъ указы, чтобы причетники отправляли въ церквахъ пѣніе по напѣвамъ, изданнымъ въ нотныхъ книгахъ, чтобы изъ посторонних пѣвцовъ на клиросъ допускались только имѣющіе довольное искусство въ церковномъ пѣніи, чтобы предъ праздниками сами священно-и-церковно-служители дѣлали до службы предварительныя спѣвки, пѣвческіе же хоры, гдѣ таковые имѣются, пѣли благопристойно, не дѣлая отнюдь безчиннаго вопля; положено такъ же обучать нотному пѣнію по новымъ напѣвамъ въ духовныхъ школахъ. Распоряженія эти имѣли значительное вліяніе на улучшеніе церковнаго пѣнія даже въ отдаленныхъ епархіяхъ. Въ исправленіи церковнаго пѣнія при Александрѣ много потрудился директоръ придворной капеллы, извѣстный композиторъ *Бортнянскій* († 1825), старавшійся исправлять въ мотивахъ партеснаго пѣнія искаже-

нія на иностранный ладъ, какія введены были въ него въ прежнее время разными Сарти, Галуппи и др. извѣстными и неизвѣстными композиторами. Въ 1815 г. партесное пѣніе по рукописнымъ нотамъ было совершенно запрещено и велѣно пѣть по однимъ только печатнымъ нотамъ, одобреннымъ директоромъ придворной капеллы. При императорѣ же Александрѣ началъ свою дѣятельность другой знаменитый композиторъ дух. піэсъ, который пошелъ еще далѣе въ сближеніи партеснаго пѣнія съ древними церковными мотивами, *Турчаниновъ*, регентъ (съ 1809 г.) митрополичьяго хора, потомъ (1814) придворный протоіерей при стрѣльнинской церкви.

Въ томъ же 1804 г., когда началось дѣло о церковномъ пѣніи, св. Синодъ, тоже по желенію государя, издалъ указъ, которымъ духовенству велѣно было заботиться о сохраненіи порядка и чинности при богослуженіи, особливо во время свадебъ, при крестныхъ ходахъ и другихъ церковныхъ процессіяхъ не допускать въ церкви разговоровъ между присутствующими, переходовъ съ мѣста на мѣсто и проч.; мірянамъ не велѣно занимать при богослуженіи алтаря, гдѣ любили стоять болѣе видные прихожане, и солеи, такъ какъ стоящіе на ней заслоняли собою иконостасъ и мѣшали проходу дьяконовъ и причетниковъ. Въ 1816 году вышло высочайшее подтвержденіе указовъ о соблюденіи въ церквахъ порядка и тишины, отличавшееся особенною строгостію,—въ новомъ указѣ говорилось, что государь считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій нарушеніе обязанностей богопочитанія и вѣроисповѣданія, а потому предписывалось при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ, которыя должны наблюдаться въ церквахъ, отсылать виновныхъ къ уголовному суду, не взирая ни на какое лице. Послѣ этого и еще другаго 1817 г. указовъ за нарушеніе церковнаго благочинія и проступки въ церквахъ уголовному суду нѣкоторое время подлежали даже и лица духовныя. Тогда же принято было „въ страхъ и опасеніе отъ подобныхъ преступленій“ публиковать изъ Синода по епархіямъ печатные листы „о предосудительныхъ, противузаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ церквахъ во время служенія и послѣ онаго духовными лицами, и какому они за сіе подвергнуты гражданскимъ судомъ наказанію“. Публикаціи эти отмѣнены въ 1821 г., такъ какъ никого не исправляли, а между тѣмъ были крайне соблазнительны и вредны для репутаціи духовенства. Нѣсколько разъ также подтверждались старыя распоряженія объ исполненіи православными христіанскихъ обязанностей исповѣди и причащенія и о сохраненіи святости воскресныхъ и праздничныхъ дней; губернскимъ начальствамъ между прочимъ поручалось наблюдать, чтобы помѣ-

щики не употребляли въ такіе дни на работу своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Съ началомъ реформъ по духовному вѣдомству въ епархіяхъ начались усиленные хлопоты по возбужденному тогда *вопросу объ экономическихъ суммахъ церквей*. Суммы эти давно уже обратили на себя вниманіе духовной власти, потому что въ нихъ постоянно вступались прихожане, особенно разныя сильныя лица въ приходахъ въ родѣ помѣщиковъ, и расходовали ихъ совершенно безконтрольно. Въ 1806 г. былъ выданъ указъ, чтобы свѣтскія лица въ распоряженіе этими суммами сами собой отнюдь не входили и чтобы онѣ, какъ собственность церковная, были въ вѣденіи духовнаго начальства и состояли въ храненіи причтовъ и церковныхъ старостъ. Это распоряженіе было первымъ шагомъ къ централизаціи приходскихъ суммъ, которая была тогда необходима въ виду предпринимавшихся преобразованій, требовавшихъ огромныхъ расходовъ изъ центральной церковной кассы; на первый разъ здѣсь заявлено было пока только то, что эти суммы составляютъ достояніе церковное, но не отрицалось право частной принадлежности ихъ той или другой церкви. Потомъ, когда комитетъ 1808 года закончилъ свою преобразовательную работу, вышли новые указы, которыми предписывалось уже отобрать эти суммы отъ церквей въ консисторіи для отдачи на храненіе въ кредитныя учрежденія и въ которыхъ уже прямо говорилось, что это дѣлается для приращенія ихъ процентами „на пользу церкви“ (вообще). Наконецъ изъ высочайше утвержденнаго доклада комитета дѣло выяснилось вполнѣ: приходы ясно поняли, что ихъ деньги къ нимъ больше не воротятся, что онѣ навсегда переданы въ непосредственное вѣденіе высшей церковной власти для удовлетворенія общихъ церковныхъ нуждъ. Въ то же время для удовлетворенія тѣхъ же нуждъ изъ доходныхъ статей приходовъ отдѣлена была цѣлая и весьма важная статья,— *свѣчной сборъ*, ежегодное количество котораго самъ комитетъ исчислялъ въ 3,000.000 руб. Приходы встрѣтили эти распоряженія очень непріязненно, видя въ нихъ обидное для себя посягательство высшей церковной власти на экономическую самостоятельность приходскихъ церквей, и подняли противъ нихъ упрямое противодѣйствіе, стоившее не малыхъ безпокойствъ и св. Синоду, и епархіальнымъ властямъ, и спутавшее всѣ разсчеты комитета 1808 г. По полученіи указа о высылкѣ церковныхъ денегъ прихожане во многихъ мѣстахъ спѣшили поскорѣе истратить ихъ на покупку колоколовъ, облаченій, ризъ на иконы и т. п. предметовъ, иные даже прямо забрали ихъ себѣ, какъ это особенно часто имѣло мѣсто въ приходахъ помѣщичьихъ. Въ дѣлѣ осуществленія новыхъ распоряженій св. Синодъ разсчитывалъ было

на содѣйствіе церковныхъ старостъ и причтовъ и въ этихъ видахъ въ 1808 г. издалъ обширную инструкцію старостамъ, въ которой подробно изложены были всѣ правила церковно-приходской экономіи какъ для самихъ старостъ, такъ и для причтовъ. Но ни тѣ, ни другіе не оправдали его разсчетовъ, потому что чуть не всѣ встали на сторону приходовъ, за частные интересы своихъ церквей. Слѣдствія такого дружнаго противодѣйствія ихъ новымъ распоряженіемъ обозначились еще въ 1811 г., когда комиссія дух. училищъ только лишь стала сводить представленныя ей церковныя суммы въ одинъ итогъ: вмѣсто 5½ милліоновъ, которые ей слѣдовало получить по разсчету комитета, на лицо у нея оказалось всего 1,223,606 р. Та же исторія повторилась и со свѣчнымъ сборомъ, котораго, вмѣсто ожидавшихся 3,000,000 р., до конца царствованія получалось всего 1,000,000—1,200,000 р. въ годъ, т. е. всего одна треть; остальныя двѣ трети спрятались, не смотря на всѣ шнуровыя книги, учеты и ревизіи.

Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Всѣ отобранныя суммы церквей пошли, какъ извѣстно, на содержаніе однихъ духовныхъ школъ, а само духовенство, кромѣ классныхъ окладовъ по ученымъ степенямъ для очень немногихъ лицъ изъ его среды и нѣсколькихъ тоже частныхъ вспоможеній пострадавшимъ отъ непріятельскаго нашествія и другихъ бѣдствій, не получило для себя никакихъ выгодъ отъ всей произведенной въ его пользу финансовой операціи. Очень не мудрено, что оно такъ мало и заботилось о болѣе полномъ ея развитіи. До 1823 г. высшая администрація какъ будто даже совсѣмъ позабыла объ его нуждахъ. Въ этомъ году, по представленіямъ изъ епархій, кромѣ выдачи ученыхъ окладовъ, св. Синодъ опредѣлилъ производить изъ духовно-учебнаго капитала еще одну выдачу въ пользу духовенства, именно выдачу пенсіонной суммы въ количествѣ 150,000 р. въ годъ для пропитанія священно-и-церковно-служителей въ старости и для призрѣнія ихъ вдовъ и сиротъ, и распорядился для той же цѣли открыть при епархіальныхъ управленіяхъ новыя учрежденія подъ названіемъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія. Высочайше утвержденный уставъ этихъ попечительствъ былъ написанъ Филаретомъ московскимъ. Въ обширномъ историческомъ введеніи къ нему пересмотрѣны всѣ средства призрѣнія бѣднаго духовенства, утвержденныя прежними законоположеніями, особенно законоположеніемъ 1799 года при имп. Павлѣ и признаны конечно неудовлетворительными, но новыхъ не придумано никакихъ. Поэтому вновь ассигнованная сумма сдѣлалась для попечительствъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, единственнымъ расходнымъ капиталомъ. Такъ какъ для всего множества духовн. лицъ, требовавшихъ себѣ пособій по

всѣмъ епархіямъ, она была очевидно крайне недостаточна, то большей части такихъ лицъ приходилось и послѣ учрежденія попечительствъ постарому кормиться или около своихъ родныхъ, или на счетъ церковной службы—отъ зачисленныхъ за ними мѣстъ. Авторъ устава отнесся къ этимъ способамъ призрѣнія, особенно къ послѣднему, весьма неодобрительно, но, за недостаткомъ другихъ лучшихъ, по необходимости долженъ былъ оставить ихъ неприкосновенными, ограничившись только одною ихъ критикою. Въ епархіальной практикѣ ставленическаго дѣлопроизводства разные семейные и родовые счеты при замѣщеніи церковныхъ мѣстъ продолжали стоять на самомъ видномъ мѣстѣ. Тѣ изъ архипастырей, которые отличались особеннымъ къ нимъ вниманіемъ, пользовались даже особенно лестной репутаціей милостивыхъ отцовъ и утѣшителей вдовъ и сиротъ и сами считали свои дѣйствія вполнѣ нравственными и богоугодными.

Переходя къ изученію *состоянія духовенства* при импер. Александрѣ, мы прежде всего встрѣчаемся именно съ этими проявленіями *наслѣдственности духовнаго служенія*. За описываемое время она успѣла сдѣлать еще нѣсколько новыхъ шаговъ въ своемъ развитіи. О приходскихъ выборахъ на церковныя должности, посредствомъ которыхъ эти должности могли получать иногда и люди посторонніе, теперь не было уже и рѣчи; новыя постановленія о замѣщеніи церковныхъ мѣстъ сдѣлали совсѣмъ не нужными даже приходскія одобренія кандидатовъ духовнаго служенія. Самыми важными документами при ставленическомъ дѣлопроизводствѣ, обязательными для самихъ епархіальныхъ властей, признаны были только школьные аттестаты ставленниковъ. Академическія правленія и коммисія дух. училищъ уполномочивались наблюдать, чтобы при замѣщеніи церковныхъ вакансій архіереи не нарушали тѣхъ правъ, какія посвящаемые ими кандидаты пріобрѣли своими успѣхами и поведеніемъ въ школахъ, не ставили на мѣста худшихъ воспитанниковъ помимо лучшихъ. Духовная школа окончательно сдѣлалась не только главнымъ, но даже единственнымъ путемъ къ достиженію духовнаго служенія, а учились въ ней одни лишь дѣти духовенства, потому что съ новыми уставами она сдѣлалась еще сословнѣе и замкнутѣе, чѣмъ была прежде. Указами 1808 и 1814 гг. въ духовно-училищное вѣдомство велѣно зачислять безъ исключенія всѣхъ дѣтей духовенства съ 6—8 лѣтъ; такимъ образомъ всѣ дѣти духовенства должны были обязательно получать духовное образованіе. Послѣ этого духовная школа каждый свой курсъ стала выпускать изъ своихъ стѣнъ такую массу кандидатовъ на церковныя мѣста, что сквозь ихъ плотные ряды для посторонняго человѣка стало совершенно невозможно пробиться даже до низшихъ церковныхъ должностей.

Св. Синодъ отказывался принимать въ свое вѣдомство даже такихъ постороннихъ людей, которые были прежде духовнаго же вѣдомства, но вышли изъ него по разборамъ. Родовое сословіе духовенства могло поэтому безъ всякой помѣхи продолжать теперь практику своихъ старыхъ обычаевъ и наслѣдныхъ счетовъ при занятіи церковныхъ мѣстъ, подъ однимъ только условіемъ, чтобы кандидаты этихъ мѣстъ имѣли нужную степень обязательнаго для нихъ школьнаго образованія. Эти обычаи и счеты строго наблюдали и сами архіереи, Филаретъ, Серафимъ и др. Серафимъ требовалъ наприм., чтобы духовенство не смѣшивалось съ другими сословіями даже посредствомъ браковъ, и въ резолюціяхъ объ опредѣленіи на мѣста разныхъ дух. воспитанниковъ писалъ, чтобы они вступали въ бракъ непремѣнно съ дѣвицами духовнаго же званія. Вмѣстѣ съ разными видами наслѣдія и сдачи церковныхъ мѣстъ повсюду продолжала практиковаться даже самая неблаговидная форма владѣльческихъ отношеній духовенства къ этимъ мѣстамъ, продажа и купля ихъ, основывавшаяся, какъ извѣстно, на владѣльческихъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ ихъ прицерковнымъ домамъ. Комитетъ 1808 г. думалъ было уничтожить это ея основаніе и съ этою цѣлью проектировалъ устроять для причтовъ дома церковные на суммы изъ упомянутаго церковно-строительнаго капитала, но проектъ его такъ и остался проектомъ, потому что на самомъ дѣлѣ весь этотъ капиталъ употреблялся исключительно на однѣ постройки и ремонты по духовно-учебному вѣдомству, для причтовъ же на счетъ его не выстроено было ни одного церковнаго дома.

Выходъ изъ духовнаго сословія. Очищеніе духовнаго сословія отъ лишнихъ людей производилось на основаніи узаконеній объ этомъ предметѣ Екатерины II. Дозволеніе такимъ людямъ свободнаго избранія рода жизни, нарушенное на время строгимъ разборомъ при имп. Павлѣ, возстановлено было во всей своей силѣ. Безъ разбора не обошлось впрочемъ и кроткое царствованіе Александра: онъ былъ произведенъ въ 1806 г. и простирался преимущественно на церковниковъ, опорочившихъ себя дурнымъ поведеніемъ, и неграмотныхъ дѣтей духовенства свыше 15 лѣтъ, но продолжался всего одинъ годъ. Потомъ разборы не повторялись ни разу. Даже въ тяжкую годину 1812 г. лица духовнаго званія поступали въ ополченіе и въ армію только по доброй волѣ. Относительно дѣтей духовенства, попавшихъ въ податное состояніе, которыхъ прежде почти постоянно приписывали къ разнымъ владѣльцамъ, въ 1820 г. издано общее распоряженіе, по которому всѣ они освобождались отъ этихъ владѣльцевъ съ зачетомъ за нихъ рекрутскихъ квитанцій. Людей болѣе или менѣе нужныхъ для церковной службы св. Синодъ

и архіереи по прежнему старались всячески удерживать отъ выхода изъ духовнаго сословія. Въ первый годъ царствованія вышло было распоряженіе открывавшее воспитанникамъ духовныхъ школъ самую широкую свободу для поступленія въ свѣтскую службу съ разрѣшенія одного только епархіальнаго начальства, но въ 1803 г. св. Синодъ снова взялъ это дѣло въ свои собственныя руки и запретилъ епархіальной власти увольнять въ свѣтское званіе учениковъ даже нисшихъ классовъ дух. школъ. Въ 1812 г. семинаристамъ дано было дозволеніе поступать въ ополченіе, но было ограничено учениками, дошедшими „не выше риторическаго класса". Въ 1813 г. было замѣчено, что семинаристы нарочно исключаются изъ семинарій для поступленія на статскую службу, и вышло распоряженіе такихъ исключенныхъ не принимать на должности ни въ какихъ присутственныхъ мѣстахъ, не исключая и дух. консисторій; черезъ три года его пришлось однако отмѣнить, такъ какъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ изъ-за него открылся чувствительный недостатокъ въ кандидатахъ на канцелярскія должности, послѣ чего на гражданскую службу дозволено было принимать кончившихъ курсъ не только въ семинаріяхъ, но и въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Относительно воспитанниковъ академій было выработано общее правило, опредѣлявшее для нихъ обязательный срокъ службы по дух. вѣдомству, равный числу лѣтъ ихъ академическаго ученія.

Относительно выхода въ свѣтское званіе слагавшихъ съ себя санъ священнослужителей дѣйствовалъ еще Петровскій указъ 1724 г., предоставлявшій имъ полную свободу въ выборѣ рода жизни и службы. Но духовная власть, всегда смотрѣвшая на сложеніе св. сана неодобрительно, съ своей стороны старалась разными мѣрами отстранять подобные случаи, подвергала рѣшавшихся на такой шагъ продолжительнымъ увѣщаніямъ, увѣщевала ихъ по крайней мѣрѣ оставаться въ нисшихъ церковныхъ должностяхъ, не оставляя духовнаго званія, и въ тоже время изъ опасенія соблазна отклоняла занятіе ими болѣе видныхъ, наприм. учительскихъ, должностей въ своемъ вѣдомствѣ. Въ слѣдующее царствованіе такого рода взгляды на слагающихъ санъ восторжествовали и повели за собою новыя болѣе стѣснительныя для нихъ распоряженія. Лишенные свящ. сана по суду отсылались къ гражданскому начальству для распредѣленія, какъ и прежде; св. Синодъ наблюдалъ только, чтобы это высшее наказаніе для духовныхъ лицъ не назначалось произвольно, не по мѣрѣ вины, для чего указомъ 1812 г. далъ подсудимымъ право протеста противъ такого рода судебныхъ рѣшеній предъ высшею духовною властью.

Сумма сословныхъ *правъ духовенства* въ общихъ чертахъ уже достаточно обозначилась еще въ прошломъ столѣтіи, такъ что теперь оставалось только точнѣе опредѣлить ее въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Благочестивый государь постоянно оказывалъ священнослужителямъ знаки глубочайшаго почтенія; во время своихъ разъѣздовъ по имперіи онъ благоговѣйно подходилъ къ іерейскому благословенію и цѣловалъ руку каждаго сельскаго священника, который смиренно и съ трепетомъ встрѣчалъ его на паперти своей церкви. Однимъ изъ первыхъ актовъ его законодательства былъ указъ 22 мая 1801 г., которымъ, „желая дать примѣръ уваженія къ свящ. сану въ народѣ и вмѣстѣ укоренить въ немъ самомъ то чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку, каковое служителямъ Вышняго должно быть паче другихъ свойственно“, государь повелѣвалъ привести въ полную силу и дѣйствіе распоряженіе имп. Павла объ освобожденіи священнослужителей отъ тѣлеснаго наказанія, изданное еще въ 1796 г., но вскорѣ затѣмъ оставленное безъ исполненія. Въ 1808 г. сила этого указа распространена была и на членовъ священнослужительскихъ семействъ. Съ 1804 г. дома лицъ изъ бѣлаго духовенства стали освобождаться отъ поземельнаго сбора, а съ 1821 г. отъ постоя и прочихъ городскихъ и полицейскихъ повинностей. Въ 1804 же году дана духовенству еще одна привиллегія благородныхъ людей,—право покупать земли, впрочемъ незаселенныя, безъ крѣпостныхъ людей. Право владѣть крѣпостными людьми могли имѣть только такія духовныя лица, которыя имѣли права дворянства какъ родоваго, такъ и пріобрѣтеннаго по орденамъ. Права духовенства по суду подверглись, какъ мы видѣли, нарушенію вслѣдствіе указовъ 1816 и 1818 гг. объ отдачѣ всѣхъ нарушителей церковнаго благочинія уголовному суду; но въ 1821 г. подсудность духовенства по всякимъ вообще дисциплинарнымъ винамъ одной духовной власти была возстановлена снова. Указами 1810 и 1812 гг. были подробно развиты правила о духовныхъ депутатахъ въ гражданскомъ судѣ надъ духовенствомъ; въ 1823 г. этимъ депутатамъ дано право голоса наравнѣ съ прочими членами судебныхъ присутствій. Подъ конецъ царствованія, по поводу торговыхъ занятій двухъ священническихъ вдовъ, возникъ вопросъ о принадлежности къ духовному вѣдомству членовъ духовныхъ семействъ женскаго пола и былъ рѣшенъ св. Синодомъ въ отрицательномъ смыслѣ; но практика епархіальнаго суда постоянно подчиняла ихъ своей власти наравнѣ съ ихъ отцами, мужьями и др. родственниками, состоявшими въ клирѣ, да и сама духовная власть смотрѣла на нихъ, какъ на своихъ людей, входила во всѣ ихъ наслѣдные счеты изъ-за церковныхъ мѣстъ и заботилась объ ихъ пропитаніи на счетъ церковной

службы. Въ 1817 г. отъ Синода и Сената изданы были указы. по которымъ въ вѣдомство дух. власти переходила опека надъ духовными сиротами, бывшая прежде въ общемъ съ другими сословіями (кромѣ дворянъ) гражданскомъ вѣдомствѣ сиротскихъ или уѣздныхъ судовъ.

Въ первое время правительство собиралось сдѣлать очень многое и по вопросу *о матеріальномъ обезпеченіи* духовенства. На первыхъ порахъ указомъ 1801 г. была возвышена вдвое изданная при Екатеринѣ нищенская такса за требы и отмѣненъ законъ 1797 г. объ обработкѣ прихожанами церковной земли, поведшій только къ лишнимъ непріятностямъ между духовенствомъ и прихожанами и кромѣ того еще къ тому, что церковная земля въ немаломъ количествѣ совсѣмъ пропадала за прихожанами, особенно въ приходахъ, гдѣ количество ея сколько нибудь превышало 33-десятинную норму церковнаго надѣла. Новый указъ находилъ желательнымъ, чтобы, ревнуя примѣру древнихъ патріарховъ и апостольской простотѣ нравовъ и упражненій, духовенство само подавало прихожанамъ примѣръ земледѣльческаго труда,—труда „благороднѣйшаго и въ очахъ истинной мудрости почтеннаго". Комитетъ 1808 г. однако не раздѣлялъ этихъ идиллическихъ понятій, отнесся къ нимъ отрицательно и призналъ за лучшее обезпечить причты опредѣленными окладами жалованья съ тѣмъ, чтобы за необходимыя требы духовенство не взимало уже никакой платы, а земля оставалась для него только подспорьемъ къ денежнымъ окладамъ. Но проектъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ приведенъ въ исполненіе и, вмѣсто пользы, принесъ духовенству даже не малый вредъ: кромѣ того, что изъ-за него церкви лишились своихъ экономическихъ суммъ, онъ еще далъ поводъ къ замедленію крайне важнаго для духовенства дѣла,—межеванія къ церквамъ земель, такъ что въ теченіи всего царствованія межеваніе произведено было только въ двухъ губерніяхъ—Казанской и Симбирской. При такихъ обстоятельствахъ для поддержанія благосостоянія духовенства духовная администрація съ своей стороны только и могла употреблять одно старое и испытанное средство,—поддерживать прежнія штатныя положенія о приходахъ, не допуская открытія новыхъ приходовъ при маломъ числѣ приходскихъ дворовъ. Въ 1818 г. вышло общее распоряженіе Синода, чтобы, въ случаѣ необходимости построенія новой церкви при недостаточномъ числѣ приходскихъ душъ, содержаніе ея и ея причта непремѣнно было восполняемо процентами съ положеннаго на нее въ кредитныя учрежденія капитала въ нужномъ для того размѣрѣ.

Духовенство монашествующее. Его права. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ узаконеній касательно бѣлаго духовенства отно-

сились и къ духовенству монашествующему. Такъ, указъ 1801 г. объ освобожденіи священно-служителей отъ тѣлесныхъ наказаній простирался одинаково и на бѣлыхъ и на черныхъ священниковъ и діаконовъ; потомъ въ 1811 г. сила его распространена на простыхъ монаховъ. Точно такъ же на монаховъ простерлись было на время (до 1821 г.) и распоряженія 1816—1817 гг. о нарушителяхъ церковнаго благочинія. Въ 1823 г. вышли особыя правила о наказаніяхъ за преступленія въ церквахъ духовныхъ лицъ, общія какъ для бѣлаго, такъ и для черного духовенства, и о самомъ судопроизводствѣ по этого рода дѣламъ въ духовныхъ судахъ. Самымъ высшимъ наказаніемъ назначено лишеніе виновныхъ сана съ припиской въ податное состояніе или въ солдатство. Но изъ опасенія соблазна такихъ преступниковъ изъ монаховъ духовныя власти старались большею частію оставлять при монастыряхъ же въ нисшихъ послушаніяхъ. Относительно монаховъ, слагавшихъ съ себя монашество, не только духовныя, но и свѣтскія власти держались болѣе строгихъ воззрѣній, чѣмъ относительно слагавшихъ санъ священно-служителей. Въ 1822 г., по поводу просьбы одного такого разстриги, екатеринославскаго архимандрита Іоасафа, о возвращеніи ему прежняго гражданскаго чина, въ государственномъ совѣтѣ возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли слагающимъ съ себя монашество возвращать права, пріобрѣтенныя ими до постриженія. За исключеніемъ одного члена, барона Кампенгаузена, который доказывалъ, что вопросъ о нарушеніи обѣтовъ, данныхъ одному Богу, для свѣтскаго правительства есть вопросъ посторонній и что кромѣ того удержаніемъ въ монашествѣ людей, по душѣ уже принадлежащихъ міру, поощряется одно лицемѣріе, всѣ остальные члены рѣшили вопросъ отрицательно, и государь утвердилъ ихъ мнѣніе. Въ первые годы царствованія Александра возникали вопросы объ имущественныхъ правахъ монастырей, но рѣшались постоянно въ пользу послѣднихъ. Городскія имущества ихъ освобождались и отъ поземельнаго, и отъ всѣхъ другихъ сборовъ и повинностей, кромѣ мостовой и фонарной, а такъ же отъ воинскаго постоя, хотя бы даже отдавались въ наемъ. Остальныя недвижимыя имущества, земли и угодья, освобождены были отъ оброчныхъ денегъ въ казну. Въ 1812 году государь освободилъ монастырскія и церковныя земли даже отъ общаго по имперіи сбора со всѣхъ земель, угодій и доходныхъ статей, объявленнаго манифестомъ 11 февраля во время самой настоятельной нужды государства въ деньгахъ.

Средства монастырей при Александрѣ увеличились даже противъ предшествовавшаго, весьма благопріятнаго для нихъ царствованія. Въ 1805 и 1810 гг. вышли распоряженія о предоставленіи имъ даже права пріобрѣтать для себя новыя земли, хотя

впрочемъ только въ видѣ изъятія изъ общаго запретительнаго о томъ правила и подъ условіемъ высочайшаго разрѣшенія на каждый случай. По указамъ 1810 и 1823 гг. высочайшее соизволеніе требовалось такъ же для рѣшенія всѣхъ тяжебныхъ и другихъ дѣлъ, клонившихся къ отчужденію или уменьшенію недвижимой собственности монастырей. Кромѣ того, правительство весьма часто оказывало разнымъ монастырямъ частныя милости по просьбамъ ихъ настоятелей и братіи въ формѣ щедрыхъ денежныхъ и поземельныхъ дачъ на ихъ нужды или въ видѣ отпуска извѣстнаго количества лѣса съ казенныхъ земель и др. матеріаловъ на постройки. Благодаря такимъ щедротамъ, монастыри успѣли за это время значительно поправиться отъ упадка, до котораго дошли въ XVIII в.; многія обители перестроились даже совсѣмъ заново.

Для возвышенія *внутренняго благосостоянія монастырей* св. Синодъ и епархіальные архіереи по прежнему заботились о введеніи въ нихъ общежитія. Самъ государь въ разговорахъ съ духовными лицами отдавалъ предпочтеніе общежительному устройству обителей, съ которымъ познакомился въ Валаамскомъ монастырѣ, достигшемъ въ этомъ отношеніи до образцоваго совершенства еще при м. Гавріилѣ и игуменѣ Назаріѣ. Послѣдній доживалъ теперь свою подвижническую жизнь на покоѣ въ Саровской обители, откуда и взятъ былъ на Валаамъ и по образцу которой устроивалъ обитель Валаамскую. Саровская пустынь и теперь продолжала считаться образцомъ общежительнаго устройства, благодаря умному и благочестивому игумену *Нифонту,* и славилась именами нѣсколькихъ уважаемыхъ подвижниковъ, жившихъ въ ея общежитіи или подвизавшихся въ окружающихъ ее лѣсахъ, каковы игуменъ Назарій, ученикъ его *Иларіонъ,* схимонахъ *Маркъ* и старецъ Серафимъ. Первые двое извѣстны такъ же своими аскетическими писаніями, писанными въ назиданіе обращавшимся къ ихъ духовной опытности инокамъ и инокинямъ. На сосѣднемъ съ Валаамомъ островѣ Коневскомъ явился свой Назарій—устроитель обители, *Иларіонъ,* позаботившійся не только объ устроеніи иноческой жизни, но и о средствахъ къ религіозному образованію своихъ монаховъ чрезъ устройство монастырской библіотеки. Уставъ его игуменомъ *Даніиломъ* введенъ былъ въ 1824 г. въ Оптину пустынь, недавно устроенную послѣ долгаго запустѣнія трудами строителя *Аврамія,* старца весьма уважаемаго въ Калужской епархіи. Изъ мѣстныхъ архіереевъ особенно дѣятельное участіе въ устроеніи монастырской жизни принималъ Филаретъ Амфитеатровъ, покровительствовавшій Оптиной пустыни болѣе другихъ монастырей; въ 1821 г., въ восполненіе къ ея общежитію, онъ устроилъ при ней еще пустынный

скитъ на мѣстѣ уединенныхъ подвиговъ схимника *Іоанникія*, умершаго въ 1815 г., и вызвалъ въ этотъ скитъ дружину отшельниковъ изъ Рославльскихъ лѣсовъ Смоленской епархіи.—Въ Глинской пустыни Курской епархіи былъ введенъ строгій общежительный уставъ игуменомъ *Филаретомъ*; уставъ этотъ былъ примѣненъ къ правиламъ Аѳонской горы и былъ утвержденъ св. Синодомъ. Послѣ того Филаретъ составилъ еще три устава для женскихъ обителей.—Въ Орловской епархіи строгостію жизни была извѣстна Площанская пустынь при строителѣ *Серафимѣ*; здѣсь подвизался тогда въ схимничествѣ старецъ *Аѳанасій*, одинъ изъ учениковъ Паисія величковскаго. Между иноками разныхъ монастырей не мало было истинныхъ подвижниковъ, жизнь которыхъ напоминала древнія времена подвижничества св. мужей, прославляемыхъ церковію. Такъ, въ Задонскомъ монастырѣ такимъ же почти благоговѣніемъ въ народѣ, какъ старецъ Серафимъ саровскій, пользовался *Георгій Машуринъ*, проведшій 16 лѣтъ въ суровомъ затворѣ, въ постѣ и молитвахъ († 1836 г.). Въ Кирилловомъ монастырѣ сохраняется благоговѣйная память о подвижнической жизни уволеннаго сюда на покой (въ 1825 г.) пензенскаго епископа *Амвросія Орнатскаго*, автора Исторіи Россійской іерархіи († 1827 г.). Такіе подвижники встрѣчались даже въ городскихъ и столичныхъ монастыряхъ, которые находились въ условіяхъ вообще менѣе благопріятныхъ отреченію отъ благъ міра, а нѣкоторые, будучи управляемы за глаза настоятелями изъ ученыхъ монаховъ, обремененныхъ другими школьными или епархіальными должностями, не отличались даже внѣшней дисциплиной.

Имп. Александръ относился къ монашествующему духовенству еще съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ къ бѣлому. Онъ зналъ лично многихъ иноковъ извѣстныхъ своею подвижническою жизнью и любилъ бесѣдовать съ ними. Есть преданіе, что еще въ 1812 г., въ самое тяжкое для него время борьбы съ Наполеономъ, онъ призывалъ къ себѣ нѣкоего монаха *Авеля*, который былъ извѣстенъ своими предсказаніями импер. Екатеринѣ и Павлу I и въ свое время немало пострадалъ отъ нихъ за пророческій даръ; этотъ Авель предсказалъ ему побѣду надъ врагами и взятіе Парижа. Въ 1816 г. въ бытность свою въ Кіевѣ государь тайно посѣтилъ славившагося святою жизнію іеросхимонаха *Вассіана*, бесѣдовалъ съ нимъ около 4 часовъ и просилъ исповѣдать его, какъ „всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ своихъ“; намѣстника лавры, который поспѣшилъ принять его, просилъ обходиться съ нимъ, „какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ обитель искать путей ко спасенію, ибо всѣ дѣла мои, говорилъ онъ, и вся слава принадлежать не намъ, а имени Божію,

научившему меня познавать истинное величіе“. Въ 1823 г. въ ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ онъ посѣщалъ благочестиваго іеромонаха *Амфилохія*. Въ 1825 г. предъ отъѣздомъ въ послѣднее свое путешествіе въ Крымъ онъ былъ на богомольѣ въ Александроневской лаврѣ и съ благоговѣніемъ внималъ суровому поученію престарѣлаго схимника *Алексія* въ его мрачной кельѣ съ открытымъ гробомъ вмѣсто постели. Болѣе извѣстныхъ иноковъ нерѣдко принималъ онъ и у себя, когда они пріѣзжали въ Петербургъ. Пользуясь его благорасположеніемъ, разные монастырскіе настоятели и монахи испрашивали у него аудіенцій и излагали передъ нимъ свои представленія и просьбы лично. Въ 1815 г. одинъ изъ ревнителей церкви въ родѣ архим. Фотія, симоновскій архимандритъ *Герасимъ* явился къ государю во дворецъ и на колѣнахъ умолялъ защитить церковь отъ поруганія, показывая ему при этомъ изображенія Спасителя и Божіей Матери на табакеркахъ, тарелкахъ и др. обиходныхъ вещахъ. Потомъ онъ подавалъ еще какія-то письма о томъ же предметѣ и „о нѣкоторыхъ книжкахъ, противу познанной истины учащихъ“. Другіе монахи пользовались такими аудіенціями для нуждъ своихъ монастырей. Чаще всего для просьбъ о своихъ нуждахъ монастыри пользовались личными посѣщеніями ихъ императоромъ во время его разъѣздовъ и рѣдко получали отказы.

Явные знаки благоволенія правительства и значительное улучшеніе матеріальнаго благосостоянія монастырей много способствовали къ *возрастанію числа монашествующаго духовенства*. Новыхъ монастырей открылось впрочемъ не болѣе четырехъ. Всѣхъ монастырей по статистикѣ Арсеньева въ 1818 г. круглымъ числомъ насчитывалось 500 съ 7000 монашествующихъ лицъ, по статистикѣ Зябловскаго въ 1815 г.—387 мужескихъ съ 4900 монаховъ и 91 женскихъ съ 1696 монахинями. Увеличеніе числа желающихъ постриженія повело за собой увеличеніе монастырскихъ штатовъ, о которомъ правительство постоянно получало просьбы какъ отъ штатныхъ, такъ и отъ заштатныхъ монастырей; удовлетвореніе такихъ просьбъ производилось впрочемъ не общими указами относительно всѣхъ монастырей, а только частными для тѣхъ, гдѣ въ томъ открывалась надобность. Во время своего генералъ-губернаторства въ Сибири Сперанскій обратилъ вниманіе на недостатокъ числа монашествующихъ въ Сибири. Вопросъ объ увеличеніи числа монаховъ здѣсь связывался между прочимъ съ вопросомъ о христіанской миссіи между инородцами, которою Сперанскій въ то время весьма интересовался; на содѣйствіе ей монашествующаго духовенства надѣялись и онъ и епископъ иркутскій *Михаилъ*. По ихъ представленію св. Синодъ объявилъ по монастырямъ вызовъ желающихъ ѣхать въ Сибирь.

По этому вызову въ 1824—1825 г. изъ разныхъ монастырей отправлено было туда 8 человѣкъ монаховъ.

Распространеніе христіанства. Дѣло христіанской миссіи среди инородцевъ при имп. Александрѣ оживилось почти во всѣхъ главныхъ пунктахъ, которые требовали или утвержденія крещеныхъ инородцевъ въ христіанствѣ, или обращенія вновь еще необращенныхъ племенъ.

Состояніе миссіи въ поволжьѣ. Упадкомъ миссіонерскаго дѣла въ концѣ XVIII в., какъ извѣстно, болѣе всего воспользовались Татары. Они не только свободно строили въ поволжьѣ и въ Сибири свои мечети и школы, пользуясь въ нихъ подареннымъ имъ при Екатеринѣ печатнымъ Кораномъ, но еще успѣли выхлопотать указъ о переводѣ въ Казань станковъ петербургской азіатской типографіи, которая съ 1802 г. и стала снабжать татарскія селенія въ Россіи цѣлой массой мухаммеданскихъ книгъ. Прежде для полученія религіознаго образованія мухаммеданину нужно было ѣхать въ Стамбулъ или Бухару, оттуда же получались и всѣ нужныя для того татарскія и арабскія книги; теперь все это явилось подъ рукой, въ Казани, которая сдѣлалась такимъ образомъ настоящимъ центромъ мухаммеданскаго образованія. Въ скоромъ времени мухаммеданство развило даже собственную пропаганду между крещеными Татарами. Болѣе полные результаты его дѣятельности обнаружились уже въ слѣдующее царствованіе, ровно черезъ столько времени, сколько нужно было для того, чтобы подросло новое поколѣніе Татаръ, воспитавшихся при новыхъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ: въ 1827 г. открылось первое массовое отпаденіе крещеныхъ Татаръ отъ церкви, въ которомъ приняло участіе до 138 деревень. Но въ меньшихъ размѣрахъ случаи такихъ отпаденій были еще и при Александрѣ I,—въ 1802 г. въ Нижегородской епархіи, въ 1803 въ Нижегородской и Казанской, въ 1811 и 1824 въ Казанской.

По случаю перваго отпаденія 1802 г. разслѣдованія открыли, что причинами этого явленія служили съ одной стороны отсутствіе между крещеными всякаго религіознаго образованія, незнаніе самыхъ употребительныхъ христіанскихъ молитвъ, непониманіе богослуженія на славянскомъ языкѣ, недостатокъ просвѣтительныхъ мѣръ со стороны духовенства за незнаніемъ имъ инородческихъ языковъ, отчужденіе отъ крещеныхъ Татаръ между Русскими, которые при болѣе близкихъ связяхъ съ ними могли бы благотворно повліять на ихъ постепенное обрусеніе, съ другой—постоянное давленіе на нихъ сожительствовавшаго съ ними мухаммеданскаго населенія. Внѣшнимъ толчкомъ, поднимавшимъ ихъ къ отпаденію, служили распространявшіеся между ними слухи о томъ, что правительство дозволяетъ возвращаться

въ мухаммеданство, кому угодно. При последующихъ отпаденіяхъ отступники прямо ссылались на царскій о томъ указъ, подъ которымъ разумѣли обыкновенно указъ 1764 г. о закрытіи новокрещенской конторы, гдѣ между прочимъ говорилось о томъ, чтобы некрещенымъ Татарамъ, желающимъ остаться въ своей вѣрѣ, не чинилось принужденія къ крещенію. При первомъ извѣстіи объ отпаденіи Татаръ 1802 года вышелъ именной указъ, которымъ предписывалось: 1) перевести на татарскій языкъ символъ вѣры, десятословіе и нѣкоторыя молитвы, 2) для приготовленія кандидатовъ на священническія мѣста въ татарскихъ приходахъ по семинаріямъ ввести обученіе татарскому языку и 3) духовенству стараться приводить сихъ непросвѣщенныхъ къ познанію истинной вѣры, а коренныхъ Русскихъ увѣщевать, чтобы они не презирали новокрещеныхъ Татаръ, не чуждались ихъ и входили съ ними въ родственныя связи. Въ тоже время по министерству внутреннихъ дѣлъ вышло распоряженіе запретить пропаганду муллъ, переводить по возможности новокрещеныхъ Татаръ на жительство въ русскія селенія и предписать, чтобы въ татарскихъ селеніяхъ они не были устраняемы отъ сельскихъ должностей.

Въ 1803 г. указъ о переводѣ символа вѣры, десятословія и молитвъ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ, гдѣ были инородцы, и епархіальныя начальства озаботились переводомъ краткихъ катихизисовъ на разные инородческіе языки. Въ теченіе 1803—1809 гг. были напечатаны краткіе катихизисы на олонецкомъ, корельскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ (1804), татарскомъ (1805), калмыцкомъ и персидскомъ (1807) языкахъ, кромѣ того на мордовскомъ и черемисскомъ краткій катихизисъ и молитвы съ исповѣдью, а на чувашскомъ и татарскомъ (1809) однѣ молитвы съ исповѣдью. Скудость религіозно-образовательныхъ средствъ для крещеныхъ инородцевъ поволжья и сосѣднихъ мѣстностей въ болѣе замѣтной степени стали восполняться послѣ открытія въ Нижнемъ, Казани, Астрахани и Вяткѣ отдѣленій Библейскаго общества, которыя начали дѣятельно распространять, если не между самими инородцами, то по крайней мѣрѣ между духовенствомъ ихъ приходовъ, библейскіе переводы и переводныя брошюры. На татарскомъ языкѣ вышло нѣсколько переводовъ св. книгъ; въ 1814 г. изданъ весь Новый Завѣтъ, потомъ въ 1818 г. снова на ногайскомъ нарѣчіи въ Астрахани, въ 1820 г. одно Евангеліе на оренбургскомъ нарѣчіи, въ 1818 — 1819 гг. книга Бытія и Псалтирь на ногайскомъ нарѣчіи; кромѣ того въ значительномъ числѣ распространены были Библіи и Новые Завѣты на языкахъ арабскомъ, персидскомъ и татаро-турецкомъ. На чувашскій, мордовскій и черемисскій языки съ 1819 г. переводили Новый Завѣтъ нѣкоторые священники Казанской епархіи; сначала на этихъ

языкахъ напечатано было Четвероевангеліе (въ Казани), потомъ на мордовскомъ и черемисскомъ языкахъ весь Новый Завѣтъ (въ Спб.). На калмыцкій языкъ въ 1815 г. было переведено Евангеліе отъ Матѳея, потомъ въ 1821 г. оно явилось на языкѣ Корелъ Тверской епархіи. Для пермскихъ инородцевъ въ 1821 и 1822 гг. вышли Евангелія и Дѣянія въ переводѣ на зырянскій языкъ. Въ 1823 г. явились еще переводы Евангелія Матѳея на пермяцкій и двухъ первыхъ евангелистовъ на вотяцкій языки, но, кажется, не были напечатаны. Казанскій архіепископъ *Амвросій Протасовъ* (съ 1816 г.), очень много потрудившійся въ просвѣщеніи инородцевъ и въ борьбѣ противъ татарскихъ отступническихъ движеній, въ одномъ представленіи своемъ св. Синоду предлагалъ о необходимости, кромѣ библейскихъ переводовъ, позаботиться еще о переводѣ на инородческіе языки богослужебныхъ книгъ, доказывая, что безъ введенія у инородцевъ богослуженія на ихъ природныхъ языкахъ нельзя и ожидать надлежащаго просвѣщенія ихъ въ вѣрѣ. Едва ли не по его инціативѣ вышли въ свѣтъ чувашскій и черемисскій переводы литургіи. Библейское общество, чуждавшееся всякой церковности, такимъ переводамъ не сочувствовало. При томъ же архіереѣ въ казанской семинаріи и нисшихъ дух. училищахъ были открыты классы инородческихъ языковъ. Кромѣ Казанской епархіи, такіе классы открывались еще въ епархіяхъ Нижегородской, Вятской, Пензенской, Пермской и Оренбургской. Какъ и въ прежнее время, болѣе склонными къ усвоенію христіанской проповѣди оказывались язычники—Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки и др.; упорнѣе всѣхъ оставались Татары. Болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ обращенія ихъ къ христіанству не встрѣчаемъ во все царствованіе Александра. При томъ оживленіи, какое открылось тогда въ мухаммеданствѣ, церкви православной было даже вовсе не до новыхъ обращеній, приходилось заботиться скорѣе о защитѣ отъ его пропаганды своихъ собственныхъ чадъ изъ крещеныхъ Татаръ, а отчасти и другихъ инородцевъ.

Въ Нижегородской епархіи, кромѣ Татаръ, обнаружили попытки къ отпаденію Мордва, между которыми въ Терюшевской волости въ 1808 г. явился пророкъ Кузька, извѣстный подъ названіемъ мордовскаго бога. Огромныя толпы народа собирались въ лѣсъ къ соснѣ, съ которой онъ изрекалъ свои пророчества и назначалъ языческія моленія и жертвы. Нижегородскій архіерей *Веніаминъ Румовскій* самъ ѣздилъ увѣщевать суевѣровъ, но успокоить это движеніе ему удалось только при содѣйствіи помѣщика, князя грузинскаго *Георгія*. Кузька былъ схваченъ, наказанъ кнутомъ около своего завѣтнаго дерева и сосланъ въ Сибирь.

Распространеніе христіанства у Калмыковъ и Киргизовъ. Въ южныхъ частяхъ Поволжья въ христіанствѣ числилось небольшое число *Калмыковъ*, но они не имѣли ничего общаго съ православною церковію и продолжали спокойно соблюдать всѣ свои старые ламайскіе обряды. Въ 1807 г. къ нимъ посланъ былъ вновь изданный калмыцкій катихизисъ. Въ 1815 г. Библейское общество издало для нихъ переводъ Евангелія Матеея и поспѣшило послать 10 экземпляровъ пяти почетнѣйшимъ калмыцкимъ владѣльцамъ,—тѣ приняли подарокъ, но, какъ доносилъ обществу ректоръ астраханской семинаріи, „вѣроятно по невѣжеству не совсѣмъ охотно“ пользовались этимъ даромъ всеблагаго Бога. Вмѣсто православнаго вліянія въ ихъ кочевьяхъ одно время стало развиваться иновѣрное вліяніе братьевъ гернгутеровъ, сосредоточившихся при Екатеринѣ II въ богатую и сильную общину въ Сарептѣ и вслѣдствіе промышленныхъ сношеній съ Калмыками близко знакомыхъ съ ихъ языкомъ и бытомъ. Въ началѣ 1800 годовъ нѣкто *Бергманъ* нарочно путешествовалъ по степямъ для изученія калмыцкаго языка и религіи, а 1815 г. туда поѣхали уже два гернгутерскихъ миссіонера *Шилль* и *Гибнеръ*, за ними потомъ послѣдовали другіе проповѣдники сарептской общины. Въ 1820 г. гернгутеры получили даже оффиціальное разрѣшеніе на обращеніе Калмыковъ. Въ 1821 г. для проповѣди, съ разрѣшенія министерства иностранныхъ дѣлъ, ѣздилъ въ степи пасторъ *Корнелій Рамнъ*, но безъ особеннаго успѣха. Владѣльцы калмыцкихъ кочевьевъ и ламайское духовенство постоянно мѣшали дѣлу миссіонеровъ и возставали противъ новообращенныхъ. Въ 1822 г. правительство почло нужнымъ открыто поддержать гернгутерскую миссію и предписало приставу калмыцкаго народа и владѣльцамъ оказывать ей всякое содѣйствіе, кромѣ того, чрезъ петербургскій комитетъ Библейскаго общества велѣло выслать имъ значительное количество библейскихъ переводовъ. Успѣхи миссіи не усилились впрочемъ и послѣ этого, а между тѣмъ въ Петербургѣ вскорѣ повѣяло уже другимъ духомъ неблагопріятнымъ для иновѣрныхъ проповѣдниковъ; въ 1823 г. вышло рѣшительное распоряженіе не обращать Калмыковъ въ гернгутерство, а тѣхъ, которые были уже обращены, причислить къ православной церкви. Еще менѣе имѣло успѣха христіанство среди *Киргизовъ* въ зауральскихъ степяхъ. Въ 1820-хъ годахъ за обращеніе ихъ принялись шотландскіе миссіонеры, жившіе въ нѣкоторыхъ пограничныхъ городахъ Россіи, но не имѣли никакого успѣха. Русскихъ Киргизы боялись и относились къ нимъ съ недовѣріемъ; въ 1820 г. достаточно было однихъ только слуховъ, будто правительство задумываетъ перепись Киргизовъ для распространенія между ними осѣдлой жизни, чтобы цѣлая четверть Бу-

кѣевской орды откочевала за Уралъ. Правительство имѣло серьезную мысль завести православную киргизскую миссію. Въ 1822 г. изданъ былъ уставъ о сибирскихъ Киргизахъ,—въ немъ эта мысль высказывалась очень ясно и подробно; обращать ихъ рекомендовалось мѣрами убѣжденія, безъ всякаго принужденія, въ случаѣ обращенія болѣе значительнаго числа — до 1000 человѣкъ — областному начальству указывалось позаботиться объ устроеніи для нихъ церкви и школы. Но дальше этихъ благихъ намѣреній дѣло пока не пошло.

Возстановленіе христіанства на Кавказѣ. На Югѣ Россіи Русской церкви предстояли попеченія о возстановленіи христіанства между горскими племенами Кавказа. По упраздненіи Моздокской епархіи, оставшись безъ духовнаго руководства и даже безъ церквей, обращенные къ христіанству Осетины начали во множествѣ переходить въ исламъ или возвращаться къ своимъ прежнимъ языческимъ суевѣріямъ. Успѣхи мухаммеданства прежде всего обратили на себя вниманіе мѣстныхъ военныхъ властей. Въ 1811 г. генералъ Тормасовъ для обращенія горскихъ племенъ предлагалъ даже іезуитскую пропаганду, но государь выразилъ желаніе, чтобы для этой цѣли найдены были способные православные миссіонеры. Въ 1814 г. правительство распорядилось снова открыть упраздненную осетинскую миссію и назначило для членовъ ея 14,750 р. жалованья изъ казны. Она составилась изъ 19 духовныхъ и 5 свѣтскихъ лицъ подъ главнымъ управленіемъ телавскаго и грузино-кавказкаго архіепископа *Досиѳея*; въ распоряженіе ея для охраны миссіонеровъ дано 1000 человѣкъ казацкаго конвоя. Въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1817 года, она успѣла обратить въ христіанство свыше 6000 душъ, не смотря на то, что сама вредила своимъ успѣхамъ, постоянно вмѣшиваясь въ гражданскія дѣла и возбуждая противъ себя ропотъ мѣстныхъ владѣльцевъ, такъ какъ въ основу своей дѣятельности полагала отобраніе новокрещеныхъ горцевъ изъ-подъ власти ихъ господъ. Для устроенія церквей, въ которыхъ новообращенные крайне нуждались, изъ государственнаго казначейства съ 1816 г. отпущено было 24,000 р. Еще успѣшнѣе пошло дѣло миссіи, когда главнымъ управителемъ ея дѣлъ сдѣлался новый экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ. Св. Синодъ, по его предложенію, составилъ для нея новую инструкцію, по которой, во избѣжаніе недавней ошибки Досиѳея, дѣло обращенія Осетинцевъ предписывалось вести только духовными средствами, не ослабляя ничьей власти и какъ можно рѣже употребляя мірскія средства, крещеніе преподавать, удостовѣрившись напередъ въ искренности обращенія крещаемыхъ, на проповѣдь являться безъ всякой огласки и конвоя, не какъ посланнымъ отъ правитель-

ства, а какъ простымъ странникамъ, желающимъ спасенія людямъ, и считать дѣло проповѣди конченнымъ не прежде, какъ обращенные пожелаютъ имѣть церкви и священниковъ. Самымъ дѣятельнымъ членомъ миссіи явился протоіерей *Николай Самарганов*, исправлявшій должность благочиннаго въ осетинскихъ приходахъ, большею частію имъ же и устроенныхъ. Много содѣйствовали успѣхамъ христіанской проповѣди и свѣтскія лица,—грузинскіе князья, осетинскіе дворяне и старшины. Въ теченіе всего времени управленія Ѳеофилакта (1817—1821 г.) число новообращенныхъ простиралось свыше 47,100 человѣкъ Осетинъ и др. горцевъ и еще 130 дымовъ Удскаго племени. Церквей для однихъ Осетинъ было выстроено и вовобновлено изъ развалинъ 29. Ѳеофилактъ обратилъ вниманіе на самое богослуженіе горцевъ, совершавшееся до него въ иныхъ мѣстахъ на грузинскомъ или армянскомъ языкѣ, а въ иныхъ даже на греческомъ, и позаботился о переводѣ богослужебныхъ книгъ на осетинскій языкъ. Одинъ дворянинъ *Иванъ Ялгузидзе*, по его внушенію, перевелъ на этотъ языкъ утреннія и вечернія молитвы, катихизисъ, литургію, послѣдованія крещенія, погребенія и брака, а по смерти Ѳеофилакта еще Евангеліе, которое и было напечатано (1824) при московскомъ комитетѣ Библейскаго общества.—При преемникѣ Ѳеофилакта *Іонѣ Васильевскомъ* некрещеныхъ Осетинъ оставалось всего до 1000, поэтому миссія обратила свою дѣятельность на другія ближайшія къ Осетіи племена Кавказа. Въ теченіе трехъ лѣтъ (до 1825) крещено было еще болѣе 5000 горцевъ; церквей выстроено и возстановлено 20, для чего въ 1823 г. изъ государственнаго казначейства было отпущено 12500 р. Къ 1823 г. всѣхъ обращенныхъ считалось 60,895 душъ и 130 дымовъ Удскаго племени, а всѣхъ приходовъ 67 съ 60 причтами, состоявшими на жалованьѣ отъ казны.

Но въ то время, какъ христіанская проповѣдь торжествовала побѣду надъ язычествомъ и мухаммеданствомъ однихъ кавказскихъ племенъ, другія племена, жившія въ обѣихъ Кабардахъ и по восточному берегу Чернаго моря, быстро развивались и крѣпли въ своемъ мухаммеданскомъ фанатизмѣ и вели постоянную борьбу съ Русскими, особенно во время турецкой войны съ 1806 года. Неоднократныя вторженія турецкихъ войскъ въ землю Черкесовъ по восточному берегу Чернаго моря, особенно въ 1807 г., сильно содѣйствовали самому широкому распространенію здѣсь ислама. Въ восточной части Кавказа между народами сѣвернаго Дагестана и Чечни въ 1820-хъ годахъ стало распространяться фанатическое ученіе, извѣстное потомъ подъ именемъ мюридизма, проповѣдовавшее своимъ послѣдователямъ отреченіе отъ всего земнаго, безусловное повиновеніе имаму и казаватъ—религіозную

войну противъ невѣрныхъ, т. е. Русскихъ, какъ главнѣйшую обязанность правовѣрныхъ. Основателемъ его былъ пророкъ *Мулла-Мухаммедъ*. Въ 1824—1825 гг. религіозное восстаніе охватило чуть не весь Дагестанъ и усмиреніе его стоило большихъ усилій нашимъ кавказскимъ войскамъ. Первыя движенія фанатиковъ были остановлены, самъ пророкъ предался бѣгству, но мюридизмъ не былъ этимъ уничтоженъ и продолжалъ волновать кавказскія племена въ теченіе всего слѣдующаго царствованія, особенно при знаменитомъ имамѣ Шамилѣ.

Распространеніе христіанства у Самоѣдовъ. На противоположной окраинѣ русскаго міра, на крайнемъ его сѣверѣ до сихъ поръ коснѣло въ язычествѣ кочевавшее по тундрамъ Архангельской губерніи племя Самоѣдовъ. Въ 1821 г. архангельскій епископъ *Неофитъ*, узнавъ о желаніи нѣкоторыхъ Самоѣдовъ креститься, послалъ въ ихъ кочевья перваго миссіонера, священника *Өедора Истомина*, который и положилъ начало самоѣдской миссіи, крестивъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ своего путешествія до 45 человѣкъ обоего пола и еще огласивъ человѣкъ до 50. Послѣ донесенія объ этомъ св. Синоду послѣдній распорядился объ устройствѣ для Самоѣдовъ правильной миссіи; положено было отправить къ нимъ двоихъ священниковъ съ причетниками, снабдивъ ихъ двумя походными церквами; на ихъ содержаніе и разъѣзды исходатайствовано было свыше 14,000 р. изъ казны; гражданскимъ начальствамъ велѣно оказывать миссіи всякое содѣйствіе, особенно улучшеніемъ быта крещеныхъ и защитой ихъ отъ пустозерскихъ жителей, которые держали дикарей въ недобросовѣстномъ экономическомъ рабствѣ. Епископъ Неофитъ съ своей стороны нашелъ возможнымъ, вмѣсто двухъ священниковъ, послать въ тундры цѣлую миссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ подъ начальствомъ архимандрита *Веніамина Смирнова*. Миссія эта начала свои дѣйствія въ началѣ 1825 г. съ Канинской тундры, имѣя главнымъ пунктомъ г. Мезень, и въ теченіе года крестила 420 человѣкъ, потомъ простерла свою дѣятельность на Тиманскую и Больше-земельскую тундры. Для лучшаго успѣха христіанской проповѣди архимандритъ Веніаминъ съ своими сотрудниками предлагали ее Самоѣдамъ на ихъ народномъ языкѣ и среди самыхъ разъѣздовъ своихъ переводили на самоѣдскій языкъ книги св. Писанія;—переведены были Евангеліе, Дѣянія, соборныя посланія и посланія ап. Павла. Труды миссіи продолжались до 1830 г. и сопровождались весьма удовлетворительнымъ успѣхомъ, не смотря на то, что встрѣчали постоянныя и едва преодолимыя препятствія и со стороны суровой природы края, и отъ крайней неразвитости обращаемыхъ, стоявшихъ по своимъ религіознымъ понятіямъ на самой нисшей степени шаманства, и

наконецъ со стороны даже мѣстныхъ русскихъ поселенцевъ, которые находили, что обращеніе туземцевъ къ христіанству можетъ ослаблять ихъ господство надъ послѣдними, и старались всячески отвращать ихъ отъ крещенія, распространяя между ними слухи, что послѣ крещенія ихъ припишутъ къ Русскимъ, заставятъ покинуть кочевья, поставлять рекрутовъ и т. п. Къ 1880 году всѣхъ крещеныхъ Самоѣдовъ считалось 3303.

Для *религіознаго просвѣщенія сибирскихъ инородцевъ* Библейскимъ обществомъ переводились на ихъ языки священныя книги, но переводы эти не были напечатаны. Болѣе посчастливилось переводу св. книгъ на языкъ монголо-бурятскій. Въ 1820 году толмачъ *Татауровъ* съ бурятскимъ зайсангомъ *Маршунаевымъ* изготовили переводъ Евангелія отъ Матѳея, который и былъ тогда же изданъ и разосланъ по Забайкалью чрезъ генералъ-губернатора Сибири Сперанскаго. Вслѣдъ за тѣмъ явились въ переводѣ Евангеліе отъ Іоанна и Луки и Дѣянія апостольскія. По закрытіи Библейскаго общества печатаніе св. книгъ на монгольскомъ языкѣ продолжалось въ иностранной коллегіи. Кромѣ библейскихъ книгъ, на бурятскомъ языкѣ было выпущено въ свѣтъ много назидательныхъ брошюръ, переведенныхъ миссіонерами британскаго общества *Эдуардомъ Сталибрасомъ* и *Вилльямомъ Сваномъ*, которые въ 1818 г. прибыли въ Забайкалье для проповѣди съ соизволенія самого государя. Христіанская миссія была здѣсь крайне нужна, такъ какъ обращеніе инородцевъ по всему бурятскому Забайкалью остановилось едвали не со времени архіерея Иннокентія Неруновича. Переписка о возобновленіи этой миссіи началась еще въ 1815 г., но дѣло не двигалось впередъ, пока въ Сибирь не явился Сперанскій, отнесшійся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. За недостаткомъ православныхъ миссіонеровъ, онъ принялъ подъ свое покровительство сейчасъ упомянутыхъ миссіонеровъ британскаго общества. Недалеко отъ Селенгинска послѣдніе устроили богатую миссіонерскую колонію съ училищемъ, больницей, библіотекой и даже типографіей, занялись переводами Библейскихъ книгъ и религіозныхъ брошюръ и дѣлали отсюда миссіонерскія экскурсіи по бурятскимъ юртамъ и ламайскимъ кумирнямъ. Дѣятельность ихъ продолжалась до 1840-хъ годовъ, но съ очень слабымъ успѣхомъ, потому что они должны были бороться съ двойнымъ противодѣйствіемъ, и со стороны ламайскаго, и со стороны православнаго духовенства. Между тѣмъ попеченіями иркутскаго епископа *Михаила Бурдукова* къ 1821 г. открылась православная миссія, членами которой были священникъ кульской церкви *Александръ Бобровниковъ*, извѣстный потомъ составитель монгольской грамматики, и одинъ изъ крещеныхъ Бурятъ *М. Сперанскій*, крестникъ генералъ-губернатора. Но ма-

теріальныхъ средствъ для этой миссіи вовсе не было назначено, такъ что Бобровниковъ долженъ былъ по необходимости оставаться при своемъ приходѣ, а Сперанскій кое-какъ самъ добывалъ себѣ содержаніе и въ поощреніе своихъ миссіонерскихъ занятій получилъ только право носить (безъ посвященія) рясу. Не мудрено, что и ихъ миссія имѣла такъ же мало успѣха, какъ англійская. Послѣдняя была по крайней мѣрѣ богата и вліятельна, тогда какъ православные миссіонеры только и могли опираться на государственныя права своего исповѣданія, которыя, какъ и теперь, имѣли очень слабую силу при развитіи среди Бурятъ могущественнаго вліянія многочисленныхъ ламъ, и туземныхъ, и являвшихся изъ монгольскихъ дацановъ. Въ 1822 г. на умноженіе ламъ обратило вниманіе само правительство и стало ограничивать число ихъ штатами, но ничего, кромѣ худаго, этимъ не достигло, потому что штаты нисколько не помѣшали умноженію ламъ нештатныхъ, пользовавшихся у Бурятъ одинаковымъ уваженіемъ съ штатными, а между тѣмъ придали ламизму легальность, притомъ же истолкованы были въ смыслѣ прямаго покровительства ему со стороны самого царя. По внушеніямъ ламъ Буряты постоянно притѣсняли своихъ крещеныхъ земляковъ, вынуждали ихъ или скрывать свою вѣру, или переселяться къ Русскимъ въ совершенно чуждую имъ обстановку жизни. При такихъ условіяхъ не только простые люди, но даже нѣкоторые тайши, расположившись къ христіанской вѣрѣ, должны были таить это расположеніе про себя и помимо воли удерживаться отъ крещенія.

Не много успѣшнѣе шло дѣло миссіи между *Тунгузами*, гдѣ продолжалъ свою проповѣдь протоіерей Кириллъ Сухановъ, и въ суровомъ сѣверовосточномъ углу Сибири между *Чукчами*, гдѣ съ 1799 г. подвизался протоіерей Григорій Слѣпцовъ. Послѣдній долженъ былъ бороться въ своей дѣятельности съ множествомъ почти непреодолимыхъ препятствій и отъ дикости края, и отъ сильнаго противодѣйствія шамановъ; въ 1812 г. Чукчи, напавъ на него врасплохъ, порѣшили было убить его и принести въ жертву землѣ, и онъ спасся, благодаря только защитѣ одного чукотскаго старшины Валютки. Не смотря на всѣ эти препятствія, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, какъ доносилъ онъ въ 1815 г. епископу Михаилу, ему удалось обратить ко Христу „не малое число тысящъ“ дикарей. Обращеніе это было впрочемъ очень непрочное; получивъ за крещеніе подарки, Чукчи предавались потомъ прежнимъ своимъ суевѣріямъ, забывали и свое крещеніе, и самыя имена, полученныя въ христіанствѣ. Въ 1815 г., ослабѣвъ въ здоровьѣ, Слѣпцовъ поступилъ въ Якутскій монастырь съ именемъ Георгія. Преемниками его были протоіерей

Алексѣй Дычковскій, священники Михаилъ Слѣпцовъ, Матвей Поповъ и Іоаннъ Шадринъ. Въ Американскихъ владѣніяхъ продолжали подвизаться оставшіеся въ живыхъ члены алеутской миссіи 1794 года. Изъ трехъ лицъ, оставшихся отъ этой миссіи, іеромонахъ *Аѳанасій* жилъ на Кадьякѣ при тамошней церкви, единственной для всей Америки, совершалъ при ней богослуженіе и требы и поддерживалъ школу для дѣтей, основанную еще въ прежнее время, монахъ *Германъ* занимался проповѣдью вѣры и обученіемъ алеутскихъ дѣтей сиротъ на о. Еловомъ, другой монахъ *Іоасафъ* состоялъ при Аѳанасіѣ. Въ 1816 г. явилась новая церковь въ Ситхѣ, къ ней опредѣленъ священникъ *Алексѣй Соколовъ* и христіанство получило возможность проникать отсюда въ среду дикихъ Колошъ Америки. Въ 1820-хъ годахъ американская компанія устроила еще двѣ церкви въ Уналашкѣ и Атхѣ; къ первой изъ нихъ въ 1823 г. переведенъ изъ Иркутска священникъ *Іоаннъ Веніаминовъ*, впослѣдствіи митрополитъ московскій.

Съ 1809 г. улучшена судьба нашей иноземной *Пекинской миссіи*. По докладу м. Амвросія содержаніе ея увеличено до 6500 руб., почти вдвое противъ прежняго штатнаго оклада. Срокъ пребыванія миссіонеровъ въ Китаѣ, вмѣсто 7-лѣтняго, назначенъ 10-лѣтній. Настоятелемъ миссіи назначенъ знаменитый впослѣдствіи русскій синологъ, архимандритъ *Іоакинѳъ Бичуринъ*.

На западной окраинѣ Россіи были попытки *обращенія въ христіанство Евреевъ*. Для привлеченія ихъ въ христіанство крещеныхъ изъ нихъ въ 1811 г. положено освобождать отъ несенія рекрутской повинности. Въ 1817 г. съ цѣлію между прочимъ избавить ихъ отъ притѣсненій еврейскихъ кагаловъ учреждено общество израильскихъ христіанъ, въ пользованіе котораго отведено значительное количество казенныхъ земель для поселенія новообращенныхъ, и основанъ въ Петербургѣ особый комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ. Всѣмъ, входившимъ въ составъ общества, дарованы полныя гражданскія права, свобода отъ записи по промысламъ въ цѣхи и гильдіи, отъ военной службы, постоя, содержанія почтъ и другихъ земскихъ повинностей и на 20 лѣтъ свобода отъ податей. Случаевъ частныхъ обращеній Евреевъ вѣроятно было довольно, но едва ли не чаще, чѣмъ православное духовенство, въ обращеніи этомъ участвовали католическіе ксёндзы и особенно іезуиты.

Состояніе уніатской церкви. Гораздо плодотворнѣе для православной церкви были новыя движенія въ ея пользу въ средѣ западно-русскихъ уніатовъ, бывшія результатомъ болѣе благопріятныхъ для православія отношеній къ уніатской церкви новаго правительства, которое съ самаго же начала стало исправ-

лять ошибки прежняго царствованія, слишкомъ уже милостиваго къ Риму и іезуитамъ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра снова была возстановлена Екатерининская система устройства латинской церкви въ Россіи. М. Сестренцевичъ снова былъ признанъ въ своемъ достоинствѣ, не смотря на всѣ происки патера Грубера съ іезуитами и членовъ католической коллегіи; по новому положенію (1801 г.) объ управленіи католическою церковію митрополитъ сдѣланъ былъ даже президентомъ этой самой коллегіи. Уніатская церковь, хотя и оставлена была пока на прежнемъ положеніи, безъ всякаго представительства въ коллегіи, видимо стала оживляться надеждами на скорое улучшеніе своей участи и опять проявила сильное стремленіе къ сближенію съ православіемъ. Предстоятелемъ ея былъ тотъ же самый полоцкій архіепископъ Иракій Лисовскій, который еще при Екатеринѣ и Павлѣ I заботился объ очищеніи уніи отъ примѣси католическихъ элементовъ. Въ 1803 г., обнадеженный новымъ настроеніемъ правительства, онъ послалъ въ Петербургъ своего протоіерея *Іоанна Красовскаго* съ сильными представленіями объ униженномъ и заброшенномъ положеніи своей паствы. Представленія эти произвели на государя сильное впечатлѣніе. Въ томъ же году вышелъ указъ, запрещавшій обращать уніатовъ въ католичество, а въ слѣдующемъ году въ число членовъ католической коллегіи велѣно было включить уніатскаго епископа и трехъ изъ уніатскаго же духовенства ассессоровъ. Изъ епископовъ въ члены ея выбранъ былъ брестскій *Іосафатъ Булгакъ*, человѣкъ впрочемъ чисто католическихъ убѣжденій, находившійся въ рукахъ базиліанскихъ монаховъ. По новымъ настояніямъ Лисовскаго, въ 1805 г. коллегія была раздѣлена на два департамента, католическій и уніатскій, и уніатская церковь получила еще больше самостоятельности и свободы отъ католическаго гнета; предсѣдателемъ уніатскаго департамента назначенъ былъ самъ Лисовскій. Наконецъ въ 1806 г. онъ былъ возведенъ въ санъ самостоятельнаго митрополита. Онъ хотѣлъ сдѣлать еще одно важное дѣло въ пользу уніи—очистить отъ католиковъ уніатскіе монастыри, но противъ этого возстала вся католическая партія въ имперіи. Митрополитъ все таки успѣлъ значительно подорвать силу базиліанъ и, что всего важнѣе, подорвать ихъ неограниченное преобладаніе надъ бѣлымъ духовенствомъ, которое всегда было неизмѣнною опорою народнаго и православнаго элемента въ уніи. Освободивъ его отъ гнета базиліанъ, Лисовскій еще болѣе помогъ его возвышенію, стараясь вывести его изъ его прежняго невѣжества съ помощію вновь устроенной для его образованія полоцкой уніатской семинаріи. Полюбившее его за все это духовенство искренно оплакивало его кончину въ 1809 г.

Послѣ Лисовскаго митрополитомъ былъ назначенъ его викарій, луцкій епископъ *Григорій Кохановичъ*, а полоцкимъ епископомъ—правая рука и искреннiй приверженецъ покойнаго, протоiерей Iоаннъ Красовскій,—оба изъ бѣлаго духовенства. Бѣдствія 1812 г. не дали однако Кохановичу никакой возможности ознаменовать свое управленіе чѣмъ нибудь особенно важнымъ для уніатской церкви. Но католики и базиліане сильно опасались какъ его, такъ и Красовскаго, и еще до восшествія его на митрополію выставляли противъ него своего кандидата на митрополичье мѣсто, I. Булгака. Послѣ смерти Кохановича, когда управленіе митрополіей предоставлено было Красовскому, они опять повели интригу въ пользу Булгака и оттягивали посвященіе Красовскаго отъ 1814 до 1817 г., стараясь въ тоже время всѣми силами подорвать его кредитъ у правительства разными доносами. Слѣдствіемъ этой интриги было то, что въ 1817 г. митрополитомъ дѣйствительно утвержденъ былъ Булгакъ. Послѣ этого базиліане конечно опять усилились надъ бѣлымъ духовенствомъ и для упроченія своего господства постарались въ конецъ унизить и погубить Красовскаго, который былъ теперь самымъ виднымъ и опаснымъ для нихъ представителемъ этого духовенства въ уніатской іерархіи. Въ 1820 г. на него былъ поданъ доносъ съ обвиненіями въ нетрезвости, худомъ содержаніи семинаріи, дурномъ обращеніи съ архіерейскими крестьянами и въ нѣкоемъ секретномъ судѣ надъ духовенствомъ;—этимъ именемъ названы были обычныя келейныя разбирательства архіереями разныхъ пустыхъ ссоръ между духовенствомъ и келейныя же дисциплинарныя вразумленія; правительству дано было понять подъ этимъ именемъ нѣчто жестокое и противозаконное. Не смотря на то, что разслѣдованія по епархіи не оправдали доноса, Красовскій, по высочайшему повелѣнію въ 1821 г. былъ все-таки преданъ суду и вызванъ въ Петербургъ. Судъ производился медленно и придирчиво, при явно враждебномъ противъ него настроеніи всей судной комиссіи, за исключеніемъ только двухъ ея членовъ изъ бѣлаго духовенства, каноника литовскаго *Василія Маркевича* и Луцкой епархіи протоіерея *Іосифа Сѣмашки*, державшихъ сторону подсудимаго. Противъ Красовскаго къ несчастію его былъ и самъ Голицынъ, недовольный имъ за его несочувствіе Библейскому обществу. Отъ духовенства и семинаріи Полоцкой епархіи присылались просьба за просьбой о возвращеніи любимаго архіерея въ епархію, но судъ продолжалъ тянуться въ томъ же направленіи до самаго конца министерства Голицына. При Шишковѣ дѣло кончилось въ пользу подсудимаго; онъ переведенъ былъ только на другую каѳедру, въ Луцкъ, но здѣсь всего черезъ годъ скоропостижно умеръ, отравленный, какъ тогда говорили, бази-

ліанами. Послѣ его смерти партія базиліанъ восторжествовала, но не надолго. Благодаря дѣятельности Лисовскаго и Красовскаго— этихъ усердныхъ подготовителей возсоединенія уніи, бѣлое духовенство успѣло значительно подняться изъ своего прежняго униженія и невѣжества. Изъ среды его по началамъ этихъ замѣчательныхъ іерарховъ успѣли воспитаться новые дѣятели, которые продолжили ихъ дѣло и довели его до полнаго возсоединенія уніи съ православіемъ въ слѣдующее царствованіе: это были Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій и Антоній Зубко.

Отношенія правительства къ Римской церкви. Въ отношеніи къ Риму правительство въ первые годы новаго царствованія проявило замѣтную холодность изъ-за Мальтійскаго ордена. Государь отказался отъ званія гроссмейстера этого ордена, но не отказывался отъ званія его протектора. Между тѣмъ папа Пій VII, находясь подъ давленіемъ Наполеона, долго не соглашался утвердить выбраннаго въ Россіи новаго гроссмейстера Томасси и поднялъ вопросъ даже о правахъ на гроссмейстерство самого импер. Павла, какъ человѣка, не принадлежавшаго къ католической церкви. Потомъ онъ сдался и на то, и на другое, но обида была уже нанесена и Александръ не согласился на присылку въ Россію папскаго нунція. Въ 1803 г. всѣмъ обществамъ и частнымъ лицамъ изъ католиковъ запрещены были всякія непосредственныя связи съ Римомъ, а въ 1804 г. правительство само прервало сношенія съ папою. Іезуиты долго съ нетерпѣніемъ ждали объявленія папскаго декрета о возстановленіи ихъ ордена; декретъ этотъ, полученный еще при Павлѣ I, объявленъ былъ уже осенью 1802 г. и въ то же время съ ордена взято обязательство не допускать въ своихъ монастыряхъ и коллегіяхъ ничего противнаго господствующей вѣрѣ и не привлекать въ латинство молодыхъ людей иныхъ вѣроисповѣданій. Опытные во всякихъ происках іезуиты однако скоро нашли возможность усилить свой орденъ даже болѣе, чѣмъ при Павлѣ I.

Орденъ іезуитовъ. Одно уже каноническое возстановленіе ордена сообщило іезуитамъ полную увѣренность въ себѣ и прежнюю силу. Всѣ члены ордена, разсѣянные по разнымъ странамъ и таившіеся доселѣ подъ масками разныхъ другихъ орденовъ, теперь опять начали соединяться вмѣстѣ и въявь, сосредоточиваясь около своихъ главныхъ центровъ—Полоцка и Петербурга и спѣша сюда со всѣхъ концовъ Европы. Цифра іезуитовъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи, съ 200 скоро дошла до 400 человѣкъ. Первымъ генераломъ ордена былъ избранъ извѣстный патеръ Груберъ, управлявшій до 1805 г. Послѣ этого геніальнѣйшаго интригана генераломъ сдѣлался *Бржозовскій*, тоже типъ іезуита и притомъ іезуита—Поляка. Имѣя во главѣ такихъ вож-

дей, ордену можно было съ полною увѣренностію вести свое обычное дѣло пропаганды латинства. Онъ и теперь, какъ при имп. Павлѣ, выступилъ борцомъ противъ революціонныхъ идей и въ частности противъ религіознаго вольнодумства и съумѣлъ крѣпко сплестись со всѣми современными ему общественными движеніями Россіи. Самую сильную помощь, какъ и въ царствованіе Павла, іезуитамъ доставляли во множествѣ проживавшіе въ Россіи представители французской эмиграціи, разные итальянскіе выходцы и польскіе аристократы,—всѣ эти Ланжероны, Сенъ-При, Ришелье, Де-Местры, Паулуччи, Чарторыжскіе, Четвертинскіе, Ильинскіе, Огинскіе и др., имѣвшіе тогда видное значеніе и на государственной службѣ, и при дворѣ, и въ петербургскомъ обществѣ, а также и коренные русскіе вельможи тѣхъ родовъ, среди которыхъ еще раньше обнаруживались примѣры отступничества отъ православія въ латинство,—Голицыны, Разумовскіе, Завадовскіе, Гагарины, Толстые, Растопчины, особенно разныя знатныя барыни, увлекавшіяся проповѣдью ловкихъ патеровъ, и Польки, бывшія въ замужествѣ за русскими сановниками. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ органовъ іезуитской пропаганды въ большомъ свѣтѣ является *Жозефъ де Местръ*, повѣренный сардинскаго короля Виктора Эммануила, свѣтскій іезуитъ, заклятый врагъ европейскихъ революцій и либеральныхъ движеній, выступившій противъ нихъ на борьбу подъ знаменемъ католицизма въ роли какого-то пророка новыхъ царей и высшаго общества. Его блестящій и парадоксальный умъ, смѣлое краснорѣчіе, полное неожиданныхъ и озадачивающихъ мыслей, всеобъемлющей салонной учености и живой оригинальности, то блещущее фейерверкомъ фразъ и Вольтеровскихъ остротъ, то поражающее громами пророческихъ вѣщаній, было въ высшей степени увлекательно для головъ, на которыя ему приходилось дѣйствовать, не умѣвшихъ мыслить методически и способныхъ поражаться всякимъ блескомъ и трескомъ. Іезуитовъ онъ представлялъ единственною опорою гражданскаго порядка и вѣрными стражами троновъ противъ всякихъ революціонныхъ переворотовъ, а ихъ учебныя заведенія—разсадниками самыхъ вѣрноподданныхъ гражданъ. Въ письмахъ къ министру просвѣщенія Разумовскому онъ доказывалъ, что для Россіи, какъ страны преимущественно воинственной, нужны люди не ученые, а храбрые и честные, и образованіе не свѣтское, а религіозное, что науки творятъ людей безпокойныхъ, склонныхъ къ новизнамъ и порицателей правительства. Всѣ народы, утверждалъ онъ, по какому-то инстинкту всегда ввѣряли дѣло воспитанія священникамъ. Въ XVIII в. допустили страшную ошибку, сосредоточивъ все воспитаніе въ одномъ только знаніи безъ вѣры; эта система воспитанія, приду-

манная для уничтоженія іезуитовъ, произвела поколѣніе, ниспровергшее алтари и зарѣзавшее французскаго короля.

Іезуитскія школы, сосредоточиваясь по управленію и надзору около іезуитскаго полоцкаго коллегіума, охватили своею сѣтью всю западную Россію, стали распространяться и въ другихъ мѣстностяхъ, куда только успѣвало проникать вліяніе ордена. Въ Петербургѣ заведенъ былъ самый надежный разсадникъ латинства,—модный аристократическій пансіонъ аббата *Николя*, про котораго протрубили на всѣхъ стогнахъ, какъ про необыкновеннаго педагога; отцы и особенно матери аристократическихъ семействъ на перебой спѣшили отдавать въ этотъ пансіонъ своихъ дѣтей, платя за іезуитскую порчу ихъ безумныя суммы, по 1500—2000 руб. въ годъ за каждаго воспитанника. Въ 1803 г. открылся еще другой благородный пансіонъ въ самомъ домѣ іезуитовъ въ Петербургѣ съ платой по 1000 р. и въ скоромъ времени имѣлъ уже 56 воспитанниковъ тоже изъ высшаго класса общества. Замѣчательно, что русскіе юноши долгое время учились здѣсь у іезуитовъ даже закону Божію, потомъ, когда въ пансіонъ опредѣленъ былъ законоучитель православный, іезуиты дали ему одинъ только самый неудобный, послѣобѣденный урокъ въ субботу, а свои законоучительскіе уроки заставляли воспитанниковъ слушать своимъ чередомъ по два раза въ недѣлю. Для большаго простора въ своей школьной дѣятельности іезуиты всячески старались освободить свои школы отъ всякаго надзора, даже отъ подчиненія виленскому университету, къ округу котораго онѣ были причислены и отъ котораго имъ всегда можно было опасаться противодѣйствія своей религіозной и противунаучной исключительности. Оба высшихъ заведенія западнаго края,—іезуитскій коллегіумъ въ Полоцкѣ и университетъ въ Вильнѣ, стремились собственно къ одной цѣли,—ослабленію здѣсь русскаго православнаго духа, но въ то время, какъ коллегіумъ преслѣдовалъ исключительно религіозную задачу—распространеніе латинства, университетъ, состоявшій подъ попечительствомъ сильнаго князя *Адама Чарторижскаго*, задавался преимущественно политическими и польсконаціональными видами, считая латинство только однимъ изъ многихъ другихъ средствъ, могущихъ вести къ цѣли, но не самою цѣлью. На университетскія должности іезуиты даже вовсе въ немъ не допускались. Не чувствуя ни возможности, ни даже надобности бороться съ сильнымъ попечителемъ, который такъ или иначе все-таки могъ быть для нихъ полезенъ, іезуиты обратили свои усилія къ тому, чтобы совсѣмъ обособить свои школы отъ университета, составивъ изъ нихъ особый іезуитскій округъ, сосредоточенный около полоцкаго коллегіума. По ходатайству де Местра они достигли этого въ 1812 году.

Іезуитскія миссіи. Кромѣ школъ, іезуиты старались распространять свое вліяніе черезъ миссіи. Въ уніатской церкви они производили большое опустошеніе чрезъ обращеніе въ латинство какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ приходовъ. Кромѣ уніатовъ, въ западномъ краѣ они занялись еще обращеніемъ въ католичество Евреевъ, не стѣсняясь при этомъ даже насильственными мѣрами, особенно любили крестить еврейскихъ дѣтей, забирая ихъ въ свои монастыри насильно, противъ воли ихъ родителей; не мало совращеній производили, такъ же и между православными, особенно между учениками своихъ школъ и въ расположенныхъ по западному краю русскихъ войскахъ. Изъ Полоцка и Витебска дѣятельность ихъ простерлась на Ригу и Митаву, гдѣ жило много католиковъ изъ французскихъ эмигрантовъ, Поляковъ и Нѣмцевъ. Какъ ни возставали противъ нихъ Нѣмцы протестанты, но ничего съ ними не могли подѣлать, потому что за нихъ стоялъ самъ губернаторъ *Паулуччи,* имѣвшій большой вѣсъ въ Петербургѣ. Потомъ они проникли въ Новороссійскій край, гдѣ покровителемъ ихъ явился генералъ губернаторъ Новороссіи герцогъ *Ришелье,* нарочно вызвавшій ихъ къ себѣ съ просвѣтительными цѣлями. На его зовъ въ Новороссію явилось до 15 іезуитовъ, въ томъ числѣ и пресловутый аббатъ Николь. Во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ страны, въ Одессѣ, въ Крыму, въ южнорусскихъ колоніяхъ, они живо понастроили себѣ костелы, каплицы и школы и принялись за пропаганду по всему пространству южной Россіи отъ Кіева до Симферополя и отъ Каменца Подольскаго до Моздока. Главнымъ центромъ ихъ дѣятельности была Одесса, гдѣ у нихъ еще прежде были заведены два пансіона—женскій и мужской. По прибытіи Николя изъ мужскаго пансіона выработался такой же аристократическій іезуитскій конвиктъ, какъ въ Петербургѣ;—послѣ отъѣзда Ришелье во Францію, въ 1817 г. изъ него образовался Ришельевскій лицей, долго сохранявшій свой іезуитскій характеръ, такъ какъ директоромъ его оставался тотъ же аббатъ Николь.

Паулуччи и Ришелье были по крайней мѣрѣ иностранцы и католики; но не менѣе ихъ іезуитамъ помогали и чисто русскіе православные люди, стоявшіе во главѣ администраціи. Кн. Голицынъ до своего укрѣпленія въ мистицизмѣ былъ настоящимъ орудіемъ ордена. Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей ходатайствовалъ о посылкѣ іезуитскихъ миссій въ восточныя степи и въ саратовскія колоніи. Сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель звалъ ихъ въ Сибирь для развитія между сибирскими инородцами цивилизаціи. Московскій генералъ-губернаторъ Ростопчинъ, считавшійся попреимуществу русскимъ человѣкомъ, приглашалъ ихъ даже въ Москву, гдѣ въ числѣ разныхъ барынь, увлеченныхъ ими, состояла между про-

чимъ жена самого Ростопчина. Въ саратовскія колоніи понаѣхало болѣе дюжины іезутовъ; они дѣятельно принялись здѣсь обращать въ католичество колонистовъ протестантовъ, а по временамъ и православныхъ крестьянъ, жившихъ по Волгѣ. Изъ колоній они пробрались въ Астрахань, завладѣли всею здѣшней католической паствой (преимущественно изъ католиковъ Армянъ), устроили два пансіона и стали въ нихъ учить дѣтей, не исключая и дѣтей православныхъ, привлекали къ себѣ на уроки даже воспитанниковъ мѣстной духовной семинаріи, которымъ очень понравились и увлекательные уроки и ласковость іезуитскихъ педагоговъ. Изъ Астрахани и изъ саратовскихъ притоновъ они дѣлали свои миссіонерскія экскурсіи по всей Волгѣ до Казани и внутрь Россіи, въ Пензу, Воронежъ, всюду гдѣ только были хоть какіе нибудь жители католики. Въ Моздокѣ они основали особую миссію, дѣятельность которой простерлась до Тифлиса и оказывала вредное религіозное вліяніе на русскія войска на Кавказѣ. Въ Сибири они основались въ Томскѣ и Иркутскѣ около ссыльныхъ Поляковъ, но не замедлили обнаружить свою дѣятельность и на православныхъ, совершая для нихъ по селеніямъ разныя требы подъ предлогомъ отдаленности русскихъ священниковъ. О цивилизаторскихъ подвигахъ, для которыхъ ихъ приглашали въ Сибирь, разумѣется, не было и помину.

Богатства ордена были громадны. И правдой и неправдой онъ вездѣ пріобрѣталъ для себя и своихъ заведеній земли, зданія, капеллы и разныя доходныя статьи. Однихъ крестьянъ за нимъ числилось до 13500 душъ, доставлявшихъ ему до 700,000 руб. ежегоднаго дохода. Кромѣ того въ качествѣ священниковъ іезуиты получали по 300—3000 р. казеннаго жалованья и столько же, если не болѣе, за требы съ прихожанъ, да еще, какъ педагоги, не менѣе 300,000 въ годъ съ своихъ питомцевъ, въ томъ числѣ до 100,000 р. съ однихъ православныхъ питомцевъ. Къ этому нужно прибавить доходы, какіе они получали съ мельницъ, фабрикъ, постоялыхъ дворовъ, типографій и др. доходныхъ статей. Наконецъ нельзя и опредѣлить, сколько перепадало имъ отъ обиранія ихъ богатыхъ поклонницъ, отъ ростовщичества, которымъ они успѣшно занимались, отъ всякаго мошенничества, обмановъ, фальшивыхъ духовныхъ завѣщаній въ ихъ пользу и т. п. При всемъ томъ они не переставали постоянно плакаться на свою бѣдность, попрошайничали, а сами обнаруживали величайшую безсердечность въ отношеніи къ бѣднякамъ. Самъ государь встрѣчалъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ, неспособныхъ къ работѣ крестьянъ ихъ имѣній безъ всякаго призрѣнія, просящими милостыню,— іезуиты, не желая ихъ кормить, отпускали ихъ отъ себя съ плакатными паспортами по міру,—и приказалъ представить іезуит-

своему генералу всю несообразность такого отношенія къ крестьянамъ съ правилами христіанскаго человѣколюбія.

Противодѣйствіе іезуитамъ и ихъ изгнаніе. Правительство давно уже косо посматривало на дѣятельность ордена. Съ открытіемъ библейскаго общества и мистическаго движенія неудобство терпѣть эту дѣятельность сдѣлалось ощутительнѣе, потому что іезуиты встали въ весьма замѣтную оппозицію какъ противъ мистицизма, такъ и противъ библейскаго дѣла. При усилившемся тогда религіозномъ увлеченіи въ обществѣ одни изъ людей, искавшихъ спасенія, становились на сторону мистицизма, другіе, неудовлетворявшіеся слишкомъ большой свободой и неопредѣленностью мистическихъ ученій и правилъ, нуждавшіеся въ болѣе опредѣленной и строгой духовной дисциплинѣ, особенно женщины, дѣлались жертвами іезуитской пропаганды. Въ 1814 г. въ числѣ совращенныхъ въ католичество оказался племянникъ самого оберъ-прокурора, 17-лѣтній кн. Голицынъ. Дядя посовѣтывалъ отдать его на увѣщаніе Филарету, который еще раньше въ 1811 г. сдѣлался извѣстенъ, какъ знатокъ католицизма, своимъ „Изложеніемъ о разности между восточною и западною церковію", которое онъ написалъ по желанію импер. Елизаветы Алексѣевны, вѣроятно тоже смущенной іезуитами. Плодомъ его успѣшныхъ увѣщаній молодому Голицыну было новое сочиненіе противъ католичества: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ", изданное въ 1815 г. по настоянію оберъ-прокурора. Съ своей стороны государь въ концѣ того же 1815 г. выдалъ указъ, которымъ повелѣвалось изгнать іезуитовъ изъ Петербурга и изъ Москвы съ запрещеніемъ имъ въѣзда въ обѣ столицы. Это былъ первый ударъ, разразившійся надъ іезуитами со стороны правительства, который однако вовсе ихъ не образумилъ. Сосредоточившись послѣ этого въ Полоцкѣ, они и отсюда вели тѣже интриги, какъ изъ Петербурга. Поэтому въ началѣ 1820 г. надъ ними разразился новый ударъ, на этотъ разъ уже болѣе рѣшительный: по высочайшему указу, состоявшемуся вслѣдствіе доклада кн. Голицына, они были наконецъ совсѣмъ изгнаны изъ Россіи; ихъ полоцкая академія съ подвѣдомственными ей училищами была закрыта и все образованіе католическаго духовенства бѣлаго сосредоточено въ католическихъ семинаріяхъ, а духовенства монашествующаго—въ монастыряхъ другихъ орденовъ; имущество іезуитовъ было конфисковано, деньги отданы въ приказы общественнаго призрѣнія, а недвижимыя имѣнія въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ въ качествѣ особой статьи на содержаніе католическаго духовенства и на богоугодные предметы. Орденъ іезуитовъ былъ упраздненъ въ Россіи, но сѣмена, посѣянныя имъ, и послѣ этого долго пробивались на Русской землѣ сорными травами. Къ счастью Россіи

дѣятельность его не была народной, не проникала до грунтовыхъ слоевъ русской земли, а занималась легкой обработкой только ея высшихъ слоевъ съ ихъ наносной съ запада пылью и грязью.

Императоръ Александръ лично былъ вовсе не расположенъ къ католичеству. Слишкомъ определенная догма католической церкви и ея слишкомъ пластическая внѣшность были совершенно не согласны съ его универсальной религіей сердца и его неопредѣленными порываніями къ чему-то невѣдомому и таинственному. Не согласенъ былъ католицизмъ и съ настроеніемъ кн. Голицына, который, если и былъ на первыхъ порахъ орудіемъ іезуитскихъ козней, то единственно благодаря іезуитской ловкости, умѣвшей доводить до содѣйствія ордену даже явныхъ враговъ послѣдняго. Несравненно болѣе благопріятныхъ условій для своего развитія въ русскомъ обществѣ имѣло *вліяніе* разныхъ *протестантскихъ сектъ* мистическаго пошиба, выступившее такъ же, какъ и католическое вліяніе, въ качествѣ противодѣйствія религіозному вольнодумству и покровительствуемое самимъ правительствомъ.

Гн 40 *Масонство*. Религіозный мистицизмъ былъ такимъ же наслѣдіемъ XVIII в., какъ и религіозное вольнодумство, и перешелъ въ XIX в. вмѣстѣ съ масонствомъ, въ кружкахъ котораго былъ прежде его главный пріютъ. Императоръ Александръ отнесся къ масонамъ очень снисходительно. Есть, сомнительное впрочемъ, преданіе, будто бы въ 1803 г. онъ даже самъ намѣревался поступить въ масонство и будто бы даже поступилъ на самомъ дѣлѣ. Въ числѣ братьевъ масоновъ состояли цесаревичъ Константинъ, многіе видные люди придворной и государственной службы, представители знати, литтераторы и др. образованные люди, кромѣ старыхъ масоновъ—Новикова, Лопухина, Гамалѣи, Поздѣева, кн. Репнина, Кошелева и др. Съ дозволенія правительства въ Петербургѣ и др. мѣстахъ въ значительномъ числѣ открывались даже новыя масонскія ложи. Въ запискѣ „О крамолахъ враговъ Россіи" говорится, что до 1822 г. ложи французскія, нѣмецкія, русскія разныхъ системъ расли, какъ грибы послѣ дождя. Въ высшемъ кругу образовалась даже поговорка: „Да кто нынѣ не масонъ"? Правительство закрывало только тѣ ложи, которыя учреждались самовольно и начинали ударяться въ политику, соединяясь съ тайными обществами. Въ 1820-хъ гг. ложи этого рода стали появляться особенно часто, вслѣдствіе чего въ 1822 г. и послѣдовалъ общій указъ о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ и вмѣстѣ о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ. Масонство не было тождественно съ религіознымъ мистицизмомъ,—вдаваясь въ религіозно-мистическія ученія и упражненія, на первый планъ оно все-таки выдвигало исканіе особенной высшей мудрости, тогда

какъ мистицизмъ спеціально проповѣдовалъ религію чувства, внутренняго Слова, непосредственнаго соединенія съ Божествомъ, отрицая въ своей сферѣ всякое значеніе разума; но, сходясь съ мистиками въ понятіяхъ о внутренней церкви, о дѣйствіяхъ внутренняго Слова и др. положеніяхъ религіознаго содержанія, масоны своею дѣятельностію успѣшно подготовляли путь къ распространенію мистицизма. Первые дѣятели послѣдняго были именно масоны стараго направленія, еще нуждавшіеся политики и витавшіе въ области отвлеченныхъ ученій; изъ ихъ же круга вышли многіе и изъ позднѣйшихъ проповѣдниковъ мистицизма въ періодъ наибольшаго его усиленія послѣ отечественной войны.

Мистицизмъ въ первые годы царствованія Александра. Нѣсколько книгъ мистическаго содержанія въ масонскихъ переводахъ были наслѣдованы еще отъ XVIII в., каковы: „Таинство креста“, „О заблужденіяхъ и истинѣ“ Сенъ-Мартена, „Политика мудраго“, Эккартсгаузена и др. Сюда же относится сочиненіе Лопухина: „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“, пользовавшееся большимъ уваженіемъ у мистиковъ и издававшееся нѣсколько разъ. Потомъ съ самаго начала царствованія Александра явились: „Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской“ Таулера, „Христіанскія упражненія“ г-жи Гіонъ и „Отрывки“ Еккартсгаузена. Съ 1803 г. началась энергичная литературная дѣятельность *А. Лабзина*, сдѣлавшагося самымъ главнымъ проповѣдникомъ мистицизма. На первыхъ порахъ онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ переводовъ изъ Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга, де Салисъ и Флейшера. Болѣе замѣчательными изданіями 1803—1816 гг. были: „Важнѣйшіе іероглифы человѣческаго сердца“, „Ночи или бесѣды мудраго“, „Облако надъ святилищемъ“, „Ключъ къ таинствамъ натуры“, всѣ Эккартсгаузена, „Краткія нравоучительныя правила на каждый день года“ и „Приключенія по смерти“ Ю. Штиллинга, „Наставленіе ищущимъ премудрости“ и др. Съ 1806 г. Лабзинымъ начато изданіе обширнаго сочиненія Штиллинга въ 30 книжкахъ: „Угрозъ Свѣтовостоковъ“. Въ томъ же 1806 г. онъ сталъ издавать извѣстный журналъ мистическаго направленія „Сіонскій Вѣстникъ“, встрѣченный на первыхъ порахъ съ большимъ сочувствіемъ, даже увлеченіемъ со стороны самого духовенства, которому понравились и благочестивое направленіе этого журнала, и сильная полемика его противъ вольнодумства, и новое увлекательное пониманіе въ немъ христіанства. Болѣе опытные люди впрочемъ очень скоро освободились отъ этого перваго увлеченія. Въ одномъ частномъ письмѣ 1806 г. Евгеній Болховитиновъ писалъ о себѣ, что читаетъ журналъ „часто до чувствительнаго умиленія и благодарности Богу, вложившему мысли г. Лабзину издавать сей журналъ, многихъ обратившій, если не

отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи“, но въ тоже время высказывалъ сожалѣніе, что большая часть журнала составлена была изъ Штиллинговыхъ и Мартинистскихъ сочиненій и что такимъ образомъ „въ чистую воду примѣшивается отрава секты“; вчастности замѣтилъ въ журналѣ: „синкретизмъ или мнѣніе, будто во всѣхъ религіяхъ подъ разными только символами была истинная религія; миѳологизмъ, платонизмъ и математицизмъ въ изъясненіи св. Троицы и др. таинствъ откровенія“; разныя странныя мнѣнія въ родѣ сравненія Евхаристіи съ какою-то воплощенною солнечной эссенціей, вездѣприсутствія Божія съ воздухомъ, недѣлимости—съ пламенемъ, мысль о безпредѣльности тѣла Христова и проч. Въ средѣ духовенства сохранялись еще свѣжіе слѣды стараго схоластико-разсудочнаго склада мыслей, который былъ совершенно противенъ сердечному и созерцательному направленію мистиковъ и который не скоро могъ поддаться вліянію послѣдняго. Само правительство было еще пока совершенно чуждо тогда позднѣйшаго своего мистическаго увлеченія и наприм. въ 1807 г. запретило вновь вышедшій переводъ сочиненія Ю. Штиллинга „Тоска по отчизнѣ“;—послѣ въ 1816 г. книга эта была издана опять по высочайшему повелѣнію. Очень не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ изданіе Сіонскаго Вѣстника должно было прекратиться, дойдя только до 6 книжки. Изданіе мистическихъ переводовъ съ 1806 г. тоже остановилось.

Усиленіе мистической пропаганды. Но такая остановка мистической пропаганды была только временная. Скоро обстоятельства перемѣнились. Среди религіознаго движенія, возбудившагося въ обществѣ въ 1807.—8 гг., мистицизмъ, какъ бы ни были велики его недостатки, для людей съ душой и, хоть немного, мыслящихъ казался все-таки болѣе заманчивымъ и удовлетворительнымъ, чѣмъ католицизмъ другихъ вліятельныхъ тогда проповѣдниковъ религіи, — іезуитовъ. Имъ увлекались не только такіе люди, какъ кн. Голицынъ, но и такіе, какъ Сперанскій, получившій серьезное богословское образованіе въ дух. школѣ и кромѣ того принадлежавшій въ молодости къ числу людей совершенно противоположнаго направленія съ мистиками. Первое обращеніе его къ религіи послѣдовало, кажется, вскорѣ послѣ страшно поразившей его потери жены (1799 г.). Въ 1804 г. онъ былъ уже въ тѣсной связи съ масонами и велъ дѣятельную переписку съ Лопухинымъ, который рекомендовалъ и доставлялъ ему разныя мистическія книги, заставляя его читать и переводить ихъ. Тогда же Сперанскій погрузился въ изученіе теософіи по сочиненіямъ Бема, С. Мартена, Сведенборга и Эккартсгаузена. Съ 1805 г. онъ началъ переводъ книги Ѳ. Кемпійскаго „О подра-

жаніи Христу, которая чрезвычайно ему нравилась,—онъ издалъ этотъ переводъ въ 1819 г. Одновременно съ перепиской съ Лопухинымъ онъ велъ еще любопытную переписку (1804—1806 гг.) съ своимъ товарищемъ по образованію Θеофилактомъ, въ которой замѣтна у него наклонность даже пропагандировать поразившее его мистическое міросозерцаніе. Едва ли не благодаря ему, мистическими идеями заинтересовался и самъ государь, любившій бесѣдовать съ нимъ о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Въ 1809 г., по инниціативѣ Сперанскаго, состоялся вызовъ въ петербургскую академію извѣстнаго Фесслера, имѣвшаго большое вліяніе въ русскихъ масонскихъ кружкахъ и сразу получившаго высокое значеніе между приверженцами мистическихъ идей. Пріѣздъ его противниками мистицизма отмѣченъ былъ, какъ событіе весьма важное, какъ начало господства мистицизма въ Россіи; такое значеніе придается ему наприм. въ запискахъ Фотія. Съ вѣдома государя Сперанскій былъ посвященъ Фесслеромъ въ масонскіе обряды въ частной домашней ложѣ. Поддержка, какую онъ оказалъ Фесслеру въ академіи и потомъ на службѣ въ комиссіи составленія законовъ, была причиною того, что враги мистицизма вмѣстѣ съ Фесслеромъ главнымъ виновникомъ усиленія масонства и тайныхъ сектъ стали считать и его самого. Въ концѣ 1812 г. пріѣхали англійскіе методисты, потомъ основано было Библейское общество и пропаганда мистицизма была окончательно упрочена. За методистами стали являться въ Россію другіе проповѣдники мистическихъ ученій и всѣ получали отъ правительства самую широкую свободу для своей проповѣди. Вліяніе ихъ не ограничилось уже однимъ только верхнимъ слоемъ русскаго общества, какъ вліяніе іезуитовъ, но стремилось спуститься и до болѣе глубокихъ его слоевъ, гдѣ на первыхъ порахъ думало привиться къ инородцамъ, а потомъ къ разнымъ духовнымъ сектамъ въ самомъ русскомъ народѣ. Кромѣ изданій Библейскаго общества, среди инородцевъ дѣятельно распространялись религіозныя миссіи разныхъ мистическихъ сектъ, каковы упомянутыя миссіи гернгутеровъ въ калмыцкихъ степяхъ, англійская въ Сибири и отчасти шотландская у Киргизовъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ успѣхи мистической пропаганды далеко превзошли даже успѣхи пропаганды іезуитской. При дерптскомъ попечителѣ Ливенѣ, чистѣйшемъ гернгутерѣ, секта гернгутеровъ оказала здѣсь такіе быстрые успѣхи на счетъ лютеранства, что въ короткое время число ея исповѣдниковъ, къ великому сокрушенію мѣстныхъ пасторовъ и дворянства, съ 3000 возрасло до 40,000 человѣкъ.

Мистическая литтература. Русскіе исповѣдники мистицизма пустились въ литтературную его пропаганду и съ 1813 г., при содѣйствіи Библейскаго общества, выпускали въ свѣтъ по

нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій каждый годъ. Въ теченіе 10 лѣтъ (1813—1823) изъ одного Эккартсгаузена было издано ими болѣе 25 сочиненій, между которыми важнѣйшими для уясненія мистицизма были: „Наука чиселъ"—продолженіе „Ключа къ таинствамъ натуры" (1815 и 1816), „Законоположенія человѣческаго разума" (1817), „Терпимость и человѣколюбіе", „Религія, какъ основаніе всякой истины и премудрости" (1818). Изъ сочиненій Ю. Штиллинга, кромѣ Угроза Свѣтовостокова, наибольшимъ вниманіемъ мистиковъ пользовались „Побѣдная повѣсть" (1815) и „Тоска по отчизнѣ" (1818). Въ 1815 г. вышли переводы сочиненій Бема—„Путь ко Христу" и С. Паркера—„Христосъ или вѣрующій нова тварь"; въ 1819 г. издана съ посвященіемъ высочайшему имени „Божественная философія" Дю-Туа, которую современные мистики цѣнили чуть не выше Евангелія. Въ 1820-хъ гг. у насъ особенно посчастливилось сочиненіямъ г-жи Гіонъ,—изъ нея переведены были: „О послѣдованіи младенчеству І. Христа," „Краткій и легчайшій способъ молиться," „Христіанскія поученія" и изъясненія на разныя книги св. Писанія. Напечатаны были также произведенія пріѣзжихъ въ Россію учителей: Линдля—его проповѣди,—и Госнера—„Духъ жизни и ученія Христова" (1820) и „Блаженство вѣрующаго, въ сердцѣ котораго обитаетъ І. Христосъ" (1822). Очень важное значеніе въ мистическихъ кружкахъ имѣли усердно распространявшіяся ими: сочиненіе безыменнаго автора — „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова" (1820) и другое, вышедшее изъ подъ пера какого-то нѣмецкаго масона,—„Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ". Кромѣ переводныхъ, издавались и оригинальныя русскія сочиненія въ томъ же духѣ, каковы: „Плодъ полюбившаго истину"—Лопухина, „Мои мысли о символѣ вѣры" —сенатора Карнѣева, Хвостовой „Письма къ другу" и пр. Эта библіотека мистическихъ книгъ восполнялась еще множествомъ брошюръ Библейскаго общества и княгини С. Мещерской, частію переводныхъ, частію оригинальныхъ, частію передѣлокъ изъ иностранныхъ сочиненій. Всѣ эти книги и брошюры выходили въ значительномъ числѣ экземпляровъ и разсылались отъ министра по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, епархіямъ и губерніямъ; нѣкоторыя издавались въ короткое время по 2—3 раза. Кромѣ книгъ, выходили еще мистическіе журналы: Другъ юношества Невзорова (1807—1815), Духовный годъ жизни христіанина (1816—24 книжки) и Сіонскій Вѣстникъ, изданіе котораго было возобновлено Лабзинымъ въ 1817 г. по желанію самого государя. Журналъ этотъ, вышедшій въ свѣтъ съ тенденціознымъ посвященіемъ „Господу І. Христу вѣчному возродителю и обновителю всяческихъ"

(1817 г. 9 кн. и 1818—6 кн.), имѣлъ множество подписчиковъ, во главѣ которыхъ стояли самъ государь, в. кн. Константинъ и кн. Голицынъ; изъ духовенства его выписывали всѣ архіереи, архимандриты, всѣ семинаріи и академіи (одна петербургская выписала 11 экз.) и множество священниковъ. По развитію мистическихъ идей онъ можетъ считаться главнымъ и наиболѣе выразительнымъ органомъ русскаго мистицизма, по которому всего удобнѣе и полнѣе можно изучать отличительныя стороны послѣдняго.

Ученіе русскихъ мистиковъ. Мистицизмъ съ самаго начала, еще съ XVIII в., явился у насъ въ качествѣ направленія, противодѣйствовавшаго съ одной стороны развитію вольнодумства, основаннаго на сухомъ, чисто разсудочномъ отрицаніи всего вышечувственнаго, съ другой—слишкомъ узкому, чувственно — обрядовому направленію общественной религіозности. Сообразно съ этимъ онъ поставилъ себѣ задачами съ одной стороны совсѣмъ устранить въ дѣлѣ религіи всякія мудрованія человѣческаго разума, направленныя не только противъ нея, но даже и въ ея пользу, съ другой — показать внутреннюю сущность религіи. Потребность удовлетворенія той и другой задачѣ въ концѣ XVIII в. живо чувствовалась самою церковію и выразилась съ одной стороны умноженіемъ полемическихъ книгъ противъ вольнодумцевъ, съ другой изданіемъ въ 1793 г. извѣстной книги „Добротолюбіе“, составленной изъ сочиненій разныхъ отцевъ и иноковъ греческой церкви созерцательнаго направленія и представляющей собою прекрасный образчикъ чистой, православно-церковной мистики. Наши мистики однако не удовольствовались этою книгою, не удовольствовались и другими, давно уже извѣстными въ русской письменности переводами св. отцевъ того же направленія,—Макарія египетскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Григорія Синаита, Симеона Новаго и сочиненіями русскаго подвижника—созерцателя, Нила Сорскаго, а обратились за христіанской мистикой на сторону, за границу, откуда явилось и самое вольнодумство и гдѣ мистика эта казалась имъ болѣе высокой пробы, и впали въ ученія странныя и чуждыя православію.

Отрицаніе участія разума въ дѣлѣ вѣры было настоящимъ исходнымъ пунктомъ мистицизма и проводилось въ С. Вѣстникѣ съ первой его книжки до послѣдней. Откровеніе, доказывалось здѣсь, — единственный источникъ религіи, — дается не разуму естественному, который весь обращенъ къ міру физическому и не можетъ разумѣть, еже суть Духа Божія, а разуму духовному, который прямо обращенъ къ міру духовному, непосредственно самъ созерцаетъ незаходимый Свѣтъ и непосредственно же самъ получаетъ отъ Него свои озаренія. Этотъ разумъ

въ сердцѣ человѣка, единственномъ вмѣстилищѣ самооткрывающагося человѣку Божества, внутренняго Слова. Участіе разума даже вредитъ дѣлу религіи, мѣшая своими плотскими мудрованіями чистотѣ непосредственнаго, сердечнаго созерцанія Божества; поэтому первый актъ религіи — это отреченіе отъ разума; потому и Господь не избиралъ въ апостолы ученыхъ,—они исказили бы Его ученіе своими понятіями изъ разума. Всѣ существующія теперь церкви и секты произошли на свѣтъ именно отъ вмѣшательства въ религію человѣческаго разума, который своими мудрованіями о догматахъ и тайнахъ вѣры у всѣхъ у нихъ исказилъ единое истинное христіанство, состоящее вовсе не въ различіи догматическихъ понятій и даже не въ исполненіи опредѣленныхъ и принудительныхъ нравственныхъ законовъ и обрядовъ, а единственно во внутреннемъ, непосредственномъ соединеніи сердца нашего съ Христомъ, въ томъ, чему можетъ научить только мистика.

Мистика, по опредѣленію С. Вѣстника, и есть ученіе объ этомъ самомъ таинственномъ общеніи души съ Богомъ, когда Богъ созидаетъ въ сердцѣ человѣка храмъ Свой, составляющее чистѣйшую сущность истиннаго христіанства. Поэтому нѣтъ на свѣтѣ ни одной религіозной книги; которая бы показывала истинную религію, кромѣ книгъ мистическихъ, и нѣтъ ни одной церкви, не исказившей этой религіи человѣческими выдумками, кромѣ внутренней, невидимой церкви мистиковъ, въ сравненіи съ которой всѣ внѣшнія церкви и секты представляются только „нисшимъ классомъ едва оглашенныхъ", хотя каждая изъ нихъ и думаетъ, будто „Богъ ни въ комъ не можетъ возставить образа Своего, не сдѣлавъ человѣка того или католикомъ, или лютераниномъ, или реформатомъ". Въ Побѣдной повѣсти русскіе мистики читали, что свѣтильникъ Греческой церкви тоже сдвинутъ съ мѣста за ея крайнее поврежденіе и что чистый свѣтъ истины мерцаетъ лишь у христіанъ изъ меннонитовъ, піетистовъ, методистовъ и квакеровъ, которые и составятъ въ скоромъ времени единую истинную церковь Ѳіатирскую или Филадельфійскую. Сіонскій Вѣстникъ съ своей стороны вполнѣ соглашался съ такимъ понятіемъ о православной церкви и высказывалъ величайшее уваженіе къ гернгутерамъ и квакерамъ. Эта внутренняя, духовная церковь избранныхъ или мистиковъ, по его мнѣнію, и есть та единая истинная церковь, на основахъ которой созданъ св. союзъ, провозгласившій, что христіане должны составлять одно семейство. Она не знаетъ иныхъ догматовъ, кромѣ догмата о возрожденіи и соединеніи человѣка съ Богомъ, не знаетъ никакихъ иныхъ раздѣленій, кромѣ раздѣленія ветхаго человѣка отъ новаго. У нея одна цѣль — нова тварь о Христѣ; все остальное для нея не имѣетъ важности. Эта истинная церковь такъ же стара,

какъ самъ міръ, какъ стара сама религія между людьми; она существовала во всѣ времена и имѣла основаніемъ своимъ одну и туже религію, одинъ и тотъ же свѣтъ божественный, открывавшійся свѣтоспособнымъ людямъ въ книгѣ природы, въ писанномъ законѣ, прообразованіяхъ, іероглифахъ, миѳахъ, таинствахъ мудрыхъ или древнихъ мистеріяхъ. Въ новую эпоху въ Евангеліи эта религія открылась только яснѣе и полнѣе, такъ какъ что прежде порознь и подъ разными формами или образами было сообщаемо Богомъ чрезъ разныхъ пророковъ, нынѣ, по апостолу, все то Богъ явилъ вкупѣ, въ единствѣ, въ Сынѣ Своемъ».

Сводя такимъ образомъ всю религію къ одной идеѣ возрожденія и соединенія съ Божествомъ, наши мистики, по слѣдамъ своихъ учителей, очень много занимались изъясненіемъ разныхъ степеней, по которымъ совершается этотъ актъ религіозной жизни. Степени эти подробно изображены въ созерцательныхъ твореніяхъ св. отцевъ и могли быть успѣшно изучаемы, напримѣръ хоть въ Добротолюбіи, но наши мистики и въ этомъ случаѣ охотнѣе руководствовались фантастическими бреднями какой нибудь французской квіетистки Гіонъ или экстатическими откровеніями и видѣніями нѣмецкихъ пророковъ, чѣмъ опытами дѣятельнаго христіанства и духовныхъ созерцаній св. православныхъ подвижниковъ. Во всѣхъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ у нихъ замѣтна одна черта, рѣзко отличающая эти разсужденія отъ опытныхъ указаній чистой святоотеческой мистики. Между тѣмъ какъ послѣдняя преимущественно останавливается на предварительныхъ нисшихъ степеняхъ по пути къ духовному совершенству, на степеняхъ скорбнаго духовнаго очищенія, покаянія, умерщвленія страстей, дѣятельнаго исполненія заповѣдей, представляя высшія степени духовнаго созерцанія едва достижимымъ идеаломъ, достояніемъ только избранныхъ изъ избранныхъ, модный мистицизмъ спѣшилъ поскорѣе перескочить чрезъ эти нисшія степени тяжкаго подвига прямо къ высшимъ, сводя всю духовную работу первыхъ къ одному только теоретическому сознанію человѣкомъ своей грѣховности, бездѣятельному сосредоточенію въ себѣ и развитію въ душѣ протестантско-мистическаго упованія на безконечную любовь Божію, а высшія степени считая довольно легкимъ достояніемъ всѣхъ, кому заблагоразсудится считать себя возрожденнымъ, и открывалъ такимъ образомъ свободное поле для всякаго рода религіозныхъ самообольщеній къ удовольствію всѣхъ, которые безъ духовнаго опыта торопились непремѣнно сдѣлаться людьми духовными, созерцателями, даже причастниками Божественнаго естества. Сообразно съ основнымъ положеніемъ мистицизма, что царствіе Божіе внутрь, въ той сердечной силѣ, которая непосредственно обращена къ Богу, на первыхъ

шагахъ къ возрожденію предписывалось отстранить себя отъ всего внѣшняго, призвать силы души отъ внѣшняго разсѣянія домой, въ себя, и внимать тамъ внутреннему слову, иначе сказать —вполнѣ предаться потоку субъективныхъ представленій такого содержанія, какое кому кажется духовнымъ. Это называлось у мистиковъ умной молитвой или умнымъ дѣланіемъ. Такой же субъективной произвольностью отличались изображаемые въ мистическихъ книгахъ признаки постепеннаго откровенія въ душѣ Божества и соединенія съ Нимъ человѣка, наприм. разныя тѣлесныя ощущенія пріятной теплоты въ сердцѣ или духа хлада тонка, сладостныя онѣмѣнія членовъ, экстатическія трясенія, замиранія, видѣнія и т. п., которыя служили только новыми поводами къ духовному самообольщенію разныхъ умныхъ дѣлателей, особенно обладавшихъ извѣстною степенью нервозности. Высшею степенью умнаго дѣланія представлялся полный покой созерцанія, когда въ душѣ не бываетъ ни словъ, ни мыслей, ни прошеній, ни даже сознанія своего я, когда она всецѣло погружается въ таинственный божественный мракъ, равный неизреченному свѣту Божества, въ состояніе упраздненія человѣческой самости, состояніе полной духовной нищеты, безусловно пассивнаго погруженія въ Божество, а потому и чистѣйшей любви къ Богу безъ всякаго страха вѣчныхъ мукъ и безъ всякой мысли о своемъ личномъ спасеніи. Но и эта высшая степень созерцанія, почти тождественная у мистиковъ уже съ самою высшею степенью соединенія съ Богомъ, является по ихъ представленіямъ вовсе не тѣмъ созерцательнымъ предстояніемъ Богу, о какомъ говорятъ св. подвижники и которое даже на степени такъ называемаго „плѣненія ума" всегда сопряжено съ сознаніемъ опредѣленнаго духовнаго предмета, а скорѣе квіетистическимъ погруженіемъ духа въ пустоту безмыслія или же общечеловѣческимъ состояніемъ религіознаго экстаза, одинаково свойственнаго всѣмъ религіямъ, кромѣ развѣ религій совершенно чувственнаго характера.

Не мудрено, что, занявшись исключительно „внутренними путями" къ христіанскому совершенству, мистицизмъ не любилъ обращать вниманія на необходимые пути внѣшніе, на внѣшній подвигъ или, какъ выражался С. Вѣстникъ, на забавляніе себя постомъ, поклонами и симъ подобнымъ внѣшнимъ, а такъ же на указанія внѣшняго откровенія и руководство внѣшней церкви, вообще на все, что мѣшало его субъективнымъ мечтаніямъ и указывало ему на опредѣленное и обязательное содержаніе дѣйствительнаго, а не фантастическаго христіанства. Для соединенія человѣка съ Богомъ, по словамъ С. Вѣстника, нѣтъ надобности ни въ „содѣйствіи лжетрудниковъ духовныхъ", ни въ какомъ либо иномъ посредствѣ, будетъ ли то молитва церкви или ходатайство

святыхъ, кромѣ Ходатая единаго. Послѣ этого церковь, чрезъ свои таинства усвоивающая вѣрующимъ плоды всемірной тайны искупленія, въ глазахъ мистиковъ оказывалась, разумѣется, совершенно не нужной. Таинство крещенія они представляли только обрядовымъ символомъ внутренняго крещенія духомъ; подъ покаяніемъ разумѣли одинъ духовный процессъ самоиспытанія и перемѣны жизни, послѣ котораго всѣ грѣхи считали уже изглаженными всеочищающей любовію Божіей. Евхаристію С. Вѣстникъ называлъ „принятіемъ универсальной тинктуры или духовной тѣлесности Христовой, всю природу неограниченно наполняющей". Эта универсальная тинктура изъ его дальнѣйшихъ объясненій оказывается не инымъ чѣмъ, какъ пантеистическою божественною жизнью Христа, которая будто бы разлита во всемъ Его твореніи, животворитъ самую матерію и всякую вообще пищу; такимъ образомъ евхаристическое причащеніе можно совершать всякою пищею, только съ извѣстною мыслью о присутствіи въ ней духовной тѣлесности Христа. Такое отрицаніе всего внѣшняго простерлось даже на внѣшнее письменное откровеніе, которое при вѣщаніяхъ внутренняго слова становилось тоже почти не нужнымъ. „Свящ. книги, по словамъ С. Вѣстника, приносятъ только ту пользу читающему, что возбуждаютъ сердце его внимать внутреннему слову; это нѣмый наставникъ, указующій знаками на живаго учителя, обитающаго въ сердцѣ". Кто внимаетъ этому внутреннему слову, тотъ уже не требуетъ внѣшняго учительства, потому что слово это само учитъ его о всемъ. Внутреннія озаренія слова понимались при этомъ не въ смыслѣ только уясненія и болѣе сердечнаго воспріятія возрожденнымъ истинъ единаго истиннаго откровенія—внѣшняго, внѣ котораго не можетъ быть еще никакого иного истиннаго откровенія, аще и ангелъ благовѣститъ, а въ смыслѣ именно такихъ невозможныхъ новыхъ откровеній. Въ самой Библіи возрожденные будто бы видятъ больше, чѣмъ внѣшняя церковь, коснѣющая на одномъ буквальномъ смыслѣ текстовъ. Отъ того въ мистическихъ объясненіяхъ Библіи постоянно употреблялось толкованіе текстовъ исключительно въ таинственномъ смыслѣ съ произвольнымъ примѣненіемъ ихъ къ ученію о возрожденіи, при чемъ все буквальное содержаніе Библіи, и догматическое и нравственное, и вся библейская и евангельская исторія превращались въ сплошную аллегорію субъективной жизни возрожденнаго христіанина, самъ Христосъ евангельскій совершенно заслонялся Христомъ внутреннимъ и превращался въ чисто психологическое понятіе.

Внутреннее слово у мистиковъ вообще постоянно отождествлялось съ Словомъ Божіимъ ѵпостаснымъ; послѣднему приписывалось поэтому троякое рожденіе: превѣчное отъ Отца, времен-

ное однократное—отъ Дѣвы Маріи и временное постоянное—въ каждой христіанской душѣ. Мистики, занимавшіеся теософическимъ изученіемъ природы, прибавляли (Лопухинъ. О внутр. церкви) еще новую черту въ опредѣленіи этого мистическаго Слова, открывая „въ самой послѣдней изъ тварей образъ всѣхъ Его таинствъ, зачатія, рожденія и всего хожденія Его въ мірѣ“, потому что Оно же воплотилось и въ природѣ, гдѣ повсюду разлита Его все животворящая духовная тѣлесность. Исторія внутренняго Слова изображалась въ полной параллели съ евангельской исторіей Оно раждается въ душѣ незамѣтно, въ ясляхъ, отъ бѣдной, горькой Маріи, потомъ становится мало по малу ощутительнѣе, возрастаетъ, укрѣпляется, затѣмъ учитъ, творитъ чудеса, преображается, страдаетъ, воскресаетъ и является во славѣ. Высшая степень совершенства для человѣка — это пріискреннее общеніе съ Богомъ, обоженіе человѣка, составляющее конечную цѣль всей тайны искупленія, которая въ томъ и состоитъ, что Богъ принялъ наше естество, чтобы сдѣлать насъ причастниками Своего естества. Цѣль эта достигается отчасти еще въ настоящей жизни,—сектантская мистика утверждала даже, что достигается вполнѣ и человѣкъ самъ дѣлается Христомъ, Богомъ. Доходили ли до такого убѣжденія простые мистики, прямо сказать нельзя, но всѣ они приписывали возрожденному человѣку необычайно высокія свойства.

Нравственное состояніе возрожденнаго, по ихъ ученію, до того возвышенно, что онъ совсѣмъ уже не можетъ грѣшить. Онъ непрестанно ходитъ предъ Богомъ и въ Богѣ, желаетъ и дѣлаетъ только то, что внушаетъ ему и дѣлаетъ чрезъ него внутреннее Слово. Онъ превыше закона, потому что самъ себѣ становится закономъ. Далѣе, мистицизмъ приписывалъ возрожденнымъ необычайное нравственное и физическое могущество, силу пророчествъ, знаменій и чудесъ, и высочайшее вѣденіе вещей божескихъ, человѣческихъ и изъ области натуры, ибо они живутъ въ Богѣ и зрятъ въ Немъ самое таинство натуры, зритъ самую истину вещей, а не одни ихъ образы и формы, только и доступныя для жалкаго естественнаго разума. Къ этимъ идеямъ мистицизма легко прививались и старая масонская теософія, и стремленіе къ изученію разныхъ тайныхъ знаній древнихъ и новыхъ мудрецовъ. При этомъ любители теософіи, носясь съ своимъ совершеннымъ познаніемъ всѣхъ вещей въ самомъ Богѣ, обнаруживали такое невѣжество въ естественныхъ наукахъ, которое у людей истинно ученыхъ, не мечтавшихъ въ микрокосмѣ или микротеѣ—человѣкѣ сразу увидать самую сущность макрокосма и макротея, а скромно трудившихся надъ изученіемъ самыхъ фактовъ естествознанія, возбуждало только сострадательную улыбку. Опираясь на авто-

ритеты средневѣковыхъ астрологовъ и алхимиковъ, считая Парацельса выше Лавуазье, Бема выше Кеплера, теософы въ родѣ Лопухина горячо порицали астрономовъ за то, что они насчитали на небѣ планетъ болѣе таинственнаго числа седми, бранили физиковъ и химиковъ за то, что они отвергали старое ученіе о четырехъ стихіяхъ и т. п. Вслѣдствіе увлеченія премудростію разныхъ Еккартсгаузеновъ къ теософіи старались приспособить даже математику. Профессоръ математики въ казанскомъ университетѣ защищалъ магію и каббалистику и искалъ въ математическихъ формулахъ и проблеммахъ указаній на христіанскіе догматы; точка, линія, треугольникъ, крестообразное пресѣченіе линій давали ему поводъ къ самымъ таинственнымъ толкованіямъ; гипотенуза прямоугольника представлялась символомъ соединенія правды и любви чрезъ единаго Ходатая Бога и человѣковъ и т. д.

Сила мистических влiянiй. Все это ученіе, то истинно возвышенное, уносившее духъ въ недосязаемыя сферы религіознаго созерцанія, то впадавшее въ наивныя бредни больной фантазіи, то проникавшее до самой глубины основъ Евангельскаго ученія, то поражавшее рѣшительнымъ отступленіемъ отъ Христовой церкви и крайнимъ еретичествомъ, распространялось безъ всякихъ препятствій во всю вторую половину царствованія Александра, пріобрѣтая себѣ все болѣе и болѣе послѣдователей. Противники его не могли высказываться противъ него ни съ религіозной, ни даже съ научной точки зрѣнія во все время, пока былъ въ силѣ кн. Голицынъ. Въ духовной литтературѣ до министерства Шишкова мы имѣемъ только одно сочиненіе противъ мистицизма, изданное еще въ 1803 г.,—это сочиненіе московскаго единовѣрческаго священника *И. Полубенскаго* „О внѣшнемъ богослуженіи" (въ 3-хъ частяхъ), въ которомъ авторъ опровергаетъ вмѣстѣ и мистиковъ и вольтерьянцевъ. Потомъ этого рода сочиненія вовсе перестали появляться въ печати до извѣстной книги Станевича (1818 г.). Непріятности, какимъ подвергались болѣе откровенные изъ противниковъ мистицизма,—Смирновъ, Станевичъ, Иннокентій, были очень сильнымъ предостереженіемъ для всѣхъ, не раздѣлявшихъ религіозныхъ вкусовъ министра. Въ образованномъ обществѣ мистическія воззрѣнія были положительно модными, какъ прежде въ XVIII в. воззрѣнія философскія. Затѣмъ они, можно сказать, обязательно проникали въ преподаваніе съ университетскихъ каѳедръ, въ воспитательную практику разныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ свѣтскую и духовную литтературу и въ искусство.

Въ литературѣ они нашли художественное воспроизведеніе въ поэмѣ Хераскова „Владиміръ возрожденный", въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Ѳ. Глинки, въ стихотворныхъ произведеніяхъ,

помѣщавшихся въ С. Вѣстникѣ и въ Другѣ юношества, отчасти въ стихотвореніи Державина: „Христосъ". Церковная живопись выразила свое особенное расположеніе къ нимъ въ разныхъ тенденціозныхъ и аллегорическихъ произведеніяхъ своихъ на мистическія темы, преимущественно изъ библейскихъ притчей. Въ церковной архитектурѣ вліяніе мистики обнаружилось въ размноженіи церквей съ тенденціознымъ посвященіемъ ихъ не во имя уважаемыхъ святыхъ, а Богу Спасителю, Кресту Христову, Рождеству, Преображенію и т. п. Духовное начальство должно было иногда даже останавливать въ этомъ храмостроителей: въ Московской епархіи при Августинѣ т. совѣтница Мелиссино просила освятить свой вотчинный храмъ во имя Бога Вседержителя,— Августинъ распорядился освятить его во имя св. Троицы. Наиболѣе полнымъ выраженіемъ мистическихъ идей былъ составленный художникомъ *Витбергомъ* проектъ величественнаго храма, который по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ государь вознамѣрился устроить въ Москвѣ во имя Бога Спасителя и въ которомъ художникъ намѣренъ былъ воплотить всѣ основныя идеи современной христіанской мистики. Устройство всего храма извлекается въ его проектѣ изъ устройства самого человѣка, какъ храма Бога жива. Согласно съ представленіями мистиковъ о троечастномъ составѣ человѣка (духъ, душа, тѣло) и о такомъ же тройственномъ раздѣленіи жизни Спасителя на три періода,— воплощеніе или принятіе Имъ тѣла, преображеніе или возвышеніе тѣла до состоянія тѣла душевнаго и воскресеніе или періодъ тѣла духовнаго, весь храмъ долженъ былъ состоять изъ трехъ ярусовъ и трехъ особыхъ храмовъ,—нижняго во имя Рождества Христова, средняго во имя Преображенія и верхняго во имя Воскресенія, выстроенныхъ по разнымъ формамъ. Формы эти Витбергъ выводилъ изъ такихъ соображеній. Творца можно представлять точкой, твореніе—описанною изъ этой точки окружностію, отъ нея зависящей и соединенной съ нею безконечнымъ множествомъ линій—радіусовъ, которые, пресѣкаясь въ этой центральной точкѣ, образуютъ кресты — символъ соединенія Единаго со множественностію или твореніемъ. Нижній храмъ—тѣлесный, представляющій мрачную катакомбу, при самой землѣ, въ видѣ параллепипеда, имѣетъ въ основѣ простѣйшую изъ формъ, входящихъ въ составъ описанной круговой фигуры,—линію; второй—душевный, высясь надъ первымъ, имѣетъ въ основѣ другую форму,—крестъ, изображающій соединеніе тѣла съ духомъ и человѣка съ Богомъ, и освѣщается полусвѣтомъ, обозначающимъ смѣсь добра и зла въ мірѣ; третій, съ яркимъ освѣщеніемъ,—храмъ духовный образуетъ собою высшую форму, кругъ— слѣдствіе креста. Идея Витберга увлекла и государя и Голицына.

Въ 1817 г. подлѣ Москвы на Воробьевыхъ горахъ совершено было блестящее торжество закладки новаго храма, но ему не суждено было украшать первопрестольной столицы: грунтъ земли не выдержалъ давленія громадной постройки и возведеніе ея скоро остановилось.

Вліяніе мистицизма отразилось даже въ духовной литтературѣ. Отголоски его слышны въ тогдашнихъ проповѣдяхъ, усердно подражавшихъ статьямъ С. Вѣстника. Изъ печатныхъ проповѣдей мистическимъ пошибомъ отзываются проповѣди священника А. Малова (1822—1824 г.) и м. Михаила Десницкаго. Почтенный святитель, самъ пострадавшій не мало отъ фанатизма мистиковъ, конечно не раздѣлялъ ихъ неправославныхъ воззрѣній, но складъ его мыслей, образовавшійся еще въ молодости подъ вліяніемъ лекцій Шварца, постоянно склонялъ его къ разработкѣ съ церковной каѳедры темъ, особенно любимыхъ мистиками, о духовномъ рожденіи въ насъ Христа и о степеняхъ восхожденія души въ небесный храмъ Господень. Направленіе его характеризуютъ отчасти самыя названія его сочиненій и сборниковъ бесѣдъ: „Плачъ человѣка христіанина надъ духовнымъ плѣненіемъ Израиля", „Изображеніе ветхаго, внѣшняго, плотскаго,—и новаго, внутренняго, духовнаго человѣка", „О внутреннемъ состояніи человѣка", „Трудъ, пища и покой духа человѣческаго". Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мистическія изданія были почти обязательнымъ чтеніемъ для воспитанниковъ. Академическій журналъ Христіанское Чтеніе, первый по времени дух. журналъ, начавшій издаваться съ 1821 г., года два или три своимъ направленіемъ близко напоминалъ С. Вѣстникъ. Большая часть его статей занята разрѣшеніемъ вопросовъ о возрожденіи, о степеняхъ и плодахъ его, о молитвѣ, чистой любви, отношеніи возрожденнаго къ внѣшнему закону и другихъ предметахъ, занимавшихъ современный мистицизмъ. Духовная литература разработывала впрочемъ уже сглаженный видъ мистицизма, болѣе или менѣе примиренный съ требованіями православной церкви и переходящій въ чисто-православную мистику святоотеческаго характера.

Къ числу *представителей* этой *православной мистики*, кромѣ м. Михаила, принадлежалъ Филаретъ московскій. Близкое знакомство съ представителями мистицизма не могло не увлекать его возвышеннаго ума и религіозно-поэтическаго воображенія, какимъ онъ отличался въ молодости. Послѣ 1812 г. онъ съ радостію привѣтствовалъ новое религіозное движеніе, видя въ немъ, какъ онъ тогда же высказался м. Амвросію, начало къ водворенію царства Божія на землѣ; престарѣлый митрополитъ почелъ нужнымъ даже нѣсколько охладить его радость, замѣтивъ ему: „Подожди, что будетъ,—ты еще не опытенъ". Не мудрено, что

онъ никакъ не могъ сойтись тогда съ Ѳеофилактомъ, человѣкомъ совсѣмъ другаго строя мыслей, и за свои первыя проповѣди подвергся отъ него обвиненію въ пантеизмѣ. Обвиненія въ пантеизмѣ и франкмасонствѣ преслѣдовали его и потомъ и завершились крайне тяжелымъ униженіемъ его при Шишковѣ, хотя ни одинъ изъ его порицателей не могъ бы серьезно поддержать своихъ обвиненій при болѣе внимательномъ разборѣ его проповѣдей, какъ это и обнаружилось при разборѣ его первой проповѣди въ Петербургѣ. Сильный діалектическій анализъ, необычайная внимательность къ себѣ, къ каждой своей мысли, къ каждому выраженію, рѣдкая осторожность и самообладаніе, составлявшія отличительныя черты его характера съ молодости, давали ему возможность болѣе, чѣмъ кому либо изъ современниковъ, отнестись къ современнымъ увлеченіямъ сознательно, критически и, искушая все, удерживать только доброе. Все вліяніе на него этихъ увлеченій ограничилось лишь тѣмъ, что давало ему побужденія въ свое время чаще устремлять свою мысль въ глубины и высоты православной мистики и создать нѣсколько образцовыхъ ораторскихъ опытовъ въ этомъ родѣ, каковы были особенно его два слова на Рождество 1811 и 1812 гг. о самоуничиженіи, какъ пути къ рожденію въ насъ Христа, слово 1812 г. на освященіе храма въ домѣ Голицына о внутреннемъ храмѣ, Бесѣда 1814 г. на текстъ: „Коль возлюбленна селенія твоя“, и знаменитое слово 1813 г. на в. пятокъ.

Другимъ замѣчательнымъ представителемъ православнаго направленія мистики, хотя и въ меньшей степени, былъ Сперанскій. Несчастіе, постигшее его въ 1812 г., побудило его еще усерднѣе предаться религіи, чѣмъ прежде, когда онъ дружилъ съ старыми масонами. Во время пермской ссылки и въ Великопольскомъ уединеніи онъ очень много читалъ творенія св. отцевъ и житія святыхъ и все болѣе и болѣе убѣждался, что за истиннымъ мистическимъ ученіемъ вѣрнѣе обращаться не къ западнымъ, а къ своимъ православнымъ авторитетамъ. Онъ съ удивленіемъ узналъ, что монахи сосѣдняго съ Великопольемъ Вишерскаго монастыря знакомы съ высшими степенями созерцательной молитвы безъ всякаго знакомства съ г-жей Гіонъ. Потомъ ему попалась въ руки книга „Добротолюбіе“ и привела его въ восторгъ. Къ 1814 г. онъ уже совсѣмъ бросилъ прежнія занятія теософіей, увидавъ, какъ онъ писалъ тогда другу своему Цейеру, что всѣ „творенія Бема, С.-Мартена, Сведенборга и т. п. лишь азбука“. Ко времени наибольшаго развитія у насъ мистицизма онъ успѣлъ уже твердо опредѣлить свои воззрѣнія на современное мистическое движеніе. Онъ восторженно отнесся къ св. союзу, но въ то же время хорошо видѣлъ шаткую неопредѣленность его акта и вѣрно пред-

сказывалъ его вредныя послѣдствія и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи; восхищался и дѣломъ Библейскаго общества, но не закрывалъ глазъ и на оборотную сторону рьяныхъ увлеченій библейцевъ. Въ одной запискѣ объ антихристѣ онъ писалъ, что князь тьмы хитро пользуется въ свою пользу всякими обстоятельствами; замѣтивъ религіозное увлеченіе вѣка, онъ даетъ своему воинству обманчивый видъ ополченія Христова и первый кричитъ за религію, первый является съ Библіей въ рукахъ и восхваляетъ ее: „Нѣтъ ничего лучше и въ то же время нѣтъ ничего простѣе,—за 6 рублей вѣчное спасеніе“!

Мистическое ученіе изложено въ его письмахъ къ друзьямъ, Словцову, Цейеру и Броневскому. Письма эти, особенно къ Цейеру, представляютъ собою рядъ подробныхъ бесѣдъ о средствахъ къ раскрытію царства Божія въ душѣ и различныхъ духовныхъ состояніяхъ на пути къ возрожденію, бесѣдъ, основанныхъ уже не на однихъ западныхъ, но и на церковныхъ авторитетахъ и, какъ по всему видно, даже на собственныхъ духовныхъ опытахъ. Основныя мысли и самая терминологія здѣсь почти тѣ же, что у всѣхъ мистиковъ, встрѣчаемъ не мало и одинаковыхъ съ ними погрѣшностей. Такъ, внутреннее слово, какъ и у другихъ мистиковъ, не рѣдко смѣшивается у него съ Словомъ ѵпостаснымъ; рожденіе въ насъ Христа понимается не въ смыслѣ возрожденія насъ самихъ по образу Христа, облеченія во Христа или преобразованія своихъ настроеній по свойствамъ Христа, а именно въ мистическомъ смыслѣ рожденія въ душѣ самого ѵпостаснаго Слова; при чтеніи св. Писанія, какъ и всѣ мистики, онъ допускалъ въ одномъ и томъ же текстѣ множество смысловъ, считая при этомъ „истиннымъ смысломъ“ именно смыслъ наиболѣе духовный; не вполнѣ освободился онъ и отъ наклонности мистиковъ къ новымъ откровеніямъ и видѣніямъ, давалъ понять, что и самъ былъ не чуждъ ихъ въ своемъ умномъ дѣланіи; черты, какими онъ характеризуетъ высшія проявленія этого умнаго дѣланія, тоже напоминаютъ отличительныя черты мистическаго квіетизма или погруженія духа въ пустоту безсмыслія. Но вся эта изгарь мистическихъ вліяній была у него только невольною, почти неизбѣжною въ его положеніи данью предубѣжденіямъ и ошибкамъ вѣка и очень мало вредила общей чистотѣ его православныхъ убѣжденій и приверженности къ церкви. Въ письмѣ къ Словцову отъ 1813 г., когда Сперанскій только лишь выходилъ изъ переходнаго состоянія своего религіознаго развитія, читаемъ уже такія слова: „Стихійная мудрость, составивъ себѣ какую-то философо-ѳеософо-христіанскую метафизику, вообразила себѣ, что она открыла какой-то путь къ истинѣ удобнѣйшій и чистѣйшій, нежели тотъ, который представляетъ намъ цер-

ковь съ ея установленіями. Заблужденіе гордое и плачевное!.. Установленія церковныя поистинѣ удовлетворяютъ всѣмъ человѣческимъ положеніямъ. Одна литургія Іоанна Златоустаго или Василія Великаго можетъ занять на всю жизнь и даже поглотить въ себѣ всѣ размышленія самого глубокомысленнаго испытателя, ежели только онъ будетъ размышлять съ надлежащимъ совѣсти и духа очищеніемъ". Самъ онъ усердно исполнялъ всѣ церковныя установленія, не пропускалъ церковныхъ службъ, находилъ высокое духовное утѣшеніе въ говѣніи, исповѣди и причащеніи. Въ письмахъ къ Цейеру находимъ свидѣтельства о глубокой вѣрѣ его въ отвергаемые протестантами и мистиками православные догматы, наприм. о ходатайствѣ предъ Богомъ Богоматери и святыхъ: „Тотъ не знаетъ, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, что такое Сынъ, кто въ молитвахъ своихъ не обращается къ Его Матери. Тотъ такъ же не знаетъ, что такое Единый Святый, кто не покланяется Ему во всѣхъ святыхъ Его". Въ одномъ письмѣ къ дочери встрѣчается прекрасное и трогательное мѣсто о служеніи ангела хранителя. Даже въ нравственно-мистическихъ разсужденіяхъ объ умномъ дѣланіи онъ постоянно ссылается на свидѣтельства и примѣры св. созерцателей православнаго востока и сурово отзывается о ложномъ мистицизмѣ съ его духовною гордостію, разными экстазами, видѣніями и пророчествами, и о Лабзинѣ, который, по его словамъ, „никогда бы не возмечталъ, что посланъ отъ Бога созидать новый храмъ духовный, если бы зналъ, что храмъ сей и основанъ, и созданъ, и усовершенъ уже безъ насъ единымъ Господомъ нашимъ І. Христомъ",

Мистики зауряднные и ихъ увлеченія. Понятно, что такихъ богословски-образованныхъ умовъ, осторожно соблюдавшихъ границу между православной мистикой и скользкими путями мистицизма, могло быть очень не много, что несравненно болѣе было людей, увлекавшихся далѣе этой границы, и не только между людьми свѣтскаго общества, но и среди самого духовенства. Къ числу такихъ, болѣе или менѣе увлеченныхъ людей относились: архіереи Іона тверскій, котораго за направленіе не одобряли не одни Фотій и Шишковъ, но и самъ Филаретъ московскій, Симеонъ Крыловъ тульскій (потомъ тверскій и черниговскій), Онисифоръ вологодскій, въ 1822 г. вызывавшійся въ Петербургъ для сообщенія государю какихъ-то видѣній, и отчасти Димитрій Сулима кишеневскій, изъ архимандритовъ—извѣстный одесскій архимандритъ Ѳеофанъ и другіе. Изъ бѣлаго духовенства, начитавшагося мистическихъ книгъ, выходили иногда весьма рьяные проповѣдники въ духѣ современнаго настроенія умовъ, каковыми напр. были въ 1820-хъ гг. балтинскій священникъ *Ѳеодосій Левицкій* и подольскій священникъ *Ѳеодоръ Лисѣвичъ*, вызванные по

распоряженію государя и Голицына въ Петербургъ и здѣсь проповѣдовавшіе покаяніе и скорую кончину міра. До чего могло доходить увлеченіе мистицизмомъ болѣе горячихъ головъ изъ духовенства, показываетъ дѣло іеромонаха *Іоны*, законоучителя морскаго кадетскаго корпуса. Приставъ къ партіи Лабзина, онъ дошелъ до такого фанатизма въ отрицаніи всего внѣшняго въ религіи, что совсѣмъ потерялъ голову,—въ 1818 г. вошелъ однажды предъ литургіей въ корпусную церковь и, какъ новый Ѳома цирюльникъ, началъ колоть церковнымъ копіемъ иконостасные образа,—говорятъ даже—осквернилъ св. престолъ. Его схватили и засадили въ лаврскую больницу. Это обстоятельство въ свое время надѣлало много шума и сильно скомпрометтировало приверженцевъ мистицизма. Виновный кончилъ жизнь въ уединенной монастырской кельѣ на покаяніи. Въ свѣтскомъ обществѣ увлеченіе мистикой получило, какъ мы видѣли, характеръ настоящей эпидеміи. Въ Петербургѣ и Москвѣ образовалось нѣсколько мистическихъ кружковъ изъ дворянъ, чиновниковъ и др. лицъ разныхъ сословій; кружки эти занимались чтеніемъ мистическихъ книгъ, бесѣдами, умною молитвою и др. мистическими упражненіями, выражая въ тоже время сильное презрѣніе къ духовенству и къ церковному руководительству въ дѣлѣ религіи. Мистики высшаго общества собирались въ нѣсколькихъ, спеціально занятыхъ мистицизмомъ гостиныхъ, напр. въ домѣ кн. С. Мещерской и А. Голицыной; въ 1821 г. въ домѣ Голицыной нѣкоторое время держала свои бесѣды о царствіи Божіемъ извѣстная авантюристка г-жа Крюднеръ, пока государь не заставилъ ее выселиться изъ Петербурга за вмѣшательство въ политику. Такіе же кружки существовали и въ другихъ городахъ. Большинство свѣтскихъ людей, сопричислявшихъ себя къ духовной церкви, конечно не въ состояніи было даже и понять мистическихъ идей, которыя были вовсе не по плечу его легкомыслію. Этой толпѣ мистиковъ зауряднаго разбора едва ли не болѣе всего нравилась въ новомъ ученіи его крайняя эластичность, способность обнимать собою и оправдывать самыя разнородныя религіозныя воззрѣнія; оно не обязывало никого ни къ опредѣленнымъ вѣрованіямъ, ни къ опредѣленнымъ правиламъ жизни, было такъ снисходительно ко всѣмъ проступкамъ противъ внѣшняго нравственнаго закона, считая ихъ за ничто предъ внутренней правдой фантастическаго возрожденія и предъ безконечной любовію Божества, и при этомъ еще такъ азартно возставало противъ внѣшней церкви, что къ нему свободно могли приставать даже сами вольтерьянцы, вольнодумство которыхъ тоже рѣдко простиралось дальше разныхъ выходокъ противъ обрядовъ и поповъ; для душъ религіозно-сантиментальныхъ, особенно разныхъ

великосвѣтскихъ грѣшницъ, которымъ хотѣлось спастись, не утруждая себя религіознымъ подвигомъ, быть религіозными только въ душѣ, оно было чистой находкой. Чѣмъ больше оно проникало въ эту низменную среду образованной и необразованной толпы, тѣмъ болѣе мельчало и пошлѣло, но отъ этого ни сколько не менѣе питало гордаго пренебреженія къ „внѣшней“ церкви и доходило иногда даже до настоящаго сектантства. Болѣе полное выраженіе такого сектантскаго характера мистицизма встрѣчаемъ въ двухъ духовныхъ обществахъ Александровскаго времени,— обществѣ духоносцевъ и духовномъ союзѣ Татариновой.

Общество духоносцевъ возникло на Дону около 1822 г. Основателемъ его былъ отставной донской эсаулъ *Евлампій Котельниковъ.* Начитавшись мистическихъ книгъ, онъ сталъ фанатически чуждаться православной церкви и изъ небольшаго числа своихъ послѣдователей завелъ свои особыя религіозныя собранія съ чтеніемъ Библіи и мистическихъ книгъ, еженедѣльнымъ преломленіемъ хлѣба по примѣру апостоловъ и даже съ пророчествами. Ученіе свое онъ изложилъ въ книгѣ: „Начатки съ Богомъ остраго серпа,“ которую и послалъ къ кн. Голицыну для передачи государю съ просьбой о разрѣшеніи независимыхъ отъ церкви собраній для преломленія хлѣба, какія завелъ самъ. Собранія эти онъ называлъ новою церковію духоносцевъ, которой предсказывалъ быстрое распространеніе по всей вселенной; импер. Александра представлялъ мужемъ этой церкви, христомъ Господнимъ, который древнюю церковь истребитъ, какъ любодѣйцу, послѣ чего настанетъ 1000-лѣтнее царство Христово на землѣ. Въ 1824 г. онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и отданъ на увѣщаніе Фотію. Чрезъ нѣсколько времени, по свидѣтельству Фотія о его раскаяніи, его отпустили домой даже съ денежнымъ пособіемъ въ 1000 рублей; но на Дону онъ опять возвратился къ своимъ бреднямъ и написалъ новую книгу: „Острый серпъ,“ гдѣ между прочимъ смѣялся надъ властями, которыя повѣрили его покаянію, и представлялъ себя пророкомъ, даже Христомъ. Въ 1825 году его опять взяли въ Юрьевъ монастырь на покаяніе, а отсюда въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ слѣдующемъ году онъ былъ сосланъ на Соловки, гдѣ и умеръ уже въ 1850 г. въ полномъ раскаяніи.

Духовный союзъ Татариновой возникъ въ самомъ Петербургѣ и представлялъ собою образчикъ сближенія мистицизма съ народнымъ хлыстовствомъ. Г-жа *Татаринова*, урожденная Буксгевденъ (род. 1783 г.), была вдова заслуженнаго полковника Татаринова, состоявшаго подъ конецъ жизни на статской службѣ въ должности директора рязанской гимназіи. Въ 1815 г. по смерти мужа она поселилась въ Петербургѣ сначала у матери въ Михай-

ловскомъ замкѣ. бывшемъ дворцѣ импер. Павла, потомъ получила здѣсь особую казенную квартиру. Ища царствія Божія, она вошла въ близкія сношенія съ хлыстами и скопцами и усвоила ихъ обряды радѣнія. Свою сектантскую дѣятельность она начала въ 1817 г. Первыми членами ея кружка были: ея мать, братъ капитанъ Буксгевденъ, деверь Татариновъ, надворн. сов. *Мартынъ Пилецкій-Урбановичъ*, человѣкъ весьма образованный, но нѣсколько тронутый разумомъ, благочестивая и любящая душа, беззавѣтно преданный Татариновой, живописецъ *Боровиковскій* и музыкантъ *Никита Ѳедоровъ* (Никитушка), по своему пророческому дару игравшій такую видную роль въ сектѣ, что послѣдняя называлась иногда Никито-Татариновскою. Потомъ къ ней постепенно примкнуло еще человѣкъ до 40 разнаго пола и состоянія, между прочимъ генералъ Е. Головинъ, кн. Енгалычевъ, Лабзинъ, секретарь библейскаго комитета Поповъ съ тремя дочерьми, изъ которыхъ одну по своему усердію къ сектѣ онъ чуть потомъ не уморилъ побоями и домашней тюрьмой за ея отвращеніе отъ сектантскихъ обрядовъ. На собраніяхъ Татариновой бывали такъ же извѣстный проповѣдникъ свящ. А Маловъ, самъ министръ Голицынъ и Кошелевъ. Татаринова не приняла ни догматическаго, ни нравственнаго ученія скопцовъ и хлыстовъ (о христахъ-искупителяхъ, о безбрачной жизни и пр.), но почти цѣликомъ усвоила у нихъ обрядность радѣній, какъ способовъ доходить до состоянія мистическаго экстаза. Тайну своей секты она основывала на смыслѣ начальныхъ стиховъ 1 Коринѳ. гл. XIV о дарѣ пророчества. Собранія ея открывались обыкновенно чтеніемъ свящ. книгъ; потомъ пѣлись разныя пѣсни, положенныя большею частію на простонародные напѣвы главнымъ уставщикомъ Никитушкою, въ томъ числѣ пѣсни хлыстовскія и нѣкоторыя церковныя („Спаси, Господи, люди Твоя“); затѣмъ начиналось радѣніе, кончавшееся обычными у скопцовъ и хлыстовъ пророчествами. Собранія эти продолжались свободно и даже не секретно почти до 1822 г., до помѣщенія въ Михайловскомъ замкѣ инженернаго училища и до запрещенія тайныхъ обществъ. Объ нихъ знали, кромѣ Голицына, имп. Елизавета Алексѣевна, благоволившая къ Татариновой, и самъ государь. Въ 1818 г. т. сов. Милорадовичъ былъ сильно обезпокоенъ тѣмъ, что въ общество Татариновой былъ вовлеченъ сынъ его гвардейскій офицеръ; государь успокоилъ его нарочнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ: „Я старался проникнуть его связи и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, что бы отводило отъ религіи; напротивъ онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ должности, посему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны“. Съ выѣздомъ изъ Михайловскаго замка Татаринова держала свои

собранія сначала на своей квартирѣ въ городѣ, потомъ въ 1825 г. съ ближайшими изъ своихъ послѣдователей выселилась за городъ, гдѣ основала нѣчто въ родѣ цѣлой сектантской колоніи. Въ 1837 г., по распоряженію правительства, колонія эта была наконецъ порушена и всѣ сектанты разосланы по монастырямъ.

Хлысты. Хлыстовство Татариновскаго союза было хлыстовствомъ нѣсколько цивилизованнымъ; въ народѣ продолжала распространяться старинная народная хлыстовщина, среди общаго мистическаго настроенія получившая теперь большую безопасность и свободу для своего существованія и развитія. Замѣчательно, что въ то время, какъ мистики роднились съ хлыстами, заимствуя у нихъ ихъ радѣнія, хлысты въ свою очередь сближались съ мистиками, выбирая для своего книжнаго чтенія мистическія сочиненія г-жи Гіонъ, Эккартсгаузена „Облако надъ святилищемъ“ и „Ключъ къ таинствамъ натуры“, Штиллинга „Побѣдную повѣсть“ и „Тоску по отчизнѣ“, такъ же „Таинство креста“ и др. Кромѣ указанныхъ прежде мѣстностей, хлыстовщина распространилась теперь по всему поволжью, по Окѣ и на Дону, то оставаясь въ своемъ чистомъ видѣ, то смѣшиваясь съ скопчествомъ. Въ Калужской епархіи въ 1809 г., въ хлыстовствѣ были уличены нѣкоторыя духовныя лица. По этому поводу, по порученію епископа калужскаго Ѳеофилакта, свящ. села Забѣльни *І. Сергѣевъ* нарочно сблизился съ хлыстами, чтобы развѣдать ихъ заблужденія, даже самъ вступилъ въ ихъ общество и участвовалъ въ ихъ собраніяхъ. Собравъ достаточныя свѣденія, онъ составилъ первое подробное „Изъясненіе раскола, именуемаго хлыстовщина или христовщина“, которое чрезъ архіерея и представилъ въ св. Синодъ.

Скопцы. Еще успѣшнѣе хлыстовства новымъ настроеніемъ правительства воспользовалось скопчество, справедливо считающее 1802—1820 годы самымъ счастливымъ временемъ своей жизни. Съ самаго начала царствованія Александра въ 1801 г. по поводу одного дѣла о скопцахъ послѣдовало высочайшее распоряженіе „оставить ихъ отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ сами себя уже довольно наказали“. Въ 1802 г. самъ искупитель Селивановъ былъ освобожденъ изъ дома сумасшедшихъ и отправленъ на жительство въ богадѣльню. Скопцамъ только это и было надобно. Одинъ изъ нихъ, камергерръ (бывшаго польскаго двора Станислава Понятовскаго) *Елянскій*, полусумасшедшій мистикъ, взялъ его изъ богадѣльни подъ расписку къ себѣ на жительство и немедленно передалъ скопцамъ Ненастьевымъ. Домъ этихъ Ненастьевыхъ, какъ жилище искупителя, сдѣлался съ этихъ поръ настоящимъ центромъ скопческаго изувѣрства. Спустя немного времени

послѣ этого, скопчество до того почувствовало себя сильнымъ, до того зазналось, что въ 1804 г. предприняло попытку сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ главнаго центра всей Россійской имперіи. Это было въ самую горячую эпоху преобразовательной дѣятельности молодаго государя и его молодыхъ сподвижниковъ. Желая „увѣнчать всероссійскаго монарха новымъ лавромъ“, Елянскій составилъ для поднесенія государю совершенно оригинальный проектъ полнаго преобразованія государства въ скопческомъ духѣ съ приложеніемъ „Извѣстія, на чемъ скопчество утверждается“. По этому проекту вся Россія должна была обратиться въ какой-то скопческій корабль. Государь, подобно Іисусу Навину, долженъ управлять государствомъ по гласу небесному, а для этого при немъ долженъ постоянно находиться искупитель Кондратій Селивановъ и „аппробовать всѣ тайные совѣты“, такъ какъ „въ немъ полный Духъ небесный Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ“. Себѣ самому Елянскій скромно предоставлялъ второе мѣсто по искупителѣ и власть надъ войсками, при которыхъ обязывался присутствовать постоянно „ради небеснаго совѣта и воли Божіей“, а о „недовѣдомыхъ“ вещахъ докладывать самому искупителю. Результатомъ этого сумасброднаго проекта было то, что авторъ его былъ отправленъ въ суздальскій монастырь, а съ Селиванова взято обѣщаніе не производить больше оскопленій. Обѣщаніе это было конечно ложное, но правительство вполнѣ имъ удовольствовалось и считало его вполнѣ удовлетворительной гарантіей для своихъ подданныхъ противъ всякаго уродованія ихъ скопцами. Нѣсколько времени оно даже хвалилось этимъ гуманнымъ пріемомъ и старалось распространить его дѣйствіе на другія мѣста, кромѣ Петербурга, рекомендуя мѣстнымъ властямъ брать такія же обѣщанія съ начальниковъ секты повсюду.

Самъ Селивановъ оставленъ въ совершенномъ покоѣ. Отъ него въ разные концы Россіи шли посланія къ скопцамъ и утвержденія разныхъ лицъ въ пророческомъ званіи. Отъ многочисленныхъ пожертвованій около него стекались громадныя богатства, съ помощію которыхъ нѣкоторые слуги его, особенно *Солодовниковъ*, въ домѣ котораго онъ поселился въ 1817 г., нажили большіе капиталы. На торжествахъ и радѣніяхъ въ его жилищѣ участвовало иногда до 300 человѣкъ обоего пола. При помощи сильныхъ покровителей онъ достигъ даже того, что входъ къ нему полиціи былъ запрещенъ по высочайшему повелѣнію. Значеніе его все возрастало и не только между скопцами, но даже среди православнаго общества Петербурга, привлекая къ нему множество суевѣрныхъ посѣтителей, особенно посѣтительницъ изъ купчихъ и знатныхъ барынь. Въ 1805 г. его посѣтилъ даже самъ государь. Такая свобода скопчества продолжалась

до 1819 г. Все наказаніе скопцамъ, попадавшимся подъ судъ, состояло въ томъ, что они были отдаваемы въ солдаты съ зачетомъ за нихъ рекрутовъ. Въ 1816 г. комитетъ министровъ замѣтилъ, что мѣра эта не достигаетъ своей цѣли, что скопцы, оставаясь по отдачѣ въ солдаты на старыхъ мѣстахъ, продолжаютъ содѣйствовать распространенію случаевъ оскопленія, и положилъ ссылать ихъ на службу въ Сибирь и въ Грузію, а неспособныхъ къ службѣ на поселеніе въ Иркутскую губернію; но государь не согласился съ этимъ мнѣніемъ и указалъ подвергать ссылкѣ только однихъ „главныхъ зачинщиковъ или кто производитъ оскопленіе". Наконецъ въ 1819 г. возникло такое дѣло о скопцахъ, на которое уже нельзя было не обратить вниманія. Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ узналъ, что въ собранія скопцовъ были увлечены двое его племянниковъ, - одинъ полковникъ, другой подпоручикъ,—и что скопчество вообще успѣло сильно распространиться въ арміи и флотѣ, и просилъ кн. Голицына довести о такомъ важномъ обстоятельствѣ до свѣденія государя. Но правительство и теперь прибѣгло сначала къ старой мѣрѣ увѣщаній. Любопытно, что для уговариванія Селиванова, чтобы онъ не позволялъ производить оскопленій, были посланы самые ярые татариновцы, Поповъ и Пилецкій. Первый такъ восхитился бесѣдами съ искупителемъ, что воскликнулъ, всплеснувъ руками: „Господи! Если бы не скопчество, за такимъ человѣкомъ пошли бы полки за полками". А послѣдній въ томъ же 1819 г. написалъ и напечаталъ по порученію государя книгу о скопцахъ, въ которой, опровергая самое скопчество, оправдывалъ его ученіе о внутреннемъ словѣ и радѣнія. Канитель увѣщаній тянулась до іюня слѣдующаго 1820 г., пока наконецъ не порѣшено было захватить Селиванова подъ арестъ и секретно сослать въ суздальскій Евѳиміевъ монастырь, гдѣ онъ и оставался до конца своей жизни († 1832 г.).

Съ 1820 г. мѣры противъ скопцовъ сдѣлались строже. На ряду съ другими вредными сектантами ихъ не велѣно было избирать въ общественныя должности. Женамъ ихъ дозволено вступать по желанію въ бракъ съ другими мужьями. Но долговременная свобода, какою доселѣ пользовалось скопчество, успѣла уже такъ сильно укрѣпить его, что бороться съ нимъ стало чрезвычайно трудно. Въ числѣ его исповѣдниковъ попадались не только простыя, но и духовныя лица, причетники, монахи и монахини. Въ 1820-хъ гг. оно обнаружилось даже въ Соловецкомъ монастырѣ, въ которомъ ссыльные скопцы успѣли завести цѣлый скопческій корабль и производили свои операціи надъ монастырскими слугами. Дѣятельность ихъ остановилась въ 1824 г., благодаря усиліямъ вновь назначеннаго въ настоятели монастыря

ученаго и энергичнаго архимандрита *Досиѳея Нѣмчинова*, автора Описанія Соловецкаго монастыря и перваго серьезнаго изслѣдователя скопческой ереси.

Еще большею благосклонностію властей пользовались секты духовныя. *Духоборцы* съ самаго начала царствованія успѣли разжалобить правительство жалобами на свои страданія и раззоренія отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Съ цѣлію освободить ихъ отъ тягостнаго для нихъ сожительства съ православными и „по уваженію претерпѣннаго сими людьми раззоренія" ихъ начали выселять съ мѣстъ ихъ жительства въ Новороссію на Молочныя воды Мелитопольскаго уѣзда; при этомъ имъ давалась на подъемъ ссуда изъ казны, а на мѣстѣ поселенія они получали земельные надѣлы до 15 десятинъ на душу, льготу отъ податей на 5 лѣтъ и полную свободу вѣроисповѣданія. Указомъ 1801 г. губернаторамъ указано было защищать ихъ „отъ всѣхъ притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ ихъ просвѣщенію". Въ февралѣ 1803 г. вышелъ замѣчательный указъ о свободѣ вѣры духоборцевъ. „Общее правило, говорилось здѣсь, принятое мною на заблужденія сего рода, состоитъ въ томъ, чтобы, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать однакоже никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны, не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка". На этомъ основаніи предписывалось, чтобы священники старались обращать сектантовъ не состязаніями и принужденіями, а единственно кротостію примѣра и святостію жизни, избѣгали раздражать ихъ посѣщеніемъ ихъ домовъ и т. п., гражданскія же начальства воспрещали имъ лишь явные соблазны и нарушеніе общаго порядка разглашеніемъ ереси, и доколѣ не обнаружено будетъ съ ихъ стороны явнаго неповиновенія власти, дотолѣ не судили и не обвиняли ихъ въ семъ преступленіи по единому смыслу ихъ ереси. При опредѣленіи духоборцевъ на службу по рекрутской повинности позволено, согласно съ ихъ религіозными убѣжденіями, не приводить ихъ къ узаконенной присягѣ. За пропаганду ереси и за нарушеніе порядка они по прежнему предавались суду и отдавались въ военную сибирскую службу или ссылались на Нерчинскіе и Селенгинскій заводы. Духовное начальство съ своей стороны старалось выяснить вредъ духоборческаго ученія для церкви и государства. Въ 1805 г. Евгеній Болховитиновъ написалъ первое научное „Изслѣдованіе исповѣданія духоборческой секты" (рукопись), но въ то же время написана была по мыслямъ Лопухина другая записка въ пользу духоборцевъ, которая и послужила къ утвержденію правительства въ мнѣніи объ нихъ, какъ о людяхъ, невинно гонимыхъ. На Молочныхъ водахъ имъ

жилось хорошо; ихъ слобода Терпѣніе въ скоромъ времени сдѣлалась богатѣйшимъ селеніемъ на югѣ. Въ 1810 г. они было хлопотали даже о томъ, чтобы къ нимъ возвращены были на жительство духоборцы, сосланные въ разное время въ Сибирь, но въ этомъ имъ было отказано. Сибирскимъ духоборцамъ впрочемъ и въ Сибири жилось не дурно, потому что еще въ 1804 г. они получили тамъ всѣ права мелитопольскихъ поселенцевъ.

Въ 1816 г. мелитопольскіе поселенцы подверглись было нападенію херсонскаго губернатора Ланжерона, который послалъ о нихъ два представленія въ Петербургъ, обвиняя ихъ въ развратной жизни и зловредныхъ для общества правилахъ и прося о переселеніи ихъ на другое мѣсто. Но государь принялъ ихъ сторону и сдѣлалъ Ланжерону выразительное внушеніе. „Просвѣщенному ли правительству, писалъ онъ, приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями. Жестокость не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ“ и проч. Разъяснивъ смыслъ предпринятаго правительствомъ переселенія сектантовъ на Молочныя воды, государь рѣшительно объявлялъ, что „не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять надлежитъ, но объ огражденіи ихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе“ и объ устройствѣ ихъ безопасности, „чтобы они могли почувствовать, что состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ“. Ободренные милостивымъ расположеніемъ государя, духоборцы снова стали домогаться чтобы къ нимъ приселены были на Молочныя воды ихъ ссыльные братья изъ Сибири; о томъ же переселеніи на югъ просили правительство духоборцы, сосланные еще прежде въ Кольскій уѣздъ Архангельской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ отказалъ имъ въ этомъ; но въ 1818 г. мелитопольскіе духоборцы прибѣгнули съ той же просьбой къ самому государю, проѣздомъ посѣтившему ихъ селенія, и на этотъ разъ достигли своей цѣли. Тогда же велѣно было предавать духоборцевъ суду не прежде, какъ по представленіи о томъ комитету министровъ и съ доклада самому государю. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано было въ 1820 г. только для явныхъ распространителей ереси въ Сибири, которыхъ, какъ и всякихъ другихъ расколоучителей, во уваженіе дальнихъ разстояній, повелѣвалось немедленно предавать уголовному суду, но все-таки „не за расколъ, а за внѣшніе поступки, съ буйствомъ или нарушеніемъ благочинія и порядка сопряженные“. Правительство было такъ милостиво къ духоборцамъ, что только въ 1819 г. подвело ихъ подъ общее распоряженіе, простиравшееся на всѣхъ вообще

сектантовъ и раскольниковъ безпоповцевъ, о недопущеніи ихъ къ выбору въ общественныя должности. Въ 1820 г. мелитопольскимъ духоборцамъ отведены были даже новыя прибавочныя земли. Не болѣе какъ чрезъ два года послѣ этого сдѣлалось извѣстнымъ, что такое обиліе земель въ ихъ рукахъ стало увлекать въ сектантство даже православныхъ, и пришлось выдать новое распоряженіе, чтобы надѣлъ духоборцевъ землею не превышалъ обычныхъ надѣловъ казенныхъ крестьянъ (по 15 дес. на душу). Вслѣдствіе такого постояннаго снисхожденія къ духоборцамъ секта ихъ, кромѣ Новороссійскаго края, гдѣ ихъ старались сосредоточить въ отдѣльныя колоніи, и Сибири, куда ихъ ссылали за слишкомъ рѣзкое оказательство своихъ вѣрованій и за пропаганду, благополучно держалась и въ прежнихъ мѣстахъ своего распространенія, въ Пензенской, Тамбовской, Воронежской и Харьковской губерніяхъ.

Молокане. Не меньшими милостями пользовалась и другая духовная секта,—молоканская. Узнавъ о предоставленіи свободы вѣры духоборцамъ, тамбовскіе молокане поспѣшили сбросить свою постоянную личину православія, подъ которой доселѣ таились отъ преслѣдованій, и открыто заявить свое сектантство. Смѣшивая ихъ съ духоборцами, правительство по временамъ и ихъ переселяло въ Новороссію и на Кавказъ. Въ 1818 г. имъ предложено было селиться на Молочныхъ водахъ вмѣстѣ съ духоборцами, но черезъ два года, вслѣдствіе постоянной ихъ вражды съ последними, ихъ пришлось поселить особо въ томъ же Мелитопольскомъ уѣздѣ среди меннонитскихъ колоній и бывшихъ ногайскихъ владѣній. Между тѣмъ по прежнему продолжалась ихъ колонизація въ Астраханской и Саратовской губерніяхъ. Ихъ колонисты массами шли съ мѣстъ прежняго тревожнаго житья среди православнаго народонаселенія на отдаленныя отъ церковной и полицейской власти и пустынныя мѣста по Волгѣ, Ахтубѣ и на Узеняхъ, гдѣ они могли устроиться и спокойно и богато и даже безъ помѣхи распространять свою ересь среди православныхъ, жившихъ тамъ почти совершенно безъ церковнаго надзора. Для большаго успѣха своей пропаганды они постоянно указывали православнымъ на свободу своей вѣры, какъ на ясное доказательство признанія ея истинности со стороны самого правительства; другимъ такого же рода доказательствомъ служили для нихъ Библіи Библейскаго общества, въ которыхъ при изданіи исключены были всѣ прибавленія, относящіяся къ чину богослуженія православной церкви,—по толкованію молоканъ это значило, что всѣ члены Библейскаго общества и сами архіереи были молоканами и что въ язычествѣ (т. е. въ православіи) оставались только деревенскіе попы да невѣжды мужики. Молокане отдали должную

честь и мистическимъ изданіямъ Александровскаго времени; особенно понравилась имъ Побѣдная повѣсть Ю. Штиллинга, въ которой они примѣняли къ православной церкви то, что Штиллингомъ было сказано о церкви латинской, а къ себѣ—его восторженныя рѣчи о духовныхъ христіанахъ и Ѳіатирской церкви.

Расколъ старообрядства. Кромѣ духовныхъ сектъ, вѣротерпимость правительства простерлась и на такія секты, которыя, кажется, уже вовсе не подходили ни къ первоначальному либеральному, ни къ послѣдующему мистическому настроенію въ правительственныхъ сферахъ, на секты раскола старообрядческаго. Въ рескриптѣ отъ 9 апр. 1801 г. относительно раскольниковъ было высказано общее требованіе: „отнынѣ впредь не дѣлать имъ ни малѣйшаго притѣсненія за вѣру,.. имѣть только попеченіе, чтобы повсемѣстное спокойствіе нигдѣ нарушаемо не было, нарушителей же онаго отсылать къ сужденію по законамъ, куда слѣдуетъ“. Въ 1803 г. на вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора о томъ, какъ ему поступать съ раскольническими попами, высочайшимъ рескриптомъ отвѣчено: „Какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ и лишить ихъ способовъ крещенія и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы“. Вмѣстѣ съ этимъ нужно было конечно допустить такое же смотрѣніе сквозь пальцы и на совершеніе между раскольниками богослужебныхъ обрядовъ, а такъ же на существованіе у нихъ церквей и часовень. Въ разное время встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ формальнаго запрещенія раскольникамъ строить новыя церкви и обители, но если онѣ являлись не формально, церкви и часовни безъ церковныхъ главъ и крестовъ, а обители въ видѣ наприм. богадѣленъ, ихъ не трогали. Въ 1822 г. о раскольническихъ бѣглыхъ попахъ и церквахъ вышелъ общій указъ въ такомъ же направленіи:—первыхъ велѣно оставлять безъ всякаго вниманія, если только они не учинили до побѣга какого либо преступленія; что касается до церквей, то вновь строить ихъ не дозволялось, но о старыхъ указывалось „не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе“.—Старыя раскольническія обители и церкви не разъ вызывали въ свою пользу даже слишкомъ милостивыя распоряженія правительства. Наприм. Иргизскіе монастыри, поставлявшіе бѣглыхъ поповъ чуть не на всю Россію, успѣли получить себѣ во владѣніе до 12,000 десятинъ земли и безпрепятственно обстраивали и украшали свои церкви. Богатые московскіе раскольники съумѣли предоставить своимъ московскимъ центрамъ почти совершенную независимость отъ церковнаго и полицейскаго надзора. Ловкій ктиторъ знаменитаго Преображенскаго кладбища Илья Ковылинъ, благодаря покровитель-

ству знатныхъ людей, въ 1809 году выхлопоталъ высочайшее утвержденіе плана на устройство этого центра ѳедосѣевщины въ видѣ богадѣльнаго дома со всѣми правами подобнаго рода благотворительныхъ учрежденій. Въ 1820 г. правительство обратило особенное вниманіе на безпоповщинскія секты, признавъ ихъ особенно вредными, запретило выбирать безпоповцевъ въ общественныя должности и поручило ихъ особому наблюденію полицейскихъ властей, но относительно правъ, дарованныхъ Преображенскому кладбищу, и теперь не сдѣлало никакихъ особенныхъ ограниченій. Въ указахъ того же года государь нѣсколько разъ выражалъ свое постоянное требованіе, чтобы губернскія и полицейскія власти не вмѣшивались ни въ какія дѣла внутренняго управленія кладбища, а въ случаѣ жалобъ „разбирали оныя въ обидахъ личныхъ каждаго, а отнюдь не религіознаго общества, кое никакого законами утвержденнаго существованія не имѣетъ“, и чтобы за свои мнѣнія и обряды, совершаемые безъ публичнаго оказательства, раскольники не были вовсе преслѣдуемы. Въ такомъ же духѣ въ 1823 г. составлены были новыя правила о надзорѣ за Преображенскимъ кладбищемъ; здѣсь снова опредѣлялось, чтобы гражданскія начальства во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ этому учрежденію постоянно имѣли въ виду только то, что оно заведеніе богоугодное, богадѣльня, и никакъ недозволяли ему являться въ качествѣ средоточія религіозной секты. Другія средоточія безпоповцевъ въ Москвѣ, поморская (Покровская) и филиповская часовни не обращали на себя вниманія, но тоже съ успѣхомъ воспользовались современнымъ духомъ вѣротерпимости, разбогатѣли, устроились и умножили число своихъ прихожанъ. — На поповщинскомъ Рогожскомъ кладбищѣ для управленія заведена была особая контора подъ вѣденіемъ попечителей изъ поповщинскаго согласія, къ которому правительство всегда оказывало большее благоволеніе, чѣмъ къ безпоповщинѣ. Бѣглые попы свободно проживали здѣсь вмѣстѣ съ своими семействами и Рогожская контора безконтрольно завѣдовала ихъ служеніемъ, разсылала ихъ по своему усмотрѣнію даже въ отдаленныя губерніи и крѣпко заступалась за нихъ въ случаѣ ихъ притѣсненій отъ начальствъ. Подъ покровъ сильныхъ московскихъ вожаковъ и воротилъ старались встать почти всѣ раскольническія общества по провинціямъ. Около старовѣрческихъ кладбищъ какъ бы волшебствомъ возникали цѣлыя улицы и кварталы, фабрики и др. промышленныя заведенія, куда принимались всякаго рода пришельцы, бѣглые крестьяне, солдаты, даже мошенники съ фальшивыми видами, только бы соглашались принять расколъ. Умноженіе раскола замѣчалось повсюду и въ другихъ мѣстахъ. Свобода раскольническаго богослуженія практиковалась въ самыхъ широкихъ раз-

мѣрахъ. Были примѣры, что раскольническіе попы совершали въ городахъ даже крестные ходы на воду въ Богоявленье, какъ это случилось въ 1820 г. въ г. Бронницахъ (Московск. епархіи). Надѣясь на вѣротерпимость правительства, раскольники нѣсколько разъ (въ 1802 и 1805 гг.) обращались къ начальству съ просьбой открыть для нихъ даже особую типографію въ родѣ той, какая у нихъ была въ Клинцахъ (Черниг. губ.) и только недавно въ 1800 г. остановлена въ своей дѣятельности. Св. Синодъ былъ противъ удовлетворенія такой просьбѣ, но въ 1818 г., по новой просьбѣ о томъ же со стороны московскихъ единовѣрцевъ, комитетъ министровъ согласился на открытіе такой типографіи при московской единовѣрческой церкви, подъ надзоромъ духовной власти, для исправленія по ея книгамъ богослуженія какъ въ единовѣрческихъ церквахъ, такъ и у раскольниковъ; типографія эта открыта была въ 1820 г.

Участіе духовенства въ умноженіи школъ. Устраняя въ борьбѣ съ разными противуправославными заблужденіями всякія, такъ называемыя, внѣшнія мѣры, правительство постоянно требовало отъ духовнаго вѣдомства, чтобы оно старалось развивать для этой борьбы преимущественно духовныя средства вразумленія и просвѣщенія народа. Мысль о просвѣщеніи народа была завѣтною мыслью императора съ самаго начала царствованія; поэтому непосредственно послѣ восшествія его на престолъ у насъ наступила самая горячая пора умноженія и улучшенія всякаго рода учебныхъ заведеній, особенно съ 1803 г., когда государь въ безсмертномъ указѣ 24 января выразилъ свое особенное попеченіе о заведеніи наукъ въ Россіи и пригласилъ къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія все духовенство чрезъ заведеніе приходскихъ школъ и преподаваніе въ нихъ. Духовенство откликнулось на этотъ призывъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ самъ народъ, еще мало понимавшій тогда надобность въ школахъ, и даже дворяне помѣщики, на содѣйствіе которыхъ правительство всего болѣе разсчитывало, но которые между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ выказали очень большую холодность къ образованію своихъ крестьянъ. Множество приходскихъ школъ, преимущественно сельскихъ, всѣ средства для своего существованія получали исключительно отъ одного духовенства, хотя одинъ директоръ училищъ (олонецкій Крыловъ) и предупреждалъ своего попечителя (петербургскаго Строгонова), что духовенство неспособно ни на какія жертвы въ пользу народнаго просвѣщенія „частію по скупости и невѣжеству, частію и по дѣйствительно недостаточному своему состоянію“, и при этомъ предлагалъ даже самыя духовныя училища соединить съ народными. Въ одной Новогородской губерніи духовенствомъ открыто до 110 приходскихъ школъ и едва ли не

большая часть ихъ помѣщалась въ домахъ самихъ же священниковъ, которые такимъ образомъ жертвовали для нихъ не только своимъ временемъ и трудомъ, но даже своими домашними удобствами и скудными достатками на учебныя для нихъ пособія и отопленіе. Въ то же время особенно усиленно стали заводиться по епархіямъ и духовныя училища, на которыя отвсюду собирались пожертвованія, преимущественно, разумѣется, тоже съ духовенства. Не малое вліяніе на открытіе новыхъ дух. училищъ имѣло такъ же послѣдовавшее въ 1807 г. общее возвышеніе окладовъ на духовныя школы. Къ 1808 г., ко времени общей духовно-учебной реформы, въ рѣдкой епархіи не было 2—3 нисшихъ дух. училищъ, кромѣ семинаріи, а всѣхъ считалось до 115 Комитетъ 1808 г. своими трудами послужилъ къ еще большему усиленію духовнаго образованія и произвелъ крупную эпоху во всей жизни духовныхъ школъ.

Дух. школы послѣ 1808 г. Прежде всего, найдя, что духовныя училища, устраиваемыя доселѣ безъ общихъ правилъ, не имѣли ни общей системы образованія, ни общаго устава, ни тѣсной связи съ академіями, комитетъ произвелъ правильное и въ первый еще разъ до конца выдержанное распредѣленіе ихъ по степенямъ образованія,—на высшія, среднія и нисшія. По его проекту академіи уже не должны были обременять себя нисшимъ и среднимъ курсами, какъ прежде, а спеціально должны были посвятить себя одному высшему образованію дух. юношей, уже кончившихъ семинарскій курсъ. Для средняго образованія назначались 36 семинарій, по одной въ каждой епархіи. Уѣздныя училища, по одному на каждый уѣздъ, и училища приходскія по благочиніямъ должны были раздѣлить между собою трудъ нисшаго образованія дѣтей; первыхъ предполагалось завести по 10 на епархію, вторыхъ по 30, всѣхъ же вмѣстѣ 1440. Послѣднія предположенія осуществлены не вполнѣ; академій, вмѣсто старыхъ 4, открыто было только 3, такъ какъ одна изъ нихъ—казанская въ 1818 г. обращена была въ семинарію, а число нисшихъ училищъ дошло всего до 300 съ небольшимъ; но другія предположенія касательно распредѣленія духовныхъ школъ по степенямъ образованія и однообразія въ ихъ устройствѣ были осуществлены въ полной мѣрѣ.

Къ большему однообразію приведено было и *содержаніе духовныхъ школъ.* По примѣрному штату положено было ежегодно ассигновать: на содержаніе академій по 55,800 р., на содержаніе семинарій, раздѣленныхъ на три разряда, на каждую по 17000, 14375 и 12850 р., на содержаніе уѣздныхъ училищъ, тоже по тремъ разрядамъ, на каждое по 1500, 1200 и 950 р.,— приходскихъ—по 550, 475 и 400 р. Окладъ профессора академіи возвысился до 1200, баккалавра до 600, учителей семинарій до 600—500, учителей училищъ до 250—75 р., студента академіи до 125, казен-

нокоштнаго семинариста до 100—70 р. Въ петербургскомъ округѣ оклады эти назначались съ нѣкоторой прибавкой. Въ 1820 г., вслѣдствіе усилившейся дороговизны, комиссія духовныхъ училищъ исходатайствовала новое увеличеніе школьныхъ окладовъ, — вмѣсто прежняго оклада на всѣ школы, простиравшагося до 926,350 р., положено ассигновать на нихъ 1,674,120 руб., послѣ чего оклады академій возвысились до 78600 р. (петербургской 111,350), семинарій—до 31060, 26650 и 20390 р. (петербургской—45250), уѣздныхъ училищъ—2650, 2360 и 2050 (петерб. 3800—3000), приходскихъ—1060, 895 и 730 (петерб. округа—1600—1300). Сравнительно съ окладами свѣтскихъ заведеній того времени оклады эти были не богаты, но на первыхъ порахъ произвели все-таки весьма замѣтную перемѣну въ благосостояніи дух. школъ. Повсюду поднялась стройка и перестройка ихъ помѣщеній; нѣкоторымъ изъ нихъ удалось обзавестись даже богатыми зданіями. Содержаніе преподавателей тоже улучшилось, между прочимъ при помощи вновь назначенныхъ для нихъ классныхъ окладовъ по ученымъ степенямъ и разныхъ доходовъ—для монашествующихъ отъ монастырей, для свѣтскихъ отъ прибавочныхъ школьныхъ должностей, тоже обложенныхъ небольшими окладами. Замѣтны были улучшенія и въ содержаніи учениковъ по бурсамъ; академическія общежитія сравнительно съ прежнимъ содержались даже роскошно. Содержаніе бурсъ и теперь впрочемъ оказывалось все еще не совсѣмъ удовлетворительнымъ. На содержаніе училищныхъ учениковъ до 1820 г. особыхъ окладовъ даже вовсе не назначалось и семинаріи должны были выдѣлять на этотъ предметъ часть изъ своихъ собственныхъ окладовъ. Кромѣ того, изъ этихъ же окладовъ отдѣлялись значительныя суммы на содержаніе и ремонтъ зданій, такъ какъ домовой суммы на это не доставало, на обзаведеніе школъ учебными пособіями и на содержаніе въ бурсахъ лишнихъ воспитанниковъ сверхъ штата; крайне жалкое положеніе бѣдняковъ, не попавшихъ въ штатное число, постоянно вынуждало школьныя начальства прибѣгать къ урѣзыванію содержанія у штатныхъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ для того, чтобы пособить большему числу нуждавшихся. Воспособленіемъ къ штатнымъ окладамъ бурсъ служили кое какіе доходы отъ имѣвшихся у разныхъ семинарій доходныхъ статей, въ родѣ отдаваемыхъ въ наемъ зданій, лавокъ, огородовъ и проч., суммы отъ продажи погребальныхъ вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ, деньги отъ продажи книгъ, штрафные сборы, а болѣе всего по старому разныя пожертвованія отъ архіереевъ, монастырей, духовенства и свѣтскихъ лицъ. Содержаніе квартирныхъ учениковъ и теперь страдало тѣми же недостатками, что прежде; тѣ же оставались и средства къ пособію ихъ нищетѣ: зачисленіе мѣстъ

при церквахъ, письменныя и др. работы и испрашиванiе на разные лады подаянiй отъ доброхотныхъ дателей.

Благодаря просвѣтительному духу времени и сравнительно все-таки лучшему обезпеченiю дух. школъ, *число учениковъ* въ нихъ все возрастало. Въ академiяхъ число студентовъ стало правда несравненно менѣе, чѣмъ прежде, — по штатамъ всего по 120 въ каждой, но за то эти студенты были людьми, получавшими дѣйствительно высшее, академическое образованiе, какихъ въ старыхъ академiяхъ было еще меньше, такъ какъ многiя сотни учениковъ, какiя въ нихъ насчитывались, учились собственно въ нисшихъ классахъ и большею частiю не доходили до высшихъ, настоящихъ академическихъ классовъ. Въ семинарiяхъ же и училищахъ число учившихся вездѣ увеличилось очень замѣтнымъ образомъ. При разборѣ 1806 г. всѣхъ дух. дѣтей, учившихся въ школахъ, насчитано было—24,167; черезъ 2 года послѣ этого по счету комитета 1808 г. число ихъ возрасло уже до 29,000, а черезъ 16 лѣтъ послѣ преобразованiя школъ, въ 1824 г.—до 46,000. Примѣры уклоненiя отцовъ отъ отдачи дѣтей въ школы, равно какъ ранняго исключенiя учениковъ и побѣговъ ихъ отъ ученiя сдѣлались сравнительно уже очень рѣдкимъ явленiемъ.

По характеру своему духовныя школы продолжали развиваться въ прежнемъ *сословномъ направленiи*; направленiе это было закрѣплено за ними и новыми уставами. Въ числѣ основныхъ началъ учебнаго преобразованiя было принято, что назначенiе дух. училищъ состоитъ въ приготовленiи духовнаго юношества къ духовному служенiю и что съ этимъ назначенiемъ должны сообразоваться и порядокъ ихъ курсовъ, и образъ воспитанiя учащихся. Внѣшнiя мѣры къ удерживанiю воспитанниковъ духовныхъ школъ на духовной службѣ мы уже видѣли. Ученики духовныхъ школъ впрочемъ и сами теперь сравнительно рѣже поступали въ свѣтское званiе, встрѣчая все болѣе и болѣе усиливавшуюся при этомъ конкурренцiю со стороны воспитанниковъ новыхъ свѣтскихъ учебныхъ заведенiй; даже студенты академiи, получавшiе по гражданской службѣ права равныя съ правами студентовъ университета, на первыхъ порахъ почти всѣ поступали на духовную службу, на которой имѣли тоже важныя преимущества предъ другими и кромѣ того получали классные оклады по ученымъ степенямъ (кандидаты по 250, магистры по 350, доктора по 500 р.) и особые кресты по степенямъ магистровъ и докторовъ. Сословный характеръ послѣ преобразованiя 1808 г. получили даже тѣ духовныя школы, которыя еще доселѣ сохраняли нѣкоторыя черты стараго всесословнаго характера,— кiевская академiя, черниговская и переяславская семинарiи и и харьковскiй коллегiумъ.

По *составу школьныхъ курсовъ* духовныя школы и послѣ своего преобразованія сохранили свой прежній характеръ полныхъ и самодостаточныхъ сословныхъ школъ, въ которыхъ воспитанникамъ давалось вмѣстѣ и общее, и спеціально-сословное образованіе, конечно съ неизбѣжнымъ въ сословныхъ интересахъ преобладаніемъ послѣдняго надъ первымъ, какъ это и было прямо высказано въ общемъ введеніи къ училищнымъ уставамъ. Курсъ нисшихъ школъ,—училищъ приходскихъ и уѣздныхъ, разсчитанный на 6 лѣтъ, организованъ на началахъ преимущественно общаго элементарнаго образованія, отъ того въ число своекоштныхъ учениковъ этихъ училищъ дозволено было принимать дѣтей и изъ другихъ сословій, кромѣ духовнаго. Семинарскій курсъ, тоже шестилѣтній, составленъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ первыя два были общеобразовательнаго же характера. Члены комитета 1808 г. и коммиссіи училищъ хорошо понимали, чѣмъ особенно были сильны духовныя школы прежняго времени въ общеобразовательномъ отношеніи,—это было образованіе словесное и философское, пріучавшее учениковъ къ правильному и упорядоченному изложенію мыслей и развивавшее въ нихъ сильную мыслительность. По новому уставу словесное образованіе выдвинуто было на первый планъ въ нисшемъ отдѣленіи семинаріи; руководствомъ служилъ старый Бургій, пособіями—риторики Ломоносова и Рижскаго. Въ среднемъ отдѣленіи главною наукою была философія, изучавшаяся по Баумейстеру и Карпе и по исторіи философіи Буддея и Бруккера. Въ тѣхъ же отдѣленіяхъ „особенное расширеніе и пространство“ дано наукамъ историческимъ съ географіею, - общая исторія изучалась по Шрекку, русская по учебнику народныхъ училищъ,—и почти вновь введено изученіе математики и физики,—тоже по учебникамъ народныхъ училищъ,—съ присовокупленіемъ еще пасхаліи. На спеціально-богословское образованіе назначены два года высшаго отдѣленія. Оно состояло въ изученіи св. Писанія по руководству м. Амвросія, герменевтики по Рамбахію, догматики по системамъ Иринея Фальковскаго, Іакинфа Карпинскаго и Сильвестра Лебединскаго, нравственнаго богословія по второй части Ѳеофилактовой теологіи de agendis, пастырскаго по книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ, церковной археологіи по Новой Скрижали Веніамина Румовскаго и по запискамъ учителей, церковной исторіи — общей по руководствамъ Филарета и Иннокентія и русской по книгѣ м. Платона. Кругъ изученія языковъ обнималъ языки латинскій, греческій, еврейскій и новые (не обязательно) — французскій и нѣмецкій, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ еще языки мѣстныхъ инородцевъ. Латинскій языкъ считался по прежнему главнымъ, не смотря на то, что комитетъ 1808 г. намѣревался дать преобла-

дающее значеніе въ духовномъ образованіи языку греческому.— Опредѣляя „методы ученія“, уставы возставали противъ механическаго ученія уроковъ, требовали, чтобы учитель полагалъ свое дѣло „не въ томъ, чтобы дать урокъ, но чтобы урокъ былъ принятъ“, заботился о возбужденіи въ ученикахъ самодѣятельности умственныхъ силъ посредствомъ требованія отъ нихъ отчетовъ въ занятіяхъ и усиленія письменныхъ упражненій. Въ нравственномъ воспитаніи учениковъ уставы выставляли въ качествѣ общихъ началъ благочестіе, повиновеніе начальству и постоянный трудъ: „самые часы отдохновенія должны имѣть родъ занятій, самыя прогулки должны быть поучительны“.

Курсъ академическаго ученія, раздѣленный на два двухлѣтнихъ отдѣленія, поставленъ въ точное соотвѣтствіе съ курсомъ семинарій, для которыхъ онъ долженъ былъ приготовлять преподавателей. Преподаваніе наукъ раздѣлено было между 6 профессорами и 12 при нихъ баккалаврами. Составъ словеснаго курса организованъ изъ литтературной эстетики и подробнаго обзора примѣненія эстетическихъ началъ къ частнымъ отраслямъ словесности у авторовъ разныхъ вѣковъ и народностей. При изученіи философіи положено объяснять истинный духъ философіи и пріучать студентовъ къ самостоятельнымъ философическимъ изслѣдованіямъ; профессору указано обращать особенное вниманіе на исторію философіи и философію нравственную и, какъ путеводной нити, держаться истины евангельской. „Вообще, сказано въ уставѣ, да не будетъ никогда въ академіяхъ слышно то различіе, которое къ соблазну вѣры и въ укоризну даже простому доброму смыслу столь часто въ школахъ было допускаемо, что одно и тоже предложеніе можетъ быть справедливо въ понятіяхъ философскихъ и ложно въ понятіяхъ христіанскихъ“. Въ исторической области „истиннымъ предметомъ академическаго ученія, по указанію устава, далженствовала быть философія исторіи“. Преподаваніе математики обнимало всѣ части математики и физику. Въ преподаваніи богословскихъ наукъ уставъ рекомендовалъ обращать больше вниманія на чтеніе св. Писанія и на нравственное богословіе, чѣмъ на подробности богословской полемики, и помнить, что слово Божіе не состоитъ въ преніяхъ и умствованіяхъ человѣческихъ. Въ теченіе перваго же академическаго курса въ 1810 г. начальство петербургской академіи нашло, что студенты были непосильно отягощены количествомъ изучавшихся наукъ, такъ что имъ приходилось до 8 часовъ въ сутки употреблять только на слушаніе лекцій, имѣя при этомъ на рукахъ еще множество домашнихъ занятій, что вслѣдствіе этого многіе, болѣе ретивые изъ нихъ, просиживали за занятіями цѣлыя ночи въ ущербъ здоровью; это побудило комиссію дух. училищъ раздѣлить

академическія науки на общеобязательныя для студентовъ и частныя, къ которымъ отнесены исторія и математика, имѣвшія изучаться студентами по выбору; чрезъ это академическій курсъ значительно облегчился и получилъ нѣкоторыя выгоды факультетской спеціализаціи наукъ.

Введеніе преобразованія школъ по округамъ и его плоды. Преобразованіе школъ вводилось постепенно, по округамъ, начиная съ петербургскаго. Въ преобразованіи петербургской академіи, которая должна была служить образцомъ для другихъ, члены комиссіи приняли непосредственное участіе, взявшись лично устроять ея классы, каждый по одному классу,м. Амвросій—богословскій, Державинъ—историческій, кн. Голицынъ—математическій, Сперанскій—философскій, Θеофилактъ — словесный; они выбрали, каждый въ свой классъ, профессоровъ и баккалавровъ изъ лучшихъ преподавателей разныхъ семинарій, разсматривали ихъ программы, производили экзамены и устроили дѣйствительно образцовую академію. Въ доказательство этого достаточно указать на то, что въ числѣ преподавателей ея перваго курса были такія лица, какъ Филаретъ, Иннокентій Смирновъ, математики *Гурьевъ* и *Гроздовъ*, историкъ *Орловъ*, профессоръ философіи Фесслеръ, греческаго языка *Грефе* и др., что въ теченіе первыхъ же 4 лѣтъ академія успѣла представить такія учебныя руководства по своимъ наукамъ, какъ Записки Филарета на книгу Бытія, библейская исторія его же и церковная исторія Иннокентія, что изъ перваго курса ея вышли такіе студенты, какъ Григорій Постниковъ, Аθанасій Дроздовъ, Моисей Платоновъ, Кириллъ Платоновъ, Герасимъ Павскій, Иродіонъ Вѣтринскій, Іоакимъ Кочетовъ, что даже по математическому классу образовались такіе спеціалисты, какъ В. Сербжинскій и С. Райковскій. Всѣ эти студенты оставлены были при академіи преподавателями. Не удивительно, что первый выпускъ студентовъ былъ настоящимъ праздникомъ для академіи, который она отпраздновала (1814 г.) весьма торжественно. На этомъ торж ствѣ между прочимъ провозглашены были первые доктора богословія: изъ членовъ св. Синода м. Амвросій, Михаилъ и Серафимъ, ректоръ Филаретъ, инспекторъ Филаретъ Амфитеатровъ и ректоръ семинаріи Иннокентій Смирновъ. Напряженіе, съ какимъ академія работала въ теченіе перваго курса, продолжалось и въ послѣдующіе курсы, которые тоже выставили изъ своей среды много людей извѣстныхъ въ исторіи нашей іерархіи и литтературы. На степень доктора возведены были: Григорій Постниковъ (1817 г.), Г. Павскій (1821), Моисей Платоновъ, Кириллъ Платоновъ, Поликарпъ Гайтанниковъ (1822), І. Кочетовъ (1223) и Іоаннъ Доброзраковъ (1825). Съ 1821 г. академія начала издавать свой академическій журналъ—Христіанское Чтеніе.—Въ 1814 г. приступлено было къ преобразованію московской академіи съ

ея округомъ, къ которому до открытія казанской академіи присоединенъ былъ и казанскій учебный округъ. При этомъ преобразованіи московская академія съ прежняго своего мѣста, изъ Заиконоспасскаго монастыря, переведена была въ лавру на мѣсто троицкой семинаріи, а послѣдняя въ Перервинскій монастырь. Изъ петербургской академіи въ московскую опредѣлено баккалаврами 8 студентовъ перваго курса. Ректорами, послѣ короткаго управленія прежняго ректора Симеона Крылова и Филарета Амфитеатрова, съ 1819 г. были тоже воспитанники того же курса петербургской академіи, Кириллъ Платоновъ и Поликарпъ Гайтанниковъ. Первый курсъ вновь преобразованной московской академіи далъ ей знаменитыхъ потомъ преподавателей, П. Делицина по математикѣ и Ѳ. Голубинскаго по философіи. Затѣмъ она постепенно стала наполняться другими преподавателями изъ своихъ воспитанниковъ. Особаго литтературнаго органа, академическаго журнала, московская академія у себя не завела, но съ 1818 г. издавала сборники разныхъ трудовъ своихъ воспитанниковъ, по одному сборнику черезъ 2 года, за каждый академическій курсъ.—Въ 1819 г. очередь преобразованія дошла до кіевскаго округа. Кіевская академія при своемъ преобразованіи получила отъ петербургской 7 преподавателей, затѣмъ въ слѣдующій курсъ еще 4. Ректоромъ былъ назначенъ въ нее Моисей Платоновъ, за нимъ слѣдовали другіе изъ петербургскихъ же воспитанниковъ, Мелетій Леонтовичъ, Смарагдъ Крыжановскій, Іеремія Соловьевъ.—Преобразованіе казанскаго округа отложено на неопредѣленное время. Сама казанская академія въ 1818 г. была обращена въ преобразованную семинарію, въ каковомъ положеніи и осталась навсегда. При образованіи казанскаго округа, послѣдовавшемъ въ 1842 г., была основана уже новая казанская академія.

Духовная литтература при Александрѣ значительно оживилась, особенно послѣ преобразованія дух. школъ, успѣвшихъ въ короткое время выпустить изъ своихъ стѣнъ нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей на ея поприщѣ.—*Проповѣдное слово*, кромѣ извѣстныхъ ораторовъ прежняго времени, въ царствованіе Александра нашло много новыхъ видныхъ представителей. Въ Петербургѣ въ началѣ царствованія славился своимъ ораторскимъ талантомъ Ѳеофилактъ Русановъ. Въ Москвѣ на смѣну м. Платону выступилъ Августинъ, ораторъ-поэтъ, прославившійся особенно двумя своими словами: На память воиновъ, павшихъ на Бородинскомъ полѣ, (1813) и на взятіе Парижа 1814 г. Преемникомъ м. Амвросія былъ Михаилъ Десницкій, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ проповѣдниковъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Высшую степень развитія проповѣднаго слова представ-

ляютъ конечно слова знаменитѣйшаго витіи нашего вѣка, Филарета московскаго, поразившія всѣхъ современниковъ и глубиною богословскаго созерцанія, и необычайною силою стройной діалектики, и увлекательностію сжатаго, но въ высшей степени художественнаго языка. Кромѣ столичныхъ архипастырей, было извѣстно нѣсколько архипастырей-проповѣдниковъ въ разныхъ епархіяхъ, каковы: ученикъ Платона, тульскій, потомъ казанскій архіерей Амвросій Протасовъ, о которомъ Платонъ сказалъ: „Если бы я такъ писалъ, какъ онъ, меня сходилась бы слушать вся Россія"; извѣстный ученый архипастырь Евгеній Болховитиновъ, отъ котораго осталось 4 тома проповѣдей; ученый ректоръ кіевской академіи, потомъ епископъ чигиринскій Ириней Фальковскій, оставившій до 1900 проповѣдей; архангельскій епископъ *Неофитъ Докучаевъ*, слывшій Златоустомъ сѣвера, нижегородскій *Моисей Близнецовъ-Платоновъ*; пензенскій Иннокентій Смирновъ, проповѣдническая дѣятельность котораго относится впрочемъ главнымъ образомъ ко времени его петербургской жизни. Изъ бѣлаго духовенства особенно славился проповѣднымъ даромъ петербургскій священникъ А. Маловъ. Въ Москвѣ проповѣдничество было въ большомъ ходу у бѣлаго духовенства, такъ что нѣкоторые священники представляли иногда свыше 50 проповѣдей въ годъ. Архіереи разныхъ епархій побуждали ученыхъ священниковъ къ исполненію проповѣдническаго долга, назначая для каждаго изъ нихъ обязательное число проповѣдей въ годъ (наприм. Моисей нижегородскій—12), которыя они обязаны были сказывать въ каѳедральныхъ и уѣздныхъ городскихъ соборахъ по особому расписанію очередей. Кромѣ обычныхъ проповѣдей, при церквахъ духовно-учебныхъ заведеній, при соборахъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ продолжали преподаваться народу катихизическія поученія. Въ 1821 г., сѣтуя о крайне низкомъ уровнѣ религіознаго образованія въ народѣ, св. Синодъ предписалъ архіереямъ употребить всевозможное попеченіе объ усиленіи этого рода церковнаго обученія по всѣмъ епархіямъ. Многія духовныя лица принимали живое участіе въ составленіи, переводѣ и изданіи разныхъ назидательныхъ сочиненій, особенно во время усиленія издательской дѣятельности Библейскаго общества. Изъ нихъ болѣе извѣстны: петербургскій протоіерей *Григорій Мансвѣтовъ*, напечатавшій Краткія поученія для воиновъ (1821), Обязанности домашняго общества (1823), Краткое изъясненіе на литургію (1822. 1825), Поученіе, какъ стоять въ церкви (1824), и весьма извѣстное въ свое время сочиненіе въ 6 частяхъ „Училище благочестія" (1824—1826), и московскіе протоіереи *Іоаннъ Кандорскій*, написавшій нѣсколько сочиненій противъ вольнодумства, и *Николай Другову*, издавшій „Изъясненіе

евангельскихъ блаженствъ“ (М. 1818), „Вѣрный путь ко спасенію“ въ 3 частяхъ (1816 и 1822) и др. Важное значеніе имѣли сочиненія и переводы, направленныя противъ вольнодумства, наприм. Смирнова „Іудейскія письма къ Вольтеру“ (1808 и 1818 г.), *Т. Крылова* „Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи“ Іерузалема (1816 и 1817—1819) и мн. др.

На поприщѣ *истолкованія св. Писанія* изъ прежнихъ экзегетовъ продолжали подвизаться Ириней (Клементьевскій) псковскій, издавшій свои толкованія на пророковъ и на псалмы, и другой Ириней (Фальковскій) чигиринскій, издавшій толкованія на посланія къ Римлянамъ и къ Галатамъ. Въ 1807 г. *Сильвестръ Лебединскій* архангельскій напечаталъ „Приточникъ евангельскій“ въ 2 частяхъ. Преемникъ его по каѳедрѣ *Парѳеній Петровъ* составилъ „Симфонію“ на Пятокнижіе (1823); подъ его же смотрѣніемъ вѣроятно составлены Симфоніи на Іова, творенія Соломона и І. Сирахова и на пророковъ (изд. уже въ 1825—1826 гг.). Въ 1806 г. явилось руководство къ герменевтикѣ, составленное (на латинскомъ языкѣ) тобольскимъ, потомъ ярославскимъ епископомъ *Антоніемъ Знаменскимъ*. Труды новыхъ ученыхъ, явившіеся подъ вліяніемъ сильно возбужденнаго библейскаго движенія, подвинули изученіе св. Писанія значительно впередъ. Таковы были извѣстные труды ректора петербургской академіи Филарета,— „Толкованіе на 67 псаломъ“ (1814 г.) и „Записки на кн. Бытія (1816),“ читанныя имъ первому курсу академіи, и баккалавра той же академіи Григорія Постникова Commentatio de prophetis in genere, доставившее автору въ 1817 г. степень доктора. Въ 1825 г. на степень доктора возведенъ ректоръ петербургской семинаріи *Іоаннъ Доброзраковъ* за свои Institutiones Hermenevticae sacrae (изд. въ 1828 г.), сдѣлавшіяся потомъ учебною книгою для семинарій. Извѣстно кромѣ того, какое живое участіе академическіе ученые принимали въ русскомъ переводѣ книгъ св. Писанія. Незабвеннымъ по этого рода трудамъ осталось имя профессора петербургской академіи и университета протоіерея *Г. П. Павскаго,* знатока еврейскаго языка и автора еврейской грамматики; за труды свои по переводу св. Писанія и за сочиненіе о псалмахъ онъ тоже былъ возведенъ (въ 1821 г.) на степень доктора.

Произведенія по разнымъ отраслямъ богословія. Изъ богословскихъ системъ до преобразованія дух. школъ лучшимъ руководствомъ при изученіи богословія была система Иринея Фальковскаго, изданная въ 1802 г. подъ заглавіемъ Orthodoxae Theologiae dogmatico-polemicae compendium. Въ 1806 г. вышелъ одинъ изъ первыхъ опытовъ изложенія систематическаго богословія на русскомъ языкѣ,—„Система христіанской богословіи“

іеромонаха *Ювеналія Медвѣдскаго*, но не имѣлъ особеннаго распространенія. Послѣ преобразованія дух. школъ богословская наука развѣтвилась на нѣсколько самостоятельныхъ отраслей. Въ 1814 г. Филаретъ, по порученію комиссіи дух. училищъ, составилъ подробное и стройное обозрѣніе богословскихъ наукъ, въ которомъ представилъ первый опытъ систематизаціи и взаимныхъ отношеній главныхъ отраслей богословія. Его собственные опыты богословскихъ трудовъ поставили его во главѣ современныхъ ему русскихъ богослововъ; опыты эти, упомянутые выше: „Изложеніе разностей между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры", „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ" и особенно краткій и пространный Катихизисы, которые, по глубинѣ мыслей, краткости, ясности и образцовой догматической отчетливости, оставили далеко позади прежніе катихизисы Платона. Преемникъ его по ректурѣ Григорій Постниковъ составилъ подробныя лекціи по догматикѣ; часть ихъ была издана отдѣльными статьями въ Христіанскомъ Чтеніи 1822 г. Въ московской академіи оставили послѣ себя записки по догматикѣ ректоры Филаретъ Амфитеатровъ, отличавшійся въ преподаваніи богословія безукоризненнымъ православіемъ и задушевною благочестивою настроенностію, и Поликарпъ Гайтанниковъ, который первый изъ русскихъ богослововъ сталъ обильно пользоваться въ своей системѣ свидѣтельствами изъ твореній св. отцевъ и прилагать къ богословію историческій методъ, возбуждавшій тогда много толковъ на западѣ. По богословію нравственному имѣли особенное значеніе: „Дѣятельное богословіе" Иннокентія Смирнова, читанное имъ въ петербургской академіи, и „Черты дѣятельнаго ученія вѣры" *І. Кочетова*. Церковная археологія въ преподаваніи по дух. школамъ соединялась съ церковной исторіей. Въ литтературѣ по этой отрасли богословскихъ наукъ болѣе всего являлось трудовъ литургическаго содержанія. Сюда относятся: „Новая Скрижаль" *Веніамина Румовскаго* (1803); „Изъясненіе литургіи" *И. Дмитревскаго* (1804), сочиненіе для своего времени весьма ученое; два руководства къ пасхаліи архіепископа Меѳодія Смирнова и профессора московской академіи *А. Тяжелова* (1820); „Опытъ краткаго повѣствованія о древностяхъ церковныхъ" протоіерея *І. Кутепова* (1814) и друг.

Труды по церковной исторіи. Церковно-историческая наука, важность которой для богословскаго образованія была сознана еще во второй половинѣ XVIII столѣтія, составила теперь весьма видную отрасль духовной учености и произвела нѣсколько замѣчательныхъ литтературныхъ трудовъ. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе „Краткая Россійская церковная исторія" м. Платона (1805), первый систематическій курсъ исторіи Русской

церкви, бывшій долгое время руководствомъ для духовно-учебныхъ заведеній, и два упомянутыя руководства Филарета и Иннокентія,—одно по библейской, другое по общей церковной исторіи. Одновременно съ исторіей Платона вышли въ свѣтъ (М. 1805) историческіе труды ученаго Меѳодія Смирнова: „Исторія первыхъ вѣковъ христіанства“ на латинскомъ языкѣ и „О флорентинскомъ соборѣ“. Въ 1814 г. извѣстный историкъ и обличитель раскола единовѣрческій петербургскій протоіерей Андрей Журавлевъ издалъ свой „Ѳеатронъ“ съ историческими извѣстіями о царяхъ, князьяхъ, патріархахъ и митрополитахъ. Профессоръ петербургской академіи *Я. Орловъ* написалъ обширный „Памятникъ событій гражданской и церковной исторіи“ въ 12 частяхъ (1816). Однимъ изъ самыхъ капитальныхъ трудовъ по Русской церковной исторіи былъ безспорно совмѣстный трудъ *Амвросія Орнатскаго* и Евгенія Болховитинова—„Исторія Россійской іерархіи“ въ 6 частяхъ (М. 1807—1816), драгоцѣнная справочная книга при занятіяхъ русской церковной исторіей даже доселѣ. Кромѣ этихъ историческихъ трудовъ, имѣвшихъ болѣе общій характеръ, явилось много спеціальныхъ изслѣдованій по разнымъ частнымъ историческимъ вопросамъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны многочисленныя историко-археологическія произведенія Евгенія Болховитинова, котораго Сперанскій въ свое время называлъ первымъ русскимъ историкомъ, какъ Филарета—первымъ русскимъ проповѣдникомъ и богословомъ.

Учено-литтературная дѣятельность его началась еще въ Воронежѣ, гдѣ онъ занимался первоначально работами по классическимъ языкамъ и руководствами по церковной исторіи, философіи и богословію для учениковъ семинаріи, печаталъ переводы нѣкоторыхъ полезныхъ въ то время книгъ съ французскаго языка и издавалъ сочиненія воронежскихъ святителей Тихона и Иннокентія. Господствовавшая его склонность къ историко-археологическимъ трудамъ успѣла обозначиться уже и въ этотъ ранній періодъ его дѣятельности въ сочиненіяхъ его: „О древнемъ богослужебномъ пѣніи и особенно пѣніи Россійской церкви“ (1800 г.,—въ 1804 г. сочиненіе это снова напечатано при Синодѣ для разсылки по церквамъ), „Объ алтарныхъ украшеніяхъ церкви“ (1800) и въ „Описаніи Воронежской губерніи“ (1800). Во время петербургской службы ученая дѣятельность его проявилась со всей энергіей и доставила ему громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ. Къ этому времени относятся: „Каноническое изслѣдованіе о папской власти“, написанное въ 1800 г. противъ записки іезуита Грубера о соединеніи церквей, „Историческое изображеніе Грузіи“ (1802),—первый историческій трудъ, относившійся къ этой малоизвѣстной тогда окраинѣ Россіи, „Историческое изслѣдованіе о со-

борахъ Россійской церкви“ (1803), „О соборномъ дѣяніи въ Кіевѣ на еретика Мартина“, „Разсужденіе о Православномъ Исповѣданіи П. Могилы“ (1804), „Историческое разсужденіе о чинахъ Грекороссійской церкви“ (1805) и др. Вѣроятно къ тому же времени относятся его не конченныя и не изданныя записки по исторіи Русской церкви. Послѣ переѣзда въ Новгородъ (1804) онъ усердно предался изученію памятниковъ новогородской старины, плодомъ котораго были его „Разговоры о древностяхъ Новгорода“ (1808). По порученію св. Синода онъ занимался здѣсь еще составленіемъ проекта о духовныхъ школахъ, историческая часть котораго вошла въ извлеченіи въ докладъ комитета 1808 г. и въ I часть Исторіи Россійской іерархіи. Изъ Новгорода же онъ напечаталъ въ Любителѣ словесности (1806) свои „Критическія замѣчанія“ на рецензію моравскаго дворянина Ганки о рукописи славянской якобы VIII в. Кромѣ этихъ трудовъ, онъ печаталъ отъ времени до времени статьи въ журналѣ Хвостова Другъ просвѣщенія 1805—1806 гг., каковы: „Извѣстіе о первомъ россійскомъ посольствѣ въ Японію 1792 г.“ и цѣлый рядъ статей о русскихъ писателяхъ, изъ которыхъ послѣ составились его Словари о россійскихъ писателяхъ. Въ Новгородѣ же вмѣстѣ съ Амвросіемъ онъ началъ составлять и издавать Исторію Россійской іерархіи. Участія въ этомъ трудѣ онъ не оставлялъ и послѣ, усердно добывалъ для него матеріалы, писалъ цѣлыя статьи о монастыряхъ и все отсылалъ къ Амвросію въ Новгородъ. Въ Вологдѣ (съ 1808 г.) онъ оставилъ послѣ себя въ рукописи обстоятельную исторію Вологодской епархіи, пермскихъ и устюжскихъ архіереевъ, свѣденія о вологодскихъ святыхъ и описаніе монастырей вологодскаго края,—послѣдній трудъ вошелъ въ составъ Исторіи Росс. іерархіи. При изученіи пермскихъ древностей онъ встрѣтился съ вопросомъ о зырянской граматѣ и отыскалъ нѣсколько письменныхъ памятниковъ ея; результаты его открытій по этому предмету изложены имъ въ статьѣ его Словаря о Стефанѣ Пермскомъ. Кромѣ того въ Вѣстникѣ Европы 1813 г. помѣщена была его статья о древностяхъ пермскихъ и зырянскихъ. Во время служенія въ Коломнѣ (съ 1813 г.) онъ усердно работалъ надъ своимъ словаремъ писателей и велъ по разнымъ предметамъ, входившимъ въ составъ этого труда, дѣятельную переписку съ русскими учеными и библіографами, Калайдовичемъ, Бантышъ-Каменскимъ, Сопиковымъ и др. Сопиковъ изъ его Словаря цѣликомъ почти заимствовалъ для своей Библіографіи исторію русскаго книгопечатанія. Дѣло съ напечатаніемъ Словаря шло очень вяло, такъ что авторъ порѣшилъ наконецъ раздѣлить свой трудъ на два,—Словарь духовныхъ и Словарь свѣтскихъ писателей; первый ему удалось выпустить въ свѣтъ въ 1818 г., а вто-

рой вышелъ уже послѣ его смерти въ 1846 г. Одновременно съ занятіями по Словарю онъ писалъ ученыя статьи въ Вѣстникъ Европы и въ Труды Общества исторіи и древностей, открылъ и обработалъ нѣсколько новыхъ письменныхъ памятниковъ (напр. Исторію Курбскаго, Хожденіе Даніила, Мстиславову грамату), помогалъ Калайдовичу при изданіи его Русскихъ Достопамятностей, наконецъ занимался обработкой многотруднаго изслѣдованія о славянскихъ библейскихъ переводахъ, которое впрочемъ не было напечатано и почти все пропало въ рукописи.—Въ 1816 г. онъ былъ переведенъ во Псковъ и немедленно занялся псковскими древностями. Плодомъ этихъ занятій были: описанія нѣсколькихъ монастырей Псковской епархіи, Исторія княжества Псковскаго въ 4 частяхъ (напеч. уже въ 1831 г., хотя была готова еще въ 1817) и Лѣтопись Изборска (1825 г.) Особенно усердно онъ занимался здѣсь изученіемъ списковъ Кормчей; изъ записокъ и замѣчаній объ этихъ спискахъ у него составились обширныя тетради, которыми пользовался въ своемъ „Обозрѣніи Кормчей" баронъ Розенкампфъ. Евгеній велъ съ нимъ переписку и въ 1822 г. написалъ для него большую статью объ употребленіи Кормчей въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ россійскихъ. Наконецъ отъ служенія его въ Кіевѣ за описываемое время остались труды: „Описаніе Кіево-Софійскаго собора" (1825) и „Описаніе Кіево-печерской лавры" (1826). Эта изумительная по производительности ученая дѣятельность его еще далеко не закончилась перечисленными трудами,—продолженіе ея видимъ и въ слѣдующее царствованіе. Россійская академія, университеты и разныя ученыя и литтературныя общества наперерывъ приглашали его въ число своихъ членовъ. Его переписка съ русскими учеными и библіофилами была такъ обширна и обильна учеными замѣчаніями и даже новыми открытіями, что можетъ быть тоже внесена въ число его ученыхъ работъ. Около 1813 г. онъ вошелъ въ близкія сношенія и переписку съ знаменитымъ покровителемъ русской науки, графомъ *Н П. Румянцевымъ*, который содѣйствовалъ своими средствами изданію и описанію многихъ памятниковъ старины, въ томъ числѣ и церковныхъ. Румянцевъ называлъ его своимъ „совѣтникомъ, другомъ, учителемъ, лучшимъ судьей" въ историко-археологическихъ работахъ, извѣщалъ его о своихъ занятіяхъ, просилъ совѣтовъ и съ своей стороны снабжалъ его книгами и матеріалами для работъ.

Въ заключеніе этого обзора тогдашней литтературы нельзя не упомянуть о многочисленныхъ письмахъ и мемуарахъ того времени, обрисовывающихъ состояніе церковныхъ дѣлъ при имп. Александрѣ. Таковы письма м. Платона къ Амвросію и Августину, переписка Филарета московскаго съ родными, кн. Голицы-

нымъ и др. лицами, письма самого Голицына къ Августину, Филарету, Серафиму, Фотію, граф. Орловой, барон. Крюднеръ и др., огромная переписка съ разными лицами Евгенія Болховитинова, письма Иннокентія пензенскаго, письма архим. Фотія, переписка Сперанскаго, письма Лопухина къ Сперанскому и мн. другія. Изъ записокъ и воспоминаній обращаютъ на себя вниманіе записки оберъ-прокурора Яковлева, статсъ секретаря Шишкова, архимандрита Фотія, Лопухина, Лубяновскаго, мистика Лохвицкаго, художника Боровиковскаго, И. И. Мартынова и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Начало христіанства въ Россіи.

II. Русская церковь въ удѣльное время до усиленія сѣверо-восточной Руси.

III. Русская церковь въ удѣльное время послѣ усиленія сѣверной Руси до раздѣленія митрополіи.

IV. Московская митрополія.

VI. Московское патріаршество.

VII. Состояніе церкви во время реформы Петра I.

VIII. Русская церковь при преемникахъ Петра.

IX. Состояніе церкви при Екатеринѣ II и Павлѣ I.

X. Состояние церкви при Александрѣ I.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Вмѣсто.*	*Нужно.*
24	23	1128 г.	1228 г.
57	11	случаю	по случаю
64	23	умоляя его	умоляя ихъ
86	7	волостей	волостелей
160	30	право назначить	право назначать
220	16	на три года.	на два года.
251	3	сочиненіе:	сочиненія:
302	7	Но, эти же лекціи слѣлались	Но эти же лекціи сдѣлались
336	17	числовъ	числомъ
425	35	и въ сборахъ	въ сборахъ
500	33	зритъ	зрятъ

